

ПРОПОВѢДИ

(СЛОВА, РѢЧИ И БЕСѢДЫ),

801-19
489

какъ богослужebныя, такъ и внѣбогослужebныя, на
разные случаи изъ церковно-общественной жизни.

Священника Д. Ромашкова.

[Т. 1. 1893-1894]

Изданіе А. Д. Ступина.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

1896.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. 15 Февраля 1896 года.

Цензоръ Священникъ *Григорій Дьяченко*.

13759-0

Предисловіе отъ автора.

Настоящій Сборникъ представляетъ собою тѣ проповѣди, которыя сказаны были нами въ санѣ священства, въ должности настоятеля Петропавловской домово́й церкви, что при бывшей Петровской Сельскохозя́йственной Академіи, нынѣ Московскомъ Сельскохозя́йственномъ Институтѣ, и сказаны преимущественно въ этой церкви, кромѣ лишь двухъ случаевъ, упомянутыхъ нами въ самомъ Сборникѣ. Изъ оглавленія послѣдняго видно, что мы старались, какъ можно болѣе, разнообразить свои темы на тѣ или другіе случаи изъ жизни церковной и государственной, частной и общественной, примѣняясь, насколько возможно, къ характеру того учрежденія, гдѣ пришлось намъ выступить впервые на пастырское поприще служенія людямъ, а также къ потребностямъ этихъ послѣднихъ, какъ своей ближайшей паствы. Правда, кромѣ этихъ, записанныхъ нами въ свое время, проповѣдей, нами сказано было, за тотъ же періодъ служенія, и много другихъ незаписанныхъ до сихъ поръ нигдѣ; но полагаемъ, что и собраннаго уже нами матеріала вполне достаточно для составленія Сборника, который и предлагаемъ здѣсь благосклонному вниманію читателей.

Священникъ *Димитрій Ромашковъ*.

Москва, 1895 года, декабря 21 дня.

РѢЧЬ

при вступленіи въ должность настоятеля Петропавловской домово́й церкви, что при бывшей Петровской Сельскохозяйственной Академіи, нынѣ Московскомъ Сельскохозяйственномъ Институтѣ, въ Петровскомъ-Разумовскомъ, произнесенная передъ всею ночью, послѣ прочтенія съ амвона ставленой священнической грамоты, въ субботу 6-го февраля 1893 года.

Что мнѣ сказать вамъ, братіе, при самомъ вступленіи моемъ къ вамъ въ новомъ званіи духовнаго пастыря и настоятеля святаго храма сего, при самомъ первомъ моемъ духовномъ общеніи съ вами съ этого священнаго мѣста?.. Душа моя въ настоящія минуты такъ переполнена разнообразными живѣйшими чувствами, что не знаешь, на чемъ остановиться и съ чего начать свою рѣчь. На пастырскомъ праздникѣ, каковымъ посправедливости нужно назвать нынѣшній день нашего многочисленнаго собранія въ этомъ храмѣ, о чемъ всего естественнѣе и приличнѣе вести рѣчь пастырю церкви, только что вступающему въ эту должность, какъ не о взаимныхъ обязанностяхъ между нимъ и паствою? Вотъ предметъ, достойный вниманія, какъ со стороны пастыря, такъ и со стороны его пасомыхъ. Но прежде чѣмъ обратиться къ нему съ цѣлю выяснить сущность этихъ обязанностей, составляющихъ то, что мы называемъ пастырствомъ, да будетъ позволено мнѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ о самомъ себѣ лично. Именно я хочу указать на тѣ пути промысла Божія, которые привели меня къ порогу этого святаго храма. Правда, это будетъ уже частный предметъ моей рѣчи, близко касаю-

щійся только меня одного. Нѣкоторымъ изъ васъ онъ, можетъ быть, заранѣе покажется скучнымъ и вообще неинтереснымъ и неназидательнымъ. Но я думаю наоборотъ. Я думаю и постараюсь сдѣлать изъ него назиданіе, полезное если не для всѣхъ людей, то по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Происходя отъ бѣдныхъ родителей свѣтскаго и, притомъ, низшаго рода, помышлялъ-ли я когда нибудь достигнуть столь высокаго сана, какимъ Богъ наградилъ меня теперь? Нѣтъ, конечно! Я этого и помышлять никогда не смѣлъ въ умѣ своемъ. Правда, мысль о духовномъ званіи и пастырскомъ служеніи людямъ у меня давно уже была въ головѣ. Она зародилась тамъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ мои дѣтскіе и отроческіе годы, когда я обучался въ средней свѣтской школѣ—гимназій. Но въ осуществленіе ея въ моей жизни и дѣятельности какъ-то трудно вѣрилось. Это была мечта, излюбленная и дорогая мечта, которую я жилъ и утѣшался всегда въ жизни, но мечта, какъ я думалъ, никогда не осуществимая на дѣлѣ. Думать именно такъ, а не иначе, невольно заставляли меня слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, высота того духовнаго сана, который я получилъ теперь, и проистекающая отсюда, какъ его противоположность, низость моего душевнаго состоянія, которое можно выразить словами: умственное и нравственное убожество и недостойнство; во-вторыхъ, нѣкоторыя условія моей жизни, несоотвѣтствовавшія и неблагопріятствовавшія тому, о чемъ я думалъ постоянно наединѣ съ самимъ собою, — условія жизни, изъ которыхъ главнымъ образомъ меня смущали необезпеченность вишняго быта и скудость матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія себя вообще и продолженія своего образованія въ частности. И однакожь, не смотря на всѣ эти препятствія, коренныя и первостепенныя препятствія, возникшія было на пути къ осуществленію моего искренняго желанія, какъ легко въ послѣднее время они разсѣялись, устраненныя какъ будто невидимою какою-то рукою. Да, по-истинѣ, *невозможная у человека возможна суть у Бога* (Марк. X, 27)!..

Я сказалъ, что мысль о духовномъ званіи у меня постоянно была въ головѣ; но здѣсь нужно замѣтить, что не въ одинаковой степени жилъ я этою мыслию. Была пара (это именно

произошло десять лѣтъ тому назадъ во время обученія моего въ гимназій), когда я, подъ влияніемъ (этой мысли, имѣлъ сильное желаніе, по окончаніи курса въ средней свѣтской школѣ, поступить непременно въ высшую духовную школу для полученія соотвѣтствующаго тамъ духовному званію образованія. Говорю: имѣлъ сильное желаніе, потому что мысль о духовномъ званіи привлекала меня тогда къ себѣ въ наиболѣе высокой степени. Но, видно, по какой-либо причинѣ не суждено мнѣ было свыше осуществиться въ то время моему желанію, какъ бы (оно ни было велико и сильно. Съ одной стороны я чувствовалъ неудовлетворенность своимъ положеніемъ, я видѣлъ и сознавалъ, что нахожусь не на томъ пути, на какомъ мнѣ слѣдовало бы быть; а съ другой, мнѣ чрезвычайно трудно было свернуть въ сторону съ этого прямого, избраннаго и намѣченнаго мною ранѣе, пути, и гораздо легче было продолжать этотъ послѣдній, чѣмъ идти по новому и незнакомому мнѣ. Во мнѣ невольно началась борьба, та душевная борьба, которая происходитъ со всякимъ человѣкомъ, рѣшающимся въ жизни на что-либо важное. Среди этой-то борьбы я долженъ былъ, скрѣпя сердце, помириться съ своей судьбой, выпавшей на мою долю. Я поступилъ вмѣсто Духовной Академіи въ Университетъ. Съ этихъ поръ начинается во мнѣ новый, такъ сказать, фазисъ развитія моей мысли о духовномъ званіи, но—увы,—фазисъ развитія этой мысли не въ лучшую, а въ худшую сторону. Съ поступленіемъ моимъ въ Университетъ, хотя я точно также старался думать и утѣшать себя этою свѣтлою мыслию, но уже почти безъ вѣры и надежды, что она когда-либо осуществится въ моей жизни. Какъ прежде была сильна во мнѣ эта мысль, такъ теперь, т. е., при поступленіи въ Университетъ, она стала слаба. Я жилъ, какъ живутъ обыкновенно всѣ люди. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все слабѣе и слабѣе становилась она у меня. Но вотъ, къ концу учебнаго курса въ Университетѣ, она проявилась у меня съ прежнею силою. То, что я думалъ, никогда не осуществится въ моей жизни, именно мое поступленіе въ высшую духовную школу, совершилось тогда съ необыкновенною легкостію и даже, что особенно замѣчательно, сверхъ всякаго моего ожиданія. Нашлись, къ величайшему

моему утѣшенію, люди, которые приняли живѣйшее участіе въ моемъ положеніи, и я, благодаря этимъ людямъ, которыхъ никогда, конечно, не забуду въ своей жизни, былъ принятъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ Московской Духовной Академіи со стипендіей изъ специальныхъ суммъ Святѣйшаго Синода. Нужно-ли говорить мнѣ здѣсь о томъ, что съ поступленіемъ моимъ въ Духовную Академію мысль о духовномъ званіи стала у меня опять на первомъ планѣ? Я думаю, что это понятно само собою. По крайней мѣрѣ объ этомъ громко говоритъ настоящее событіе. Но прежде чѣмъ я сдѣлался священникомъ, моя мысль о принятіи священнаго сана должна была встрѣтить еще одно направленіе, весьма неблагопріятствующее ея осуществленію. Это былъ, такъ сказать, послѣдній фазисъ ея развитія во мнѣ. Я говорю о томъ періодѣ моей жизни, который протекъ со дня окончанія мною курса въ Духовной Академіи до дня опредѣленія моего въ санъ священника. Въ этотъ періодъ развитіе моей излюбленной мысли было, можно сказать, не особенно быстрое и успѣшное. Почти на каждомъ шагу представлялись ей неодолимыя препятствія, которые невольно заставляли меня отказываться отъ нея, если не навсегда, то на болѣе или менѣе продолжительное время. Замѣчательно здѣсь то обстоятельство, что это развитіе ея у меня было все время не одинаковое: оно то усиливалось во мнѣ, то ослабѣвало; и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока наконецъ моя мысль не осуществилась окончательно на самомъ дѣлѣ, осуществилась притомъ безъ всякаго участія съ моей стороны. Да будетъ извѣстно вамъ, братіе, что я прихожу къ вамъ въ санъ духовнаго пастыря не по своей собственной волѣ и желанію, а по желанію и волѣ нашего Архипастыря, ¹⁾ которому угодно было поставить меня на это мѣсто. Въ этомъ послѣднемъ событіи, равно какъ и во многихъ другихъ, случившихся въ моей жизни, я вижу чудесные пути Промысла Божія, который, хотя тайно и непостижимо, но тѣмъ не менѣе оцутительно и благотворно, велъ меня къ опредѣленной цѣли. Такъ, — по-истинѣ, я дол-

¹⁾ Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Митрополита Московскаго и Коломенскаго.

женъ сказать здѣсь вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ: *отъ Господа стопы человѣку исправляются, и пути его восхождутъ злы* (Пс. XXXVI, 23), т. е., Господь *утверждаетъ стопы* человѣка для временнаго его пребыванія здѣсь — на землѣ. Онъ же всегда и *благоволитъ къ пути его*, лишь бы только этотъ путь не расходился съ путями Божиими. Другими словами: какъ для всѣхъ людей вообще Богъ *назначаетъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію*. (Дѣян. XVII, 26), такъ точно и о каждомъ человѣкѣ въ отдѣльности онъ отечески печется и заботится, направляя его путь на все доброе и полезное въ жизни. Какой-же нравственный выводъ можно сдѣлать изъ всего, сказаннаго мною доселѣ? А такой, что нужно прежде всего твердо вѣровать въ Промыслъ Божій, такъ или иначе обнаруживающійся въ жизни каждаго человѣка на землѣ, — Промыслъ Божій, которымъ мы, по слову Апостола, *живемъ и движемся и существуемъ* (Дѣян. XVII, 28). Затѣмъ намъ нужно, при этой вѣрѣ, сообразовать свою волю съ волею Божіею и непремѣнно надѣяться на ея исполненіе въ будущемъ. Намъ нужно остерегаться въ этомъ случаѣ болѣе всего своеволія, возстающаго иногда противъ Бога и рассуждающаго, почему именно случилось съ нами не такъ, какъ намъ хотѣлось бы, а совершенно иначе. Богъ знаетъ лучше насъ, какимъ путемъ вести Ему человѣка къ послѣдней цѣли существованія его въ этомъ мірѣ. Съ нашей стороны должна быть всецѣлая покорность Ему въ этомъ отношеніи и полная преданность въ Его святую волю. Лишь бы только мы *предали Господу путь свой и надъялись на Него*, — и Онъ *совершитъ* (Пс. XXXVI, 5). Рано или поздно, смотря по тому, конечно, насколько мы будемъ достойны по своимъ дѣламъ, Онъ *дастъ* намъ видѣть *исполненіе желанія по сердцу нашему, и выведетъ, какъ свѣтъ, правду нашу, и справедливость нашу, какъ полдень* (Пс. XXXVI, 4. 6). Таково, братіе, назиданіе, какое я хотѣлъ вывести изъ того обстоятельства моей жизни, что сначала я шелъ къ своей цѣли не тѣмъ путемъ, какимъ обыкновенно идутъ прочіе люди, а другимъ, нѣсколько отличнымъ отъ него. Изъ того же обстоятельства, что я достигнулъ этой цѣли, будучи не духовнаго, а свѣтскаго происхожденія, я хочу здѣсь вывести еще слѣдующее назиданіе.

Давно уже прошло то время, когда въ Церковь Божию, въ качествѣ ея служителей и представителей, могли входить только люди одного сословія, нѣкогда избраннаго для этой цѣли Самимъ Господомъ. Время это было, какъ извѣстно, ветхозавѣтное, когда существовала также Церковь и въ ней особое сословіе духовенства, которое должно было вести народъ къ опредѣленной цѣли, именно: воспитывать его въ вѣрѣ въ грядущаго Спасителя. Вотъ для этой-то цѣли и служило духовное сословіе, родоначальникомъ котораго былъ братъ Моисея, первосвященникъ Ааронъ. Изъ дома Аароновыхъ выходили всѣ ветхозавѣтные священники, приносившіе жертвы истинному Богу и воспитывавшіе народъ въ понятіяхъ об истинномъ Мессіи. Затѣмъ, для той же цѣли служило, такъ называемое, сословіе *левитовъ*, которые вели свое происхождение отъ колѣна Левіина. Они представляли изъ себя низшихъ членовъ духовенства, которымъ поручены были разныя служебныя обязанности въ храмѣ во время богослуженія священниковъ. Указанное нами сословіе было, дѣйствительно, единственнымъ духовнымъ сословіемъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, предназначеннымъ для цѣлей пастырскаго служенія Самимъ Господомъ. Поэтому оно было сословіемъ вполне замкнутымъ и отрѣшеннымъ отъ свѣтскаго общества въ смыслѣ пополненія его новыми членами, — сословіемъ, надѣленнымъ особыми правами и преимуществами въ сравненіи съ другими и жившимъ отдѣльно и независимо отъ другихъ жизнью. Въ него не могли вторгаться безъ наказанія люди другихъ сословій, равно какъ и выходить изъ него безъ всякаго на то права. Такъ было, какъ показываетъ намъ ветхозавѣтная исторія, все время съ установленія въ ней Церкви Божіей, до наступленія новозавѣтныхъ дней съ явленіемъ на землѣ Христа Спасителя, Который учредилъ Свою особую Церковь, получившую окончательный видъ уже при Апостолахъ, послѣ сошествія на нихъ Святаго Духа. Что-же мы видимъ въ этой послѣдней? Съ самаго начала своего существованія Церковь Христова никогда не возбраняла, напротивъ, весьма одобряла практиковавшійся обычай поступленія въ ряды ея служителей лицъ свѣтскаго званія. Въ самомъ дѣлѣ: вспомнимъ, при какихъ обстоятельствахъ учреждена на землѣ Христомъ Спа-

сителемъ нашимъ идея пастырства и сословіе духовенства, какъ имѣющее носить и воплощать въ себѣ эту идею. Какъ прежде въ Ветхомъ Завѣтѣ существовали домъ Аароновъ и колѣно Левіино, которые были предназначены для священства и служенія Богу, такъ теперь въ Новомъ Завѣтѣ для той же цѣли Христосъ избралъ изъ массы народной извѣстныхъ людей, привлеченныхъ Его ученіемъ, людей, одаренныхъ различными духовными дарованіями и отличавшихся различными сердечными склонностями. Но кто такие были эти люди? Изъ какого званія они происходили? Они были свѣтскаго и, при томъ, низшаго званія. Они были простыми и неучеными рыбаками галилейскими, взятыми на пастырское поприще отъ ихъ житейскихъ трудовъ, которыми они питали самихъ себя и свои семейства. Эти-то избранники, наименованные *апостолами*, были первыми христіанскими пастырями, наученными Самимъ Иисусомъ Христомъ, Который сдѣлалъ ихъ „ловцами чловѣковъ“ (Матѣ. IV, 18—22; Мар. I, 16—20; Лук. V, 1—11; Матѣ. IX, 9.). Не смотря на первоначальную грубость и неприготовленность апостоловъ къ дѣлу евангельской проповѣди, Иисусъ Христосъ, какъ говоритъ евангелистъ Маркъ, *призва, ихже хотяше самъ; и приидоша къ Нему. И сотвори дванадесяте, да будутъ съ Нимъ, и да посылаетъ ихъ проповѣдати* (Марк. III, 13—14). Послѣ апостоловъ дѣло пастырскаго служенія людямъ продолжали ихъ преемники — епископы и пресвитеры. Впослѣдствіи, когда число учениковъ и послѣдователей Христовыхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, въ рядахъ людей, привлеченныхъ на пастырское служеніе въ Церкви Христовой, мы видимъ также много лицъ изъ разныхъ другихъ сословій и званій. Здѣсь были: высокообразованные философы и малообразованные поселяне, князья и бояре, купцы и ремесленники и т. п. Такъ, Господь разрушилъ то средостѣіе которое существовало нѣкогда между духовенствомъ и народомъ, уничтоживъ прежнее ветхозавѣтное сословіе и замѣнивъ его новымъ, свойственнымъ свободному положенію членовъ въ Церкви Христовой на землѣ. Какъ вообще доступъ въ эту Церковь сдѣлался теперь легокъ для всѣхъ, желающихъ быть членами ея въ Церкви Христовой, по

слову Апостола, *нѣтъ Еллинъ, ни Иудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, Варваръ и Скиѣвъ, рабъ и свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. III, 11): такъ точно въ частности и сословіе духовенства освободилось отъ тѣхъ узъ, которыя стѣсняли его прежде и дѣлали невозможнымъ поступленіе въ него изъ другихъ сословій. Теперь оно не представляетъ уже такого тѣсно замкнутаго общества, какимъ было въ ветхозавѣтное время. Наше духовенство не мертвая и не неподвижная какая-либо каста, условія существованія которой такъ рѣзко опредѣлены были законами въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, а живое и свободное общество, постоянно пополняемое новыми и свѣжими силами изъ всѣхъ сословій. Впродолженіе девятнадцативѣковаго періода христіанства можно видѣть многочисленные примѣры поступленія въ духовное сословіе, въ ряды какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства, лицъ свѣтскаго званія. Но, не смотря на такое, повидимому, очевидное доказательство нашей мысли о свободномъ доступѣ къ пастырскому служенію лицъ всякаго званія и положенія въ обществѣ, лишь бы только они были болѣе или менѣе достаточно подготовлены къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ и вообще достойны этого великаго сана, находятся, къ величайшему сожалѣнію, люди, которые, въ силу какого-то суевѣрнаго обычая, глубоко укоренившагося среди насъ, считаютъ поступленіе людей свѣтскаго званія въ ряды духовенства чѣмъ-то предосудительнымъ и недозволеннымъ, вообще несообразнымъ съ принятымъ порядкомъ церковно-общественной жизни. Такой взглядъ на Церковь и на представителей ея—духовенство показываетъ намъ всю ненормальность отношеній, существующихъ нынѣ между пастырями и пасомыми. Онъ есть, по нашему мнѣнію, одна изъ главныхъ причинъ такого ненормальнаго отношенія между тѣми и другими. Дѣйствительно: не потому-ли замѣчается въ настоящее время такая глубокая пропасть между ними и чувствуется такая великая рознь въ ихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ,—рознь, которая отражается не только въ современной теоретической, но и практической жизни людей вѣрующихъ? Не потому-ли, спрашиваемъ мы, происходитъ это печальное явленіе, что два вышеупомянутыя теченія общественной жизни совершенно расходятся въ своемъ

источномъ началѣ? Да, это происходитъ именно оттого, что мало или почти нѣтъ ничего общаго между тою и другою половиною рода человѣческаго, между духовными и свѣтскими лицами! Думаютъ, что духовное и свѣтское сословіе могутъ идти каждое врознь безъ ущерба ихъ внутреннему и внѣшнему развитію. Думаютъ обосновать ихъ каждое отдѣльно независимо отъ ихъ прямого и общаго назначенія. Но какое коренное заблужденіе! Такъ ли должно быть на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, не такъ! Между ними долженъ быть заключенъ тѣсный союзъ. Они должны быть одушевлены одною общею цѣлію. Что такое духовное и свѣтское сословіе? Не ошибемся, если сравнимъ ихъ съ душою и тѣломъ въ нашемъ организмѣ, который, какъ извѣстно, требуетъ постоянно живой и тѣсной связи между этими двумя частями, входящими въ составъ его, для того, чтобы онъ [могъ] продолжать свое существованіе здѣсь—на землѣ. Кто-же послѣ этого рѣшится утверждать, что появленіе свѣтскихъ людей въ рядахъ духовенства ненормальное явленіе въ Церкви? Нѣтъ, братіе, Церковь Христова, какъ прежде, такъ и теперь, съ любовію призываетъ въ свое лоно всѣхъ людей, кто бы они ни были. Она не отказываетъ также и тѣмъ, кто желаетъ въ ней пастырства и учительства, лишь бы только, говоримъ, они были тщательно приготовлены къ этому дѣлу, лишь бы только они имѣли усердное желаніе служить Богу и ближнему. Намъ нужно поэтому желать и молить Господа, чтобы не уменьшалось, а какъ можно болѣе увеличивалось количество такихъ людей въ нашемъ отечествѣ. Да выходятъ же на пастырское поприще всѣ, кто только чувствуетъ въ своей душѣ какое-либо призваніе къ нему Божіе! Да не стѣсняются при этомъ тѣми внѣшними преградами, которыя нѣкогда существовали въ Церкви и которыя теперь совершенно уничтожены въ ней! Да не забываютъ, что мы живемъ нынѣ въ совсѣмъ другое, болѣе благоприятное въ этомъ отношеніи, время, чѣмъ жили наши предки! Условія поступленія въ духовное званіе находятся въ настоящее время въ гораздо лучшемъ состояніи, нежели въ какомъ они находились нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Нынѣ стараются не разъединять, а сближать между собою духовенство и народъ. Потому въ дѣлѣ поступленія въ

духовное званіе и предоставлена такая широкая свобода людямъ всѣхъ сословіи и званій. Потому-то они и пользуются въ этомъ отношеніи такими великими правами и преимуществами. При такомъ только условіи, — замѣтимъ здѣсь еще, — и возможно болѣе или менѣе полное осуществленіе идеи пастырства, учрежденнаго на землѣ Христомъ Спасителемъ нашимъ. А то какимъ образомъ она можетъ быть осуществлена при той замкнутости и разъединенности, которая существовала у насъ долгое время, да и теперь еще отчасти продолжаетъ существовать между этими двумя сословіями? Можетъ-ли быть достигнута при этомъ та высокая цѣль Церкви, на которую указалъ Христосъ Спаситель словами: *и будетъ едино стадо, и единъ пастырь* (Іоан. X, 16), — когда мы видимъ съ одной стороны духовныхъ пастырей, преслѣдующихъ свои цѣли и интересы, съ другой — пасомыхъ, преслѣдующихъ точно также свои, идущія въ разрѣзъ съ первыми? — Когда между тѣми и другими нѣтъ ничего общаго не только въ дѣлахъ и словахъ, но даже и въ мысляхъ и чувствахъ? Нѣтъ, братіе, я долженъ сказать вамъ здѣсь отъ имени общаго для всѣхъ насъ Пастыреначальника Господа нашего Иисуса Христа, что союзъ между всякимъ пастыремъ и его пасомыми тогда только можетъ быть крѣпокъ и проченъ, когда въ основѣ его будетъ лежать одна и таже высокая цѣль и когда онъ будетъ одухотворяться дѣятельною истинно-христіанскою любовію съ той и другой стороны. Иначе сказать: когда пастырь и его пасомые будутъ не только знать, но и исполнять тѣ взаимныя обязанности, которыя существуютъ между ними. Какія именно эти обязанности, я постараюсь изложить въ бесѣдѣ съ вами завтра.

С Л О В О

произнесенное послѣ совершенія въ первый разъ божественной литургіи въ Петропавловской, что въ Петровскомъ-Разумовскомъ церкви, въ воскресенье 7-го февраля 1893 года.

О взаимныхъ обязанностяхъ пастырей и пасомыхъ,

Въ настоящій разъ приступимъ къ раскрытію тѣхъ взаимныхъ обязанностей, которыя существуютъ между духовными пастырями и ихъ пасомыми и которыя составляютъ тѣсный союзъ между ними.

Первая и главная обязанность всякаго духовнаго пастыря есть та, чтобы онъ былъ *истиннымъ*, а не ложнымъ пастыремъ, другими словами, чтобы онъ былъ *призванъ* на свое служеніе Самимъ Господомъ, а не былъ имъ такимъ по своему волю и самочинію. Иисусъ Христосъ, — этотъ образецъ для всѣхъ пастырей и пасомыхъ, — сказалъ однажды іудеямъ: *аминь аминь глаголю вамъ: не входий дверми во дворъ овчій, но прелазя иудѣ, той татъ есть и разбойникъ. А входий дверми, пастырь есть овцамъ* (Іоан. X, 1—2). Относительно этой пастырской обязанности св. Димитрій Ростовскій, говоря о признакахъ или свойствахъ добраго пастыря, замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „могутъ обрѣтаться и такіе пастыри, которые не дверями вошли во дворъ овецъ словесныхъ, и что-такое двери двора овчаго, объ этомъ Самъ Христосъ говоритъ о Себѣ такъ: *азъ есмь дверь: мною аще кто внидетъ, спасется: и внидетъ и изыдетъ, и пажитъ обрящетъ* (Іоан. X, 9). И кто тѣми дверями на пастырскую честь во дворъ овчій входитъ? Тотъ, кто по благоволенію Самого Христа на святительство санъ избираемый и возводимъ бываетъ. Кто-же есть не входящій дверями, но перелазящій иудѣ? Тотъ, кто не по изволенію Христову, но по мздѣ и помощи мірскихъ властей, данію удобренныхъ, и какимъ-либо коварствомъ святительства санъ принимаетъ, тотъ воръ есть и разбойникъ, а не пастырь: воръ, ибо крадетъ тайнокуп

ствомъ санъ святительскій; разбойникъ, кто грабитъ овецъ своихъ, съ цѣлю обогатиться; не пастырь, ибо не овецъ пасеть, но себя самого питаетъ, для того чтобы ожирѣть, по толстѣть“¹⁾...

Итакъ первая и главная обязанность всякаго пастыря, составляющая, по словамъ Христа Спасителя, вѣрный признакъ *добраго* или истиннаго пастыря, это—именно та, что онъ долженъ входить во дворъ овчій чрезъ единственную дверь—Христа. Но не всякій пастырь, нужно замѣтить, бываетъ добрымъ или истиннымъ пастыремъ, приходящимъ чрезъ дверь — Христа. Онъ бываетъ такимъ только тогда, когда дверью входить во дворъ овчій, т. е., православную Церковь Христову, иначе когда поставляется на свое служеніе благодатнымъ избраніемъ, или посвященіемъ, ибо, по слову Апостола Павла, *никтоже самъ себя пріемлетъ честь, но званій отъ Бога, якоже и Ааронъ* (Евр. V. 4). Нынѣ, какъ извѣстно вамъ, многіе называютъ себя учениками и послѣдователями Христа Спасителя и, нося Его имя, стараются войти въ ограду Церкви, быть вѣрующими христіанами, но не всѣ такіе люди достойны бываютъ этого, по-истинѣ, высокаго званія. Нѣкоторые же изъ нихъ, къ прискорбію нужно сказать, вторгаются даже въ ряды служителей Церкви, вторгаются, конечно, незаконно и противоестественно, съ погубелью для самихъ себя и другихъ людей. Почему-же? Да потому именно, что всѣ они принадлежатъ не къ истинной православной Церкви Христовой, въ которой одной только существуетъ богоучрежденное пастырство, а составляютъ своевольное и самочинное сборище людей, хотя, можетъ быть, искренно вѣрующихъ во Христа Спасителя и горячо преданныхъ Ему, но пребывающихъ во тьмѣ невѣдѣнія и заблужденія и потому упорно закоснѣвающихся и погибающихъ. Мы не говоримъ уже о представителяхъ духовенства въ католичествѣ и протестанствѣ—этихъ двухъ главныхъ видахъ западнаго вѣроисповѣданія, въ которыхъ идея пастырства, подъ влияніемъ

¹⁾ Слово свят. Димитрія, митроп. Ростовскаго, на пречестную память иже во святыхъ отца нашего Леонтія, еп. Ростовскаго чуд. Отдѣляялъ брошюра. Москва 1892 года. Стран. 12.

разныхъ вѣковъ и людей, затемнялась и искажалась до неузнаваемости и въ настоящее время отодвинулась слишкомъ далеко отъ общаго прототипа или образца, преданнаго намъ въ Евангеліи Самимъ Иисусомъ Христомъ. Не упоминаемъ мы также о представителяхъ духовенства въ нашемъ русскомъ расколѣ или старообрядествѣ, которое отдѣлилось отъ господствующей православной Церкви и не имѣетъ съ нею ничего общаго вотъ уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ. Въ нихъ все таки эта идея, не смотря на коренныя заблужденія всѣхъ этихъ христіанъ, сохранилась въ цѣлости до нашихъ дней. Мы хотимъ здѣсь указать на представителей духовенства у тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ сектъ, которыя существуютъ въ нашемъ отечествѣ и у которыхъ идея пастырства совсѣмъ искажилась и потерялась изъ виду,—сектъ, каковы, напр., пашковщина, штундизмъ, толстовщина и т. п. Въ самомъ дѣлѣ: могутъ-ли быть названы истинными пастырями представители этихъ сектъ, отвергающихъ таинство священства въ истинной Христовой Церкви и старающихся его замѣнить простымъ обрядомъ, совершаемымъ непосвященными на то свѣтскими лицами разнаго званія и чина, когда и какъ кому изъ нихъ ни заблагоразсудилось бы въ жизни? Нѣтъ, братіе, я долженъ сказать вамъ здѣсь отъ имени общаго для всѣхъ насъ Пастыреначальника Господа нашего Иисуса Христа, что всѣ такіе и имъ подобные пастыри не суть истинные пастыри, а суть воры и разбойники, незаконно вторгнувшіеся въ нашу Православную Церковь, грабящіе и расхищающіе ея внутреннее достояніе — истинныхъ и вѣрныхъ чадъ, искупленныхъ драгоцѣнною кровію Христовою и состоящихъ подъ руководствомъ и попеченіемъ своей матери—Христовой Церкви. Много нужно имѣть нынѣ каждому духовному пастырю бдительности и осторожности для того чтобы сохранить ввѣренное ему стадо отъ этихъ волковъ хищныхъ, рыскающихъ въ нашемъ отечествѣ и ищущихъ кого-либо поглотить или завлечь въ свои погубельныя сѣти. Но нельзя не видѣть также того, что много уже въ настоящее время выхвачено жертвъ со стороны этихъ самыхъ христіанъ, — жертвъ, которыя когда то находились въ оградѣ Православной Церкви, были ея искренними и

горячими приверженцами и послѣдователями, а теперь находятя слишкомъ далеко отъ нея и притомъ въ качествѣ ожесточенныхъ и упорныхъ ея враговъ. Помолимся, братіе, о томъ, чтобы Господь вразумилъ этихъ заблудшихъ сыновъ Православной Церкви, вложилъ въ сердца ихъ страхъ. Свой божественный и направилъ ихъ на путь истины тѣмъ или инымъ способомъ Своего Божественнаго о всѣхъ людяхъ Промышленія...

Изъ разсмотрѣнныхъ нами словъ Христа Спасителя о пастырствѣ видно, что каждый пастырь чрезъ единственную дверь—Христа непременно долженъ входить во дворъ овчій—православную Христову Церковь, учрежденную Имъ на землѣ для цѣли вѣчнаго спасенія всѣхъ людей вообще и для цѣли пастырскаго служенія имъ въ частности. Изъ дальнѣйшихъ словъ Его о томъ же видно, что Христосъ долженъ быть дверью для пастырей не только тогда, когда они входятъ во дворъ овчій въ первый разъ, но и во все время пребыванія ихъ тамъ. Что это значитъ? Это значитъ, что Христосъ долженъ быть живымъ и постояннымъ образцемъ для всякаго пастыря въ его пастырской жизни и дѣятельности, — образцемъ, взирая на который, онъ долженъ по мѣрѣ силъ своихъ приближаться къ нему все болѣе и болѣе. Истинный пастырь, по словамъ Христа, *своя овцы глашаетъ по имени, и изгонитъ ихъ. И егда своя овцы изженетъ, предъ ними ходитъ* (Іоан. X, 3—4). Изъ этихъ словъ Спасителя открываются обязанности духовнаго пастыря не менѣе важныя, чѣмъ только что разсмотрѣнныя нами,—обязанности, которыя кратко можно выразить слѣдующими словами: *знаніе* пастыремъ своихъ овецъ, врученныхъ ему отъ Бога, и *хожденіе* его предъ ними.

Истинный пастырь, во-первыхъ, *глашаетъ*, т. е., *кличетъ по имени своя овцы*. „Это значитъ, что онъ знаетъ хорошо каждую овцу, заботливость его о словесномъ стадѣ простирается на каждую душу отдѣльно. Онъ отнюдь не походитъ на тѣхъ ложныхъ филантроповъ, которые мечтаютъ о благѣ человечества и не хотятъ знать человѣка; онъ не поставляетъ своего долга только въ томъ, чтобы со словомъ утѣшенія,

вразумленія, обличенія обращаться къ собранію вѣрренныхъ его попеченію людей; нѣтъ, онъ старается сблизиться съ каждымъ изъ нихъ, узнать нужды, скорби и болѣзни каждаго и быть полезнымъ для каждаго не общими только совѣтами и наставленіями, а и частными, примѣнительно къ его особенному, личному состоянію. Такое знакомство съ каждымъ изъ пасомыхъ, безъ сомнѣнія, требуетъ отъ пастыря гораздо больше трудовъ и усилій, чѣмъ еслибы онъ сталъ имѣть дѣло со всѣми ими въ совокупности. Но потому-то онъ и есть истинный пастырь, что не уклоняется отъ этихъ трудовъ. Нужно-ли говорить, что образцемъ столь усердной и исполненной любви къ каждому пастырской ревности явился Господь Иисусъ Христосъ“¹⁾?

Истинный пастырь, во-вторыхъ, *предъ овцами ходитъ*, т. е., „онъ не только словомъ и ученіемъ открываетъ предъ ними средства спасенія, но и примѣромъ своей жизни показываетъ имъ, какъ надобно — пользоваться этими средствами. Онъ отнюдь не походитъ на тѣхъ лжепастырей, о которыхъ при другомъ случаѣ Спаситель сказалъ: *вся, елика аще рекуть вамъ блости, соблюдайте и творите: но дѣломъ же ихъ не творите: глаголютъ бо и не творятъ* (Матѣ. XXIII, 3). Истинный пастырь самъ идетъ впереди стада по тому пути, на который приглашаетъ своею проповѣдію, и своимъ примѣромъ облегчаетъ имъ шествіе по этому пути. Посему Христосъ Пастыреначальникъ сказалъ о Себѣ: *образъ дахъ вамъ, да якоже азъ сотворихъ вамъ, и вы творите* (Іоан. XIII, 15). Подобно Христу и каждый истинный пастырь говоритъ пасомымъ если не словомъ, то жизнію: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. XI, 1), или: „подражайте мнѣ, братія, и смотрите на тѣхъ, которые поступаютъ такъ, какъ вы насъ видите (Фил. III, 17)²⁾“... О пастырской обязанности—*хожденіи предъ овцами* мы находимъ еще у св. Димитрія Ростовскаго слѣдующее прекрасное разсужденіе. „Что пастырь предъ овцами долженъ ходить, — говорить этотъ святитель, — это значитъ,

1) „Сборникъ для любителей духовнаго чтенія“ .Прот. В. П. Нечаева, бывшій пресвѣщ. Виссаріона, Еп. Костромскаго. Москва 1884 г., стр. 5.

2) Тамъ же стр. 6.

что онъ долженъ быть первымъ во всѣхъ добродѣтеляхъ, а не оставаться позади всѣхъ ихъ, такъ чтобы онъ былъ образецъ овцамъ, а не овцы ему. Ибо увѣщаетъ каждого пастыря Апостолъ, говоря: *образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. IV, 12). Ты, сказалъ, будь образцемъ инымъ, а не онъ кто-тебѣ. Ибо стыдно наставнику отъ наставляемаго наставляться и учителю отъ ученика учиться, и пастырю стыдно, если овцы его въ подвигахъ предваряютъ, и въ богоугожденіяхъ будетъ кто отъ нихъ бодрѣ, а пастырь лѣнивѣ; овца постничествуетъ, а пастырь дозволяетъ себѣ разрѣшеніе на все; овца угождаетъ Богу, а пастырь суетнымъ угождаетъ чловѣкамъ, или своему чреву, овца проходитъ путь тѣсенъ и прискорбенъ, а пастырь путемъ пространнымъ шествуетъ. Такой пастырь не предъ овцами ходитъ, но овцы предъ нимъ идутъ и предваряютъ его въ небесное царство, а онъ далеко отъ нихъ остается, даже не достигаетъ ихъ. Итакъ, стыдно такому пастырю, не предъ овцами, но послѣ овецъ, ходящему, даже не достигающему житія ихъ добродѣтельнаго. Въ особенности же стыдно будетъ ему тогда, когда онъ увидитъ овецъ своихъ поставляемыхъ по правую сторону праведнаго Судіи, себя же немилостиво влекомаго на лѣвую; тѣхъ въ царство призываемыхъ, себя же на муки осужденнаго. Потому-то доброму пастырю велитъ святое Евангеліе предъ овцами ходить, то есть первѣйшему во всѣхъ добродѣтеляхъ быть, чтобы овцы, взирая на него, какъ на образъ истиннаго богоугожденія, послѣдовали ему, какъ предводителю своему во спасеніе ¹⁾. Нужно-ли присоединять что-либо еще къ этимъ словамъ святителя, изъясняющимъ обязанность духовнаго пастыря, возложенную на него Самимъ Верховнымъ Пастыреначальникомъ? Они и безъ того, по нашему мнѣнію, вполне убѣдительны для каждого. Замѣтимъ здѣсь отъ себя только вотъ что. Пастырскія обязанности знанія овецъ и хожденія предъ овцами нынѣ всѣ хорошо усвояютъ умомъ, но не всѣ исполняютъ, какъ слѣдуетъ, на дѣлѣ. Между тѣмъ какъ отъ выполненія ихъ на дѣлѣ и зависитъ полное переустройство и преобра-

¹⁾ См. вышеуказанное слово св. Димитрія Ростовскаго. Стри. 12—13.

зованіе нашей общественной жизни по тѣмъ началамъ и образцамъ, которые преподаны намъ въ Евангеліи. Нынѣ вездѣ, какъ слышно, требуютъ живого и дѣятельнаго примѣра, по которому могли бы слѣдовать остальные люди. Кто-же долженъ представлять или, такъ сказать, воплощать въ своей жизни этотъ примѣръ, какъ не пастырь? Мало того, что онъ долженъ учить своихъ прихожанъ словомъ; онъ долженъ еще учить ихъ и житію, по заповѣди Христовой: *уже сотворитъ и научитъ, сей велий наречетъся въ царствѣи небесныхъ* (Матѣ. V, 19). Къ этому онъ побуждается не только важностію обязанностей, возложенныхъ на него свыше, но и самымъ названіемъ своимъ. Что-такое пастырь? „Прекрасное наименованіе пастырскаго служенія происходитъ отъ одного греческаго слова, которое значитъ „пасти стадо“, и прежде всего есть имя, выражающее подлинный характеръ Христа, Который есть добрый или истинный пастырь. Оно однозначуще съ именемъ „учитель“ и указываетъ на добрыя, родственныя и ласковыя отношенія пастыря и учителя къ своей паствѣ; на его любовь къ пасомымъ, на удовлетвореніе ихъ высшихъ потребностей ихъ души и сердца; на его скорѣе сердечныя, духовныя, нежели официальные отношенія къ нимъ... Въ понятіи „пасти стадо“ содержится: 1) питаніе, кормленіе; пастыремъ называется тотъ, кто питаетъ или наставляетъ души въ божественной истинѣ; онъ долженъ кормить свое стадо подобно пастуху;—2) любовь или симпатія. Эту отличительную черту идеи пастыря мы можемъ замѣтить въ отношеніяхъ между пастухами и овцами въ восточныхъ странахъ: онѣ знаютъ его голосъ и слѣдуютъ за нимъ, какъ-бы по веревкѣ, привязанной къ нему своими глубочайшими инстинктами и влеченіями. Истинный пастырь, поэтому, тотъ, кто живетъ всегда съ своими овцами и любитъ ихъ ¹⁾“. Въ этомъ именно смыслѣ и сказалъ Христосъ Спаситель про истиннаго пастыря, что онъ *своя овцы ищетъ по имени, и изгонитъ ихъ. И егда своя овцы ижденетъ, предъ ними ходитъ...*

¹⁾ „Записки по пастырскому богословію“, Архимандрита Борнеа. Выпускъ первый. Кіевъ 1891 года Стр. 28—29.

Наконецъ, послѣдняя и наивысшая обязанность духовнаго пастыря по отношенію къ пасомымъ состоитъ въ его *самоотверженіи* и *самопожертвованіи* ради ихъ спасенія, по слову Христову: *Азъ есмь пастырь добрый: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. X, 11. 15). „Образы изъ жизни пастушеской не совсѣмъ соотвѣтствуютъ тому, что здѣсь говорится о пастырѣ добромъ. Ибо если пастухи и сражаются иногда за овецъ съ хищными животными, какъ напр., Давидъ выходилъ на львовъ и медвѣдей, нападавшихъ на овецъ (1 Цар. 17, 35; слич. Ам. 3, 12); то это не значитъ, чтобы они хотѣли положить жизнь свою за овецъ: ни одинъ пастухъ не согласится добровольно на такую жертву, которой не стоитъ жизнь безсловеснаго животнаго. Но великій пастырь словесныхъ овецъ (Евр. XIII, 20), Господь нашъ Иисусъ Христосъ, такъ любитъ ихъ, что жизнь Свою полагаетъ за нихъ и притомъ добровольно, ибо, какъ Самъ Онъ говоритъ, „никто не отнимаетъ ея у Него, но Онъ Самъ отдаетъ ее (Іоан. X, 18) ¹⁾“. Подобно Пастыреначальнику—Христу, Который положилъ нѣкогда Свою душу за овцы, за всѣхъ людей на свѣтѣ, и каждый истинный пастырь долженъ поступать въ этомъ отношеніи точно также. Забота и попеченіе его объ овцахъ должны простираются до готовности, еслибы это нужно было, положить за нихъ самую жизнь свою. Во всякомъ случаѣ онъ не долженъ кривить своею пастырскою совѣстію, не долженъ въ одно и то же время служить Богу и міру изъ-за эгоистическихъ и своекорыстныхъ какихъ-либо расчетовъ и интересовъ. „Третій признакъ добраго пастыря,—говоритъ тотъ-же святитель Димитрій, слова котораго мы приводили уже здѣсь,—состоитъ въ томъ, чтобы душу свою за врученныхъ себѣ овецъ полагать, по слову Господню: *пастырь душу свою полагаетъ за овцы*, и если пастырю повелѣвается отъ Господа души своей не щадить ради овецъ: то тѣмъ болѣе подобаетъ ему имѣнія своего не жалѣть, но на милостыню употреблять овцамъ нищимъ и убогимъ, сирымъ и вдовицамъ, больнымъ и страннымъ ²⁾“... Нужно-ли гово-

¹⁾ См. вышеуказанный „Сборникъ для любителей духовнаго чтенія“. прот. В. Печасва. Стран. 10.

²⁾ См. вышеуказанное Слово св. Димитрія Ростовскаго. Стран. 13.

рить здѣсь о томъ, что принципомъ или руководящимъ началомъ при исполненіи этой обязанности должна быть *любовь* христіанская? Это ясно само собою. По слову Христа, *болыи сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13). Таковы обязанности духовныхъ пастырей по отношенію къ своимъ пасомымъ, обязанности, которыя мы находимъ въ словѣ Божіемъ. Въ томъ же словѣ Божіемъ находятся, какъ извѣстно, и обязанности пасомыхъ по отношенію къ своимъ пастырямъ. Раскроемъ здѣсь эти обязанности.

Первая обязанность пасомыхъ состоитъ, по словамъ Христовымъ, въ *знаніи* своихъ пастырей: *Азъ есмь пастырь добрый... и знаютъ мя моя* (Іоан. X, 14), т. е., овцы, принадлежація Мнѣ. „Вотъ первый признакъ добрыхъ истинныхъ Христовыхъ овецъ,—говоритъ св. Димитрій Ростовскій,—это именно то, чтобы пастыря своего Христа Спасителя знать“ ¹⁾. „Знать Господа Иисуса можно двоякимъ образомъ, т. е., знать то, что говорится о Немъ въ Евангеліи, знать событія Его земнаго служенія; или можно знать Его внутренно, опытно, на самомъ себѣ лично испытать, что Онъ есть мой Спаситель, что Онъ во мнѣ живетъ и дѣйствуетъ. Перваго рода знаніе Иисуса доступно и невѣрующимъ въ Него; а послѣднее только истинно вѣрующимъ въ Него и любящимъ Его (1 Іоан. IV, 8). Оно-то, безъ сомнѣнія, и разумѣется въ словахъ: *и знаютъ Мя Моя*“ ²⁾. „Поразсмотримъ въ насъ самихъ, — скажемъ опять словами святителя Димитрія, — знаемъ ли мы хорошо Пастыря нашего Христа Господа, и по тому знанію, какое имѣемъ въ себѣ, истинныя-ли мы Того овцы? Увѣренъ, что каждый изъ насъ скажетъ: знаю Христа Господа моего и вѣрую въ Него; я же дерзновенно скажу, что не всѣ знаемъ Того, хотя и всѣ вѣруемъ въ Него. Вѣрою знаемъ, но не любовію; вѣрою же и бѣсы знаютъ Его, по апостольскому реченію: *и бѣси вѣрують, и трепещутъ* (Іак. II, 19), но такъ какъ любви къ Нему не имѣють, то потому

¹⁾ Тамъ же. Стр. 18.

²⁾ См. вышеуказанный „Сборникъ для любителей духовнаго чтенія“, прот. В. Печасва. Стр. 13.

суть и бѣсы, которые не могутъ знать Того истинно, будучи чужды любви Его. Тотъ истинно знаетъ Пастыря своего Христа, кто по-истинѣ Его любить, у кого любовь Божественная усладила въ сердцѣ, у кого все желаніе и попеченіе не въ иномъ чемъ состоитъ, только въ томъ, чтобы имѣть въ себѣ любимаго Господа своего. Но скажетъ кто: я люблю Господа моего Иисуса Христа, такому отвѣчаю: если любишь Его, то зачѣмъ тяжело печаливаешь Его; если любишь Христа, то зачѣмъ вторично распинаешь Его постыдными твоими дѣлами; если любишь Христа, то зачѣмъ безчестишь Его въ себѣ самомъ, оскверняясь студными нечистотами, и члены Христовы творишь членами блудницы; если любишь Пастыря твоего, то зачѣмъ не послѣдуешь Ему; если любишь Бога, то зачѣмъ ненавидишь и озлобляешь ближняго твоего грабленіями, хищеніями и всякими неправдами? Итакъ, ты лжешь, говоря, что любишь Христа. О, если бы ты любилъ Его истинно, то никогда не восхотѣлъ бы прогнѣвать Его грѣхами твоими! Если бы даже когда и погрѣшилъ въ чемъ-либо отъ немощи и забвенія: то тотчасъ исправился бы; ибо любовь скоро возставляетъ падающихъ. Но такъ какъ ты всегда, безъ страха, тяжкіе грѣхи содѣваешь, и о покаяніи не помышляешь, и тѣмъ тяжело печаливаешь Христа Бога твоего, то значитъ ты не любишь Его. Не любящій же Его какимъ образомъ можетъ знать Его и услаждаться превозделѣнною Того сладостію? Послушай, что говоритъ святой Іоаннъ Богословъ: *всякъ согрѣшай, не позна Бога* (1 Іоан. III, 6). Не зная же Его, не наслаждаясь Имъ, какимъ образомъ можешь овцею Его называться? Та добрая истинная есть овца Его, которая не только вѣрою и любовію знаетъ Того, но и любви ради Его отгребается отъ всякаго зла, и опасно блюдетъ себя, чтобы чѣмъ-либо не прогнѣвать любимаго Пастыря и Владыку своего, и всѣ заповѣди Его соблюдаетъ, какъ и Самъ Господь въ Евангеліи говоритъ: *имѣй заповѣди Моя, и соблюдая ихъ, той есть любяй Мя* (Іоанн. XIV, 21)¹⁾. Таково, по словамъ святителя Димитрія, должно быть познаніе людьми-христіанами своего Пастыре-

¹⁾ См. вышеуказанное „Слово“. Стр. 18—19.

начальника—Христа Иисуса. Почему, спросимъ здѣсь въ свою очередь, на духовныхъ пастырей не обращается нынѣ должнаго вниманія со стороны пасомыхъ—людей иногда развитыхъ и образованныхъ? Почему они находятся нынѣ въ такомъ пренебреженіи и униженіи въ глазахъ многихъ, особенно же въ глазахъ людей высшаго класса? Не потому только, какъ обыкновенно думаютъ объ этомъ свѣтскіе люди, что духовные пастыри не соотвѣтствуютъ на дѣлѣ своему призванію и сану. Нѣтъ, въ этомъ кроется и другая, не менѣ важная причина, зависящая не отъ однихъ только ихъ. Какая же? Это именно—незнаніе пасомыми Христа Спасителя, какъ Пастыреначальника, который долженъ служить для всѣхъ людей равно примѣромъ и образомъ въ ихъ земной жизни и дѣятельности, а не для однихъ только духовныхъ пастырей, какъ объ этомъ многіе изъ насъ ошибочно думаютъ. Дѣйствительно, если бы мы знали хорошо, какъ слѣдуетъ именно знать православнымъ христіанамъ, Иисуса Христа,—этого общаго для всѣхъ Пастыря и Учителя, то совершенно иначе относились бы и къ духовнымъ пастырямъ, поставляемымъ отъ Него для пастырскаго служенія людямъ. Итакъ намъ нужно сначала разсмотрѣть внимательно самихъ себя: знаемъ ли мы Христа Спасителя нашего, знаемъ-ли мы Его настолько, чтобы могли называться истинными овцами Христовыми. Къ сожалѣнію нужно сказать, что не всѣ изъ насъ вполне знаютъ, не смотря на то, что многіе изъ насъ давно уже носятъ на себѣ высокое имя христіанъ православныхъ и что средства къ богопознанію нынѣ весьма широко развиты сравнительно съ прежнимъ временемъ. Слово Божіе даетъ намъ относительно этой обязанности нашей нѣсколько ясныхъ и весьма опредѣленныхъ заповѣдей. Такъ, оно заповѣдуетъ всѣмъ христіанамъ „возрастать въ благодати и познаніи Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа“ (2 Петр. III, 18) до тѣхъ поръ, пока „всѣ прійдемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова“ (Еф. IV, 13). Далѣе, заповѣдуетъ „быть всегда готовымъ всякому, требующему у нихъ отчета въ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ“ (1 Петр. III, 15), вообще же—„быть по своему уму совершеннолѣтними, а не дѣтьми“

(1 Кор. XIV, 20) или „младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству челоуковъ, по хитрому искусству оболъщенія“ (Еф. IV, 14). Таковы заповѣди относительно богопознанія, содержащіяся въ словѣ Божіемъ и обязательныя для всѣхъ христіанъ. Какъ же намъ не исполнять ихъ ревностно и неуклонно, если на то есть воля Божія? Будемъ же твердо помнить, что, исполняя ихъ въ жизни, мы исполняемъ въ то же время обязанности наши по отношенію къ пастырямъ, потому что, какъ мы уже сказали, нельзя хорошо узнать пастырей, не познавъ сначала, какъ слѣдуетъ, Пастыреначальника Христа. Если мы познаемъ этого послѣдняго, то будемъ знать и своихъ пастырей; мало того знать, но и *слушать* ихъ и *послѣдовать* за ними.

Отсюда открываются новыя обязанности пасомыхъ по отношенію къ своимъ пастырямъ. По словамъ Христа Спасителя, *овцы гласа истиннаго пастыря слушаютъ... и по немъ грядутъ, яко видятъ гласъ его* (Іоан. X, 27, 4). Итакъ, обязанности пасомыхъ состоятъ еще въ томъ, что они должны *слушать* своихъ пастырей и охотно *слѣдовать* за ними въ жизни. Иначе и быть не должно. Вѣдь кого изображаютъ наши духовные пастыри? Они изображаютъ или, по крайней мѣрѣ, должны изображать собою Іисуса Христа, Котораго они суть посланники. Посланникъ же, какъ извѣстно, открываетъ не свою волю, но волю пославшаго его. Точно также и пастыри, проповѣдующіе съ церковной кафедрой, говорятъ не отъ себя, но отъ имени Божія. Но какъ, скажите, пасомые будутъ слушать своихъ пастырей, когда не знаютъ еще Пастыреначальника Христа? Безсловесныя овцы узнаютъ своего пастуха по голосу, и на его голосъ охотно идутъ къ нему. Равно и словесныя овцы, т. е., истинные православныя христіане, должны отзываться на голосъ своего пастыря, проповѣдующаго имъ отъ имени Христа, полнымъ вниманіемъ и послушаніемъ его слову. „Второй признакъ добрыхъ овецъ, по словамъ святителя Димитрія, состоитъ въ томъ, что *„овцы Христовы гласа Его слушаютъ и по немъ грядутъ“*. „Та - овца Христова, — говоритъ этотъ святитель, — которая слушаетъ Христа Пастыря своего, и послѣдуетъ Ему. Не

слушая же Того и не послѣдуя Ему, какимъ образомъ можетъ овцею Его называться и быть ею такою на самомъ дѣлѣ? Пастырь говоритъ: *не убій, не укради, не лжесвидѣтельствуй, не пожелай имѣнія ближняго твоего*, а въ нынѣшнихъ людяхъ, то и промыслъ, то и жизнь, то и обогащеніе, чтобы разбой творить, красть, лгать и отнимать насильно то, что имѣеть ближній; такія овцы слушаютъ ли голоса Пастырскаго, и по немъ ли грядутъ, и суть ли Того овцы? Пастырь говоритъ: *не прелюбы сотвори*, а обрѣтаются и такія, которыя пресквернымъ житіемъ своимъ Содому и Гоморрѣ уподобились. и такія лишаются голоса пастырскаго и грядутъ ли по немъ? Нисколько! Итакъ, они не овцы Того, хотя и овцами именуются, но козлища, которымъ мѣсто въ адѣ, а упасеть ихъ смерть вѣчная. Пастырь нашъ добрый Христосъ Господь призываетъ насъ, глаголя: *грядите по Мнѣ*, то есть, путемъ заповѣдей Моихъ ходите, да увидите въ небесное царство. Мы же, какимъ путемъ и куда шествуемъ, поразсмотримъ каждый свою совѣсть, и всякій себя самого пусть спроситъ: на какомъ пути нынѣ находишься, о челоукъ, на спасенномъ-ли, или на погибельномъ? Въ царство-ли грядешь, или въ муку? Пастырю-ли Христу послѣдуешь, или волку діаволу? Христова-ли гласа призывающаго слушаешь или гласа Веліарова, прелестными грѣховными тебя въ погибель зовущаго? Поистинѣ, болѣе обряцется въ насъ такихъ овецъ, которыя голоса пастырскаго не слушаемъ, ни грядемъ по немъ, и только имя овчье, то есть, христіанское на себѣ носимъ, а дѣла наша всѣ козлищныя, и часть наша будетъ съ козлищами, если только не покаемся¹⁾. Нужно-ли присоединять что-либо еще къ этимъ прекраснымъ словамъ святителя, разъясняющимъ обязанности наши къ Пастыреначальнику Христу и къ духовнымъ пастырямъ, по волѣ Его поставляемымъ и отъ имени Его проповѣдующимъ? Они и безъ того вполне ясны и убѣдительны для каждаго. Замѣтимъ здѣсь отъ себя только то, что разсмотрѣнныя нами обязанности пасомыхъ по отношенію къ своимъ пастырямъ находятся въ

1) Тамъ же. Стр. 19—20.

тѣсной связи съ первою и неизбежно вытекаютъ изъ нея, какъ своего рода слѣдствіе изъ причины...

Наконецъ, обязанность пасомыхъ, какую можно еще усмотрѣть изъ слова Божія, состоитъ въ крѣпкой духовной зависимости ихъ отъ пастырей и въ всецѣлой преданности и готовности ихъ пострадать за нихъ, пострадать даже до смерти, подобно истинному пастырю, полагающему за врученныхъ ему овецъ свою душу; такъ что никто и ничто не можетъ разорвать ихъ живой и тѣсный союзъ между ними. „Третій признакъ добрыхъ овецъ, Господними устами изреченный—есть слѣдующій: *никтоже восхититъ ихъ отъ руки Мося* (Іоан. X, 28)“⁴. По словамъ святителя Димитрія „сугубую здѣсь руку пастыря нашего Христа Бога должно разумѣть: руку всемогущества и руку благодати Его. Рукою всемогущества Онъ всѣхъ содержитъ: добрыхъ и злыхъ, праведныхъ и грѣшныхъ, вѣрныхъ и невѣрныхъ; ибо вся вселенная находится въ державѣ Его. Рукою же благодати Своею Онъ тѣхъ только удерживаетъ, которые сами держатся ея неотринуенно: какъ любящихъ Его любить, такъ и держащихся десницы Его хранить благодатию Своею. Вотъ кто, по-истинѣ, суть овцы Его. Тѣхъ никто не похищаетъ изъ руки Его. т. е., никакая прелесть грѣховная не можетъ отторгнуть отъ благодати Его, какъ не отторгнула Іосифа Прекраснаго Египетская блудница, какъ не развратили праведнаго Лота Содомскіе соблазны, какъ не склонили къ прогнѣванію Бога цѣломудренную Сусанну два незаконныхъ судіи израильскихъ. Если же когда-либо и случится кому-либо изъ держащихся руки Господней овецъ по человѣческой немощи споткнуться и пасть, какъ напр. случилось то съ Давидомъ, то она опять скоро встаетъ отъ паденія своего и усерднѣе обращается къ Богу покаяніемъ, и прежней благодати Божіей сподобляется, и сбываются на ней слова псаломскія: *еще и падетъ, не разбѣется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его*. А тѣхъ, которыя суть не истинныя, но козлонравныя овцы, тѣхъ отъ руки пастыря Христа удобно восхищаетъ какаѣ-либо прелесть грѣховная, и удаляетъ отъ благодати Его, и къ козлищамъ причисляетъ ихъ: истинныхъ овецъ даже никакое насиліе не можетъ отторгнуть отъ руки пастыря, по

слову Апостола: *кто ны разлучитъ отъ любви Божіей, скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ* (Рим. VIII, 35); не истинныхъ же овецъ отлучаетъ отъ Бога и самое малое грѣховное вожделѣніе, не какаѣ-либо скорбь, но плотоугодіе, не тѣснота, но пространство, не гоненіе, но покой, не голодъ, но сладкопитаніе и пьянство, не нагота, но украшеніе въ одеждѣ, не бѣда, но благоденствіе, не мечъ, но похоть плотская отсѣкаетъ и удаляетъ грѣхолобца отъ десницы благодати Господней. Итакъ, можно всякому, рассматривающему свою совѣсть, съ удобностію познать себя: принадлежитъ-ли онъ къ числу истинныхъ овецъ Христовыхъ, или нѣтъ. Если ты, человѣкъ, скоръ на прогнѣваніе Бога, но не скоръ на покаяніе, то усматривай себя находящимся въ числѣ козлищъ. Если же не скоръ къ Богопрогнѣванію, но скоръ и теплъ къ покаянію, то, уповаю на милость Божію, будешь причтенъ къ овцамъ“¹. Да, братіе, поскольку именно пасомые будутъ находиться въ зависимости отъ общаго для всѣхъ насъ Пастыреначальника — Христа, постольку же они же они будутъ выражать, не на словахъ только, а и на дѣлѣ, свою преданность и готовность положить за духовныхъ пастырей, въ случаѣ надобности, самую свою жизнь! Ясно, что и эта послѣдняя обязанность стоитъ въ связи съ прочими и сама по себѣ не имѣетъ того значенія, какое имѣетъ она въ цѣльномъ и стройномъ рядѣ всѣхъ ихъ...

Мы представили въ общихъ и главныхъ чертахъ взаимныя обязанности пастырей и пасомыхъ. Мы не касались здѣсь частныхъ обязанностей тѣхъ и другихъ, примѣнимыхъ къ потребностямъ современной жизни и имѣющихъ поэтому весьма важное значеніе въ настоящее время; не касались потому, что, какъ показываетъ опытъ, мы часто забываемъ въ своей жизни эти общія и главныя обязанности, а то иногда и совсѣмъ остаемся невѣждами въ отношеніи усвоенія ихъ умомъ и сердцемъ, не говоря уже про исполненіе ихъ на дѣлѣ, что, какъ извѣстно, очень рѣдко обнаруживается въ жизни современныхъ пастырей и пасомыхъ. Что-же мы можемъ сказать здѣсь, въ заключеніе, про эти общія и главныя

¹) Тамъ же. Стр. 21—22.

2018695453

обязанности? Изъ краткаго обзорѣнія ихъ, сдѣланнаго нами, легко можно видѣть, что всѣ онѣ имѣютъ одного и того же архитектора и построены на одномъ и томъ же фундаментѣ. Этотъ архитекторъ и этотъ фундаментъ есть не кто иной, какъ Самъ Пастыреначальникъ Иисусъ Христосъ. Но Христосъ, служащій такимъ архитекторомъ и фундаментомъ для пастырей и пасомыхъ вмѣстѣ, долженъ быть не простое только или человѣческое лицо, какъ проповѣдуютъ нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, „осуевившихся, по слову Апостола, въ умствованіяхъ своихъ“ (Рим. I, 21), а Лицо Божественное и чудесное, Богочеловѣкъ. Онъ долженъ быть для насъ тѣмъ Вторымъ Лицомъ Св. Троицы, ученіе о которомъ содержится въ нашей св. Православной церкви. Въ Церкви Христовой, по словамъ Апостола Павла, *основанія много никтоже можетъ положить наже лежащаго, ежесть Иисусъ Христосъ* (1 Кор. II, 11), Который служитъ для пастырей и пасомыхъ не только *дверію*, но и *путемъ, и истинною, и жизнію* (Іоан. XIV, 6). Вотъ какой Христосъ долженъ быть звеномъ, связующимъ взаимныя обязанности пастырей и пасомыхъ! Будемъ же твердо и неуклонно держаться этого единственнаго и драгоцѣннаго звена всѣ мы, и пастыри, и пасомые! И только тогда между нами водворится единодушіе и любовь, только тогда нашъ союзъ будетъ крѣпокъ и долговѣченъ, только тогда мы будемъ непоколебимы и непобѣдимы никѣмъ въ жизни,—когда въ цѣпи нашихъ взаимныхъ обязанностей будетъ пребывать это духовное звено. *Вся могу оукрѣпляющею мя Иисусъ Христъ* (Филип. IV, 13): такой побѣдный кликъ долженъ вырваться изъ груди каждаго изъ насъ при исполненіи возложенныхъ на него свыше обязанностей! Для того чтобы всѣ мы могли не на словахъ только, а и на дѣлѣ, исполнять эти обязанности, а исполнять ихъ мы должны непремѣнно, если только не напрасно носимъ имя христіанъ православныхъ,—для этого я прошу васъ вознести сейчасъ вмѣстѣ со мною теплыя и усердныя молитвы къ Господу Богу, Его Пречистой Матери и св. Первоверховнымъ Апостоламъ Петру и Павлу. Да будетъ у насъ, по словамъ Христа, *едино стадо и единъ пастырь!* Аминь.

С Л О В О

въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича, 26 февраля 1893 года.

О религіозно-нравственномъ воспитаніи въ семьѣ и школѣ.

Въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора я хочу предложить вамъ, братіе, слово *о воспитаніи*. Двумя преимущественно побужденіями я руковожусь въ этомъ случаѣ: во-1-хъ, побужденіемъ, исходящимъ отъ Того Лица, день рожденія Котораго мы такъ торжественно празднуемъ нынѣ, Которое, какъ извѣстно, горячо и ревностно заботится о воспитаніи всего ввѣреннаго ему народа русскаго и Которое съ высоты Царскаго Престола представляетъ въ своей семейной жизни прекрасный примѣръ для своихъ подданныхъ различныхъ христіанскихъ добродѣтелей; во-2-хъ, побужденіемъ, которое даетъ намъ въ этомъ отношеніи сама общественная жизнь, затрогивающая такой важный вопросъ въ умахъ всѣхъ мыслящихъ и разсуждающихъ людей. Въ послѣднемъ случаѣ я разумѣю публичную лекцію извѣстнаго профессора-историка В. О. Ключевскаго, прочитанную имъ въ залѣ Историческаго музея 1-го февраля текущаго года, на тему: *Два воспитанія*. Вотъ на этотъ-то предметъ я и хочу обратить сейчасъ ваше вниманіе, благочестивые слушатели. Я не буду, конечно, подробно останавливаться здѣсь на содержаніи этой лекціи, какъ, вѣроятно, уже извѣстной многимъ изъ васъ по газетнымъ о ней отзывамъ. Достопочтенный профессоръ въ историческомъ изложеніи своей лекціи пришелъ, какъ извѣстно, къ тому выводу, что „школа не можетъ замѣнить семьи, какъ и семья не можетъ обойтись безъ школы, что у той и другой существуютъ свои особыя воспитательныя задачи“. Совершенно вѣрныя и справедливыя мысли. Но, признавая это съ своей стороны за несомнѣнную истину, я хочу здѣсь нѣсколько остановиться на приведенномъ выводѣ упомянутаго

профессора и показать, насколько онъ можетъ быть приложимъ къ намъ въ настоящее время.

„Школа не можетъ замѣнить семьи, равно какъ и семья не можетъ обойтись безъ школы“. Итакъ, между семьею и школою должна существовать тѣсная взаимная связь. Одна безъ другой немыслима и невозможна. Не распространяясь здѣсь о томъ, что первоначальное воспитаніе должно даваться каждому человѣку въ семьѣ, что эта послѣдняя должна служить для него главнымъ средствомъ для полученія истиннаго, въ духѣ христіанскаго благочестія, воспитанія, замѣчу только то, что это вѣчная, безспорная истина, знакомая каждому изъ насъ чуть не съ малолѣтства. Но всегда-ли, спрошу, оправдывается она въ жизни человѣческой? Всегда-ли можно встрѣтить осуществленіе ея въ наши дни? Къ сожалѣнію нужно сказать, что не всегда. Нынѣ, при совершенно новыхъ порядкахъ общественной жизни, при совершенно новыхъ условіяхъ домашняго воспитанія, вліяніе семьи стало мало замѣтно среди насъ. Оно, если не всецѣло, то почти совсѣмъ утратилось въ наши дни. Много-ли находится въ настоящее время такихъ семей, которыя бы давали желаемое воспитаніе нашимъ дѣтямъ? Много-ли дѣтей пользуются теперь такимъ воспитаніемъ? Что я говорю—дѣтей? Да есть-ли у насъ въ настоящее время самая семья-то? Не подорвана-ли она у насъ въ самомъ корнѣ и не разрушена-ли она у насъ окончательно? Не падаетъ-ли она у насъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе? Да! Нынѣ по большей части, какъ это хорошо извѣстно всѣмъ намъ, стало обнаруживаться въ людяхъ стремленіе не къ тихой, чистой и нравственно-семейной жизни, какая существуетъ въ христіанскомъ бракѣ, а къ шумной, грязной и безнравственно-общественной жизни во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ. Не привожу вамъ здѣсь примѣровъ, подтверждающихъ эту извѣстную и печальную истину, потому что они извѣстны всѣмъ и каждому изъ насъ. Стоитъ только повнимательнѣе присмотрѣться къ самимъ себѣ и къ явленіямъ окружающей насъ жизни, чтобы убѣдиться въ этомъ. Какъ-же послѣ этого возлагать намъ свои надежды на семью, если она не оправдываетъ своего назначенія, даннаго ей Самимъ Господомъ? И кто же долженъ придти къ ней на по-

мощь для того, чтобы сохранить ее въ первобытномъ видѣ,—ту добрую христіански-вѣрующую семью, которая существовала у насъ въ древней Руси и которая имѣла такое громадное значеніе въ дѣлѣ воспитанія? Кто, скажите, какъ не школа, на которую обращено нынѣ всеобщее вниманіе, какъ со стороны Самого Возлюбленнаго Монарха нашего, такъ и со стороны всего народа русскаго? Да, на нее—на школу именно мы возлагаемъ всѣ свои надежды въ этомъ случаѣ, т. е., при современномъ упадкѣ семьи и семейной жизни. И дай Богъ, чтобы вполнѣ оправдались эти надежды наши! Дай Богъ, чтобы она восполнила и усовершила недостающее въ современномъ образованіи умовъ и нравовъ русскаго народа! Въ этомъ именно и должна состоять взаимная связь семьи и школы. То, чего не сдѣлала семья, пускай сдѣлаетъ теперь школа. Но какая школа? Конечно, христіанская;—школа, признающая и вѣрующая въ истиннаго Бога и *Его же послала естъ Иисуса Христа*, а не отвергающая или сомнѣвающаяся въ Немъ;—школа, кладущая въ основаніе программы своего воспитанія и образованія заповѣди Божіи и совершающая это воспитаніе и образованіе подъ единственно-вѣрнымъ и прочнымъ руководствомъ св. Православной Церкви. Вотъ какая школа можетъ замѣнить въ указанномъ случаѣ нашу расшатавшуюся умственно и нравственно семью, вотъ безъ какой школы не можетъ обойтись эта послѣдняя! Такая школа, дѣйствительно, сдѣлаетъ то, чего не сдѣлала или не могла сдѣлать при настоящемъ своемъ состояніи семья. Она дастъ намъ прежде всего здоровыхъ въ духовномъ и физическомъ смыслѣ дѣтей, изъ которыхъ выйдутъ потомъ здоровые отцы и матери и отъ которыхъ въ свою очередь произойдутъ здоровыя дѣти. Питомцы такой школы несомнѣнно произведутъ желаемую реформу въ нашемъ современномъ воспитаніи.

Я упомянулъ, что школа должна совершать воспитаніе своихъ питомцевъ въ духѣ и подъ руководствомъ св. Церкви. Только при такомъ условіи,—замѣчу здѣсь еще,—она съ успѣхомъ можетъ выполнить свою задачу, возлагаемую на нее всѣми истинно-русскими людьми. Въ противномъ случаѣ, отъ нея нечего ждать намъ добраго и полезнаго, кромѣ воз-

мушенія и безпорядковъ въ жизни частной и общественной, что мы и видимъ нерѣдко въ послѣднее время. Правда, что у семьи и школы существуютъ свои особыя воспитательныя задачи, которыя неизмѣнно должны входить въ программу воспитанія той и другой; но это можетъ быть только тогда, когда возстановится у насъ опять идеаль семьи, когда эта послѣдняя будетъ занимать подобающее и соотвѣтственное ей мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ воспитательныхъ элементовъ. Теперь же этого не можетъ быть уже потому, что сама семья, какъ мы сказали, разрушена въ основѣ и сильно нуждается въ поддержкѣ со стороны школы, которая непременно должна придти къ ней на помощь и протянуть ей свою братскую руку. Отсюда ясно, какое мѣсто должна занимать въ этомъ отношеніи св. Церковь. Она должна занимать первое и главное мѣсто; она должна быть для нашихъ семьи и школы, такъ сказать, центромъ, объединяющимъ и примиряющимъ воспитательныя задачи и цѣли той и другой. Какъ бы ни были, повидимому, различны эти задачи и цѣли съ внѣшней стороны своей, но съ внутренней стороны или, что тоже, по существу своему онѣ должны быть всегда однѣ и тѣже, должны стремиться къ одному и тому же въ земной жизни человѣческой. На это единство задачъ и цѣлей, преслѣдуемыхъ и достигаемыхъ всякой семьей и школой, и указываетъ намъ св. Церковь, роль которой такимъ образомъ сводится къ тому, что она, какъ спасительный маякъ, не даетъ всѣмъ слушающимся ея и повинующимся ей заблудиться на распутияхъ міра и въ концѣ концовъ совсѣмъ уклониться отъ своего высшаго предназначенія. Это единство задачъ и цѣлей состоитъ, по указанію слово Божія, въ *единомъ на потребу*, имя которому, какъ мы замѣтили, *христіанское благочестіе*. А „благочестіе“, по изъясненію того же слова Божія, „на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей“ (1 Тим. IV, 8)...

Положимъ же, слушатели христіане, этотъ завѣтъ Христовой Церкви въ основу воспитанія нашихъ семьи и школы, такъ нуждающихся нынѣ въ взаимной поддержкѣ и подкрѣпленіи, и пожелаемъ отъ души, чтобы онѣ, при помощи Божіей, принесли нашему отечеству вождельные плоды въ бу-

дущемъ. Будемъ также взирать въ этомъ случаѣ и на Самодержавнаго Хозяина, Защитника и Покровителя земли русской и общаго для всѣхъ насъ Отца и Благодѣтеля, Благочестивѣйшаго Великаго Государя Императора Александра Александровича, подающаго съ высоты Царскаго Престола примѣръ того, какъ намъ нужно жить и воспитывать своихъ дѣтей дома и въ школѣ. Поступая такъ, мы окажемся истинными христіанами—вѣрными сынами своей Матери, и преданными слугами своего Государя и Отечества. Аминь.

С Л О В О

Въ третью недѣлю Великаго поста крестопоклонную, 28-го февраля, 1893 года.

Объ обязанностяхъ христіанина, какъ ученика и послѣдователя Господа.

Глубокознаменателенъ, братіе, тотъ обрядъ Православной Церкви, за которымъ мы присутствовали вчера во время всенощной. Св. Церковь вынесла животворящій крестъ Господень на средину храма для поклоненія и лобызанія его вѣрующимъ. Чтò знаменуетъ собою этотъ обрядъ? Какая мысль скрывается въ этомъ церковномъ дѣйствіи? Не напрасно, конечно, св. Церковь установила такъ. Это дѣлаетъ она потому, что желаетъ своимъ членамъ, проходящимъ подвигъ поста и покаянія, дать нѣкоторое утѣшеніе и облегчить тяжесть ихъ положенія. Да, братіе, животворящій крестъ Христовъ, который вчера изнесенъ нами изъ алтаря и положенъ на средину храма, долженъ быть для всѣхъ насъ облегченіемъ и утѣшеніемъ въ настоящемъ подвигѣ поста и покаянія! Онъ долженъ быть для насъ тѣмъ же, чѣмъ бываетъ обыкновенно для путника въ знойной пустынѣ оазисъ чистой, свѣжей воды. Какъ эта послѣдняя освѣжаетъ и подкрѣпляетъ его изнуренныя силы и дѣлаетъ возможнымъ продолжать его дальнѣйшій путь безъ утомленія, такъ и крестъ Христовъ для всѣхъ

насъ, проходящихъ трудное время поста, служить опорой и подкрѣпленіемъ для успѣшнаго окончанія его. Такимъ образомъ, мы видимъ, св. Церковь, какъ чадолюбивая мать, не оставила насъ безпомощными и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, какъ и всегда въ нашей жизни она не оставляетъ насъ безъ своего руководства и помощи...

Воззрѣмъ же на крестъ Христовъ съ вѣрою и надеждою на его спасительную силу, подкрѣпляющую насъ и исцѣляющую наши немощи, душевныя и тѣлесныя. Чему поучаетъ онъ насъ въ жизни? О, весьма многому! Крестъ есть школа, гдѣ Учитель поучаетъ съ древа, на которомъ Онъ виситъ. Мы слышали сегодня изъ евангельскаго чтенія слова Христовы, обращенныя ко всѣмъ намъ: „кто хочетъ идти за Мною; отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною“ (Мар. VIII, 34). Вотъ чему поучаетъ насъ, братіе, крестъ Христовъ!...

Первая обязанность христіанина, по словамъ Христа Спасителя, состоитъ въ томъ, что онъ долженъ *отвергнуться самого себя*. Что это значитъ? Это не то означаетъ, что христіанинъ долженъ совсѣмъ отречься отъ своей личности, совсѣмъ не знать себя и не заботиться о себѣ. Нѣтъ, самоотверженіе истинное не въ томъ состоитъ. Въ чемъ-же? Истинное самоотверженіе состоитъ въ отреченіи отъ собственной своей естественной и свободной воли и грѣховныхъ расположеній, соединенныхъ съ нею, и въ послушаніи и преданіи себя въ полную волю Божию. Ради Христа своего христіанинъ долженъ отказаться отъ всего, если то потребуется, и быть готовымъ ради Него на всякія скорби, лишенія, гоненія, страданія, если Ему будетъ угодно послать ихъ на него. Какъ бы ни было больно, чего бы ни стоила воля его такая жертва всѣмъ, что для него дорого, но онъ долженъ разстаться со всѣмъ этимъ охотно, если хочетъ только быть истиннымъ христіаниномъ. По изъясненію св. Василія Великаго, самоотверженіе состоитъ въ слѣдующемъ. „Самъ себя отвергается тотъ,—говоритъ онъ,—кто совлекъ съ себя ветхаго человѣка вмѣстѣ съ дѣлами его, тлѣющаго въ похотяхъ прелестныхъ. Отвергается и всѣхъ пристрастій мірскихъ, которыя могутъ препятствовать намѣренію благочестія. Совершенное же са-

моотверженіе состоитъ въ томъ, чтобы и къ самой жизни быть безпристрастну и имѣть осужденіе смерти, чтобы на себя не надѣяться“ (Простр. Прав. отв. 8). Правда, при такомъ самоотверженіи человѣкъ лишается многихъ естественныхъ и невинныхъ удовольствій, которыя иногда бываютъ необходимы для насъ, какъ людей слабыхъ и немощныхъ. Но, какъ-бы въ замѣнъ ихъ, онъ получаетъ другое высшее утѣшеніе. Какое же утѣшеніе онъ можетъ имѣть въ этомъ случаѣ? Утѣшеніе благодатное и божественное, состоящее во внутреннемъ успокоеніи и въ мирѣ совѣсти,—утѣшеніе, которое не можетъ сравниться ни съ какимъ другимъ утѣшеніемъ земнымъ. Св. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, говоритъ: „по мѣрѣ того, какъ умножаются въ насъ страданія Христовы, умножается Христомъ и утѣшеніе наше“ (2 Кор. I, 5). Въ другомъ мѣстѣ, именно въ посланіи къ Евреямъ, тотъ же Апостолъ говоритъ: „какъ Самъ Христосъ претерпѣлъ, бывъ искушенъ; то можетъ и искушаемымъ помочь“ (Евр. II, 18).

Вторая обязанность истиннаго христіанина состоитъ, по словамъ распятаго за насъ Господа, въ томъ, что онъ долженъ *взять и нести крестъ свой*. Что значитъ: *взять и нести крестъ*? Это значитъ: „быть готовымъ идти на тяжкія страданія и смерть. Образъ взятъ отъ обычая, по которому осужденные на крестную смерть сами осуждаемы были и нести крестъ до мѣста казни (Лук. 23, 26; Иоан. 19, 17). Нести этотъ крестъ было тяжело, позорно и увеличивало тяготу страданій. Такимъ образомъ брать свой крестъ есть выраженіе образное, которое означаетъ, что мы должны переносить въ жизни всякія страданія и испытанія, тяжкія и уничижительныя, если и такія угодно будетъ Богу послать намъ“¹⁾, переносить безропотно и терпѣливо съ полнымъ послушаніемъ и преданностію въ волю Божию. Многочисленны и разнообразны бываютъ мірскіе кресты, которые обыкновенно несутъ люди въ своей жизни. Но изъ всѣхъ крестовъ спасителемъ бываетъ только одинъ, это—именно евангельскій крестъ. Въ чемъ же онъ со-

¹⁾ Евангеліе отъ Маттея, съ предисловіями и подробными примѣчаніями, архимандрита (еп. епископа) Михаила. Москва, 1871 г. Изд. второе, стр. 201.

стоитъ? Онъ состоитъ, по словамъ Христа Спасителя, въ слѣдующемъ: „кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня и Евангелія, тотъ сбережетъ ее“ (Мар. VIII, 35). Что это значитъ? Это значитъ то, что „кто въ этомъ мірѣ сбережетъ душу свою для этой временной жизни, посредствомъ отреченія отъ Христа Спасителя какимъ бы то ни было образомъ, тотъ потеряетъ ее для жизни вѣчной, лишится вѣчной жизни, подвергнется вѣчной смерти (Лук. 9, 24 и дал.); а напротивъ, кто потеряетъ душу свою для этой временной жизни чрезъ самоотверженіе ради исповѣданія вѣры Христовой, тотъ сбережетъ ее для жизни вѣчной, или наслѣдуетъ жизнь вѣчную“¹⁾. Для большаго, такъ сказать, удостовѣренія христіанина въ этой мысли и расположенія его къ ней, Христосъ Спаситель говоритъ далѣе: „ибо какаѣ польза человѣку, если онъ приобрететъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?“ (Мар. VIII, 36—37). Приобрѣсть весь міръ—значитъ „овладѣть и владѣть всѣми его сокровищами, достигнуть всякихъ почестей, наслаждаться всѣми его удовольствіями“²⁾. А повредить душѣ — это значитъ „сдѣлать ее неспособной къ вѣчно-блаженной жизни, утратить способность къ блаженству и тѣмъ подвергнуть ее вѣчной смерти или страданіямъ въ удаленіи отъ Бога, быть отверженнымъ, исключеннымъ изъ царства Божія и вверженнымъ въ адъ. Какаѣ дѣйствительно польза отъ этого человѣку? Обладая всѣмъ мірскимъ, онъ будетъ несчастливъ и погибнетъ. *Какой выкупъ дастъ человекъ за душу свою?* Когда такимъ образомъ душа погибла, можно ли чѣмъ-нибудь выкупить ее?“...³⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ такъ разсуждаетъ объ этомъ: „ты не можешь вмѣсто души дать другой души. Если ты потеряешь деньги, можешь дать другія..., а потерявши душу, не можешь дать другой души. Хотя бы ты владѣлъ и цѣлымъ міромъ, хотя бы ты былъ царемъ вселенной, впрочемъ и всю вселенную отдавши и на всю вселенную не купишь (погибшей) души“...⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же. Стр. 322—323.

³⁾ Тамъ же. ⁴⁾ Тамъ же.

Наконецъ, третья и послѣдняя обязанность истиннаго христіанина состоитъ въ томъ, что онъ долженъ въ своей жизни *слѣдовать* за своимъ Господомъ. Мало того, что онъ долженъ отвергнуться и взять свой крестъ съ цѣлю нести его въ своей жизни. Онъ долженъ еще и слѣдовать за Господомъ. По словамъ св. Іоанна Златоуста, „иной, и страдая, не послѣдуетъ Господу... Что ни дѣлаешь, ни терпишь, послѣдуй Христу, все за Него претерпѣвай и соблюдай прочія добродѣтели. Ибо въ словахъ — *слѣдуй за Мною* заключается и то, чтобы ты не только оказывалъ мужество въ бѣдствіяхъ, но цѣломудріе и кротость и всякую добродѣтель. То и значитъ послѣдовать Ему, какъ должно, чтобы стараться о всякой другой добродѣтели и все за Него терпѣть“¹⁾. „Кто не беретъ креста своего, — говоритъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, — и слѣдуетъ за Мною, тотъ не достоинъ Меня“ (Мате. X, 38), т.-е. тотъ не можетъ называться истиннымъ христіаниномъ и носить на себѣ это, по-истинѣ, высокое имя...

Таковы, братіе, обязанности христіанскія, высшія обязанности, которыми поучаетъ насъ распятый за насъ Христосъ Спаситель съ креста Своего. *Да течемъ же на предлежащій еще намъ подвигъ поста и покаянія, взирающе на начальника вѣры, и совершителя Іисуса, иже вмѣсто предлежащія ему радости, претерпѣлъ крестъ, о срамотѣ нерадивѣ, одесную же престола Божія сяде* (Евр. XII, 1—2)! И если мы совершимъ этотъ подвигъ, какъ подобаетъ христіанамъ и сынамъ Православной Церкви, то приготовимся достойно встрѣтить и свѣтлое Воскресеніе нашего Спасителя и сподобимся быть участниками въ Его торжествѣ и славѣ. Аминь.

¹⁾ Тамъ же.

С Л О В О

въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича, 2-го марта 1893 года.

О главныхъ началахъ народной жизни, завѣщанныхъ намъ нашей древней исторіей.

Въ день восшествія на престолъ Благочестивѣйшаго Государя нашего поразмыслимъ, братіе, о томъ, каковы главные начала народной жизни, завѣщанныя намъ нашей древней исторіей.

Древняя русская исторія оставила намъ въ наслѣдство великое сокровище. Въ ней, въ самое первое время происхожденія Россійскаго государства, мы находимъ главные начала народной жизни, по которымъ тысячу лѣтъ жилъ русскій народъ и по которымъ живетъ онъ доселѣ. Такъ, прежде всего, мы находимъ въ исторіи начала *политическія*, т. е., начала по отношенію къ князьямъ, государямъ и ко всей русской землѣ. Изъ древней русской литературы мы знаемъ, каковы были эти начала. Русскій народъ благоговѣлъ передъ княземъ и безпрекословно исполнялъ его волю. Онъ видѣлъ въ немъ не простаго человѣка, стоящаго выше его по какому-нибудь внѣшнему условію и потому превосходящаго его. Нѣтъ, онъ видѣлъ въ немъ человѣка, поставленнаго надъ нимъ Самимъ Богомъ, — видѣлъ человѣка, чрезъ котораго управляетъ Самъ Богъ. Этотъ завѣтъ, завѣщанный намъ нашей древней исторіей, состоящій въ томъ, чтобы не только любить и почитать, но и благоговѣть предъ Особою Монарха, есть завѣтъ великій и, по истинѣ, святой завѣтъ. И благодареніе Богу! Русскій народъ твердо и неуклонно выполняетъ и будетъ выполнять этотъ завѣтъ въ своей дальнѣйшей исторіи.

Въ такихъ же отношеніяхъ былъ воспитанъ русскій народъ и къ своей родной землѣ. Онъ смотрѣлъ на нее не какъ на чужую собственность, а какъ на свое достояніе, добытое кровью, потомъ и великими трудами. И потому онъ любилъ

свою родину, защищалъ ее, жертвовалъ для нея всѣми своими частными интересами и, въ случаяхъ нужды, не колебался даже полагать за нее свою жизнь. По отношенію къ своему отечеству онъ былъ патриотомъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Вспомнимъ, напр., имена Минина, Сусанина и многихъ другихъ...

Далѣе, мы находимъ въ исторіи начала *религіозныя*. Эти начала еще глубже были вкоренены въ душу и сердце русскаго народа. На религію онъ смотрѣлъ, какъ на мать, нѣжную, любящую мать, воспитывающую его во всемъ добромъ и прекрасномъ. Поэтому онъ въ особенности любилъ ее и работалъ о ней, какъ ни о чемъ болѣе другомъ. Точно такъ же смотрѣлъ русскій народъ и на Православную Церковь, руководительницу въ своей жизни. Свою любовь къ религіи и Церкви онъ обыкновенно выражалъ тѣмъ, что оставался во всю жизнь ихъ вѣрнымъ и послушнымъ сыномъ: слушался ихъ, неуклонно выполнялъ ихъ требованія, терпѣливо сносилъ ихъ наказанія. Значеніе этого второго завѣта, завѣщаннаго намъ нашей древней исторіей, для всѣхъ очевидно. Онъ учитъ, чтобы мы относились къ религіи и церкви съ такою же покорностію и уваженіемъ, съ какими относились къ нимъ наши благочестивые предки.

Въ древней исторіи мы находимъ еще начала *частныя, семейныя и общественныя*. Въ чемъ же они состоятъ? Начала частныя или начала каждаго лица по отношенію къ самому себѣ заключаются въ добросовѣстномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, возлагаемымъ на человѣка тѣмъ обществомъ, къ которому онъ принадлежитъ. Начала семейныя и общественныя имѣютъ своимъ долгомъ поселять въ людяхъ заботу о другихъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію, и постоянно имѣть миръ и единеніе между собою и съ своими ближними...

Главнѣйшими представителями, поборниками и защитниками началъ народной жизни въ древности были по преимуществу князья и государи. Но у насъ не достало бы ни времени, ни силъ, еслибы мы захотѣли перечислить славныя имена и дѣянія этихъ героевъ и защитниковъ началъ народной жизни. Не вдаваясь въ перечень ихъ, мы укажемъ только на то, что они горячо ратовали за эти начала и были дѣйстви-

тельными печальниками народнаго благоденствія, желающими блага и счастья своему государству. И нынѣ, подъ державою нашего Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича, Россія постепенно восходитъ отъ силы въ силу, отъ славы въ славу...

Древняя исторія, завѣщавшая намъ начала народной жизни, оказала, безъ сомнѣнія, величайшую услугу русскому обществу, ибо проявленіе этихъ началъ въ настоящее время ясно и очевидно всякому, имѣющему очи видѣть. Но, къ величайшему прискорбію и стыду, явились въ настоящее время среди русскаго православнаго народа попытки свергнуть главныя начала народной жизни и замѣнить ихъ какими-то новыми. Явились мнимые печальники народнаго благоденствія, толкующіе намъ о какихъ-то „правовыхъ порядкахъ“, о „народномъ голосованіи“. Что-же мы должны сказать здѣсь по поводу этого явленія? Прочь отъ насъ, вѣрящихъ, что народныя начала въ настоящее время хороши и цѣлесообразны, прочь отъ насъ всѣ эти льстивые толки мнимыхъ радѣтелей народнаго блага! Начала народной жизни, благодареніе Богу, стоятъ еще твердо и непоколебимо. Ихъ не сломятъ какія-нибудь выдумки безмозглыхъ головъ, и та борьба, въ какой они находятся теперь, показываетъ ихъ силу и крѣпость. Однимъ словомъ, начала народной жизни, завѣщанныя намъ нашей древней исторіей, глубоко пустили корни въ умы и сердца русскаго народа и возросли въ огромное дерево, питающее своими соками цѣлые милліоны людей.

Помолимся же, братіе, нынѣ, какъ въ день, въ который наиболѣе чувствуются и сознаются нами эти начала, помолимся усердно о томъ, чтобы сохранить ихъ намъ въ цѣлости и неповрежденности до конца жизни. Аминь.

С Л О В О

въ четвертую недѣлю Великаго поста, 7-го марта 1893 года.

Сей родъ ничилѣе можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ
(Марк. IX, 29).

Такия слова изрекъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ Своимъ ученикамъ, послѣ того какъ они обратились къ Нему наединѣ съ просьбою разъяснить имъ, почему они не могли исцѣлить глухо-нѣмого бѣсноватаго, котораго привелъ къ нимъ одинъ несчастный человѣкъ. Этотъ несчастный человѣкъ былъ отецъ того самаго бѣсноватаго, котораго потомъ исцѣлилъ Иисусъ Христосъ Своимъ всевластнымъ словомъ, о чемъ мы слышали въ нынѣ чтенномъ евангеліи. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, ученики Христовы не могли исцѣлить этого несчастнаго отрока, одержимаго нечистымъ духомъ? Неужели они не имѣли на то права и власти отъ Господа? А какъ же Господь, когда избралъ двѣнадцать ближайшихъ учениковъ Своихъ и послалъ ихъ на проповѣдь въ Иудею, заповѣдалъ имъ *изгонять бѣсовъ? Болящія исцѣляйте, — говорилъ Онъ имъ, — прокаженныя очищайте, мертвыя воскрешайте, бѣсы изгоняйте* (Матѣ. X, 8). Послѣ же того, какъ другіе семьдесятъ Его учениковъ, которыхъ Онъ избралъ и послалъ по два предъ лицемъ Своимъ во всякій городъ и мѣсто, куда Самъ хотѣлъ идти, съ радостію возвратились и говорили Ему: „Господи, и бѣсы повинуются намъ о имени Твоемъ“, Онъ, между прочимъ, сказалъ имъ: „се даю вамъ власть наступать на змѣй, и скорпіоновъ, и на всю силу вражію, и ничто не повредитъ вамъ“ (Лук. X, 1, 17, 19). Изъ жизни апостоловъ Христовыхъ мы дѣйствительно узнаемъ, что имъ дана была отъ Господа чудодѣйственная сила надъ духами нечистыми, ибо они, по словамъ Евангелія, *изгнали бѣсы* изъ людей, одержимыхъ ими, и исцѣляли всякія болѣзни и недуги. Такимъ образомъ, не потому они не могли исцѣлить глухо-нѣмого бѣсноватаго отрока, что не имѣли на то какъ-бы власти отъ Господа. Нѣтъ,

не въ этомъ кроется причина ихъ слабости и невозможности совершить чудо. Въ чемъ же? Причина эта кроется не въ Всемогущемъ Господѣ, Который сказалъ однажды: *вся возможна върующему*, а въ самихъ апостолахъ, оказавшихся на этотъ разъ не то, чтобы людьми невѣрующими въ Господа, а колеблющимися и сомнѣвающимися въ дѣйствующую чрезъ нихъ, по слову Христову, чудотворную силу изгнанія бѣсовъ. Да, у нихъ не было на этотъ разъ въ достаточной степени вѣры въ эту силу! „Можетъ быть, узнавъ отъ отца бѣсноватаго силу, продолжительность и упорство бѣснованія, они усомнились въ своей силѣ изгнать духа, и потому не могли изгнать его“¹⁾. Вотъ почему Господь и сказалъ имъ въ отвѣтъ, — какъ передаетъ этотъ рассказъ другой евангелистъ Матеей, — на ихъ вопросъ: „почему мы не могли изгнать его“, — „по невѣрію вашему; ибо истинно говорю вамъ: если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно, и скажете горѣ сей: перейди отсюда туда, и она перейдетъ; и ничего не будетъ невозможнаго для васъ“ (Матѣ. XVII, 19—20). „Зерно горчичное есть — самое малое изъ сѣмянъ и часто служитъ образомъ чего-либо самаго малаго. Посему смыслъ словъ Иисуса Христа такой: если вы будете имѣть самую малую степень вѣры, только бы эта вѣра была искренняя и истинная, вы произведете дѣла необычайныя. Далѣе: изъ малаго сѣмени горчичнаго вырастаетъ огромное дерево, — такая сила заключается въ этомъ маломъ зернѣ, и такъ проявляется эта сила. Посему слова Господа могутъ имѣть и такой смыслъ: если вы будете имѣть хотя слабую, но истинную и искреннюю вѣру, то она въ васъ возрастетъ и усилится такъ, что вы будете въ состояніи производить дѣла необычайныя. Вѣра разумѣется здѣсь именно чудодѣйственная, какъ особенный даръ Божій (1 Кор. 13, 9; 14, 2)²⁾. „Сей же родъ“, — т. е. демоновъ, изъ которыхъ одинъ такъ ужасно мучилъ упоминаемаго въ нынѣшнемъ евангеліи бѣсноватаго, — „изгоняется только молитвою и постомъ“ (Матѣ. XVII, 21): такъ заключилъ Господь

¹⁾ Евангеліе отъ Матоея съ предисловіями и подробными объяснительными примѣчаніями архимандрита Михаила. Изд. второе. Москва, 1871 г., стр. 334.

²⁾ Тамъ же.

Свое разсужденіе съ апостолами по поводу возникшаго у нихъ недоумѣнія...

Остановимся здѣсь нѣсколько на этомъ послѣднемъ изреченіи Его и примемъ за наставленіе и руководство въ своей жизни. Для того, чтобы изгонять бѣсовъ въ другихъ людяхъ нужна, по словамъ Его, прежде всего вѣра, вѣра болѣе совершенная, чѣмъ какаѣ была въ данное время у апостоловъ, — та вѣра, „которая достигается усиленной молитвой и постомъ, такъ какъ постъ и молитва, отрѣшая человѣка отъ всего земнаго, по преимуществу вводятъ человѣка въ общеніе съ Богомъ и чрезъ то укрѣпляютъ вѣру“¹⁾. Въ связи съ предыдущими словами Иисуса Христа это изреченіе Его можно выразить такъ: „если мы будемъ имѣть истинную и искреннюю вѣру хотя въ малой степени, мы будемъ совершать дѣла необыкновенныя, кажуціяся невозможными; но, чтобы изгнать сей родъ злыхъ демоновъ, намъ нужно обладать тою степенью вѣры, на которую возводятъ только молитва и постъ“²⁾. Эти молитва и постъ являются крайне необходимыми въ данномъ случаѣ. „Постъ съ вѣрою, — по словамъ св. Іоанна Златоуста, — много придаетъ крѣпости, ибо научаетъ великому любомудрію, человѣка содѣлываетъ ангеломъ, да еще укрѣпляетъ противъ силъ безтѣлесныхъ. Но этого мало; нужна еще молитва. Кто постится, тотъ становится легкимъ и окрыляется и съ бодримъ духомъ молится... Кто молится съ постомъ, тотъ имѣетъ два крыла, легчайшія самаго вѣтра; онъ быстрѣ огня и выше земли, потому-то таковой особенно является врагомъ и ратоборцемъ противъ демоновъ, такъ какъ имѣтъ сильнѣе человѣка, искренно молящагося“³⁾.

Слушатели - христіане! Правда, мы съ вами не призваны изгонять изъ другихъ людей бѣсовъ и не одарены отъ Господа этою чудодѣйствующею силою, которая не всякому дается, а есть именно *даръ Божій*, какъ говоритъ объ этомъ св. апостолъ Павелъ. Но развѣ мы, съ другой стороны, освобождены теперь совсѣмъ отъ дѣйствія и вліянія нечистаго духа — діа-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

вола? Нѣтъ, братіе! Если въ настоящее время, послѣ того, какъ Иисусъ Христосъ разрушилъ царство діавола и связалъ его до извѣстнаго времени „узами адскаго мрака“ (2 Петр. II, 4), онъ, можетъ быть, и сократилъ нѣсколько свою силу надъ людьми съ внѣшней стороны своей; но за то съ другой внутренней стороны, со стороны вліянія его на души христіанскія и уловленія ихъ въ свои погибельныя сѣти, онъ не перестаетъ нападать на нихъ и теперь со всѣмъ своимъ упорствомъ и жестокостію. „Противникъ нашъ діаволь, по словамъ одного апостола—Петра, „ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить“ (1 Петр. V, 8). „Наша брань“, по словамъ другого апостола — Павла, не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ“ (Ефес. VI, 12). Итакъ, мы должны „трезвиться и бодрствовать“ на всякій день и часъ, потому что силенъ врагъ нашъ, а мы слабы и немощны. „Противустаньте діаволу, говоритъ апостолъ Іаковъ, и убѣжитъ отъ васъ“ (Іак. IV, 7). Чѣмъ противустаньте? — Вѣрою. „Противустойте ему, заповѣдуетъ апостолъ Петръ, твердою вѣрою“ (1 Петр. V, 9). А какъ достигается или пріобрѣтается эта вѣра? Не иначе, какъ *молитвою* и *постомъ*, по словамъ Самого Господа. Вотъ два, предлагаемыя Имъ для сего, духовныя и могущественныя средства, которыми мы можемъ и должны пользоваться всегда въ жизни своей для пріобрѣтенія сперва вѣры, а затѣмъ для отраженія нападений на насъ діавола,—этого „исконнаго челоуѣкоубійцы“ (Іоан. VIII, 44), который всѣми мѣрами старается повредить челоуѣку въ дѣлѣ спасенія его души. Воспользуемся же, братіе, какъ слѣдуетъ, этими средствами для нашего собственнаго блага и счастья. Аминь.

С Л О В О

предъ совершеніемъ благодарственнаго Господу Богу молебствія по случаю великой милости Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича, оказанной Имъ православно-россійскому духовенству, 14-го марта 1893 года.

О значеніи православно-россійскаго духовенства.

Сейчасъ, братіе, будетъ совершено нами благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю великой милости Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича къ православному русскому духовенству, — милости, состоящей въ томъ, что отнынѣ Державною Волею установленъ прямой и вѣрный путь къ обезпеченію нашего духовенства по всей необъятной Россіи средствами безбѣднаго его существованія. До сихъ поръ, какъ извѣстно, наше духовенство, за немногими исключеніями, жило одними только добровольными приношеніями, получаемыми имъ съ своихъ прихожанъ. Теперь же оно, благодаря мудрымъ и неусыпнымъ заботамъ Верховнаго Покровителя и Защитника Православной Церкви, получаетъ въ облегченіе своего, иногда слишкомъ тяжелаго въ матеріальномъ отношеніи, положенія постоянное пособіе со стороны государства. Государю Императору благоугодно было возстановить тотъ порядокъ, какой установленъ былъ покойнымъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и дѣйствовалъ съ 1842 по 1860 годъ, т.-е, постепеннаго отпуска изъ казны въ распоряженіе Святѣйшаго Синода извѣстной суммы, до тѣхъ поръ, пока будетъ назначено содержаніе духовенству во всѣхъ епархіяхъ Россіи. На всеподданѣйшемъ отчетѣ Оберъ-Прокурора Св. Синода по вѣдомству православнаго исповѣданія Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: „Въ высшей степени желательнаго возстановить этотъ порядокъ“. На письменномъ же выраженіи благодарственныхъ чувствъ Святѣйшаго Синода по этому случаю, Его Императорское

Величество въ 26 день минувшаго февраля, благоволилъ начертать слѣдующія знаменательныя слова, которыя останутся незабвенными въ умахъ и сердцахъ духовенства въ роды родовъ: „*Сердечно благодарю Св. Синодъ за выраженныя чувства. Буду исполнять радъ, когда Мнѣ удастся обезпечить все сельское духовенство*“. Такова милость Государя Императора по отношенію къ духовенству. Пользуясь этимъ случаемъ, я хочу предложить вамъ, братіе, въ настоящій разъ съ церковной каеэдры слово о значеніи православно-россійскаго духовенства.

Прошло уже болѣе девятисотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ русскій народъ принялъ христіанскую вѣру и получилъ возможность имѣть своихъ духовныхъ пастырей. Много поколѣній возникло за этотъ періодъ времени, много сошло уже въ могилу. Я не буду, конечно, подробно и долго останавливаться здѣсь на отдѣльныхъ личностяхъ этого періода, а скажу лишь вообще о дѣятельности и заслугахъ русскаго духовенства для нашего отечества. И прежде всего предложу вопросъ: какая главнѣйшая обязанность возлагается на пастыря Церкви? Это именно, какъ объ этомъ безошибочно можно утверждать, — совершеніе таинствъ церковныхъ. Не напрасно поэтому онъ называется „*строителемъ тайнъ Божіихъ*“, какъ объ этомъ говоритъ св. апостолъ Павелъ въ посланіи къ Коринтеянамъ (1 Кор. IV, 1).

Теперь посмотримъ, сколько разъ въ жизни своей пользуется православный христіанинъ вліяніемъ и услугами духовнаго пастыря. Родится человѣкъ на свѣтъ — и вотъ является необходимость въ пастырѣ церкви, сперва при нареченіи имени родившагося, а затѣмъ при совершеніи надъ нимъ таинствъ св. крещенія и миропомазанія. Совершаетъ человѣкъ христіанскій обрядъ говѣнія, т.-е., приступаетъ къ таинствамъ церковнымъ покаянія и причащенія, — опять является необходимымъ духовный пастырь, который предварительно разрѣшаетъ его отъ содѣянныхъ имъ грѣховъ и потомъ уже допускаетъ ко св. чашѣ причащенія. Выбираетъ человѣкъ себѣ подругу жизни и намѣревается вести правильную брачную жизнь, какая существуетъ въ христіанствѣ, — опять главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ жизненномъ актѣ брачующихся является духовный пастырь, который благословляетъ и освя-

щаетъ ихъ таинственнымъ супружескій союзъ. Заболѣваетъ человѣкъ тяжело и опасно, — опять необходимъ пастырь церкви съ своею благодатною помощію, исцѣляющею немощи душевныя и тѣлесныя, въ таинствѣ елеосвященія или соборованія. Наконецъ, умираетъ человѣкъ, — и опять является необходимымъ съ своею помощію духовный пастырь, который разрѣшаетъ его отъ грѣховъ и благословляетъ переходъ его изъ здѣшней земной жизни въ будущую загробную. Такъ, вся жизнь человѣка, со дня его рожденія и до смерти, обставлена таинствами и благословеніями св. Церкви, требующими непремѣннаго участія пастыря и служителя ея.

Я отмѣтилъ только главнѣйшіе моменты въ жизни человѣка, когда присутствіе духовнаго пастыря является необходимымъ въ силу христіанскаго обряда и обычая, принятаго и утвержденного нашею св. Церковію. Но сколько есть случаевъ въ жизни человѣка, такъ сказать, второстепенныхъ, когда помощь духовнаго пастыря является для него, если не столь необходимой, то во всякомъ случаѣ полезною и благотворною. И нѣтъ, кажется, ни одного такого маловажнаго случая въ жизни человѣка, когда бы помощь эта была совсѣмъ не нужна и не приносила бы ровно никакой пользы. Напротивъ, вездѣ и всегда она бываетъ замѣтна и приносить свою долю пользы. Такъ, напримѣръ, она проявляется въ домашней или семейной жизни христіанина и, притомъ, во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, какъ радостныхъ, такъ и печальныхъ. Предпринимаетъ-ли онъ какое-нибудь маломальски важное и трудное дѣло, направленное ко благу и счастью себя самого и своего ближняго, или же съ успѣхомъ оканчиваетъ его, отправляется-ли въ дальнее путешествіе, или же благополучно возвращается изъ него; радуется-ли какому-нибудь благодѣтельному событію въ жизни, или печалится отъ какой-нибудь бѣды и несчастія, постигшаго его, — во всѣхъ этихъ случаяхъ, представляющихся въ жизни христіанина, мы видимъ присутствіе духовнаго пастыря съ его благословеніями и молитвами о благосостояніи и спасеніи всего его дома. И, конечно, эта помощь духовнаго пастыря, оказываемая христіанину, бываетъ велика и чрезвычайно благотворна по своимъ послѣдствіямъ.

Далѣе, въ собственно церковной дѣятельности духовныхъ пастырей, ограничиваемой приходскимъ храмомъ, на первомъ планѣ нужно поставить церковную проповѣдь, затѣмъ въ богослужебныя собесѣдованія съ народомъ и общее всенародное пѣніе, наконецъ, всякій духовный совѣтъ и вразумленіе со стороны пастыря прибѣгающему къ нему простому человеку-христианину. Уже эти однѣ обязанности, возлагаемыя на пастыря Церкви его званіемъ, поставляютъ его въ глазахъ всѣхъ христіанъ, принадлежащихъ къ его приходу, на первое мѣсто, и доставляютъ ему въ ряду другихъ людей, приносящихъ пользу государству и обществу, также одно изъ первыхъ мѣстъ. А если считать, что наши духовныя нужды и потребности должны быть первыми и главнѣйшими изъ всѣхъ другихъ и постоянно должны быть удовлетворяемы такъ или иначе въ жизни, то можно себѣ представить всю важность въ этомъ отношеніи пастырскаго служенія людямъ! Но вмѣстѣ съ важностію открывается и трудность пастырскаго служенія,—трудность, которая, по мѣрѣ продолженія его, все увеличивается и увеличивается. Это, я думаю, испыталъ на себѣ каждый добросовѣстный пастырь, нелѣпно и неліцемерно трудящійся для духовнаго блага своихъ пасомыхъ. Въ этомъ отношеніи нужно отдать великую честь нашему духовенству, которое, не смотря на многочисленныя труды по своей службѣ и на разныя препятствія, встрѣчающіяся на пути своей дѣятельности, продолжаетъ дѣлать свое дѣло, съ Божіею помощію, неустанно и ревностно. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣятельность его по отношенію къ главнѣйшимъ своимъ обязанностямъ доходитъ до полнаго самоотверженія и героизма. Примѣры такого рода были и есть, какъ въ прежнее время, такъ и теперь. Слава Богу, наша русская земля не оскудѣла еще истинными, духовными пастырями! Кто можетъ поручиться и съ увѣренностію сказать намъ, что это неправда? Никто, конечно! Напротивъ, съ большею вѣроятностію можно предположить, что есть и всегда будутъ люди, выдѣляющіеся изъ ряда обыкновенныхъ по своей службѣ и дѣятельности. Намъ, пожалуй, могутъ возразить на это, что мы имѣемъ въ виду единичные исключительные случаи. Послѣдимъ отвѣтить, что мы не хотимъ здѣсь перечислять всѣхъ

знаменитыхъ и прославившихся въ свое время духовныхъ пастырей. Да это и невозможно было бы сдѣлать помимо нашей воли. По отношенію же къ настоящему времени намъ нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что истинное благочестіе и смиреніе боится свѣта и не любитъ прежде времени выставять свои дѣла открыто и на показъ другимъ.

Изъ сказаннаго уже нами ясно открывается все величіе заслугъ для русскаго народа духовныхъ пастырей и служителей Церкви и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все громадное значеніе ихъ, остающееся за ними до сихъ поръ, не смотря на возникшія въ послѣднее время попытки нѣкоторыхъ недобрыхъ русскихъ людей сломить и разрушить его окончательно. Что касается того, что мы постоянно слышимъ на словахъ и видимъ на самомъ дѣлѣ нападки на наше духовенство за его дѣятельность по совершенію богослуженія и таинствъ церковныхъ или по требоисправленію со стороны злыхъ и недоброжелательныхъ людей, то это легко объясняется душевнымъ состояніемъ послѣднихъ: невѣріе ослѣпило ихъ умственные и сердечныя очи, а отпаденіе отъ Церкви окончательно убило въ нихъ всякое стремленіе къ духовной жизни.

Дѣятельность пастырей Церкви по совершенію богослуженія и таинствъ церковныхъ или по требоисправленію всегда считалась и считается одною изъ ближайшихъ и главнѣйшихъ ихъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ ихъ званіемъ и положеніемъ въ обществѣ. Но не здѣсь оканчивается предѣлъ дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значенія нашихъ пастырей. За ними считается еще одно, весьма важное право и преимущество въ дѣлѣ духовнаго, какъ умственнаго, такъ и нравственнаго, просвѣщенія русскаго народа, идущее издревле отъ самыхъ первыхъ временъ государства русскаго. Впродолженіе всей нашей исторіи замѣтно обнаружилось живое и дѣятельное участіе ихъ въ этомъ великомъ и благодѣтельномъ для всего русскаго народа дѣлѣ. Но въ послѣднее время эта дѣятельность, какъ извѣстно, чрезвычайно расширилась: пастырямъ Церкви предоставлено право и преимущество, котораго они, можно сказать, почти не имѣли въ прежнее время. Мы разумѣемъ участіе ихъ въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ законоучителей, по Высочайшему закону, данному 13-го іюля

1884 года. Незабвенны по этому поводу слова, начертанныя Высочайшею рукою ¹⁾ на докладной запискѣ по этому дѣлу: „надпись, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ“. Оправдались эти слова Монарха нашего, оправдались, если не во всей широтѣ, какъ слѣдовало бы, то въ нѣкоторой степени, можно сказать, все-таки оправдались. Кто не знаетъ, съ какимъ усердіемъ и ревностію взялось наше духовенство за это дѣло, дѣло духовнаго учительства и просвѣщенія русскаго народа, дѣло, столь ему любезное и столь подходящее и свойственное принятому имъ на себя высокому званію духовныхъ вождей и просвѣтителей народа? Да и теперь развѣ нѣтъ такихъ тружениковъ—пастырей Церкви, которые безкорыстно и нелицемерно трудились бы надъ введеніемъ и распространеніемъ просвѣщенія въ темныя массы своихъ прихожанъ то безвозмезднымъ преподаваніемъ въ церковно-приходскихъ школахъ при самой бѣдной виѣшной ихъ обстановкѣ, то неустаннымъ проповѣданіемъ съ церковной кафедрой, какъ во время богослуженія, такъ и внѣ его, то введеніемъ въ своей приходской церкви общаго всенароднаго пѣнія, и т. п.? Къ счастью, есть и очень много! Нужно только благодарить Бога за то, что и въ наше, скудное духомъ вѣры и благочестія, время являются еще люди великіе духомъ и силою для нашего назиданія и подгрѣпленія.

Кромѣ участія пастырей Церкви въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ законоучителей, сколько еще пастырей Церкви трудилось и трудится до сихъ поръ на томъ же святомъ и многотрудномъ поприщѣ духовнаго учительства въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ! Но у насъ не хватило бы ни времени, ни силъ, если бы мы захотѣли обозрѣть и перечислить за девятилѣтній періодъ имена и дѣянія знаменитыхъ законоучителей, ревностно потрудившихся въ нашемъ отечествѣ надъ духовнымъ просвѣщеніемъ русскаго народа.

Относительно этой послѣдней дѣятельности нашего духовенства, касающейся просвѣщенія русскаго народа, ничего, ка-

жется, не должны и не могли бы возразить люди, недоброжелающіе ему, такъ какъ эта дѣятельность очевидна для всякаго, имѣющаго очи видѣть. Но, несмотря на такое очевидное значеніе нашего духовенства въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія русскаго народа, нашлись въ настоящее время, къ величайшему прискорбію, люди, которые умаляютъ это, принадлежащее ему, значеніе и упрекаютъ его въ какомъ-то невѣжествѣ и отсталости передъ другими людьми. Не трудно, конечно, догадаться по понятіямъ и жизни современныхъ людей, въ чемъ заключается это невѣжество и эта отсталость и, наоборотъ, въ чемъ состоитъ просвѣщеніе и прогрессъ, потому что эти понятія и жизнь нынѣ такъ измѣнились и извратились въ духовномъ смыслѣ, что легко и совершенно безошибочно можно бываетъ принять первое за послѣднее. Тамъ, гдѣ мы нынѣ видимъ въ жизни современныхъ людей просвѣщеніе и прогрессъ, на самомъ дѣлѣ невѣжество и отсталость, и наоборотъ, гдѣ невѣжество и отсталость (по ихъ мнѣнію) — тамъ истинное просвѣщеніе и прогрессъ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно назвать просвѣщеніемъ и прогрессомъ то печальное явленіе въ жизни современныхъ людей, когда во имя ложнаго разума отвергаются ими всѣ непостижимыя истины и догматы христіанства, совершаются нападки на Православную Церковь со всѣми ея благотворными уставами и заповѣдями? И развѣ въ этомъ состоитъ невѣжество и отсталость нашихъ духовныхъ пастырей, когда они, какъ и вообще всѣ православные христіане, не принимаютъ мнѣній и обычаевъ злого и развращеннаго міра и остерегаются идти такимъ погибельнымъ путемъ вслѣдъ за современнымъ теченіемъ, а держатся своего, вѣками установленнаго и завѣщаннаго ихъ предками, направленія, когда они всячески порицаютъ этотъ путь и людей, идущихъ по нему, и въ то же время стараются дѣйствовать на умы и сердца другихъ увлекающихся и неопытныхъ христіанъ, чтобы они остановились въ своемъ заблужденіи и не слѣдовали этимъ чуждымъ и погибельнымъ для нихъ путемъ, а шли своимъ вѣрнымъ и истиннымъ? Нѣтъ и нѣтъ! Можно судить послѣ этого о справедливости упрековъ, дѣлаемыхъ нашему духовенству въ этомъ отношеніи. Нужно желать только, чтобы

¹⁾ Покойнаго Государя Императора Александра Александровича.

оно подольше оставалось въ этомъ мнимомъ и ложномъ невѣжествѣ и отсталости, на самомъ же дѣлѣ въ дѣйствительномъ и истинномъ просвѣщеніи и прогрессѣ...

Кромѣ участія пастырей Церкви въ великомъ и важномъ дѣлѣ просвѣщенія русскаго народа, за которое они пользовались всегда почетнымъ названіемъ *передового сословія* въ Россіи, имъ принадлежитъ также не менѣе важное участіе въ событіяхъ государственной и общественной жизни русскаго народа. Здѣсь это участіе также проходитъ чрезъ всю нашу исторію. Во всѣхъ событіяхъ нашего отечества, какъ радостныхъ, такъ и печальныхъ, духовные пастыри являлись дѣйствительно передовыми людьми, т.-е., первыми приходили на помощь русскому народу и приносили всегда соответственную пользу, какъ въ дѣлѣ духовнаго его спасенія, такъ и въ дѣлѣ земнаго его благополучія и благоденствія. Не будемъ говорить объ отдаленныхъ отъ насъ временахъ, а упомянемъ лишь о ближайшихъ къ намъ, на примѣръ, о знаменательной эпохѣ начала 17 и 19 столѣтія, когда духовенство русское совершило безпримѣрные въ лѣтописяхъ Россіи подвиги на защиту и освобожденіе своего отечества отъ иноземнаго владычества враговъ. Не малую пользу, какъ духовную, такъ и вещественную, принесло оно и въ послѣднемъ достопамятномъ событіи, совершившемся на нашихъ глазахъ семнадцать лѣтъ тому назадъ, когда Россія предприняла освобожденіе христіанъ изъ подъ ига невѣрныхъ и вслѣдствіе этого была вовлечена въ войну съ Турціей. Такъ, наше духовенство оказалось въ этихъ случаяхъ на высотѣ своего призванія и было, по истинѣ, передовымъ сословіемъ, служившимъ для всѣхъ другихъ примѣромъ и образцомъ.

Упомянувъ о нападкахъ на наше духовенство, я хочу отмѣтить здѣсь одинъ отрадный фактъ изъ жизни современныхъ христіанъ по отношенію къ пастырямъ и служителямъ Церкви. Не смотря на насмѣшки и глумленія всякаго рода, причиняемыя пастырямъ Церкви и идущія отъ извѣстной части нашего общества, отшатнувшейся совсѣмъ отъ господствующей Православной Церкви и ея обычаевъ, съ другой стороны, именно со стороны вѣрующихъ и горячо преданныхъ членовъ Церкви мы видимъ постоянное желаніе и стремленіе выдвинуть сво-

его пастыря впередъ изъ среды другихъ людей, для того, чтобы отдать ему должную дань любви и благодарности за его труды и заслуги для русскаго общества. Мы разумѣемъ особенно распространившееся въ послѣднее время чествованіе духовныхъ пастырей по случаю юбилеевъ ихъ пастырскаго служенія и поднесеніе имъ разныхъ наградъ въ видѣ крестовъ, иконъ и т. п. Отрадное явленіе! Что показываетъ оно намъ? Оно ясно и убѣдительно показываетъ, что дѣятельность духовныхъ пастырей чрезвычайно необходима и плодотворна для ихъ пасомыхъ и потому должна быть всегда высоко цѣнима и дорого вознаграждаема.

Скажемъ, наконецъ, еще объ одномъ, послѣднемъ и самомъ важномъ значеніи нашего духовенства, которое оно имѣло какъ прежде, такъ и теперь имѣеть и которое, надѣмся, всегда будетъ имѣть на будущее время. Здѣсь мы коснемся только чернаго или монашествующаго духовенства и, притомъ, лицъ высшихъ изъ него. Именно, мы будемъ говорить объ епископствѣ или архіерействѣ. Какое же значеніе, спросимъ, имѣютъ для насъ архіереи? Велики и сложны обязанности архіерейскія. Кромѣ заботъ и трудовъ по управленію паствой и непосредственнаго руководства своихъ пасомыхъ къ вѣчному спасенію, на нихъ лежитъ еще важная обязанность въ дѣлѣ церковной іерархіи или священноначалія, именно имъ принадлежитъ совершеніе таинства священства или посвященіе въ духовный санъ діакона и священника подвѣдомыхъ имъ въ церковномъ отношеніи людей. А чрезъ священниковъ, какъ ранѣе сказано было, мы получаемъ непосредственное освященіе и благословеніе всей нашей жизни. Такимъ образомъ архіереи чрезъ посредство священниковъ и другихъ низшихъ служителей Церкви имѣютъ громадное духовно-нравственное значеніе для всей Россіи. Чрезъ нихъ какъ-бы освящается вся русская земля. И если бы когда-нибудь у насъ прекратилось преемство истинныхъ архіереевъ, ведущихъ свое начало отъ Самого Христа и его первыхъ послѣдователей — апостоловъ, то не было бы у насъ и Церкви, а вмѣстѣ съ нею и надежды на вѣчное спасеніе: ибо, по словамъ св. Кипріана, „кто съ епископомъ, тотъ въ Церкви, а кто не съ

епископомъ, тотъ и не съ Церковію“ (Epist. LXXIII). Такого значеніе для насъ епископовъ и вообще архіереевъ.

Я показалъ вамъ, братіе, насколько могъ, все значеніе нашего духовенства. Это значеніе, по-истинѣ, велико и благотворно. Изъ всего этого справедливо слѣдуетъ вывести то заключеніе, что какъ много обязанъ русскій народъ своему духовенству. Благодаря ему, онъ, можно сказать, возросъ, окрѣпъ и возвеличился въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ. Безъ него онъ, пожалуй, погибъ бы въ духовномъ и тѣлесномъ смыслѣ. Погибнуть духовно безъ пастырей и служителей Церкви, это понятно, потому что, какъ мы уже сказали, нельзя быть истиннымъ христіаниномъ, не приступая и не пользуясь церковными таинствами, которыя можетъ совершать одинъ только духовный пастырь. Погибель же духовная неминуемо ведетъ за собою и гибель тѣлесную, какъ это показываютъ многочисленные опыты и примѣры изъ жизни прошлой и современной. Поэтому, мы должны быть чрезвычайно благодарны за все то, что сдѣлало и дѣлаетъ для насъ духовенство, должны не только молиться о немъ и заботиться о его тѣлесныхъ нуждахъ, необходимыхъ въ этой земной жизни и, притомъ, часто необезпеченныхъ, но и любить его, уважать его и благоговѣть передъ нимъ, какъ носителемъ и раздаятелемъ благодати и благословенія Божія людямъ. Что такое духовенство? Это—громогласная труба, возвѣщающая и созывающая всѣхъ людей въ царствіе Божіе; это—спасительный маякъ, указывающій и приводящій всѣхъ плавающихъ по житейскому бурному морю въ тихую безбѣдную пристань! Дорожите же, православные христіане, дарованнымъ и поставленнымъ вамъ отъ Бога духовенствомъ. Въ этомъ заключается ваше личное счастье, духовное и тѣлесное, ваше истинное благо, къ которому призваны вы, какъ христіане, именно ваше вѣчное спасеніе. Что же касается тѣхъ попытокъ злыхъ людей, которыя имѣютъ въ виду очернить и всячески умалить значеніе нашего духовенства, то о нихъ не стоитъ слишкомъ много думать и тревожиться. Всѣ онѣ, конечно, ни къ чему иному приведутъ, какъ только къ большей оцѣнкѣ его дѣятельности и къ большому распространенію его славы среди всего православнаго міра.

Говоря о дѣятельности и заслугахъ русскаго духовенства вообще, могу ли я въ настоящее время сказать что-либо подобное о самомъ себѣ въ частности? Или могу ли я надѣяться на это когда-нибудь въ будущемъ? Нѣтъ, братіе, я долженъ откровенно сказать вамъ, что нѣтъ у меня какихъ-либо особенныхъ силъ и дарованій, необходимыхъ для достойнаго прохожденія столь высокаго и труднаго служенія людямъ, какъ пастырское. Чѣмъ я могу похвалиться въ настоящее время? Ни чѣмъ инымъ, какъ только немощами своими, душевными и тѣлесными. *Слаждать убо похваляюся*, скажу словами апостола Павла,—*паче въ немощехъ моихъ* (2 Кор. XII, 9). Но, сознавая всю свою слабость и ничтожность въ этомъ отношеніи, я вѣрю, твердо вѣрю въ Божественную благодать Всесвятаго Духа, „немогущая врачующую и оскудѣвающая восполняющую“, полученную мною при посвященіи въ санъ іерейскій, и, при помощи ея, надѣюсь исполнять свои обязанности достойно и праведно. Братія моя о Господѣ! Прошу и умоляю васъ: вознесите о мнѣ, грѣшномъ и недостойномъ служителѣ Церкви, вашу усердную молитву Господу Богу, чтобы Онъ помогъ мнѣ свято исполнить мой пастырскій долгъ, возложенный на меня самимъ званіемъ; чтобы я могъ съ пользою потрудиться для спасенія своего и вашего и чтобы, по окончаніи своего земного поприща, могъ удостоиться на послѣднемъ и страшномъ судѣ Христовѣ сказать передъ Господомъ Богомъ, нелицепріятнымъ Судіей и Мздовоздаятелемъ: „*се азъ и дѣти, яже ми далъ еси, Боже*“. О, да будетъ же это такъ по молитвамъ вашимъ и, въ особенности, по молитвамъ Пресвятыя Богородицы и святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, какъ покровителей того святого храма, къ служенію въ которомъ я призванъ Высшею Волею! Аминь.

С Л О В О

въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и въ Великій четвертокъ,
25-го марта, 1893 года.

„Насъ ради челоука и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ и ооплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшася“ (3-й членъ Символа Вѣры).

Такъ читается третій членъ Символа Вѣры, содержимаго нашею св. Православною Церковію. О чемъ же говорится въ этомъ членѣ? Въ немъ говорится о тайнѣ воплощенія и вочеловѣченія Сына Божія, — той тайнѣ, проповѣдь о которой представляетъ намъ нынѣшній праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы...

Когда пришло время, опредѣленное въ совѣтѣ Божіемъ, тогда совершилась эта великая тайна воплощенія и вочеловѣченія Сына Божія. *„Велія есть благочестія тайна; — говорить св. апостолъ Павелъ, — Богъ явился во плоти“* (1 Тим. III, 16). Что это значитъ? Слово: *воплощеніе* означать, что Сынъ Божій благоволилъ принять на Себя челоуѣческую плоть со всѣми ея немощами, кромѣ грѣха. Выраженіе это взято изъ евангелія отъ Іоанна, въ которомъ сказано: „и Слово стало плотію“ (Іоан. I, 14). Слово: *вочеловѣченіе* означаетъ, что Господь принялъ не только тѣло, но и душу челоуѣческую, и сдѣлался совершеннымъ челоуѣгомъ, не переставая въ то же время быть Богомъ. Св. апостолъ Павелъ говоритъ объ этомъ такъ: „единъ Богъ, единъ и посредникъ между Богомъ и челоуѣками, челоуѣкъ Христосъ Іисусъ, предавшій Себя для искушенія всѣхъ“ (1 Тим. II, 5—6).

Объ обстоятельствахъ, предворяющихъ и сопровождающихъ воплощеніе и вочеловѣченіе Сына Божія намъ извѣстно изъ свящ. Писанія и свящ. Преданія слѣдующее. „Когда пришло время явиться Искупителю міра, Господь избралъ для служенія великой тайнѣ воплощенія и вочеловѣченія Сына Своего Пресвятую Дѣву Марію и особенными путями Своего промысла предпочистилъ и приготовилъ Ее для предназначеннаго

Ей великаго служенія. Она была изъ потомства Давидова, дочь праведныхъ Іоакима и Анны, дарованная имъ по молитвѣ въ глубокой старости, получила воспитаніе при храмѣ и, желая служить единому Богу, дала обѣтъ постояннаго дѣвства. По окончаніи воспитанія, по внушенію свыше, Она была обручена старцу Іосифу, подѣ условіемъ сохраненія ея священнаго обѣта, и жила въ домѣ его въ городѣ Назаретѣ. Одинъ изъ предстоящихъ престолу Божію архангеловъ, по имени Гавріилъ, принявъ повелѣніе отъ Бога, явился къ ней и возвѣстилъ Ей о рожденіи отъ Нея Господа Спасителя. Пресвятая Дѣва въ бесѣдѣ съ нимъ обнаружила дивныя сокровища своей души, какъ-то: разсудительность, смиреніе, дѣвственную чистоту помысловъ, вѣру и преданность волѣ Божіей. Между прочимъ, Она спросила архангела: „какъ будетъ это, когда я мужа не знаю“? Въ отвѣтъ на это онъ сказалъ Ей: „Духъ Святыи найдетъ на Тебя и сила Всевышняго осынитъ Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыномъ Божіимъ“ (Лук. I, 34—35). По истеченіи девяти мѣсяцевъ послѣ Благовѣщенія архангеломъ Пресвятой Дѣвы о чудесномъ зачатіи и рожденіи отъ Нея Сына Божія, послѣдній дѣйствительно благоволилъ родиться отъ Нея, согласно пророчеству Михея, въ іудейскомъ городѣ Виелеемѣ¹⁾, и явиться на землѣ въ естествѣ челоуѣческомъ для того, чтобы избавить челоуѣка отъ тѣхъ бѣдствій, какимъ подвергся онъ вслѣдствіе паденія прародителя своего, и возвратитъ ему блаженное единеніе съ Богомъ.

Таково ученіе св. Церкви о тайнѣ воплощенія и вочеловѣченія для нашего спасенія Сына Божія. Когда же, спросимъ, началось это спасеніе? Оно началось именно нынѣ, въ день Благовѣщенія Архангеломъ Гавріиломъ Пресвятой Дѣвы Маріи о чудесномъ зачатіи и рожденіи отъ Нея Сына Божія. *Днесь спасенія нашего главизна, — поетъ св. Церковь въ нынѣшнемъ праздничномъ тропарѣ, — и еже отъ вѣка таинства явленіе, Сынъ Божій, Сынъ Дѣвы бываетъ, и Гавріилъ благодать благовѣствуетъ.* Можемъ-ли мы, братіе, сказать теперь про са-

¹⁾ „Изложеніе христіанской православной вѣры“. Выпускъ первый. Прот. П. Смирнова. Москва, 1882 г., стр. 57—58.

михъ себя, что воспользовались въ своей жизни призывомъ къ этому спасенію? О, если бы могли сказать это съ дерзновеніемъ и вѣрою! Правда, для многихъ изъ насъ нынѣшній день служить очевиднымъ признакомъ начала нашего спасенія. Многие изъ насъ нынѣ сподобились, по милости Божіей, таинственно и преискренне соединиться съ Самимъ Господомъ въ таинствѣ св. Причащенія. *Ядый Мою плоть и пійи Мою кровь,*—сказалъ Божественный Учредитель этого таинства,— *во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ. Ядый Мою плоть, и пійи Мою кровь, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. VI, 54, 56). Но когда это, братіе, бываетъ? Только тогда, когда человѣкъ, приступающій къ таинству св. Причащенія, испытаетъ, какъ должно, предъ Богомъ свою совѣсть и очиститъ ее искреннимъ чистосердечнымъ раскаяніемъ во грѣхахъ своихъ съ твердою рѣшимостію не дѣлать ихъ впередъ. Въ противномъ случаѣ, онъ не съ пользою, а со вредомъ для себя причащается. *Да искушаетъ же человекъ себе, — скажемъ словами апостола Павла, — и тако отъ хлѣба да ястъ и отъ чаши да пїетъ. Ядый бо и пійи недостоинъ, судъ себѣ ястъ и пїетъ, не разсудая тѣла Господня* (1 Кор. XI, 28—29)! Да поможетъ намъ всѣмъ Господь быть достойными причастниками Его Божественнаго тѣла и крови съ тѣмъ, чтобы они были не только началомъ спасенія нашего въ этой жизни, но и залогомъ вѣчнаго спасенія въ будущей! Аминь.

С Л О В О

предъ Плащаницю въ Великій Пятокъ, 26-го марта 1893 года.

О томъ, чему поучаетъ насъ гробъ Христовъ въ жизни христіанской.

Что сказать мнѣ здѣсь, въ виду этого гроба, въ настоящія торжественно-печальныя минуты, переживаемыя св. Церковію?..

При видѣ всякаго гроба мысль наша невольно останавливается на всеобщемъ и неизбѣжномъ удѣлѣ каждаго изъ насъ—

смерти, тлѣнія и разрушенія нашего тѣлеснаго естества, по приговору Божію, вслѣдствіе грѣхопаденія нашихъ прародителей. Не долго обыкновенно остается открытымъ гробъ на землѣ, содержащій въ себѣ останки кого-либо изъ насъ: день-два, много три-четыри, а затѣмъ скрывается въ землю и подвергается всеобщему закону тлѣнія и разрушенія до будущаго всеобщаго воскресенія изъ мертвыхъ. Исключеній изъ этого порядка жизни человѣческой не много представляетъ намъ исторія. Не таковъ, братіе, гробъ, который мы видимъ сейчасъ передъ собой. Онъ, хотя и сокрылся отъ насъ нѣкогда въ землю, но не надолго; онъ не подлежалъ въ ней тлѣнію и разрушенію, подобно многимъ другимъ, видимымъ нами, гробамъ мертвецовъ. Изъ него возсіялъ, какъ извѣстно, свѣтлый лучъ воскресенія на третій день послѣ смерти Божественнаго Мертвеца и погребенія Его въ нѣдрахъ земли. Пророкъ Давидъ, „провидя“ издалека, „сказалъ“ именно „о воскресеніи Христа“ Спасителя, какъ объясняетъ это св. Апостоль Петръ, „что не оставлена душа Его въ адѣ, и плоть Его не видѣла тлѣнія“ (Пс. XV, 10; Дѣян. II, 31). Потому-то гробъ Христовъ и называется *живоноснымъ*. *Яко живоносець яко рая краснѣйшій*, поетъ св. Церковь,— *воистину и чертоги всякаго царскаго показася свѣтлѣйшій, Христе, гробъ Твой, источникъ нашего воскресенія* (пасх. стих.). И если тотъ же Апостоль „позволилъ“ себѣ „сказать съ дерзновеніемъ о праотцѣ Давидѣ, что онъ и умеръ и погребенъ, и гробъ его у насъ до сего дня“ (Дѣян. II, 29); то въ особенности это можно сказать о предлежащемъ предъ нами гробѣ Христа Спасителя нашего, Котораго мы, нѣсколько разъ уже обнося вокругъ храма, какъ-бы снова погребали въ землю и Котораго, вѣроятно, еще много разъ придется погребать намъ тамъ же. Но, не смотря на это, гробъ Христовъ всегда, можно сказать, находится съ нами, всегда мы можемъ пользоваться плодами искупительныхъ страданій и смерти нашего Спасителя, всегда можемъ поучаться Его всемірной проповѣди со креста и изъ гроба. По-истинѣ, какъ говоритъ св. Ап. Павелъ, „Христосъ, воскресши изъ мертвыхъ, уже не умираетъ; смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти“ (Рим. VI, 9).

Братіе! Предъ нами гробъ Христа Спасителя. О чемъ-же прежде всего вѣщаетъ намъ этотъ гробъ? Онъ вѣщаетъ намъ о томъ же, о чемъ постоянно вѣщалъ при жизни Своей, находящійся нынѣ во гробѣ, Христосъ Спаситель нашъ. Онъ вѣщаетъ намъ о *нашемъ будущемъ воскресеніи изъ мертвыхъ*, котораго мы, по словамъ Символа нашей Вѣры, *часомъ* или ожидаемъ. *Ядый мою плоть, и пійи мою кровь,—сказалъ нѣкогда Самъ Господь нашъ,—имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день* (Іоан. VI, 54). *Аминь аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ* (Іоан. V, 25). Правда, это случится уже послѣ того, какъ мы умремъ и, чрезъ погребеніе въ землѣ, подвергнемся тлѣнію и разрушенію. Но каковы эти смерть и тлѣніе, по ученію слова Божія? Только временныя до пришествія на землю Христа Спасителя въ качествѣ Судіи и Мздовоздаятеля. „Сѣется“, т.-е. въ землѣ погребается, „въ тлѣніи“, говоритъ св. Апостоль Павелъ „востаетъ въ нетлѣніи. Ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему облечься въ безсмертіе. Когда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть побѣдою“ (Іс. XXV, 8; 1 Кор. XV, 42. 53—54). Таковъ, братіе, тотъ урокъ, которому научаетъ всѣхъ насъ предлежащій гробъ Христовъ! Примемъ же близко къ сердцу этотъ урокъ и постараемся оправдать его въ своей жизни, чтобы быть намъ достойными безсмертія въ будущей жизни, безсмертія не въ смыслѣ осужденія и вѣчныхъ мукъ, а въ смыслѣ помилованія и вѣчно-блаженной жизни.

О чемъ еще вѣщаетъ намъ этотъ гробъ Христовъ? Онъ вѣщаетъ намъ о *послѣднемъ и всеобщемъ судѣ Христовѣ*, имѣющемъ быть послѣ кончины вѣка и послѣ воскресенія мертвыхъ, когда Онъ *придетъ въ славу Своей, и вси святіи Ангели съ Нимъ* (Матѣ. XXV, 31). Да, братіе, гробъ Христовъ есть не только постоянный и неумолчный проповѣдникъ воскресенія Его и нашего изъ мертвыхъ, но и послѣдняго суда Его надъ нами! Вспомнимъ здѣсь, чему и какъ училъ Иисусъ Христосъ во время Своей жизни на землѣ.

„Отецъ не судитъ никого“, — такъ говорилъ Христосъ невѣрующимъ въ Него іудеямъ, — но всякій судъ отдалъ Сыну“ (Іоан. V, 22). Онъ „далъ Ему власть прозводить и судъ, потому что Онъ есть Сынъ человѣческій“ (ст. 27). Намъ извѣстенъ, каковъ будетъ этотъ послѣдній и всеобщій судъ Христовъ. Онъ будетъ *праведнымъ*, какъ объ этомъ учитъ Самъ Христосъ „Я ничего не могу творить Самъ отъ Себя. Какъ слышу, такъ и сужу; и судъ Мой праведенъ: ибо не ищу Моей воли, но воли пославшаго Меня Отца (Іоан. V, 30).

За что-же Христосъ будетъ судить людей? За то, что они не увѣровали и отвергли Его, какъ истиннаго благодѣтеля и друга человѣчества, и предали Его позорной смерти — распятію на крестѣ, какъ какаго-либо злодѣя и преступника. За того, скажите, Христосъ пострадалъ и умеръ на крестѣ? Онъ пострадалъ и умеръ за всѣхъ насъ. „Христосъ за всѣхъ умеръ,—говоритъ св. Апостоль Павелъ,—чтобы живущіе уже не для себя жили, но для умершаго за нихъ и воскресшаго“ (2 Кор. V, 15). И при томъ какъ умеръ? „Умеръ за насъ, когда мы были еще грѣшниками; когда еще мы были немощны, въ опредѣленное время умеръ за нечестивыхъ“ (Рим. V, 6. 8.). Такова-то, братіе, смерть Христова, смерть Сына Божія, чрезъ которую „мы, будучи врагами, примирились съ Богомъ“ (Римл. V, 10), съ Отцемъ небеснымъ. Нѣкоторые изъ насъ, можетъ быть, скажутъ при этомъ: правда, вѣдь такая участь, т.-е., судъ Божій постигнетъ только людей невѣрующихъ, людей ожесточенныхъ и развращенныхъ въ умѣ и сердцѣ; мы же, какъ христіане, не принадлежимъ къ числу такихъ людей. Но, братіе, можно-ли съ увѣренностію сказать кому-либо изъ насъ, что у него нѣтъ грѣховъ и преступленій въ отношеніи къ Господу Богу? Нѣтъ, конечно! По ученію слова Божія, „нѣтъ такого человѣка, который жилъ бы и не согрѣшилъ, даже еслибы и одинъ день жизни его былъ на землѣ“ (Іов. XIV, 4). „Всѣ мы много согрѣшаемъ“, говоритъ св. Апостоль Іаковъ (III, 2). Если же такъ, то можно себѣ представить всю вину нашу въ отношеніи къ Господу, пострадавшему и умершему за насъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое грѣхи, которые мы творимъ ежеминутно въ своей жизни? Это—нарушеніе нравственнаго закона, вложеннаго въ насъ

Самимъ Богомъ, это—противленіе Богу, это—вражда на Бога. Значить, когда мы грѣшимъ, когда не исполняемъ воли Божіей, выраженной въ Евангеліи относительно нашего же спасенія, то этимъ самымъ какъ-бы вторично распинаемъ въ своей жизни Сына Божія. Вѣдь онъ, Сынъ Божій, пострадалъ и умеръ за грѣхи не одного какого-либо народа, а за грѣхи всѣхъ людей на свѣтѣ. А затѣмъ, когда мы любимъ этотъ міръ, который по слову Апостола, „весь во злѣ лежитъ“ (1 Иоан. V. 19), тогда становимся на сторону его, а не Бога, Котораго такимъ образомъ мало-по-малу забываемъ и оставляемъ безъ вниманія. Между тѣмъ какъ слово Божіе учитъ насъ: „не любите міра, ни того, что въ мірѣ: кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей. Ибо все, что въ мірѣ, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть отъ Отца, но отъ міра сего“ (1 Иоан. II, 15—16). Да, братіе, тотъ только и можетъ назваться истинно-любящимъ Бога, кто не любитъ міра сего, злого и развращеннаго!..

Итакъ у гроба Христа Спасителя нашего не мѣсто только размысленію и поученію, а и мѣсто плачу и покаянію нашему о нашихъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, которыми мы прогнѣваемъ Господа Бога и навлекаемъ на себя судъ Его праведный. *Воскресни же, Боже, воскресни, суди земли, яко Ты наследилши во всѣхъ языкахъ! Аминь.*

С Л О В О

въ недѣлю Антипасхи (о Ѳомѣ), 4-го апрѣля 1893 года.

На чемъ утверждалась вѣра Апостоловъ и на чемъ утверждается наша вѣра въ божественность Іисуса Христа.

Блаженн не видѣвши, и впроваши
(Иоан. XX, 29).

Невѣріе апостола Ѳомы, о которомъ мы слышали въ нынѣшнемъ Евангеліи, было вовсе не то грубое невѣріе, которое мы видимъ въ настоящее время. Нынѣ многіе изъ уче-

ныхъ вѣрятъ только въ то, что видятъ и осязаютъ, что утверждается на несомнѣнномъ свидѣтельствѣ внѣшняго опыта, и отрицаютъ все, непостижимое для разума и естественныхъ силъ человѣка. Невѣріе апостола Ѳомы скорѣе можно назвать недоувѣріемъ, происшедшимъ отъ недоумѣнія, а недоумѣніе произошло, конечно, отъ необычайности событія. Вслѣдствіе этой-то необычайности событія Воскресенія Христова, которая такъ поразила апостола Ѳому, онъ и сказалъ, когда другіе ученики объявили ему о видѣніи Господа: „пока не увижу Его своими собственными глазами и не осяжу Его ранъ собственными руками, не повѣрю“. Вѣра апостоловъ и ближайшихъ учениковъ Іисуса Христа утверждалась на несомнѣнномъ свидѣтельствѣ внѣшняго опыта. Св. Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ пишетъ въ своемъ соборномъ посланіи слѣдующее: „о томъ, что было отъ начала, что мы слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали и что осязали руки наши, о Словѣ жизни, (ибо жизнь явилась, и мы видѣли и свидѣствуемъ, и возвѣщаемъ вамъ сію вѣчную жизнь, которая была у Отца и явилась намъ), о томъ, что мы видѣли и слышали, возвѣщаемъ вамъ, чтобы и вы имѣли общеніе съ нами“... (1 Иоан. I, 1—3). Сами апостолы называютъ себя самовидцами и свидѣтелями Воскресенія Христова. Проповѣдая объ Іисусѣ Христѣ, о томъ, что Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ, они обыкновенно прибавляли, что всѣ они этому событію свидѣтели (Дѣян. II, 32; III, 15). Поэтому, при избраніи въ число двѣнадцати апостоловъ, изъ лика которыхъ отпалъ Іуда, ап. Петръ въ собраніи многочисленнаго народа сказалъ: „надобно, чтобы одинъ изъ тѣхъ, которые находились съ нами во все время, когда пребывалъ и обращался съ нами Господь Іисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся отъ насъ, былъ вмѣстѣ съ нами свидѣтелемъ воскресенія Его“ (Дѣян. I, 21—22).

Къ кому же относятся теперь слова Іисуса Христа: *блаженн не видѣвши, и впроваши?* Эти слова относятся, безъ сомнѣнія, къ намъ — потомкамъ. Мы теперь, конечно, уже не можемъ видѣть Господа чувственными глазами и осязать Его руками, ибо Онъ теперь находится въ полной славѣ на не-

бесахъ, „сѣдя одесную Бога“ Отца (Колос. III, 1). Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время мы можемъ вѣровать всѣмъ сердцемъ въ божественность Иисуса Христа и убѣждаться въ истиннѣ Его воскресенія. Только наше убѣжденіе и наша вѣра должны быть внутреннія, духовныя. Для этого нужно намъ какъ можно чаще просвѣтлять и напрягать свое умственное око и очищать свое сердце отъ всякой грѣховной заразы, — и Господь, конечно, не замедлитъ придти къ намъ тогда, и мы увидимъ и увѣруемъ въ Него, какъ Онъ и Самъ сказалъ: „если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ нему, и буду вѣчать съ нимъ“ (Апок. III, 20). Какія-же, спросимъ, существуютъ у насъ доказательства божественности Иисуса Христа для того, чтобы мы могли право и спасительно вѣровать въ Него? Эти доказательства суть слѣдующія.

Первое доказательство, это — именно свидѣтельства о Немъ Апостоловъ, свидѣтельства вѣрныя и истинныя, какъ основывающіяся на несомнѣнномъ удостовѣреніи внѣшняго опыта. Второе доказательство, это — ученіе Самого Иисуса Христа. Возьмите въ добрую минуту Евангеліе, перекреститесь и, отрѣшившись отъ земной суеты, съ благоговѣніемъ и въ простотѣ сердца прочтите это дивное, вмѣстѣ съ тѣмъ, простое и доступное сердцу каждаго истинно-вѣрующаго учене нашего Господа. Прочитавъ его, вы съ полнымъ внутреннимъ убѣжденіемъ скажете то же самое, что сказали нѣкогда служители архіерейскіе, которымъ приказано было схватить и привести Иисуса и которые на вопросъ: „для чего вы не привели Его“, сказали: „никогда человекъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человекъ“ (Іоан. VII, 45—46) Доказательствомъ божественности Иисуса Христа, заключающимся въ Евангеліи, могутъ служить въ особенности Его чудеса, безчисленныя и великія чудеса, совершаемыя Имъ во все время служенія спасенію людей. Такъ, Онъ исцѣлялъ неизлѣчимыя болѣзни, воскрешалъ мертвыхъ, изгонялъ нечистыхъ духовъ и т. п. Наконецъ, есть еще доказательство божественности Христа, слѣдовательно и вѣры въ Него, вѣры разумной и непоколебимой, это — именно неисповѣдимые Пути промысла Божія въ жизни человека на землѣ. Эти пути Промысла Божія, направляющаго все къ благимъ цѣлямъ, человекъ можетъ видѣть

во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни. Часто приходится ему терпѣть разныя бѣдствія въ жизни, но обыкновенно только впоследствии, по минованіи ихъ, онъ убѣждается въ несомнѣнной пользѣ отъ такихъ бѣдствій, посылаемыхъ на него свыше для его же собственнаго вразумленія и исправленія. Такъ, братіе, мы повсюду окружены очевиднѣйшими для умственныхъ, но незримыми для чувственныхъ очей доказательствами божественности Иисуса Христа и истинности Его воскресенія. *Блаженн* же изъ насъ *не видѣвшихъ, и спровадивше*, подобно Апостоламъ, современникамъ и очевидцамъ Христовымъ во время Его земной жизни и дѣятельности. Аминь.

Р Ѣ Ч Ъ

въ день отданія праздника Пасхи, 5-го мая 1893 года.

Въ настоящія свѣтло-радостныя торжественныя минуты пасхальнаго богослуженія не могу воздержаться отъ того, чтобы не сказать нѣсколько словъ въ поученіе и назиданіе ваше. Мы закончили, братіе, кругъ пасхальнаго празднованія, продолжающійся въ православной церкви цѣлыхъ сорокъ дней. Въ послѣдній разъ мы слышали нынѣ это чудное восхитительное пѣніе: *Христосъ воскресе*, неумолчно раздававшееся во все это время въ храмахъ и домахъ, — въ послѣдній разъ, говоримъ, потому что неизвѣстно: доживемъ-ли мы до будущаго года и придется-ли намъ снова услышать это радостное пѣніе. И всякій разъ, какъ мы проводимъ этотъ праздникъ, неволью западаетъ въ нашу душу какая-то грусть и тоска. Словно мы лишаемся и расстаемся съ чѣмъ-то роднымъ, близкимъ и дорогимъ нашему сердцу. Да и какъ-же въ самомъ дѣлѣ не печалиться намъ отъ того, что проходитъ нынѣ, такъ долго продолжавшійся, нашъ праздникъ? Вѣдь пасха Христова есть величайшій христіанскій праздникъ. Она есть, по выраженію церковной пѣсни, „праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ“. Мы живо помнимъ, какъ бывало еще въ раннее дѣтство трепетали наши сердца отъ ра-

дости при одной только мысли о встрѣчѣ приближающагося этого свѣтлаго дня. И только впоследствии, послѣ того какъ незамѣтно съ теченіемъ времени нашей возмужалости набирается въ умъ нашъ всякаго рода сомнѣній, въ сердце — страстей, въ жизнь — порочныхъ привычекъ, только впоследствии мы растериваемъ на путяхъ своей жизни эти благодатныя и, по-истинѣ, святыя впечатлѣнія невиннаго дѣтства. Точно такъ же, какъ встрѣчали, мы обыкновенно и проводили этотъ праздникъ. На какія же мысли наводитъ насъ нынѣшній день, этотъ своего рода праздникъ? Неужели смыслъ нынѣшняго праздника отданія Пасхи состоитъ въ томъ, что мы должны какъ-бы отдать кому-либо или отпустить отъ себя куда-либо Воскресшаго Христа, составляющаго душу нашего праздника? Нѣтъ, братіе! Такъ думать безумно было бы съ нашей стороны. Правда, завтра мы услышимъ о Вознесеніи Христа Спасителя на небо; но это не значитъ еще, чтобы мы лишились Его навсегда. *Се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѣ. XXVIII, 20), сказалъ Онъ Самъ. И такъ мы всегда можемъ пребывать со Христомъ Спасителемъ, не смотря на то, что Онъ „сидитъ“ теперь „одесную Бога“ Отца на небѣ (Кол. III, 1). А между тѣмъ, если повнимательнѣе присмотрѣться къ окружающей насъ жизни, то мы увидимъ, по-истинѣ, прискорбное явленіе. Не успѣемъ мы отпраздновать какой-либо праздникъ въ церкви и провести день, посвященный ему, надлежащимъ образомъ дома, — какъ уже забываемъ Христа и, нерѣдко случается, промѣниваемъ Его на различныя удовольствія и блага міра сего. Мы бросаемся въ этотъ міръ, „во злѣ лежащій“, и всецѣло погружаемся въ немъ, какъ въ какомъ-либо омутѣ. И опять начинается у насъ все та же будничная жизнь, наполненная всякаго рода несправедливостями; опять мы начинаемъ по старому грѣшить; опять у насъ появляются злоба, ненависть, вражда по отношенію къ ближнимъ; опять мы начинаемъ *собирать себѣ*, по слову св. Писанія, *а не въ Бога богатитъ* (Лук. XII, 21). Гдѣ-же тутъ, скажите, мѣсто Воскресшему изъ мертвыхъ Христу Спасителю нашему? Едва-ли найдется оно у кого-либо изъ насъ при подобномъ образѣ жизни. Нѣтъ братіе! „Какъ Христосъ, воскресши изъ мертвыхъ, уже не

умираетъ“, по слову Апостола, „смерть уже не имѣетъ надъ Нимъ власти“ (Рим. VI, 9): такъ точно въ нашихъ умахъ и сердцахъ постоянно, въ продолженіи всей нашей жизни, долженъ пребывать не кто-либо иной, а именно Христосъ — наша жизнь и сила, нашъ свѣтъ и миръ, наша радость и счастье. Помните же, братіе, твердо и никогда не забывайте, что только со Христомъ наше спасеніе, тѣлесное и душевное, временное и вѣчное. Безъ Христа же наша погибель, какъ тѣлесная и душевная, такъ временная и вѣчная. „*О Пасха велия, и священнѣйшая Христе, о мудросте, и Слове Божій, и Сило! подавай намъ истѣ Тебе причащатися въ не вечернѣмъ дни царствія Твоего*“ Аминь!

С Л О В О

въ день Вознесенія Господня, 6-го мая 1893 года.

О томъ, какое благо даровано намъ въ событіи Вознесенія Господня на небо съ пречистою плотію Своею.

Величаем Тя, Живодавче Христе, и почитаемъ еже на небеса съ пречистою Твоею плотію божественное вознесеніе.
(велич. праздн.).

Такъ величаетъ св. Церковь Христа въ день празднованія Его преславнаго и спасительнаго вознесенія. Остановимъ здѣсь свое вниманіе, благочестивые слушатели, на внутреннемъ глубочайшемъ смыслѣ и значеніи этого празднованія. Вознесеніе Господне имѣетъ великое значеніе въ дѣлѣ нашего спасенія. Въ этомъ событіи мы видимъ прославленіе Господомъ въ Самомъ Себѣ нашей человѣческой природы и вознесеніе ея превыше всего на свѣтѣ, превыше даже херувимовъ и серафимовъ. Послѣ того какъ Христосъ „вознесся на небо и возсѣлъ одесную Бога“ Отца (Марк. XVI, 19), Онъ, по словамъ св. Апостола Павла, „возшелъ превыше всѣхъ небесъ“ (Еф. IV, 10). Богъ Отецъ, „посадивъ“ Сына

Своего Христа „одесную Себя на небесахъ, превыше всякаго начальства, и власти, и силы, и господства, и всякаго имени, именуемаго не только въ семь вѣкѣ, но и въ будущемъ, все покорилъ подъ ноги Его, и поставилъ Его выше всего, главою Церкви, которая есть тѣло Его, полнота Наполняющаго все во всемъ“ (Еф. I, 20—23). Какъ вознесение на небо, такъ и сидѣніе одесную Бога Отца должно разумѣть, конечно, о человѣчествѣ, а не о божествѣ Иисуса Христа, потому что по божеству Онъ всегда пребывалъ и пребываетъ на небѣ и царствуетъ со Отцемъ и Святымъ Духомъ въ безконечные вѣки вѣковъ. Когда же Христосъ вознесся во славу съ пречистою плотію Своею на небо, тогда Онъ, какъ-бы вновь, не только по божеству, но и по человѣчеству, воцарился и воспріялъ власть на небѣ и землѣ и весь ангельскій міръ покорился Ему. „Иисусъ Христосъ, — говоритъ св. Апостолъ Петръ въ одномъ изъ своихъ посланій, — восшедши на небо, пребываетъ одесную Бога, и Ему покорились Ангелы и власти и силы“ (1 Петр. III, 22). А св. Апостолъ Павелъ въ первомъ посланіи къ Тимоѳею пишетъ: „Богъ явился во плоти, оправдалъ Себя въ Духѣ, показалъ Себя Ангеламъ, проповѣданъ въ народахъ, принятъ вѣрою въ міръ, вознесся во славу“ (1 Тим. III, 16). Такъ, по-истинѣ, въ событіи Вознесения Господня открылось все царственное величіе нашего Христа Спасителя и Онъ явилъ себя всѣмъ, какъ *Сынъ Божій, избавитель міра* (троп. празд.).

Какое-же, спросимъ, благо даровано намъ, какъ христіанамъ, въ томъ именно событіи, что Христосъ съ пречистою Своею плотію вознесся отъ земли на небо? О, весьма великое! Доходило-ли когда-либо человѣческое естество до столь значительной высоты, до какой оно дошло теперь въ лицѣ Иисуса Христа, Который обожилъ его и превознесъ выше всего на свѣтѣ? Нѣтъ, конечно! Правда, бывали и ранѣе случаи восхожденія на небо людей съ плотію своею: таково, на-примѣръ, восхожденіе ветхозавѣтныхъ праотца Эноха и пророка Іліи, которые за свою праведную жизнь живыми взяты были Господомъ прямо отъ земли на небо; таково же, какъ извѣстно, будетъ восхожденіе и всѣхъ людей, которыхъ застигнетъ при жизни будущее второе и славное пришествіе Христова и

которые, по слову Апостола, *восхищены будутъ на облацяхъ въ срптеніе Господне на воздухъ* (1 Солун. IV, 17). Но вѣдь всѣ эти случаи вознесения людей на небо, кромѣ ихъ необычайной рѣдкости, произошли и произойдутъ не по собственной волѣ и силѣ ихъ, а по волѣ и силѣ иной, высшей, творческой. Только Иисусъ, *прославленный и превознесенный Богомъ*, проложилъ путь на небо другимъ людямъ, всѣмъ земнороднымъ, живущимъ въ этомъ мірѣ, и по вознесеніи Своемъ и сидѣніи одесную Бога Отца сталъ, какъ говоритъ Апостолъ, *Предтечею* (Евр. VI, 20) всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Вспомнимъ здѣсь, куда сходили послѣ смерти своей и гдѣ пребывали души всѣхъ ветхозавѣтныхъ, а отчасти также и новозавѣтныхъ, праведниковъ, до Воскресенія Христа Спасителя и Вознесенія Его на небо. Онѣ пребывали не на небѣ, не въ обителяхъ райскихъ, а въ преисподней, въ аду. Только Христосъ Спаситель Своею Божественною силою и властію вывелъ ихъ оттуда и помѣстилъ въ соотвѣтственномъ ихъ образу жизни и дѣянія мѣстѣ. Такъ, напр., мы знаемъ, что изъ числа людей, подобныхъ во всемъ намъ, кромѣ, конечно, стремленія и расположенія ко грѣху (хотя грѣхъ, нужно замѣтить, и въ нихъ жилъ; но они всячески боролись съ нимъ и доходили до совершеннаго безстрастія), — изъ числа людей, говоримъ, превознесенныхъ Богомъ за святую и добродѣтельную жизнь, Пресвятая Дѣва Марія и св. Іоаннъ Креститель удостоились такой высокой чести, что заняли первая по правую сторону Спасителя, а вторая по лѣвую, какъ они изображаются на нашихъ иконахъ подъ названіемъ *Деисусъ*. Если же Господь удостоилъ такой высокой чести плоть человѣческую, то понятно, какъ мы должны относиться къ ней въ этой земной жизни, которая служитъ приготовленіемъ и, такъ сказать, предверіемъ къ другой, небесной. Что-такое плоть или тѣло, съ которымъ мы являемся въ настоящій міръ по рожденіи нашемъ и которое мы носимъ на себѣ въ продолженіе всей нашей жизни на землѣ до самой смерти? Это — внѣшняя оболочка, подъ которой скрывается нѣчто внутреннее, невидимое нами, такъ называемая душа, душа живая и бессмертная, созданная по образу и подобию Божію и вложенная въ насъ Самимъ Творцемъ при

самомъ зачатіи въ насъ жизни естественной; это, — если можно такъ выразиться, — футляръ, внутри котораго сохраняется столь драгоценное сокровище, какова душа человѣческая, о которой, по слову Христа Спасителя, „радость бываетъ“ на небѣ „у ангеловъ Божіихъ“ (Лук. XV, 10). Какъ же, поэтому, намъ не дорожить своимъ тѣломъ, которое является носителемъ такой великой святости? И мы должны постоянно объ этомъ думать и заботиться въ продолженіе всей нашей жизни. Особенно же располагаетъ насъ къ этому нынѣшній праздникъ Вознесенія Господня. Да, мы должны всегда думать о томъ, что цѣль нашей жизни не здѣсь — на землѣ, а тамъ — на небѣ, куда вознесся отъ насъ Христосъ Спаситель и гдѣ сидитъ Онъ теперь одесную Бога Отца! *Идѣже есть сокровище ваше, ту и сердце ваше будетъ* (Матѣ. VI, 21), сказалъ Самъ Христосъ Спаситель. На небѣ, — вотъ гдѣ теперь наше сокровище, наша жизнь, наша радость, наше счастье! Туда же, туда должны быть обращены и наши мысленные взоры и сердца, подобно Апостоламъ, которые долго смотрѣли на небо, послѣ того какъ облако сокрыло отъ ихъ взоровъ Божественнаго Учителя (Дѣян. I, 10 — 11).

Но слишкомъ мало и недостаточно, конечно, только думать или чувствовать. Намъ нужно еще, кромѣ того, и дѣйствовать. А какъ мы будемъ дѣйствовать, если не будемъ пользоваться своимъ тѣломъ, тѣми или другими членами его, служащими въ то же время орудіями нашей души? Какъ именно пользоваться, — вотъ объ этомъ-то мы и должны позаботиться теперь. Конечно, мы должны пользоваться своимъ тѣломъ не на погибель, а на спасеніе души. Это главное, что мы должны имѣть въ виду, живя здѣсь на землѣ и нося на себѣ это брѣнное тѣло. Бываетъ такъ, — и это очень часто, — что мы заботимся больше о своемъ тѣлѣ, нежели о душѣ, и располагаемъ всю свою жизнь, какъ домашнюю, такъ и общественную, не къ развитію въ себѣ духовной жизни, свойственной намъ, какъ христіанамъ, а какъ разъ наоборотъ, къ развитію именно тѣлесной и къ притупленію духовной. Мы должны помнить въ этомъ случаѣ слова Христа Спасителя: „духъ животворитъ; плоть не пользуется нисколько“ (Іоан. VI, 63). Хорошо, конечно, и то, что мы поддерживаемъ въ

этой жизни свое тѣло, заботимся о немъ для сохраненія въ немъ своей души, поступая такъ, можетъ быть, въ силу древней пословицы: „въ здоровомъ тѣлѣ здоровая душа“. Но зачѣмъ-же, спрашивается, въ этихъ заботахъ мы идемъ дальше заповѣданнаго намъ Богомъ и Церковью, зачѣмъ мы изъза этихъ самыхъ заботъ о своемъ тѣлѣ, какъ служебномъ орудіи души, забываемъ часто эту послѣднюю и не обращаемъ на нее никакого вниманія? Развѣ о футлярѣ, въ который вложена драгоценная вещь, болѣе заботятся, нежели объ этой самой вещи, которая служитъ украшеніемъ всего футляра? Такое пренебрежительное отношеніе наше къ намъ же самимъ, разумѣя подъ нами не что-либо иное, а именно духовныхъ существъ, обложенныхъ плотію, — такое отношеніе, говоримъ, въ высшей степени преступно и непростиительно. Такъ современный матеріализмъ или, другими словами, начало плотской, грѣховной жизни глубоко въѣлось въ природу человѣческую, что люди совсѣмъ позабыли, какъ бы просмотрѣли сквозь тусклые очки невѣрія, самихъ себя, не замѣтили того, что они имѣютъ живую и свободную душу, которая существуетъ и движется по извѣстнымъ ей законамъ, начертаннымъ для нея Самимъ Господомъ, Творцомъ ея.

Нерѣдко можно бываетъ замѣтить въ наше время и другое, противоположное этому, явленіе, состоящее въ томъ, что нѣкоторые люди хотятъ оказать какъ бы преимущество или предпочтеніе душѣ въ сравненіи съ тѣломъ. Многіе говорятъ: зачѣмъ намъ употреблять различныя тѣлесныя дѣйствія при церковномъ богослуженіи во время, такъ называемыхъ, общественныхъ моленій, какъ-то: хожденія во храмъ, совершенія въ немъ крестныхъ знаменій, поклоновъ, колѣнопреклоненій и т. п., когда мы можемъ и безъ того обойтись въ своей жизни? Зачѣмъ намъ вообще эти длинныя и утомительныя богослуженія, эти скучныя и вредныя для тѣлеснаго здоровья посты, когда мы можемъ *духомъ своимъ*, помимо тѣла, и молиться, и поститься, какъ слѣдуетъ? И нѣкоторые изъ насъ, къ прискорбію нужно замѣтить здѣсь, не только такъ думаютъ и говорятъ, но и поступаютъ. Кто не знаетъ или не слышалъ про этихъ людей въ настоящее время, про этихъ, повидимому, борцовъ за духъ и за свободное проявле-

ніе его въ жизни, на самомъ же дѣлѣ угнетателей его лучшихъ порывовъ и стремленій? Мы не будемъ здѣсь много распространяться съ цѣлію опроверженія такихъ высказываемыхъ нынѣ мнѣній. Самымъ лучшимъ и сильнымъ доказательствомъ той мысли, что, и при духовномъ состояніи нашемъ, намъ нужно непремѣнно употреблять различныя тѣлесныя дѣйствія служить Самъ Христосъ Спаситель, Который, какъ извѣстно, не стыдился, когда нужно было, употреблять эти дѣйствія, не смотря на то, что былъ духовенъ въ высшей степени. Такъ, „Онъ духовную молитву Свою изображалъ и словами, и благоговѣйными движеніями тѣла, иногда, напр., возведеніемъ очей на небо, а иногда преклоненіемъ колѣнъ и лица на землю“ (См. 1 Кор. VI, 20, Матѣ. XII, 34; Іоан. XVII, 1; Лук. XXII, 41; Матѣ. XXVI, 39) ¹⁾. Вспомнимъ, напр., какъ Онъ молился предъ страданіями Своими въ саду Геосиманскомъ, когда кровавый потъ капалъ съ Его лица на землю. Все это, конечно, должно говорить въ пользу различныхъ тѣлесныхъ дѣйствій, употребляемыхъ св. Православною Церковію и заповѣдуемыхъ ею всѣмъ истиннымъ христіанамъ. Замѣтимъ здѣсь отъ себя только вотъ что: всѣ вышеупомянутые и имъ подобные люди, неблагоклонно относящіеся къ тѣлеснымъ дѣйствіямъ, встаютъ противъ нихъ только тогда, когда дѣло касается христіанскихъ подвиговъ молитвы, поста и покаянія, вообще благочестивой истинно-христіанской жизни. Когда же дѣло идетъ объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, тогда они начинаютъ иное проповѣдывать. Тогда они не удовлетворяются одними духовными или, какъ нынѣ говорятъ, эстетическими удовольствіями; нѣтъ, они примѣшиваютъ сюда и другого рода удовольствія, безъ которыхъ они, по ихъ собственнымъ словамъ, никакъ не могутъ обойтись въ этой жизни. Эти удовольствія именно — *плотскія, грубыя и низменныя* удовольствія, которыя часто заглушаютъ собой порывы первыхъ. Такъ непослѣдовательны бываютъ люди въ отношеніи примѣненія на дѣлѣ однихъ и тѣхъ же вещей на свѣтѣ.

¹⁾ Простран. христіанскій катихизисъ.

Какъ же мы должны поступать въ данномъ случаѣ, т. е., состоя изъ души и тѣла и живя въ настоящее время двойною душевно-тѣлесною жизнію? Мы должны, по словамъ св. Апостола Павла, „прославлять Бога въ тѣлахъ и душахъ нашихъ, которыя суть Божіи“ (1 Кор. VI, 20). „Не знаете ли,—пишетъ онъ въ посланіи къ Коринѣянамъ, — что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа, Котораго имѣете вы отъ Бога“ (ст. 19)? Да, мы должны употреблять наши тѣла на дѣла богоугодныя и святыя, а не на дѣла богомерзкія и порочныя, о которыхъ, по слову того-же Апостола, стыдно даже и говорить и которыя „не должны даже именоваться у насъ, какъ прилично святымъ“ (Еф. V, 3)! Помните же вы, грѣшащіе противъ собственнаго тѣла, о высшемъ предназначеніи его въ этой земной жизни! Помните и твердо рѣшитесь впередъ не грѣшить болѣе. Наши тѣла, какъ „храмы Св. Духа“, какъ „члены Христовы“ (1 Кор. VI, 19, 15), должны быть отданы и всецѣло посвящены „для Господа и Господь для тѣлѣ“ (ст. 13). Мы должны будемъ нѣкогда дать строгій отчетъ о томъ, что сдѣлалъ съ тѣломъ каждый изъ насъ, доброе или худое въ жизни. „Всѣмъ намъ, — говоритъ Ап. Павелъ, — должно явиться предъ судище Христово, чтобы каждому получить, *соответственно тому*, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое“ (2 Кор. V, 10). Когда же это произойдетъ? Это именно произойдетъ тогда, когда „Иисусъ, вознесшійся отъ насъ на небо, придетъ такимъ же образомъ, какъ видѣли Его Апостолы восходящимъ на небо“ (Дѣян. I, 11) въ день Вознесенія. „Итакъ“, — братіе, скажемъ словами Ап. Павла, — „да не царствуетъ грѣхъ въ смертномъ вашемъ тѣлѣ, чтобы вамъ повиноваться ему въ похотяхъ его. И не предавайте членовъ вашихъ грѣху въ орудія неправды, но представьте себя Богу, какъ ожившихъ изъ мертвыхъ, и члены ваши Богу въ орудія праведности“... „Какъ“ прежде „предавали вы члены ваши въ рабы нечистотѣ и беззаконію на *дѣла* беззаконныя, такъ нынѣ представьте члены ваши въ рабы праведности на *дѣла* святыя. Ибо, когда вы были рабами грѣха, тогда были свободны отъ праведности. Какой-же плодъ вы имѣли тогда?“ — спрашиваетъ Апостолъ и отвѣчаетъ: — „*Такия дѣла*,

какихъ нынѣ сами стыдитесь: потому что конецъ ихъ смерть. Но нынѣ, когда вы освободились отъ грѣха, и стали рабами Богу, плодъ вашъ есть святость, а конецъ — жизнь вѣчная“ (Римл. VI, 12—13; 19—22). На такія размышленія и наставленія наводитъ насъ, братіе, нынѣшній праздникъ въ честь Вознесенія Господня, когда Христось Спаситель съ пречи-стою плотію Своею вознесся на небо и тѣмъ самымъ превознесъ и возвеличилъ въ лицѣ Своемъ и нашу плотъ, которую Онъ воспринялъ на Себя ради нашего спасенія (Евр. II, 14). Будемъ же молить Вознесшаго нынѣ Господа, чтобы Онъ, „преславнымъ Своимъ Вознесеніемъ плотское обоживый воспріятіе и сіе деснымъ Отца сидѣніемъ почтый, сподобилъ насъ десную часть спасаемыхъ получить“, какъ молится св. Церковь въ одной изъ своихъ молитвъ (4-ая молитва послѣдованія ко св. Причащенію). Будемъ также ревностно и неустанно трудиться въ дѣлѣ нашего спасенія. Какъ именно трудиться, объ этомъ учитъ насъ св. Апостоль Павелъ слѣдующимъ образомъ. *Горняя мудрствуйте, а не земная*, говоритъ онъ. (Кол. III. 2). *Внимайте ищите, идѣже есть Христось одесную Бога сѣдя* (Кол. III, 1). И если мы будемъ такъ именно мыслить и чувствовать и, сообразно съ этимъ, располагать свою жизнь и дѣятельность, то мы удостоимся нѣкогда не только узрѣть, но и взойти на тотъ Елеонъ духовный, чтобы съ него быть взятыми на небо, *идѣже Предтеча о насъ вииде Исусъ* (Евр. VI, 20.) Аминь.

БЕСѢДА

(виѣбогослужобнал)

о театральныхъ зрѣлищахъ и свѣтской литературѣ *).

Предметомъ нашей бесѣды въ нынѣшній день будутъ *театральныя зрѣлища и свѣтская литература*. Говорить въ настоящее время противъ театральныхъ зрѣлищъ и свѣтской литературы, — этихъ двухъ идоловъ, которымъ современные люди поклоняются и воздають чуть-ли не божескія почести, значить нужно имѣть сильный проповѣдническій авторитетъ въ глазахъ этихъ самыхъ людей для того, чтобы они склонились въ пользу высказываемыхъ убѣжденій относительно указаннаго предмета. Иначе же, слова проповѣдника будутъ пустымъ біеніемъ по воздуху, не производящимъ никакого дѣйствія на души слушателей. Поэтому, не имѣя такого авторитета, я въ настоящій разъ хочу говорить не своими словами, а словами извѣстнаго всѣмъ и каждому изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, пастыря и учителя Церкви о. Іоанна Кронштадскаго! Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ не знаетъ про существованіе у насъ въ настоящее время этого великаго и необыкновеннаго пастыря и учителя? Его всѣ, начиная съ царя и кончая послѣднимъ изъ подданныхъ его, знаютъ у насъ и чтутъ, какъ пастыря истинно-добраго, достойнымъ образомъ. Но, можетъ быть, нѣкоторые изъ насъ знаютъ его только съ одной стороны, именно какъ пастыря, обладающаго по преимуществу благодатными дарами Божиими, которые изливаются чрезъ него на всѣхъ вѣрующихъ, прибѣгающихъ къ нему за духовною и тѣлесною помощію, пастыря-молитвенника и чудотворца земли русской? Знаютъ-ли они его также и какъ ревностнаго и неутомимаго, по-истинѣ, рѣдкаго и образцоваго христіанскаго проповѣдника, слово котораго отличается всегда вѣскостію и авторитетностію? А между тѣмъ онъ долженъ по всей справедливости считаться

*) Составлена по мыслямъ о. І. П. Сергіева (Кронштадскаго), содержащимся въ его книгѣ подъ заглавіемъ: „Моя жизнь во Христѣ“.

именно такимъ проповѣдникомъ. Стоитъ намъ, напримѣръ, почитать его замѣчательное и дивное произведеніе, такъ называемый, дневникъ, который онъ велъ за нѣсколько лѣтъ своей пастырской дѣятельности, для того, чтобы видѣть, какимъ сильнымъ и живымъ ключемъ бьетъ въ немъ этотъ проповѣдническій даръ или талантъ. Всѣ слова, которыя онъ нѣкогда высказывалъ въ храмахъ Божіихъ или домахъ человѣческихъ, онъ глубоко переживалъ сперва въ своемъ сердцѣ и умѣ, а затѣмъ, отъ избытка этихъ чувствъ, воодушевлявшихъ его при произнесеніи проповѣдей, предавалъ ихъ письмени на память и назиданіе грядущему поколѣнію. Такимъ образомъ составилось, какъ извѣстно, цѣлыхъ два тома его краткихъ и сильныхъ мыслей, извлеченныхъ изъ дневника и носящихъ общее названіе: „Моя жизнь во Христвъ“. Но это еще, конечно, не все. Сколько еще хранится у него въ запасѣ этихъ мыслей и чувствъ, воодушевлявшихъ его при прохожденіи пастырскихъ обязанностей, хранится не въ печатномъ видѣ, а въ рукописномъ! Вотъ среди появившихся въ печати и, такимъ образомъ, ставшихъ его мы и находимъ мысли относительно вышеуказаннаго предмета. Эти мысли разбросаны у него въ разныхъ мѣстахъ дневника. Мы постарались ихъ собрать, насколько возможно, въ одно цѣлое — для того, чтобы, на основаніи ихъ, представить болѣе яркую картину современной религіозно-нравственной жизни христіанъ. Какъ-же, спросимъ, смотритъ на этотъ предметъ о. Іоаннъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ пусть дастъ намъ самъ онъ своими собственными словами. Итакъ, забудемъ на нѣсколько минутъ, что мы стоимъ въ маленькой церкви во имя свв. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла въ сельцѣ Петровскомъ-Разумовскомъ. Перенесемся сейчасъ своими мыслями туда — въ Кронштадтъ — постоянное мѣстопробываніе и жительство о. Іоанна, въ тамошній Андреевскій соборъ — постоянное мѣсто служенія и проповѣданія о. Іоанна, изображающее собою живого свидѣтеля его молитвенныхъ подвиговъ и пастырскихъ трудовъ, обнаруженіе, преимущественно, чудесныхъ даровъ благодати Божіей, въ немъ пребывающей и чрезъ него изливающейся на другихъ людей;

перенесемся, говоримъ, своими мыслями въ Кронштадтъ — эту своего рода духовную лечебницу, такъ прославившуюся въ послѣднее время, куда теперь отправляется на богомолье русскій народъ, простой и интеллигентный, народъ удрученный и измученный грѣхами, недугами, скорбями и различными бѣдами и несчастіями житейскими. Вообразимъ, что предъ нами стоитъ самъ онъ, этотъ добрый и милостивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ грозный и обличительный пастырь, и мы слышимъ изъ его собственныхъ устъ исходяція слова обличенія, вразумленія, наказанія, мира и любви!..

„Что значитъ искать развлеченій?“ — такъ спрашиваетъ въ одномъ мѣстѣ о. Іоаннъ, и отвѣчаетъ: — „Значитъ хотѣть наполнить чѣмъ-нибудь внутреннюю болѣзненную пустоту души, созданной для дѣятельности и не терпящей быть праздною“¹⁾. А „что вносить театры въ сердца человѣческія“, — театры, которые такъ любятъ современные люди и которые такъ охотно посѣщаютъ съ цѣлію развлеченія? „Духъ этого вѣка, — духъ праздности, празднословія, пустословія, смѣхотворства, хитрости и лукавства, духъ гордости, чванства, и никому нисколько доброй нравственности не даютъ. Сочинители пьесъ и актеры передаютъ народу то, что имѣютъ въ себѣ сами, свой духъ, ни больше, ни меньше. А думаютъ-ли актеры о нравственности народной? Имѣютъ-ли они въ намѣреніи исправить народные нравы? Нѣтъ и нѣтъ“²⁾. Далѣе, по словамъ о. Іоанна, „театръ усыпляетъ христіанскую жизнь, уничтожаетъ ее, сообщая жизни христіанъ характеръ жизни языческой. *Воздремашася вся и спашу.* (Мат. XXV, 5); между прочимъ этотъ губительный сонъ производитъ въ людяхъ и театръ. А потомъ что? Науки, въ духѣ языческомъ преподаваемыя, заботы житейскія, усиленные до нельзя, любостыжаніе, честолюбіе, сластолюбіе. Театръ — школа міра сего и князя міра сего — діавола; а онъ иногда преобразуется и въ ангела свѣтла, чтобы прельщать удобнѣе недалновидныхъ, иногда ввернетъ, повидимому, и нравственную пьеску, чтобы твердили, трубили про театръ, что онъ пренравоучительная

1) „Моя жизнь во Христвъ“, т. II. Изд. 3-е, Москва, 1892 г. Стр. 84.

2) Тамъ же. Стр. 374.

вещь, и стоитъ посѣщать его не меньше церкви, а то пожалуй и больше: потому де, что въ церкви одно и то же, а въ театрѣ разнообразіе и пьесъ, и декораций, и костюмовъ, и дѣйствующихъ лицъ“. ¹⁾ Усыпляя духовно христіанъ, „театръ также погашаетъ вѣру и христіанскую жизнь, научая разсѣянности, лукавству (или умѣнью жить въ мірѣ), смѣхотворству; онъ воспитываетъ ловкихъ сыновъ вѣка сего, но не сыновъ свѣта. Театръ противникъ христіанской жизни; онъ порожденіе духа міра сего, а не Духа Божія. Истинныя чада церкви не посѣщаютъ его“.. ²⁾ „Въ театрѣ многимъ пріятно чувствуется, а въ церкви — тяжело, скучно, — отчего? Оттого, что въ театрѣ все прекрасно подложено чувственному человѣку, и діавола мы тамъ не трогаемъ, а тѣшимъ его, и онъ намъ дѣлаетъ удовольствіе, не трогаетъ насъ: веселитесь себѣ, друзья мои, думаетъ, только смѣйтесь, да Бога не помните. Въ церкви же все приспособлено къ возбужденію вѣры и страха Божія, благочестивыхъ чувствъ, чувства нашей грѣховности, растрянности; и діаволъ всѣваетъ въ наше сердце сомнѣнія, уныніе, тоску, лукавые, скверные и хульные помыслы, — и вотъ самъ себѣ не радъ человѣкъ и стоять не можетъ, часъ трудно простоять. И бѣжитъ скорѣе вонъ. Театръ и церковь — противоположности. То — храмъ міра, а это — храмъ Божій; то — капище діавола, а это — храмъ Господа“... ³⁾ Чрезвычайно падкіе до мірскихъ зрѣлищъ всякаго рода и театральныхъ въ особенности, набрасываясь на нихъ съ какою-то неодолимою жаждою и рвеніемъ, современные христіане, по словамъ о. Іоанна, оказываются плохими христіанами, не знающими своей церкви, ея уставовъ и богослуженій. „Занятые суетою и суетными удовольствіями, вы не имѣете ни времени, ни охоты выискнуть въ духъ христіанской вѣры, христіанскаго богослуженія, и знать уставы церковные, цѣль праздниковъ православной церкви, постовъ, и въ частности значеніе каждой недѣли великаго поста или историческія воспоминанія, соединенныя съ каждою недѣлею.

1) Тамъ же. Стр. 242.

2) Тамъ же. Стр. 335.

3) Тамъ же. Стр. 28.

Вы знаете иногда наизусть, какую пьесу играли на театрѣ, изъ сколькихъ дѣйствій или явленій она состоитъ, какое содержаніе ея общее и въ частности, а сущности христіанскихъ таинствъ не знаете, между тѣмъ, какъ они достойно пріемлющимъ ихъ доставляютъ жизнь вѣчную и неизреченныя блага вѣчной жизни; вы не знаете сущности Богослуженія святой православной церкви, матери своей, питающей, грѣющей, очищающей, освящающей и укрѣпляющей васъ въ материнскихъ святыхъ нѣдрахъ своихъ; вы не знаете содержания и значенія ни вечерняго, ни утренняго, ни обѣденнаго Богослуженія и всегдашнихъ пѣснопѣній, чтеній и обрядовъ церковныхъ. Оправдываютъ игру въ театрѣ и называютъ ее полезною и нравоучительною или безвредною, или, по меньшей мѣрѣ, меньшимъ зломъ въ сравненіи съ пьянствомъ и распутствомъ, и съ этою цѣлію стараются заводить повсюду театральныя зрѣлища. Удивительное дѣло, что христіане не нашли лучшаго средства для препровожденія драгоценнаго времени, какъ театръ, и по происхожденію и по значенію своему сохраняющій доселѣ характеръ языческій, идолопоклонническій, характеръ суетности, пустоты, вообще показывающій въ себѣ полнѣйшее отраженіе всѣхъ страстей и безобразій міра сего, похоти плоти, похоти очей и гордости житейской, и лишь рѣдко, рѣдко доблестей сыновъ отечества, и то, конечно, сыновъ отечества земного, а не небеснаго. Все небесное, святое, носящее печать христіанства чуждо театру, если же когда входитъ на сцену, то какъ предметъ насмѣшки: самое имя Божіе, страшное для всей твари, произносится здѣсь лишь легкомысленно, иногда со смѣхомъ, кощунственно; званія священныя: напр., монашеское, — это ангельское званіе — осмѣивается; уваженіе къ начальству, къ родителямъ, къ священнымъ лицамъ подрывается, когда публично осмѣиваются нѣкоторыя предосудительныя дѣйствія этихъ лицъ, предъ лицомъ всего общества, предъ лицомъ легкомысленной молодежи, даже дѣтей, для которыхъ должны быть священны имена ихъ родителей и начальниковъ. Иногда довольно одного неуважительнаго и непристойнаго слова относительно старшихъ, чтобы подорвать къ нимъ должное уваженіе. Такъ ли стали христіане легкомысленны, что не находятъ лучшаго

средства къ провозженію драгоцѣннаго времени, кромѣ театра, и изъ-за него оставляють храмъ Божій, Богослуженіе, и драгоцѣнное праздничное время, данное Богомъ для поученія въ словѣ Божіемъ, въ спасительныхъ размышленіяхъ и въ дѣлахъ добродѣтели, безумно расточается на пустыя дѣла, на смѣхотворство и глупыя рукоплесканія въ театрахъ? Нѣтъ, какъ хотите, а театръ богомерзкое учрежденіе. Только внимните въ духъ его, и вы согласитесь: это училище безвѣрія, глумленія, дерзкой насмѣшки надъ всѣмъ и — развратъ. Горе тому обществу, въ которомъ много театровъ и которое любитъ посѣщать театры. Иногда, правда, театръ бываетъ меньшимъ зломъ для любящихъ злое. Прислушайтесь къ мнѣнію народному, къ мнѣнію тѣхъ, которые посѣщали театръ много разъ: они не стѣсняясь говорятъ, что театръ ведетъ къ разврату. Только слѣпые, въ нихъ же богъ вѣка сего ослѣпи разумъ невѣрныхъ, говорятъ, что театръ правдоучителенъ. Нѣтъ, христіане должны неотмѣнно поучаться въ законѣ Божіемъ, читать чаще евангеліе, внимать въ Богослуженіе, исполнять заповѣди и уставы церковныя, читать писанія св. отцовъ, духовныя журналы, чтобы проникаться духомъ христіанскимъ и жить по христіански. Вотъ ваши зрѣлища!..¹⁾ Таково сужденіе о. Іоанна о театрахъ, основанное на высококомъ взглядѣ его на жизнь христіанскую вообще.

Говоря о свѣтской литературѣ и наукѣ о. Іоаннъ замѣчаетъ: „у христіанъ и науки и литература стали все почти только земныя, — евангеліе и законъ Божій пренебрегають, житія святыхъ осмѣивають; вообще у всѣхъ кака-то лихорадочная, земная дѣятельность, — о угожденіи Богу и о спасеніи души никто почти не думаетъ. Жалкое состояніе!“²⁾ Господь и Спаситель нашъ сказалъ въ своемъ евангеліи: „иже постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родъ семъ прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ, и Сынъ Человѣческій постыдится его (Мар. VIII, 38). О, презрѣнный стыдъ! О, дьявольскій стыдъ! О, изъ кладезя бездны исходящій смрадъ сатанинскій! Какъ многіе недугуютъ тобой! Какъ многіе не знаютъ твоей

1) Тамъ же. Стр. 263 — 265.

2) Тамъ же. Стр. 372.

прелести и раболѣпствуютъ тебѣ на погибель душамъ своимъ! Вотъ свѣтскій сочинитель, журналистъ-фельетонистъ. Пишуть, пишутъ, пишутъ... чего-чего не напишутъ въ продолженіе своей литературной или беллетристической дѣятельности? А о Богѣ, а о Спасителѣ Иисусѣ Христѣ, а о Церкви, о Богослуженіи, о праздникахъ христіанскихъ, о воскресеніи плоти нашей, о судѣ, о загробной жизни — хоть бы вспомнили. Не наша, говорятъ, область, не наше дѣло. Мы отъ міра есмь и отъ міра глаголемъ: и потому міръ насъ слушаетъ; а станешь говорить о Богѣ, пожалуй, и читать насъ не стануть. Такимъ образомъ свѣтская литература совершенно чужда христіанскаго духа, она даже стыдится духа Христова“...¹⁾ „Во многихъ свѣтскихъ журналахъ и газетахъ, которыхъ число умножилось до крайности, дышетъ духъ земной, нерѣдко богопротивный, между тѣмъ какъ христіанинъ (въ надеждѣ) есть гражданинъ не только земли, но и неба, и долженъ мудрствовать и о небесномъ. Языческа дренняя письменность была, нерѣдко кажется, лучше и чище (Цицеронъ), возвышеннѣе по своему началу и побужденію, чѣмъ письменность иная народовъ христіанскихъ. Упостасное Слово Отчее, Господа нашего Иисуса Христа, непрестанно и крѣпко оскорбляють христіанскіе народы, которые должны были бы быть по преимуществу словесными, т.-е. богоподобными существами, въ устномъ и печатномъ словѣ, которое тратится во множествѣ попусту и даже къ соблазну христіанъ, свѣтскою письменностію отвлекаемыхъ отъ чтенія слова Божія и писаній св. отцевъ. Въ преумноженіи льстивыхъ словесъ уловляють и обольщають редакторы и издатели журналовъ и газетъ словесное стадо Христово. О, Слово Божій! Какой отвѣтъ дадимъ мы на страшномъ судѣ Твоемъ!“...²⁾

Современные христіане, предаваясь чтенію исключительно свѣтской литературы, понятное дѣло, оставили безъ вниманія духовную литературу. Вотъ какъ рассуждаетъ объ этомъ о. Іоаннъ. „Гдѣ теперъ, — спрашиваетъ онъ, — чтеніе въ

1) Тамъ же. Стр. 11 — 12.

2) Тамъ же. Стр. 204 — 205.

домахъ богодуховенной псалтири, внушающей такую великую вѣру въ Бога, такое крѣпкое упованіе на Бога въ напастяхъ, въ болѣзняхъ, въ бѣдахъ и скорбяхъ, и такую пламенную любовь къ Богу? Гдѣ чтеніе богодуховенныхъ псалмовъ, которое было любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ, не простыхъ только, но бояръ и самихъ князей? Нѣтъ его: зато нѣтъ во многихъ вѣры, упованія христіанскаго и любви къ Богу и ближнему, а есть безвѣріе, отчаяніе, ненависть. Нѣтъ пламенной молитвы, нѣтъ чистоты нравовъ, нѣтъ духа сокрушенія о грѣхахъ и умиленія, нѣтъ правды, мира и радости въ Духѣ Святомъ. Большинство христіанъ проникнуты духомъ міра, духомъ журналовъ, газетъ и вообще свѣтскихъ писателей, кои сами проникнуты въ свою очередь духомъ языческимъ, а не христіанскимъ, духомъ отрицанія богодуховенности священнаго писанія и превозношенія себя самихъ, своего гордаго и напыщеннаго разума, духомъ житейской суеты¹⁾

Но отчего-же происходитъ это печальное явленіе, отчего христіане стали такъ пренебрежительно относиться къ своимъ христіанскимъ обязанностямъ? О Іоаннъ объясняетъ это такъ: „читаешь свѣтскій журналъ или газету: — говоритъ онъ — легко и пріятно читается, легко всему вѣрится. Но возьмешь читать духовный журналъ или книгу, особенно церковную, или начнешь читать молитвы — станетъ тяжело на сердцѣ и сомнѣніе тебя будетъ мучить, и невѣріе, и какое-то омраченіе и отвращеніе. Многіе въ этомъ признаются. Отчего это бываетъ? Не отъ свойства конечно самыхъ книгъ, а отъ свойства читающихъ, отъ качества ихъ сердецъ, и — главное — отъ діавола, врага человѣческаго, врага всего священнаго. Когда читаемъ свѣтскія сочиненія, мы не трогаемъ его, и онъ насъ не трогаетъ. Какъ примемся за священныя книги, начнемъ мыслить о своемъ исправленіи и спасеніи, тогда мы идемъ противъ него, раздражаемъ его, мучимъ его злобу, и вотъ онъ нападаетъ на насъ и взаимно мучитъ насъ, — что же дѣлать? Не бросать же добраго дѣла, душеполезнаго чтенія, молитвы, а надо терпѣть и въ тер-

¹⁾ Тамъ же. Стр. 205.

пѣннн спасать свою душу. *Въ терпѣннн вашемъ стяжете души ваша* (Лук. XXI, 19), говоритъ Господь¹⁾ „Если читаешь свѣтскіе журналы и газеты, извлекая изъ нихъ полезное для себя, какъ для гражданина и христіанина и семьянина, то наипаче и наичаще читай евангеліе и писанія св. отцевъ, ибо грѣшно христіанину, читая свѣтскія сочиненія, не читать богодуховенныхъ писаній. Ты слѣдишь за событіями во внѣшнемъ мірѣ, — не упускай же изъ виду и твоего внутренняго міра, твоей души: она ближе къ тебѣ и дороже тебѣ. Читать только газеты и журналы значитъ жить только одною стороною души, а не всей душой, или жить только по плоти, а не по духу. Все мірское съ міромъ и кончится. *И міръ преходитъ, и похоть его, всѣ его затѣи, а творяи волю Божию пребываетъ во вѣки* (1 Іоан. II, 17)²⁾ „При чтеніи извѣстныхъ истинъ не говори: это не новое, это я знаю, это я также сказалъ. Все это гордость діавольская; такое настроеніе отзывается слѣдующимъ мудрованіемъ: я все знаю, доброе и лукавое, — это значитъ почти слѣдующее: я — всевѣдущій. А многіе не читаютъ проповѣдей и духовныхъ книгъ потому, что будто бы они все знаютъ, что тамъ все одно и то же, что они давно знаютъ, между тѣмъ какъ свѣтскія книги, въ коихъ именно всегда одна и та же пустѣйшая житейская суета, читаютъ охотно и перечитываютъ. О, нечистыя мухи, питающіяся мертвечиною!³⁾

Высказавъ свои сужденія о театральныхъ зрѣлищахъ и свѣтской литературѣ, о. Іоаннъ восклицаетъ изъ глубины своего наболѣвшаго сердца: „о, какъ тщательно діаволь и міръ засѣваютъ своими плевелами ниву Христову, которая есть церковь Божія! вмѣсто слова Божія усердно сѣется слово мірское, слово суеты. вмѣсто храмовъ міръ избрѣлъ свои храмы — храмы суеты міра: театры, цирки, собранія; вмѣсто св. иконъ, которыхъ міролюбцы не принимаютъ, въ мірѣ существуютъ живописныя и фотографическіе портреты, иллюстраціи и разные другіе виды; вмѣсто Бога и святыхъ, въ

¹⁾ Тамъ же. Стр. 27 — 28.

²⁾ Тамъ же. Стр. 336.

³⁾ Тамъ же. Стр. 276.

мірѣ почитаютъ до обожанія своихъ знаменитостей — литератовъ, актеровъ, пѣвцовъ, живописцевъ, владѣющихъ общественнымъ довѣріемъ и уваженіемъ до благоговѣнія. Бѣдные христіане! Совсѣмъ отпали отъ Христа! вмѣсто одѣянія духовнаго обращаютъ въ мірѣ все вниманіе на одежду тлѣнную, на модныя платья и различныя украшения, отзываются блескомъ и дороговизною“...¹⁾ „Какъ много теряютъ люди въ домашней бесѣдѣ, для оживленія ея, чрезъ то, что не говорятъ о Богѣ! Какъ одушевлялся, плодился и разнообразился бы ихъ разговоръ! У вѣрующихъ тогда потекли бы рѣки отъ чрева ихъ (Іоан. VII, 38) спасительныхъ словъ. Сколько такіе разговоры доставили бы назиданія, успокоительности, истинной сладости! Между тѣмъ теперь, не говоря о Богѣ въ домашнихъ кружкахъ, а говоря о суетѣ мірской, скоро истощаются въ разговорѣ, скучаютъ и потомъ убиваютъ драгоцѣнное время въ глупыхъ играхъ или танцахъ. Врагъ рода человѣческаго подмѣтилъ эту слабость въ людяхъ заниматься суетными, житейскими разговорами и вообще проводить время въ суетныхъ забавахъ; онъ извлекаетъ и извлекаетъ для себя изъ этой слабости огромную выгоду: завелъ театры, цирки — истое осуществленіе суеты, истинное посмѣяніе надъ суетою людскою; и безумные между людьми, склонные къ суетѣ, къ лѣности и бездѣйствію, охотно посѣщаютъ эти театры и цирки, не находя для себя лучшаго занятія, которое бы доставляло спокойствіе и пріятность ихъ духу. *Суета суетствій — вслѣдствіе суета* (Еккл. I, 2)“...²⁾ „Настоящая жизнь — не шутка и не игрушка, а между тѣмъ люди обратили ее въ шутку и въ игрушку: легкомысленно играютъ временемъ, даннымъ для приготовления къ вѣчности, играютъ праздными словами. Соберутся въ гости, сидятъ и празднословятъ, а потомъ сядутъ играть такъ или иначе; соберутся въ театръ, и тамъ лишь забавляются и дѣйствующія лица и смотрящіе на ихъ дѣйствія; иные забавляются своими умственными дарованіями, человѣческими слабостями или добродѣтелями, способностью хорошо говорить

¹⁾ Тамъ же. Стр. 82.

²⁾ Тамъ же. Стр. 280 — 281.

и писать; забавляются даже пищею и питіемъ, употребляя ее въ излишествѣ, вмѣсто того, чтобы употреблять ихъ только для необходимаго насыщенія; забавляются одеждами своими, забавляются лицами своими; забавляются дѣтьми своими; вмѣсто того, чтобы воспитывать ихъ въ вѣрѣ, благочестіи и страхѣ Божіемъ. Вся жизнь у нихъ забава. Но горе забавляющимся“!..¹⁾

Что-же, спросимъ здѣсь въ заключеніе, можетъ избавить насъ отъ этого „горя“, предвѣщаемаго намъ мудрымъ и прозорливымъ пастыремъ Христовой Церкви? Отъ него можетъ избавить насъ покаяніе, соединенное вмѣстѣ съ исправленіемъ нашей жизни. А это послѣднее можетъ быть сдѣлано только въ союзѣ съ Церковію при непремѣнномъ условіи возвращенія нашего на путь вѣры и любви или иначе на путь христіанскаго благочестія. Аминь.

С Л О В О

въ день святыхъ первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла 29-го іюня 1893 года.

Объ отношеніи современныхъ христіанъ къ пастырской проповѣди въ церкви.

Посмотрите, куда это тѣснится народъ, куда это онъ спѣшитъ изъ храма? Онъ тѣснится, онъ спѣшитъ уйти отсюда *отъ проповѣди*. Такое явленіе нерѣдко можно видѣть въ настоящее время во всѣхъ почти нашихъ приходскихъ храмахъ. Особенно же оно замѣчается въ большихъ храмахъ, въ нашихъ монастыряхъ и соборахъ. Въ этихъ послѣднихъ всегда можно бываетъ замѣтить это явленіе, состоящее въ томъ, что какъ только вынесутъ аналой для церковной проповѣди, такъ народъ сейчасъ же густой толпой спѣшитъ уйти изъ храма,

¹⁾ Тамъ же. Стр. 291 — 292.

чтобы не засталъ его здѣсь голосъ проповѣдника. Для многихъ это стало какъ-бы знакомъ окончанія самаго богослуженія, разрѣшающимъ поэтому на выходъ изъ храма. Прискорбное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наводящее на глубокія размышленія явленіе въ современномъ христіанскомъ обществѣ! Въ день свв. Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, — этихъ величайшихъ проповѣдниковъ Христовыхъ, *весь міръ ученми своими просвѣтившійся*, — какъ величаетъ ихъ св. Церковь, — *и вся концы ко Христу приведшійся* (велич. праздн.), поразмыслимъ, братіе, о причинахъ этого печальнаго явленія съ возможно тщательною заботою о томъ, какъ бы устранить его изъ нашей общественной жизни.

Если и всегда указанное нами явленіе бьетъ въ глаза и производитъ непріятное впечатлѣніе въ сердцѣ каждаго проповѣдника, то въ особенности оно должно такъ дѣйствовать именно нынѣ, когда мы празднуемъ память великихъ проповѣдниковъ — Апостоловъ Христовыхъ. Какую-же рѣзкую противоположность должны представлять намъ Апостолы и ихъ слушатели съ одной стороны, и мы — ихъ преемники, пастыри и учителя Христовой церкви съ своими слушателями — съ другой! Въ то время, когда проповѣдывали Апостолы, слушатели стекались къ нимъ въ безчисленномъ количествѣ. Въ числѣ ихъ были, какъ извѣстно, люди всякаго возраста, званія и состоянія. Какъ-же они относились къ проповѣди христіанской? Такъ же ли безучастно и равнодушно, какъ многіе изъ насъ относятся къ ней въ настоящее время? Нѣтъ! Для этого стоитъ только привести нѣсколько примѣровъ изъ проповѣднической дѣятельности Апостоловъ, и мы вполне убѣдимся въ успѣхѣхъ ихъ проповѣди, какой они имѣли среди своихъ слушателей. Такъ, напр., вотъ первая проповѣдь св. Апостола Петра, раздавшаяся изъ его устъ въ Иерусалимской горницѣ, гдѣ пребывали всѣ Апостолы вмѣстѣ послѣ Воскресенія Христова и Вознесенія Его на небо, въ день Пятидесятницы, въ тотъ самый день, когда на Апостоловъ сошелъ Духъ Святой въ видѣ огненныхъ языковъ, и они, „исполнившись всѣ Духа Святаго, начали говорить на другихъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провѣщавать“ (Дѣян. II, 4). „Покайтесь“, — такъ говорилъ, между прочимъ, въ этой проповѣди

своей Ап. Петръ предстоящимъ предъ нимъ людямъ, собравшимся съ разныхъ концовъ вселенной, — „покайтесь и да креститесь каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ; и получите даръ Святаго Духа“ (Дѣян. II, 38). Что-же слушатели его? Они, по выраженію Дѣписателя, „охотно принявъ слово его, крестились; и присоединилось въ тотъ день душъ около трехъ тысячъ“ (ст. 41). Такъ успѣшно прошла эта первая по сошествіи Св. Духа проповѣдь Апостольская. Такимъ же, если только не большимъ, успѣхомъ отличалась и вторая проповѣдь того же Апостола около Иерусалимскаго храма въ такъ называемомъ Соломоновомъ притворѣ, гдѣ руками Апостола совершено было чудесное исцѣленіе хромага отъ рожденія. Здѣсь Апостолъ говорилъ собравшемуся народу: „покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грѣхи ваши... Богъ, воскресивъ Сына Своего Іисуса, къ вамъ первымъ послалъ Его благословить васъ, отвращая каждаго отъ злыхъ дѣлъ вашихъ“ (Дѣян. III, 19, 26). „Многіе изъ слушавшихъ слово“, — замѣчаетъ по этому поводу св. Дѣписатель, — „увѣровали; и было число таковыхъ людей около пяти тысячъ“ (Дѣян. IV, 4). Правда, уже въ этотъ разъ Ап. Петру пришлось встрѣтиться съ злобой іудейской въ лицѣ „священниковъ, начальника стражи при храмѣ и саддукеевъ“, которые, „досадуя на то, что онъ учитъ народъ и проповѣдуетъ въ Іисусѣ воскресеніе изъ мертвыхъ, наложили на него руки и отдали его подъ стражу“ (Дѣян. IV, 1—3). Правда, и въ слѣдующіе многочисленные случаи его проповѣди, какъ въ Иерусалимѣ, такъ и въ другихъ городахъ и мѣстахъ тогдашней вселенной, онъ подвергался за нее отъ тѣхъ же самыхъ іудеевъ различнымъ непріятностямъ и огорченіямъ. Такъ, напр., царь Иродъ однажды „задержалъ его и посадилъ въ темницу“ подъ крѣпкую стражу. И только чудеснымъ образомъ, при помощи Ангела Господня, онъ избѣгъ опасности, грозившей въ то время его жизни. За ту же самую проповѣдь о Христѣ Іисусѣ, проповѣдь всегда неутомимую и ревностную, онъ пострадалъ, какъ извѣстно, до смерти въ царствованіе Нерона, во время жестокаго гоненія на христіанъ, поднятаго имъ въ Римѣ, бывъ распятъ на крестѣ стремглавъ, т. е., внизъ головою. Но во всѣхъ этихъ

случаяхъ, въ которыхъ приходилось св. Апостолу сталкиваться съ его врагами въ дѣлѣ христіанской проповѣди, мы видимъ по преимуществу іудеевъ, —лицъ, враждебно относящихся къ христіанству и вообще нерасположенныхъ къ нему по тѣмъ или другимъ причинамъ. Что же касается самихъ христіанъ, обращенныхъ имъ къ истинной вѣрѣ или же тѣхъ язычниковъ, которымъ онъ проповѣдывалъ слово спасенія, то они были расположены къ нему совсѣмъ иначе. Они были постоянными и ревностными его слушателями, внимавшими его словамъ и старавшимися исполнять ихъ въ своей жизни.

То, что мы сказали здѣсь относительно одного изъ празднуемыхъ нынѣ Апостоловъ, именно Апостола Петра, тоже самое должно сказать и относительно другого изъ нихъ, Апостола Павла. Этотъ Апостолъ, какъ извѣстно, сначала былъ жестокимъ гонителемъ христіанъ, преслѣдовавшимъ и мучившимъ ихъ вездѣ, гдѣ только представлялся къ тому удобный случай, и назывался Савломъ. Впослѣдствіи же онъ изъ жестокаго гонителя христіанъ, вслѣдствіе чудеснаго обращенія своего къ христіанству, сдѣлался ревностнѣйшимъ Апостоломъ, неутомимымъ проповѣдникомъ Христовой истины. Уже послѣ прозрѣнія и крещенія своего въ Дамаскѣ онъ „тотчасъ сталъ проповѣдывать въ синагогахъ объ Иисусѣ, что Онъ есть Сынъ Божій“ (Дѣян. IX, 20). Правда, въ этотъ разъ, равно какъ и во многіе другіе раза, онъ своею проповѣдію возбудилъ въ своихъ слушателяхъ, преимущественно, іудеевъ сильную злобу и ненависть: они хотѣли убить его за это (ст. 23). Самъ Апостолъ собственными своими устами рассказываетъ въ одномъ изъ своихъ посланій, сколькимъ случаямъ непріятностей пришлось ему въ жизни своей подвергнуться отъ іудеевъ. „Я, — говоритъ онъ, — безмѣрно былъ въ ранахъ, болѣе въ темницахъ, и многократно при смерти. Отъ іудеевъ пять разъ дано мнѣ было по сороку ударовъ безъ одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали“... (2 Кор. XI, 23—25). Но, по мѣрѣ того какъ проходило все болѣе и болѣе времени съ обращенія Ап. Павла къ христіанству, по мѣрѣ того какъ проповѣдь его раздавалась изъ его устъ все сильнѣе и сильнѣе и распространялась въ предѣлахъ тогдашняго міра все далѣе и далѣе, — по мѣрѣ этого, говоримъ,

и слушатели его становились все болѣе и болѣе внимательными къ нему, такъ что успѣхъ отъ его проповѣди былъ очевидный и осязательный для всѣхъ людей. Стоитъ только вспомнить здѣсь нѣсколько случаевъ изъ этой проповѣди, описанныхъ Евангелистомъ Лукою въ своей книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, для того чтобы убѣдиться въ томъ успѣхѣ, какой имѣлъ Апостолъ Павелъ среди своихъ многочисленныхъ слушателей. Такъ, напр., послѣ проповѣди Апостола Павла въ субботный день въ Антиохіи Писидійской, „при выходѣ его изъ Іудейской синагоги“, язычники не преминули выразить ему свое удовольствіе по поводу слышанной ими проповѣди и „просили его говорить о томъ же въ слѣдующую субботу“ (Дѣян. XIII, 14—42). Когда же „въ слѣдующую субботу почти весь городъ собрался слушать слово Божіе“ (ст. 44), тогда язычники, слыша проповѣдь Ап. Павла, „радовались и прославляли слово Господне, и увѣровали всѣ, которые были предуставлены къ вѣчной жизни. И слово Господне, — замѣчаетъ по этому поводу св. Дѣписатель, — распространялось по всей странѣ“ (ст. 48—49). Такимъ же успѣхомъ, безъ сомнѣнія, пользовалась проповѣдь Ап. Павла и въ другихъ мѣстахъ. Вотъ, на примѣръ, Троада, небольшой „городокъ въ сѣверной части западнаго берега Малой Азіи. Глубокая полночь. Давно ужъ полуримскій городъ спитъ. Кажется, вмѣстѣ съ жителями заснули и задумчивые кипарисы, благоуханные мирты и лавры. Но въ бѣдномъ христіанскомъ кварталѣ вонъ домъ, гдѣ узкія, безъ стеколъ и завѣсъ, окна горятъ яркимъ свѣтомъ. Войдите на верхній этажъ. Предъ вами горница со многими свѣтильниками. Вы различаете множество лицъ; размѣстились кто гдѣ могъ. Юноша Евтихъ присѣлъ на окнѣ. Нѣмое вниманіе на всѣхъ лицахъ. И слышится только рѣчь старца — проповѣдника: то св. Павелъ ведетъ полночную бесѣду съ троадскими христіанами“¹⁾. Отъ продолжительности бесѣды и многолюднаго стеченія въ комнатѣ упомянутый юноша Евтихъ, „сидѣвшій на окнѣ, погрузился въ глубокой

1) Рѣчь, произнесенная предъ защитой магистерской диссертациі: „Третье великое благовѣстническое путешествіе св. Апостола Павла“, іеромонаха Григорія, стр. 13.

сонъ и, пошатнувшись, сонный упалъ внизъ съ третьяго жилья, и поднять мертвымъ“ (Дѣян. XX, 9). Но Ап. Павелъ нисколько не смутился этимъ случаемъ и не прекратилъ изъ-за него совсѣмъ своей проповѣди, затянувшейся и безъ того на этотъ разъ слишкомъ долго. Нѣтъ. Онъ, какъ говоритъ св. Дѣеписатель, „сошедши, палъ на него, и, обнявъ его, сказалъ: не тревожьтесь; ибо душа его въ немъ. Взошедши же и преломивъ хлѣбъ и вкусивъ, бесѣдовалъ довольно, даже до разсвѣта, и“ только „потомъ вышелъ. Между тѣмъ,—прибавляетъ Дѣеписатель,—отрока привели живаго и не мало утѣшились“ (ст. 10—12), утѣшились, конечно, тѣмъ, что увидѣли воочию чудо, совершенное руками Апостола, а также и тѣмъ, что они слышали изъ устъ его слово вѣры и спасенія. А вѣдъ это слово вѣры и спасенія, нужно замѣтить, было проповѣдано Ап. Павломъ не въ одномъ только бѣдномъ и незначительномъ городкѣ Троядѣ, но и въ Иерусалимѣ, и въ Антиохіи, и въ Ефесѣ, и въ Афинахъ, и въ Коринѣ, и, наконецъ, въ Римѣ, гдѣ въ 67 г. по Р. Хр., въ царствованіе того же императора Нерона, онъ принялъ мученическую смерть, будучи усѣченъ мечемъ;—проповѣдано, однимъ словомъ, во всѣхъ концахъ тогдашней вселенной. И вездѣ, куда бы только ни приходилъ Апостолъ, вездѣ онъ собиралъ вокругъ себя толпы слушателей, къ которымъ принадлежали люди разнаго званія и состоянія; вездѣ онъ заставлялъ своихъ слушателей внимать своей проповѣди и, по-истинѣ, производилъ ею чудеса, хотя и были попытки со стороны нѣкоторыхъ враговъ его и недоброжелателей всячески противоудѣйствовать успѣху Апостола въ этомъ отношеніи. Такъ свидѣтельствуетъ намъ историческая книга Священнаго Писанія о проповѣднической дѣятельности свв. Апостоловъ Петра и Павла, о томъ фактѣ изъ этой дѣятельности, что, не смотря на вражду съ одной стороны современнаго Апостоламъ общества, съ другой стороны, именно со стороны обращенныхъ въ христіанство язычниковъ, они встрѣчали всегда уваженіе къ себѣ лично, а также вниманіе къ своей проповѣди, которой они оглашали своды того или другого храма, въ который входили для молитвы и бесѣды, того или другого дома, въ которомъ проводили иногда по нѣскольکو дней...

Намъ могутъ возразить на наши замѣчанія, во-первыхъ, то, что указанная нами эпоха проповѣднической дѣятельности Апостоловъ Петра и Павла была единственная въ своемъ родѣ эпоха, никогда уже болѣе не имѣющая повториться въ исторіи рода человѣческаго. Это была, какъ извѣстно, эпоха первоначальнаго насажденія, развитія и распространенія христіанства, когда это послѣднее, какъ живой потокъ, потекло по лицу всей земли, смывая и уничтожая на своемъ пути все старое и нечистое. Неудивительно, говорятъ, то обстоятельство, что проповѣдь о христіанствѣ встрѣчала тогда почти на каждомъ шагу такое удивленіе и сочувствіе среди тѣхъ, къ кому она была обращена. Это именно объясняется ея новизной, требующей особаго интереса отъ слышащихъ ее людей. Потому-то она и производила такое сильное впечатлѣніе: вездѣ мы видимъ отъ нея или злобныя и печальныя, или восторженныя и радостныя лица слушателей. Теперь же, говорятъ, не то: теперь проповѣдь, особенно устная, при замѣнѣ ея письменной, стала не такъ удобной и нужной, спустя почти двѣ тысячи лѣтъ назадъ отъ упомянутой эпохи. Что же касается интереса ея, то она будто бы теперь совсѣмъ перестала занимать слушателей и удовлетворять ихъ умственное любопытство. Таково слышится возраженіе изъ устъ современнаго христіанскаго общества относительно церковной проповѣди. Но правда-ли все то, что они говорятъ въ свое оправданіе и въ опроверженіе давно укоренившагося обычая? Разберемъ здѣсь безпристрастно ихъ сужденіе объ этомъ предметѣ.

То, что говорятъ про христіанство, что оно составляетъ собою единственную эпоху въ исторіи всего рода человѣческаго, это, конечно, правда и съ этимъ всякій долженъ согласиться; но развѣ, кромѣ этой всеобщей эпохи, существующей неизмѣнно для всѣхъ государствъ и народовъ, не бываетъ еще особой эпохи въ жизни каждаго изъ нихъ на землѣ? Конечно, бываетъ, и не только для отдѣльныхъ государствъ, народовъ и обществъ, но и для каждаго человѣка въ частности, какъ входящаго въ составъ ихъ, подобно звену въ длинной цѣпи. Если же такъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ явленіи, что одинъ человѣкъ, напр., переживаетъ

въ данную минуту эпоху насажденія въ себѣ христіанства, другой—эпоху развитія его въ себѣ, третій—ни ту, ни другую эпоху, а эпоху отсутствія его въ себѣ, какъ, напр., язычники, блуждающіе еще до сихъ поръ во мракѣ идолопоклонства и суевѣрія и потому далекіе отъ истиннаго христіанства. Въ этомъ смыслѣ христіанство по справедливости можно назвать вѣчно-новой и вѣчно-старой истиной. Стало быть, мы можемъ также справедливо вывести отсюда такое заключеніе, что если кто-либо изъ насъ не интересуется въ своей жизни проповѣдію о христіанствѣ, не хочетъ ее слушать въ такомъ или иномъ видѣ, вообще, пренебрегаетъ ею: то такой человѣкъ весьма далекъ отъ истиннаго христіанства, что и на самомъ дѣлѣ бываетъ именно такъ. Но, можетъ быть, наши современные христіане не жалуютъ нашей церковной проповѣди и относятся къ ней съ такимъ пренебреженіемъ только потому, что она носитъ на себѣ характеръ изустной бесѣды? Можетъ быть, они уважаютъ болѣе письменныя проповѣди, содержащіяся въ нашихъ духовныхъ книгахъ и журналахъ? Можетъ быть, они болѣе читаютъ дома эти книги и журналы, нежели слушаютъ проповѣди въ церкви? Ничуть не бывало! Доказательствомъ этого служить незначительный въ настоящее время спросъ на этого рода литературу, не смотря на то, что достать ее стало теперь очень легко и удобно всякому, была бы только охота и ревность къ чтенію. Но еслибы они и пользовались письменною духовною литературою, какъ слѣдуетъ, то и тогда не мѣшало бы имъ слушать изуственную проповѣдь о христіанствѣ, — эту вѣчно-старую истину, которая однако никогда не можетъ надоѣсть или прискучить людямъ потому только, что они ее знаютъ и она имъ давно уже знакома. Нѣтъ, для нихъ она было бы въ то же время и вѣчно-новой истиной по глубинѣ и неизсякаемости своего содержанія. Вспомнимъ, что и въ апостольское время, кромѣ изустной проповѣди, привлекавшей къ себѣ вниманіе людей, существовала также и письменная: тѣже Апостолы Петръ и Павелъ писали, какъ извѣстно, многочисленныя посланія, отправляемыя ими въ тѣ церкви, которыя были предварительно оглашены изуственною проповѣдію. Какимъ укоромъ послѣ этого должно служить для насъ—христіанъ девятнадцатаго вѣка—

это историческое свидѣтельство слова Божія о церковной проповѣди!..

Второе возраженіе, которое могутъ сдѣлать намъ противники церковной проповѣди, состоитъ въ слѣдующемъ. Намъ скажутъ, что упомянутые проповѣдники, свв. Апостолы Христовы Петръ и Павелъ, имѣвшіе такой большой успѣхъ въ своей проповѣднической дѣятельности, были люди духоносные, т. е., одаренные особыми для этого божественными дарами Св. Духа, были люди искренно вѣрующіе и глубоко убѣжденные въ проповѣдуемой ими людямъ истинѣ Евангелія, были люди, вообще, краснорѣчивые и талантливые въ этого рода дѣлѣ. Обладая такими достоинствами, они и привлекали къ себѣ всякій разъ многочисленныхъ слушателей. Не то наши современные проповѣдники, которые, не имѣя такихъ или подобныхъ преимуществъ предъ прочими людьми, не имѣютъ, понятное дѣло, и должнаго успѣха въ своихъ проповѣдяхъ. Потому-то ихъ проповѣди и остаются иногда гласомъ вопіющаго въ пустынь. На это мы должны сказать здѣсь то, что Апостолы Христовы Петръ и Павелъ, въ сравненіи съ другими Апостолами—проповѣдниками христіанства, а также, конечно, и въ сравненіи съ другими людьми того же званія и сана, должны стоять выше всѣхъ ихъ въ этомъ отношеніи. Потому-то они и называются *Первоверховными Апостолами*. Апостоловъ Петра и Павла, и особенно послѣдняго изъ нихъ—Павла, можно по справедливости назвать идеальными проповѣдниками, которые должны служить примѣромъ и образцомъ для всѣхъ прочихъ христіанскихъ пастырей-проповѣдниковъ. Но развѣ, спросимъ, истина христіанства, возвѣщаемая ими людямъ, не одна и та же, какъ тогда, такъ и теперь, не смотря на такое продолжительное время, протекшее съ тѣхъ поръ, какъ жили упомянутые Апостолы? Конечно, одна и та же. *Иисусъ Христосъ*,—говоритъ Ап. Павелъ,—*вчера и днесъ, Той же и во вѣки* (Евр. XIII, 8). А Христосъ Иисусъ, какъ мы видѣли уже, и составлялъ главный предметъ проповѣди Апостоловъ. О Немъ; объ Его жизни, страданіяхъ, смерти и воскресеніи они и говорили людямъ, къ которымъ обращались съ своею проповѣдію. О томъ же Самомъ Христѣ, какъ извѣстно, проповѣдуютъ и современные христіанскіе пастыри, которыхъ не

хотятъ слушать многіе изъ насъ подѣ тѣмъ только предлогомъ, что нѣкоторые изъ нихъ имъ не нравятся, потому что не такъ проповѣдуютъ, какъ имъ хотѣлось бы. Такъ неужели успѣхъ этой послѣдней проповѣди находится въ настоящее время въ зависимости отъ того, гдѣмъ она произносится: проповѣдникомъ-ли ученымъ, талантливымъ и краснорѣчивымъ, или же простымъ, недаровитымъ и неспособнымъ къ тому пастыремъ Христовой Церкви, имѣющимъ ту же благодать Св. Духа, какъ и Апостолы, по рукоположеніи его въ санъ священства? Нѣтъ! Весьма далеки отъ той мысли, что мы проповѣдуемъ въ своей пастырской дѣятельности, какъ должно, и мало-по-малу приближаемся въ этомъ случаѣ къ апостольскому идеалу; всегда помни завѣтъ Апостола Павла, — этого величайшаго христіанскаго пастыря и учителя, — высказанный имъ однажды въ слѣдующихъ словахъ: „если я благовѣствую, то нечѣмъ мнѣ хвалиться: потому что это необходимая обязанность моя, и горе мнѣ, если не благовѣствую“ (1 Кор. IX, 16), — мы должны однако замѣтить здѣсь то, что какъ тѣ, такъ и другіе проповѣдники, имѣютъ одну и ту же цѣль, именно: призывъ людей къ покаянію и вѣрѣ въ Иисуса Христа, проповѣданнаго сначала Апостолами. Итакъ, оказывается, что неправда, какъ говорятъ многіе изъ современныхъ христіанъ, что они не прочь были бы слушать церковную проповѣдь, возвѣщаемую имъ христіанскими пастырями въ нашихъ храмахъ, еслибы эта проповѣдь находилась въ болѣе лучшихъ внѣшнихъ условіяхъ, нежели въ какихъ она находится въ настоящее время. По нашему мнѣнію, препятствіе къ этому заключается не во внѣшнихъ, будто-бы, неблагоприятныхъ условіяхъ, какими окружена современная проповѣдь, а какъ разъ наоборотъ, во внутреннихъ, въ какихъ находятся теперь сами слушатели. Прежде, какъ извѣстно, слушатели изъ язычниковъ стекались въ громадномъ количествѣ для того, чтобы послушать Апостоловъ Христовыхъ и научиться отъ нихъ истинѣ христіанства. Что влекло ихъ къ нимъ и что руководило ими въ этомъ дѣлѣ? Ихъ влекло и ими руководило одно духовное побужденіе, именно любовь, исходящая изъ ихъ сердца, согрѣтаго и проникнутаго теплотою чувствъ къ Богу и Его закону. Правда, они интересовались также и

другую, внѣшнюю или умственную стороною христіанской вѣры; но эта сторона была, такъ сказать, побочной въ этомъ дѣлѣ и никогда не заглушала собою первой. Чѣмъ-же руководятся, спросимъ, современные христіане въ дѣлѣ обученія себя истинамъ христіанской вѣры? Умственного любопытства или стремленія постигнуть, насколько возможно, своимъ умомъ эти истины они, какъ мы показали уже, не имѣютъ. Не имѣютъ они также и любви или сердечнаго расположенія къ принятію и усвоенію истинъ Божественнаго откровенія. Что-же послѣ этого можетъ заставить ихъ слушать наши церковныя проповѣди? Для нихъ они, понятное дѣло, будутъ всегда скучны и утомительны: потому что предметъ этихъ проповѣдей постоянно одинъ и тотъ же и напоминаетъ имъ о тягостномъ и непріятномъ для нихъ подвигѣ. А имъ такъ хочется всего новаго и разнообразнаго въ жизни, имъ хочется всего легкаго, пріятнаго и радостнаго въ ней! Конечно, не до проповѣдей тутъ, при такомъ именно понятіи и убѣжденіи. Имъ, — этимъ новаторамъ въ христіанствѣ, — хотѣлось бы перестроить даже самую Церковь со всѣми ея богослуженіями: ужъ очень они наскучили имъ своимъ вѣчнымъ однообразіемъ. Это — древніе Аѳиняне, о которыхъ упоминаетъ въ своей книгѣ св. Дѣписатель, что они, сходясь ежедневно на площадь, „ни въ чемъ охотнѣе не проводили время, какъ въ томъ, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое“ (Дѣян. XVII, 21). Это — дикая и бессмысленная, хотя и одаренная разумомъ и чувствами, римская толпа, которая нѣкогда кричала: „хлѣба и зрѣлищъ“, разумѣя подѣ этими словами одно только праздное умственное любопытство и удовлетвореніе однихъ только тѣлесныхъ или скотскихъ потребностей. Она не знала, что, кромѣ хлѣба тѣлеснаго, есть еще хлѣбъ духовный, объ удовлетвореніи которымъ нужно заботиться каждому человѣку — христіанину, по слову Христа Спасителя: *не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человѣкъ, но о всякомъ глаголю, исходящемъ изоустъ устъ Божіихъ* (Втор. VIII, 3; Матѣ. IV, 4). Да, этого не знала она! Не знаютъ этого также и наши свѣтскіе люди, встающіе противъ церковныхъ проповѣдей. Они знаютъ только одни удовольствія и развлеченія, которыя и стараются разнообразить съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Въ такое,

по-истинѣ, прискорбное время живемъ мы, братіе, при такихъ именно условіяхъ, виѣшнихъ и внутреннихъ, приходится проповѣдывать пастырю Церкви. Какого-же, скажите, успѣха ждать намъ отъ своихъ проповѣдей?.. Нѣкогда Господь нашъ Иисусъ Христосъ говорилъ Своимъ ученигамъ: *жатвы много, дѣлателей же мало* (Мат. IX, 37), разумѣя именно подъ жатвою людей, охотно принимающихъ Евангельскую проповѣдь и легко усвоющихъ ее не однимъ только умомъ, но и сердцемъ; подъ дѣлателями же жатвы разумѣя проповѣдниковъ, пастырей и учителей Его святой Церкви. Нынѣ, какъ по всему очевидно, эти слова Христовы можно выразить въ обратномъ смыслѣ: нынѣ *жатвы мало, дѣлателей же много*. Посмотрите: сколько существуетъ у насъ людей, специально приготовленныхъ для проповѣди Евангельской въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, сколько существуетъ различныхъ мѣстъ и учреждений, гдѣ мы можемъ всегда и безпрепятственно слушать эту проповѣдь. За кѣмъ-же, спрашивается, дѣло? За нами. Будемъ же *молить Господина жатвы* о томъ, чтобы Онъ вложилъ въ наше сердце любовь и ревность къ слушанію проповѣдей и вообще къ поученію въ законѣ Господнемъ, который долженъ быть для насъ, по слову псалмопѣвца, *свѣтильникомъ ногамъ нашимъ и свѣтомъ стезямъ нашимъ* (Пс. 118, 105). *Да течетъ и славится между нами слово Господне* (2 Сол. III, 1), распространяясь въ нашемъ любезномъ и дорогомъ отечествѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, и *да не возвращается отъ насъ глаголъ Божій толкъ*, но да падаетъ постоянно, подобно сѣмени, на добрую землю нашихъ сердецъ и да приноситъ тамъ вождѣлѣнные плоды, соотвѣтственно тому, кто сколько потрудится на этой духовной нивѣ! Тогда, и только тогда мы достойно будемъ праздновать въ честь свв. первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. А теперь помолимся имъ отъ всего сердца, чтобы они помогли намъ въ этой, конечно, не легкой для насъ задачѣ. Аминь.

Р Ѣ Ч Ъ

при браносочетаніи Г. А. Н—ъ съ А. С. Б—ъ, 30-го іюня 1893 года.

Послѣ совершенія надъ Вами таинства брака, послѣ молитвъ о Васъ нашей св. Православной Церкви, я хочу обратиться къ Вамъ еще особо съ своимъ словомъ назиданія, которое прошу Васъ выслушать сейчасъ внимательно.

Въ Священномъ Писаніи Новаго Завѣта, содержащемся въ Восточной Православной Церкви, а также, какъ извѣстно, и въ Западной—католической и протестантской, именно: въ одной изъ книгъ этого св. Писанія, подъ заглавіемъ: „первое посланіе св. Апостола Павла къ Коринѳянамъ“, т. е., къ христіанамъ изъ коринѳскихъ жителей, находится слѣдующее мѣсто: „если какой братъ имѣетъ жену невѣрующую, и она согласна жить съ нимъ, то онъ не долженъ оставлять ее. И жена, которая имѣетъ мужа невѣрующаго, и онъ согласится жить съ нею, не должна оставлять его. Ибо невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею, и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ. Иначе дѣти ваши были бы нечисты, а теперь святы“ (1 Кор. VII, 12—14). Такія слова высказалъ Ап. Павелъ, когда писалъ коринѳянамъ о бракѣ, объ установленіи его среди нихъ, какъ таинства. Прежде чѣмъ говорить о значеніи этихъ словъ въ настоящемъ случаѣ, замѣтимъ здѣсь, во-первыхъ, то, что они вышли изъ-подъ пера Апостола не въ видѣ заповѣди или прямого повелѣнія Божія, а въ видѣ какъ бы собственнаго закона и наставленія: приведеннымъ нами словамъ Апостоль, какъ извѣстно, предпослалъ слѣдующія слова: „прочимъ же я говорю, а не Господь“ (ст. 12);—хотя, конечно, не нужно забывать и того, что св. Апостоль самъ по себѣ, безъ особаго откровенія на то свыше, имѣлъ Духа Святаго, какъ однажды онъ и замѣтилъ своимъ слушателямъ, усомнившимся въ его апостольскихъ дарахъ и полномочіяхъ. Затѣмъ, намъ нужно замѣтить здѣсь также и то, что эти слова высказаны были Ап. Павломъ въ то время, когда еще не существовало современныхъ ни католичества, ни протестантства, какъ выродившагося уже

потомъ изъ этого послѣдняго, со всѣми его безчисленными и разнообразными сектами, изъ которыхъ главными протестантскими исповѣданіями были германское лютеранство и швейцарское реформатство. Въ то время, когда жилъ и дѣйствовалъ Ап. Павелъ, существовало только два міра: христіанскій и языческій. Слѣдовательно существовало только и два исповѣданія: правовѣрное или христіанское, и неправовѣрное или языческое. Отсюда ясно, къ кому относятся вышеприведенныя слова Апостола: „если какой братъ имѣетъ жену невѣрующую, и жена, которая имѣетъ мужа невѣрующаго“... и т. д. Они относятся именно къ язычникамъ. Подъ словами: *невѣрующій мужъ и невѣрующая жена* нужно разумѣть людей, не принявшихъ христіанской вѣры, людей, не знающихъ имени Иисуса Христа. Равно какъ и наоборотъ, въ послѣдующихъ словахъ Апостола, подъ *вѣрующими мужемъ и женою* нужно разумѣть людей, просвѣщенныхъ христіанскою вѣрою, людей, вошедшихъ въ ограду истинной Христовой Церкви...

Теперь обратимъ вниманіе на то, въ чемъ состоитъ сущность самаго узаконенія Апостола, содержащагося въ вышеприведенныхъ его словахъ. Объясняя эти слова, одинъ изъ древнихъ учителей Православной Церкви, блаженный Теодоритъ, замѣчаетъ слѣдующее: Апостолъ, — говоритъ онъ, — не узаконяетъ братъ жену невѣрующую, и не повелѣваетъ женѣ вѣрующей сочетаваться съ мужемъ невѣрующимъ, но даетъ правила для сочетавшихся прежде пріятія проповѣди. Ибо случилось, что мужъ увѣруетъ, а жена остается въ невѣріи, и обратно: жена пріемлетъ проповѣдь, а мужъ пребываетъ въ недугѣ невѣрія. И Апостолъ повелѣваетъ здравому переносить немощъ пребывающаго съ нимъ въ супружествѣ, заботясь о спасеніи его“. Какъ-же понимать слова Апостола: „ибо невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею, и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ. Иначе дѣти ваши были бы нечисты, а теперъ святы“? Это мѣсто не совсемъ понятно. Какъ освящаются невѣрные супруги ради вѣрныхъ?—спрашиваетъ одинъ изъ новыхъ учителей той же церкви, преосвященнѣйшій епископъ Теофанъ, и отвѣчаетъ:— „благодатнаго освященія, конечно, разумѣть здѣсь нельзя;

ибо къ сему освященію одинъ путь—вѣра и принятіе таинствъ крещенія и миропомазанія. Невѣрный мужъ и невѣрная жена, желая жить съ вѣрною женою и съ вѣрнымъ мужемъ, не смотря на вѣру во Христа Господа, хотя показываютъ скрытное благорасположеніе, или благоволительное снисхожденіе къ сей вѣрѣ, но въ этомъ можно предполагать только зародышъ будущей личной вѣры и вслѣдствіе ея имѣющаго быть освященія, но не самое освященіе. Какъ же понять: *освящается*? Надо понимать: освящается мужъ, какъ мужъ, а жена, какъ жена, т. е., въ брачномъ отношеніи. Иначе сказать: бракъ твой, вѣрная жена, съ мужемъ невѣрнымъ, не превратился въ незаконное сожительство отъ того, что ты увѣровала; напротивъ, твое увѣрованіе осватило сей бракъ и мужа твоего въ брачномъ отношеніи. Тоже да содержитъ въ умѣ и мужъ вѣрный, у котораго жена остается невѣрною. Въ подобномъ же смыслѣ и дѣти отъ таковыхъ браковъ святы. Не въ томъ смыслѣ святы, какъ святы христіане, ибо и дѣти отъ христіанъ освященныхъ рождаются въ такомъ состоянн, что требуютъ освященія таинствами, — но въ томъ, что не суть нечистыя, незаконнорожденныя, непотребныя дѣти“¹⁾. *Освящается мужъ невѣрующій* не самъ по себѣ, но, какъ говоритъ Апостолъ, *женою вѣрующею*. „Онъ сказалъ это,— замѣчаетъ по этому поводу св. Іоаннъ Златоустъ,—не для того, чтобы признать язычника святымъ, а для того, чтобы какъ можно болѣе успокоить жену и въ мужѣ возбудить желаніе истины. Нечистота заключается не въ тѣлахъ сочетавшихся, а въ произволеніи и помыслахъ“.

Какое-же отношеніе, спросимъ, имѣетъ это узаконеніе Апостола къ настоящему случаю? О, весьма близкое! Вотъ предъ нами случай бракосочетанія, когда изъ приступающихъ къ нему лицъ одно лицо православнаго исповѣданія, а другое инославнаго. Если приведенныя и разобранныя нами слова Апостола имѣютъ силу по отношенію къ язычникамъ, т. е., къ людямъ невѣрующимъ въ Бога и егже послалъ естъ Иисусъ Христа (Іоан. XVII, 3), къ людямъ, не знающимъ

¹⁾ Толкованіе перваго посланія къ Коринтянамъ, Епископа Теофана. —стр. 232—233.

Его святаго имени и не чтущимъ Его въ своей жизни: то, понятное дѣло, они имѣютъ еще большее значеніе и силу по отношенію къ христіанамъ, хотя бы и инославнаго исповѣданія. Потому-то, замѣтимъ здѣсь кстати, наша св. Православная Церковь и допускаетъ браки въ этомъ случаѣ и признаетъ ихъ наравнѣ съ первыми, т. е., когда изъ приступающихъ къ нимъ лицъ оба лица оказываются христіанами православнаго исповѣданія. Да, какъ бы далеко ни удалилось въ настоящее время отъ истиннаго христіанства католичество или протестантство, все таки мы должны сказать здѣсь то, что въ нихъ сохранилось и живетъ еще христіанство, сохранилось и живетъ именно постольку, поскольку они исповѣдуютъ Христа распятаго и воскресшаго изъ мертвыхъ истиннымъ Богомъ нашимъ! Конечно, мы не имѣемъ въ виду указывать здѣсь на заблужденія католичества или протестантства и на отступленія ихъ отъ православной вѣры въ области догматовъ и обрядовъ. Объ этомъ не мѣсто, да и не время, было бы разсуждать здѣсь въ настоящія минуты. Чтѣ мы видимъ передъ собой? Мы видимъ людей, пришедшихъ къ алтарю св. Церкви нашей съ цѣлію испросить себѣ молитвъ и освященія у служителей ея въ дѣлѣ своего бракосочетанія. Какъ же не выразить похвалы этому взаимному стремленію и сердечному желанію Вашему, новобрачные, стремленію и желанію, по-истинѣ, святому и богоугодному? И мы должны засвидѣтельствовать здѣсь предъ всѣми, собравшимися въ этотъ святой храмъ на это брачное торжество, что такое поведеніе ваше достойно всякой похвалы и подражанія среди прочихъ, подобныхъ вамъ людей. Но не въ этомъ, конечно, состоитъ значеніе того важнаго церковнаго таинства, къ которому вы приступили сейчасъ, и того рѣшительнаго шага въ вашей жизни, который сдѣлали нынѣ. Ваша, такъ сказать, духовная миссія впереди. На то, что вы должны еще сдѣлать, тотъ же св. Апостолъ Павелъ указываетъ въ послѣдующихъ словахъ своихъ, содержащихся тамъ же. „Почему ты знаешь, жена“,—спрашиваетъ онъ,—не спасешь-ли мужа? Или ты, мужъ, почему знаешь, не спасешь-ли жены“ (ст. 16)? Чтѣ значатъ эти слова Апостола? „Если мужъ не беспокоитъ тебя,—объясняетъ ихъ св. Іоаннъ Златоустъ,—

то оставайся, говорить, съ нимъ, отъ этого можетъ быть и польза; оставайся и увѣщевай, совѣтуй, убѣждай: никакой учитель не можетъ убѣдить такъ, какъ жена“. „Дѣло обращенія къ вѣрѣ, — по словамъ преосвященнаго Теофана, благодать совершаетъ; а какъ?—это тайна. Орудій у нея много, но чрезъ какое пройдетъ въ душу грѣшную или невѣрную, и пройдетъ-ли, никто опредѣлить того не можетъ. Ибо тутъ приходится съ своими правами и свобода, которой уклоненія неопредѣлимы, но съ которою соображается вся во всѣхъ во благо дѣйствующій Богъ“¹⁾. И такъ, вотъ въ чемъ состоитъ та духовная миссія, къ которой призваны вы теперь, конечно, не безъ содѣйствія Божія! Она состоитъ именно въ взаимной помощи и поддержкѣ относительно вашего душевнаго спасенія. „Почему ты знаешь, жена, не спасешь-ли мужа“? Какъ эти слова Апостола близко подходятъ къ настоящему случаю!

Къ тебѣ, по преимуществу, православная жена, обращаюсь съ этими апостольскими словами: помни же всегда свое христіанское призваніе въ новомъ твоёмъ положеніи, въ какое ты вступила нынѣ, и никогда не забывай его въ своей жизни. Не только знай, но и старайся также по мѣрѣ силъ твоихъ выполнять его на каждомъ шагу своей дѣятельности, и какъ жены своего мужа, и какъ гражданки того общества, къ которому приписана отнынѣ. Въ какомъ же духѣ ты должна вести эту дѣятельность, выполняя свое христіанское призваніе и совершая свою духовную миссію? Конечно, не въ духѣ тщеславія и гордости, не въ духѣ бесплодныхъ споровъ и различныхъ нескончаемыхъ пререканій, которыя неминуемо могутъ возникнуть у васъ обоихъ на почвѣ разсужденій относительно вѣры и обрядовъ тѣхъ церквей, къ которымъ вы принадлежите. Нѣтъ, не въ этомъ духѣ ты должна дѣйствовать, если желаешь имѣть успѣхъ въ указанномъ отношеніи, а въ духѣ смиренія и кротости, въ духѣ мира и любви истинно-христіанской: ибо,—замѣчаетъ тотъ же св. Ап. Павелъ,—„къ миру призвалъ насъ Господь“ (ст. 15). Вотъ на какой почвѣ и при какихъ именно условіяхъ можетъ

¹⁾ Тамъ же стран. 235.

быть успѣхъ въ твоей дѣятельности. Да подасть же тебѣ Господь силы и бодрость на новомъ поприщѣ твоей жизни ко благу и счастію, какъ тебя самой, такъ и твоего супруга! И да даруетъ Онъ вамъ обоимъ постигнуть Свою святую истину, выраженную Имъ въ Евангеліи и содержащуюся въ св. Православной Церкви, — этомъ „столпѣ и утвержденіи истины“ (1 Тим. III, 15.)! Аминь.

С Л О В О

въ день празднованія въ честь иконы Казанской Божіей Матери,
8-го іюля 1893 года.

О христіанскомъ посѣщеніи ближнихъ нашихъ.

*Воставши Маріамъ... иде во горня со
тцаиѣма, во градъ Іудова; и виде во домъ
Захаріина, и цѣлова Елисаветъ... Пре-
бысть оне Маріамъ съ нею яко три мѣся-
цы: и возвратися во домъ свой“*

(Лук. I, 39—56).

Когда это Пресвятая Дѣва Марія съ такою поспѣшно-
стію пошла въ нагорную страну, въ городъ Іудинъ, въ
домъ первосвященника Захаріи, для того, чтобы привѣт-
ствовать тамъ жену его, престарѣлую родственницу свою
Елисавету? Евангелистъ Лука, въ евангеліи котораго со-
держится изложеніе этого событія, замѣчаетъ, что это про-
изошло *во дни тѣя* (ст. 39), т. е., непосредственно послѣ
благовѣщенія отъ Ангела Дѣвѣ Маріи о чудесномъ и сверх-
естественномъ зачатіи и рожденіи отъ Нея Сына Божія. По
крайней мѣрѣ, Евангелистъ ставитъ это послѣднее событіе
въ тѣсную связь съ тѣмъ событіемъ, описаніе котораго на-
ходится въ приведенныхъ нами словахъ. То же самое собы-
тіе Евангелистъ ставитъ, какъ извѣстно, въ связь еще и съ
другимъ событіемъ, которое полагается у него нѣсколько

ранѣе благовѣщенія Пресвятой Дѣвѣ Маріи, именно: съ со-
бытіемъ о чудесномъ также, хотя и естественномъ, зачатіи
и рожденіи отъ Елисаветы жены первосвященника Захаріи,
сына по имени Іоанна (Лук. I, 5—25; 57—80). Послѣ того
какъ благодатная Дѣва Марія узнала тайну, сродную съ тай-
ною, возвѣщенной Ей отъ Ангела, она, по родственному
чувству къ Елисаветѣ, а также по взаимному отношенію ихъ
тайны и по другимъ чувствамъ и цѣлямъ, вознамѣрилась по-
сѣтить свою престарѣлую родственницу Елисавету, живущую
въ нагорной странѣ, въ городѣ Іудинъ, подъ которымъ нужно
„разумѣть здѣсь извѣстный важный городъ колѣна іудина,
Хевронъ, лежавшій на горахъ іудиныхъ. Это былъ старин-
ный священнической городъ, славный по многимъ воспомина-
ніямъ, и не безъ основанія потому предполагають, что здѣсь
былъ домъ Захаріи“¹⁾ И вотъ Пресвятая Дѣва, узнавъ объ
этихъ тайнахъ, спѣшитъ изъ Назарета, гдѣ Она пребывала
въ то время, въ нагорную іудейскую страну, въ городъ Хев-
ронъ, гдѣ жила ея родственница Елисавета. Какъ-же Ей было
не спѣшить туда, когда ея сердце, послѣ столь радостнаго
благовѣщенія въ двухъ отношеніяхъ: и въ отношеніи къ Ней
Самой, и въ отношеніи къ Ея родственницѣ, — наполнено было
столь благоговѣйнымъ и восторженнымъ чувствомъ? Для того,
чтобы раздѣлить это чувство, обмѣняться мыслями своими по
поводу этихъ рѣдкихъ и знаменательныхъ въ Ея жизни ми-
нутахъ, Она и спѣшитъ теперь туда, — къ своей родственницѣ,
которая въ свою очередь нуждалась тогда въ родномъ и близ-
комъ для нея человѣкѣ. Дивное, по-истинѣ, зрѣлище предста-
вляло собою тогда это свиданіе двухъ родственныхъ женщинъ!
Конечно, — мы должны замѣтить здѣсь, — свиданіе это произо-
шло не безъ воли Божіей, являющейся въ такомъ или иномъ
видѣ въ жизни каждаго человѣка на землѣ. Въ жизни же Пре-
святой Дѣвы Маріи и ея родственницы Елисаветы, имѣющей
отношеніе къ рассматриваемому событію — взаимному свиданію
ихъ въ упомянутомъ мѣстѣ, все обставлено было необы-
чайнымъ сверхестественнымъ образомъ. „Когда Елисавета, —
замѣчаетъ Евангелистъ Лука, — услышала привѣтствіе Ма-

¹⁾ Толковое Евангеліе отъ Луки, Архимандрита Михаила. Стран. 238—240.

ри; взыгралъ младенецъ во чревѣ ея“,—что „свидѣтельствовало, безъ сомнѣнія, о тѣхъ близкихъ духовныхъ отношеніяхъ, въ какихъ должны будутъ стоять имѣющіе родиться младенцы“,—и Елисавета исполнилась Святаго Духа“ (ст. 41), „отъ Котораго она тотчасъ же познала тайну Маріи, сокровенную отъ всѣхъ людей, такъ какъ и Іосифъ, — обручникъ Ея,— не зналъ этой тайны, которая уже потомъ разъяснена ему Ангеломъ во снѣ“¹⁾. Отъ избытка чувства и радости, Елисавета „воскликнула громкимъ голосомъ и сказала: благословенна Ты между женами, и благословенъ плодъ чрева Твоего! И откуда это мнѣ, что пришла Матерь Господа моего ко Мнѣ“ (ст. 42—43)? Если же Елисавета, какъ видно изъ этихъ словъ, исполнена была Святаго Духа, говорила и дѣйствовала подъ вліяніемъ Его: то тѣмъ болѣе, конечно, исполнена была тогда Его Пресвятая Дѣва Марія, — этотъ „домъ Божій“ или постоянное обиталище Святаго Духа. „Подъ вліяніемъ радостнаго, восторженнаго настроенія духа отъ совершившихся событій, предъ лицомъ восторженной и исполненной Духа Святаго другини“, въ отвѣтъ на ея слова, „изъ души Пресвятой Дѣвы излилось“, какъ извѣстно, слѣдующее „чудное пѣснопѣніе во славу Бога и будущаго Искупителя міра.“²⁾ „И сказала Марія: величить душа моя Господа; и возрадовался духъ мой о Богѣ, Спасителѣ Моемъ, что призрѣлъ Онъ на смиреніе рабы Своей; ибо отнынѣ будутъ ублажать Меня всѣ роды“ (ст. 46—48). Не одинъ или два дня послѣ этого свиданія пробыла Дѣва Марія у родственницы своей Елисаветы, а какъ говоритъ Евангелистъ, „около трехъ мѣсяцевъ“ (ст. 56), проводя время съ ней, вѣроятно, въ живой и назидательной бесѣдѣ по поводу послѣднихъ важныхъ событій, случившихся въ ихъ взаимной жизни. И только уже послѣ того Она „возвратилась въ домъ свой“, т. е., въ домъ обрученнаго Ея Іосифа въ Назаретъ Галилейскомъ (ст. 26—27). Таково, братіе, евангельское сказаніе о посѣщеніи и свиданіи Дѣвы Маріи съ родственницею Своею Елисаветою, — евангельское сказаніе,

1) Тамъ же. Стран. 240.

2) Тамъ же Стран. 242.

которое мы слышимъ постоянно за всеобщимъ богослуженіемъ, а также во время молебнаго пѣнія въ честь той или другой иконы Божіей Матери.

Чему-же, спросимъ, должно поучать насъ это сказаніе въ христіанской жизни нашей? Оно должно поучать насъ тому, что мы должны всякій разъ пользоваться временемъ, даннымъ намъ отъ Бога въ этой жизни, прежде всего для нашего собственнаго душевнаго блага, а затѣмъ для блага нашихъ ближнихъ,—пользоваться имъ особенно тогда, когда въ жизни нашей случится что-либо важное и достопримѣчательное, нѣчто подобное тому, что случилось въ жизни Приснодѣвы Маріи и ея родственницы Елисаветы. Первая изъ упомянутыхъ нами женъ, какъ мы видѣли, находясь подъ вліяніемъ чувствъ, волновавшихъ Ее въ то время, предприняла съ этою цѣлію путешествіе въ нагорную страну: она хотѣла повидаться тамъ съ своею престарѣлой родственницей Елисаветой для того, чтобы излить въ бесѣдѣ съ Нею свое радостное чувство. А эта послѣдняя, какъ извѣстно, не уклонилась тогда отъ посѣщенія ея и провела въ изліяніи своихъ собственныхъ чувствъ вмѣстѣ съ Нею около трехъ мѣсяцевъ. Имѣя такой прекрасный образецъ для нашихъ взаимныхъ житейскихъ отношеній, взглянемъ теперь на современныхъ христіанъ и на ихъ поведеніе въ этомъ случаѣ. Вѣдь нельзя сказать, чтобы они чуждались нынѣ другъ друга, не видѣли и не старались посѣщать ихъ съ этою цѣлію въ своей жизни. Нѣтъ, многіе изъ нихъ, какъ извѣстно, отличаются въ этомъ случаѣ особенною общительностію; многіе ходятъ въ дома, какъ родственникововъ, близкихъ и дорогихъ для нихъ лицъ, такъ и чужихъ людей, знакомыхъ и извѣстныхъ имъ только по той или другой профессіи. Но какъ же, спросимъ здѣсь, проводится время такими христіанами? Ко благу-ли собственной ихъ души и въ назиданіе-ли ближнихъ, посѣщаемыхъ ими подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ? По крайней мѣрѣ, съ пользою-ли для того дѣла, обязанность котораго заставила ихъ посѣтить этихъ ближнихъ? Ничуть не бывало! Многіе изъ насъ охотно посѣщаютъ своихъ родственникововъ и знакомыхъ, нисколько не заботясь въ этомъ случаѣ ни объ этихъ послѣднихъ, ни о самихъ себѣ, и не

имѣя въ виду отъ этого посѣщенія вышеуказанную цѣль, т. е., собственное свое назиданіе и назиданіе своихъ ближнихъ, которое заповѣдуются намъ словомъ Божиимъ. Мы готовы бываемъ иногда проводить у людей, своихъ и чужихъ, не только цѣлые дни, но даже и ночи. И все это оказывается попусту, безъ всякой пользы для себя и другихъ, ради одного только времяпровожденія или, какъ нынѣ говорятъ, для того, чтобы убить время. Это убиваніе времени или пустое и бесполезное прохождение его вошло у насъ, такъ сказать, во всеобщую моду и стало необходимою потребностію почти всѣхъ и каждаго изъ насъ. Но съ этимъ еще можно было бы помириться, если бы современные христіане хоть нѣсколько сознавали свои христіанскія обязанности, возложенныя на нихъ при ихъ крещеніи и миропомазаніи въ младенчествѣ, еслибы они хоть сколько нибудь старались исполнять ихъ въ своей жизни. Но вотъ бѣда: они овсѣмъ утратили понятіе объ этихъ обязанностяхъ, которыя считаютъ возможнымъ такъ дерзко и смѣло поирать и нарушать на каждомъ шагѣ своей дѣятельности. Когда, скажите, происходитъ у насъ это безплодное посѣщеніе нашихъ ближнихъ и безцѣльное прохождение у нихъ времени? Тогда, когда нужно намъ, по званію христіанскому, исполнить четвертую заповѣдь Господню, повелѣвающую посвящать седьмой день Господу Богу. Вотъ когда наиболѣе мы оказываемся ревностными къ посѣщенію нашихъ ближнихъ! Св. Церковь, какъ чадолюбивая мать наша, призываетъ насъ въ это время въ свои храмы къ молитвѣ и покаянію, а мы, не внимая этому ея зову, бѣжимъ туда, гдѣ бы можно было убить время безъ пользы и назиданія, мало того, убить его со вредомъ и погибелью для себя и другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что происходитъ на всѣхъ нашихъ собраніяхъ или, такъ называемыхъ, вечеринкахъ, на которыя мы собираемся къ ближнимъ нашимъ по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ нашей жизни? Тамъ происходятъ, во-первыхъ, танцы, — необходимая принадлежность почти всѣхъ нашихъ собраній, безъ которыхъ они никакъ не могутъ у насъ обойтись нынѣ; затѣмъ — игра въ карты, — это также весьма любимое развлеченіе наше, ставшее предметомъ не только старыхъ, но и молодыхъ людей; наконецъ, свѣтскія

пѣсни и разговоры на одну и ту же всегда тему или же, лучше сказать, пустая болтовня языкомъ, который иногда говорить то, что не вѣдаетъ разсудокъ. Многое, подобное этому, и другое можно встрѣтить на тѣхъ же самыхъ собраніяхъ нашихъ. Только нельзя тамъ встрѣтить того, что мы слышали изъ евангельскаго сказанія о посѣщеніи Пресвятой Дѣвой Маріей дома Захаріина и о свиданіи тамъ съ родственницей своей Елисаветой, именно: мы не встрѣтимъ тамъ изліянія религиозныхъ чувствъ въ молитвѣ и церковныхъ пѣснопѣніяхъ, въ родѣ, на примѣръ, того чуднаго пѣснопѣнія Пр. Дѣвы, которое до сихъ поръ оглашаетъ своды нашихъ храмовъ: „*величитъ душа моя Господа*“ .., не услышимъ благочестивыхъ разговоровъ относительно Бога и Его св. Церкви, не увидимъ сосредоточенности и вниманія къ самимъ себѣ и своимъ ближнимъ. Все это у насъ не принято нынѣ и все это отошло уже въ область древняго преданія. И такое времяпрепровожденіе, нужно замѣтить, происходитъ у насъ по большей части подъ воскресные и другіе праздничные дни, когда св. Церковь совершаетъ, такъ называемое, всенощное богослуженіе. Конечно, такіе христіане и въ самый день праздника не посѣщаютъ церковныхъ богослуженій; потому что въ такомъ случаѣ они обыкновенно просыпаютъ ихъ. Такъ-то оскорбляются современными христіанами праздники Господни! Такъ-то нарушаются ими христіанскія обязанности! Какіе-же, послѣ этого, они христіане? Да они только по бумагамъ или, иначе сказать, по метрическимъ книгамъ числятся таковыми; на самомъ же дѣлѣ они весьма далеко отстоятъ отъ истиннаго христіанства. Они отстоятъ отъ него настолько же, насколько непохожи бываютъ по своему образу жизни и поведенія на Пресвятую Дѣву Марію и ея родственницу Елисавету. Какъ же долженъ быть для нихъ близокъ и дорогъ образъ этихъ послѣднихъ лицъ, представленныхъ намъ въ Евангеліи для нашего подражанія и послѣдованія! Будемъ же съ благоговѣніемъ взирать на этотъ дивный образъ, съ цѣлю найти въ немъ для себя соотвѣтственное назиданіе, какъ намъ нужно пользоваться всякій разъ временемъ при посѣщеніи домовъ нашихъ родственниковъ и знакомыхъ. Смотри на него такъ внѣшними или умственными очами, будемъ взи-

рать на него внутренними или сердечными, будемъ какъ можно чаще переноситься своимъ умомъ и сердцемъ въ *Горняя*, — мѣсто взаимнаго свиданія этихъ двухъ евангельскихъ лицъ, — съ цѣлю найти тамъ для себя отраду и утѣшеніе среди вихря житейской суеты и попеченія. Будемъ также усердно молиться Царицѣ небесной, чтобы Она помогла намъ хоть нѣсколько уподобиться Ей въ этомъ отношеніи и приблизиться къ Ея идеалу чистой, святой и непорочной жизни. Въ такомъ только случаѣ мы можемъ надѣяться на то, что заслужимъ Ея милость и не лишимся Ея небеснаго покровительства. Аминь.

РѢЧЬ

произнесенная по окончаніи божественной литургіи и молебна, исполненныхъ хоромъ слѣпыхъ дѣтей, находящихся въ состоящемъ подѣ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Московскомъ учебно-воспитательномъ заведеніи, 20-го іюля 1893 года.

Вамъ, преимущественно, дѣти, вашему благочестивому желанію и усердію, а также христіански-просвѣщенному вниманію и руководству вашихъ воспитателей и преподавателей, обязаны мы нынѣшнимъ прекраснымъ богослуженіемъ въ этомъ святомъ храмѣ. Для того чтобы принять участіе вмѣстѣ съ нами въ литургійномъ богослуженіи посредствомъ чтенія и пѣнія, вы предприняли сюда не малое путешествіе изъ Москвы. Съ этою именно цѣлю вы совершили тѣлесный трудъ, который, судя по вашему возрасту и положенію, достоинъ истинной благодарности и похвалы отъ всѣхъ людей. Таковую именно благодарность и похвалу мы и хотимъ выразить вамъ здѣсь за ваше внутреннее, сердечное желаніе, соединенное вмѣстѣ съ нѣкоторымъ внѣшнимъ или тѣлеснымъ трудомъ. По-истинѣ, вашъ подвигъ достоинъ всякой благодарности и похвалы, какъ подвигъ именно богоугодный и душеспасительный. Мало того, онъ, какъ истинный примѣръ и образецъ, достоинъ также подражанія среди прочихъ, подобныхъ вамъ, дѣтей. Что мы видимъ въ настоящее время?

Мы видимъ, что дѣти, находящіяся въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, предпринимаютъ точно также путешествія или прогулки въ различныя загородныя мѣста съ специальною цѣлю отдыха для души и тѣла. Но какъ эти прогулки и путешествія непохожи на ваши! Какъ они разнятся въ сравненіи съ вашими! Тамъ, — среди другихъ свѣтскихъ дѣтей, обучающихся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, — они обыкновенно предпринимаются съ музыкой и пѣснями и имѣютъ въ виду единственную и главную цѣль — развлеченіе и удовольствіе для тѣла. Рѣдко когда они устраиваются съ цѣлю умственного назиданія, которое притомъ бываетъ у нихъ не само по себѣ, а присоединяется къ первому, какъ бы нѣчто придаточное и исключительное. По большей же части всѣ такія прогулки, какъ начинаются, такъ и оканчиваются одною только цѣлю, именно: какъ бы получше погулять и вообще провести время въ тѣхъ или другихъ гимнастическихъ упражненіяхъ и дѣтскихъ играхъ. Такимъ образомъ оказывается все для тѣла и ничего для души. Здѣсь же мы видимъ совсѣмъ иное въ этомъ отношеніи. Предпринявъ прогулку въ нашу богатую относительно природы и другихъ житейскихъ удобствъ мѣстность, вы, дѣти, поставили себѣ на первомъ планѣ не свѣтское удовольствіе и развлеченіе, а духовное наслажденіе и пользу, не отдыхъ и успокоеніе для тѣла, а трудъ и подвигъ для него. Какъ отрадно и утѣшительно видѣть это рѣдкое явленіе среди дѣтей въ нашъ настоящій, преимущественно, матеріалистическій и развращенный вѣкъ! Вѣдь нужно помнить, что такъ поступаютъ не простые дѣти, здоровыя всѣми членами тѣла, — нѣтъ, а дѣти больныя, имѣющія одинъ изъ ужасныхъ тѣлесныхъ недуговъ — слѣпоту, родившіяся такъ слѣпыми или же лишившіяся своихъ глазъ по тѣмъ или другимъ несчастнымъ обстоятельствамъ жизни. Чему-же, спросимъ, учить насъ это истинно-христіанское поведеніе ваше?..

Оно учить насъ тому, что кромѣ слѣпоты тѣлесной есть еще слѣпота духовная и, наоборотъ, кромѣ свѣта тѣлеснаго для глазъ есть еще свѣтъ духовный — для ума и сердца. И во сколько разъ душа лучше и дороже тѣла, во столько же разъ зрѣніе душевныхъ глазъ лучше и

дороже зрѣнія тѣлесныхъ глазъ. Въ этомъ случаѣ мы справедливо можемъ сказать про васъ, дѣти, что вы имѣете, несмотря на тѣлесный вашъ недугъ и немощь — слѣпоту глазъ, *свѣтъ духовный*, что горитъ внутри васъ свѣтъ христіанской вѣры, тотъ свѣтъ, о которомъ Христосъ нѣкогда засвидѣтельствовалъ передъ народомъ, говоря: „Я свѣтъ міру; кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ; но будетъ имѣть свѣтъ жизни... Доколѣ Я въ мірѣ, Я свѣтъ міру... Ходите, пока есть свѣтъ, чтобы не объяла васъ тьма; а ходящій во тьмѣ не знаетъ, куда идетъ. Пока свѣтъ съ вами, вѣруйте въ свѣтъ, да будете сынами свѣта... Я свѣтъ пришелъ въ мірѣ, чтобы всякій вѣрующій въ Меня не оставался во тьмѣ“... (Іоан. VIII, 12; IX, 5, XII, 35—36, 46). Близи вашему сердцу, какъ по всему очевидно, эти слова Христовы. Но они — эти слова — должны быть близи и сердцу каждаго изъ насъ, кто бы онъ ни былъ: дитя или возрастной, мужчина или женщина, зрячій или слѣпой. Да, только тотъ изъ насъ можетъ назваться истиннымъ христіаниномъ въ настоящемъ и полномъ смыслѣ этого слова, кто глубоко проникнуть бываетъ этими словами Единаго нашего Учителя и Господа Іисуса Христа, кто поставилъ себя ихъ единственною и главною цѣлію своей земной жизни! Кто поступаетъ сообразно съ ними въ жизни, тотъ, хотя бы былъ и слѣпой тѣлесно, для котораго существуетъ вѣчно тьма безпроглядная, „ходить днемъ“ и „не спотыкается, потому что видитъ свѣтъ міра сего“ (Іоан. XI, 9) въ иномъ, болѣе лучшемъ и совершенномъ, видѣ. А кто не поступаетъ по этимъ словамъ Христовымъ, кто не имѣетъ въ себѣ свѣта вѣры въ Господа и послѣдованія за Нимъ, тотъ, хотя бы былъ и зрячій тѣлесно, который пользуется всегда свѣтомъ солнца и другихъ свѣтильниковъ, разгоняющихъ мракъ, „ходить ночью“ и „спотыкается, потому что нѣтъ свѣта съ нимъ“ (Іоан. XI, 10). И мы, дѣйствительно, знаемъ и можемъ засвидѣтельствовать здѣсь, что есть на свѣтѣ слѣпцы, которые, лишившись своихъ тѣлесныхъ глазъ, какъ бы взамѣнъ этихъ послѣднихъ, имѣютъ благодатное прозрѣніе душевныхъ своихъ глазъ — умственныхъ и сердечныхъ. Очевидный примѣръ этому представляете вы, дѣти, собравшіяся въ такомъ

количествѣ въ нашъ святой храмъ для того, чтобы отвести себя здѣсь душу въ церковныхъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ. Оправдались въ этомъ случаѣ слова священнаго писанія: *Господь умудряетъ слѣпцы* (Пс. 145, 8). Не могу не вспомнить въ настоящія минуты съ любовью и благодарностію и про одного изъ близкихъ своихъ родственниковъ¹⁾, который, послѣ того какъ потерялъ свои глаза, нерѣдко говаривалъ мнѣ, когда я проводилъ съ нимъ вечера за чтеніемъ духовно-нравственныхъ книгъ или же когда предпринималъ путешествія въ отдаленные святыя монастыри и пустыни съ цѣлію молитвы и духовнаго назиданія: „Слава Тебѣ, Боже! Господь, отнявъ у меня тѣлесные глаза, даровалъ мнѣ духовное зрѣніе, т.-е. просвѣтилъ мою душу“. Такъ, братіе, Господь иногда наказываетъ людей, посылая на нихъ тѣ или другія болѣзни, наказываетъ не съ цѣлію погибели, но съ тою цѣлію, чтобы они пришли въ себя, возчувствовали свою душевную нечистоту отъ множества творимыхъ ими грѣховъ и обратились къ Нему съ сердечнымъ покаяніемъ и вѣрою въ Его безконечное милосердіе. Въ этомъ случаѣ справедливы слова Премудраго, высказанныя имъ нѣкогда въ назиданіе грядущихъ поколѣній и повторенныя св. Апостоломъ Павломъ въ его посланіи къ Евреямъ: „Господь, кого любить, того наказываетъ; бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ“ (Прит. III, 11 — 12; Евр. XII, 6). Да, эти слова должны быть близи всѣмъ изъ насъ, если постигаютъ насъ здѣсь — на землѣ тѣлесныя болѣзни или же какія-либо другія бѣды и несчастія! Особенно близи они должны быть вамъ, дѣти. Вы лишились тѣлесныхъ глазъ и не знаете, что такое свѣтъ солнца и другихъ свѣтильниковъ; вы не можете восхищаться при этомъ свѣтѣ красотами нашей богатой природы и, вообще, находить утѣшеніе въ благахъ міра сего вещественнаго. Но взамѣнъ всего этого, въ утѣшеніе ваше и наслажденіе, Господь раскрылъ вамъ глаза души, просвѣтивъ ее свѣтомъ вѣры Своей, божественной и спасительной. Благословенна эта вѣра ваша, — вѣра дѣтская, чистая, незлобивая и простая! Она, какъ извѣстно, есть условіе вѣчнаго спа-

¹⁾ П. Д. Тимоеева († 19 апрѣля 1887 года).

сенія и для всѣхъ насъ, христіанъ взрослыхъ. По словамъ Христа Спасителя нашего, только тотъ „войдетъ въ царство небесное, кто обратится и будетъ, какъ дитя“ (Матѣ. XVIII, 3). Конечно, здѣсь разумѣется обращеніе не внѣшнее или тѣлесное, а внутреннее или душевное. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы, по-истинѣ, какъ бы перерождаемся снова и становимся дѣтьми, если не по тѣлесной природѣ, то по духовнымъ свойствамъ своимъ, весьма близкимъ къ состоянію дѣтей...

Отъ созерцанія вѣры и благочестія христіанскаго въ лицѣ вашемъ, дѣти, я хочу обратиться теперь къ окружающимъ насъ людямъ, въ числѣ которыхъ, вѣроятно, найдется много другихъ дѣтей, учащихся и воспитывающихся въ томъ или иномъ учебно-воспитательномъ заведеніи, а также ко всѣмъ вообще современнымъ христіанамъ. Встрѣтимъ-ли мы среди нихъ что-либо подобное тому, что видимъ сейчасъ въ васъ? Увы, къ прискорбію нужно сказать, нѣтъ! Я уже упомянулъ о томъ, какъ проводятъ время большинство нашихъ свѣтскихъ дѣтей при обычныхъ своихъ путешествіяхъ, которыя они нерѣдко предпринимаютъ нынѣ. Но какъ они проводятъ вообще-то время въ стѣнахъ тѣхъ заведеній, въ которыя судьба заставила ихъ попасть на тотъ или другой продолжительный срокъ? Поставляютъ-ли они на первомъ планѣ, подобно вамъ, св. Православную Церковь со всѣми ея божественными силами, яже къ животу и благочестію? Не забываютъ-ли они ея и тамъ, среди обыденныхъ своихъ занятій и жизни? Не стоитъ-ли у нихъ на первомъ планѣ, вмѣсто святой Церкви, міръ, — этотъ міръ земной, грѣшный, злой и развращенный, міръ, въ центрѣ котораго вращаются всѣ ихъ личные интересы, заботы и попеченія? Кто же, послѣ этого, можетъ ихъ разубѣдить въ томъ, что они вполне здоровые люди, а не больные? Но пускай они считаютъ себя въ этомъ отношеніи за людей здоровыхъ и нормальныхъ. Это будетъ не что иное, какъ личное ихъ самообольщеніе и самообманъ. Всѣ же такіе и имъ подобные христіане, съ истинно-христіанской точки зрѣнія, должны считаться духовно больными людьми, и больными именно душевными своими глазами. Да, не смотря на то, что они видятъ своими тѣлесными глазами,

что эти послѣдніе у нихъ вполне здоровы и отправляютъ свою дѣятельность вполне нормально, они слѣпы своей душой, такъ что и „видя, не видятъ, и слыша, не разумѣютъ“! Они ходятъ постоянно какъ-бы въ потемкахъ. Это, по-истинѣ, нравственные мертвецы, оставленные для погребенія другъ друга (Лук. IX, 60). Но мы должны сказать здѣсь въ защиту нѣкоторыхъ изъ нихъ, малолѣтнихъ христіанъ, — людей, какъ извѣстно, не имѣющихъ еще своей воли, неопытныхъ и не установившихся въ жизни, сказать именно то, что они не виноваты въ томъ, что души ихъ остаются иногда безъ достаточнаго просвѣщенія свѣтомъ вѣры христіанской. Это, конечно, не отъ нихъ зависитъ, а зависитъ отъ ихъ начальниковъ, воспитателей и руководителей въ дѣлѣ ихъ обученія и воспитанія въ школѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что сами эти лица, стоящія нынѣ во главѣ той или другой школы, по большей части страдаютъ тою же душевною слѣпотою и нуждаются въ своей очереди въ просвѣщеніи и озареніи ихъ душъ инымъ небеснымъ и высшимъ свѣтомъ. По-истинѣ, они, какъ и древніе фарисеи, которыхъ обличалъ Христосъ въ томъ же недостаткѣ, „слѣпые вожди слѣпыхъ“ (Матѣ. XV, 14): они сами идутъ и ведутъ за собой руководимыхъ ими людей, не зная куда и зачѣмъ, во всякомъ случаѣ, не къ пользѣ и спасенію, а ко вреду и гибели ихъ; такъ какъ извѣстно, что „если слѣпой поведетъ слѣпаго, то оба упадутъ въ яму“ (Матѣ. XV, 14). „Можетъ-ли слѣпой водить слѣпаго?“ — спрашиваетъ Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. — „Не оба-ли упадутъ въ яму“ (Лук. VI, 39)? И мы знаемъ, что много уже попадало въ яму вѣчной душевной гибели такихъ слѣпцовъ, страдавшихъ въ своей жизни столь ужаснымъ недугомъ — душевною слѣпотою, — слѣпцовъ, не имѣвшихъ прозрѣнія отъ свѣта христіанской вѣры, потому что этотъ свѣтъ въ нихъ давно уже погасъ и некому было зажечь его снова въ ихъ сердцахъ...

Будемъ же твердо помнить это всѣ мы и рѣшимся впредь обращать вниманіе не столько на внѣшнее свое состояніе, сколько на внутреннее, для того, чтобы быть намъ здоровыми не тѣломъ только, а и душой. Будемъ также усердно молиться Господу, чтобы свѣтъ христіанской вѣры никогда не

погасалъ въ нашей душѣ, а всегда горѣлъ въ ней яркимъ пламенемъ, просвѣщая и оживотворяя ее на всѣхъ путяхъ нашей жизни и дѣятельности. О томъ же самомъ вознесемъ горячую молитву и ублажаемому нынѣ св. Церковію пророку Божию Іліи,—этому ревностному исповѣднику и поборнику св. вѣры въ Вѣтхомъ Завѣтѣ,—пророку Іліи, который, можно сказать, былъ весь свѣтъ и въ которомъ тьмы не было ни единыя. Аминь.

С Л О В О

въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, 15-го августа 1893 года.

О достойномъ приготовленіи къ христіанской кончинѣ.

При празднованіи Успенія Пресвятыя Богородицы намъ всего приличнѣе теперь размыслить о смерти каждаго изъ насъ. Что всѣ мы умремъ, это неотразимая истина. *Единымъ человекомъ грѣхъ въ міръ вниде; говоритъ Апостоль, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человеки вниде, въ немже вси согрѣшиха* (Рим. V, 12). Итакъ, смерть есть необходимый удѣлъ каждаго изъ насъ, — и, думаемъ-ли мы о ней, или нѣтъ, все равно мы умремъ; но не все равно, какъ умереть. Умеръ Иродъ смертію закоренѣлаго беззаконника, умеръ Іоаннъ Креститель въ темницѣ смертію величайшаго праведника. Точно также не одинаковыя послѣдствія бываютъ и послѣ смерти. Изъ евангельской притчи о богачѣ и Лазарѣ мы знаемъ, что праведный Лазарь, по смерти своей, несенъ былъ на лоно Авраамово и тамъ наслаждался небесными благами, а жестокосердный богачъ получилъ мѣсто въ адѣ среди геенскихъ мученій грѣшниковъ. Изъ жизни Преподобной Дѣвы Маріи, успеніе Которой сегодня мы такъ торжественно празднуемъ, научимся, братіе, достойному приготовленію души своей къ исходу изъ здѣшней жизни, чтобы и намъ не лишиться тѣхъ благъ, которыя уготовалъ намъ Богъ для нашего блаженства.

Пресвятая Дѣва Марія, послѣ того какъ Ея возлюбленный Сынъ вознесся на небеса въ полной славѣ, продолжала еще оставаться на землѣ въ совершенномъ униженіи и безызвѣстности. Какъ-же Она проводила тогда время? Она проводила его въ молитвѣ, постѣ и Богомыслии. Всѣ Ея мысли и желанія были устремлены единственно на небо, къ Своему Возлюбленному Сыну. Братіе! И наши мысли и желанія должны быть устремлены туда же, именно на небо. Мы здѣсь на землѣ только странники и пришельцы, а отечество наше тамъ—на небеси, гдѣ находится Христосъ Богъ во всей Своей славѣ. *Житіе наше на небесахъ есть*, говоритъ Апостоль, *отъонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Исуса Христа* (Филип. III, 20). И потому заповѣдуются намъ *горячя мудрствовать, а не земная*. (Кол. III, 2) Не естественно-ли странникамъ переноситься мыслями въ свое родное отечество? И какъ намъ не желать скорѣйшаго возвращенія на родину, къ Отцу небесному, когда земля представляетъ намъ столько золъ и разнаго рода несчастій, гдѣ на каплю отрады и удовольствія приходится по чашѣ скорбей и бѣдствій? Поэтому у насъ иногда невольно сама собою возникаетъ мысль о смерти, какъ успокоеніи послѣ многихъ и тяжкихъ трудовъ и мученій, переносимыхъ нами въ продолженіи здѣшней земной жизни. Не возвращай же ея назадъ, христіанинъ, а старайся по ней готовить твою душу къ исходу изъ здѣшняго міра! Преподобная Дѣва Марія предъ Своимъ успеніемъ сподобилась необычайнаго явленія Архангела, который и предвозвѣстилъ ей скорое отшествіе изъ этого міра. Правда, подобныхъ явленій, которыя бываютъ вѣрными знаменіями къ исходу души изъ здѣшняго міра, мы, по своей грѣховности, не удостоиваемся видѣть, однако и у насъ есть своего рода неумолчный возвѣститель приближающейся къ намъ смерти, которая служитъ непремѣннымъ удѣломъ каждаго изъ насъ. Это — нашъ возрастъ. *Дніе лѣтъ нашихъ*, — сказано, — *сѣмдесять лѣтъ, аще же въ силахъ, осмдесять лѣтъ, и множае ихъ трудъ и бользнь* (Пс. 89, 10). Итакъ, кто дожилъ до пятидесяти или шестидесяти лѣтъ, тому пусть его возрастъ говоритъ, что предѣлъ смерти къ нему все ближе и ближе, пусть поэтому располагаетъ его къ достойному пригото-

нію души своей къ будущей блаженной жизни. И кто знаетъ можетъ быть растутъ и уже выросли тѣ дерева, изъ которыхъ выточутъ намъ гробы?..

Пресвятая Дѣва Богородица предъ Своимъ успеніемъ пожелала видѣть св. Апостоловъ, чтобы утѣшиться вмѣстѣ съ ними вѣрою, чтобы преподасть имъ Свое благословеніе. Этому примѣру Пресвятыя Богородицы должны подражать и мы. Въ случаѣ тяжелой болѣзни, которая по большей части оканчивается смертію, мы должны непремѣнно призывать къ себѣ служителя Божія съ благодатными дарами для утѣшенія и облегченія своей души. Нельзя довольно оплакать обычая, укоренившася среди насъ, по которому иные не приглашаютъ служителя Божія, не желая разстраивать и беспокоить тяжело больного. Другіе приглашаютъ, но слишкомъ поздно, когда служитель алтаря не можетъ принести никакой пользы больному. Такимъ образомъ многіе отходятъ изъ здѣшняго міра безъ всякаго напутствія и приготовленія, не успѣвъ во время очиститъ свою душу покаяніемъ и таинствами.

Есть еще одна частная черта изъ жизни Божіей Матери, которая подаетъ поводъ къ настоящему размышленію. Благочестивое преданіе повѣствуетъ, что Пресвятая Дѣва Марія предъ Своимъ успеніемъ завѣщала Свои одежды двумъ бѣднымъ женщинамъ, служившимъ Ей. Въ этомъ примѣрѣ Пресвятой Богородицы мы должны находить себѣ урокъ, научающій насъ, чтобы предъ своею смертію каждый изъ насъ успѣлъ распорядиться тѣмъ имѣніемъ, какое имѣеть, именно для того, чтобы послѣ смерти не давать повода къ различнымъ недоумѣніямъ и распрямъ, могущимъ изъ-за этого возникнуть.

Довольно и этихъ уроковъ изъ жизни Божіей Матери, которые могутъ научать насъ достойному приготовленію къ христіанской кончинѣ. Усвоимъ ихъ себѣ не умомъ только, а и сердцемъ. Выполняя же ихъ постоянно въ своей жизни, мы незамѣтно подготовимъ себя къ истинно христіанской кончинѣ,—и тогда нашъ гробъ, какъ гробъ Богоматери, будетъ *мѣстоицею къ небеси*. Аминь.

Б Е С Ъ Д А

въ день празднованія Нерукотворенному Образу Господа нашего Иисуса Христа, 16-го августа 1893 года.

О Богочеловѣческомъ образѣ Господа нашего Иисуса Христа.

Нынѣшній праздникъ въ честь нерукотвореннаго образа Господа нашего Иисуса Христа заключаетъ въ себѣ много духовныхъ чертъ для нашего наставленія и утѣшенія, обнять которыя въ одной, хотя бы и пространной бесѣдѣ, невозможно. Мы чествуемъ нынѣ нерукотворенный образъ Господа нашего Иисуса Христа, т. е., образъ, изображенный Имъ Самимъ на полотнѣ по желанію Едесскаго князя Авгаря. Этотъ князь былъ боленъ и сильно желалъ видѣть Иисуса Христа, для того чтобы получить отъ Него исцѣленіе. Но, такъ какъ онъ не надѣялся увидѣть Его лично, то послалъ отъ себя художника Ананію съ тѣмъ, чтобы онъ нарисовалъ на полотнѣ Его образъ, или, по нашему, портретъ. Въ то время не было еще, какъ теперь, фотографій и различныхъ приспособленій, при помощи которыхъ можно въ нѣсколько секундъ снять челоуѣческое лице. Этотъ художникъ Ананія просто началъ срисовывать образъ Господа нашего Иисуса Христа; но какъ онъ ни старался и сколько ни употреблялъ усилій, чтобы получить вѣрный отпечатокъ лица Христова на своей бумагѣ, ему все не удавалось представить его во всей полнотѣ и цѣлости. Тогда Иисусъ Христосъ, видя всѣ его усилія и труды тщетными и зная искреннее расположеніе князя Авгаря и его сильное желаніе имѣть Его изображеніе, потребовалъ себѣ полотна и утерся имъ. Вотъ на этомъ-то полотнѣ и получился самый вѣрный и точный отпечатокъ Божественнаго лица Христова, получился образъ Его, дѣйствительно не руками челоуѣческими сотворенный, а сдѣланный по благодати и благоволенію Самого Иисуса Христа. И вотъ съ этихъ-то поръ Святая Церковь и начала

вводитъ у себя иконы, изобрающія Господа нашего Иисуса Христа, Его Пречистую Матеръ и святыхъ Его. Вотъ откуда, слѣдовательно, обычай употребленія святыхъ иконъ. Онъ, какъ видите, чрезвычайно древній и освященъ Самимъ Иисусомъ Христомъ. Съ этого времени и до сихъ поръ, въ продолженіе девятнадцати вѣковъ, иконопочитаніе существуетъ въ Православной Церкви. Но, какъ мы знаемъ, оно встрѣчало не разъ ожесточенныя нападки и возраженія, разные препятствія и прегражденія со стороны, такъ называемыхъ, иконоборцевъ, которые отвергали и презирали всякое почитаніе святыхъ иконъ. Православная Церковь должна была вести съ ними упорную и продолжительную борьбу, окончившуюся въ послѣдствіи полною побѣдою и торжествомъ православныхъ. Иконопочитаніе, какъ мы знаемъ, утверждено и легло въ основаніе седьмаго вселенскаго собора, который и былъ именно противъ иконоборцевъ. Съ того времени Церковь уже безпрепятственно могла употреблять святыя иконы, употреблять не только въ храмахъ, но и въ жилищахъ. Особенно широкимъ распространеніемъ святыхъ иконъ пользуется наша святая православная Русь. У насъ въ церквахъ существуютъ не только, такъ называемыя, мѣстныя иконы: Спасителя, Божіей Матери и другихъ, но также и всѣ стѣны храма по возможности расписываются святыми иконами. Какое представляется благодатное зрѣлище для глазъ истинно-вѣрующаго христіанина, когда въ такомъ изобиліи находятся святыя иконы въ православныхъ храмахъ! Какое получается утѣшеніе для чувства вѣрующаго христіанина, когда онъ смотритъ на эти иконы съ вѣрою и умиленіемъ! И кто же послѣ этого будетъ возставать противъ святыхъ иконъ, когда употребленіе ихъ освящено примѣромъ Самого Иисуса Христа? Язычникъ Едесскій князь и тотъ пожелалъ имѣть у себя образъ Иисуса Христа. Кто-же, спрашиваемъ, будетъ возставать противъ иконъ? Кажется, никому не должно бы. Но есть у насъ, къ прискорбію, люди, которые не только не принимаютъ св. иконъ, не только не почитаютъ и не уважаютъ ихъ, но даже явно отвергаютъ ихъ и ругаются надъ ними. Въ нашемъ отечествѣ, это — штундисты и молокане; они прямо говорятъ, что имъ не нужны иконы, какъ веще-

ственная принадлежность Богопочитанія, что они покланяются Богу не тѣлесно, а духовно. Въ оправданіе своихъ словъ они указываютъ на слова Иисуса Христа: „Богъ есть Духъ: и покланяющіеся Ему должны покланяться въ духъ и истинѣ“ (Іоан. IV, 24). Что-же? Неужели мы, по ихъ примѣру, должны отказаться отъ иконопочитанія? Нѣтъ! Приведенныя нами слова они понимаютъ невѣрно, можетъ быть по невѣдѣнію, а скорѣе всего по упорному ожесточенію. Кто-же имъ, спрашивается, препятствуетъ при чествованіи и поклоненіи святымъ иконамъ возноситься и покланяться Господу Богу своимъ духомъ? Святая Церковь не только не осуждаетъ этого, но даже считаетъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы мы, покланяясь святымъ иконамъ своимъ тѣломъ и лобызая ихъ своими устами, умъ и сердце свое возносили горѣ, къ Господу Богу и святымъ Его, изображеннымъ на этихъ иконахъ. И тотъ, кто покланяется святымъ иконамъ, долженъ знать, что онъ покланяется не дереву или краскамъ, изъ которыхъ состоятъ они, но Самому Господу Богу и святымъ Его, изображеннымъ на нихъ и невидимо присутствующимъ среди вѣрующихъ. Съ другой стороны, какъ бы кто ни украшалъ свои иконы, золотомъ или серебромъ, но если онъ, при чествованіи ихъ или при поклоненіи имъ, не возносится своимъ сердцемъ горѣ и въ то же время не покланяется имъ духомъ, тотъ сильно грѣшитъ и оскорбляетъ Всеправеднаго Бога и не получаетъ никакой пользы отъ своихъ молитвъ, иногда довольно продолжительныхъ и усердныхъ. Итакъ, намъ никто не запрещаетъ, напротивъ, этому учить и строго повелѣваетъ святая Церковь, при поклоненіи святымъ иконамъ, покланяться Господу Богу „духомъ и истиною“. Но въ то же время почему намъ не пользоваться тѣмъ средствомъ, какое было угодно Господу даровать намъ, именно: употреблять вещественныя изображенія Господа Бога, Его Пречистой Матери и святыхъ Его? Стало быть сильно заблуждаются и грѣшатъ эти несчастные братья наши, которые отвергаютъ и презираютъ всякое иконопочитаніе во имя яко-бы поклоненія „духомъ и истиною“. Святая Церковь строго осуждаетъ такихъ людей, носящихъ общее названіе иконоборцевъ, прямо отлучая ихъ отъ себя, какъ богоотступниковъ и еретиковъ.

Святая Церковь, представляя намъ нынѣ для чествованія нерукотворенный образъ Господа нашего Иисуса Христа, научаетъ насъ, чтобы мы не столько съ вѣншей стороны имѣли этотъ дивный образъ, сколько съ внутренней, т. е., чтобы глубже запечатлѣвали его въ своемъ сердцѣ, какъ подобаетъ истиннымъ христіанамъ и какъ того требуетъ самый духъ христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, что-такое христіанство? Въ началѣ своего проявленія оно не имѣло общаго названія, какъ теперь. Въ прежнее время вѣрующіе не назывались христіанами, какъ теперь, а назывались учениками или послѣдователями Иисуса Христа, и только впоследствии, когда духъ и смыслъ ученія Иисуса Христа началъ отображаться въ ихъ мысляхъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ, они получили высокое названіе христіанъ. Этимъ именемъ, какъ мы знаемъ изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, стали первые называться вѣрующіе въ Антиохіи (Дѣян. XI, 26). Послѣ этого и вѣра наша получила общее названіе христіанства. Итакъ, самое слово христіанство поаказываетъ, что оно происходитъ отъ слова Христосъ и означаетъ во всей совокупности ученіе Христово. Что-же значить слово христіанинъ, какое мы усвоимъ себѣ при крещеніи? Оно значить, что мы должны отображать въ себѣ внутренно образъ Иисуса Христа. Это видно изъ словъ Апостола Павла къ Галатамъ: „О несмысленные Галаты! Кто прельстилъ васъ не покоряться истинѣ, *васъ*, у которыхъ предъ глазами предначертанъ былъ Иисусъ Христосъ, *какъ бы* въ васъ распятый“ (Гал. III, 1)? Если же кто изъ насъ не отображаетъ въ себѣ, въ своей жизни, этого образа Христова, тотъ напрасно носитъ это дѣйствительно высокое названіе христіанина. Такой человекъ не только не можетъ называться христіаниномъ, но, что гораздо хуже, онъ позоритъ это имя, присвоивъ его себѣ не по праву. Видите, сколь важно слово христіанинъ и какого требуетъ оно обязательства по отношенію къ тѣмъ, которые носятъ это имя. Мы потому и называемся христіанами, что въ душѣ своей должны имѣть образъ Христовъ, какой подробно во всѣхъ чертахъ представленъ намъ въ святомъ Евангеліи. Кто не знаетъ или не понимаетъ этого, тотъ, можно сказать, не знаетъ еще самой азбуки христіанства. Мы обыкновенно

любимъ обогащаться обширными познаніями и свѣдѣніями изъ разныхъ научныхъ областей, а сущности самаго христіанства не знаемъ. Какіе же мы послѣ этого христіане! Истиннымъ христіаниномъ можетъ называться только тотъ, кто постоянно носитъ въ себѣ образъ Иисуса Христа, начертанный на сердцѣ. А что этого требуетъ отъ насъ самый духъ христіанства, объ этомъ ясно удостовѣряетъ Апостоль Павелъ. Въ посланіи къ Филипписеямъ онъ говоритъ, обращаясь ко всѣмъ христіанамъ и христіанкамъ: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Иисусѣ*, т. е., что было въ Иисусѣ Христѣ, то и въ васъ должно быть (Фил. II, 5). Другія слова, удостовѣряющія насъ въ томъ же, мы находимъ въ посланіи Апостола Павла къ Коринѣянамъ, гдѣ онъ говоритъ: „никто не можетъ положить другаго основанія“ для проповѣди и вообще для христіанства, „кромѣ положеннаго, которое есть Иисусъ Христосъ“ (1 Кор. III, 11). Видите, сколько свидѣтельствъ, свидѣтельствъ неложныхъ, предлагаемыхъ намъ самимъ Священнымъ Писаніемъ въ пользу того мнѣнія, что мы должны отображать въ себѣ, во всѣхъ своихъ мысляхъ, желаніяхъ и поступкахъ образъ Иисуса Христа, который весьма недалеко отъ насъ и подробно представленъ въ святомъ Евангеліи. Стоитъ только попристальнѣе и повнимательнѣе взглянуть въ этотъ дивный образъ, чтобы начертать его на своемъ сердцѣ. Въ Церкви Православной Иисусъ Христосъ постоянно невидимо присутствуетъ съ нами. Его мы слышимъ здѣсь каждый день, то проповѣдующаго, то скорбящаго и плачущаго, то наказывающаго и милующаго. Все это мы въ Церкви слышимъ и представляемъ себѣ во время чтенія св. Евангелія. И кто внимательно, съ усердіемъ слушаетъ Евангеліе, повѣствующее объ Иисусѣ Христѣ, объ Его жизни и страданіяхъ, тотъ незамѣтно прилагаетъ къ сердцу своему черты образа Христова, наиболѣе для него подходящія и наиболѣе соотвѣтствующія его возрасту и положенію. Прекрасныя характеристическія черты образа Христова мы находимъ также въ апокристномъ чтеніи Иисусу Христу. Но всякій изъ насъ, какъ бы кто ни старался собственными усиліями изобразить въ себѣ этотъ образъ Христовъ, твердо долженъ помнить, что однихъ его собственныхъ

силъ и средствъ недостаточно для этой цѣли. Поэтому онъ долженъ какъ можно чаще обращаться съ молитвою къ Господу Богу, чтобы Онъ помогъ ему изобразить въ себѣ этотъ образъ. И тогда Господь, видя его искреннее желаніе и усердіе, Самъ придетъ къ нему съ Своею благодатною помощію и Самъ начертаетъ на чистомъ сердцѣ его, какъ на полотнѣ, Свой образъ.

Въ нынѣшній разъ мы ограничимся разсмотрѣніемъ двухъ чертъ въ лицѣ Иисуса Христа, чертъ самыхъ главныхъ и важныхъ, составляющихъ отличительный признакъ христіанства, такъ что кто не представляетъ ихъ въ своемъ умѣ и не содержитъ въ своемъ сердцѣ, тотъ не можетъ называться христіаниномъ. Первая черта представлена св. Апостоломъ Павломъ въ его посланіи къ Филипписеямъ. Тамъ Апостоль говоритъ: *Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христъ Иисусъ: Иже во образъ Божій сый, не восхищеніемъ нещцева быти равенъ Богу: но себе умаливъ, зракъ раба пріимъ, въ по. добіи челоувчествіемъ бывъ, и образомъ обрѣтеса якоже челоувкъ* (Фил. II, 5—7). Итакъ первая черта, это — *воплощеніе* Господа нашего Иисуса Христа. И кто не признаетъ этой черты въ лицѣ Иисуса Христа, тотъ не въ правѣ пользоваться названіемъ христіанина и не смѣетъ носить на себѣ это высокое имя. Это не наше личное мнѣніе, а мнѣніе св. Апостола Іоанна Богослова. Въ своемъ посланіи онъ говоритъ: „Возлюбленные! Не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они.. Всякій духъ, который исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста“ (1 Иоан. IV, 1—3). Итакъ, кто не признаетъ, что Сынъ Божій сошелъ съ небесъ и воплотился ради нашего спасенія, тотъ не только не христіанинъ, но, что гораздо хуже, тотъ антихристъ. Вотъ какъ строго осуждаетъ слово Божіе такихъ людей! Что-же сказать теперь про бредни нынѣшнихъ умниковъ — рационалистовъ, отвергающихъ пришествіе Иисуса Христа на землю и считающихъ Его воплощеніе по своимъ теоріямъ немислимымъ и невозможнымъ? Развѣ это христіане? Нѣтъ! Если они и называютъ себя христіанами, такъ это

только по своему упорству и развращенію, которое затмило ихъ умы и сердца. Всѣ такіе и подобные люди, по слову Апостола, антихристы, т. е., противники Христа, а никакъ не христіане.

Вторая черта — это, какъ говоритъ Апостоль про Иисуса Христа, что *Онъ смирилъ себе, послушилъ бытъ даже до смерти, смерти же крестныя* (Фил. II, 8). Слѣдовательно, эта черта заключается въ *крестной смерти* за насъ Иисуса Христа. Мало того, что Онъ сошелъ на землю и воплотился ради нашего спасенія, Ему надлежало еще претерпѣть страданія и вкусить самую смерть, для того чтобы искупить насъ отъ грѣха, проклятія и смерти. И вотъ Онъ терпѣливо и безропотно исполнилъ эту волю Бога Отца о насъ, предначертанную еще прежде сложенія міра. Итакъ мы видимъ, что указанная нами черта есть самая главная и важная въ лицѣ Иисуса Христа, такъ что если мы не представляемъ ея въ своемъ умѣ, то мы не имѣемъ права и называться христіанами. И наоборотъ, кто содержитъ эту черту, тотъ знаетъ и понимаетъ все христіанство и есть истинный христіанинъ. Апостоль Павелъ въ посланіи къ Коринѣянамъ говоритъ: *не судихъ что видѣти въ васъ, точію Иисуса Христа, и сего распята* (1 Кор. II, 2). Съ одной только чертой Апостоль желалъ Коринѣянамъ представлять Иисуса Христа, именно съ той, что Онъ *былъ распятъ* за насъ. Теперь вопросъ, какъ же намъ понять и усвоить себѣ эти указанные нами черты? Первая черта, какъ мы сказали, состоитъ въ воплощеніи Иисуса Христа. Всякій вѣрующій христіанинъ долженъ знать, что Иисусъ Христосъ при воплощеніи принялъ на себя плоть и душу совершенно челоувчeskія, не переставая въ то же время быть Богомъ. И отъ божества Его, которое все время неразлучно находилось съ Нимъ, воспріятое Имъ челоувчество нисколько не умалялось и не подавлялось. Мы знаемъ, что были еретики, которые именно говорили, что при воплощеніи Иисуса Христа Его челоувчество было совершенно поглощено божествомъ. Такіе еретики извѣстны подъ именемъ евтихіанъ. Они получили свое названіе отъ архимандрита Евтихія, который именно проповѣдывалъ такое ученіе. Противъ него, какъ

известно, былъ четвертый вселенскій соборъ, который и установилъ во всей силѣ догматъ о Богочеловѣческомъ образѣ Иисуса Христа. Что-же представляетъ для насъ утѣшительнаго эта черта? Господь Иисусъ Христосъ, принявъ на себя плоть и душу человѣческую и сдѣлавшись совершеннымъ человекомъ, послѣ того какъ Своєю смертію удовлетворилъ за насъ Правдѣ Божіей, не отринувъ своей плоти, но вознесся съ нею на небеса и посадилъ ее одесную Бога Отца, чтобы тамъ ходатайствовать о немощной природѣ человѣческой. Слѣдовательно, всякій вѣрующій христіанинъ долженъ утѣшаться тѣмъ, что у него есть теперь вѣрный и скорый Ходатай къ Богу Отцу, Который молить о немъ непрестанно, какъ о своемъ возлюбленномъ братѣ. Апостоль Павелъ въ посланіи къ Евреямъ говоритъ, что Иисусъ Христосъ „не стыдится называть“ всѣхъ вѣрующихъ Своими „братьями“ (Евр. II, 11). Что касается другой черты, именно крестной смерти за насъ Сына Божія, то мы должны утѣшаться тѣмъ, что Господь Иисусъ Христосъ вознесъ на древо Свое всѣ наши грѣхи, какъ прошедшіе, такъ настоящіе и будущіе, и что въ преизбыткѣ удовлетворилъ за насъ Правдѣ Божіей, такъ что теперь мы получаемъ прощеніе грѣховъ своихъ не по своимъ какимъ-либо заслугамъ, а единственно по силѣ крестной жертвы за насъ Сына Божія. Съ нашей стороны требуется для этого только одно условіе, именно: чистосердечное раскаяніе въ своихъ грѣхахъ. Самая наша Жертва, какую мы теперь приносимъ въ святыхъ храмахъ, имѣетъ силу и значеніе только вслѣдствіе крестной смерти Иисуса Христа, Который сообщилъ ей такую силу и значеніе. Двѣ указанныя и разсмотрѣнныя нами черты въ лицѣ Иисуса Христа суть черты догматическія или вѣроучительныя. Но есть и нравственныя черты, представленныя для нашего подраженія въ святомъ Евангеліи. Самъ Иисусъ Христосъ говоритъ: *Приидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возмите иго Мое на себе, и научитесь отъ Мене. И чему-же? — яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѣ. XI, 28, 29). Смирненіе и кротость составляетъ отличительную характеристическую черту Иисуса Христа, проходящую чрезъ всю Его жизнь. Онъ

какъ словомъ, такъ и собственнымъ Своимъ примѣромъ училъ другихъ смиренію и кротости. И слѣдовательно намъ, носящимъ имя христіанъ православныхъ, необходимо усвоить эту черту, чтобы не напрасно носить это высокое имя. Смирненіе и кротость—это добродѣтели, необходимыя для всѣхъ и каждаго, но особенно онѣ необходимы для пастыря Церкви. Въ послѣднее время мы замѣчаемъ, что и среди пастырей происходитъ какаया-то сатанинская гордость, совсѣмъ не свойственная ихъ званію и положенію. Кто не имѣетъ еще въ себѣ этихъ добродѣтелей, тотъ, по справедливости, не долженъ даже и помышлять о столь высокомъ званіи, какъ пастырское. Преимущественно къ пастырю должно быть приложимо слово смиренный и служить его эпитетомъ: „смиренный пастырь“. Кромѣ этой нравственной черты, какую мы указали въ лицѣ Иисуса Христа, святое Евангеліе представляетъ намъ и много другихъ, весьма близкихъ и доступныхъ для пониманія всѣхъ и каждаго. Стоить только внимательнѣе разглядывать и замѣчать эти черты, чтобы потомъ прилагать ихъ къ своей жизни. Въ святомъ Евангеліи повсюду разсыпаны такія характеристическія черты и всѣ онѣ въ большей или меньшей степени подходятъ къ положенію каждаго изъ насъ, такъ что всякій, кто бы онъ ни былъ, христіанинъ или христіанка, мальчикъ или дѣвочка, возрастной или старецъ, всякій можетъ выбирать изъ нихъ наиболѣе подходящія и наиболѣе соотвѣтствующія своему званію и положенію. Вотъ по этимъ-то чертамъ мы и должны представлять или изображать внутри себя образъ Христовъ, показанный намъ во всей полнотѣ и цѣлости въ святомъ Евангеліи,—образъ, безъ котораго мы не можемъ называться христіанами, Аминь.

С Л О В О

въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича, 30-го августа 1893 года.

О любви къ царю и отечеству земному, какъ средствѣ, чрезъ которое мы научаемся любви къ Царю и Отечеству небесному.

Нынѣ у насъ по преимуществу гражданскій праздникъ. Нынѣ день тезоименитства нашего Отца отечества, Государя — Обладателя многомилліоннаго царства русскаго. Всѣ мы, какъ вѣрноподданные сыны своего Отца-Царя, какъ граждане своего отечества, явились сюда — въ храмъ Божій для того, чтобы вознести предъ престоломъ Всевышняго молитвы о здравіи и благоденствіи нашего Благочестивѣйшаго Государя, а также вознести молитвы о благѣ, счастіи и славѣ нашего возлюбленнаго отечества. Въ этомъ заключается первый и главный долгъ нашъ, какъ гражданъ, по отношенію къ царю земному и отечеству, кромѣ еще долга повиновенія и покорности Ему и поставленнымъ отъ Него властямъ въ общественной жизни для нашего же собственнаго блага и счастія. Но въ этомъ-ли только состоитъ наша обязанность, какъ гражданъ-христіанъ, повинующихся, притомъ, христіанскому царю и христіанскимъ властямъ? Вотъ вопросъ, на который мы хотимъ обратить вниманіе нашихъ слушателей въ настоящій разъ! Съ естественно-земной, гражданской точки зрѣнія нашъ долгъ по отношенію къ царю и отечеству, дѣйствительно, ограничивается только упомянутыми нами проявленіями патріотическихъ чувствъ, именно: полною покорностію и всецѣлымъ повиновеніемъ имъ въ жизни, среди различныхъ нашихъ обязанностей, входящихъ въ кругъ того или другого званія человѣческаго и обнаруживающихся такъ или иначе въ обыденной жизни каждаго изъ насъ, а также горячею и усердною молитвою о нихъ, совершаемою нами въ дни праздничные и торжественные въ храмахъ Божіихъ и

домахъ человѣческихъ, подобные, на примѣръ, нынѣшнему дню. Да притомъ, нужно замѣтить здѣсь, и такое выраженіе вѣрноподданныхъ чувствъ съ нашей стороны по отношенію къ царю и отечеству не всегда бываетъ достодожнымъ, т.-е., такимъ, какимъ ему слѣдуетъ быть по самому существу своему. Въ самомъ дѣлѣ: многіе-ли изъ насъ, при выполнении много-различныхъ гражданскихъ обязанностей, возвышаются до того сознанія, что они это дѣлаютъ *по совѣсти* (Рим. XIII, 5), изъ безкорыстной любви къ ближнимъ и съ искреннимъ желаніемъ блага и счастья для себя и другихъ? Напротивъ, большинство изъ гражданъ не ограничиваются-ли только тупымъ и бессодержательнымъ, холоднымъ и внѣшне-формальнымъ повиновеніемъ царю и властямъ, поставленнымъ отъ Него *въ похвалу творящимъ благое и въ гнѣвъ творящимъ злое* (Рим. XIII, 3—4), словомъ, повиновеніемъ по рабскому *страху наказанія* (Рим. XIII, 5)? Да, многіе изъ насъ, — сознаемъ въ этомъ чистосердечно, — въ жизни гражданской ограничиваются однимъ только тѣмъ, что „отдаютъ, по заповѣди Апостола, всякому должное: кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь“ (Рим. XIII, 7)! Всѣ такіе люди, какъ въ жизни чисто гражданской, такъ и въ жизни религиозно-церковной, оказываются такими же формалистами, внѣшне исполняющими свой долгъ по отношенію къ Богу и Его св. Церкви. Въ праздничные и другіе высокоторжественные дни, имѣющіе близкое отношеніе къ ихъ служебнымъ обязанностямъ, они неуклонно являются въ церковь на общественныя богослуженія: молебны, панникиды и т. п.; являются также и на другія общественныя собранія, устрояемыя по различнымъ побужденіямъ и цѣлямъ, полагая, что вся ихъ роль заключается только въ присутствіи на нихъ своимъ тѣломъ, облеченнымъ въ ордена и другіе знаки отличія. Мы уже не говоримъ здѣсь о тѣхъ людяхъ, къ счастію не многочисленныхъ въ нашемъ отечествѣ, которые тяготятся и этою внѣшнею службою своею и исполненіемъ своего гражданского долга по отношенію къ Царю и отечеству. А есть, какъ извѣстно, и такіе, которые явно возстаютъ и нарушаютъ этотъ долгъ. Но не о нихъ будетъ сейчасъ наша рѣчь. Мы имѣемъ въ виду людей, хотя и исполняющихъ свой долгъ

повиновенія Царю и отечеству, лежащій на нихъ, какъ гражданъ земного отечества, но людей не сознающихъ всей высоты и значенія этого долга и не смотрящихъ на него съ истинно-христіанской точки зрѣнія. Что-же мы должны сказать здѣсь такимъ людямъ съ церковной каеедры?

Мало того, чтобы только повиноваться и исправно платить подати, *воздавая Кесарева Кесареви*, хотя бы это сопряжено было съ большими трудами и безпокойствомъ для самого себя. Нѣтъ, надобно еще, по заповѣди того же Апостола, такъ поступать, чтобы „не оставаться должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви: ибо любящій другого исполнилъ законъ“ (Рим. XIII, 8). Да, въ любви и въ ней только одной исполненіе закона, закона какъ божественнаго, такъ и чело-вѣческаго! А между тѣмъ если повнимательнѣе присмотрѣться къ окружающей насъ жизни, къ взаимнымъ отношеніямъ людей между собою, этой любви-то и недостаетъ между ними. Нынѣ, какъ извѣстно, на мѣсто любви христіанской водворились эгоизмъ и своекорыстіе, которые, подобно сѣтямъ, опутали современное чело-вѣчество. Если любовь необходима здѣсь — на землѣ, если она составляетъ основаніе и, такъ сказать, душу или залогъ прочности всѣхъ обществъ и царствъ чело-вѣческихъ: то что-же сказать теперь про Царство Божіе, которое отчасти наступило уже и пребываетъ здѣсь — на землѣ въ видимой Церкви Христовой, а въ полной и окончательной степени имѣетъ наступить послѣ втораго пришествія Христова и пребывать на небѣ? Какой признакъ этого царства? Не ошибемся, если скажемъ: *любовь. Нынѣ пребываютъ* — какъ говоритъ Апостоль Павелъ — *вѣра, надежда, любви, три сія* (1Кор. XIII, 13). Но въ будущемъ небесномъ царствѣ славы, которое наступитъ послѣ земного царства благодати, *вѣра упразднится*: ибо она будетъ не нужна тогда для гражданъ этого царства; равно какъ *упразднится и надежда*, которая точно также не будетъ имѣть мѣста тамъ. Вѣра и надежда, говоримъ, упразднятся: потому что предметъ ихъ — Богъ, къ Которому люди стремились въ продолженіи вѣковъ, будетъ постигнутъ ими вполне, когда они *узрятъ Его лицемъ къ лицу*. Останется только одна любовь, которая и будетъ господствовать въ полной силѣ и крѣпости

между людьми, участниками этого царствія. Да, царство Божіе — царство любви!..

Теперь вопросъ: кто-же будетъ участникомъ этого небеснаго царства? Кто будетъ наслаждаться въ полной степени всѣми неизреченными благами любви? Ясно, что тотъ, кто здѣсь — на землѣ руководился постоянно тѣмъ же самымъ чувствомъ по отношенію къ Богу и людямъ, кто былъ глубоко проникнутъ имъ и старался распространять его между другими людьми. Вотъ въ этомъ-то случаѣ и оказываютъ намъ благодѣтельную помощь царства земныя, царства чело-вѣческаго. Послѣднія должны быть разсматриваемы нами не сами по себѣ только, а и по отношенію къ царствію Божію, царствію небесному. Мало того: разсматриваемыя только сами по себѣ, безъ всякаго отношенія ихъ къ другому рода царству, они всегда приводятъ людей въ заблужденіе и погибель. Это ясно и очевидно для всякаго изъ понятія о той цѣли, какая существуетъ въ христіанствѣ. Эта цѣль, какъ извѣстно, достигается не здѣсь — на землѣ, гдѣ люди соединяются и живутъ различными обществами, начиная съ простой семьи и кончая сложнымъ механизмомъ государства, состоящаго изъ сплоченія воедино безчисленнаго множества семей, а тамъ — на небѣ, куда входъ для насъ открытъ теперь безпрепятственно со смертію и воскресеніемъ Господа нашего Иисуса Христа и куда мы можемъ переселиться не иначе, какъ послѣ своей тѣлесной смерти, наступающей для однихъ изъ насъ раньше, а для другихъ позднѣе, но для всѣхъ одинаково земнородныхъ являющейся неизбѣжнымъ печальнымъ жребіемъ въ этой жизни. *Житіе наше на небесахъ есть*, — говоритъ Апостоль Павелъ, — *отъзвонудуже и Спасителяждемъ Господа нашего Иисуса Христа* (Фил. III, 20).

Если же, какъ мы видимъ, цѣль христіанской жизни можетъ быть достигнута однимъ только путемъ, путемъ тѣлесной смерти; то ясно, къ чему должна вести насъ настоящая земная служба царю и отечеству: она должна вести насъ именно къ службѣ царю и отечеству небесному: „много-различная служба наша царю и отечеству, — говоритъ извѣстный всѣмъ о. протоіерей Іоаннъ Кронштадтскій, — есть образъ главнаго, долженствующаго продолжиться вѣчно, служенія

нашего Царю небесному. Ему-то прежде всего мы обязаны вѣрно служить, какъ истые рабы Его по творенію, искупленію и промышленію. Думаютъ-ли объ этомъ слуги земного отечества? А надобно думать. Земная служба есть испытательная, приготовительная служба къ служенію на небесахъ. *О малъ былъ если впренъ*:—говоритъ Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, — *надъ многими тя поставлю* (Матѣ. XXV, 21)¹⁾. Къ сожалѣнію, нужно сказать здѣсь, что мало и рѣдко кто изъ насъ, гражданъ этого земного отечества, смотритъ на него такими глазами. Если таково значеніе отечества земного и стоящаго во главѣ его Царя, какъ Отца отечества, то понятно, какъ мы должны относиться къ нимъ въ жизни нашей. Мы должны относиться къ нимъ не только съ полнымъ почтеніемъ и уваженіемъ, но и съ искреннею любовію и благодарностію: потому что въ такомъ случаѣ мы воспитываемъ въ себѣ подобныя чувства къ Царю и отечеству небесному. „Люби отечество земное и отца отечества:—говоритъ тотъ же о. Іоаннъ Кронштадскій— оно тебя воспитало, просвѣтило, отличило, почтило, всѣмъ довольствуетъ; но особенно люби отечество небесное, Отца будущаго вѣка: то отечество несравненно почтениѣе и дороже этого, потому что оно свято и праведно, непоколебимо, безконечно, истинно, прекрасно, блаженно; потому что оно дало и даетъ тебѣ несравненно большія преимущества и блага, нежели это земное, потому что Отецъ того отечества—не человекъ смертный и подобострастный, а Богъ превѣчный и все создавшій; оно тебѣ дало названіе чада Божія, наслѣдника Божія и сонаслѣдника Христова; потому что Отецъ небесный сдѣлаетъ тебя участникомъ всѣхъ благъ царствія Своего, *коихъ око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце человекъ не взыдоша* (1 Кор. II, 9)²⁾.

Но какъ мы, будущіе граждане этого царствія, можемъ воспитать въ себѣ такія чувства любви и расположенія къ нему? Не иначе, какъ подъ образомъ служенія царю и отечеству земному, разумѣя именно подъ этимъ служеніемъ любовное отношеніе наше къ ближнимъ. Господь есть Царь

¹⁾ „Моя жизнь во Христѣ“, Томъ I-й стран. 214.

²⁾ Тамъ же Т. II, стран. 250.

всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. *Царство Твое — царство всѣхъ вѣковъ*, — говоритъ св. Псалмопѣвецъ, — *и владычество Твое во всякомъ родѣ и родѣ* (Пс. 144, 13). Вотъ такого то Царя вѣковъ, *нетлѣннаго, невидимаго, единого премудраго Бога* (1 Тим. I, 17) мы должны *возлюбить всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душою своею*. Но эта любовь зарождается и проявляется въ насъ здѣсь—на землѣ посредствомъ любви къ ближнимъ нашимъ. По словамъ св. Апостола Іоанна: „кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ; тотъ лжець: ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ (1 Іоан. IV, 20):“ Трудно, а то и совсѣмъ невозможно бываетъ для простого смертнаго человека, состоящаго въ настоящее время въ тѣлѣ и привычнаго сообразовать свои чувства съ чувствами окружающихъ живыхъ существъ посредствомъ внѣшняго опыта, любить Бога такою высокою любовію, какою заповѣдалъ Онъ Самъ въ Своемъ Евангеліи. Правда, Богъ есть, по словамъ того же Апостола, *чистѣйшая любовь* (1 Іоан. IV, 16), и Онъ иногда непосредственно касается души человека, невидимымъ и осязательнымъ образомъ зажигая въ ней искру этой любви къ Себѣ, которая разгорается въ ней въ сильный огонь, объемлющій его со всѣхъ сторонъ и дѣлающій его достойною обителію для поселенія въ немъ; но въ большинствѣ случаевъ мы обыкновенно получаемъ эту любовь, не какъ даръ, нами незаслуженный, а какъ награду за наши взаимныя отношенія къ людямъ въ этомъ мірѣ, въ которомъ существуютъ различныя общества человеческія, гдѣ мы и научаемся и руководствуемся на всѣхъ путяхъ нашей жизни и дѣятельности высокому примѣру любви и самоотверженія христіанскаго. Вотъ почему мы должны относиться постоянно съ благодарностію къ царю земному и отечеству. Это потому именно, что они возводятъ наши взоры къ иному, болѣе высшему и совершенному, устройству царства въ будущей жизни. Всѣ царства человеческія, какія только есть, были и будутъ на землѣ, по-истинѣ, служатъ прообразомъ царства Божія, имѣющаго открыться въ предопредѣленное Самимъ Господомъ время на небѣ. Къ сожалѣнію, эта святая истина весьма часто забывается нами въ жизни среди водоворота жи-

тейской суеты и попеченія. Вотъ, братіе, къ какимъ мыслямъ должно приводить насъ то обстоятельство, что мы состоимъ вѣрноподданными царя земного, членами своего отечества!...

Но, съ другой стороны, мы должны знать также и то, при какихъ именно условіяхъ возможно поступленіе въ граждане этого благодатнаго и славнаго Царства Христова. „Чтобы быть намъ гражданами этого царства, нужно уважать и любить законы его, какъ мы обязаны уважать и любить законы земного царства, ибо безъ того не сдѣлаемся гражданами столь превосходнаго царства, нужно уважать и любить эту духовно-воспитательную школу (церковь), образующую насъ въ членовъ и гражданъ того царства“¹⁾, словомъ, нужно быть вѣрноподданными Царя небеснаго не на словахъ только а и на дѣлѣ, т. е., исполнять въ жизни своей тѣ обѣты, какіе мы дали при крещеніи и мѣропомазаніи въ св. Церкви Христовой. Иначе, мы будемъ извержены вонъ изъ этого царства, какъ чужіе и неизвѣстные для него. „Не всякій, говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царствіе небесное, но исполняющій волю Отца Моего небеснаго“ (Матѣ. VII, 21). „Говорю же вамъ, что многіе придутъ съ востока и запада, и возлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ царствѣ небесномъ. А сыны царства извержены будутъ во тьму внѣшнюю; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ“ (Матѣ. VIII, 11—12).

О, еслибы Господь судилъ намъ подъ державою нашего Благочестивѣйшаго Государя Императора быть достойными гражданами не только царства земного, но и царства небеснаго! О, еслибы мы удостоились быть хотя послѣдними слугами Царя царствующаго и Господа господствующаго, чтобы только служить подъ Его могучимъ скипетромъ и наслаждаться душевнымъ покоемъ, миромъ и счастьемъ въ райскихъ обителяхъ! Вознося нынѣ молитву о здравіи и благоденствіи Государя нашего, вознесемъ также молитву и о самихъ себѣ. Для этого призовемъ въ помощь себѣ тезоименитаго нашему Царю св. Благовѣрнаго Князя Александра Нев-

скаго, — этого теплаго молитвенника и горячаго заступника предъ Богомъ о нашемъ земномъ отечествѣ, много потрудившагося при жизни своей въ дѣлѣ благоустроенія царства земного, послѣ же смерти своей водворившагося на небесахъ среди многочисленныхъ обитателей — гражданъ царства небеснаго. Аминь.

Р Ѣ Ч Ъ

послѣ молебна при началіи ученія въ церковноприходской школѣ, что при Петропавловской въ Петровскомъ-Разумовскомъ церкви, 7-го сентября 1893 года.

Къ вамъ, преимущественно, дѣти обращаюсь въ настоящій разъ съ своимъ словомъ наставленія. Вмѣстѣ съ вами мы нынѣ помолились Господу Богу объ успѣшномъ началіи и продолженіи ученія вашего въ наступившемъ новомъ учебномъ году. Что-же мы можемъ сказать вамъ здѣсь по поводу этого молитвеннаго соучастія вмѣстѣ съ вами?..

Всякая молитва, какъ частная или домашняя, такъ особенно общественная или церковная, есть залогъ благословенія и успѣха во всѣхъ нашихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, совершаемыхъ нами во славу Божию. Такая же молитва составляетъ необходимую и, можно сказать, настоящую принадлежность вашу во все время обученія вашего въ школѣ. Ибо о чемъ вы молились сегодня здѣсь, равно какъ будете молиться и въ другое время, должны молиться, по заповѣди Апостола, „непрестанно“ (1 Сол. V, 17)? Вы молились и просили Господа о томъ, — говоря словами извѣстной церковной молитвы, — чтобы „Онъ, Преблагій, ниспослалъ вамъ благодать Духа Своего Святаго, дарствующаго и укрѣпляющаго душевныя и тѣлесныя силы ваши, дабы вы, внимая преподаваемому вамъ ученію“ въ школѣ и дома, „возросли Ему, нашему Создателю, во славу, родителямъ же своимъ на утѣшеніе, Церкви и Отечеству на пользу“ (Мол. предъ ученіемъ). Вотъ къ чему вы должны стремиться въ продолженіе всего ва-

¹⁾ Тамъ же Т. II, стр. 250--251.

шего обученія въ школь! Вотъ одна изъ цѣлей вашей жизни на землѣ! Но, прежде чѣмъ достигнута будетъ вами эта жизненная цѣль, пройдетъ много времени. Не одинъ, можетъ быть, десятокъ лѣтъ потребуется для этого. За все это время нѣкоторые изъ васъ, можетъ быть, успѣютъ окончить курсъ не только въ этой школѣ, низшей по своему происхожденію и роду занятій въ ней, но и въ другихъ, такъ называемыхъ, среднихъ и высшихъ школахъ. И все таки, мы должны сказать,—въ полной и окончательной степени вамъ невозможно будетъ этого достигнуть, какъ бы сильно вы ни желали этого теперь: потому что наше образование, умственное и нравственное, происходитъ не въ школахъ только, во время кратковременнаго пребыванія нашего въ нихъ, а продолжается и по выходѣ изъ школъ, продолжается во всю нашу жизнь на землѣ. Съ другой стороны, сколько представится вамъ еще въ школѣ, а затѣмъ и внѣ ея, на всемъ вашемъ жизненномъ пути различныхъ препятствій и прегражденій къ достиженію вышеуказанной цѣли! Сколько будетъ неудачъ, неуспѣховъ и разочарованій въ жизни! Сколько потребуется борьбы, мужества и силы для отраженія и перенесенія всѣхъ этихъ несчастій и невзгодъ житейскихъ! Вотъ въ такихъ-то преимущественно случаяхъ и прибѣгайте поскорѣ къ Богу съ молитвою о помощи и заступленіи; ибо молитва въ этихъ случаяхъ имѣетъ особенную силу и значеніе...

„Корень ученія горекъ, а плоды его сладки“, — говоритъ русская пословица. Эту святую истину вы, конечно, не узнаете теперь, да и не можете сознать при настоящихъ вашихъ умственныхъ способностяхъ и житейской неопытности. Вы уразумѣете ее потомъ, когда выростите и поступите куда-либо на службу, гдѣ будете пользоваться плодами вашего ученія, прибрѣтеннаго вами здѣсь—въ школѣ. Помните при этомъ и старайтесь никогда не забывать въ вашей жизни только одного, именно: что указанная нами главная основанія частной и общественной жизни прибрѣтаются и закладываются еще съ ранняго дѣтства, въ ту именно пору, въ которую вы находитесь сейчасъ. Если вы будете любить Господа Бога отъ всего вашего дѣтскаго чистаго, искренняго и незлобиваго сердца во всю вашу жизнь на землѣ, если бу-

дете стараться исполнять заповѣди Божіи точно и неуклонно, то, конечно, возрастете и будете жить, поистинѣ, въ *славу* Ему. Тогда вамъ легко и сладко будетъ исполнять все, что бы ни потребовалось отъ васъ, какъ христіанъ православныхъ. Далѣе, если вы будете слушаться во всемъ и повиноваться своимъ родителямъ или воспитателямъ дома, то будете ихъ *утѣшеніемъ*, ихъ опорой и надеждою въ старости. Тогда вы съ охотою, а не по принужденію только, будете повиноваться и своимъ начальникамъ въ школѣ. Если же, наконецъ, вы будете слушаться и строго исполнять всѣ совѣты и повелѣнія вашихъ начальниковъ, учителей и руководителей въ школѣ: то вамъ легко будетъ уважать и повиноваться и всякому начальству. Тогда вы, дѣйствительно, будете истинными сынами Церкви и вѣрными слугами Отечества, живя на *пользу* ихъ обоихъ. Да даруетъ же всѣмъ вамъ Господь видѣть и наслаждаться благими плодами вашего ученія въ школѣ, для того чтобы вполнѣ оправдались наши теперешнія ожиданія отъ васъ!..

С Л О В О

при поминаеніи усопшихъ въ Дмитровскую субботу, 23-го октября 1893 года.

О томъ, какъ мы должны смотрѣть и относиться къ кончинѣ нашихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ.

Сегодня Православная Церковь воспоминаетъ „всѣхъ въ надеждѣ воскресенія, жизни вѣчнаго и Божія общенія усопшихъ православныхъ отецъ и братій нашихъ“ (Служебн.; чинъ свѣщ. лит.). Въ числѣ этихъ усопшихъ, „здѣ лежащихъ“, т. е., погребенныхъ при этомъ святомъ храмѣ, и „повсюду православныхъ“, т. е., погребенныхъ при другихъ святыхъ храмахъ: соборныхъ, монастырскихъ и кладбищенскихъ, а также погребенныхъ въ водѣ, огнѣ или другимъ какимъ-ни-

будь образомъ скончавшихся, много отыщется, братіе, нашихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ. Одни изъ насъ потеряли въ продолженіе жизни своей на землѣ родителей, другіе— мужей, женъ, братьевъ, сестеръ и другихъ родственниковъ, третьи—разныхъ друзей и знакомыхъ. Нѣкоторые потеряли этихъ лицъ, можетъ быть, уже давно, такъ что и память ихъ изгладилась среди людей, живущихъ на землѣ. Тѣ могильные холмы, подъ которыми хранится прахъ ихъ, поросли бурьяномъ и крапивой и сравнялись съ основаніемъ земли. А нѣкоторые, можетъ быть, потеряли ихъ недавно, такъ что память ихъ еще жива среди людей, оставшихся послѣ нихъ. Самыя могилы ихъ еще свѣжи и хорошо знакомы многимъ, потому что часто посѣщаются и тщательно воздѣлываются. Какъ-же, спросимъ, мы должны теперь смотрѣть и относиться къ кончинѣ нашихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ? Вотъ предметъ, наиболѣе приличный для размышленія нашего съ церковной каеедры нынѣ, когда мы творимъ молитвенную память объ усопшихъ отцахъ и братіяхъ нашихъ!...

Большинство, если только не всѣ изъ насъ, предаются обыкновенно въ случаѣ кончины кого-либо изъ упомянутыхъ людей неутѣшной скорби и печали. Это такъ естественно и просто, что объ этомъ не стоило бы здѣсь и говорить. Въ самомъ дѣлѣ: какъ не плакать, какъ не скорбѣть и не печалиться при видѣ умершаго близкаго и дорогого намъ человека, напр., отца, матери, мужа, жены, брата, сестры и другихъ людей? Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, какъ извѣстно, прослезился на могилѣ друга своего Лазаря. Намъ ли, болѣе слабымъ и немощнымъ въ отношеніи человѣческой природы, не плакать и не скорбѣть при видѣ близкихъ и дорогихъ нашему сердцу покойниковъ? Вѣдь иной разъ вмѣстѣ съ ними мы хоронимъ въ землю всѣ наши лучшія ожиданія и надежды, всѣ наши опоры и подкрѣпленія въ этой жизни. Тѣ, на кого мы надѣемся, уходятъ отъ насъ, не сдѣлавъ того, что они думали или хотѣли сдѣлать. И мы остаемся безпомощными одни въ этомъ мірѣ. Всѣ наши розовыя надежды исчезаютъ, какъ сонъ или видѣніе. Повторяемъ: нельзя не плакать и не скорбѣть въ этомъ случаѣ по умершимъ. Эта скорбь и эти слезы составляютъ долгъ нашего сердца,

которое становится отъ этого самаго мягче и нѣжнѣе. И только тотъ, у кого сердце жестко и холодно, кто совершенно безчувствененъ и окамененъ въ своемъ сердцѣ,—только тотъ обыкновенно не скорбитъ въ такомъ случаѣ. Но и тогда, когда мы лишаемся извѣстныхъ намъ людей, утрата которыхъ не столь живо и ощутительно чувствуется нами, когда мы видимъ вообще около себя покойниковъ безъ всякаго отношенія ихъ къ намъ и нашей жизни, но и тогда собственно мы не можемъ удержаться отъ слезъ: потому что въ такомъ случаѣ наша мысль невольно переносится къ тому времени, когда этотъ умершій человекъ былъ живъ и дѣйствовалъ, а теперь сталъ бездыханнымъ трупомъ. Вспомнимъ церковныя пѣсни, столь живо изображающія наше тѣлесное состояніе по смерти. *Зряще мя безгласна и бездыханна предлежаща, восплачите о мнѣ братіе и друзи, сродницы и знаемии: вчерашній бо день бесподовахъ съ вами, и внезапно найде на мя страшный часъ смертный* (Послѣд. погреб. мірск. челов.)... *Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижу во гробѣхъ лежащую по образу Божію созданную нашу красоту, безобразну, безславу, немощную вида* (Тамъ же. Самогл. 8 гл.)

Но, мы должны замѣтить здѣсь, не всякая скорбь достойна бываетъ похвалы. Скорбь отъ скорби различается и одна не походить на другую. Случается такъ, что человекъ, скорбящій по умершимъ, отъ этой самой скорби приходитъ въ самого себя и становится болѣе лучшимъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи. А бываетъ иногда и такъ, что эта скорбь доводитъ его до полнаго отчаянія въ жизни, до забвенія Бога и высшаго предназначенія своего въ этомъ мірѣ. Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ случаѣ скорбь уже носить не христіанскій характеръ и не достойна насъ, какъ христіанъ православныхъ. Вотъ объ освобожденіи-то отъ нея и учитъ насъ св. Апостолъ, говоря: „не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи о умершихъ, дабы вы не печалились, какъ и прочіе, не имѣющіе надежды“ (1 Сол. IV, 13). Кто это „прочіе“, которыхъ разумѣетъ здѣсь Апостолъ? Это всѣ тѣ, которые еще не пріобщились духа христіанскаго, которые не вошли въ ограду Церкви Христовой; это—по духу и образу жизни своей язычники, блуждающіе во тьмѣ и сѣни смертной. Для

нихъ, дѣйствительно, смерть человѣка, вмѣстѣ съ разрушеніемъ его тѣлеснаго организма, является послѣднимъ жизненнымъ актомъ, завершающимъ всю его дѣятельность здѣсь—на землѣ. Послѣ смерти для такихъ людей пустота и ничтожество, совершенное небытіе, говоря философскимъ языкомъ мыслителей такого направленія. Но не таковъ христіанскій взглядъ на смерть. Послѣдняя для христіанина служитъ только перемѣною его внѣшняго состоянія, послѣ того какъ душа его разлучится съ тѣломъ, и переходомъ изъ здѣшней земной жизни въ будущую небесную. Теперь, во время пребывания своего на землѣ, онъ живетъ двоякою духовно-тѣлесною жизнію. Послѣ же смерти *тѣло его возвратится въ землю: земліи убо—* по словамъ церковной пѣсни — *отъ земли создахомся, и въ землю туюжде поидемъ, якоже повелѣлъ еси создавый мя и рекій ми: яко земля еси и въ землю отыдеши, аможе вси чело-вѣцы поидемъ* (Послѣд. погреб. мірск. челов. „икось“); — *а духъ возвратится къ Богу, иже и даде его*, на небо. Значить, лучшая часть наша, духовная, никогда не умираетъ, а всегда живетъ и по смерти нашего тѣла. Она находится въ это время въ предначати или вѣчнаго блаженства, или вѣчнаго мученія, судя по тому, конечно, какъ она проводила свою жизнь здѣсь—на землѣ: *каждо бо отъ своихъ дѣлъ или прославится, или постыдится*,—какъ учитъ насъ таже св. Церковь. И такое состояніе нашего духовнаго и тѣлеснаго бытія продолжится до втораго пришествія Господня на землю, когда „при гласѣ Архангела и послѣдней трубѣ Божіей мертвыя тѣла воскреснутъ нетлѣнными, славными, сильными, духовными“ (1 Сол. IV, 16; 1 Кор. XV, 42—44), когда они соединятся опять съ своими душами для вѣчнаго блаженства или для вѣчнаго мученія въ будущемъ царствѣ славы. „Ибо если мы вѣруемъ,—говоритъ Апостоль Павелъ—что Иисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ въ Иисусъ Богъ приведетъ съ Нимъ“ (1 Сол. IV, 14). Тогда „Самъ“ Онъ, по словамъ того же Апостола, „при возвѣщеніи, сойдетъ съ неба, и мертвые во Христвъ воскреснутъ прежде“ (ст. 16). Что-же дѣлается съ тѣми людьми, которые доживутъ до времени этого втораго пришествія Господня? Они измѣнятся. „Не всѣ мы умремъ—говоритъ Апостоль,—но всѣ измѣнимся, вдругъ, во мгнове-

ніи ока при послѣдней трубѣ; ибо вострубитъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, а мы измѣнимся“ (1 Кор. XV, 51—52). „Ибо сіе говоримъ вамъ словомъ Господнимъ, что мы живущіе, оставшіеся до пришествія Господня, не предупредимъ умершихъ“ (1 Сол. IV, 15). Итакъ, по изображенію слова Божія, прежде всего воскреснутъ мертвые, потомъ мы, оставшіеся въ живыхъ, измѣнимся и тогда уже „вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ на воздухъ, въ срѣтеніе Господу, и такимъ образомъ всегда съ Господомъ будемъ“ (1 Сол. IV, 17).

Повѣдавъ намъ объ этой тайнѣ воскресенія мертвыхъ и измѣненія живыхъ, Апостоль присовокупилъ: „итакъ утѣшайте другъ друга сими словами“ (ст. 18). Вотъ въ чемъ, по словамъ Апостола, состоитъ утѣшеніе при разлукѣ съ умершими близкими и дорогими намъ лицами! Оно состоитъ именно въ надеждѣ радостнаго свиданія съ ними въ обновленномъ состояніи во время втораго и славнаго пришествія Христова, а также въ неразлучной съ ними жизни, имѣющей открыться въ будущемъ небесномъ царствѣ славы послѣ послѣдняго и страшнаго суда Его. Православное богословіе говоритъ намъ, что и на томъ свѣтѣ не прекратятся общенія людей между собою; что и тогда будутъ существовать между ними различныя связи, напр., родственныя, дружескія и т. п. Только, конечно, эти связи и общенія будутъ выражаться не такъ, какъ они выражаются у насъ здѣсь—на землѣ. Тогда, какъ сами люди будутъ болѣе обновленные и одухотворенные, такъ и ихъ взаимныя отношенія между собой примутъ болѣе лучшей и совершенный видъ. Но понятно, конечно, и то, что люди будутъ видѣться и вообще пребывать въ такомъ состояніи только тогда, когда они подвергнутся одной и той же участи, т. е., участи вѣчнаго блаженства вмѣстѣ съ праведниками. Если же они будутъ лишены этой участи и подвергнутся вѣчному мученію вмѣстѣ со всѣми грѣшниками: то ясно, что они будутъ пребывать тогда въ полномъ разъединеніи и разобщеніи между всѣми умершими, какъ бы они ни были близки и дороги для нихъ. Тогда между ними, по изображенію слова Божія, „утвердится великая пропасть, такъ что хотящіе перейти съ той и другой стороны не возмогутъ этого сдѣлать“ (Лук. XVI, 26), какія бы ни употребляли для

этого усилія и средства. Все это должно располагать насъ къ тому, чтобы мы старались объ избѣжаніи участи послѣдней и о приобрѣтеніи первой еще во время жизни нашей на землѣ. Теперь мы можемъ легко это сдѣлать какъ относительно себя самихъ, такъ и относительно умершихъ близкихъ и дорогихъ намъ лицъ, только бы эти послѣдніе умерли съ вѣрою во Христа Спасителя и съ покаяніемъ во грѣхахъ своихъ. Главнымъ средствомъ для этого служить церковная молитва и особенно въ соединеніи съ безкровною жертвою, приносимою въ нашихъ храмахъ, какъ за живыхъ, такъ и за умершихъ людей. „Молитва за усопшихъ всегда составляла и составляетъ непремѣнную часть Божественной Литургіи, начиная отъ Литургіи Ап. Іакова“ (катих. стр. 73). Св. Кириллъ Іерусалимскій такъ изображаетъ значеніе этой молитвы: „превеликая будетъ польза душамъ, о которыхъ моленіе возносится въ то время, какъ святая предлежитъ и страшная жертва“ (тайновод. поуч. 5, гл. 9). А св. Василій Великій въ своихъ молитвахъ на Пятидесятницу говоритъ, что Господь сподобляетъ приимать отъ насъ молитвы умолившенія и жертвы *о иже во адъ держимыхъ*, съ надеждою для нихъ *мира, ослабленія и свободы...*

Итакъ, братіе, вотъ средство, посредствомъ котораго мы можемъ приобрѣсти себѣ радость вѣчнаго свиданія съ умершими ближними нашими: родственниками, друзьями и знакомыми! Средство это, дѣйствительное и вѣрное средство—*церковная молитва*, какъ объ умершихъ уже людяхъ, такъ и о насъ самихъ, живущихъ еще на землѣ. Поэтому не скорбѣть и печалиться до отчаянія мы должны при видѣ смерти того или другого близкаго намъ человѣка, не сѣтовать и какъ бы досадовать на Бога въ такомъ случаѣ, нѣтъ, а поскорѣе прибѣгать къ Нему съ молитвою о прощеніи грѣховъ умершаго и вселеніи его въ обители праведныхъ. Указанное нами средство—церковная молитва—служить, какъ извѣстно, выраженіемъ тѣсной связи между живыми и умершими въ настоящемъ вѣкѣ. Въ будущемъ же она непремѣнно приведетъ насъ къ взаимному общенію на небесахъ, *идяже вси праведніи упокоются*. Только бы намъ не ослабѣвать въ этой молитвѣ здѣсь—на землѣ! Аминь.

С Л О В О

въ день празднованія въ честь иконы Божіей Матери во имя „всѣхъ скорбящихъ Радость“, 24-го октября 1893 года.

Объ истинно-христіанской скорби и радости.

Сегодня, въ день празднованія въ память свѣтлаго и спасительнаго Христова Воскресенія, мы празднуемъ также въ честь иконы Божіей Матери во имя „всѣхъ скорбящихъ Радость“. Въ названіе этой иконы входятъ, какъ это легко можно усмотрѣть, два понятія: *скорбь* и *радость*, на которыхъ я и хочу остановить ваше вниманіе въ настоящей разѣ. Пресвятую Богородицу мы называемъ „Радостію всѣхъ скорбящихъ“ и обремененныхъ различными грѣхами и пороками людей на свѣтѣ. И называемъ, конечно, не напрасно: потому что Она есть, дѣйствительно, радость и утѣшеніе всѣхъ такихъ людей, освобождающая ихъ отъ скорбей и печалей въ этомъ многобѣдномъ мірѣ...

Обратимъ, прежде всего, свое вниманіе на понятіе о скорби. Что скорбь существуетъ въ мірѣ постоянно и является, такъ сказать, необходимою принадлежностію людей, объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ ежедневные факты, переживаемые нами. Съ самаго появленія своего на свѣтѣ Божій человѣкъ чувствуетъ уже эту скорбь, глубоко гнѣздящуюся въ сердцѣ его. Послѣ же того, какъ начинается приходитъ въ болѣе или менѣе совершенный возрастъ, онъ уже менѣе чувствуетъ ее: такъ какъ мало-по-малу сживаетъ съ ней. Она становится ему тогда, такъ сказать, необходимой сопутницей въ жизни, отъ которой онъ никакъ не можетъ избавиться. Въ настоящее время люди придумываютъ различныя средства для того, чтобы избавиться отъ нея какимъ бы то ни было образомъ. Вотъ, на примѣръ, придумали музыку для разсѣянія человѣка и освобожденія его отъ скорби; устроили и много другихъ различныхъ увеселеній и наслажденій. Но эти увеселенія и развлеченія, по большей части, производятъ только скуку

и томленіе въ душѣ, а не радость и увеселеніе,—чистыя, спокойныя, мирныя. Несмотря на то, что люди бѣгутъ на эти удовольствія и предаются имъ съ необыкновеннымъ жаромъ и энергіей, — словно, подумаешь, они хотятъ запасть этими развлеченіями на всю жизнь, — несмотря на это, у тѣхъ же самыхъ людей изъ ихъ глазъ часто текутъ неудержимыя слезы, которыхъ не можетъ заглушить собою міръ и его развлеченія. Тагъ, оправдывается надъ нами въ этомъ случаѣ слово Христа Спасителя: *въ мѣръ скорби будете* (Іоан. XVI, 33). Тотъ же Христосъ Спаситель высказалъ, какъ извѣстно, и слѣдующія слова: *царствіе Божіе нудится*, т.-е., съ усиленіемъ употребляется, и только *нуждники восклицаютъ е* (Матѣ. XI, 12). Путь въ это царство—путь узкій и тѣсный, состоящій изъ скорбей и всякаго рода огорченій и неприяностей, случающихся въ жизни человѣка. Какія же это скорби?..

Есть два рода скорбей, которыя переносятъ въ своей жизни человѣкъ: есть скорбь, тагъ сказать, духовная, скорбь по грѣхамъ своимъ, содѣваемымъ христіаниномъ ежечасно и ежеминутно въ жизни своей, и есть скорбь, тагъ сказать, тѣлесная или мірская, когда мы скорбимъ о неудовлетвореніи какой-либо изъ нашихъ тѣлесныхъ потребностей, скорбимъ, что не удалось намъ исполнить что-либо по нашему желанію или, вѣрнѣе, страсти. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы, естественно, скорбимъ и терзаемся душой своей. Но не всякая скорбь бываетъ спасительна и плодотворна для насъ. Спаситель обѣщалъ блаженство не всѣмъ плачущимъ и скорбящимъ въ жизни сей; нѣтъ, Онъ обѣщалъ такое блаженство только плачущимъ по грѣхамъ своимъ, когда сказалъ: *блаженны плачущіи, яко тѣмъ утѣшатся* (Мат. V, 4). Вотъ какія слезы Ему благоугодны и для насъ спасительны! Въ другой разъ Онъ, какъ извѣстно, заповѣдалъ даже не плакать при видѣ гроба умершаго единственнаго сына. *Не плачи*, сказалъ Онъ въ этомъ случаѣ Наинской вдовѣ (Лук. VII, 13). И св. Апостолъ Павелъ различаетъ двоякаго рода скорбь или, печаль: *печаль ради Бога* и *печаль ради міра*, когда писалъ во второмъ посланіи къ Коринѣянамъ слѣдующее: „теперь я радуюсь, не потому, что вы опечалились; но что вы опечалились къ покаянію; ибо опечалились ради Бога, и такимъ

образомъ нисколько не понесли отъ насъ вреда. Ибо печаль ради Бога производитъ неизмѣнное покаяніе ко спасенію; а печаль мірская производитъ смерть. Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело въ васъ усердіе, какія извиненія, какое негодованіе (на виновнаго), какой страхъ, какое желаніе, какую ревность, какое возсканіе“ (2 Кор. VII, 9—11). Если таковы плоды печали ради Бога, то нужно ли ее заглушать въ себѣ, нужно-ли просить Господа о томъ, чтобы Онъ избавилъ насъ отъ нея? Конечно, нѣтъ! Это было бы въ высшей степени безразсудно и несообразно съ цѣлями христіанства для исповѣдующаго его человѣка. Въ этомъ случаѣ послѣдній долженъ просить Господа о томъ, чтобы Онъ даровалъ ему силы и мужество къ благодушному, терпѣливому и безропотному перенесенію ихъ въ своей жизни. Іисусъ Христосъ, сказавъ, что истиннаго христіанина ожидаютъ въ мірѣ на каждомъ шагу скорби, соблазны и искушенія, прибавилъ къ этому: „но мужайтесь; Я побѣдилъ міръ“ (Іоан. XVI, 33), т.-е., для Меня эти самыя бѣды не могли произвести того, что онѣ производятъ обыкновенно въ душахъ людей маловѣрующихъ, легкомысленныхъ и сомнѣвающихся. „Терпѣніемъ вашимъ спасайте души ваши“, — такое правило высказалъ Онъ нѣкогда въ другомъ мѣстѣ (Лук. XXI, 19). И Апостолъ Павелъ даетъ намъ подобное правило: „въ скорби будьте терпѣливы“, — тагъ писалъ онъ въ посланіи къ Римлянамъ (XII, 12), — т.-е. не ропщите на Бога за то, что Онъ посылаетъ на васъ эти скорби, а благодарите Его за такія милости къ вамъ, грѣшнымъ и недостойнымъ рабамъ. А въ посланіи къ Евреямъ тотъ же Апостолъ Христовъ писалъ, какъ извѣстно, слѣдующее: „Господь, кого любить, того наказываетъ; бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ (Притч. 3, 11, 12). Если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо есть ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ?.. Всякое наказаніе въ настоящее время кажется не радостію, а печалію; но послѣ наученнымъ чрезъ него доставляетъ мирный плодъ праведности“ (Евр. XII, 6—8; 11)...

То, что мы сказали о печали, то же самое должно сказать и о радости, которая точно также бываетъ двоякаго рода:

радость духовная, чистая, святая, словомъ, радость о Богѣ; и радость плотская, нечистая, грѣховная, словомъ, радость мірская. Каждому изъ насъ, вѣроятно, извѣстны по опыту эти два вида радости. Мы радуемся, наприимѣръ, когда удастся намъ исполнить какой-либо христіанскій долгъ, возложенный на насъ свыше; когда мы сходимъ въ церковь, стоимъ тамъ нѣсколько минутъ въ сосредоточенной и усердной молитвѣ; когда мы сдѣлаемъ какое-либо доброе дѣло нашему ближнему; когда мы вообще рѣшаемся освободиться отъ грѣховъ, сознавая всю ихъ непристойность и безобразіе, и идти путемъ нравственнаго очищенія и исправленія. Это перваго рода радость, радость о Богѣ, радость спасительная и возжелѣнная для сердца каждаго изъ насъ. Другая радость противоположна ей по своимъ свойствамъ и цѣлямъ. Такъ, наприимѣръ, есть люди, которые радуются тому, что успѣваютъ пріобрѣтать въ этой жизни значительное количество матеріальныхъ благъ всякаго рода, какъ для собственной утѣхи и наслажденія, такъ и для наслажденія своего потомства. Есть, далѣе, люди, которые радуются всякому несчастію и бѣдѣ ближняго и извлекаютъ изъ него для себя пользу и пріобрѣтеніе, которые подъ предлогомъ покровительства и защиты обираютъ вдовъ и сиротъ, вообще, сирыхъ и угнетенныхъ въ жизни сей людей. Ясно, какого рода эта послѣдняя радость. Она дышетъ совершенно противнымъ духомъ, какой мы видѣли въ первой радости. Эта радость именно мірская радость, земная, нечистая, неправедная. Ею, какъ извѣстно, многіе страдаютъ изъ современныхъ людей, служа, какъ идолу, міру сему, который, по слову Апостола, „весь во злѣ лежитъ“ (1 Иоан. V, 19).

Теперь вопросъ: отъ какихъ-же это скорбей мы просимъ Богородицу избавить насъ и какую радость имѣемъ въ виду получить отъ Нея, когда прибѣгаемъ къ Ней за помощію, называя Ее въ этомъ случаѣ „всѣхъ скорбящихъ Радостію“? Мы просимъ Ее освободить или, по крайней мѣрѣ, облегчить насъ отъ тѣхъ именно скорбей, которыя ведутъ насъ не къ Богу и къ указанной Имъ цѣли жизни, а къ міру и его интересамъ и цѣлямъ. Точно также, называя Богородицу „всѣхъ скорбящихъ Радостію“, мы надѣемся на полученіе отъ Нея

въ сердцахъ нашихъ радости не мірской или грѣховной, а радости чистой и святой, предметомъ которой является Богъ. Припадемъ же, братіе, къ Милостивой Заступницѣ рода христіанскаго и будемъ усердно просить у Нея, чтобы Она помогла намъ переносить наши скорби ради Бога, ведущія къ покаянію, во спасеніе временное и вѣчное, переносить благодушно и терпѣливо въ этой жизни. Если мы будемъ просить и молиться такъ Царицѣ Небесной, то Она, конечно, услышитъ насъ, Она прольетъ въ наше сердце лучъ радости духовной, чистой и святой. Тогда и только тогда мы можемъ понять сущность и значеніе этого рода скорбей, неизбѣжныхъ и спасительныхъ для насъ, какъ христіанъ. Мало того, тогда мы будемъ вмѣстѣ съ Апостоломъ, „радоваться во страданіяхъ своихъ“ (Колос. I, 24), причиняемыхъ намъ этими самими скорбями, будемъ хвалить и славить Бога. Аминь.

Б Е С Ъ Д А *)

(виѣбогослужебная).

Въ двадцать шестую недѣлю по Пятидесятницѣ, на Евангельское чтеніе отъ Луки (гл. XII, ст. 16—21).

Объясненіе притчи Христа Спасителя о безумномъ богачѣ.

Предметомъ настоящей бесѣды нашей будетъ нынѣ чтенное Евангеліе: притча Христа Спасителя объ одномъ богачѣ, который, имѣя въ своихъ рукахъ большое богатство и не зная, что дѣлать съ нимъ, въ одну ночь лишился его по случаю внезапной смерти. Притча эта содержится въ Евангеліи отъ Луки гл. XII, ст. 16—21. Для большей ясности и удобопонятности я прочту ее вамъ въ переводѣ на русскій языкъ. „У одного богатаго человѣка былъ хорошій урожай въ полѣ. И онъ разсуждалъ самъ съ собою: что мнѣ дѣлать?“

*) Произнесена въ Николомоскворѣцкой церкви въ Москвѣ, 14-го ноября 1893 года.

Некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ. И сказалъ: вотъ, что сдѣлаю: сломаю житницы мои, и построю большія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое. И скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы; покойся, ѣшь, пей, веселись. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ? Такъ *бываетъ съ тѣмъ*, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣетъ“...

Прежде всего, спросимъ здѣсь: что послужило поводомъ для Господа къ изреченію этой притчи? А это вопросъ одного изъ народа, котораго собрались, по замѣчанію Евангелиста, цѣлыя „тысячи, такъ что тѣснили другъ друга“ (Лук. XII, 1),—вопросъ, предложенный Христу въ слѣдующей формѣ: „Учитель! скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство“ (ст. 13). Изъ этихъ словъ видно, что между двумя какими-то братьями было дѣло о дѣлежѣ наслѣдства, но, въ чемъ оно состояло, неизвѣстно. На предложенный Ему вопросъ Христосъ отвѣтилъ слѣдующими словами: „Кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ“ (ст. 14), т. е., это не Мое дѣло, съ которымъ вы обращаетесь сейчасъ ко Мнѣ. Это дѣло подлежитъ судебнымъ мѣстамъ и законъ долженъ разсудить, какъ правильно поступить въ данномъ случаѣ. „При этомъ—замѣчаетъ Евангелистъ—сказалъ имъ: смотрите, берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія“ (ст. 15). „По своему обыкновению Господь пользуется представившимся случаемъ для того, чтобы извлечь изъ него нравственное назиданіе для своихъ учениковъ и послѣдователей“¹⁾. Что такое любостыжаніе? Это—„страсть къ приобрѣтенію имѣній для наслажденія благами міра сего, любовь къ богатству“²⁾. Христосъ, какъ извѣстно, „не разъ и съ силою поучалъ объ опасности богатства въ дѣлѣ спасенія, и препятствіяхъ, какія представляетъ оно для приобрѣтенія нравственнаго совершенства (Мат. XIX, 23 и дал. Мар. X, 23 и дал.), и теперь, по представившемся

1) Толковое Евангеліе архимандрита (впослѣдствіи епископа) Михаила. Часть 3, Москва 1871 г. Стр. 416.

2) Тамъ же.

случаю, предостерегаетъ отъ любостыжанія, которое противно десятой заповѣди закона Божія (Исх. XX, 17) и которое Апостоль Павелъ называетъ идолослуженіемъ (Кол. III, 5; ср. Еф. V, 3; Евр. XIII, 5)“...¹⁾. И вотъ такого-то любостыжанія Христосъ Спаситель заповѣдуетъ Своимъ послѣдователямъ беречься или всячески остерегаться въ этой земной жизни, которая представляетъ много искушеній и соблазновъ впасть въ этотъ порокъ. „Смотрите,—говоритъ Христосъ,—берегитесь любостыжанія“...

Теперь, что значать слова Христовы: „жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія“? „Слово жизнь нерѣдко употребляется въ смыслѣ благоденствія, благополучія, и слова Христовы въ этомъ смыслѣ значили бы, что благоденствіе, или благополучіе, или счастье человѣка не зависятъ отъ его богатства. Но если принять во вниманіе смыслъ слѣдующей за симъ притчи, показывающей, что богатство не можетъ продлить жизнь богатаго, то слово жизнь надобно принимать въ тѣснѣйшемъ буквальный смыслѣ, и изреченіе Спасителя будетъ значить, что такъ какъ жизнь наша зависитъ не отъ богатства, но отъ воли Божіей, то и не надобно очень заботиться о немъ, не надобно предаваться любостыжанію“²⁾. По словамъ блаж. Θεофилакта, „мѣра сей жизни не соразмѣряется съ изобиліемъ имѣнія. Ибо если кто имѣетъ многое, то не значить еще, что онъ и проживетъ долго. Долголѣтіе не зависитъ отъ множества богатства“. Высказавъ такую мысль относительно богатства, Христосъ Спаситель далѣе, для большаго, такъ сказать, иллюстрированія или освѣщенія ея въ цѣляхъ нравственнаго назиданія своихъ слушателей, предложилъ вышеупомянутую притчу, „которая наглядно показываетъ, какъ суетна надежда человѣка на изобиліе его имѣнія“³⁾. Итакъ, вотъ тотъ поводъ, по которому произнесена была Христомъ Спасителемъ эта притча. Теперь приступимъ къ изложенію ея содержанія и къ разсмотрѣнію заключительнаго ея вывода, сдѣланнаго Христомъ Спасителемъ въ извѣстныхъ цѣляхъ...

1) Тамъ же. Стр. 417.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же.

Притча начинается слѣдующими словами: „и сказалъ (Христосъ) имъ притчу“, — сказалъ имъ, т. е., ученикамъ и народу вмѣстѣ, хотя, какъ мы видѣли, ближайшимъ побужденіемъ къ этому былъ вопросъ одного изъ народа. Раньше, какъ извѣстно, Онъ говорилъ только ученикамъ Своимъ, говорилъ о томъ, чтобы они „береглись закваски фарисейской, которая есть лицемѣріе“ (ст. 1). Теперь же Онъ имѣетъ въ виду потребности народа и потому по преимуществу рѣчь Его касается этого послѣдняго. „У одного богатаго человѣка, — такъ говорилъ Христосъ, — былъ хорошій урожай въ полѣ“ (ст. 10). „Предметъ притчи заимствованъ, по обычаю Господа, изъ повседневной жизни и потому для всѣхъ понятенъ и тѣмъ болѣе убѣдителен“ ¹⁾. — „Хорошій урожай въ полѣ“. Здѣсь разумѣется, какъ это видно изъ стиха 18-го, урожай хлѣба, составляющаго первое и главное богатство всякаго человѣка, а въ особенности человѣка — поселанина, сельскаго жителя и землевладѣльца, каковымъ, безъ сомнѣнія, и былъ богатый человѣкъ притчи. — „И онъ разсуждалъ самъ съ собою: что мнѣ дѣлать?“ (ст. 17). Замѣчательно здѣсь это разсужденіе богача съ самимъ собою. У другого человѣка, въ подобномъ положеніи и состояніи, пожалуй, не могло бы и возникнуть такого разсужденія. Въ самомъ дѣлѣ, не многіе ли изъ насъ такъ живутъ, какъ говоритъ Апостолъ, *да ямы и немы: утрѣ бо умремъ*, т. е., если уже безъ всякой для себя духовной пользы въ дѣлѣ пріобрѣтенія и обладанія матеріальнымъ достояніемъ, то конечно и безъ всякой мысли и заботы о немъ на будущее время? Упоминаемый же въ притчѣ евангельскій богачъ былъ, какъ мы видимъ, занятъ вопросомъ о своемъ богатствѣ, но только не зналъ, куда его дѣвать или на что употребить въ жизни. Такъ, разсуждая съ самимъ собою, онъ говорилъ: „некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ“ (ст. 17), т. е. „все полно, нѣтъ мѣста, гдѣ помѣстить все, что въ такомъ изобиліи уродилось“ ²⁾. Наконецъ, среди такихъ разсужденій, онъ остановился на слѣдующей мысли: „и сказалъ: вотъ, что сдѣлаю: сломаю житницы мои,

и построю большія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое“ (ст. 18). Эти слова богача опять достойны того, чтобы на нихъ нѣсколько остановиться. Они показываютъ намъ только предусмотрительность и заботу его о томъ, чтобы богатство его, заключающееся въ хорошемъ урожаѣ хлѣба, не погибло гдѣ-нибудь на полѣ, отъ дождя или зноя, не было потоптано животными или поклевано птицами. Разсматриваемыя сами по себѣ, приведенныя нами слова, конечно, нисколько не умаляютъ поступка богача въ данномъ случаѣ. Вѣдь, какъ намъ извѣстно, ветхозавѣтный мужъ, по имени Іосифъ, поступилъ въ этомъ случаѣ точно также. Такъ, въ книгѣ Бытія мы читаемъ, что „собралъ онъ всякій хлѣбъ семи лѣтъ, которыя были (плодородны) въ землѣ Египетской, и положилъ хлѣбъ въ городахъ; въ каждомъ городѣ положилъ хлѣбъ полей, окружающихъ его. И скопилъ Іосифъ хлѣба весьма много, какъ песку морскаго, такъ что пересталъ и считать; ибо не стало счета“ (Быт. ХLI, 48 — 49). А между тѣмъ никто изъ насъ не назоветъ этого человѣка неблагодарнымъ за то, что онъ такъ поступилъ. Нѣтъ; въ глазахъ самого Фараона, царя Египетскаго, онъ былъ „столь разумнымъ и мудрымъ“ (ст. 39), что другого, подобнаго ему, не было въ то время во всемъ мірѣ. Что-же сдѣлалъ Іосифъ такого, за что получилъ похвалу даже отъ Фараона, не говоря уже о томъ, что онъ снискалъ себѣ эту похвалу въ очахъ Божіихъ? Когда „наступили семь лѣтъ голода, какъ сказалъ Іосифъ, и былъ голодъ во всѣхъ земляхъ; а во всей землѣ Египетской былъ хлѣбъ“: тогда „отворилъ Іосифъ всѣ житницы, и сталъ продавать хлѣбъ Египтянамъ... И изъ всѣхъ странъ приходили въ Египетъ покупать хлѣбъ у Іосифа; ибо голодъ усилился по всей землѣ“ (Быт. ХLI, 54. 56—57). Мало того, что онъ продавалъ хлѣбъ за ту или другую цѣну и такимъ образомъ освобождалъ многихъ отъ великаго бѣдствія — голода. Нѣкоторымъ, какъ, напримѣръ, братьямъ своимъ, которые, нѣкогда изъ-зависти къ нему, желая какъ-нибудь избавиться отъ него, сначала бросили его въ ровъ, а затѣмъ продали чужеземнымъ людямъ въ Египетъ, теперь же сами, нуждаясь въ помощи, приходили къ нему въ Египетъ, онъ давалъ хлѣбъ даромъ, возвращая имъ тѣ день-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

ги, которые были уплачиваемы ему за хлѣбъ (Быт. XLII, 25). Вотъ какъ распоряжался Иосифъ своимъ и чужимъ богатствомъ, которое, какъ видно изъ сказаннаго нами, шло у него по большей части не на него самого, а на другихъ людей, близкихъ и дальнихъ, нуждающихся въ помощи, хотя, нужно замѣтить здѣсь, онъ, какъ первый человѣкъ при царскомъ дворѣ, не нуждался ни въ чемъ относительно земного своего благополучія и благоденствія. За такое-то бѣдствіе и распоряженіе богатствомъ онъ, конечно, и прославился, какъ въ очахъ Божіихъ, такъ и въ очахъ человѣческихъ. Теперь, обращаясь къ евангельскому приточному богачу, что мы можемъ сказать въ этомъ отношеніи? Можемъ-ли мы сказать про него, что его богатство, о которомъ онъ тщательно заботился въ своей жизни, получило законное употребленіе? Нѣтъ, этого нельзя сказать! Въ этомъ отношеніи, конечно, громадная разница между нимъ и Иосифомъ. Хотя онъ, подобно этому послѣднему, и копилъ богатство, строя новыя, болѣе обширныя, житницы и собирая туда хлѣбъ свой, но зачѣмъ? Затѣмъ-ли, чтобы, въ случаѣ нужды, подѣлиться своимъ запасомъ съ кѣмъ-либо изъ ближнихъ, бѣдныхъ и нуждающихся въ помощи? О, совсѣмъ не за тѣмъ! Онъ думалъ въ это время только о себѣ самомъ и ни о комъ болѣе другомъ на свѣтѣ. Его мысль исключительно была обращена на себя, на свои заботы и попеченія. Онъ забылъ объ окружающемъ мірѣ, въ которомъ живутъ и вращаются люди, подобные ему, можетъ быть, по взгляду и состоянію. „И скажу душѣ моей, — такъ рассуждалъ себялюбивый и гордый богачъ, — душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы; покойся, ѣшь, пей, веселись“ (ст. 19). Изъ этихъ словъ его видно, что онъ „такъ удовлетворенъ былъ своимъ урожаемъ, что уже ничего не желалъ болѣе; страсть къ любостыжанію была вполне удовлетворена, и онъ думаетъ, что болѣе ничего уже не остается, какъ только въ удовольствіе себѣ проводить жизнь“ ¹⁾. О Богѣ же и своемъ нравственномъ усовершенствованіи и не подумалъ, не говоря уже о томъ, что онъ пренебрегъ въ этомъ случаѣ заповѣдію Божіею о любви къ

¹⁾ Тамъ же. Стр. 418.

ближнему. Ибо, нужно замѣтить, что и среди него, вѣроятно, были люди, которые могли рассчитывать на его щедрость и получить что-либо изъ его богатаго запаса. Вникнемъ здѣсь поглубже въ разсужденія этого человѣка. *Душа!* — такъ вскрикнулъ онъ въ чувствѣ самодовольства и самоугожденія. Но что за смыслъ представляетъ собою это выраженіе, вырвавшееся изъ его устъ? Какъ могъ онъ помышлять въ то время о своей душѣ, — онъ, пропитанный, можно сказать, насквозь матеріализмомъ или благами міра сего вещественнаго? Повидимому, онъ думаетъ и заботится о своей душѣ, когда говоритъ: „и скажу душѣ моей“. Но это только повидимому. На самомъ же дѣлѣ онъ, конечно, никогда и не думалъ о ней. Да и могъ-ли онъ думать о душѣ, любезно предлагая ей то, что собралъ у себя на многіе годы? Развѣ душа человѣческая можетъ удовлетвориться всѣмъ этимъ? Развѣ для нея пища и питье, равно какъ покой и веселье, тѣ же самыя, что и для тѣла, т. е., земныя, вещественныя, скоропреходящія и тлѣнныя блага міра сего? Такъ забылся богачъ, помраченный въ своемъ сердцѣ любостыжаніемъ, что понятіе о душѣ перепуталъ съ понятіемъ о тѣлѣ, называя это послѣднее душою. Въмѣсто того, чтобы сказать ему: „*тѣло!* много добра лежитъ у тебя на многіе годы; покойся, ѣшь, пей, веселись“, — что было бы вполне справедливо и сообразно съ его матеріальными и своекорыстными взглядами, — онъ, какъ мы видимъ, рассуждаетъ иначе. Онъ обращается къ душѣ своей и предлагаетъ ей то же самое, что составляетъ необходимую потребность для нашего тѣла. Не въ такомъ-ли положеніи оказываются и многіе изъ насъ, братіе, когда, говорятъ, напримѣръ, слѣдующее: „слава Богу, отвелъ я свою душу!“ Что разумѣется обыкновенно подъ этимъ выраженіемъ, которое употребляютъ многіе изъ насъ? То ли, что мы дѣйствительно думаемъ о душѣ своей и заботимся о ея высшихъ духовныхъ потребностяхъ? Нѣтъ, въ этомъ случаѣ мы, подобно евангельскому богачу, имѣемъ въ виду исключительно свое тѣло, думая и заботясь только о немъ, какъ бы намъ лучше его устроить здѣсь — на землѣ. О душѣ же въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой ровно мысли, кромѣ лишь одного помину. „Слава Богу, отвелъ я свою душу!“ —

такъ говорятъ нынѣ многіе люди и, притомъ, просвѣщенные вѣрою Христовою. Чѣмъ же, спрашивается, они отводятъ свою душу, — существо, какъ извѣстно, совершенно противоположное по своему составу съ тѣломъ? Чѣмъ? Молитвой, чтеніемъ слова Божія, духовнымъ размышленіемъ, душеспасительными и благочестивыми разговорами и бесѣдами? Ничуть не бывало! Они отводятъ ее тѣмъ же, чѣмъ и тѣло свое, т. е., пищей и питьемъ, по большей части въ неумѣренномъ количествѣ, различными свѣтскими удовольствіями и развлеченіями, на которыя набрасываются всегда съ какою-то особенною силою. Очевидно, что подъ вышеприведеннымъ выраженіемъ, весьма часто употребляемымъ нами въ житейскомъ быту, нужно разумѣть то же самое, что мы замѣтили относительно выраженія о душѣ евангельскаго богача, именно: что понятіе о душѣ мы переносимъ на понятіе о тѣлѣ и на основаніи этого, конечно, неправильно судимъ о той и другомъ...

Но вернемся къ евангельскому богачу. Какъ только высказалъ онъ эти дерзкія и, по-истинѣ, безмысленныя слова свои о душѣ, такъ сейчасъ же услышалъ со стороны Бога возраженіе или, лучше сказать, окончательное опредѣленіе своей участи въ этой жизни. „Но, — замѣчаетъ евангелистъ, — Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ отъ тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ“ (ст. 20)? Замѣчательно, во-первыхъ, въ этихъ словахъ противоположеніе божественнаго опредѣленія самодовольнымъ разсужденіямъ безумнаго богача. Затѣмъ, самое названіе: *безумный*, которое даетъ богачу Богъ, какъ нельзя болѣе идетъ къ нему въ этомъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не безумство въ глазахъ Божіихъ такъ разсуждать и дѣйствовать? За такое именно безумство Господь и подвергаетъ его страшной участи: „въ сію ночь душу твою возьмутъ отъ тебя“, т. е., иначе говоря, ты умрешь, какъ умираютъ всѣ люди, живущіе на этой землѣ, умрешь внезапно и неожиданно смертію. А въ чемъ вообще выражается смерть по христіанскому образу мыслей и понятій? Въ томъ, что душа наша возвращается къ Богу, *Иже и даде ю*, а тѣло возвращается въ землю, откуда и взято: *земли убо отъ земли*

создахомся и въ землю туюжде поидемъ, какъ поетъ св. Церковь въ извѣстной всѣмъ намъ надгробной стихирѣ. „Кому же, — спрашивается, — достанется то, что ты заготовилъ на многіе годы“? Вѣдь для души, какъ существа духовнаго и безсмертнаго, все это неприложимо и непригодно; тѣло же, послѣ смерти своей, точно также не нуждается ни въ чемъ томъ, чѣмъ оно жило доселѣ. Итакъ, очевидно, что тебѣ самому не будетъ тогда ровно никакой пользы отъ твоего богатства, которымъ ты хотѣлъ воспользоваться раньше для своихъ собственныхъ цѣлей и интересовъ; а что послѣ тебя будетъ съ этимъ добромъ, что тебѣ до этого. Не все-ли равно для тебя, кому оно достанется и въ чьи руки попадетъ послѣ смерти твоей?.. Эта участь богача, которой онъ подвергся со стороны Бога Правосуднаго, напоминаетъ намъ, братіе, участь другого евангельскаго богача, о которомъ повѣствуется въ одной изъ притчей Христовыхъ, — именно того богача, который, по словамъ притчи, „одѣвался въ порфиру и виссонъ, и каждый день пиршествовалъ блистательно“, не обращая вниманія на „нищаго, именемъ Лазаря, который лежалъ у воротъ его въ струпьяхъ и желалъ напитаться крошками, падающими со стола богача; и псы, приходя, лизали струпья его“ (Лук. XVI, 20 — 21). Этотъ послѣдній богачъ, подобно первому, только-что разсмотрѣнному нами, богачу, умеръ, какъ и всѣ люди обыкновенно умираютъ въ жизни, и былъ похороненъ, вѣроятно, пышно и торжественно, сообразно своему состоянію. Послѣ же смерти своей онъ очутился не на лонѣ Авраамовомъ, гдѣ наслаждался неизреченнымъ блаженствомъ нищій Лазарь, а въ адѣ, гдѣ испытывалъ сильныя душевныя и тѣлесныя муки (ст. 22—24)...

„Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣетъ“ (ст. 21). Это — послѣднія заключительныя слова притчи Христовой, представляющія намъ нравственное назиданіе изъ нея. Въ нихъ Христосъ Спаситель показываетъ наглядное подтвержденіе того, чему раньше училъ въ нагорной бесѣдѣ Своей. Тамъ Онъ, между прочимъ, говорилъ: „не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ; но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа

не истребляетъ, и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ“ (Мат. VI, 19—20). Такъ бываетъ, по словамъ Христовымъ, съ тѣмъ, кто собираетъ себѣ сокровища на землѣ, а не на небѣ. „Такъ обманывается въ своихъ предположеніяхъ, такъ не успѣваетъ въ своихъ намѣреніяхъ, такъ сверхъ опасенія теряетъ и свои сокровища и себя, человѣкъ, который, собираетъ богатство себѣ только, по своей жадности, чтобы сдѣлать оное пищею своего корыстолюбія, роскоши, лѣности; который не въ Бога богатѣетъ“¹⁾. Такой же, безъ сомнѣнія, участи подвергнутся и тѣ изъ насъ, братіе, которые, обладая въ жизни сѣй болѣе или менѣе значительнымъ матеріальнымъ достояніемъ и, потому, называясь богатыми сравнительно съ другими людьми, бѣдными и неимущими, употребляютъ свое богатство только на самихъ себя, на свои прихоти и удовольствія, а не на другихъ людей во славу Божию. Никто изъ насъ не застрахованъ въ настоящей жизни отъ различныхъ бѣдъ и несчастій, случающихся съ нами часто помимо нашей воли. Съ другой стороны, никто изъ насъ не можетъ избавиться отъ смерти и не знаетъ теперь навѣрное: рано-ли, поздно-ли придетъ она къ намъ. И потому намъ, по словамъ Христа Спасителя, всегда нужно „быть готовымъ; ибо, въ который часъ не думаемъ, придетъ Сынъ человѣческій“. „Вы знаете, что еслибы вѣдалъ хозяинъ дома, въ который часъ придетъ воръ; то бодрствовалъ бы, и не допустилъ бы подкопать домъ свой“ (Лук. XII, 39—40). Итакъ, скажемъ словами Апостола Іакова, „да хвалится богатый“ не гордостію своею, а „униженіемъ своимъ: потому что онъ преидетъ, какъ цвѣтъ на травѣ. Восходитъ солнце, настаеетъ зной, и зноемъ иссушаетъ траву, цвѣтъ ея опадаетъ, исчезаетъ красота вида ея: такъ увядаетъ и богатый въ путяхъ своихъ“... (Іак. I, 9—11)! „Послушайте вы, богатые, — продолжаетъ онъ же, — плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихся на васъ. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъѣдены молью. Золото ваше и серебро изоржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствомъ противъ васъ, и съѣстъ плоть вашу, какъ огонь: вы собрали себѣ сокровища на послѣдніе дни... Вы роскошествовали на

¹⁾ Слова и рѣчи Филарета, митрополита Московскаго. Т. III. Стр. 299.

землѣ и наслаждались; напитали сердца ваши, какъ бы на день закланія“... (Іак. V, 1—3; 5). Такъ рассуждаетъ о богатствѣ св. Апостоль Христовъ. А вотъ какъ рассуждаетъ о томъ же предметѣ св. Іоаннъ Златоустъ: „нѣтъ ничего столь ненадежнаго,—говоритъ онъ,—какъ богатство; это—бѣглець неблагодарный, рабъ невѣрный; наложи на него тысячу цѣпей, онъ уйдетъ и съ цѣпями. Владѣльцы часто запирали его замками, затворяли дверями и приставляли къ нему стражами рабовъ; но оно, обольстивъ самихъ рабовъ, убѣгло вмѣстѣ съ своими стражами, увлекая ихъ съ собою, какъ цѣпь, и такимъ образомъ самая стража ни къ чему не служила. Что же можетъ быть ненадежнѣе богатства?.. Часто оно улетаетъ изъ дома въ одинъ часъ и въ краткое мгновеніе времени, подобно какъ легкій прахъ поднимается вверхъ отъ дуновенія вѣтра... Сегодня богатый, завтра бѣденъ“¹⁾. Да, слушатели, то, что случилось съ богачемъ, упоминаемымъ въ притчѣ, то же самое, повторяемъ, можетъ случиться и съ каждымъ изъ насъ, если будемъ собирать и умножать свое богатство и надѣяться на одно только земное счастье! „Не указывайте при этомъ на нѣкоторыхъ нечестивыхъ богачей, которые, живя въ избыткѣ, повидимому, счастливы и благоденствуютъ въ земной жизни своей, которая у нихъ складывается на подобіе рая. Нѣтъ, нечестивому Богъ богатства не даруетъ! А если и даруетъ, если попускаетъ ему богатѣть здѣсь на землѣ, какъ нѣкогда попускалъ и богачу евангельскому, то быстро отнимаетъ его у него съ тою пѣлію, чтобы послѣ, въ загробной жизни, подвергнуть его большому наказанію“²⁾. За что же,—спросятъ можетъ быть нѣкоторые изъ васъ,—за что наказывать богача въ этомъ случаѣ? Вѣдь онъ нажилъ богатство своими трудами, — честными или безчестными — это другой вопросъ;—какъ же его обязывать помогать другимъ людямъ?— На это мы должны сказать, что все, что мы имѣемъ у себя, не наше, а Божіе. Богъ далъ намъ жизнь и все необходимое для жизни—пищу, одежду и жилище. Онъ же требуетъ отъ насъ, чтобы мы дѣлились даннымъ намъ отъ Его щедротъ съ

¹⁾ Бесѣда 2-ая св. Іоан. Злат., произнесенная въ Антиохіи.

²⁾ Злат. на Іоан. бес. 43, стр. 521.

нуждающимися. Съ другой стороны мы находимся въ полной зависимости отъ Господа, Который „дѣлаетъ чловѣка нищимъ и обогащаетъ, унижаетъ и возвышаетъ“ (1 Цар. II, 7)¹⁾. „Развѣ ты не знаешь,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—что мы будемъ осуждены за то, что худо употребляли данное намъ? Что не наше, а Господне, то намъ слѣдуетъ употреблять на подобныхъ намъ рабовъ. За то и богачъ былъ осужденъ, что не дѣлалъ этого, равно—и тѣ, которые не напитали Господа. Если ты одинъ будешь пользоваться своимъ имуществомъ, то терпишь вредъ и ты, потому что не получишь награды; если же будешь раздѣлять его съ другими, то и получишь отъ него пользу“²⁾. Если же богачи приобрѣтаютъ богатство безчестно и незаконно, то „часто небольшое, приобрѣтенное безчестно, — по учению того же Златоуста, — ниспровергало многое, накопленное честно. Если любостыжатели не подвергаются лишенію имущества теперь, то тѣмъ страшнѣе будетъ тогда; они соблюдаются для большаго наказанія. Притомъ, если они сами избѣгнуть, то наслѣдники ихъ испытаютъ заслуженное ими“³⁾...

Итакъ, по учению слова Божія и Іоанна Златоуста, „всѣ богатые и состоятельные люди, вполнѣ предавшіеся заботамъ о приобрѣтеніи мірскихъ благъ и счастья, и вслѣдствіе того совершенно забывшіе свои христіанскія обязанности и съ презрѣніемъ смотрящіе на бѣдныхъ и страждущихъ сего міра, за свою гордость, высокомѣріе и немилосердіе къ бѣднымъ, будутъ унижены и наказаны еще здѣсь на землѣ. Недостойные же изъ нихъ наказанія Божія въ здѣшней жизни, будутъ сугубо наказаны за гробомъ; а заслуженное ими наказаніе на землѣ, за безчестное приобрѣтеніе богатства, понесутъ ихъ наслѣдники, которые, вмѣстѣ съ доставшимся наслѣдствомъ, незаконно приобрѣтеннымъ, лишатся и честно нажитаго ими самими“⁴⁾.

Что-же дѣлать?—спроситъ послѣ этого кто-либо. Неужели всѣмъ бросать имѣніе, какое кто имѣетъ теперь, и изъ бо-

1) Полный годичный кругъ словъ и поученій. Свящ. І. Долинскаго. Стр. 363.

2) На 1 Кор., ч. 1, бес. 10, стр. 172.

3) На 1 Кор., ч. 1, бес. 15, стр. 268.

4) Долинскій, стр. 364.

гатыхъ дѣлаться нищими? Нѣтъ! Ибо и Христось, какъ извѣстно, не отъ всякаго требовалъ добровольной нищеты. Такъ, напр., изъ слова Божія видно, что „сего не требовано Имъ отъ Іосифа Аримаѣйскаго, *иже и самъ учися у Іисуса*, и, безъ сомнѣнія, былъ вѣренъ Его учению, когда рѣшился послужить Его погребенію, не смотря на опасность отъ враговъ Его, и который впрочемъ въ это время еще оставался *человѣкомъ богатымъ* (Матѣ. XXVII, 57)“¹⁾. Правда, тотъ же Христось говорилъ однажды Своимъ ученикамъ: „продавайте имѣнія свои, и дайте милостыню“ (Лук XII, 33). „Не берите съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои“ (Мат. X, 9). Въ другой разъ, именно на вопросъ Апостола Петра, который спрашивалъ Его: „вотъ, мы оставили все, и послѣдовали за Тобою: что-же будетъ намъ (Матѣ. XIX, 27)?—Христось отвѣтилъ слѣдующее: „всякій, кто оставитъ дома..., или земли, ради имени Моего, получитъ во сто кратъ, и наслѣдуетъ жизнь вѣчную“ (ст. 29). А на слова одного богатаго юноши, искавшаго у Него совѣта относительно полученія вѣчной жизни, Онъ отвѣтилъ вотъ что: „если хочешь быть совершеннымъ; пойдѣ, продай имѣніе свое, и раздай нищимъ; и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, слѣдуй за Мною“... (ст. 21). Но во всѣхъ, указанныхъ нами, случаяхъ, гдѣ Христось проповѣдуетъ людямъ о добровольной нищетѣ, нужно принимать во вниманіе, во-первыхъ, то, къ кому обращена была эта проповѣдь, во-вторыхъ, по какому обстоятельству или побужденію. Все это, какъ извѣстно, одинъ изъ видовъ самоотверженія или самоотреченія отъ всего ради Христа. И слѣдовательно вышеприведенныя слова Его нужно понимать такъ, что „Христа должно предпочитать всему, самому близкому и дорогому на свѣтѣ, а не такъ, что дѣйствительно должно удалиться всего, чтобы быть христіаниномъ. Удаленіе отъ всего дѣйствительное, это—высшій родъ совершенства, о которомъ можно сказать то же, что сказано о безбрачій: „не всѣ вмѣщаютъ слово сіе; могущій вмѣстити да вмѣстити“²⁾. Христось Спаситель нигдѣ и никогда не

1) Слова и рѣчи Филарета, митрополита Московскаго. Т. III. Стр. 179.

2) Толковое Евангеліе отъ Матѣя, Архим. Михаила. Стран. 376—377.

высказывалъ общей для всѣхъ людей заповѣди, требующей непремѣннаго исполненія въ жизни,—заповѣди о томъ, чтобы люди, надѣленные въ жизни богатствомъ и другими матеріальными благами земли, оставили все это безъ всякаго повода или причины и сдѣлались добровольными нищими. Нѣтъ! Онъ, какъ извѣстно изъ другой притчи Его, заповѣдалъ намъ даже „пріобрѣтать себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобы они, когда (сами) обнищаемъ, приняли насъ въ вѣчныя обители“ (Лук. XVI, 9). Онъ говорилъ только, „что трудно богатому войти въ царство небесное“, такъ трудно, что „удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ царство Божіе“ (Мат. XIX, 23—24). Богатство въ Его очахъ было и есть совершенно безразличная и условная вещь въ дѣлѣ достиженія людьми вѣчнаго спасенія: какъ такое, оно есть благо и зло вмѣстѣ. Для нѣкоторыхъ оно, дѣйствительно, благо; для нѣкоторыхъ же зло; смотря по тому, конечно, какъ люди пользуются имъ въ своей жизни. Все зависитъ именно отъ способа распоряженія или дѣйствія тѣхъ, въ рукахъ которыхъ оно находится. Какъ-же, спрашивается, мы должны поступать въ этомъ случаѣ? „Пользуясь богатствомъ, законно пріобрѣтеннымъ, мы не должны забывать правила, еще Псалмопѣвцемъ провозглашеннаго всѣмъ богатымъ: *богатство еще течетъ, не прилагайте сердца* (Псал. LXI, 11). Мы должны напоминать себѣ часто, что скорѣе, или медленнѣе, но во всякомъ случаѣ чрезъ недолгое время, или богатство насъ оставить, или мы оставимъ богатство: и потому должны обходиться съ нимъ, какъ съ гостемъ, котораго надобно честно принять и честно проводить. *И купующи, яко не содержаще. И требующи мира сего, яко не требующе* (1 Кор. VII, 30—31), учить Апостоль“. ¹⁾ Затѣмъ, мы должны богатство, дарованное намъ отъ Бога, пускать въ оборотъ, т.-е., употреблять его на дѣла благія и полезныя какъ для насъ самихъ, такъ и для ближнихъ нашихъ, должны, однимъ словомъ, *богатѣть въ Бога*. Но что значитъ *богатѣть въ Бога*? „Правило это, по первому виду, не такъ ясно, какъ противоположная ему неправильность—*собираютъ*

¹⁾ Слова и Рѣчи Филарета, м. Московскаго. Т. III. Стран. 180.

себя. Собираютъ себѣ, въ житницу, въ кладовую, въ пазуху: но какъ богатѣть въ Бога, который не беретъ земного, вещественнаго богатства къ Себѣ на небо, и не имѣетъ въ немъ нужды“?—Вотъ какъ рассуждаетъ объ этомъ покойный митрополитъ Московскій Филаретъ въ одной изъ своихъ проповѣдей. „Для кратчайшаго изъясненія правила: *богатѣть въ Бога*, скорѣе всего можно указать на слѣдующій примѣръ. Богу во храмъ, на его созиданіе или на обновленіе, или на содержаніе его въ потребномъ благоустройствѣ и въ приличномъ благолѣпіи, иной приносить часть богатства своего, а иной посвящаетъ безкорыстный трудъ, который есть также собственность, нерѣдко высоко цѣнимая между людьми, и первоначальное богатство, посредствомъ котораго дѣлаются богатыми небогатые. Что-жь, отдающіе такимъ образомъ свое богатство и свой трудъ Богу, бѣднѣютъ-ли, или богатѣютъ? Словомъ Господнимъ говорю: *богатѣютъ*, какъ потому, что симъ образомъ благословляется прочее ихъ богатство, честно пріобрѣтенное, и благонамѣренный трудъ, такъ и потому, что принесенное ими не перестаетъ быть ихъ достояніемъ, поелику Богу присвоить оное не нужно, не теряется, поелику похитить у Бога не можно, а сохраняется въ невредимой предъ очами Божіими цѣлости, для ихъ будущаго воздаянія. Вотъ одинъ изъ способовъ *богатѣть въ Бога*“!..

„Другой способъ *богатѣть въ Бога* Самъ Исусъ Христосъ излагаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *продадите имѣнія ваши, и дадите милостыню, сотворите себѣ власяница неветшающа, сокровище неоскудѣло на небесахъ* (Лук. XII, 33). Если мысль твоя не успокоивается на одномъ простомъ довѣрїи къ вѣрному и непогрѣшительному слову Христову, и желаетъ еще объясненія, какъ можетъ поданное тобою нищему очутиться въ сокровищницѣ небесной: и сіе изъясняетъ тебѣ Господь другимъ Своимъ изреченіемъ: *понеже сотвористе единому снзъ братїи Моїихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мат. XXV, 40)“...

„Противъ сего способа *богатѣть въ Бога*, нѣкоторые могутъ возразить, что имъ нельзя продать имѣніе и обратитъ оное въ милостыню: поелику оно нужно имъ для пропитанія себя и семейства. Уважимъ сію отговорку столько, сколько

она заслуживаетъ быть уважена. Осудимъ нерадѣніе о домашнихъ, и безчувственную холодность къ роднымъ, которая конечно уже не общаетъ челоуѣколюбія и къ чужимъ;— осудимъ строгостію Апостольскаго слова: *еще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. V, 8). Если тебѣ не дано свыше стремленія къ совершенной, добровольной нищетѣ: оставайся, доколѣ будетъ угодно Богу, богатымъ, смиряя между тѣмъ себя мыслию о своемъ несовершенствѣ по духу, а не возносясь по мудрованію плотскому. Пекись о родныхъ, о семействѣ, по обязанности, по любви естественной; но не забывай, что сія степень любви положена, дабы восходить на высшую степень любви къ Богу. *Богатый въ Бога*, хотя частію твоего богатства, посвящаемого на дѣла Богоугодныя и челоуѣколюбивыя; остальное же,—берегись, по крайней мѣрѣ, чтобы не *собирали себѣ* только, изъ любостыжанія, чтобы не умножать неправдою, чтобы не иждивать на роскошь и тщеславіе. Освящай твое стяжаніе, не присвоива онаго себѣ, но признавай оно даромъ Провидѣнія Божія, благодаря за оное Всещедрому Дателю Богу, не прилѣпляя своего сердца къ даянію, но непрестанно вознося оное къ Дателю, съ готовностію возвратити Ему оное, когда премудрая судьба Его потребуетъ“...

„Послѣ сего можно еще ожидать по настоящему предмету вопроса отъ тѣхъ, которые не пожертвовали богатствомъ Богу, потому что не имѣли онаго. А намъ, скажутъ, необидливый Богъ неужели не далъ способа богатѣть Ему, хотя бы въ нѣкоторый замѣнъ бѣдности, претерпѣваемой нами для себя?—Не сътуйте. Покажу и вамъ ваше богатство, которымъ если умѣть будете владѣть, не позавидуете никому изъ тѣхъ, которые почитаются богатыми. Посмотрите: вотъ открываетъ вашу неокрадомую сокровищницу Святой Апостолъ Іаковъ: *смышите, говоритъ, братіе моя возлюбленная, не Богъ ли избра ницїя мира сего богаты въ вѣрѣ, и наследники царствїя, еже обнща любящимъ Его* (Іак. II, 5)? Видите-ли?—Богатство вѣры, наследіе царствїя Божїя, — чего вамъ больше? Безъ сего богатства никакое другое не принесетъ пользы: при семъ богатствѣ никакой уронъ, никакое

лишеніе не важны, потому что и кратковременны, и бѣзмѣрно малы въ сравненіи съ сокровищами вѣры, съ наследіемъ царствїя небеснаго“...¹⁾

„Въ чемъ состоитъ истинное богатство челоуѣка?—такъ спрашиваетъ всѣмъ извѣстный протоіерей, о. Іоаннъ Кронштадтскій, и отвѣчаетъ: „въ образѣ и подобіи Божіемъ, а не въ имѣніи, не въ земляхъ, не въ деньгахъ, не въ разнаго рода земныхъ познанїяхъ и искусствахъ, или не въ имѣніи разнаго рода, не во множествѣ слугъ, не во множествѣ одеждъ, вообще благъ земныхъ, ибо все это тлѣнно и временно, а душа—образъ Божій—вѣчна, и богатство ея—добродѣтель, святыня, смиреніе, незлобіе, воздержаніе во всемъ, вѣра, надежда и любовь“²⁾. Итакъ, братіе, и богатые, и бѣдные вмѣстѣ, о богатствѣ вѣры христіанской прежде и болѣе всего попечемся въ настоящей жизни сей для того, чтобы всѣ мы могли и приобрѣсть, и умножить его, и неутраченнымъ сохранить въ непорочной жизни нашей. Тогда, конечно, „безъ скудости, безъ зависти другъ къ другу, безъ изнурительныхъ заботъ, въ мирномъ упованіи ожидать будемъ наследїя царствїя, которое уготовалъ Богъ любящимъ Его“. Аминь.

С Л О В О

въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы и въ день воспоминанія торжественнаго акта, происходившаго въ стѣнахъ Петровской Сельско-хозяйственной Академіи 21-го ноября 1893 года.

О взаимной связи храма со школой въ дѣлѣ христіанскаго духовнаго образованія.

Сегодня весь христіанскій родъ празднуетъ въ честь Преподобной Дѣвы Марїи по случаю введенія Ея, по исполненіи трехлѣтняго возраста съ Ея рожденія, въ ветхозавѣтный храмъ Божій для всецѣлаго и постояннаго посвященія Господу съ цѣлю благоугожденія Ему и личнаго Ея спасенія въ жизни.

¹⁾ Тамъ же. Стр. 299—302.

²⁾ „Моя жизнь во Христѣ“. Т. II. Стр. 246.

Въ этомъ случаѣ желаніе благочестивыхъ родителей Ея, Іоакима и Анны, которые, какъ извѣстно, заранѣе дали обѣтъ посвятить свое дитя, если оно родится отъ нихъ, Господу Богу,—это желаніе ихъ вполне увѣнчалось успѣхомъ. Дѣва Марія во время продолжительнаго пребыванія своего въ храмѣ,—благочестивое преданіе передаетъ намъ, что Она провела въ храмѣ цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ,—Дѣва Марія, говоримъ, получила въ немъ такое полное и совершенное образование, образованіе какъ духовное, такъ и тѣлесное, что удостоилась нѣкогда быть храмомъ Бога Вышняго. *Храмъ Тѣ чистъ и непороченъ, Приснодѣво Богородице*, — поетъ св. Церковь,—*Вседѣтель обрѣте едину лѣтъ отъ сына* (Окт. гл. 2, нед. полун. кан. п. 4, Богор.). По другому прекрасному выраженію, встрѣчающемуся въ церковныхъ пѣсняхъ, Она есть *одушевленный кивотъ Божій*, который, на подобіе ветхозавѣтнаго кивота, хранившаго въ себѣ божественное откровеніе, скрывалъ въ себѣ нѣкоторое время какъ Учредителя ветхозавѣтныхъ храмовъ со всѣми ихъ богослужебными обрядами и церемоніями, такъ и Учредителя новозавѣтныхъ храмовъ, въ которыхъ истинные поклонники покланяются Богу духомъ и истиною не въ Іерусалимѣ только или на горѣ Гаризимѣ (Іоан. IV, 21, 23), а и на всякомъ другомъ мѣстѣ. Таково было значеніе для Пресвятой Дѣвы ветхозавѣтнаго храма, который всецѣло, такъ сказать, отобразился въ Ней, въ Ея послѣдующей жизни и дѣятельности при храмѣ. Не напрасно, поэтому, св. Церковь называетъ Пресвятую Дѣву различными прообразовательными именами, относящимися къ храму, напр., „завѣсой“, „трапезой“, „ручкой“, „свѣщникомъ“, „кадильницей“ и т. п. Съ другой стороны, Дѣва Марія, съ тѣхъ поръ какъ стала Матерію Господа, имѣла на ветхозавѣтный храмъ и вообще на все ветхозавѣтное богослуженіе громадное вліяніе, — вліяніе въ томъ именно смыслѣ, что ветхозавѣтный храмъ въ это время потерялъ свою силу и значеніе, какія онъ имѣлъ до тѣхъ поръ въ родѣ человеческого, когда *прейде сънь законная благодати пришедшей* (догмат. 2 гл.). Св. Церковь, называя Пресвятую Дѣву, какъ одушевленный храмъ Божій, „вмѣстилищемъ Бога невмѣстимаго, селеніемъ преславнымъ Сущаго на серафимѣхъ“

(Акаѳ. Пресв. Бог. ик. 8), называетъ Ее также „святая святыхъ большею“ (тамъ же ик. 12).

Обращаясь отъ этихъ мыслей, навѣянныхъ нынѣшнимъ праздникомъ, къ вамъ, братіе, собравшимся въ этомъ святомъ храмѣ для принесенія вмѣстѣ съ просительными молитвами Царицѣ небесной также и благодарственныхъ молитвъ Господу Богу по случаю благополучно истекшаго года въ нашей Академіи, что мы можемъ сказать въ настоящія минуты по этому поводу? Прежде всего я хочу спросить васъ: для чего существуетъ этотъ храмъ Божій, преобразованный изъ приходской дотолѣ церкви во имя святыхъ первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла въ домовую церковь при нашей Академіи? Какая цѣль была въ томъ учредителей этого вышшаго учебнаго заведенія? Зачѣмъ, далѣе, къ нынѣшнему дню принаровлено было самое свѣтское торжество въ этомъ заведеніи, т. е., актъ или ученое собраніе, которое, послѣ церковнаго богослуженія въ храмѣ, происходило обыкновенно въ стѣнахъ Академіи,—актъ, воспоминаніе о которомъ и собрало многихъ изъ насъ сегодня въ храмъ Божій? Какая мысль была устроить этотъ актъ именно нынѣ, въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы? Мы не знаемъ точно, чѣмъ руководились въ этомъ случаѣ учредители этого торжества. Многое и разнообразное приходилось намъ слышать по этому поводу. Но, какъ бы то ни было, нельзя не отмѣтить здѣсь глубокой мысли, которая лежитъ въ этомъ, можетъ быть случайномъ, совпаденіи нынѣшняго общехристіанскаго праздника во всей Церкви Православной съ частно-церковнымъ и гражданскимъ торжествомъ, происходившимъ нѣкогда въ нашей Академіи.

Храмъ Мой—храмъ молитвы наречется (Мат. XXI, 13):—такъ сказалъ однажды Христосъ Спаситель о ветхозавѣтномъ храмѣ гдѣ священники приносили Богу разнообразныя жертвы умилоствленія и очищенія за грѣхи людей, гдѣ они совершали молитвы и моленія за этихъ послѣднихъ предъ престоломъ Божиимъ. Вотъ первая и главная цѣль существованія всякаго храма, какъ ветхозавѣтнаго, такъ и новозавѣтнаго, какъ христіанскаго, такъ и языческаго! Это именно—молитва. Правда, намъ могутъ возразить на это, что мо-

литься можно и вездѣ, не только въ храмѣ, но и дома; но мы должны сказать, что молиться въ храмѣ есть по преимуществу мѣсто удобное и приличное во всѣхъ отношеніяхъ. И, что бы ни говорили наши невѣрующіе люди, возстающіе противъ общественной молитвы въ храмѣ, какіе бы доводы ни представляли они намъ въ защиту теперешняго своего поведенія и въ опроверженіе давно укоренившагося христіанскаго обычая, говорящаго далеко не въ пользу исповѣдуемаго ими христіанства,—отъ всего этого, конечно, нисколько не умалится значеніе церковной молитвы, совершаемой въ храмѣ истинными христіанами, просвѣщаемыми и руководимыми въ своей жизни Духомъ Святымъ. Для образца приведемъ здѣсь личный отзывъ объ этой молитвѣ одного изъ такихъ подвижниковъ, всѣмъ извѣстнаго пастыря о. Іоанна Кронштадтскаго: „О, храмъ святой! — восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — сколь благо, сладостно въ тебѣ молиться! Ибо гдѣ пламенная молитва, какъ не въ стѣнахъ твоихъ, предъ престоломъ Божиимъ и предъ лицомъ Сѣдящаго на немъ! По-истинѣ, душа таетъ отъ умиленія молитвеннаго, и слезы по ланитамъ струятся, какъ вода“... 1).

Но,—мы должны замѣтить здѣсь, — молитва, равно какъ и самый храмъ, въ которомъ происходитъ она, не есть еще первая и главная цѣль человѣка на землѣ. Нѣтъ, это все только средства, ведущія къ этой цѣли. Достиженіе послѣдней заключается въ духовномъ образованіи человѣка, т. е., въ развитіи и укрѣпленіи имъ по возможности всѣхъ силъ и способностей своей души. Иначе эту цѣль можно выразить слѣдующими словами Священнаго Писанія: *святи будите, яко азъ святъ Господь Богъ вашъ* (Лев. XIX, 2); *будите вы совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мат. V, 48). Но какъ, скажите, какимъ путемъ легче и скорѣе всего можно, если уже не вполне достигнуть этой цѣли, то по крайней мѣрѣ стремиться къ ея достиженію въ продолженіи здѣшней жизни? Этотъ путь есть именно въ широкомъ смыслѣ слова Церковь, куда должны входить не только храмы, какъ учреж-

1) „Моя жизнь во Христѣ“, стр. 194—195.

денія божественныя, но и школы, какъ учрежденія человѣческія.

Первыя изъ упомянутыхъ нами учреждений, т. е., храмы, кромѣ того, что они суть дома Божіи, въ которыхъ Господь присутствуетъ всегда особеннымъ невидимымъ и чудеснымъ образомъ и въ которые вѣрующіе собираются на общественную молитву и общественныя богослуженія, суть, по словамъ покойнаго митрополита Московскаго Макарія, „главныя христіанскія училища; въ нихъ проповѣдуется и чрезъ нихъ распространяется то Божественное просвѣщеніе, которое необходимо намъ не только для жизни земной, но еще болѣе для жизни загробной; въ нихъ образуются и воспитываются не дѣти только и юноши, а цѣлыя массы народа, христіане всякаго возраста и пола, всѣхъ званій и состояній“ 1). Мало этого; они суть, по словамъ его же, „святилища нашей православной вѣры, въ которыхъ всѣ мы возрождаемся въ жизнь духовную, очищаемся отъ грѣховъ, освящаемся и преискренне соединяемся съ нашимъ Господомъ и Спасителемъ чрезъ вкушеніе Его пречистаго тѣла и пречистой крови“ 2). Если, какъ видно изъ этихъ словъ, храмы имѣютъ такое великое значеніе для всѣхъ насъ, какъ христіанъ православныхъ, то, безъ сомнѣнія, не малое значеніе въ дѣлѣ образованія нашего имѣютъ и школы, и, притомъ, всякія школы, каковы бы они ни были по своему характеру,—духовныя и свѣтскія, высшія, среднія и низшія. Въ нѣкоторомъ отношеніи они „могутъ и даже должны возвышаться до храма“, на примѣръ, въ „отношеніи къ цѣлямъ христіански—учительнымъ“ 3). По словамъ того же архипастыря, „школа и церковь (въ смыслѣ храма),—вотъ главныя мѣста нашего образованія! Вѣра и наука—вотъ наши истинныя образовательницы!“ Какъ-же, спрашивается, мы должны теперь смотрѣть на нихъ, какъ должны относиться къ нимъ въ своей жизни? Очевидно, что не съ предвзятою мыслию и предубѣжденіемъ или не съ затаенною враждою и ненавистію противъ кого-либо изъ нихъ. Нѣтъ!

1) Слова и рѣчи, произнесенныя въ Вильнѣ. Спб. 1890 г., стр. 16.

2) Тамъ же. Стр. 16—17.

3) „Митрополитъ Московскій Макарій (Булгаковъ), какъ проповѣдникъ“. В. Кипарисова. М. 1893 г. Стр. 63.

Какъ храмъ не мѣшаетъ, напротивъ, способствуетъ просвѣтительнымъ задачамъ школы, преслѣдуемымъ ею въ своей жизни: такъ, конечно, и школа. Послѣдняя „не есть только, такъ сказать, неизбежное зло человѣческаго *земного* существованія: она есть, какъ видимъ, *добро*, если уже ставится въ параллель съ церковью“¹⁾ или храмомъ. Подобно этому, конечно, должны разсматриваться вѣра и наука. Въ чемъ состоитъ задача истиннаго образованія человѣческаго? Въ томъ, чтобы „пробудить, развить, направить, приготовить силы и способности человѣка такъ, чтобы онъ могъ достойно выполнить не только земное свое назначеніе, но и небесное. Для первой цѣли служить преимущественно наука, хотя весьма много можетъ значить здѣсь и просвѣтительное вліяніе св. вѣры Христовой. Для послѣдней цѣли служить исключительно св. вѣра Христова, хотя и добрая наука можетъ подъ часть оказывать ей свое не малое содѣйствіе. Для первой цѣли устроятся школы, расадники просвѣщенія, святилища науки; для послѣдней цѣли создаются храмы Божіи, эти училища христіанскаго благочестія, эти святилища и сокровищницы Христовой вѣры и благодати... И только при ихъ совмѣстномъ, дружномъ, гармоническомъ дѣйствіи и вліяніи на насъ мы можемъ получить образованіе вполне человѣческое“²⁾. Отсюда ясно, что „храмъ и школа“ съ своими вѣрою и наукою „должны быть въ извѣстномъ смыслѣ *нераздѣлимы*, такъ какъ *вѣчное назначеніе* человѣка достигается только *правильной* дѣятельностью *во временной жизни*, а не однимъ отрицаніемъ ея; слѣдовательно, должны же быть, такъ сказать, счеты съ условіями этой жизни; подобно тому, какъ и наоборотъ, временная жизнь обезсмысливается, когда она разсматривается сама въ себѣ послѣднею цѣлію бытія, и когда школьное ученіе разсматривается, какъ не нуждающееся въ ученіи храма“³⁾.

Если сравнить теперь законъ Божій, какъ предметъ обученія въ школѣ, съ науками человѣческими, то, не отрицая

1) Тамъ же.

2) Тамъ же. Стр. 63—64. Слова Макарія.

3) Тамъ же.

здѣсь достоинства и значенія перваго, нельзя будетъ не признать, что эти послѣднія „имѣютъ задачей обогатить чело- вѣка разнородными познаніями, хотя, по естественной связи истины съ добромъ, науки не могутъ не вліять и на образова- ніе сердца“, т. е., иначе сказать, нравообразовательно¹⁾. „Но, какъ извѣстно, наша русская школа, въ противоположность западнымъ, такъ называемымъ, безконфессіональ- нымъ школамъ, предоставлена не только наукѣ, но и про- свѣщенію религіозному“²⁾ въ лицѣ того же закона Божія, который преподается въ нихъ наравнѣ съ прочими науч- ными предметами и который, „просвѣщая нашъ разумъ свѣ- томъ сверхъестественнаго ученія, преимущественно имѣетъ цѣлію пробудить, развить, направить и утвердить наши нрав- ственныя силы, образовать наше сердце и приготовить изъ насъ не только добрыхъ людей, но и благочестивыхъ хри- стіанъ“... „Отсюда является вопросъ: можетъ быть для рус- скаго просвѣщеннаго человѣка, прошедшаго школу, храмъ, какъ училище, становится излишнимъ? Этимъ вопросомъ“, нужно замѣтить, „задавался“ еще „покойный“ архіепископъ „Никаноръ, по поводу встрѣчающихся, по его свидѣтельству, въ образованномъ обществѣ мнѣній, что въ храмѣ, въ про- повѣдяхъ имъ нечего слушать: они, будто, знаютъ это со школьной скамьи“³⁾. Какъ же разрѣшается этотъ вопросъ съ христіанской точки зрѣнія? „Если обратить вниманіе на соотношеніе между школьнымъ ученіемъ истинамъ вѣры и храмовымъ ученіемъ, то“ окажется, что „и при школь- номъ ученіи храмовое ученіе въ русской церкви не можетъ быть излишнимъ“⁴⁾. Въ самомъ дѣлѣ, „одного изученія За- конна Божія еще не достаточно, чтобы всѣ“, проходящіе шко- лу, „могли дѣйствительно придти ко Христу“, могли получить полное религіозно-христіанское воспитаніе: ибо задача этого послѣдняго двояка: „первая — пробудить и прояснить рели- гіозное сознаніе въ чело-вѣкѣ, просвѣтить его умъ свѣтомъ

1) Тамъ же.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же. Стр. 65.

Евангелія, раскрыть предъ нимъ истины христіанской вѣры, заповѣди христіанской любви, обѣты христіанской надежды, а вторая—пробудить и воспитать религиозное чувство въ чловѣкѣ, дѣйствительно насадить въ самомъ сердцѣ его христіанскую вѣру, укоренить христіанскую любовь, утвердить христіанскую надежду. Для первой цѣли служить и можетъ служить преимущественно школа, для второй — всего болѣе можетъ служить храмъ, который потому-то издревле называется училищемъ христіанскаго благочестія. Здѣсь, во храмѣ, христіанство является предъ нами не въ видѣ только божественнаго ученія и отвлеченныхъ истинъ, а преимущественно въ чувственныхъ осязательныхъ формахъ... Но мало того, что во храмѣ христіанство является предъ нами въ осязательныхъ формахъ, дѣйствующихъ на воспитаніе нашего религиознаго чувства, здѣсь предъ нами христіанство — въ самыхъ своихъ таинствахъ и дѣйствуетъ на насъ непосредственно силою этихъ таинствъ...¹⁾ Такъ, напримѣръ, „въ школахъ объясняютъ намъ, что всѣ мы нравственно немощны, что безъ помощи благодати Божіей мы не въ силахъ ни истинно вѣровать во Христа, ни любить Его, ни вообще творить что-либо христіански — доброе. Здѣсь“ же, во храмѣ, „самая сокровищница для насъ божественной благодати; здѣсь благодать изливается на насъ чрезъ всѣ таинства церкви; здѣсь постоянно обитаетъ для насъ, какъ въ избранномъ домѣ своемъ на землѣ, Самъ Господь Богъ, обитаетъ преизбыткомъ Своей благодати и преподаетъ ее всѣмъ жаждущимъ и просящимъ“¹⁾... „Такимъ образомъ, на долю ученія въ храмѣ по сравненію со школой падаютъ еще, такъ сказать, *высшія* задачи христіанскаго ученія, тогда какъ школы принадлежатъ подготовительная сторона ученія, въ которой христіанство является какъ бы предметомъ знанія, но еще не жизни; тамъ — теорія спасенія, здѣсь — совершеніе спасенія: вотъ соотношеніе между школьнымъ ученіемъ религіи и ученіемъ во храмѣ!..²⁾ Вотъ та взаимная тѣсная связь между школой

¹⁾ Слова и рѣчи Макарія, митрополита Московскаго, произнесенныя въ Вильнѣ. Стр. 98—100.

²⁾ „Митрополитъ Московскій Макарій, какъ проповѣдникъ“. В. Кларисова. Стр. 65.

и храмомъ, какая должна постоянно существовать между ними!.. Не эта-ли связь имѣлась въ виду учредителями Петровской Сельскохозяйственной Академіи, хотя, можетъ быть, и не сознавалась ими ясно и отчетливо въ то время, когда этотъ святой храмъ приписанъ былъ въ качествѣ домовый при Академіи церкви, когда самое свѣтское торжество, разумѣемъ именно актъ, происходившій въ ея стѣнахъ, принаровленъ былъ къ нынѣшнему христіанскому празднику, совершаемому всею православною Церковію? Да, повторяемъ, здѣсь лежитъ глубокая и важная мысль! Что-же, спросимъ, оправдались въ этомъ случаѣ надежды учредителей нашей Академіи? Увы! Какъ ни прискорбно высказывать здѣсь, а все же мы должны высказать ту горькую и всѣмъ уже извѣстную истину, что наша Академія, не смотря на продолжительное свое существованіе, подлежитъ вскорѣ, по окончаніи этого учебнаго года, временному закрытію. Нынѣ Петровская Сельскохозяйственная Академія въ послѣдній разъ справляетъ свой церковный праздникъ, вспоминая о свѣтскомъ торжествѣ, нѣкогда происходившемъ въ ея стѣнахъ, и, притомъ, справляетъ не съ такимъ уже внѣшнимъ благолѣпіемъ и не среди такого многочисленнаго собранія, какъ это было въ прежнее время. Пройдетъ еще два мѣсяца и наша Академія потеряетъ, можетъ быть, даже самое имя, которое она носитъ сейчасъ на себѣ. Гдѣ же искать намъ причины этого печальнаго событія въ жизни Академіи? Эта причина, по нашему мнѣнію, заключается именно въ томъ, что въ нашей Академіи, во все время ея историческаго существованія, не замѣчалось вышеуказанной близкой и тѣсной, живой и благотворной связи между вѣрою, выразительницей которой является храмъ, и между наукой, выразительницей которой является школа. Во все это время между ними не было никакого внутренняго соотношенія, кромѣ лишь внѣшняго, чисто случайнаго и необходимаго. Каждая изъ нихъ шла своею особою дорогою и жила своею особою жизнью, преслѣдуя свои спеціальныя задачи и цѣли среди тѣхъ людей, которые соприкасались съ ними въ дѣлѣ своего образованія. И вотъ на глазахъ всѣхъ насъ печальные результаты этой жизни и несогласія во взглядахъ и убѣжденіяхъ людей на

двоюкаго рода просвѣтительныя средства, существующія въ Церкви и дарованныя намъ Самимъ Богомъ для нашего истиннаго духовнаго образованія!.. Такъ, вполнѣ оправдалось надъ нами въ этомъ случаѣ изреченіе древняго пророка: *еще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудившася зиждущий; еще не Господь сохранитъ градъ, всеу днь стрейй* (Пс. 126, 1).

Братіе—христіане! Благодаря Бога, по случаю благополучно истекшаго года въ нашей Академіи, если уже не за общее направленіе жизни ея въ учебно-воспитательномъ отношеніи, которое (направленіе) было, можно сказать, не совсѣмъ правильно и нормально, то, по крайней мѣрѣ, за тѣ немногія крупныя истины и добра, которыя видѣла она въ продолженіе этого года и которыя отчасти перепали на долю ея воспитанниковъ и прежде, присоединимъ къ нашимъ благодарственнымъ молитвамъ также и просительныя къ Богу молитвы о томъ, чтобы на будущее время, если только Онъ продлитъ жизнь нашей Академіи, никогда не оскудѣвала въ ней взаимная связь между вѣрой и наукой, а всегда пребывала и наглядно выражалась въ достойномъ отношеніи представителей ея къ храму и школѣ. Молясь нынѣ такъ объ Академіи, не забудемъ, что въ этомъ заключается вѣрный залогъ прочности и благосостоянія ея на всѣ времена. Помолимся усердно и Царицѣ небесной, Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ,—этой первой по Богъ Ходатаицѣ и Заступницѣ всего рода человѣческаго,—помолимся о томъ, чтобы Она помогла намъ не въ школѣ только, во время кратковременнаго пребыванія нашего въ ней, а и на всѣхъ путяхъ нашей жизни, какія только ни выпадутъ на нашу долю, какъ земныхъ странниковъ и пришельцевъ, ощутить въ себѣ близость и благотворность храма Божія, чтобы и мы, на подобіе Ея, могли содѣлаться нѣкогда достойными храмами для воспріятія въ себя Божества и, чрезъ то, прославленія Его въ своей жизни (1 Кор. VI, 19—20). Аминь.

С Л О В О ¹⁾

при отпѣваніи въ Бозѣ скончавшагося Космы Амплеевича Кречетова,
27-го ноября 1893 года.

Блаженни мертви, умирающіи о Господь отнынь. Ей, глаголетъ Дуахъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними (Апок. XIV, 13).

Такой „голосъ съ неба“ слышалъ однажды въ откровеніи св. Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, когда находился въ заточеніи на островѣ Патмосѣ,—голосъ, вождѣлѣнный для человѣка, и особенно для человѣка — христіанина, который, по слову другого Апостола Христова—Павла, если живетъ, то для Господа долженъ жить; если же умираетъ, то для Господа долженъ умирать; и потому, живетъ-ли, умираетъ-ли, всегда долженъ быть Господень (Римл. XIV, 7, 8).

Блаженни мертви, умирающіи о Господь отнынь. Кого должно разумѣть здѣсь подъ этими словами Апостола? Кто это „умирающіе о Господѣ“, которыхъ онъ называетъ „блаженными“? Это, конечно, тѣ изъ людей, которые, при жизни своей на землѣ нося на себѣ высокое званіе христіанъ православныхъ, удостоиваются, по окончаніи земного своего поприща, христіанской кончины, которые „умираютъ съ вѣрою въ Господа, съ упованіемъ на Его милосердіе, съ сокрушеніемъ о своихъ грѣхахъ, съ рѣшительнымъ желаніемъ, если Господь продлитъ имъ вѣку, жить въ славу Господа“. ²⁾ Всѣ такіе люди, по-истинѣ, блаженны, хотя бы они и въ поздній часъ жизни своей вступили на путь покаянія и спасенія. Милосердный Господь, какъ извѣстно изъ притчи Его, приходящихъ къ Нему въ одиннадцатый часъ одинаково награждаетъ Своимъ благоволеніемъ, какъ и тѣхъ, которые съ перваго часа работаютъ въ Его вертоградѣ, т.-е., съ ранняго

¹⁾ Произнесено въ Воскресенской, что на Остоженкѣ въ Москвѣ, церкви.

²⁾ Сборникъ для любителей духовнаго чтенія“, прот. В. Печаева. М. 1884 г. Стр. 575—576.

возраста служить Ему. Далъ бы Богъ каждому изъ насъ по крайней мѣрѣ хотъ умереть по христіански, „о Господѣ“, т.-е., съ живою вѣрою въ Него въ сердцѣ и съ теплою молитвою на устахъ, если уже мы жили не о Господѣ, т.-е., если не руководились въ жизни своей этою вѣрою, иначе сказать, если содержали ее только въ одномъ умѣ, не исповѣдуя и не обнаруживая ее въ жизни дѣлами своими. „Но опытъ, къ сожалѣнію, показываетъ, что рѣдко умираютъ о Господѣ тѣ, которые жили не о Господѣ. Поэтому никто не долженъ льстить себя надеждою окончить нехристіанскую жизнь христіанскою смертію“. ¹⁾ Бываютъ, конечно, исключенія изъ этого общаго порядка жизни человѣческой, но эти исключенія во всякомъ случаѣ рѣдки и являются особенными путями Промысла Божія, пекущагося о людяхъ. Если человекъ грѣшный и беззаконный умираетъ, повидимому, смертію праведника здѣсь—на землѣ; то онъ тѣмъ большому наказанію подвергается тамъ—на небѣ. Наоборотъ, если вѣрующаго и благочестиваго христіанина постигаетъ неожиданная или, судя по нашимъ понятіямъ, неестественная смерть, то это еще не порогъ ²⁾. По словамъ святыхъ отцовъ и учителей Церкви, такая смерть (т.-е. скоропостижная) „нерѣдко посылается благочестивымъ людямъ для заглаженія ихъ грѣховъ, чтобы, наказавъ ихъ здѣсь за нѣкоторые ихъ малые грѣхи, дать возможность блаженствовать вѣчно тамъ“. ³⁾ Но для того, чтобы человекъ не предавался безпечности и не льстилъ себя мнимою надеждою, что, какъ бы онъ ни жилъ здѣсь на землѣ, стоитъ ему только искренно раскаяться во грѣхахъ своихъ передъ смертію, и онъ получитъ прощеніе ихъ отъ Господа, слѣдовательно и блаженную участь въ будущей жизни,—для этого-то св. тайновидецъ Іоаннъ Богословъ, говоря о блаженствѣ умирающихъ о Господѣ, прибавляетъ: *ей, малолетъ Духъ, да почіють отъ трудовъ своихъ; дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними.* „Стало быть, онъ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Св. Іоан. Злат. къ Антиох. нар. бес. 12, стр. 296.

³⁾ Прологъ. Іюль, 21 ч. стр. 105 „Годичный кругъ поученій“ Свящ. І. Долинскаго. Стр. 365.

имѣеть въ виду не столько кратковременно, предъ самымъ отшествіемъ въ вѣчность, потрудившихся для Господа, сколько тѣхъ, которые долговременными, всю жизнь продолжавшимися подвигами угожденія Господу засвидѣтельствовали предъ Нимъ, что достойно воспріять отъ Него вѣчный покой“. ¹⁾ Да, мало и недостаточно того, чтобы только вѣровать въ Бога и надѣяться на Него, что Онъ даруетъ намъ покаяніе во грѣхахъ своихъ предъ кончиною, какъ это многіе изъ насъ думаютъ теперь, еще далекіе, можетъ быть, отъ тѣлесной смерти;— мало и недостаточно, говоримъ, потому что неизвѣстно, сподобимся-ли мы участи благоразумнаго разбойника, покаявшагося на крестѣ, съ котораго онъ произнесъ всего только нѣсколько словъ, за что и получилъ царство небесное. Немногимъ изъ насъ удастся искренно, сердечно покаяться во грѣхахъ своихъ передъ смертію. Намъ нужно, кромѣ того, постоянно трудиться и работать для своего вѣчнаго спасенія, нужно сообразовать жизнь свою согласно своего званія, т.-е., какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, „поступать достойно званія, въ которое мы призваны, со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію и долготерпѣніемъ, снисходя другъ къ другу любви, стараясь сохранять единство духа въ союзѣ мира“ (Еф. IV, 1—3); нужно, однимъ словомъ, совершать добрыя дѣла, для которыхъ мы, по словамъ того-же Апостола, „созданы во Христѣ Іисусѣ, да въ нихъ ходимъ“, для того, чтобы эти самыя дѣла, послѣ нашей смерти, „ходили въ слѣдъ насъ“ и могли такъ или иначе рѣшить вѣчную участь нашу, предопредѣленную намъ Господомъ...

Обращаясь теперь къ этому, подлежащему намъ, гробу, что мы можемъ сказать по поводу вышеприведенныхъ и сейчасъ разъясненныхъ нами словъ Апостола? Почившій рабъ Божій Косма, бездыханное тѣло котораго лежитъ предъ нами въ этомъ гробѣ, можетъ-ли надѣяться на то *блаженство*, которое обѣщано въ словѣ Божіемъ всѣмъ „умирающимъ о Господѣ“? Судя прежде всего по его кончинѣ, а затѣмъ по его жизни, которая намъ болѣе или менѣе достаточно извѣстна, мы можемъ по всей справедливости сказать, что да. Обра-

¹⁾ См. вышеупомянутый сборникъ прот. В. Нечаева.

тимъ вниманіе сначала на его кончину. Эта кончина была, можно сказать, истинно-христіанская, — такая, какая рѣдко встрѣчается среди людей, носящихъ подобное званіе. Почившій рабъ Божій Косма былъ, какъ намъ хорошо извѣстно, человекъ истинно-вѣрующій и, какъ такой, отошелъ ко Господу съ полною вѣрою и любовію къ Нему и, подобно евангельскимъ рабамъ, *ближимъ и страннымъ*, которые воспользовались дарованными имъ талантами для пріобрѣтенія себѣ другихъ на землѣ, „вошелъ въ радость Господа своего“ (Мат. XXV, 21—23). Въ чемъ-же проявилась эта вѣра почившаго въ Господа, — вѣра живая, искренняя и глубокая? Она проявилась, во-первыхъ, въ томъ, что онъ удостоился передъ смертію своею, еще находясь въ полномъ сознании и памяти, преискренне соединиться съ своимъ Господомъ въ величайшемъ и спасительномъ таинствѣ причащенія тѣла и крови Его, о которыхъ Онъ Самъ засвидѣтельствовалъ нѣкогда предъ учениками Своими такъ: *ядый Мою плоть, и пійи Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ. Ядый Мою плоть, и пійи Мою кровь, имать животъ вѣчный, и на судъ не придетъ, но преидетъ отъ смерти въ животъ* (Іоан. VI, 56, 54;—V, 24.). Затѣмъ, кромѣ этого таинства, онъ удостоился также и другого церковнаго таинства, именно: таинства св. елеосвященія или соборованія, которое, по словамъ св. Апостола Іакова, „исцѣляетъ немощи не только тѣлесныя, но и душевныя“ (Іак. V, 14—15).¹⁾ Наконецъ, на ту же самую вѣру и любовь почившаго къ Господу Спасителю указываетъ, безъ сомнѣнія, и то обстоятельство, что онъ еще задолго до своей кончины, въ послѣдніе дни своей жизни, занимался чтеніемъ богодухновенной псалтири, тѣхъ несравнимыхъ ни съ чѣмъ земнымъ по своему благотворному значенію псалмовъ царя Давида, которые вполне могутъ утѣшать и услаждать душу въ различныхъ обстоятельствахъ жизни человѣческой на землѣ, незамѣтно такимъ образомъ для другихъ, а, можетъ быть, и для самого себя приготавливая свою душу къ исходу изъ здѣшней—земной жизни въ будущую—небесную, тѣло же свое къ истинно-христіанской кон-

¹⁾ Простран. христ. катих.

чинѣ, которой, какъ мы видимъ, онъ и удостоился по волѣ своего Господа.

Но не одна, какъ мы сказали, кончина, хотя бы она была и праведная, истинно-христіанская кончина, обеспечиваетъ людямъ блаженство въ будущей загробной жизни. Нѣтъ, вмѣстѣ съ кончиною въ этомъ отношеніи должна разсматриваться и вся предшествующая жизнь почившаго. Здѣсь имѣетъ значеніе, по словамъ Апостола, жизненный подвигъ человека—христіанина, его *труды*, предпринимаемые имъ здѣсь на землѣ, его *дѣла*, совершаемые имъ во славу Божию, для блага ближнихъ и для своего собственного душевнаго спасенія. Вотъ что главнымъ образомъ обеспечиваетъ блаженство въ нѣкоторой степени еще въ этой жизни, въ полной же и окончательной степени въ той, которая наступитъ, какъ извѣстно, послѣ втораго и славнаго пришествія Христова на землю и послѣ страшнаго и послѣдняго суда Его надъ всѣми людьми!.. Что же мы можемъ сказать въ этомъ отношеніи про почившаго раба Божія Косму? Жизнь его въ послѣднее время вращалась не среди общественнаго центра людскихъ отношеній, не въ той сферѣ, гдѣ возникаютъ важные политическіе вопросы, рѣшающіе судьбу нашего отечества; нѣтъ, она протекала главнымъ образомъ въ тихой и уединенной семьѣ, которой онъ всецѣло отдался и для которой онъ жилъ исключительно. Правда, раньше, какъ и всѣ другіе, подобные ему люди, онъ занималъ извѣстное общественное положеніе; но въ настоящее время мы, говоря о значеніи его жизненнаго подвига въ отношеніи къ вѣчной его участи, хотимъ коснуться не столько этого раннѣйшаго періода его жизни, сколько того, позднѣйшаго. Да, мы хотимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о той роли, какую онъ игралъ въ своей семьѣ, и о томъ вліяніи, какое онъ имѣлъ на нее, во все время своей жизни,—и тогда, когда еще находился на общественной службѣ, и въ особенности тогда, когда сошелъ уже со сцены въ качествѣ общественнаго дѣятеля! Намъ могутъ, пожалуй, на это возразить: представляетъ-ли для другихъ людей, постороннихъ и незнакомыхъ съ жизнію почившаго, что-нибудь особенно важнаго, въ смыслѣ назиданія, эта внутренняя жизнь его, которою онъ жилъ столь долгое время? Да имѣемъ-ли

мы, скажутъ нѣкоторые, еще право входить въ нее безъ всякаго на то дозволенія и согласія? Конечно,—такъ мы должны отвѣтить на первое изъ возраженій,—для людей, которые привыкли обращать вниманіе на внѣшнее величіе человѣка и по нему судить о достоинствѣ этого послѣдняго, для такихъ людей, дѣйствительно, можетъ показаться ничтожнымъ и не стоящимъ никакого вниманія наше обращеніе къ внутренней жизни почившаго для извлеченія себѣ оттуда уроковъ назиданія; но мы имѣемъ въ виду здѣсь главнымъ образомъ христіанъ православныхъ не на словахъ только, а и на дѣлѣ, — христіанъ, руководящихся въ жизни своей не столько внѣшними отличіями и преимуществами, сколько внутренними побужденіями къ исполненію своего христіанскаго долга, составляющаго, при условіи неуклоннаго выполненія его, драгоценное ихъ украшеніе въ видѣ многообразныхъ христіанскихъ добродѣтелей. А для такихъ людей, какъ мы думаемъ, нашъ голосъ будетъ имѣть какое-либо значеніе: по крайней мѣрѣ, онъ будетъ выслушанъ ими со вниманіемъ, если уже не съ рѣшимостію послѣдовать ему въ жизни. Что же касается теперь того возраженія: имѣемъ-ли мы право входить здѣсь во внутреннюю область почившаго,—область, какъ извѣстно, темную и недоступную никому, кромѣ одного духа, живущаго въ человѣкѣ (1 Кор. II, 11); то,—да проститъ мнѣ почившій рабъ Божій Косма, при жизни своей никогда не любившій похвалъ, а тѣмъ болѣе, конечно, не нуждающійся въ нихъ теперь, послѣ своей смерти, если я коснусь этой области не ради восхваленія его, а ради собственнаго назиданія и утѣшенія его близкихъ родственниковъ! Для меня эта область была болѣе открыта, нежели кому-либо другому. Поэтому я и долженъ повѣдать о ней здѣсь всѣмъ безъ утаенія...

Почившій рабъ Божій Косма былъ, если можно такъ выразиться, патріархомъ или родоначальникомъ благословеннаго Богомъ семейства. Говоримъ: *благословеннаго Богомъ семейства*, и говоримъ не безъ основанія. Это благословеніе Божіе почившій видѣлъ не въ томъ только, что имѣлъ возможность родить многочисленныхъ дѣтей, но главнымъ образомъ въ томъ, что умѣлъ воспитать ихъ не только въ наукахъ и

знаніи человѣческомъ, что нынѣ не рѣдкость, но и въ духѣ и подъ руководствомъ св. православной Церкви. Къ сожалѣнію, эту послѣднюю задачу христіанской семьи стали все болѣе и болѣе упускать изъ виду христіанскіе родители. На нее совсѣмъ перестали они обращать вниманіе при мысли объ образованіи и воспитаніи своихъ дѣтей. Съ каждымъ годомъ все меньше и меньше становится такихъ, по-истинѣ, благословенныхъ Богомъ семей русскихъ; все рѣже и рѣже становятся ряды русскихъ дѣятелей, воспитанныхъ въ строгомъ православно-христіанскомъ духѣ. А отчего, спрашивается? Оттого, что на семью нынѣ стали не такъ смотрѣть, какъ смотрѣли на нее прежде и какъ слѣдуетъ на нее смотрѣть съ истинно-христіанской точки зрѣнія. Думаютъ, что семья — это нѣчто отличное отъ Церкви и не сродное ей. Поэтому, при вступленіи въ семейную жизнь, нынѣ стараются по большей части обойтись безъ могучаго и благотворнаго вліянія св. Церкви, какое она имѣетъ на жизнь человѣческую вообще. А между тѣмъ, семья и Церковь, это — двѣ, такъ сказать, сродныя области, восполняющія одна другую и одна безъ другой не могущія существовать безъ взаимнаго ущерба. Не напрасно, поэтому, св. Апостолъ Павелъ называетъ семью *домашнею церковью*, когда, на примѣръ, писалъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ: „привѣтствуютъ васъ усердно въ Господѣ Агила и Прискилла съ домашнею ихъ церковію“ (1 Кор. XVI, 19). Таково значеніе Церкви и семьи порознь и вмѣстѣ въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія и образованія людей. Такая именно живая и тѣсная связь между ними замѣчалась въ жизни почившаго при проведеніи имъ всякій разъ воспитательныхъ принциповъ.

Затѣмъ, на семью нынѣ смотрятъ обыкновенно въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ. При вступленіи въ нее обыкновенно задаются цѣлями своекорыстными и эгоистическими: какъ бы получше, въ смыслѣ внѣшняго удобства и наслажденія благами міра сего, пожить для себя въ свое только удовольствіе здѣсь — на землѣ. О какомъ-нибудь семейномъ идеалѣ или счастьи, къ которому еще нужно стремиться, конечно, нѣтъ тутъ и помину, при такомъ именно образѣ понятія и отношенія къ Церкви современныхъ христіанскихъ родителей. Въ се-

мейную жизнь люди вступаютъ какъ бы въ роскошный садъ, въ которомъ срываютъ одни только цвѣты удовольствія, а не какъ въ рай, который, по слову Божию, нужно сначала тщательно „хранить и воздѣлывать“ для того, чтобы онъ приносилъ потомъ вожделѣнные плоды. А между тѣмъ истинная семейная жизнь, какою она должна быть у всѣхъ людей, есть рай или садъ, въ которомъ растутъ не только пышныя розы, но и колючія тернія. Скажемъ болѣе: истинно-христіанская семейная жизнь, это своего рода крестъ, крестъ тяжелый и упорный, который несетъ христіанинъ на своихъ плечахъ въ продолженіе иногда довольно долгаго времени на землѣ. И какъ безбрачіе или одиночество не всякому доступно въ жизни: по слову Христа Спасителя „не всѣ вмѣщаютъ“ это, „но кому дано. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ“ (Мат. XIX, 11, 12): такъ точно, можно сказать, брачная или семейная жизнь есть своего рода достояніе избранныхъ людей, которымъ даетъ Господь особыя силы и дарованія. Истинные христіане знаютъ это по своему внутреннему опыту. Вѣдомы были, какъ извѣстно, вѣдомы какъ нельзя болѣе, нежели кому-либо другому, почившему рабу Божию Космъ эти указанныя нами преимущества и недостатки семейной жизни, эта, такъ сказать, свѣтлая и мрачная ея сторона. Онъ зналъ, какъ радости, такъ и горести ея, въ одинаковой степени. И съ какимъ бывало живымъ сочувствіемъ онъ отзывался на вопросъ всякаго, обращенный къ нему съ этой стороны! Такъ глубоко проникнуть былъ онъ духомъ семейной жизни, въ которую нѣкогда вступилъ и которая была, можно сказать, его родною стихіею: ею онъ жилъ постоянно, воодушевляясь самъ и воодушевляя другихъ, — жилъ, какъ въ то время, когда находился на общественной службѣ, такъ и въ то особенно время, когда уже вышелъ съ нея...

При вопросѣ о значеніи христіанской семьи въ отношеніи къ почившему нельзя не указать здѣсь еще на связь ея съ государствомъ или обществомъ человѣческимъ. Есть люди, которые думаютъ, что разъ они находятся въ обществѣ, занимаютъ какое-либо видное положеніе въ государствѣ, то семья здѣсь не при чемъ, какъ играющая будто бы второстепенную роль. Правда-ли это? Правда-ли, что семья не

имѣеть въ этомъ случаѣ прямого и непосредственнаго своего значенія и государство или общество стоитъ особнякомъ? Нѣтъ, неправда! Что-такое, спросимъ, государство и семья? Если сравнивать ихъ между собою, то первое, т.-е., государство, можно представить подъ образомъ цѣпи, состоящей изъ безчисленнаго множества звеньевъ, входящихъ въ нее; а вторую, т.-е. семью, должно представить подъ образомъ отдѣльныхъ звеньевъ этой длинной цѣпи. И какъ, слѣдовательно, нельзя отдѣлить звенья отъ обыкновенной какой-либо металлической цѣпи, безъ того, чтобы она не разрушилась совсѣмъ въ своемъ составѣ: такъ точно нельзя раздѣлять столь близкихъ и тѣсныхъ между собою государства и семьи. Откуда первое получаетъ людей, занимающихъ то или другое общественное положеніе въ жизни? Откуда, какъ не изъ семьи? Да, изъ среды ея выходятъ различные общественные дѣятели! И смотря по тому, какое вліяніе произведетъ она сначала на нихъ въ своей частной или домашней жизни, такое же вліяніе отразится затѣмъ и въ общественной сферѣ ихъ дѣятельности. Стало быть, въ высшей степени неправы тѣ люди, которые думаютъ и говорятъ, что, помимо семьи, можно вступить въ общественную жизнь и дѣятельность и имѣть значеніе въ качествѣ учителей и руководителей народныхъ, и что, напротивъ, кто только предается интересамъ семьи, живя семейною жизнью, не имѣетъ уже такого значенія, какъ тотъ, кто, живя по преимуществу общественною жизнью, предается радѣнію о благѣ народномъ. Если смотрѣть съ точки зрѣнія такихъ людей на почившаго раба Божія Косму, то окажется, что послѣдній не имѣлъ никакого значенія. Онъ, какъ извѣстно, не занималъ какихъ-либо видныхъ общественныхъ должностей въ этой жизни, живя по большей частію тихою, уединенною и сосредоточенною, семейною жизнью. Но неужели про него можно сказать, что его жизнь и дѣятельность въ этомъ отношеніи не имѣла ровно никакого значенія, что онъ напрасно бременилъ собою землю столь долгое время? Нѣтъ, конечно! Такъ говорить было бы въ высшей степени несправедливо. Не смотря на то, что онъ имѣлъ въ послѣднее время такую скромную дѣятельность, въ качествѣ отца многочисленнаго семейства, заботящагося

прежде и болѣе всего объ его нравственномъ благосостояніи, а затѣмъ уже о физическомъ и матеріальномъ,—не смотря на это, онъ, безъ преувеличенія можно сказать, сослужилъ не малую службу Церкви и государству въ томъ именно отношеніи, что умѣлъ воспитать своихъ дѣтей, главнымъ образомъ, сыновей, въ духъ и подъ руководствомъ Матери нашей св. православной Церкви. А это уже, какъ извѣстно, великая и благодѣтельная заслуга съ его стороны, особенно въ наше время при расшатанности нравственныхъ основъ всякой вообще семьи.

Къ вамъ, благочестивыя дѣти, собравшіяся вокругъ этого гроба изъ ближнихъ и дальнихъ странъ нашего отечества, къ вамъ обращаюсь въ настоящія минуты отъ лица покойнаго вашего родителя съ искреннѣйшею и усерднѣйшею просьбою. Вамъ, какъ людямъ образованнымъ, должно быть извѣстно болѣе, нежели кому-либо другому, о томъ, что христіанская семья теперь все болѣе и болѣе разрушается и падаетъ. Поддержите же, поддержите этотъ, родной вамъ по духу, завѣтъ, ясно и громко говорящій о близкой и тѣсной связи семьи съ Церковію и государствомъ. Напечатлѣйте его какъ можно глубже въ вашихъ юныхъ и нѣжныхъ сердцахъ и старайтесь проводить его какъ можно чаще, если только не всегда, въ вашей жизни. Для этого никогда не раздѣляйтесь въ жизни, а какъ можно крѣпче и дружиѣ сомкнитесь вокругъ себя, чтобы дѣйствовать всѣмъ вамъ заодно и общими силами. Помните, что никогда вы столько не можете сдѣлать для блага отечества разрозненными силами, сколько можете сдѣлать для него силами совокупными. Если вы будете такъ именно дѣйствовать, то въ этомъ будетъ состоять истинная честь и похвала ваша, не только какъ вообще людей, настоящихъ гражданъ земного отечества, но и какъ христіанъ православныхъ, будущихъ гражданъ небеснаго отечества. Для покойнаго же вашего родителя это будетъ служить залогомъ къ полученію имъ вѣчнаго блаженства въ загробной жизни. Какимъ образомъ? А такимъ, какъ говоритъ св. Апостоль, что всѣ „умершии о Господѣ, почивотъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ ихъ“. Вотъ тѣ, по-истиннѣ, живыя дѣла, идущія вслѣдъ почившаго,—дѣла, совершенныя

имъ при жизни для вашего христіанскаго образованія и воспитанія и продолжаемая вами въ томъ же духѣ и направленіи при образованіи и воспитаніи вашихъ собственныхъ дѣтей. *Блаженъ же путь, въ онъже идеши днесь, душе, умершаго о Господѣ, почившаго отъ трудовъ своихъ, раба Божія Космы, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія* ¹⁾! Аминь.

С Л О В О

въ день Рождества Христова 25-го декабря 1893 года.

О томъ, какіе дары мы — земнородные можемъ приносить Христу Богочеловѣку

Что ти принесу, или что ти воздамъ, всликодаровитый безсмертный царю, щедре и человеколюбче Господи, яко... обращеніе и спасеніе души моея строиши (4-я молитва на сонъ грядущимъ).

Мы празднуемъ нынѣ Рождество Христово. Обыкновенно, въ день празднованія рожденія всякаго человѣка присутствующіе на этомъ праздникѣ выражаютъ свою радость принесеніемъ подарковъ въ честь новорожденного. Что же мы, православные христіане, принесемъ сегодня, въ день рождества Богочеловѣка, нашего Спасителя и Искупителя? Что мы принесемъ нынѣ Тебѣ, Христе Иисусе, безсмертный Царю и невидимый Содѣтелю и Промыслителю нашъ Господи? Размышленіе объ этомъ всего приличнѣе намъ, братіе, именно въ нынѣшній день, посвященный воспоминанію „великой благодѣстїа“ христіанскаго „тайны. Зогъ явился во плоти“ (1 Тим. III, 16).

Во время очевиднаго обнаруженія этой тайны, тысяча восемьсотъ девяноста три года тому назадъ, на нашей грѣховной землѣ, какъ встрѣтила послѣдняя знаменательный день Рождества Христова? Что принесла она Ему въ даръ? *Земля*, — какъ поется въ извѣстной намъ церковной пѣсни, — *вертепъ Неприступному приноситъ* (Конд. праздн.). Да, на ней, какъ

¹⁾ Прокимень при отпѣваніи умершаго христіанина.

видно, не отыскалось болѣе лучшаго и болѣе удобнаго мѣста для Господа, Творца неба и земли, какъ только мѣста для безсловесныхъ животныхъ! И это столь бѣдное и убогое по своей внѣшней обстановкѣ мѣсто, по-истинѣ, *яко красная палата показашеся* (церковн. стих. въ день Рожд. Хр.) въ честь Царя-Христа. Такой даръ принесла земля нашему Христу Спасителю въ день Его Рождества...

Какой-же даръ, спросимъ, принесли тогда земнородные—многочисленные люди, живущіе на ней въ различныхъ концахъ? Здѣсь, прежде всего, мы встрѣчаемся, какъ и слѣдуетъ, конечно, ожидать, съ обитателями вертепа—пастухами безсловесныхъ животныхъ, которые, загоня на ночь свой скотъ, имѣли здѣсь нѣкоторый пріютъ и покой. Что-же принесли эти люди въ честь новорожденнаго Христа Богочеловѣка? Они принесли, какъ извѣстно, славословіе Богу и проповѣдь о чудѣ. *Ангели съ пастырьми славословятъ*, какъ поется въ той же церковной пѣсни. *Пастырие чудо проповѣдуютъ*. Они воспѣли славу Богу вмѣстѣ съ Ангелами, явившимися въ великомъ множествѣ въ тотъ часъ для привѣтствія Своего Державнаго Начальника и Покровителя. Они разнесли потомъ повсюду эту чудную вѣсть о рожденіи Христа Спасителя въ вертепѣ отъ безневѣстной и Пречистой Дѣвы Маріи и были, такимъ образомъ, первыми проповѣдниками христіанства. И это славословіе ихъ въ честь Христа, эта проповѣдь ихъ о чудесномъ рожденіи Его были, конечно, простыя и безыскусственныя, весьма непохожія на наши теперешнія, часто не искреннія и искусственныя, славословія и проповѣди; но тѣмъ не менѣе они были благотворны и производили неотразимо—сильное вліяніе на умы и сердца жителей того града, въ которомъ родился Христосъ...

Затѣмъ, изъ всѣхъ другихъ людей на свѣтѣ, явились для поклоненія Господу и для принесенія Ему своихъ даровъ, по случаю Его рожденія, волхвы или восточные мудрецы—звѣздохочетцы, которые заранѣе узнали объ этомъ великомъ и чудесномъ событіи въ мірѣ по явленію необыкновенной звѣзды на небѣ, приведшей ихъ къ самому мѣсту рожденія Господа на землѣ. Что-же принесли съ собою изъ дальнихъ странъ эти люди? Какой даръ воздали они Господу? Они принесли

Ему, *злато, ливанъ и смирну*. Когда волхвы, — какъ повѣствуетъ объ этомъ св. Евангелистъ Матѳеи, — *пришедше въ храмину, видѣша отрока съ Марією матерію Его, то, падше, поклонившася Ему, и отверзше сокровища своя, принесоша Ему дары, злато, и ливанъ, и смирну* (Мат. II, 11), — „злато, какъ царю вѣковъ“ (стих. на стиховнѣ въ день Рожд. Хр.), „проявляя“ тѣмъ самымъ, по объясненію св. Церкви, „царскую державу“ (Кан. на повеч. въ 24 день декабря, пѣснь 5-я, стих. 2-я), — „ливанъ, какъ Богу всѣхъ“ (стих. на стих. 25 дек.), „проявляя“ этимъ „преимущество божества“ (Кан. на повеч. 24 дек., п. 5, ст. 2); — „смирну, какъ безсмертному, хотя и тридневному, мертвецу“ (стих. на стих. 25 дек.), „проявляя“ этимъ, очевидно, „смерть“ (Кан. на повеч. 24 дек., п. 5 ст. 2). Вотъ всѣ тѣ, не многочисленныя и не сложныя по своему составу и происхожденію, дары, которые принесла земля вмѣстѣ съ своими обитателями въ день рожденія Христа Спасителя, такъ торжественно воспоминаемаго нами нынѣ!...

Съ тѣхъ поръ, на протяженіи многихъ вѣковъ, какъ все измѣнилось на той же самой землѣ, среди тѣхъ же самыхъ земнородныхъ! Земля приноситъ теперь въ даръ Неприступному Владыкѣ своему уже не вертепъ, убогій и пригодный только для безсловесныхъ животныхъ. Нѣтъ! Она приноситъ Ему обширныя и богатые храмы, находящіяся по всему лицу ея въ большомъ количествѣ;—храмы, какъ на самомъ мѣстѣ, гдѣ случилось нѣкогда празднуемое нами величайшее міровое событіе, именно въ палестинскомъ городѣ Виелеемѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ своего существованія, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ. Въ этихъ храмахъ Божіихъ, въ большинствѣ случаевъ, мы встрѣчаемся не съ бѣдностью, а съ богатствомъ, съ украшеніями изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней, которыя составляютъ обыкновенно отличительную черту въ сравненіи съ домами человѣческими. Какъ земля приноситъ въ настоящее время въ даръ Христу уже не то, что прежде: такъ то же самое можно сказать и про земнородныхъ, про многочисленный классъ людей различнаго вѣроисповѣданія, званія и состоянія. Среди этихъ послѣднихъ встрѣчаются, конечно, и теперь такіе, которые

приносить Богу жертвы, подобныя древнимъ восточнымъ мудрецамъ, пришедшимъ для поклоненія Родившемуся Царю иудейскому въ Виелеемѣ и принесшими съ собою въ даръ Ему золото, ладонь и смирну...

Отъ размышленія о томъ, что приносили земля и люди въ прежнее и въ настоящее время въ даръ Христу Богочеловѣку, по случаю Его чудеснаго рожденія, обратимся, братіе, къ самимъ себѣ и посмотримъ, что мы принесли или, по крайней мѣрѣ, должны были принести съ собою, идя въ этотъ святой храмъ на празднигъ Рождества Христова.

Безъ сомнѣнія, многіе изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, принесли съ собою, если не золото, то серебро; если не серебро, то мѣдь, для того, чтобы отдать все это въ даръ Богу. Противъ этого, конечно, ничего нельзя возразить, если только дѣлается такъ сообразно съ средствами каждаго, средствами законными и честными. Въ этомъ случаѣ одно можемъ сказать вамъ, братіе, именно то, что похвально ваше усердіе и, по силѣ его, ваша жертва, принесенная въ храмъ Божій. Какъ бы ни была ваша жертва скудна и незначительна, но если она достойна своего имени, т. е., если она приносится доброхотно, отъ чистаго сердца, то будетъ имѣть важное значеніе въ очахъ Божіихъ. Но это еще далеко не все, что мы должны принести сегодня въ даръ Христу Богу нашему. Можетъ, пожалуй, случиться съ нѣкоторыми изъ насъ, что они не будутъ въ состояніи принести никакой внѣшней жертвы Богу за неимѣніемъ у себя золота, серебра и мѣди. Что-же дѣлать въ такомъ случаѣ этимъ людямъ? Они должны приносить тогда то, что выше всѣхъ этихъ металловъ, приносить именно вѣру въ Господа нашего Иисуса Христа,—ту живую и, по-истинѣ, чудодѣйствующую вѣру, которую однажды обнаружили свв. Апостолы Христовы Петръ и Іоаннъ по отношенію къ хроному нищему, просящему у нихъ милостыню (Дѣян. III, 6), и которая, по словамъ перваго изъ нихъ, „оказывается драгоценнѣе гибнущаго, хотя и огнемъ испытываемаго, золота“ (1 Петр. I, 7). Эта вѣра необходима не только для людей бѣдныхъ и неимущихъ, но она необходима также и для людей богатыхъ и вообще достаточныхъ по своимъ матеріальнымъ средствамъ, для того, чтобы всякій разъ ихъ жертвы,

приносимыя сюда въ храмъ Божій, имѣли пользу и значеніе. Нѣкоторая часть изъ этихъ средствъ, какъ извѣстно, идетъ на свѣчи, которыя мы ставимъ предъ тѣми или другими иконами. А что обыкновенно означаетъ свѣчка, горящая предъ иконами? Она означаетъ вѣру и любовь того, кто ее приноситъ. Да, наши сердца должны постоянно горѣть вѣрою и любовью къ Господу и Спасителю нашему, подобно свѣчи, возжигаемой нами предъ Его иконами! Если же въ насъ нѣтъ этого свѣта вѣры, этого *пламеннѣя духомъ* (Рим. XII, 11), этого вообще огня духовнаго, то мы, конечно, оказываемся въ жалкомъ положеніи. Въ такомъ случаѣ намъ нѣтъ никакой пользы и отъ нашихъ жертвъ, какъ бы онѣ ни были велики и значительны. Напротивъ, тогда наше золото и серебро, приносимое въ даръ Господу, по словамъ св. Апостола Іакова, „изоржавѣтъ, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствомъ противъ насъ, и съѣстъ плоть нашу, какъ огонь“ (Іак. V, 3). А если въ насъ нѣтъ любви, то мы, по словамъ св. Апостола Павла, приравниваемся къ самому бездушному металлу и, притомъ, низшаго сорта: мы „мѣдь звенящая или кимвалъ звучащій“ (1 Кор. XIII, 1)...

Найдутся-ли теперь между нами, братіе, такіе, которые бы принесли съ собою сегодня въ храмъ Божій, подобно древнимъ волхвамъ, кромѣ золота, также еще ладонь и смирну? Но, еслибы между нами и не отыскалось такихъ людей, то во всякомъ случаѣ мы должны знать, что знаменуютъ собою эти дарственные приношенія Господу Богу.

Ливанъ или ладонъ употребляется, какъ извѣстно, въ церкви во время богослуженія. Онъ воскуряется здѣсь въ кадилахъ предъ Богомъ. А мы знаемъ, что дымъ отъ ладона, насыпаемаго въ кадилахъ, поднимается обыкновенно кверху и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ выраженіемъ усердныхъ и пламенныхъ молитвъ къ Богу, какъ это видно, на примѣръ, изъ откровенія св. Іоанну Богослову, который въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что „дымъ еиміама вознесся отъ руки Ангела предъ Бога“ вмѣстѣ „съ молитвами святыхъ“ (Апок. VIII, 4), — молитвами, безъ сомнѣнія, усердными и пламенными. Подобно еиміаму, часто воскуряемому въ кадилахъ внутри храмовъ Божіихъ, и мы должны какъ можно чаще возжигать на

алтаряхъ своихъ сердець еиміамъ моленія, благодаренія и славословія Господу Богу. Особенно же должны дѣлать это тогда, когда входимъ въ храмъ и приступаемъ къ престолу благодати Божіей. При такомъ только условіи и могутъ быть дѣйственны всѣ наши молитвы, совершаемыя здѣсь—во храмъ, равно какъ и дома.

Спросимъ, наконецъ, о томъ, что-же знаменуетъ собою *смирна*, которую, между прочимъ, принесли съ собою въ даръ восточные мудрецы? Смирна или, какъ она называлась еще, мирра была драгоценнымъ веществомъ: „она добывалась изъ дерева такъ же, какъ и ладонь, и употреблялась главнымъ образомъ для намащенія мертвыхъ тѣлъ, такъ какъ она имѣла свойство предохранять тѣла отъ порчи (Іоан. XIX, 39)“¹⁾. Нѣкоторое подобіе смирны представляютъ душистые благовонныя вещества, употребляемыя нами и въ настоящее время для помазанія изображеній Христа и святыхъ на плащаницахъ и иконахъ, какъ, напр., розовое масло и многія другія. Но мы должны знать, что, кромѣ вещественной смирны, есть еще другая, *духовная*, на которую и должны прежде и болѣе всего обращать свое вниманіе въ дѣлѣ богопочитанія. Эта духовная смирна состоитъ въ твореніи добрыхъ дѣлъ и, вообще, въ украшеніи себя многоразличными добродѣтелями христіанскими. „Что Миѣ множество вашихъ жертвъ“?—такъ взывалъ нѣкогда Богъ чрезъ пророка Исаію къ лицемернымъ іудеямъ.—„Научитесь добро творить“ (Ис. I, 11, 17). По словамъ же св. Апостола и Евангелиста Іоанна Божьего, „блаженны“ только „тѣ, которые соблюдаютъ заповѣди Его“ (Апок. XXII, 14). Намъ извѣстны эти заповѣди; извѣстны также и *плоды духа*, при исполненіи ихъ въ нашей жизни, какъ частной, такъ и общественной. Эти плоды, по изображенію св. Апостола Павла, слѣдующіе: „любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе“ (Гал. V, 22—23). Вотъ изъ чего въ совокупности слагается та *духовная смирна*, которую мы должны принести нынѣ Господу!..

¹⁾ Толковое Евангеліе отъ Маттея, Архим. (еп. Еписк.) Михаила. М. 1871 г. Стр. 43.

Итакъ, мы видимъ, что, кромѣ вещественныхъ даровъ, мы должны принести въ день рожденія нашего Господа также и духовные; кромѣ жертвъ, являющихся отображеніемъ нашихъ мыслей, чувствъ и расположеній, должны принести еще самихъ себя *въ жертву чисту, непорочну Божии*. „Приидите“ же, братіе, „поклонимся и припадемъ ко Христу“ (церковн. пѣснь за литург.), принося Ему свои дары, какъ вещественные, такъ и духовные! „Сами себе, другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ“ (эктем.), какъ приглашаетъ насъ къ этому св. Церковь ежедневно. *Христосъ родися нынѣ въ Вифлеемѣ* (стих. на утр.). *Прославите убо Его въ тѣлесахъ вашихъ, и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія*. (1 Кор. VI, 20). Аминь.

ДВѢ БЕСѢДЫ

(внѣ богослужебныя)

о**бъ истинномъ счастіи съ христіанской точки зрѣнія.**

(по поводу публичной лекціи г. Воборыкина: „что такое счастье“).

I.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что люди берутся за разрѣшеніе вопроса: что-такое счастье; ибо счастье, въ какомъ бы видѣ его ни представлять, составляетъ какъ-бы неотъемлемую принадлежность каждаго человѣка въ здѣшней жизни и, по временамъ, заявляетъ о себѣ такъ или иначе въ ней. Нынѣ, какъ мы видимъ, всѣ жаждутъ счастья, всѣ стремятся къ нему, прилагая къ этому всѣ свои наличныя силы и способности. Достигаютъ-ли люди этого счастья здѣсь—на землѣ, обладаютъ-ли они имъ хоть на короткое время,—это, конечно, вопросъ другого рода, на который мы постараемся дать отвѣтъ потомъ, при дальнѣйшемъ изложеніи нашихъ мыслей. Теперь же, отмѣтивъ фактъ всеобщаго стремленія людей къ счастію, къ счастливой и безбѣдной жизни на землѣ, мы должны въ то же время отмѣтить, какъ-бы параллельное ему, современное печальное явленіе, состоящее въ томъ, что люди хотятъ обосновать это счастье помимо христіанства,

ограничивалась одною только здѣшнейю землею жизнью. Взглядъ на такого рода счастье проводится нынѣ какъ въ устномъ разговорѣ, такъ точно встрѣчается въ письменномъ и печатномъ видѣ. Въ послѣднемъ видѣ мы встрѣчаемся съ подобнаго рода взглядомъ на счастье, напримѣръ, въ статьѣ г. Боборыкина подъ заглавіемъ: „что-такое счастье“, — статьѣ, которая представляетъ собою публичную лекцію, прочитанную имъ въ залѣ Историческаго Музея въ Москвѣ 26-го ноября 1893 года ¹⁾.

Прежде чѣмъ подробно и обстоятельно говорить о счастьи съ христіанской точки зрѣнія, мы имѣемъ въ виду здѣсь нѣсколько подольше остановиться на этой статьѣ упомянутаго автора для того, чтобы разоблачить всю ея фальшь и несомнѣтельность тѣхъ выводовъ, которые она представляетъ своимъ слушателямъ и читателямъ. Авторъ статьи г. Боборыкинъ начинаетъ свой обзоръ въ изложеніи взглядовъ историческаго человѣчества на счастье слишкомъ съ отдаленной эпохи: онъ начинаетъ его за нѣсколько столѣтій до Р. Хр. Прежде всего онъ останавливается на ученіи Демокрита, одного изъ философовъ древней Греціи, и показываетъ, что его „матеріалистическая психологія не мѣшала установленію очень здоровыхъ нравственныхъ началъ, при которыхъ немислимы ни бесплодный скептицизмъ, ни радикальное отрицаніе смысла жизни, ни признаніе полной невозможности, хотя бы относительнаго, довольства своимъ существованіемъ“. Затѣмъ, останавливаясь на двухъ противоположныхъ между собою системахъ того же эллинскаго мышленія — стоицизмъ и эпикуреизмъ, онъ „находитъ и въ той и въ другой одно и тоже основное стремленіе къ достиженію такого состоянія души, при которомъ она все разумнѣе и съ большимъ удовольствіемъ для себя можетъ поддержать человѣка въ борьбѣ со всѣмъ тѣмъ, что земная жизнь представляетъ собою неразумнаго, случайнаго, обманчиваго и прямо злого. Стоики, — по его словамъ, — закаляли себя до аскетизма, но они имѣли опредѣленный идеалъ душевнаго равновѣсія, т. е., возможнаго довольства... Даже предшественники настоящихъ

стоиковъ — циники — и тѣ, въ своемъ болѣе развѣдающемъ отношеніи къ жизни, вовсе не доходили до выводовъ, равносильныхъ отрицанію возможности довольства или какаго бы то ни было смысла міровой и земной жизни“. Что-же касается эпикурейства, то основателю этого ученія — Эпикуру „принадлежитъ, — по словамъ того же автора, — смѣлый починъ въ доктринѣ счастья. Онъ не задумался ограничить какъ бы всю философію отвлеченіемъ средствъ для полученія личнаго душевнаго довольства и благополучія на землѣ“... Далѣе, по словамъ автора, „въ мышленіи и міропониманіи древняго эллина рано обнаружилия два исконныхъ настроенія души человѣческой: положительное, научное отношеніе ко всему существующему въ природѣ и общественной жизни человѣка, руководимое разумомъ, обогащаемое трезвымъ анализомъ, путь *a posteriori*; и другое — такъ называемое идеалистическое или апріорное, въ которомъ личные запросы, игра воображенія, произвольныя построенія фантазирующаго ума и порывы мистическаго чувства брали верхъ и принимались за нѣчто, пригодное къ отысканію высшей истины. Представителемъ перваго настроенія является Аристотель; поборникомъ втораго — Платонъ. И если трезвое положительное міропониманіе, впервые обоснованное Аристотелемъ, на обширномъ, по тому времени, знаніи, и до сихъ поръ должно считаться тѣмъ твердымъ грунтомъ, на которомъ культурное человѣчество построило свое научно-философское развитіе; то въ идеализмъ Платона нашлись сѣмена того, что, къ началу нашей эры, охватило извѣстную долю человѣчества потребностью въ откровеніи нравственнаго закона, въ порываніяхъ къ высшимъ неземнымъ радостямъ, къ мистическому блаженству... Въ дальнѣйшемъ фазисѣ Платоновскаго идеализма — ученія неоплатониковъ подготовили почву къ тому, что мы видимъ въ мистической религіозности, державшей впоследствии Европу, вплоть до эпохи Возрожденія, въ подчиненіи недосягаемымъ на землѣ идеаламъ“. Нарисовавъ послѣ этого мрачными красками картину средневѣковаго мистицизма, который „поражалъ въ корень возможность хотя бы относительнаго благополучія на землѣ“, и указавъ на великое значеніе эпохи Возрожденія, „съ котораго и пошла собственно европейская жизнь“, авторъ

¹⁾ „Русск. Вѣдом.“ 1894 г. № 22 и 31.

разбираемой нами статьи замѣчаетъ: „однако, жизнерадостная традиція эпохи Возрожденія не спасла культурное человѣчество отъ новыхъ натисковъ душевнаго недовольства, отъ отрицательнаго отношенія къ земной жизни и къ возможности хотя бы умѣреннаго довольства ею. Опять на рубежѣ двухъ столѣтій, XVI и XVII вѣковъ, червякъ мистическаго жизненнаго ненавистничества сталъ глотать сердце человѣка новой эпохи и пользоваться его умомъ, преуспѣвшимъ въ діалектикѣ, чтобы толкать его въ бездонную пропасть иссушающаго скептицизма и пессимизма“. Такъ продолжалось почти до XVIII вѣка, „преобладающимъ лозунгомъ котораго было признаніе возможности земнаго благополучія, съ помощію прогрессивнаго хода цивилизаци“... „Къ началу XIX столѣтія въ душу культурнаго европейца точно влили какого яда. Онъ началъ возмущаться, впадать въ горькіе или негодующіе протесты, во имя своихъ, большею частію, туманныхъ идеаловъ, или личности, которая начала ставить себя выше всего, что ее стѣсняло и не удовлетворяло. Этотъ психическій процессъ извѣстенъ въ литературѣ подъ именемъ *романтизма*... Унылый романтизмъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова, какъ уже къ тридцатымъ годамъ (того же XIX вѣка) недовольные энтузіасты стали строить новыя системы общественнаго уклада, предлагать теории и цѣлыя кодексы блаженной жизни на землѣ“. Наконецъ, „движеніе, сдѣлавшееся главною злобою дня конца XIX вѣка“ и состоящее въ „борьбѣ во имя общественной справедливости“, „есть движеніе, предполагающее признаніе возможности земнаго благополучія. И если роковой вопросъ соціальной справедливости вытекаетъ, какъ заключительный аккордъ, изъ всего движенія XIX в., то этимъ прямо доказывается, что самое характерное стремленіе конца нашего вѣка есть стремленіе къ возможно разумному и приятному устройству нашей жизни на землѣ“, не смотря на пессимизмъ, явившійся во второй половинѣ настоящаго столѣтія. Такова въ краткихъ чертахъ сущность обзора историческаго человѣчества, какой дѣлаетъ вышеупомянутый авторъ въ своей статьѣ на тему: „что-такое счастье“. Въ заключеніе этого перваго, можно назвать, *историко-критическаго* отдѣла своей статьи онъ спрашиваетъ: „что-же мы видимъ во всей

долгой исторіи развитія души человѣческой по вопросу о счастья?“ — и отвѣчаетъ: — „кромѣ мистическаго взгляда на жизнь, только во второй половинѣ нашего вѣка ученіе о безповоротномъ злѣ и трагикомической пустотѣ жизни сложилось какъ нѣчто, претендующее на безотрадную, но смѣлую и несомнѣнную истину. Въ сущности, можно сказать, что это капля въ морѣ. Девять десятыхъ всего рода человѣческаго, и въ настоящую минуту, неустанно работаетъ надъ устройствомъ своего благополучія; слѣдовательно, такъ или иначе признаетъ его достижимость“...

Что мы должны сказать теперь по поводу всѣхъ вышеприведенныхъ словъ автора изъ этого перваго отдѣла его статьи? Прежде всего, спросимъ: остался-ли вполнѣ вѣренъ авторъ историческому методу своему, какой онъ приложилъ къ своей статьѣ? Всегда-ли онъ послѣдовательно примѣняетъ его въ указанномъ отношеніи? На эти вопросы мы должны дать отрицательный отвѣтъ. Затѣмъ, нѣтъ-ли у него какихъ-либо промаховъ или недочетовъ въ отношеніи исторической послѣдовательности времени и событій? Къ сожалѣнію, нужно сказать, что есть и, притомъ, важныя, имѣющіе первостепенное значеніе. Да, нужно только удивляться тому, какъ это авторъ, безъ сомнѣнія, просвѣщенный человѣкъ XIX столѣтія, совсѣмъ упустилъ изъ виду одну эпоху въ ряду перечисляемыхъ имъ историческихъ эпохъ, именно эпоху Рождества Христова, съ которой міръ, дотолѣ большею частію язычскій, коснѣющій въ суевѣріяхъ и всякаго рода порокахъ, получилъ внутреннее образованіе и сталъ называться, по имени родившагося Христа, христіанскимъ,—эпоху, съ которой христіанство широкой и свободной струей полилось по лицу всей вселенной, напоая и оживотворяя ее своимъ благодатнымъ духомъ! По крайней мѣрѣ, въ статьѣ автора нѣтъ на это ни одного, хотя бы краткаго и самаго бѣлаго, намека. Между тѣмъ какъ ему, задавшемуся, между прочимъ, историческими цѣлями, слѣдовало бы непременно это сдѣлать для полноты своего обзора и для вѣрности намѣченной имъ задачи. Мы не знаемъ, отчего бы могло произойти это столь важное упущеніе, проливающее свѣтъ на всю статью автора и дѣлающее ее совсѣмъ иною въ глазахъ читателя. Не мо-

жетъ быть, чтобы тутъ играло роль невѣдѣніе или забвеніе автора. Нѣтъ; тутъ, вѣроятно, были какія-либо другія причины, имѣвшія своимъ послѣдствіемъ такой взглядъ автора и вызвавшія такое сужденіе его объ извѣстномъ предметѣ. Вѣроятно, тутъ примѣшано было личное чувство автора, зависящее отъ его душевнаго настроенія въ данное время и состоящее въ его предубѣжденіи, нерасположеніи или недовольствѣ относительно этого самаго предмета. И это, нужно замѣтить, въ рѣшеніи такого важнаго общечеловѣческаго вопроса, каковъ вопросъ о счастіи. Въ самомъ дѣлѣ: говорить объ эпохѣ за 500 и болѣе лѣтъ до Р. Хр., говорить объ эпохѣ Демокрита, Эпикура, Аристотеля, Платона и другихъ знаменитыхъ историческихъ именъ, и между тѣмъ не обмолвиться ни единымъ словомъ о Христѣ Спасителѣ, съ Котораго началось и продолжается у насъ до сихъ поръ новое лѣтосчисленіе, съ появленіемъ Котораго на землѣ въ Богочеловѣческомъ образѣ возвѣщенъ былъ людямъ новый высшій идеалъ жизни и счастія, оставить безъ вниманія и пройти какъ-бы мимо и незамѣтно эту эпоху въ исторіи христіанства и затѣмъ прямо перейти къ эпохѣ средневѣковаго мистицизма,—это, какъ хотите, такой скачокъ въ исторіи, какой непозволительно дѣлать человѣку просвѣщенному и, притомъ, христіанскою вѣрою. До чего дошла у автора разбираемой нами статьи враждебность и нерасположеніе къ христіанскому образу мыслей, видно, на примѣрѣ, изъ того, что онъ, говоря о живучести идеализма Платона, нашелъ нужнымъ сказать, что въ немъ „нашлись сѣмена всего того, что, къ началу нашей эры, охватило извѣстную долю человѣчества потребностью въ откровеніи нравственнаго закона, въ порываніяхъ къ высшимъ неземнымъ радостямъ, къ мистическому блаженству“. Здѣсь нужно замѣтить то, что онъ не сказалъ: *къ началу эпохи Р. Хр.*, а только: *къ началу нашей эры*. Какъ глухо и скрытно сказано! Видно, автору статьи было стыдно упомянуть о родоначальникѣ этой эры—Христѣ Спасителѣ! Вотъ все, что имъ сказано относительно христіанства. Далѣе, онъ говоритъ, какъ мы видѣли уже изъ изложеннаго нами, „о мистической религіозности, державшей въ послѣдствіи Европу, вплоть до эпохи Возрожденія, въ подчиненіи недосягаемымъ на землѣ

идеаламъ“, что составляетъ, какъ извѣстно, печальное явленіе среднихъ вѣковъ. Гдѣ-же, спросимъ, духъ христіанства, завѣщанный Великимъ Основателемъ его Христомъ Спасителемъ? Гдѣ идеалъ жизни и счастія, заключающійся въ безсмертномъ ученіи Великаго Учителя нашего Господа,—тотъ идеалъ, по которому вотъ уже около двухъ тысячъ лѣтъ жили и живутъ люди на землѣ, стремясь еще только къ счастію и блаженству или уже обладая ими въ болѣе или менѣе достаточной степени? Нѣтъ его въ статьѣ нашего автора! Онъ—этотъ христіанскій идеалъ,—можно сказать, вычеркнуть изъ нея безошадно рукою самого автора, да такъ вычеркнуть, что отъ него и слѣда не осталось никакого. По умственному и нравственному складу автора иначе и быть не должно. Въ одномъ мѣстѣ своей статьи онъ замѣчаетъ, между прочимъ, объ Эпикурѣ, что для темы: „что-такое счастіе“ „этотъ сынъ аоніянина, родившійся на островѣ Самосѣ, въ 341 г. до Р. Хр., является настоящимъ защитникомъ всѣхъ здоровыхъ стремленій человѣка, всѣхъ тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ устоевъ, безъ которыхъ наше отношеніе къ жизни будетъ представлять всегда блужданіе и хаосъ“. Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ эпохѣ Возрожденія, онъ замѣчаетъ: „великое Возрожденіе, съ эпохи котораго и пошла собственно европейская жизнь (и въ нѣдрахъ ея сложились всѣ мы ¹⁾)—побѣдоносный отвѣтъ на самые здоровые запросы человѣческаго бытія, запоздалое публичное покаяніе передъ тѣми сынами Эллады, которые умѣли брать отъ жизни все истинно-разумное и прекрасное“. Итакъ, вотъ тотъ идеалъ автора, по которому онъ хотѣлъ начертать слушателямъ программу своей лекціи по вопросу о томъ, что-такое счастіе! Что-же удивительнаго послѣ этого въ томъ, что онъ на мѣсто Христа, Который долженъ имѣть первенствующее и преобладающее значеніе въ рѣшеніи упомянутаго вопроса, поставилъ какого-то Эпикура;—на мѣсто Духа Христова, Которымъ, по сло-

¹⁾ Интересно спросить здѣсь автора, кого это онъ разумѣетъ подъ словами: „всѣ мы“,—себя ли только одного, воспитаннаго въ такомъ духѣ и направленіи, употребляли въ этомъ случаѣ авторскій приемъ множественнаго числа вмѣсто единственнаго,—или же точно также и своихъ слушателей въ аудиторіи и читателей въ кабинетѣ...

вамъ церковной пѣсни, „всяка душа живится и чистотою возвышается“ (антиф. 4 гл.), особенно въ святыхъ таинствахъ Церкви, въ которыхъ она какъ-бы снова возрождается въ жизнь святую и небесную, — поставилъ духъ міра сего и вліяніе какаго-то „Европейскаго Возрожденія“. Не очевидный-ли это признакъ того, что хотятъ нынѣ ученые люди, подобные Боборыкину, основать христіанство безъ Христа и Его ученія? И гдѣ-же, скажите, все это происходитъ? Въ странѣ-ли дикихъ язычниковъ, блуждающихъ во тьмѣ и сѣни смертной, или же въ странѣ христіанъ православныхъ, гордящихся успѣхами цивилизаціи? Къ сожалѣнію, нужно сказать: въ центрѣ православія, среди слушателей, воспитанныхъ въ православной вѣрѣ...

Но, можетъ быть, авторъ упустилъ изъ виду въ своемъ историческомъ обзорѣніи эпоху Рождества Христова потому, что въ ней не нашелъ ровно ничего по тому вопросу, который взялся разрѣшить? Можетъ быть, другія эпохи, указанныя имъ въ сочиненіи, восполнили этотъ пробѣлъ или недостатокъ, отразившійся лишь съ внѣшней стороны, со стороны его изложенія, а никакъ не съ внутренней, со стороны его содержания? Прежде чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, мы постараемся привести въ точныхъ и подлинныхъ словахъ самого автора его взглядъ и сужденіе о данномъ предметѣ, т. е., что такое счастье. Здѣсь мы переходимъ ко 2-му отдѣлу его статьи, отдѣлу, такъ сказать, *философско-критическому*, въ которомъ онъ прежде всего останавливается на разборѣ того, при какихъ именно условіяхъ возможно достиженіе на землѣ счастья. „Если мы,—говоритъ онъ,—присмотримся къ общимъ причинамъ недовольства жизнію въ современномъ культурномъ человечествѣ, то увидимъ прежде всего, что коренныя условія, безъ которыхъ невозможно какое бы то ни было, хотя бы относительное довольство и счастье, остаются такими, какими были двѣ тысячи лѣтъ назадъ, когда Эпикуръ такъ определенно и ясно предложилъ свою программу достижимаго на землѣ благополучія, начерталъ основы того, что мы до сихъ поръ называемъ эвдемонизмомъ, т. е., нравственно философскимъ ученіемъ, по которому счастье ставится главной разумной и достижимой цѣлью“. Какія-же, спрашивается, эти

условія? На это авторъ отвѣчаетъ такъ: „какъ тогда, такъ и теперь, коренныя наличныя условія, отъ которыхъ зависитъ тотъ или иной характеръ нашего существованія, сводятся къ слѣдующимъ главнымъ моментамъ: физическій міръ; наше тѣлесное устройство и сила тѣхъ органовъ, безъ которыхъ немислима органическая жизнь; климатъ и все то, что связано съ временами года и воздѣйствіемъ на насъ метеорологическихъ условій; болѣзнь и смерть; наши отношенія къ другимъ людямъ и вытекающія отсюда обязанности и, наконецъ, общественное устройство, среди котораго мы живемъ“. Высказавъ эти, вполнѣ приведенныя здѣсь нами, слова, авторъ торжественно заявляетъ: „такъ было двѣ тысячи и болѣе лѣтъ тому назадъ, такъ стоитъ дѣло и теперь, такъ оно будетъ стоять десятки и сотни вѣковъ впередъ“. Вѣрно-ли это?—замѣтимъ мы здѣсь съ своей стороны. Вѣрно-ли то, что сказалъ авторъ о коренныхъ наличныхъ условіяхъ земного счастья, хотя бы даже относительнаго и неполнаго? Нѣтъ, невѣрно! Правда, что всѣ вышеупомянутые моменты вліяютъ на жизнь вообще и на довольство и счастье въ ней въ частности и, вслѣдствіе этого, имѣютъ то или другое значеніе; но развѣ кромѣ этихъ, поименованныхъ авторомъ, моментовъ въ жизни человѣка, послѣдній ни отъ чего болѣе не зависитъ въ своей жизни на землѣ? А душа человѣческая,—существо, какъ извѣстно, живое, личное и безсмертное? А Богъ, сотворившій ее по образу и по подобію Своему, какъ Существо Превысшее и Всемогущее? Оказывается, что они точно также изглажены рукою автора въ своемъ сочиненіи, отчего это послѣднее лишается христіанскаго характера и носитъ характеръ языческій. Нѣтъ, не такъ учить насъ объ этомъ христіанство. Оно учить насъ, что всѣ мы, сотворенные Богомъ, люди находимся отъ Него въ полной и всецѣлой зависимости: Имъ однимъ только, по слову Апостола, мы, „живемъ, и движемся, и существуемъ“ (Дѣян. XVII, 28). Какъ-же послѣ этого пропустить безъ всякаго вреда не только для счастья, но и для жизни вообще всякаго живого существа, это первое и необходимое звено въ ряду длинной цѣпи, состоящей изъ другихъ второстепенныхъ и менѣе необходимыхъ звеньевъ, которыми связана и отъ которыхъ зависитъ вполнѣ

благоустроенная и счастливая жизнь на землѣ? Тоже самое должно сказать теперь и о душѣ человѣка. Если она въ насъ существуетъ,—а въ этомъ, конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія,—то должны же существовать постоянныя взаимныя отношенія между ней и Богомъ съ одной стороны, и между ней и другими людьми, съ другой. Первые отношенія авторъ игнорируетъ совсѣмъ, какъ несуществующія, можетъ быть, въ его собственной душѣ; о вторыхъ дѣлаетъ вскользь замѣчаніе, признавая ихъ необходимость въ дѣлѣ изслѣдуемаго имъ вопроса, но ничего не говоритъ о томъ, въ чемъ должны состоять они по своему существу. Въ чемъ-же въ самомъ дѣлѣ они должны состоять? По словамъ недавно скончавшагося преосвященнѣйшаго епископа Теофана, извѣстнаго автора многочисленныхъ сочиненій религиозно-нравственнаго содержания, „предстоящее намъ въ христіанинѣ лицо есть человѣкъ, состоящій изъ души и тѣла, съ извѣстною мѣрою *благо-состоянія* внѣшняго. Каждая изъ сихъ сторонъ брата нашего вызываетъ у нашей любви своего только рода дѣйствія, которыя и обращаются намъ въ обязанность. Отсюда само собою видно, что обязательныя для насъ къ братьямъ нашимъ, христіанамъ, дѣйствія бываютъ трехъ родовъ: одни относятся *къ ихъ душѣ*, другія *къ тѣлу*, третьи *къ ихъ благосостоянію внѣшнему*“¹⁾. Вотъ какъ складываются взаимныя отношенія людей по христіанскому образу мыслей; между тѣмъ какъ у нашего автора, при упорномъ молчаніи его о Богѣ и душѣ, равняющемся совершенному отрицанію ихъ въ этомъ случаѣ, дѣло обстоитъ, какъ видно, совсѣмъ иначе...

Разсмотрѣвши тѣ условія, „безъ которыхъ невозможно какое бы то ни было довольство и счастье“ и „отъ которыхъ зависитъ тотъ или иной характеръ нашего существованія“, мы переходимъ къ изложенію того: что слѣдуетъ разумѣть подъ идеей счастья; возможно-ли оно, достижимо-ли и для отдѣльныхъ личностей, и для всего общества, если не въ данный моментъ, то въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ? Какъ же рѣшаетъ эти вопросы нашъ авторъ? Прежде всего онъ

¹⁾ „Начертаніе христіанскаго правоученія“, сп. Теофана. Стр. 432. М. 1893 г.

останавливается на ученіи англійскаго психолога Джемса Селли и трактуетъ его книгу подъ заглавіемъ о пессимизмѣ. „Философски обрабатывать теорію пессимизма,—замѣчаетъ по этому поводу нашъ авторъ,—нельзя, не поставивъ вопроса о счастьѣ и его достижимости“. Замѣчаніе, какъ увидимъ потомъ, когда будемъ говорить о счастьи съ христіанской точки зрѣнія,—важное, проливающее особый свѣтъ въ рѣшеніи изслѣдуемаго вопроса. Вышеупомянутый англійскій психологъ, за которымъ нашъ авторъ, по его собственнымъ словамъ, „слѣдуетъ въ своей аргументаціи“, опредѣляетъ счастье, какъ „продуктъ волевой дѣятельности надъ всѣмъ огромнымъ матеріаломъ нашихъ чувствованій. Поэтому, счастье вовсе не синонимъ наслажденій и даже не результатъ его, а скорѣе, напротивъ, источникъ тѣхъ наслажденій, какія разумно направленная дѣятельность нашей воли можетъ доставлять намъ. Оно предполагаетъ, стало быть, постоянное стремленіе перерабатывать, по извѣстному плану, тѣ условія, въ какія судьба поставила насъ; создавать новые источники жизненныхъ, пріятныхъ ощущеній, потребностей, мыслей и чувствъ, т. е., создавать себѣ то, что мы называемъ „интересами“. Если оно такъ, то верховнымъ элементомъ счастья будетъ что же?—спрашиваетъ далѣе авторъ, и отвѣчаетъ:— „постоянное здоровое напряженіе нашей воли, которая регулируется дѣятельнымъ вниманіемъ, направленнымъ на внѣшнія условія жизни, часто отъ насъ независяція“. Таково разсужденіе автора при рѣшеніи вопроса: что слѣдуетъ разумѣть подъ идеей счастья. Въ этомъ разсужденіи, какъ мы видимъ, авторъ отдаетъ предпочтеніе и преимущество третьей силѣ или способности души человѣческой, именно *воли*, предъ двумя другими способностями ея: умомъ и сердцемъ. Конечно, продуктъ волевой дѣятельности души надъ всѣмъ огромнымъ матеріаломъ нашихъ мыслей и чувствъ является, такъ сказать, завершительнымъ моментомъ въ процессѣ образованія и воспитанія личности человѣческой. Какъ бы ни былъ просвѣщенъ нашъ умъ, какъ бы ни было развито наше сердце, но если они еще не направлены къ дѣятельности въ ту или другую сторону нашею волею, то остаются обыкновенно мертвыми или бесплодными въ отношеніи устроенія жизни по извѣст-

ному идеалу. Только воля заставляет их окончательно сформироваться и получить отпечатокъ въ жизни по тому образцу, который даетъ намъ христіанство. Для этого нужно, какъ справедливо замѣтилъ авторъ, „постоянное здоровое напряженіе нашей воли“. Но гдѣ же это напряженіе воли достигается? Въ какой школѣ оно вырабатывается? Въ школѣ христіанства, о которой нѣтъ ни одного намека въ сочиненіи нашего автора. Мы знаемъ, каковъ человѣкъ въ естественномъ своемъ падшемъ и грѣховномъ состояніи, безъ благодати Божіей, которая живетъ въ христіанствѣ. „Бѣдная воля наша!—воскликаетъ тотъ же преосвященный Теофанъ, слова котораго мы привели нѣсколько выше.—Ей нужны *правила*, коихъ часто не знаетъ; нужны *побужденія*, кои часто выпадаютъ изъ мысли; нужно *руководство*, ибо часто не знаетъ, какъ начать дѣло“¹⁾. Да и не только въ естественномъ состояніи, но даже и въ облагодатствованномъ, воля человѣческая получаетъ обыкновенно направленіе не въ ту сторону, въ какой ей слѣдовало бы пребывать, а въ совершенно иную, противоположную первой. Объ этомъ хорошо говоритъ въ одномъ мѣстѣ св. Апостолъ Павелъ: „не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю... Добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю... Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ: но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти“ (Римл. VII, 15, 19, 22—24)?—Апостолъ Павелъ, который не поколебался замѣтить однажды, что и онъ имѣетъ въ себѣ Духа Святаго, наравнѣ съ прочими апостолами. Такъ поврежденная грѣхомъ прародительскимъ воля человѣка даетъ о себѣ чувствительно знать и въ благодатномъ состояніи христіанства, какъ это показываетъ намъ прекрасный примѣръ Апостола, наглядно подтверждающій эту печальную истину, ставшую съ тѣхъ поръ (т. е. со времени грѣха первыхъ людей) неизбѣжнымъ удѣломъ всѣхъ земно-

¹⁾ Тамъ же. Стр. 436.

родныхъ въ мірѣ. Гдѣ же, спрашивается, получить постоянное здоровое напряженіе нашей воли, которая бы разумно оперировала въ области другихъ нашихъ силъ и способностей, рассортировывая ихъ въ ту и другую сторону, для того, чтобы „создавать новые источники жизненныхъ пріятныхъ ощущеній, потребностей, мыслей и чувствъ“, и сама, въ свою очередь, „регулируясь дѣятельнымъ вниманіемъ, направленнымъ на ви́шнія условія жизни, часто отъ насъ независяція“? На этотъ вопросъ мы не находимъ въ словахъ автора никакого отвѣта, болѣе или менѣе удовлетворяющаго насъ. Его нужно искать только въ христіанствѣ...

Далѣе, авторъ разбираемой нами статьи въ своемъ философско-критическомъ изслѣдованіи вопроса о счастіи приводитъ „типическіе доводы, направленные противъ идеи счастья и его возможности“. Здѣсь, прежде всего, онъ останавливается на ученіи пессимистовъ, которые, по его словамъ, „утверждаютъ, что никто не захочетъ повторить свою жизнь“. Противъ этого авторъ возражаетъ и, нужно замѣтить, совершенно справедливо, что „такой выводъ вовсе не доказательство ея негодности, еслибъ даже и всѣ счастливыцы выразили передъ смертью такое мнѣніе... Противники пессимизма имѣютъ полное право сказать, что еслибы даже всего одинъ человѣкъ на свѣтѣ умеръ съ выводомъ, благоприятнымъ идеѣ счастья, то и въ этомъ было бы доказательство за нее“. Другой аргументъ пессимистовъ, состоящій, по словамъ того же автора, „въ роковомъ инстинктѣ жизни, заставляющемъ насъ выносить всевозможныя бѣды и страданія, превращаться въ рабовъ всемогущей міровой воли, которой до нашего благополучія нѣтъ никакого дѣла“, точно также не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія здраваго смысла и жизни. Кромѣ пессимистовъ, доводы противъ идеи счастья и его возможности приводятъ также и нѣкоторые научно мыслящіе изслѣдователи вопроса о счастіи, въ родѣ вышеупомянутаго англійскаго психолога, которые „признаютъ, что есть несомнѣнныя отрицательныя условія, способныя всегда, болѣе или менѣе, нарушать наше благополучіе даже и внѣ органическихъ основъ жизни, каковы вліянія на нашъ организмъ, его болѣзни и смерть. Эти отрицательныя величины сводятся къ тремъ главнымъ фак-

тамъ: роль, какую играетъ случай, затѣмъ нашъ темпераментъ и законы внѣшней природы, дѣлающіе возможными всякаго рода неожиданные удары“. Противъ всѣхъ этихъ доводовъ авторъ дѣлаетъ болѣе или менѣе неудачныя возраженія, заставляющія насъ сомнѣваться въ возможности счастья здѣсь — на землѣ. Такъ, относительно той роли, которую играетъ здѣсь случай, онъ говоритъ: „случай, конечно, дѣйствуетъ постоянно и очень часто противъ нашихъ прямыхъ интересовъ. Однако, развѣ борьба съ случаемъ, предвидѣніе его не заставили культурное человѣчество воспитывать свою волю, развивать въ себѣ умѣніе защищаться отъ такъ называемыхъ ударовъ судьбы? Съ извѣстной точки зрѣнія, жизнь цивилизованнаго европейца вся держится за систему страхованія отъ разныхъ случайностей и опасностей... Къ нимъ вѣдь сводятся и катастрофы, исходящія отъ внѣшней природы; а неизмѣнность ея законовъ, на которую мы всѣ такіе охотники негодовать и жаловаться, есть основное и безусловное благо: только эти законы и позволяютъ намъ бороться съ природой; только они и дѣлаютъ возможнымъ осуществленіе извѣстныхъ цѣлей въ интересахъ нашего благополучія“. По поводу этихъ, только что приведенныхъ нами, словъ автора, мы должны замѣтить, что онъ, конечно, правъ съ своей, извѣстной уже намъ, тенденціозной точки зрѣнія, по которой жизнь людей на землѣ зависитъ отъ слѣпаго и неразумнаго случая и отъ внѣшнихъ законовъ или силъ природы. Но если разсуждать съ христіанской точки зрѣнія, то вмѣсто случая, которому отдаетъ такое предпочтеніе нашъ авторъ, придется поставить на первомъ планѣ другую, болѣе высшую и разумную силу. Эта сила въ христіанствѣ носитъ названіе Воли Божіей, отъ которой вполнѣ зависятъ всѣ существа на свѣтѣ, какъ одушевленные, такъ и неодушевленные, начиная съ человѣка, животныхъ и растений и кончая горами, камнями и песчинками въ безднахъ морскихъ. Въ зависимости отъ этой Силы находятся, какъ извѣстно, и всѣ законы природы, видимые нами простымъ или вооруженнымъ глазомъ, такъ что, по выраженію церковной пѣсни, *идъже хоцетъ Богъ, побъждается естества чинъ* (Богород. догмат. 7-го гл.). Что-же, спрашивается теперь, можетъ сдѣлать человѣкъ своими соб-

ственными единичными или совокупными силами, направленными къ тому, чтобы осуществить какія-либо цѣли въ интересахъ своего благополучія и счастья? По большей части, онъ оказывается безсильнымъ въ этомъ случаѣ.

Что касается третьяго факта, приводимаго нѣкоторыми противъ возможности счастья на землѣ, именно „темперамента“, или „характера“, или „нрава, всего чаще унаслѣдованнаго нами, а не приобрѣтеннаго по доброй волѣ“: то „эта величина,—по словамъ автора,—весьма серьезная въ вопросѣ о счастьѣ“. Относительно этого факта онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „темпераментъ, все равно какъ расположеніе къ извѣстнымъ видамъ болѣзненности, есть недочетъ, съ которымъ человѣкъ мыслящій, способный наблюдать самого себя, долженъ бороться“. Мысли, какъ извѣстно, вполнѣ согласныя съ христіанскимъ взглядомъ на человѣческую жизнь. Позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько словъ о томъ же самомъ предметѣ другого извѣстнаго англійскаго ученаго Джона Мессона. Въ своемъ трактатѣ „о самопознаніи“ онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „если кто хочетъ узнать себя, тотъ долженъ изучить свой природный темпераментъ, склонности своего сложенія и любимыя страсти, потому что отъ нихъ, чаще всего, мы судимъ превратно, и они дѣлаютъ перевѣсъ [надъ нашимъ умомъ"... 1) Мало того изучить, но и „съ большимъ стараніемъ заботиться о такомъ улучшеніи своего нрава, чтобы онъ располагалъ его къ самопознанію.“ 2) Въ этомъ и состоитъ развитіе христіанскаго характера. „Такъ какъ это развитіе,—по словамъ извѣстнаго датскаго ученаго, епископа Зеландскаго Мартенсена,—есть не просто естественный процессъ, а есть развитіе въ сферѣ нравственной свободы, гдѣ два главные фактора—Богъ и человѣкъ, то отсюда проистекаетъ слѣдующая задача: въ каждый моментъ исторіи нашего развитія испытывать, „что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная“, относительно насъ. Знать волю

1) „О самопознаніи“. Трактатъ І. Мессона. Перев. съ англ. Изд. третье. М. 1872 г. Стр. 75.

2) Тамъ же.. Стр. 185

Божію, благую и угодную, значить не только познавать волю Божию вообще, какъ она раскрывается предъ нами въ законѣ и Евангеліи, но познавать, какова Его воля *о насъ и съ нами*, какъ въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ, такъ и вообще въ ходѣ нашей личной жизни. Поэтому мы должны стараться имѣть живѣйшую и нѣжнѣйшую чувствительность къ гласу Божию и Его вѣщаніямъ, какъ въ нашей внутренней жизни, такъ и во внѣшнихъ событіяхъ и судьбахъ, случающихся именно съ нами, дабы намъ нигдѣ и никогда не быть глухими къ зову нашего Господа, никогда не терять и не ошибаться въ богожеланномъ развитіи“... 1)

Наконецъ, авторъ разбираемой нами статьи останавливается на „соображеніи: насколько идея счастья держится въ душѣ чловѣка за *будущее*, насколько она соединена съ идеей *прогресса*, этого преобладающаго понятія нашего вѣка?“ Поставивъ этотъ вопросъ, онъ отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ: „самое преобладаніе идеи прогресса указываетъ уже на то, что оптимистическое настроеніе играетъ главную роль въ самочувствіи культурнаго чловѣчества. Поэтому-то пессимисты и должны отрицать прогрессъ, что они и дѣлаютъ... Господа—отрицатели всякой цѣнности жизни и всякой возможности счастья—продолжаетъ далѣе авторъ—пускай себѣ мудрятъ въ предѣлахъ личныхъ оцѣнокъ добра и зла, боли и наслажденія, но въ дѣлѣ индуктивнаго изученія историческаго развитія культурнаго чловѣчества есть уже такіе итоги, противъ которыхъ нелѣпо протестовать. И для нашего вопроса о счастьѣ мы вправѣ указывать на тѣ пріобрѣтенія, какія даны историческимъ развитіемъ и должны неминуемо служить положительнымъ, а не отрицательнымъ сторонамъ жизни“. Въ числѣ этихъ пріобрѣтеній, на первомъ планѣ нужно поставить, по словамъ автора, умственный и нравственный прогрессъ, затѣмъ матеріальный. Правда, послѣдній „прогрессъ даетъ отрицателямъ его поводъ обвинять цивилизацію въ притупленіи чувствъ и наслажденій“; но,

1) „Христіанское ученіе о нравственности“, доктора богословія, еп. Зеландекаго въ Даніи, Мартенсена. Перев. съ англ. Изд. А. Лопухина. Томъ II. Часть 1-я. С.-Пет. 1890 г. Стр. 407—408.

„если и справедливо, что съ развитіемъ культуры происходитъ нѣкоторая потеря чувствительности, вмѣстѣ съ ослабленіемъ силы и яркости многихъ пріятныхъ ощущеній, то отъ сколькихъ же тягостныхъ видовъ страха и душевной подавленности избавился развитой чловѣкъ, прямо вслѣдствіе успѣховъ своего умственнаго и нравственнаго развитія? Прогрессъ, уменьшая источники и физические и нравственныхъ страданій, долженъ давать ему и волѣ болѣе свободы, времени и случая развивать себя. Точно также нелѣпо отрицать безусловныя улучшенія внѣшней обстановки жизни, народженіе совершенно новыхъ перемѣнъ, и матеріальныхъ, и общественныхъ, въ силу которыхъ и люди самаго скромнаго достатка, могутъ пользоваться многимъ, что прежде было доступно только избранникамъ“. Поэтому противъ неосмысленнаго пессимизма, распространяемаго нѣкоторыми въ послѣднее время, „слѣдовало бы,—по словамъ автора,—почаще напоминать о тѣхъ видахъ прогресса, которые прямо относятся къ общественнымъ сторонамъ жизни“. Такъ, по словамъ его же, „стоитъ вопросъ о связи, существующей между идеей счастья и тѣмъ, что резюмируетъ собою слово *прогрессъ*“. Что мы должны замѣтить здѣсь по поводу этихъ словъ автора? Намъ понятно выраженіе: *прогрессъ*, употребляемое само по себѣ, или же въ приложеніи его къ тѣмъ понятіямъ, которыя хотятъ имъ обозначить, напр., *умственный, нравственный, матеріальный прогрессъ*. Но что такое *будущее*, о которомъ упоминаетъ авторъ въ своей статьѣ? Насколько оно является гарантіей и обезпеченіемъ счастья? Не трудно догадаться по понятіямъ и мыслямъ автора, изложеннымъ нами ранѣе, что это *будущее* не особенно далеко распространяется впередъ и, такимъ образомъ, является не особенно живучимъ. Очевидно, что предѣлы этого будущаго ограничиваются одною только здѣшнею земною, видимою и преходящею, областію и не простираются въ другую область, лежащую по ту сторону гроба,—въ область небесную, невидимую и вѣчную. Да, будущее автора не идетъ далѣе того времени, когда, по слову Божию, *откроется новое небо и новая земля, въ нихъ же правда живетъ* (2 Петр. III, 13)! По крайней мѣрѣ, мы не находимъ въ его статьѣ ни одного

намека на это. Относительно этого, равно какъ и вообще относительно христіанскаго образа мыслей, онъ пребываетъ въ упорномъ молчаніи, которое, конечно, не дѣлаетъ ему чести, какъ публичному лектору, выступающему съ своей статьей среди христіанскаго общества...

Разбирая вопросъ объ идеѣ счастья, насколько она держится въ душѣ человѣка за будущее (а каково это будущее, мы видѣли сейчасъ), авторъ останавливается еще на вопросѣ: „не противорѣчатъ-ли прогрессъ, т.-е., достижимость счастья въ будущемъ, научной теоріи *эволюции*, какъ она была формулирована во второй половинѣ нашего вѣка,“ — теоріи, которая, „получивъ названіе Дарвинизма, въ глазахъ и не однихъ пессимистовъ имѣетъ довольно мрачную окраску: роковая борьба за жизнь, естественный подборъ, безпощадное устраненіе всего, что окажется слабымъ и неумѣлымъ“? Этотъ вопросъ онъ рѣшаетъ въ отрицательномъ смыслѣ и рѣшаетъ слѣдующимъ образомъ: „если естественный подборъ будетъ все таки дѣйствовать, такъ или иначе, и въ культурномъ человѣчествѣ, то нравственные импульсы, выразителями которыхъ является общественное мнѣніе, будутъ также развиваться въ свой чередъ. И все, что вредно для физическаго и нравственнаго здоровья, все, что грозитъ нарождающимся поколѣніямъ, должно подпадать, чаще и разумнѣе, подъ контроль коллективнаго разума и общей совѣсти. Этимъ путемъ, а не какимъ-либо другимъ, и долженъ происходить подборъ во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни“. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, авторъ является горячимъ сторонникомъ и защитникомъ возможности и достижимости счастья на землѣ и для отдѣльныхъ личностей, и для всего общества, если не въ данный моментъ, то въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Каковъ-же послѣдній заключительный выводъ дѣлаетъ онъ въ своей статьѣ? „Счастье,—говоритъ онъ,—нельзя сводить къ одному балансу между страданіемъ и наслажденіемъ. Наслажденіе и страданіе—только показатели извѣстныхъ состояній нашей души. Какъ критерій, они недостаточны. Мы можемъ наслаждаться или бѣдствовать, но вселенная, наша планета и все человѣчество пойдутъ своимъ путемъ“. Въ чемъ-же состоитъ теперь или, по крайней мѣрѣ,

въ будущемъ возможное счастье?—„Въ томъ, какъ говорить авторъ, чтобы сообразовать жизнь своего „я“ съ тѣмъ, что заложено отъ вѣка въ многообразное бытіе, котораго мы—ничтожная доля, ничтожная по матеріальной величинѣ и силѣ, но драгоценная по степени душевнаго развитія“. Въ этомъ сообразованіи имѣетъ великое значеніе, по словамъ его, „сознаніе, безъ котораго никто изъ насъ и не задавалъ бы себѣ вопроса, *что такое счастье и достижимо-ли оно?* Это сознаніе помогало человѣчеству вырабатывать себѣ такіе идеалы и цѣли, при которыхъ грубое мѣрило наслажденія и боли теряло свою цѣнность. Почему же,—такъ говоритъ въ заключеніе авторъ,—не укрѣпиться въ той вѣрѣ, что счастье станетъ тѣмъ достижимѣе, чѣмъ наши цѣли и идеалы будутъ подниматься, выше и выше, надъ алчными аппетитами и суетными тревогами личнаго „я“, стремясь къ гармоніи между запросами разума, чувства и воли“. Итакъ, въ послѣднихъ заключительныхъ словахъ своихъ авторъ указываетъ на *высшіе идеалы и цѣли*, въ зависимости отъ которыхъ находится и самый вопросъ о счастьи, о скорѣйшемъ по возможности достиженіи его здѣсь на землѣ. Но каковы эти идеалы и цѣли, въ чемъ они заключаются, какимъ образомъ должны проводиться въ жизнь, такъ чтобы, при своемъ проведеніи, производили всякій разъ „гармонію между запросами разума, чувства и воли“,—обо всемъ этомъ онъ ничего не говоритъ въ своей статьѣ. Почему-же?—спросимъ. Да потому, что все это входитъ, какъ извѣстно, въ другую, чуждую и враждебную ему, область, именно въ область христіанства. И выходитъ, такимъ образомъ, то, что вся статья автора по вопросу о счастьѣ представляетъ собою, за исключеніемъ всѣхъ ея шероховатостей и неправильностей, на которыя мы указали въ своемъ изложеніи, какъ-бы введеніе только къ другому сочиненію, имѣющему въ виду разобрать тотъ же предметъ съ христіанской точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, авторъ оставилъ свой трудъ недоконченнымъ въ такомъ именно видѣ, въ какомъ онъ представилъ его своимъ слушателямъ въ собраніи ихъ въ Историческомъ Музеѣ. Постараемся теперь привести его къ концу, освѣтивъ его съ другой стороны, со стороны христіанства. Такимъ образомъ мы мало-

по-малу и незамѣтно подошли къ тому вопросу, который намѣтили въ началѣ своей бесѣды, именно: *къ вопросу объ истинномъ счастьи съ христіанской точки зрѣнія*, о чемъ скажемъ въ слѣдующій разъ.

II.

Изъ историческаго обзорѣнія, сдѣланнаго авторомъ статьи: „что такое счастье“ г. Боборыкинымъ, мы видѣли, что онъ намѣренно пропустилъ цѣлую эпоху въ этомъ обзорѣніи,— эпоху, которая носитъ названіе *христіанства* и отъ которой, какъ извѣстно, получили свою окраску дальнѣйшія историческія эпохи, прежде всего, эпоха Среднихъ Вѣковъ съ своимъ крайне пессимистическимъ взглядомъ на жизнь людей на землѣ и, затѣмъ, эпоха, такъ называемаго, Великаго Возрожденія съ своимъ противоположнымъ первому оптимистическимъ взглядомъ на ту же самую жизнь. Съ послѣдней эпохи, по заявленію автора, „пошла собственно европейская жизнь, въ нѣдрахъ которой сложились люди“. Но откуда-же, спросимъ, получила эта эпоха свое начало? Не отъ того-ли самаго христіанства, о которомъ авторъ не счелъ нужнымъ и удобнымъ сказать хотя бы одно слово въ своемъ обзорѣніи и которое въ одномъ случаѣ примѣненія его къ жизни, именно въ эпоху Среднихъ Вѣковъ, привело, какъ мы видѣли, къ печальнымъ результатамъ „религіознаго мистицизма и жизнененавистничества“, въ другомъ случаѣ, въ эпоху Великаго Возрожденія, привело къ жизнерадостному состоянію людей вслѣдствіе признанія ими возможности довольства и благополучія на этой землѣ? Мы не будемъ, конечно, входить здѣсь въ объясненіе того, отчего произошли эти историческія событія, освѣтившія собою двѣ упомянутыя нами эпохи съ разныхъ сторонъ. Мы хотимъ поставить вопросъ въ болѣе прямой и существенной формѣ, ближе всего относящейся къ нашей задачѣ. Именно, мы хотимъ спросить: какъ относится христіанство, которое безъ сомнѣнія, вліяло на всѣ дальнѣйшія эпохи, имѣвшія мѣсто послѣ его возникновенія, и влія-

ніе котораго отражалось въ той или иной степени на всѣхъ людяхъ, соприкасавшихся съ нимъ,—какъ относится христіанство къ вопросу о возможности для людей счастья на землѣ; признаетъ-ли оно, прежде всего, эту самую возможность, отъ осуществленія которой зависитъ счастье и довольство; затѣмъ, въ чемъ выражается это осуществленіе возможности и достиженіе людьми счастья земного и временнаго; наконецъ, въ чемъ состоитъ наше будущее счастье на небѣ. Отвѣтъ на эти вопросы и составляетъ ближайшую нашу задачу, которую мы должны разрѣшить теперь. Что касается перваго вопроса, т.-е., признаетъ-ли христіанство возможность земного счастья, то на него мы должны дать положительный отвѣтъ. Христіанство никогда не проповѣдывало людямъ о какомъ-то „принципѣ жизнененавистничества, кореннаго отрицанія возможности счастья на землѣ“,—принципѣ, который выдумали потомъ сами люди и который сталъ, какъ извѣстно, печальнымъ явленіемъ Среднихъ Вѣковъ, когда скептицизмъ и пессимизмъ среди нихъ былъ развитъ до высшей степени, когда человѣческая жизнь нисколько не цѣнилась и ставилась ни во что, когда люди легко и безстрашно разставались съ этою жизнію во имя какихъ-то, по большей части, сомнительныхъ идеаловъ. Это—болѣзненное явленіе, хотя и приписываемое нѣкоторыми по своему происхожденію къ христіанству, но ничего общаго не имѣющее съ истиннымъ христіанствомъ, идеалы котораго возвѣщены были нѣкогда Христомъ Спасителемъ во всеобщее услышаніе людей и до сихъ поръ содержатся твердо и неизмѣнно во святой Церкви Православной. Правда, въ самомъ христіанствѣ мы слышимъ такую проповѣдь изъ устъ Христа Спасителя нашего: „кто хочетъ душу свою сберечь; тотъ потеряетъ ее: а кто потеряетъ душу свою ради Меня; тотъ обрѣтетъ ее“ (Матѳ. XVI, 25; X, 39). Но какъ непохоже это отношеніе къ душѣ или жизни нашей, заповѣданное Господомъ, на отношеніе къ тому же самому людямъ, жившихъ въ Средніе Вѣка, когда они теряли или, какъ это характерно выражено въ церковно-славянскомъ чтеніи этого мѣста Священнаго Писанія, „губили“ души свои и другихъ лицъ исполненіемъ однихъ только виѣшне-формальныхъ обязанностей,

хотя бы даже по наружности своей близко подходящихъ къ христіанскимъ, напр., въ видѣ суроваго и безплоднаго монашескаго аскетизма. Одни изъ нихъ, какъ извѣстно, предавались съ этою цѣлю такимъ тѣлеснымъ подвигамъ, въ родѣ самоистязаній, бичеваній и т. п., которыя близко подходятъ къ современнымъ самоубійствамъ. Въ этомъ отношеніи прямую и какъ-бы непосредственную связь съ Средними Вѣками имѣетъ наше время, когда манія самоубійствъ получила, такъ сказать, своего рода привилегію и гражданственность. Другіе же руководились уже совсѣмъ не христіанскими понятіями и правилами, допуская, напр., чувство гнѣва или мести въ цѣляхъ удовлетворенія своего личнаго или общественнаго чувства чести. Припомнимъ времена рыцарства, когда изъ-за обожанія женщины такъ легко теряли свою собственную и чужую жизнь на, такъ называемыхъ, турнирахъ и другихъ, подобныхъ имъ, состязаніяхъ. Что-же, спросимъ, побуждало людей руководиться тогда, а отчасти и теперь, такимъ именно образомъ? Все тотъ же пессимистическій взглядъ на жизнь, неудовлетворенность которой чувствовалась на каждомъ шагу. Люди не видѣли никакой цѣли въ этой земной жизни, не испытывали никакой радости, никакого утѣшенія въ ней. Счастье для такихъ людей было не дѣйствительное или реальное, а воображаемое или идеальное: оно предносилось въ ихъ умѣ и отсутствовало въ ихъ сердцахъ. Но „развѣ“,—скажемъ словами нашего автора,—„такая темница безъ просвѣта могла не вызвать въ человѣчествѣ, способномъ на культурное развитіе, взрыва жизненныхъ позывовъ къ свѣту, къ радости, къ высшимъ наслажденіямъ красотой, искусствомъ, мозговой работой, обращенной на таинства природы“? Да, вызвала и, притомъ, въ сильной степени совершенно противоположныя чувства и стремленія! Это сдѣлала, по его мнѣнію, эпоха Великаго Возрожденія. По нашему же мнѣнію, первоначальный зародышъ всего этого глубоко коренится въ христіанствѣ, которое предвидѣло это обстоятельство съ самаго начала и потому дало людямъ извѣстныя правила и руководства въ ихъ земной жизни и дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ христіанство когда нибудь игнорировало эти послѣднія? Развѣ оно допус-

кало спасеніе людей помимо устроенія ихъ собственной (частной или общественной) жизни на землѣ? Развѣ оно не признавало въ ней ничего такого, что способно было вызвать, какъ реакцію, культурное человѣчество въ эпоху Великаго Возрожденія? Христіанство, какъ извѣстно, никогда не относилось враждебно, а тѣмъ болѣе отрицательно, къ этой временной жизни нашей на землѣ. Нѣтъ, оно видѣло въ ней всегда одно изъ главныхъ средствъ или путей, ведущихъ человѣка—христіанина къ истинному спасенію. А если такъ, то, слѣдовательно, оно должно было признавать въ нѣкоторой степени и право существованія въ ней довольства, благополучія и счастья,—пусть слишкомъ кратковременнаго и непрочнаго, но все же улыбавашагося иногда людямъ и служившаго ихъ достоиніемъ здѣсь—на землѣ. Христіанство, борясь противъ грѣховнаго и нечистаго въ этомъ мірѣ, возставая противъ всего, что служитъ преградой или же препятствіемъ на пути людей къ ихъ вѣчному спасенію, собственно говоря, ничего подобнаго не имѣетъ въ виду относительно тѣхъ отношеній ихъ къ земной жизни, которыя складываются у нихъ такъ или иначе въ силу ихъ необходимости и которыя, считаясь по своему происхожденію, имѣютъ чистый и свѣтлый источникъ въ божественномъ ученіи Христовомъ. Изъ этого послѣдняго намъ, конечно, хорошо извѣстны тѣ взгляды и сужденія, которыми мы должны постоянно руководиться въ своей жизни на землѣ по отношенію къ вопросу о нашемъ благополучіи и счастья. Что-же? спросимъ. Неужели Христосъ Спаситель когда-нибудь проповѣдывалъ о томъ, что для пріобрѣтенія вѣчнаго спасенія на небѣ каждому человѣку нужно совсѣмъ отказаться отъ жизни и дѣятельности его на землѣ? Неужели Онъ не признавалъ ни за кѣмъ ровно никакого права и участія въ пользованіи благами земли, временными и скоропреходящими, для того чтобы составить себѣ здѣсь нѣкотораго рода счастье и блаженство, которое бы служило залогомъ того же самаго въ будущемъ? Правда, Онъ говорилъ однажды Своимъ первымъ ученикамъ и послѣдователямъ, по профессіи, рыбакамъ галилейскимъ: „идите за Мною, и я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ“ (Мат. IV, 19). И тѣ, какъ извѣстно, охотно шли на Его призывный

голосъ, оставляя въ сторонѣ домъ, семейство и хозяйство свое, которымъ занимались прежде (ст. 20—22). Въ другой разъ Онъ говорилъ Своимъ ученикамъ и послѣдователямъ изъ народа: „кто оставитъ дома, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради имени Моего, получитъ во сто кратъ, и наследуетъ жизнь вѣчную“ (Мат. XIX, 29). Народу же, слѣдовавшему за Нимъ всегда въ большомъ количествѣ, говорилъ иногда слѣдующее: „если кто приходитъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, а притомъ и самой жизни своей; тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ“ (Лук. XIV, 26). Одному богатому юношѣ, спрашивавшему у Него совѣта: что ему дѣлать для того, чтобы имѣть жизнь вѣчную, Онъ сказалъ: „пойди, продай имѣние свое, и раздай нищимъ и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, и слѣдуй за Мною“ (Мат. XIX, 21). Другому юношѣ, спрашивавшему у Него позволенія прежде пойти и похоронить отца своего, Онъ сказалъ: „иди за Мною, и предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ“ (Мат. VIII, 21—22). Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы должны, конечно, постигать истинный смыслъ изреченій Христа Спасителя, направленныхъ, какъ мы видѣли, то къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ личностямъ, то вообще ко всему народу, желавшему послѣдовать за Нимъ и считаться Его учениками. Мы должны непременно знать, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ бывали произносимы Имъ тѣ или другія изреченія. Въ первомъ случаѣ, т. е., когда Христосъ обращался къ нѣкоторымъ лицамъ порознь, нужно принимать во вниманіе обстоятельства ихъ личной жизни. Въ этомъ случаѣ изреченія Его по большей части носятъ характеръ частныхъ совѣтовъ или наставленій, примѣнимыхъ только къ ихъ состоянію и не всегда обязательныхъ для исполненія другихъ. Во второмъ случаѣ, т. е., когда Христосъ обращался ко всему народу, нужно принимать во вниманіе обстоятельства времени, при какихъ становится возможнымъ и даже необходимымъ осуществить эти изреченія Его, а при какихъ нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ: нельзя же прилагать ко всѣмъ людямъ заповѣдь Христову, напр., объ оставленіи мужемъ жены или,

наоборотъ, жены мужемъ. Вѣдь это противорѣчило бы другой Его заповѣди: „что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ“ (Мат. XIX, 6). Точно также, нельзя прилагать ко всѣмъ и заповѣдь Христову о возненавидѣніи отца своего или матери, что противорѣчило бы другой Его заповѣди, гласящей: „почитай отца и мать“ (Мат. XIX, 19). Нѣтъ; здѣсь нужно строго различать, во-1-хъ, частныя или личные обстоятельства каждаго человека и, во-2-хъ, общественную среду или обстоятельства времени, при которыхъ сопровождалась всякій разъ вышеупомянутыя изреченія Господа и отъ которыхъ зависитъ исполненіе или неисполненіе ихъ въ жизни разными лицами. Что для одного человека становится по нимъ истиннымъ благомъ, то для другого можетъ служить истиннымъ зломъ, если онъ вздумаетъ слѣпо и неразумно слѣдовать имъ въ своей жизни. Поэтому, мы должны согласиться съ тѣмъ, что І Христосъ не отъ всѣхъ равно и одинаково требовалъ исполненія нѣкоторыхъ Своихъ заповѣдей, говорящихъ, повидимому, противъ возможности счастья здѣсь, на землѣ. А если такъ, то, значить, Онъ признавалъ въ нѣкоторой степени возможность этого самаго счастья. И дѣйствительно, стоитъ намъ, напр., обратить вниманіе на нѣкоторыя отношенія Его къ жизненнымъ вопросамъ, возникшимъ въ Его время, для того, чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ. Такъ, напр., представился однажды Христу случай заплатить дань сборщикамъ податей на храмъ и на разныя принадлежности въ немъ, и Онъ, какъ извѣстно, не отказался заплатить эту дань въ видѣ статира или четырехъ драхмъ, которыя и велѣлъ отдать за Себя и за Апостола Петра (Мат. XVII, 24—27). Въ другой разъ, при искушеніи Спасителя со стороны фарисеевъ и иродіанъ, при лукавыхъ и лъстивыхъ словахъ, обращенныхъ къ Нему этими послѣдними: „позволительно-ли давать подать Кесарю, или нѣтъ?“— Онъ заповѣдалъ, „воздавая Божію Богови“, отдавать также и „Кесарева Кесареви“ (Мат. XXII, 15—21). Для чего-же это? Для того, безъ сомнѣнія, чтобы не разрушать, а, напротивъ, созидать и укрѣплять земное счастье и благополучіе людей, держащееся всегда при взаимной ихъ поддержкѣ и помощи, подобно тѣлесному организму, который состоитъ

изъ многихъ, весьма разнообразныхъ, большихъ и малыхъ, членовъ, находящихся впрочемъ въ тѣсной связи между собою и вполне зависящихъ одинъ отъ другого въ вопросѣ относительно здоровой или нормальной жизни, относительно процвѣтанія и благоденствія его здѣсь—на землѣ. Далѣе, есть одинъ случай, описанный также въ Евангеліи, случай еще болѣе рельефно изображающій отношеніе Христа къ вопросу о житейскомъ счастьи. Этотъ случай—присутствіе Его на бракѣ въ Канѣ Галилейской и чудесное превращеніе Имъ тамъ воды въ вино, вслѣдствіе оказавшагося недостатка въ послѣднемъ. Для чего, спросимъ, нужно было Христу совершить это великое чудо, не говоря уже о томъ, что Онъ захотѣлъ лично присутствовать на этомъ брачномъ торжествѣ? Безъ сомнѣнія, все для той же самой цѣли, т.-е., для того, чтобы показать, что Онъ нисколько не имѣетъ въ виду разрушать или уничтожать земное счастье людей. Еслибы Христосъ не хотѣлъ составить прежде всего семейное счастье жениха и невесты, а затѣмъ всеобщее довольство присутствовавшихъ на брачномъ пирѣ гостей, то Онъ, конечно, не присутствовалъ бы на немъ и не совершилъ бы этого чуда. Приведенные случаи ясно говорятъ намъ о томъ, что Христосъ никогда не относился враждебно къ вопросу о земномъ счастьи людей, въ какомъ бы видѣ оно ни представлялось имъ, лишь бы только было дозволеннымъ и не переступало границъ закона. Если такое, повидимому, маловажное требованіе, встрѣченное Господомъ на брачномъ пирѣ, вполне удовлетворено было Имъ тогда; то что-же сказать теперь объ отношеніи Его къ самому жизненному явленію, вызвавшему собою этотъ пиръ, именно: къ браку? Мало того, что Христосъ Своимъ присутствіемъ на немъ какъ-бы освятилъ его для всѣхъ грядущихъ поколѣній, какъ одно изъ семи церковныхъ таинствъ, Онъ „положилъ“ еще тогда же, по словамъ Евангелиста Іоанна, „начало чудесамъ въ Канѣ Галилейской, и явилъ славу Свою; и увѣровали въ Него ученики Его“ (Іоан. II, 11). Точно также и во многихъ другихъ случаяхъ Господь никогда не упускалъ удобнаго момента высказать Свои замѣчанія по вопросу о земномъ счастьи, которое Онъ признавалъ неотъемлемымъ достояніемъ каждаго чело-

вѣка, но только въ различной степени и подъ различными, такъ сказать, видами. Такъ, напр., давъ совѣтъ одному юношѣ продать имѣніе свое и раздать нищимъ, Онъ въ то же время заповѣдалъ другимъ людямъ „приобрѣтать себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ“ (Лук. XVI, 9). Если такой взглядъ имѣлъ Христосъ Спаситель на земное счастье и благополучіе людей, то тѣмъ же самымъ взглядомъ постоянно руководится въ этомъ случаѣ и учрежденная Имъ Церковь. Эта послѣдняя въ числѣ многочисленныхъ своихъ молитвъ и прошеній къ Господу Богу вводитъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ такихъ молитвъ и прошеній, которыя касаются устройства временной нашей земной жизни и имѣютъ въ виду исключительно ея благополучіе и счастье. Такъ, св. Церковь молится ежедневно въ великой эктениі, произносимой почти за каждой службой ея, между прочимъ, и „о изобиліи плодовъ земныхъ“. Въ литургіи же св. Василія Великаго она молится и проситъ устами іерея въ важныя минуты священнодѣйствія церковнаго, послѣ пресуществленія св. Даровъ, о томъ, чтобы Господь „сокровища“ всѣхъ людей, какъ „предстоящихъ, такъ и ради благословныхъ винъ оставшихся“, „исполнилъ всякаго блага“; чтобы Онъ „явился имъ богатыми Своими щедротами, благорастворены и полезны воздухи имъ даровалъ, дожди мирны земли къ плодоносію“¹⁾. О томъ же самомъ упоминается и въ другихъ ея молитвахъ. Такъ, напр., въ одной изъ молитвъ, положенныхъ при вѣчаніи, мы читаемъ слѣдующее: „даждь има (т.-е., жениху и невестѣ, приступающимъ къ таинству брака) и отъ тука земнаго: исполни дома ихъ пшеницы, вина и елеа, и всякія благодѣтели, да преподають и требующимъ, даруя купно и сущимъ съ ними вся яже ко спасенію прошенія“²⁾. Все это, конечно, должно наводитъ насъ на ту мысль, что христіанство никогда не игнорировало вопроса о возможности счастья людей здѣсь—на землѣ и всегда признавало эту возможность, какъ вполне согласную съ положеніемъ ихъ въ той или другой жизненной роли, принятой ими на себя и занимаемой въ данное время,

1) Службеникъ.

2) Треникъ.

такъ точно нисколько не препятствующую имъ въ дѣлѣ высшей заботы о спасеніи собственной своей души или, по словамъ Христовымъ, въ дѣлѣ „исканія царствія Божія и правды Его“ (Матѳ. VI, 33)...

Признавая вообще возможность счастья здѣсь—на землѣ, христіанство въ частности допускаетъ различные виды этого счастья. Мы видѣли уже, какъ христіанство относится къ одному изъ такихъ видовъ, именно: къ браку или взаимной жизни двухъ связанныхъ посредствомъ него лицъ. Супружеская и семейная жизнь, которая представляетъ источникъ чистыхъ и высшихъ радостей и удовольствій, какія только могутъ быть доступны земнороднымъ, является по христіанству вовсе не препятствіемъ къ дѣлу вѣчнаго спасенія ихъ душъ. Точно также христіанство относится и къ другимъ разнообразнымъ видамъ человѣческой жизни. Развѣ, напримѣръ, христіанство когда-нибудь запрещало истинную дружбу между людьми? Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ считалъ Себя другомъ Лазаря въ то время, когда жилъ на землѣ. А вѣдь въ дружбѣ, какъ извѣстно, заключается не мало счастья и утѣшенія для лицъ дружественныхъ между собою. Доступны въ той или другой мѣрѣ христіанству и всѣ „высшія наслажденія красотой, искусствомъ, мозговой работой, обращенной на таинства природы“. Ко всѣмъ этимъ проявленіямъ человѣческой жизни оно всегда относилось какъ нельзя болѣе благосклонно и снисходительно. Ни наука вообще, какого бы рода она ни была, ни естествознаніе въ частности, какъ одинъ изъ видовъ науки, „обращенной на таинства природы“, ни живопись, ни поэзія, ни музыка,—ничто изъ всего этого и другого подобнаго ему не исключено изъ христіанства, какъ лишенное будто смысла и препятствующее созданію земного счастья. А если такъ, то значитъ христіанство никакъ нельзя назвать „темницей безъ просвѣта“, каковое названіе нашъ авторъ прилагаетъ къ эпохѣ Среднихъ Вѣковъ. Последнюю, дѣйствительно, можно назвать этимъ именемъ; но никакъ нельзя назвать имъ христіанство, которое, какъ мы видимъ, допускаетъ въ этой жизни всевозможнаго рода счастье для людей, устроющихъ такъ или иначе свою жизнь на землѣ...

Въ чемъ-же, спросимъ теперь, выражается осуществленіе возможности и достиженіе людьми счастья земного и временнаго? Иначе сказать: что слѣдуетъ разумѣть подъ *идею* этого счастья съ христіанской, конечно, точки зрѣнія?

Мы видѣли уже, когда разбирали взглядъ нашего автора на „коренныя наличныя условія, отъ которыхъ зависитъ тотъ или иной характеръ нашего существованія“ здѣсь—на землѣ, въ чемъ главнымъ образомъ состоятъ они. Они—эти условія—состоятъ: прежде всего, въ признаніи зависимости нашей, какъ духовно-тѣлесныхъ существъ, отъ Господа Бога, какъ Единаго и Верховнаго Существа; затѣмъ, въ признаніи зависимости нашей отъ вѣшняго физическаго міра, въ которомъ мы живемъ, и, наконецъ, въ признаніи зависимости нашей отъ другихъ, подобныхъ намъ, существъ, среди которыхъ протекаетъ по большей части наша жизнь на землѣ. Если существуетъ у людей такая троякаго рода зависимость ихъ по отношенію къ земному счастью и благополучію, то должны же, конечно, существовать и извѣстнаго рода обязанности, возлагаемыя на нихъ для постоянного соблюденія ихъ въ жизни. Намъ извѣстны эти обязанности изъ десяти заповѣдей закона Божія, изъ которыхъ первыя четыре имѣютъ въ виду обязанности наши по отношенію къ Богу, а послѣднія шесть—обязанности наши по отношенію къ другимъ людямъ—ближнимъ нашимъ. Всѣ же въ совокупности онѣ содержатъ въ себѣ также и обязанности наши по отношенію къ видимому нами міру, ибо очевидно, что, живя только въ этомъ послѣднемъ, мы можемъ исполнять тѣ или другія обязанности къ Богу и ближнему. Вотъ въ исполненіи-то этихъ заповѣдей, отъ ихъ взаимной гармоніи между собою, при проведеніи ихъ всякій разъ въ жизнь человѣка, и состоитъ земное счастье и благополучіе съ христіанской точки зрѣнія. Какимъ именно образомъ? А вотъ какимъ. Христіанство учитъ, напр., что есть на небѣ Господь Богъ, превѣчный и премірный Богъ Отецъ, Который для спасенія всѣхъ насъ—грѣшныхъ людей „не пощадилъ Сына Своего, но за насъ всѣхъ предалъ Его“ (Рим. VIII, 32); Который ради крестной жертвы этого Единороднаго и Возлюбленнаго Сына Своего, Иисуса Христа, даровалъ намъ Духа Своего

Святаго для возрастанія и укрѣпленія нашего въ духовной жизни. Поэтому мы—люди, облагодатствованные такими дарами и милостями со стороны Господа Бога, должны живо и горячо *всрывать* въ Истиннаго Бога и „посланнаго Имъ Иисуса Христа“ (Іоан. XVII, 3) вмѣстѣ со Святымъ Духомъ (Іоан. XV, 26): ибо въ этомъ заключается „жизнь вѣчная“ (Іоан. XVII, 3); должны крѣпко и всегда, во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ своей жизни, *надѣяться* на Этого, Единаго по существу, но Троичнаго въ Лицахъ Бога; должны искренно и пламенно *любить* Его всѣми силами своей души, выражая свою любовь къ Нему и различными внѣшними, приличными этому случаю, знаками и дѣйствіями. Вотъ наши первѣйшія и главнѣйшія обязанности къ Богу! И если мы исполняемъ ихъ, какъ слѣдуетъ, въ своей жизни на землѣ, то мы, по-истинѣ, счастливѣйшія люди во всемъ мірѣ. Справедливо говорить по этому поводу о. прот. І. И. Сергіевъ (Кронштадтскій): „наивысшее благо въ этой и въ будущей жизни есть Богъ, вѣчно живущій, всесовершенный, всеблаженный. Стяжавшій это Благо, имѣющій оное въ душѣ своей, есть счастливѣйшій человекъ“. 1) Въ силу этого чувства, какое испытываетъ христіанинъ по отношенію къ Господу Богу здѣсь—на землѣ, сложилась, вѣроятно, и всѣмъ намъ извѣстная русская пословица: „безъ Бога ни до порога“...

Предписывая извѣстныя заповѣди для исполненія обязанностей нашихъ по отношенію къ Господу Богу, христіанство предписываетъ также заповѣди для исполненія обязанностей нашихъ по отношенію къ ближнему. Кратко формулируя здѣсь эти заповѣди, мы можемъ выразить ихъ однимъ словомъ: *любовь*. *Возлюбиши искренннго твоего яко самъ себе* (Мат. XXII, 39),—такова, какъ извѣстно, заповѣдь, данная Самимъ Иисусомъ Христомъ на всѣ времена и для всѣхъ людей на свѣтѣ. Она составляетъ сущность и тѣхъ шести заповѣдей десятословія, въ которыхъ исключительно содержатся обязанности наши по отношенію къ ближнему. По-истинѣ, любовь есть руководящій принципъ въ взаимныхъ отношеніяхъ людей между собою,—тотъ принципъ, посредствомъ ко-

тораго держится между нами внутренній порядокъ, миръ и гармонія, а слѣдовательно достигается въ той или иной степени счастье и благополучіе въ этой земной жизни. Вѣрно слово Христово и всякаго принятія достойно со стороны насъ—христіанъ: „какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними“ (Лук. VI, 31). Если вы хотите, чтобы они поступали съ вами мирно и любовно, то и сами должны поступать съ ними точно также. Счастье достигается и зависитъ именно отъ любви, понимаемой въ христіанскомъ смыслѣ этого слова. Гдѣ нѣтъ любви, тамъ разрушается, конечно, и счастье. Это такъ очевидно и понятно, что не слѣдовало бы и говорить здѣсь объ этомъ. Но вотъ въ послѣднее время мы слышимъ отовсюду заявленія о непрочности взаимныхъ людскихъ отношеній, основанныхъ на любви, о постепенномъ, такъ сказать, вымирании этого чувства среди людей, носящихъ образъ Божій, и водвореніи на мѣстѣ его противоположнаго ему чувства эгоизма, самолюбія, ненависти, которыя распространяются у насъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. И чѣмъ же, скажите, люди хотятъ въ такомъ случаѣ достигнуть счастья и благополучія въ своей жизни на землѣ? Чѣмъ? Смѣшно сказать: выдумали какую-то систему страхованія отъ разныхъ случайностей и опасностей, представляющихся какъ отъ подобныхъ имъ людей, такъ и отъ внѣшней природы. Отъ этихъ страхованій не освобождается даже и ихъ личная жизнь, которой они хотятъ распорядиться по своему произволу, вопреки прямой и очевидной на то волѣ Божіей. Что-же, спросимъ, увеличивается ли счастье людей отъ такого, можно сказать, искусственнаго обезопасиванія ихъ собственной жизни? Сомнительно. Не умираетъ-ли, какъ мы видимъ, и нынѣ множество людей, не испытывающихъ счастья здѣсь на землѣ, хотя и страхующихъ свою собственную жизнь по послѣднему методу страхованія, придуманному нѣкоторыми лицами для предложенія своихъ будто бы услугъ человечеству, нуждающемуся въ счастливой и безбѣдной жизни на землѣ,—не умираютъ-ли, притомъ, многіе изъ нихъ неестественною или насильственною смертію въ видѣ различнаго рода самоубійствъ, составляющихъ печальный признакъ въ современной жизни рус-

1) Моя жизнь во Христѣ. Томъ I-й. Стр 181.

слага народа? Не обкрадываются ли у нас и теперь частныя и общественныя учрежденія при всѣхъ возможныхъ тщательныхъ предосторожностяхъ и заботахъ, взятыхъ, конечно, заблаговременно? Такимъ образомъ, не разрушается ли счастье тамъ, гдѣ хотятъ закрѣпить его, повидимому, на многіе годы, если только не навсегда? А что сказать здѣсь о тѣхъ мѣрахъ предосторожности, которыя мы принимаемъ въ настоящее время и которыми хотимъ уберечь себя отъ различныхъ случайностей со стороны внѣшней природы? Пожары, наводненія, землетрясенія, неурожай, войны и т. п. бѣдствія на землѣ и на водѣ,—все это такія явленія, которыя трудно мирятся съ какимъ бы то ни было предотвращеніемъ ихъ со стороны человѣка, какъ не входящія въ область его силъ и способностей, а имѣющія своимъ источникомъ или происхожденіемъ по большей части Всемогущаго Господа Бога, Который посылаетъ эти явленія людямъ въ видѣ наказанія или, лучше сказать, въ видѣ вразумленія за тѣ или другія отступленія ихъ отъ заповѣдей Божественнаго Закона Своего. Такъ, дѣйствительно, только при условіи исполненія заповѣдей Божіихъ или, другими словами, при условіи исполненія вышеуказанныхъ обязанностей нашихъ къ Богу и ближнему можетъ создаться земное счастье и благополучіе, котораго такъ жаждутъ теперь люди. Но эти обязанности наши мы можемъ исполнять не иначе, какъ при взаимной тѣсной связи ихъ между собою, т. е., стараясь исполнять обязанности наши къ Богу, мы въ то же время должны исполнять и обязанности наши къ ближнему, и наоборотъ, стараясь исполнять возложенныя на насъ обязанности къ ближнему, мы въ то же время непременно должны исполнять и обязанности къ Богу, если только желаемъ исполнять тѣ и другія, какъ слѣдуетъ. Возьмемъ, напр., одну изъ обязанностей нашихъ по отношенію къ Богу, именно: *любовь къ Нему*. Какъ возможно исполнить эту обязанность? Не иначе, какъ исполняя другую обязанность нашу по отношенію къ ближнему, состоящую въ заповѣди о *любви къ нему*. По словамъ св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, „кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ; тотъ лжець: ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога,

Котораго не видитъ? И мы имѣемъ отъ Него такую заповѣдь, чтобы любящій Бога любилъ и брата своего“ (1 Іоан. IV, 20—21). Такова же существуетъ тѣсная связь и между всѣми другими заповѣдями Божіими. Вотъ когда мы будемъ болѣе и болѣе приближаться къ исполненію ихъ въ своей жизни, вотъ тогда-то незамѣтно можетъ быть для нашихъ тѣлесныхъ очей, но тѣмъ не менѣе ощутительно и благотворно для нашего сердца, будетъ сознаваться присутствіе счастья въ нашей жизни. Тогда, конечно, будутъ лишними и ненужными, а то и просто даже вредными, всѣ тѣ мѣры, которыя вводятся теперь у насъ съ тою цѣлю, чтобы увеличить или, по крайней мѣрѣ, удержать за собою на нѣкоторое время это счастье здѣсь на землѣ. Послѣ всего сказаннаго нами не трудно уже будетъ сдѣлать опредѣленіе истиннаго земного счастья, которое, согласно словамъ нашего автора, будетъ состоять именно „въ продуктѣ волевой дѣятельности надъ всѣмъ огромнымъ матеріаломъ нашихъ чувствованій“. Верховнымъ же элементомъ такого счастья будетъ, по словамъ того же автора, не что иное, какъ „постоянное здоровое напряженіе нашей воли, которая регулируется дѣятельнымъ вниманіемъ, направленнымъ на внѣшнія условія жизни, часто отъ насъ независящія“,—дѣятельнымъ вниманіемъ, которое въ свою очередь питается и поддерживается христіанскимъ образомъ мыслей и чувствъ, отчего и самая жизнь людей получаетъ вполне христіанскій характеръ и направленіе.

Мы должны еще остановиться здѣсь на вопросѣ о томъ, насколько „идея истиннаго счастья держится въ душѣ человѣка за *будущее*, насколько она соединена съ идеей *прогресса*, этого преобладающаго понятія нашего вѣка.“ Какъ же разрѣшается этотъ вопросъ съ христіанской точки зрѣнія? Разбирая въ своемъ мѣстѣ взглядъ на это автора, мы видѣли, что онъ понимаетъ будущее слишкомъ узко и ограниченно и что поэтому самое понятіе о счастьи представляется у него въ туманномъ и неопредѣленномъ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, по автору неизвѣстно, насколько долго продолжается будущее, въ предѣлахъ котораго возможенъ всякаго рода прогрессъ въ жизни человѣка, а слѣдовательно достиженіе и обладаніе въ той или иной степени счастьемъ здѣсь—на землѣ.

Но то, что неизвѣстно автору, хорошо извѣстно въ христіанствѣ. Последнее указываетъ намъ, что настоящая земная жизнь не есть окончательная ступень развитія человѣческой жизни въ особенности и всякой вообще жизни живыхъ существъ, населяющихъ этотъ міръ; что откроется со временемъ иная, болѣе разумная и дѣятельная, жизнь, нежели какая существуетъ теперь на землѣ, жизнь на небѣ, въ которой и будутъ удовлетворены всѣ высшіе идеалы, къ которымъ люди стремились, живя въ этой земной жизни. Последняя жизнь такимъ образомъ служитъ какъ-бы переходнымъ состояніемъ въ другую жизнь, изъ низшей въ высшую. Теперь спросимъ: какъ-же совершается этотъ переходъ людей изъ одной жизни въ другую? Кто будетъ достоинъ изъ здѣшнихъ обитателей земли получить мѣсто въ тамошнихъ обителяхъ на небѣ, для того, чтобы продолжать и развивать свое счастье въ безконечность? Вѣдь нужно помнить, что христіанство разумѣетъ всѣхъ людей, какъ сотворенныхъ по образу и по подобію Божію, бессмертными по своему двоякому, духовно-тѣлесному существу. Видимымъ знакомъ для перехода изъ здѣшней жизни въ будущую служить, конечно, тѣлесная смерть,—явленіе, знакомое всѣмъ и каждому изъ насъ. Внутреннимъ же показателемъ въ этомъ отношеніи служить обыкновенно духовное развитіе человека: „что посѣетъ“ онъ здѣсь — въ этой жизни, „то и пожнетъ“ тамъ—въ будущей; „сѣющій въ плоть свою отъ плоти пожнетъ тлѣніе; а сѣющій въ духъ отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную“ (Гал. VI, 7—8). Общее наименованіе, какое даетъ намъ то же слово Божіе для всѣхъ достойныхъ наследовать будущую блаженную и счастливую жизнь на небѣ, съ которой ничто не можетъ сравниться въ этомъ мірѣ, это именно—*праведники*: только праведники, по слову Христа Спасителя „пойдутъ въ жизнь вѣчную“ (Мат. XXV, 46); только они „просвѣтятся яко солнце, въ царствіи Отца ихъ“ (Мат. XIII, 43) и будутъ наслаждаться всѣми неизреченными благами, „ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не въздоша“ (1 Кор. II, 9; Ис. 64, 4). Что же требуется теперь для той степени праведности, при которой только и возможно бываетъ достигнуть счастья въ будущей жизни? Ка-

кимъ образомъ вообще достигается это счастье въ нѣкоторой степени еще здѣсь—на землѣ, въ полной же и окончательной степени тамъ—на небѣ? Путь для этого въ христіанствѣ, какъ извѣстно, одинъ, именно: путь *тѣсный* и тернистый или прискорбный (Мат. VII, 13—14),—путь несомнѣнно ведущій въ жизнь вѣчную, путь, которымъ, къ сожалѣнію, мало кто изъ насъ идетъ въ этой жизни. На этомъ пути, если бы мы пожелали пойти имъ, встрѣтятся намъ слѣдующія заповѣди, предлагаемая христіанствомъ: „нищета духовная, плачь, алканіе и жажданіе правды, поношеніе, гоненіе и всякаго рода злословіе и др.“ (Мат. V, 3—11). Радость-ли ожидаетъ въ земной жизни исполнителей этихъ заповѣдей Христовыхъ? Нѣтъ! „Въ мірѣ будете имѣть скорбь“ (Іоан. XVI, 33), — предсказалъ Онъ Самъ Своимъ ученикамъ, а въ лицѣ ихъ, конечно, и всѣмъ намъ—христіанамъ, какъ Его послѣдователямъ. Съ другой стороны, эта скорбь или „печаль яже по Бозѣ,—по словамъ Апостола Павла,—покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ“ (2 Кор. VII, 10). Но какъ-же это такъ? Какимъ образомъ мы можемъ совмѣстить возможность счастья здѣсь—на землѣ съ возможностью и даже необходимостью его, указываемою намъ словомъ Божіимъ, тамъ—на небѣ, при такомъ именно способѣ достиженія его? Не противорѣчатъ-ли приведенныя нами заповѣди христіанства самой идеѣ счастья, какъ и насколько понимается она людьми? Нѣтъ, нисколько не противорѣчатъ! Для объясненія этого какъ-бы противорѣчія между двумя видами счастья въ человѣческой жизни, счастья земного и небеснаго, я хочу нѣсколько подробнѣе остановиться на вопросѣ объ оптимизмѣ и пессимизмѣ, о взаимной связи между тѣмъ и другимъ и о значеніи ихъ въ жизни людей, стремящихся къ достиженію счастья и блаженства. Рѣшеніе этого вопроса съ христіанской точки зрѣнія даетъ вѣрный ключъ и къ разрѣшенію нашего сомнѣнія и недоумѣнія, могущаго возникнуть по поводу вышеуказаннаго противорѣчія; оно поможетъ намъ выпутаться изъ этого фальшиваго и призрачнаго, не существующаго на самомъ дѣлѣ, противорѣчія и придти въ концѣ концовъ къ очевидной и общей для всѣхъ истинѣ.

Говоря объ оптимизмъ и пессимизмъ, мы имѣемъ въ виду какъ древнее, такъ и современное философское учение ихъ. Что-такое оптимизмъ и пессимизмъ съ этой именно стороны? Это—два „противоположныя воззрѣнія на качество мірового бытія...“, изъ которыхъ первый преимущественно основывается на идеальномъ понятіи о мірѣ, какъ произведеніи все-совершеннаго Творца, послѣдній — на наблюдении надъ дѣйствительнымъ состояніемъ міра“... ¹⁾. „По ученію оптимизма (главнымъ представителемъ котораго служитъ Лейбницъ) совершенство міра есть необходимое слѣдствіе совершенства его Творца. По своему всемогуществу и свободѣ Богъ, по мнѣнію Лейбница, могъ избрать какой угодно изъ безчисленнаго множества возможныхъ міровъ; но по Своей абсолютной мудрости и благости Онъ долженъ былъ избрать только наилучшій между ними. Таковъ и есть настоящій міръ. Сколько бы ни было зла въ мірѣ; каждый другой возможный міръ заключалъ бы его еще больше, и если зло вообще существуетъ въ мірѣ, то это отъ того, что и самый совершенный міръ не мыслимъ безъ зла; если бы не существовало зла,—и міръ не былъ бы наилучшимъ! Если же намъ кажется, что существованіе зла противорѣчитъ совершенству міра, то это зависитъ отъ того, что мы по своей ограниченности не можемъ понять и обозрѣть всего мірового плана, гдѣ все совершенно соответствуетъ одно другому. Само по себѣ зло не можетъ искажать совершенства міра потому, что въ сущности оно не есть какая-либо дѣйствующая, реальная сила, но состоитъ только въ недостаткѣ или лишеніи (*privatio*) добра, подобно напр. тому, какъ темнота есть только недостатокъ свѣта, или холодъ — недостатокъ тепла“ ²⁾. Таково въ главныхъ чертахъ существенное содержаніе оптимизма, какъ философскаго ученія. Къ нему примыкають, какъ извѣстно, если не въ формѣ теоретическаго и отвлеченнаго ученія, то по крайней мѣрѣ въ формѣ житейскаго и практическаго опыта, и взгляды всѣхъ людей, смотрящихъ на эту жизнь въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ, — людей, имѣющихъ слишкомъ большое жизнерадостное

¹⁾ Начальныя основанія философіи. В. Кудрявцева, Стр. 274.

²⁾ Тамъ же

настроеніе при мысли о своемъ личномъ счастіи, — людей, желающихъ достигнуть этого счастья путемъ приобрѣтенія и дѣйствительнаго обладанія разнообразными благами земными, сотворенными Богомъ для пользованія человѣка. „Противоположное оптимизму воззрѣніе на качество міра представляетъ *пессимизмъ*, главными представителями котораго служатъ Шопенгауеръ и Гартманъ. По ученію послѣдняго, высшею, идеальною цѣлію мірового процесса можетъ быть только счастье или блаженство, особенно тѣхъ существъ, которыя способны ощущать и сознавать его. Но достигается-ли эта цѣль мірового бытія въ настоящемъ состояніи міра? Очевидно нѣтъ. Жизнь полна бѣдствій и скорбей; сумма горя и страданій безмѣрно превышаетъ сумму радости какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего человѣчества. Если же человекъ, не смотря на это, стремится къ счастію, то онъ обманываетъ себя иллюзіями. Такихъ иллюзій Гартманъ указываетъ три. Первая состоитъ въ надеждѣ на возможность личнаго счастья въ этой жизни; но опытъ скоро и рѣшительно разрушаетъ эту иллюзію. Вторая заключается въ надеждѣ на будущую загробную жизнь, въ которой человекъ достигнетъ того блаженства, котораго лишентъ въ настоящей; но, отвергая личное бессмертіе души, Гартманъ считаетъ обманчивою и эту надежду. Третья иллюзія состоитъ въ ожиданіи, что если не отдѣльныя лица, то все человѣчество путемъ прогресса достигнетъ счастливаго состоянія на концѣ своей всемірно-исторической жизни; но прошедшая исторія человѣчества не подтверждаетъ этого ожиданія; не видно, чтобы міръ дѣлалъ успѣхи въ счастіи и нравственности; благосостояніе человѣчества даже и не приближается: многія неудобства жизни, конечно, устраняются цивилизаціей, но люди отъ этого не дѣлаются счастливѣе, такъ какъ возникаютъ все новыя и новыя потребности и человекъ становится болѣе и болѣе чувствительнымъ къ страданіямъ; вообще, съ развитіемъ сознанія не умаляются, а возрастають несчастія. Общее заключеніе отсюда то, что существованіе міра находится въ прямомъ противорѣчьи съ предполагаемою философами цѣлію еге—счастіемъ, что небытіе міра лучше, чѣмъ его бытіе, и что дѣйствительная цѣль, къ которой идетъ міръ, есть

уничтоженіе его, а вмѣстѣ съ нимъ зла и страданій, составляющихъ необходимую принадлежность самаго существованія міра“¹⁾. Таковы крайніе выводы другого философскаго ученія — пессимизма, которые въ той или иной степени раздѣляютъ и всѣ люди, отвергающіе счастье и благополучіе, всѣ сомнѣвающіеся въ дѣйствительномъ его существованіи здѣсь — на землѣ, однимъ словомъ, всѣ смотрящіе слишкомъ мрачно и печально на эту жизнь. Можно-ли примириться теперь съ этими выводами пессимизма, равно какъ и съ вышеприведенными нами выводами оптимизма? Конечно, нѣтъ! Несостоятельность какъ оптимизма, такъ и пессимизма, слишкомъ очевидна, чтобы можно было признать тотъ или другой въ такомъ именно видѣ за дѣйствительную и несомнѣнную истину. Эта несостоятельность показываетъ намъ, что „правильное воззрѣніе на качество міра должно заключаться въ срединѣ между этими двумя крайностями. На основаніи ясныхъ и неоспоримыхъ фактовъ мы должны признать, что въ мірѣ существуетъ какъ добро, такъ и зло, что поэтому настоящій міръ не можетъ быть ни самымъ наилучшимъ, ни самымъ худшимъ изъ возможныхъ міровъ, но представляетъ собою процессъ борьбы добра со зломъ, съ надеждою окончательнаго торжества перваго надъ послѣднимъ. Основаніе для этой надежды заключается какъ въ предшествующей исторіи міра, представляющей восхожденіе отъ несовершеннаго къ совершенному, такъ особенно въ понятіи о Богѣ, какъ премудромъ и благомъ Творцѣ міра; ибо немислимо, чтобы цѣль міробытія, Имъ назначенная, — совершенство и благо существъ, оказалась недостигнутою. Если къ достиженію этой цѣли міръ идетъ не прямымъ и нормальнымъ путемъ, если зло и страданія составляютъ препятствія на этомъ пути, устраненіе которыхъ достигается тяжелою и медленною борьбою, то вина тому должна заключаться не въ Богѣ, существѣ благомъ и всесовершенномъ, а въ уклоненіи отъ нормы существъ разумносвободныхъ; въ этомъ уклоненіи и заключается источникъ зла и неизбѣжно слѣдующихъ за нимъ страданій и бѣдствій жизни“²⁾. Вотъ каковъ здравый и истинный взглядъ

¹⁾ Тамъ же. Стр. 276—277.

²⁾ Тамъ же. Стр. 279.

христіанской философіи на оптимизмъ и пессимизмъ. Эти послѣдніе съ точки зрѣнія указанной философіи представляютъ собою не два противоположныя, враждебныя и непримиримыя направленія, въ какомъ видѣ они обыкновенно существуютъ теперь между людьми, а два близкія понятія, вполне проникающія одно другое и такимъ образомъ составляющія нѣчто единое и неразрывное цѣлое. Въ настоящее время всѣхъ людей относительно образа ихъ мыслей, а также и жизни, въ вопросѣ относительно исканія и достиженія счастья, можно раздѣлить на двѣ категоріи: людей придерживающихся оптимистическаго воззрѣнія по данному вопросу, и людей, придерживающихся воззрѣнія пессимистическаго. Какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни, сплошь да рядомъ приходится сталкиваться съ людьми этихъ двухъ противоположныхъ между собою направленій. Изъ-за нихъ возникла даже цѣлая борьба, особенно въ литературѣ. Есть рядъ писателей, стоящихъ преимущественно за оптимизмъ и проводящихъ главные начала его въ жизни; и есть рядъ писателей, стоящихъ преимущественно за пессимизмъ и старающихся расположить въ пользу его своихъ читателей. Въ такомъ отношеніи находятся по большей части люди къ оптимизму и пессимизму — этимъ двумъ философскимъ ученіямъ нашего времени. Но такъ-ли должно представляться съ христіанской точки зрѣнія? Нѣтъ! Христіанство, проповѣдуя свои высокіе идеалы, осуществленіе которыхъ ожидается не въ этой, а въ будущей жизни, собственно говоря, нисколько не стоитъ ни за оптимизмъ, ни за пессимизмъ, въ томъ именно смыслѣ, какъ они понимаются современными людьми. Если оно и отдаетъ иногда предпочтеніе какъ-бы пессимизму, то вѣдь этотъ пессимизмъ совсѣмъ иного рода. Въ христіанствѣ вышеуказанныя два направленія, раздѣляющія людей на два враждебные лагеря, такъ тѣсно переплетаются и соединяются между собою при постоянномъ проведеніи ихъ въ жизнь, что въ концѣ концовъ совершенно уравниваются и сглаживаются безъ всякаго, конечно, вреда для счастья и благополучія людей, вполне возможнаго, какъ мы показали уже, здѣсь — на землѣ, а также достижимаго, какъ постараемся показать сейчасъ, и тамъ — на небѣ. Если Христосъ Спаситель и говорилъ иногда Сво-

имъ ученикамъ: „вы печальны будете“,—въ чемъ видятъ нѣкоторые признакъ пессимизма и, слѣдовательно, отсутствие счастья; то Онъ же, какъ извѣстно, прибавилъ и слѣдующія слова: „но печаль ваша въ радость превратится“, въ чемъ нельзя уже не видѣть признаковъ оптимизма. „Вы теперь имѣете печаль, — говорилъ Онъ имъ же, — но Я увижу васъ опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отниметъ у васъ“ (Іоан. XVI, 22). Плачущихъ Онъ назвалъ блаженными потому, что они *утѣшатся* (Мат. V, 4). Алчущихъ и жаждущихъ правды Онъ назвалъ блаженными потому, что они *насытятся* (ст. 6), насытятся въ вѣчной жизни, *всегда живитися имъ слава Его* (Пс. XVI, 15). Въ заключеніе же заповѣдей Своихъ о блаженствахъ Онъ прямо призываетъ Своихъ слушателей „радоваться и веселиться“ (ст. 12). Чему? А тому, что „мзда или награда“ всѣхъ поступающихъ по этимъ заповѣдямъ будетъ „велика на небесахъ“ (Мат. V, 12). Такъ и должно быть на самомъ дѣлѣ. Для того, чтобы достигнуть полного и окончательнаго счастья въ будущей жизни, для того, чтобы имѣть тогда оптимистическое настроеніе духа въ лучшемъ смыслѣ этого слова, для этого нужно построить сначала нѣсколько пессимистически свою жизнь здѣсь по словамъ Самого Христа. Безъ этого никакъ невозможно достигнуть намъ и счастья въ будущей жизни, какъ бы сильно мы ни желали его и какъ бы упорно ни стремились къ нему въ продолженіе своей жизни на землѣ. Вотъ почему „нельзя философски обрабатывать теорію пессимизма, не поставивъ вопроса о счастьѣ и его достижимости“, какъ совершенно справедливо замѣтилъ нашъ авторъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи. Это именно потому, что вопросъ о счастьѣ и его достижимости стоитъ въ тѣсной зависимости отъ пессимизма и правильно можетъ быть рѣшенъ только при условіи соблюденія его въ жизни. Да, только на почвѣ христіанскаго пессимизма произрастаетъ, развивается и цвѣтетъ счастливая и вполне благоустроенная жизнь людей, какъ на землѣ, такъ и на небѣ! Но этотъ христіанскій пессимизмъ, на которомъ основывается и отъ котораго зависитъ счастье, весьма непохожъ на тотъ современный пессимизмъ, о которомъ проповѣдуютъ намъ ученые люди, черпая

свое ученіе изъ вышеприведенныхъ нами философскихъ выводовъ его. Христіанскій пессимизмъ, какъ мы видѣли, никогда не идетъ одинъ, а постоянно рука объ руку съ оптимизмомъ. Сквозь этотъ пессимизмъ всегда просвѣчиваетъ свѣтлый и радостный лучъ оптимизма, равно какъ и наоборотъ, оптимизмъ въ христіанствѣ растворяется иногда въ горькой чашѣ пессимизма. Много можно было бы привести примѣровъ, подтверждающихъ эту, высказанную нами, истину, но мы ограничимся здѣсь только однимъ, наиболѣе живо и ярко иллюстрирующимъ ее, по нашему мнѣнію. Примѣръ этотъ содержится въ Евангеліи. На него указалъ въ свое время Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, когда говорилъ въ послѣдней прощальной бесѣдѣ съ учениками Своими: „женщина, когда рождаетъ, терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея; но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости; потому что родился человекъ въ міръ“ (Іоан. XVI, 21). И дѣйствительно: можетъ-ли сравниться скорбь жены, въ то время, когда она, по приговору Божію, „въ болѣзняхъ родитъ чада“, съ радостію матери, въ то время, когда она въ первый разъ видитъ новорожденнаго своего младенца? Это, я думаю, хорошо знаетъ по собственному опыту каждая христіанская жена и мать. Вотъ, что мы видимъ постоянно переживаемымъ въ естественно-тѣлесной жизни нашей, то же самое происходитъ и въ духовно-благодатной, тогда, когда человекъ-христіанинъ возлагаетъ на себя *иго* закона Божія или *бремя* заповѣдей Его ради вышихъ цѣлей, указываемыхъ Евангеліемъ. Какіе бы онъ самъ добровольно ни предпринималъ въ этомъ случаѣ тяжкіе подвиги покаянія или очищенія себя, неблагопріятствующіе, повидимому, земному счастью и блаженству его,—и для него можетъ быть тотъ моментъ, когда онъ испытываетъ высокое и, по-истинѣ, счастливое состояніе въ жизни своей. Это именно бываетъ тогда, когда онъ начинаетъ видѣть и сознавать плоды отъ своихъ трудовъ, состоящіе въ томъ, что поскольку „тлѣетъ“ въ немъ „внѣшній человекъ“, по стольку же „обновляется“ въ немъ „внутренній“ (2 Кор. IV, 16), когда для него, по словамъ Христовымъ, „иго“ закона Божія становится „благимъ“ и „бремя“ заповѣдей Его „легкимъ“ (Мат. XI, 30), что мы ви-

димъ особенно въ жизни святыхъ подвижниковъ и подвижницъ, и притомъ, на высшихъ ступеняхъ развитія ихъ святой подвижнической жизни. Возьмемъ, напр., преподобную Марію Египетскую, величайшую христіанскую подвижницу, „удивившую своимъ невещественнымъ житіемъ соборы ангеловъ и человѣговъ“ (Покаянный канонъ св. Андрея Критскаго). Повидимому, въ жизни этой святой, послѣ того какъ она обратилась съ пути грѣха и погибели на путь добродѣтели и спасенія, не было ни одного свѣтлорадостнаго луча, что давало бы поводъ заключать объ ея счастья въ тогдальнее время. Но это только повидимому. На самомъ же дѣлѣ она и тогда наслаждалась счастьемъ. Только это счастье было совсѣмъ иного рода, нежели какое она испытывала прежде. Поселившись въ заиорданской пустынѣ, она первые семнадцать лѣтъ провела въ тяжелой и упорной борьбѣ со своими лютыми страстями, которыя не переставали мучить ее во все это время. Тогда она, по собственнымъ словамъ ея, которыя высказала въ бесѣдѣ со старцемъ Зосимой, „горько рыдала и, ударяя себя въ грудь, простиралась на землѣ и молила Владычицу не лишить ея помощи“¹⁾. И что же оказалось? „Послѣ рыданія и мольбы, свѣтъ озарялъ душу и покой возвращался ея сердцу“²⁾. Въ эти, правда, рѣдкія минуты она была, поистинѣ, счастливымъ человѣкомъ, счастливей, можетъ быть, многихъ другихъ людей, проводящихъ жизнь свою въ гораздо болѣе лучшихъ условіяхъ и при болѣе блестящей внѣшней обстановкѣ. Тоже самое можно сказать и про всѣхъ людей, жизнь которыхъ складывается такъ или иначе пессимистически. И у нихъ, при всей скудости и неприглядности ихъ внѣшняго и внутренняго состоянія, бываютъ иногда проблески счастья и довольства. Это именно тогда, когда они начинаютъ служить и работать Богу, исполняя тѣ или другія Его заповѣди. Эти минутные проблески оцѣниваются ими дороже цѣлой жизни. Такъ оправдывается въ этомъ случаѣ слово Божіе: „по мѣрѣ того, какъ умножаются въ насъ страданія

¹⁾ „Житія святыхъ“, составл. Филаретомъ, арх. Черниговскимъ. Апрель. Стр. 9.

²⁾ Тамъ же.

Христовы, умножается Христомъ и утѣшеніе наше“ (2 Кор. I, 5). Нѣкоторые же изъ людей доходятъ въ этомъ отношеніи до такого оптимистическаго состоянія, что даже „радуются“, подобно Апостолу Павлу, „во страданіяхъ своихъ“ (Кол. I, 24; 2 Кор. VI, 10): „по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою“ (Пс. 93, 19)—говоритъ св. Псалмопѣвецъ. Но еслибы имъ и не пришлось по чему-либо испытывать счастья въ той или иной степени сравнительно съ другими людьми здѣсь — на землѣ, то они обыкновенно утѣшаютъ себя мыслию, что рано или поздно наступитъ то время, когда и они будутъ наслаждаться полнымъ счастьемъ и блаженствомъ, если не въ этой жизни, то въ будущей. Путь же къ этому счастью въ христіанствѣ, повторяемъ, одинъ: путь тѣсный или, говоря философскимъ языкомъ, путь пессимистическій, становящійся по мѣрѣ продолженія его все болѣе и болѣе оптимистическимъ. „Христіанское искусство счастья, или, какъ лучше обозначить это, христіанское руководство къ истинной и продолжительной жизнерадостности мы можемъ,—скажемъ въ заключеніе словами извѣстнаго уже намъ Датскаго епископа Мартенсена,—кратко выразить въ слѣдующихъ изреченіяхъ: *ищите прежде царства Божія и правды Его* (Матѣ. VI, 33); *довольно для тебя благодати Моей* (2 Кор. XII, 9), и: *за все благодарите* (Кол. III, 15; 1 Тессал. V, 18)“¹⁾. Первое правило: „ищите прежде царства Божія,—говоритъ этотъ ученый,—обнимаетъ собою не только требованіе любви къ Богу и людямъ, но обозначаетъ также и житейское правило, безъ котораго мы запутываемся во внутреннемъ противорѣчii, дѣлающемъ невозможнымъ никакое спокойствіе духа. Второе правило: „довольно для тебя благодати Моей“ — приводитъ насъ къ сознанию того, что такъ какъ ничѣмъ другимъ мы не можемъ быть довольны, какъ только высочайшимъ, то это высочайшее и дѣйствительно должно удовлетворять насъ. Если это положеніе — довольствоваться благодатію Божіею — взять въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни и ея разнообразнымъ обстоятельствамъ, то оно будетъ значить, что каждый дол-

¹⁾ „Христіанское ученіе о правдивности“. Томъ II. Часть 1. Стр. 394.

женъ быть доволенъ своимъ званіемъ и своимъ положеніемъ и находить въ нихъ свою радость, что намъ слѣдуетъ искать свои радости не въ чрезвычайномъ и отдаленномъ, а въ томъ, что лежитъ близъ насъ, чтобы мы, какъ сказано въ прекрасныхъ „письмахъ Габріеля“ (Зибберна), держались того и наслаждались тѣмъ, что можемъ имѣть вездѣ, человѣческой жизнью, жизнью природы вокругъ насъ: вѣдь вездѣ „достаточно жизненной музыки, только молчи и слушай“. А тогда—быть довольну милостію Божіею—будетъ значить также, чтобы мы подвизались въ самоотреченіи, сживались съ сознаниемъ того, что совершенное счастье невозможно въ настоящемъ бытіи, гдѣ добродѣтель всегда останется столь неполною, и что совершеннымъ благомъ мы обладаемъ только въ надеждѣ. Но и во всякой самоотреченности мы должны учиться безграничной *благодарности* за невыразимое множество и разнообразіе того, что Богъ даровалъ намъ и даруетъ, и все это изъ чистой отеческой любви и милосердія, безъ всякой нашей заслуги и достоинства. Огорченіе, беспокойство и недовольство жизнью часто имѣютъ свое основаніе въ неблагодарности, въ томъ образѣ чувствованій, въ которомъ мы только выставляемъ свои претензіи, а не хотимъ благодарить. А между тѣмъ благодарить это—тихо журчащій родникъ радости; это ангелъ—защитникъ и помощникъ. Многіе люди предохранили бы себя отъ пропасти унынія, въ какую они впадаютъ, еслибы только могли побудить свое сердце благодарить Бога. Отцы Церкви часто съ особенною силою настаиваютъ на томъ, что всецѣло овладѣвающее человѣкомъ уныніе и тоска въ основѣ своей есть не что иное, какъ безбожіе, и происходитъ отъ діавола, потому что оно основывается на невѣріи въ Евангеліе Христово и на неблагодарности къ богооткровенной во Христѣ благодати Божіей“...¹⁾

¹⁾ Тамъ же. Стр. 394—395.

С Л О В О

при отпѣваніи потомственной почетной гражданки Анны Ивановны
Юкишь, 21-го января 1894 года.

*Будите готовы..., бдите и молитесь: не
вѣсте бо, когда арелл будетъ* (Матт. XXIV,
44; Марк. XIII, 33).

Смерть каждаго человѣка, это—своего рода грань, раздѣляющая его жизнь на двѣ неравномѣрныя половины: первую половину краткаго существованія его въ этомъ земномъ мірѣ, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ самъ или при помощи другихъ, подобныхъ ему, людей, жилъ и дѣйствовалъ свободно или же въ зависимости отъ этихъ послѣднихъ;—и вторую половину продолжительнаго существованія его въ иномъ небесномъ мірѣ, когда душа, по разлученіи ея отъ тѣла, будучи бессмертной по своей природѣ, продолжаетъ жить вѣчно невидимымъ нами образомъ. Какъ въ первую половину существованія нашего на свѣтѣ мы любимъ преимущественно выказывать самостоятельную дѣятельность свою, въ томъ или иномъ видѣ безразлично, будетъ ли она ограничиваться одною только здѣшнею жизнью, или же касаться также и будущей: такъ точно во вторую половину нашего существованія, именно загробную, послѣ смерти нашего тѣла, мы обыкновенно прекращаемъ эту дѣятельность на нѣкоторое время и опять таки; нужно сказать здѣсь, безразлично относительно качества этой послѣдней, т. е., будетъ ли она простираться на область видимую и невидимую все равно. Такъ извѣстно, — и это составляетъ несомнѣнную истину, — что послѣ смерти нѣтъ мѣста для личной и общественной дѣятельности человѣка, какого бы рода она ни была. Прежде всего, послѣ смерти нѣтъ покаянія для человѣка, какъ бы сильно онъ ни желалъ этого для себя, о чемъ свидѣтельствуютъ намъ многочисленныя явленія изъ загробнаго міра, — явленія, показывающія, какъ безсиленъ бываетъ человѣкъ сдѣлать что-либо для себя въ этомъ отно-

шеніи. Вспомнимъ, напр., изъ хорошо извѣстной всѣмъ намъ евангельской притчи того богача, который просилъ Авраама послать Лазаря, наслаждавшагося блаженствомъ на лонѣ его, омочить конецъ перста своего въ водѣ и прохладить языкъ его (богача), мучившагося въ пламени, и который, не смотря на всѣ свои усилія, не могъ этого получить вслѣдствіе „великой пропасти, утвержденной между ними“ (Лук. XVI, 26). Какъ нѣтъ мѣста послѣ смерти для личной дѣятельности человѣка, такъ точно нѣтъ мѣста и для общественной. Всѣ дѣла, всѣ, такъ сказать, счеты съ землей оканчиваются здѣсь же—на землѣ, во время нашей тѣлесной смерти или, иначе, при разлученіи души съ тѣломъ. Тотъ же примѣръ изъ евангельской притчи Христовой ясно показываетъ намъ о тщетной надеждѣ богача позаботиться объ участи пятерыхъ своихъ братьевъ, оставшихся въ живыхъ на землѣ. На просьбу богача о томъ, чтобы Авраамъ отпустилъ Лазаря въ домъ отца его, съ тою цѣлю, чтобы онъ „засвидѣтельствовалъ братьямъ, чтобъ и они не пришли въ сіе мѣсто мученія“, онъ—Авраамъ сказалъ ему: „У нихъ есть Моисей и пророки; пусть слушаютъ ихъ“ (ст. 27—29). Если въ загробной жизни и наступитъ нѣкогда новая дѣятельность, именно съ того момента, когда всѣ мертвыи, сущии во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ... И изыдутъ, сотворшии блага, въ воскресеніе живота: а сотворшии злая въ воскресеніе суда (Іоан. V, 25; 28—29); то эта дѣятельность во всякомъ случаѣ будетъ непохожа на ту дѣятельность, кака была у насъ во время жизни нашей на землѣ. Что же касается того переходнаго и неопредѣленнаго состоянія, которое бываетъ для человѣка отъ дня его тѣлесной смерти до дня воскресенія его изъ мертвыхъ, то объ этомъ состояніи извѣстно намъ лишь то, что оно будетъ заключаться или въ предначатіи вѣчнаго блаженства, для людей праведныхъ, или же въ предначатіи вѣчнаго мученія, для людей грѣшныхъ. И такъ, что человѣкъ заготовитъ себѣ въ этой жизни, съ тѣмъ обыкновенно и отходитъ въ будущую жизнь, надѣясь „получить“ въ день оный воздаяніе „соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое“ (2 Кор. V, 10). Справедливо въ этомъ случаѣ изреченіе: что посѣешь, то и пожнешь. И св.

Апостоль Павелъ, изображая Галатамъ ихъ духовно-тѣлесное состояніе по смерти, гогорить: „сѣющій въ плоть свою отъ плоти пожнетъ истлѣніе; а сѣющій въ духъ отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную“ (Гал. VI, 8)...

На основаніи всего изложеннаго сейчасъ нами, что мы можемъ и должны сказать здѣсь, при видѣ этого гроба, содержащаго въ себѣ останки почившей рабы Божіей Анны, сказать въ утѣшеніе и назиданіе многихъ предстоящихъ предъ нимъ близкихъ родственныхъ и знакомыхъ лицъ, пришедшихъ отдать покойной послѣдній христіанскій долгъ свой? Земная жизнь почившей рабы Божіей Анны уже окончилась. Что успѣла она сдѣлать здѣсь для себя или другихъ людей: то, конечно, навсегда останется ея вѣчнымъ приобрѣтеніемъ въ будущей жизни и послужитъ или для оправданія, или для осужденія ея на послѣднемъ страшномъ судѣ Христовѣ. Съ минуты самой смерти дѣятельность ея, говорятъ, живая, кипучая и разнообразная прекратилась совсѣмъ. То, что мы видимъ сейчасъ сдѣланнымъ относительно покойницы, начиная съ положенія ея тѣла во гробъ и кончая преданіемъ его землѣ, со всѣми погребальными церемоніями, относящимися къ той и другой сторонѣ ея духовно-тѣлесной природы, уже сдѣлано или же еще сдѣлается посторонними руками, при помощи и участіи, конечно, близкихъ любящихъ и преданныхъ ей лицъ. Покойная, лежащая передъ нами въ семъ гробѣ своимъ бездыханнымъ тѣломъ, раба Божія Анна нуждается теперь не въ собственномъ дѣланіи, какомъ бы то ни было, а въ нашемъ дѣланіи относительно улучшенія участи ея въ будущей жизни. *Прошу всѣхъ и молю, непрестанно о мнѣ молитесь Христу Богу, да не низведена буду по грѣшомъ моимъ, на мѣсто мученія: но да вчинитъ мя, идѣже свѣтъ животный* (стих. при погреб. мірск. челов.), — вотъ какой голосъ слышится изъ этого и, безъ сомнѣнія, изъ всякаго другого гроба съ мертвымъ человѣкомъ при видѣ живыхъ людей, окружающихъ его! Да, молитва,—молитва какъ частная или домашняя, такъ въ особенности церковная или общественная,—вотъ что нужнѣе всего теперь для покойной, отшедшей въ вѣчность рабы Божіей Анны!..

Обращаясь еще разъ къ гробу почившей, нельзя не остановиться мыслию своею на внезапности смерти ея. Почившая раба Божія Анна, по словамъ церковной пѣсни, „вчерапній день бесѣдовала со многими изъ насъ и внезапно нашелъ на нее страшный часъ смертный“ (стих. при погреб.). Вслѣдствіе этой внезапности и неожиданности смерти почившей, вѣроятно, возникаютъ у многихъ изъ насъ тревожныя мысли: успѣла-ли покойная приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ истинно-христіанской кончинѣ? Успѣла-ли она достойнымъ образомъ распорядиться всѣмъ тѣмъ, что имѣла въ этой жизни? Не зная хорошо внутренняго душевнаго расположенія покойной, — ибо, скажемъ словами Апостола Павла, „кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ“ (1 Кор. II, 11)?, — мы должны однако замѣтить здѣсь то, что внезапная и, судя по человѣческимъ расчетамъ, преждевременная смерть еще не есть признакъ неподготовленности человѣка къ будущей загробной жизни. Не всегда бываютъ причинами внезапной, хотя бы даже и несчастной, смерти грѣхи тѣхъ, которые умираютъ такимъ образомъ. По словамъ св. Іоанна Златоуста, „Богъ наказываетъ такую кончиною нѣкоторыхъ людей на землѣ для того, чтобы облегчить имъ тамошнее наказаніе, или со-всѣмъ освободить ихъ отъ него“. Вотъ то утѣшеніе, которое могутъ находить себѣ скорбящіе о почившей, что она не успѣла, какъ другіе христіане, сдѣлать того, что должна была сдѣлать по своему христіанскому званію! Въ чемъ-же, спросимъ теперь, заключается назиданіе, какое мы можемъ вынести съ этого зрѣлища смерти, тлѣнія и разрушенія? Оно заключается именно въ предостереженіи Господа о внезапности нашей кончины, въ напоминаніи Его о томъ, чтобы мы всегда, въ какое бы время она ни пришла къ намъ, готовы были встрѣтить ея достойнымъ образомъ. *Будите готовы*, — говоритъ Господь, — *бдите и молитесь: не вѣсте бо когда время будетъ* (Матѳ. XXIV, 44; Марк. XIII, 33). *День Господень*, — по словамъ Апостола Павла, — *якоже татъ въ ноци, тако прїидетъ* (1 Сол. V, 2). Всѣ случаи скоропостижной и неожиданной смерти людей направляются всегда Промысломъ Божиимъ къ вразумленію живыхъ. Какимъ именно образомъ?

А такимъ, чтобы живущіе, глядя на внезапную кончину умирающихъ, всегда помышляли въ сердцѣ своемъ, что и имъ, можетъ быть, придется получить такую кончину. Поэтому они должны быть всегда готовы къ ней въ продолженіе земной жизни своей. Прекрасно разсуждаетъ о неожиданности смертнаго часа святитель Димитрій Ростовскій. „Многіе, — говоритъ онъ, — отойдя ко сну ночному, уже не просыпались, ихъ находили мертвыми, и дѣлался для нихъ сей сонъ смертію, а ложе ночное — гробомъ! Многіе, вставъ отъ сна ночного и встрѣтивъ день, до слѣдующей ночи не дожили и умерли. Пируетъ царь Халдейскій Валтасаръ съ вечера, и уже довольно на веселѣ, и вотъ появляется чья-то рука, которая загадочными словами пишетъ на стѣнѣ судъ смертный на пирующаго царя — и онъ былъ убитъ въ ту же ночь. Зналъ-ли онъ, что такъ скоро наступитъ часъ смерти его? Думалъ-ли въ ту ночь умереть? Или: уснулъ на ложѣ своемъ въ поздній часъ ассирійскій полководецъ Олофернъ — уснулъ, опьяненный виномъ, и въ тотъ же часъ его сонъ замѣнился смертію, и онъ былъ обезглавленъ рукою женщины, — и вотъ, кто хвалился на завтра взять іудейскій городъ Ветилую, какъ птицу съ гнѣзда, — самъ какъ птица попалъ въ сѣти смертныя. Тревожится богатый, у котораго нива принесла обильный плодъ, заботится, куда бы ему собрать свою пшеницу; онъ задумываетъ разломать тѣсныя, построить просторныя житницы, назначаетъ себѣ много лѣтъ жизни, чтобы ѣсть, пить, веселиться, а Богъ ему говоритъ: *безумне, въ сію ноцъ душу твою истязуютъ отъ тебе* (Лук. XII, 20). И тотъ, кто чаялъ много лѣтъ прожить, умеръ нечаянно, не переживъ и одной ночи!.. ¹⁾ „Свойство смерти, — по словамъ того же святителя Димитрія, — *есть то, что она приходитъ къ человеку неожиданно*, хотя и каждому достовѣрно извѣстно, что она къ нему придетъ. Ибо что достовѣрнѣе того, что мы умремъ? По слову Апостола — *предлежитъ человеку однажды умерети!* И съ другой стороны: что безвѣстнѣе прихода или часа смертнаго, какъ и Самъ Господь говоритъ въ Евангеліи:

¹⁾ Уроки и примѣры христіанской вѣры. Опытъ катихизической хрестоматіи. Свщ. Р. Дьяченко. Москва 1894 г. Изд.—4-е. Стр. 636—637.

не вѣсте дня и часа, въ онъ же Сынъ человеческій, жизнью и смертію обладающій, придетъ взять душу человеческую? Смерть извѣстна всѣмъ и каждому, потому что непреложно, непремѣнно она придетъ ко всякому, и никому не избѣжать ея, но невѣдомъ часъ прихода ея: она никому не даетъ о себѣ вѣсти, что идетъ, не назначаетъ времени, не исчисляетъ дней и лѣтъ, не ждетъ старости, не щадитъ юности, не спрашиваетъ: готовъ-ли ты? а когда придетъ, и застанетъ неготовымъ, не даетъ ни одной минуты сроку для приготовления. Намъ извѣстно навѣрное, что душа наша разлучится съ тѣломъ; но неизвѣстно, какъ она разлучится, по общему-ли закону естественной смерти, или какъ-нибудь насильственно. Всякій знаетъ, что умереть, но образа смерти своей, какъ и по какому случаю онъ умереть, никто знать не можетъ. Смерть намъ извѣстна потому, что она назначена Правосудіемъ Божиимъ, какъ наказаніе за грѣхъ прародительскій, для всего рода человѣческаго; но безвѣстенъ часъ смертный, потому что Богъ не открылъ намъ Своего опредѣленія о продолженіи жизни того или другого человѣка, а сокрылъ сіе въ невѣдомыхъ судьбахъ Своихъ. Хорошо увѣщаетъ насъ Господь: *будите готови, бдите и молитесь: не вѣсте бо, когда время будетъ*¹⁾ ..

Но для чего-же, спросимъ, сокрыто отъ насъ время нашей смерти? Почему намъ не должно знать послѣдняго дня нашей жизни? „Св. Іоаннъ Златоустъ, толкуя слова Апостола: *день Господень, якоже тать въ ноци, тако придетъ* (1 Сол. V, 2), говоритъ: „если хотимъ знать, для чего сокрытъ этотъ день, и почему, *яко же тать въ ноци, тако придетъ*, то я, какъ мнѣ кажется, справедливо скажу вамъ: никто никогда во всю жизнь свою не сталъ бы заботиться о добродѣтели, еслибы этотъ день былъ извѣстенъ и не былъ сокрытъ, но всякій, зная послѣдній день свой, совершалъ бы безчисленныя преступленія, и уже въ тотъ день приступалъ бы къ купели, когда бы сталъ отходить отъ міра сего“. И дѣйствительно: если мы, не зная ни дня, ни часа окончанія своего, не смотря на страхъ ожиданія его, рѣшаемся на безчисленныя и тяжкія

¹⁾ Тамъ же. Стр. 643.

грѣховныя дѣянія; то, на что не рѣшились бы, еслибы знали, что еще проживемъ много лѣтъ на землѣ и не скоро умремъ? А такъ какъ мы не знаемъ когда, въ какой день и часъ умремъ, то и должны каждый день такъ проводить, какъ бы ожидали ежедневно смерти, и при наступленіи дня помышлять: „не сей-ли день будетъ послѣднимъ днемъ жизни моей“? И при наступленіи ночи говорить самому себѣ: „не сія-ли ночь будетъ послѣднею ночью моего пребыванія среди живыхъ“¹⁾?. Такъ именно мыслить и чувствовать учитъ насъ св. Церковь Православная, когда, напр., въ одной изъ своихъ молитвъ на сонъ грядущимъ она взываетъ къ Господу Богу: *Владыко человеколюбче, не уже ли мнѣ одръ сей гробъ будетъ, или еще окаланную мою душу просветиши днемъ; се ми гробъ предлежитъ, се ми смерть предстоитъ!* Таково, братіе, нравственное назиданіе, которое представляетъ намъ этотъ гробъ, содержащій въ себѣ останки почившей рабы Божіей Анны. Воспользуемся же этимъ назиданіемъ, какъ слѣдуетъ, для того, чтобы потомъ приложить его намъ къ своей собственной жизни; воспользуемся, пока еще мы живы и здоровы и, слѣдовательно, можемъ такъ или иначе дѣйствовать для обезпеченія своей участи въ будущей жизни. А о почившей рабѣ Божіей Аннѣ не перестанемъ молитвенно взывать: да упокоитъ Господь духъ ея тамъ, „идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная“! Аминь.

¹⁾ Тамъ же. Стр. 637.

С Л О В О

въ день Срѣтенія Господня, 2-го февраля 1894 года

О томъ, гдѣ мы можемъ видѣть и срѣтать Господа въ жизни своей на землѣ.

Веселися и ты, старче праведный, пріемый во объятія Свободителя душъ нашихъ, дарующаго намъ воскресеніе (Тропарь праздн.).

Обстоятельство, вслѣдствіе котораго произошло событіе срѣтенія Господа во храмѣ праведнымъ Симеономъ, было слѣдующее. Въ сороковой день по рожденіи Иисуса Иосифъ и Дѣва Марія пришли, по закону Моисееву, съ младенцемъ Иисусомъ во храмъ, чтобы принести тамъ за Него жертву Богу. И вотъ здѣсь-то во храмѣ встрѣтилъ ихъ благочестивый Симеонъ, по внушенію Святаго Духа пришедшій въ церковь. Онъ взялъ младенца Иисуса на свои руки и въ дивномъ восторгѣ воскликнулъ: *нынѣ отпушаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ: яко видѣсть очи Мои спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицею всѣхъ людей, святъ во откровеніе языкомъ, и славу людей Твоихъ Израилей.*

Радостно было Симеоноу умереть послѣ того, какъ онъ увидѣлъ Спасителя міра, Симеоноу, которому Духомъ Святымъ было открыто, что онъ не умретъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ Христа Господня. Но, братіе, и мы должны не менѣе радоваться, чѣмъ Симеонъ, ибо и мы можемъ видѣть и срѣтать Господа въ своей жизни, видѣть и срѣтать не одинъ только разъ, какъ праведный Симеонъ предъ своею смертію, а нѣсколько разъ, видѣть и срѣтать столько, сколько угодно нашей душѣ. Мало того, мы можемъ не только видѣть и срѣтать Господа, но даже принимать Его къ себѣ. Вотъ чего удостоены мы, какъ христіане и наслѣдники жизни вѣчной! Что-же должно сказать теперь про тѣ рѣчи, которыя нерѣдко приходится слышать изъ устъ нѣкоторыхъ людей, и притомъ

именующихъ себя православными христіанами? „Какъ счастливы, говорятъ, тѣ люди, которые жили во время видимаго пребыванія на землѣ Господа нашего Иисуса Христа, которые могли слышать изъ самыхъ устъ Его божественное ученіе, которые могли ежедневно видѣть и осязать Его! И какъ, напротивъ, въ сравненіи съ ними несчастны мы, лишенные этого блаженства: ибо мы теперь не можемъ уже видѣть Господа!“ Всѣ такія и подобныя рѣчи показываютъ заблужденіе и совершенное незнаніе христіанства. Мы же еще разъ повторяемъ, что мы можемъ не только видѣть и срѣтать Господа, но и принимать Его къ себѣ, и принимать гораздо въ высшей степени, нежели какъ принимали Его св. Симеонъ, Закхей мытарь, Марѳа и многіе другіе благочестивые люди въ то время, когда Онъ видимо жилъ на землѣ. Гдѣ-же, спросимъ, мы можемъ прежде всего видѣть и срѣтать Господа?..

Тамъ же, гдѣ увидѣлъ и срѣтилъ Его праведный Симеонъ, именно: въ храмѣ Божіемъ. Да, храмъ Божій,—это первое, по преимуществу, мѣсто, гдѣ мы можемъ видѣть и срѣтать Господа въ своей жизни. Потому-то онъ и называется Божіимъ, что Богъ живетъ въ немъ, т.-е., имѣетъ „особенное присутствіе благодатное и таинственное, благоговѣнно познаваемое и ощущаемое вѣрующими, и являемое иногда въ особенныхъ знаменіяхъ“. Здѣсь, во храмѣ, мы постоянно видимъ божественный ликъ Господа Иисуса, изображенный на святыхъ иконахъ, которыя составляютъ первое и необходимое украшеніе всякаго христіанскаго храма. Здѣсь, во храмѣ, неумолчно раздается и слышится слово Божіе, то самое слово, которое проповѣдывалъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ въ то время, когда ходилъ по землѣ. Здѣсь, во храмѣ, ежедневно закалается Агнецъ Божій и приносится на святомъ престолѣ Та Самая Жертва, которая была принесена на Голгоѣ; такъ что во храмѣ мы постоянно видимъ и какъ-бы переживаемъ тѣ самыя событія, которыя нѣкогда произошли въ Иерусалимѣ: слышимъ проповѣдь Иисуса Христа, видимъ шестіе Его на страданія и самыя страданія, видимъ Его смерть, погребеніе, воскресеніе и вознесеніе на небо. Здѣсь, наконецъ, во храмѣ, мы можемъ не только видѣть и слышать Господа, но и принимать Его къ себѣ и самымъ тѣснымъ образомъ

соединиться съ Нимъ чрезъ вкушеніе Его пречистаго Тѣла и Крови въ таинствѣ святаго Причащенія. И это не духовнымъ только или невидимымъ образомъ, а и чувственнымъ, видимымъ: ибо въ таинствѣ святаго Причащенія мы, подъ видомъ хлѣба и вина, вкушаемъ самаго истиннаго Тѣла и самой истинной Крови Христовой. Вотъ какихъ великихъ и безцѣнныхъ даровъ удостоены мы, грѣшныя и недостойныя, отъ всеблагаго Бога! Итакъ сюда, преимущественно сюда— въ храмъ Божій обращайся христіанская вѣрующая душа! Здѣсь, въ словахъ божественнаго Учителя, Господа нашего Іисуса Христа, ты можешь находить для себя утѣшеніе и успокоеніе среди всѣхъ печалей и бѣдствій житейскихъ; здѣсь, въ благодатныхъ таинствахъ, ты во всякое время можешь обрѣтать себѣ помощь и подкрѣпленіе во всѣхъ трудахъ и заботахъ о своемъ спасеніи; здѣсь, наконецъ, въ таинствѣ святаго Причащенія ты можешь принимать Господа въ свои объятія и соединяться съ Нимъ самымъ тѣснымъ образомъ, по слову Его Самого: *ядый Мою Плоть, и пійи Мою Кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ.* (Іоан. VI, 56).

Но не въ храмѣ только мы можемъ видѣть и срѣтать Господа, а и внѣ храма: на стогнахъ града и на всѣхъ путяхъ нашей жизни. Какимъ-же образомъ? Мы можемъ видѣть и срѣтать Господа въ лицѣ меньшихъ братій Христовыхъ— нищихъ чрезъ совершеніе извѣстныхъ дѣлъ милости духовной и тѣлесной, какія заповѣдалъ намъ Іисусъ Христосъ: „алчущаго напитать, жаждущаго напоить, нагаго одѣть, страннаго принять, больнаго и находящагося въ темницѣ посѣтить“ (Матѣ. XXV, 35, 36). Итакъ, кто съ вѣрою и живымъ усердіемъ подаетъ какую-либо помощь несчастному нищему, тотъ пусть знаетъ, что онъ въ лицѣ этого нищаго подаетъ помощь Самому Іисусу Христу. *Позеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (ст. 40), говоритъ Самъ Іисусъ Христосъ. Видите, сколько средствъ мы имѣемъ къ тому, чтобы не только видѣть и срѣтать Господа въ продолженіи здѣшней, земной жизни, но и быть съ Нимъ въ ближайшемъ общеніи. Послѣ этого не скорбѣть и сѣтовать должны мы, а радоваться и благодарить Господа, даровавшаго намъ такія средства. И тѣмъ болѣе мы должны

радоваться, что Господь, срѣтенія котораго такъ жаждетъ наша душа, весьма недалекъ отъ нея и желаетъ въ нее войти. *Се стою при дверехъ, говоритъ Онъ Самъ, и толку: аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со Мною* (Апок. III, 20). Господь, какъ поздній гость или путникъ, застигнутый непогодой, стоитъ при дверяхъ нашей души и стучитъ. Итакъ, что же? Слѣдовало бы отворить двери и съ радостію идти въ срѣтеніе Ему. Но душа, упоенная мірскимъ шумомъ, не слышитъ тихаго стука и гласа Господа, просящаго дать Себѣ приютъ въ бѣдной нашей хижинѣ. Это и бываетъ причиною того, что мы въ продолженіи здѣшней земной жизни не можемъ срѣтить Господа. О, еслибы каждый изъ насъ въ продолженіе своей жизни, хотя бы передъ смертію, какъ праведный Симеонъ, могъ достойно срѣтить Господа въ душѣ своей и въ радостномъ восторгѣ воскликнуть: *нынѣ отпушаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ, чего и да сподобитъ насъ Господь Богъ молитвами св. Симеона Богопріимца!* Аминь.

С Л О В О

въ сороковой день по кончинѣ преосвященнѣйшаго Теофана, бывшаго епископа Тамбовскаго и Владимірскаго, 13-го февраля 1894 года.

Сейчасъ, братіе, будетъ совершена нами паннихида по скончавшемся 6-го января текущаго года на покоѣ въ Вышинской пустынѣ, Тамбовской губерніи, Шацкаго уѣзда, преосвященнѣйшемъ Теофанѣ, бывшемъ епископѣ Тамбовскомъ и Владимірскомъ. Имя преосвященнаго Теофана, вѣроятно, уже знакомо вамъ: оно поминалось нами здѣсь, въ этомъ святомъ храмѣ, вотъ уже сорокъ дней. Сегодня, въ сороковой день по кончинѣ его, вмѣстѣ съ молитвами о упокоеніи души его, мнѣ хотѣлось бы также сказать вамъ нѣсколько словъ по поводу его кончины.

Тихо и незамѣтно произошла эта кончина, прекратившая столь драгоценную жизнь и порвавшая столь плодотворную

дѣятельность извѣстнаго архипастыря—богослова и подвижника. Самое извѣстіе объ этой кончинѣ какъ-то вскользь появилось въ свѣтскихъ газетахъ, въ которыхъ подробно и съ шумомъ, свойственнымъ русскому человѣку свѣтскаго характера, съ горделивымъ превозношеніемъ ума, описывались послѣднія современныя событія въ общественной жизни. Мы разумѣемъ именно событіе IX съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, бывшее въ Москвѣ нѣсколько дней тому назадъ и поглотившее собою взоры и вниманіе всѣхъ русскихъ просвѣщенныхъ людей. Въ нѣкоторыхъ же свѣтскихъ газетахъ объ упомянутой кончинѣ не обмолвлено было ни единымъ словомъ. Чѣмъ же, спросимъ, руководились въ этомъ случаѣ русскіе люди, имѣющіе притязаніе на образованность? Кромѣ вражды и нерасположенія вообще къ духовному сословію, въ данномъ случаѣ, вѣроятно, примѣшано было и то обстоятельство, что покойный епископъ Теофанъ не занималъ въ послѣднее время самостоятельной епископской кафедрѣ и не находился на дѣйствительной службѣ церкви и государству. Онъ, какъ мы сказали, жилъ долгое время (цѣлыхъ 28 лѣтъ) на покоѣ, отказавшись самъ, по собственному своему желанію, отъ епископской самостоятельной кафедрѣ, которую занималъ дотолѣ, и посвятивъ остальную часть своей жизни уединенному и сосредоточенному вниманію къ самому себѣ, строго-отшельнической и истинно-подвижнической благочестивой жизни въ пустынѣ. Говорятъ, что онъ задолго еще до смерти былъ тайно постриженъ въ схимонахи и такимъ образомъ пребывалъ въ служеніи Богу. Въ самомъ дѣлѣ,—скажутъ объ этомъ многіе изъ нашихъ свѣтскихъ образованныхъ людей,—стоитъ-ли много распространяться о смерти какого-то неизвѣстнаго монаха—епископа, который когда-то находился на службѣ, а въ послѣднее время пребывалъ въ далекой и безвѣстной пустынѣ, невидимый и незнаемый никѣмъ изъ людей? Конечно, не стоитъ! Такой отзывъ, по нашему мнѣнію, даетъ та область нашей печати, свѣтской по преимуществу, которая умолчала, по какимъ бы то ни было причинамъ, намѣренно или ненамѣренно, о фактѣ смерти упомянутаго епископа. Но вѣдь нельзя судить объ истинѣ по понятіямъ и чувствамъ только нѣко-

торыхъ, хотя бы и разносторонне образованныхъ, людей,—нельзя потому именно, что люди часто бываютъ въ состояніи отупѣнія, если не физическаго, то духовнаго. Они, по словамъ пророка Исаи, и видя своими глазами, какъ-бы не видятъ, и слыша своими устами, какъ-бы не слышатъ (Ис. VI, 9—10). Здѣсь нужно принимать во вниманіе не одну только,—видимую и тѣлесную, область людей, живущихъ въ этой жизни и руководящихся въ своей дѣятельности принципами истины и справедливости, извѣстными большею частью подъ названіемъ научныхъ принциповъ: потому что, какъ извѣстно, въ послѣднее время и наука (свѣтская) приняла у насъ ложное направленіе; — а нужно принимать во вниманіе также и другую область, область невидимую и духовную, область сверхъопытную и сверхчувственную, область, въ которой царитъ правда, и миръ, и истина въ высочайшей и неизреченной степени. Вотъ съ какою областью приходится непремѣнно считаться, если мы хотимъ говорить о смерти епископа Теофана, если мы хотимъ, такъ сказать, дать отчетъ о постигшей насъ глубокой и невознаградивимой уtratѣ въ лицѣ этого епископа, современнаго подвижника Православной Церкви въ полномъ смыслѣ этого слова. Да, только люди съ вышеуказанными недостатками въ духовномъ смыслѣ могли пропустить безслѣдно смерть такого величайшаго аскета—монаха въ санѣ епископа! Да и когда имъ было обратитъ вниманіе на этотъ, повидимому, маловажный фактъ? Положительно некогда. Епископъ Теофанъ умираетъ въ тихой и безлюдной пустынѣ, въ то время, когда въ древней столицѣ происходятъ шумныя засѣданія различныхъ ученыхъ обществъ, умираетъ незнаемый большинствомъ людей изъ этихъ самыхъ обществъ, занятыхъ послѣднимъ словомъ науки. Какое-нибудь минутное появленіе и тупое молчаніе на кафедрѣ одного изъ нихъ (Л. Толстого) производитъ взрывъ бѣшеной радости и восторга среди той же толпы людей образованныхъ, просвѣтителей молодыхъ поколѣній и руководителей народныхъ массъ по жизненному пути; а смерть величайшаго епископа, творца многочисленныхъ духовныхъ произведеній и руководителя людей къ истинно христіанской благочестивой жизни, не трогаетъ ихъ! Имъ до нея нѣтъ ни-

какого дѣла. Да они про нее не слышали и не знаютъ, благодаря тѣмъ же газетамъ, замалчивающимъ о подобнаго рода событіяхъ въ общественной жизни. Фактъ многозначительный и въ то же время глубокоприскорбный для всѣхъ истинно-русскихъ православныхъ людей, для всѣхъ такъ или иначе интересующихся духовною жизнью нашего отечества, чуткихъ и бодрыхъ въ дѣлѣ пониманія и приложенія ея къ своей собственной жизни!..

Но отчего-же, спросимъ теперь, не жалуютъ наши свѣтскіе образованные люди духовной жизни? Отчего они не интересуются ею и не живутъ, насколько это возможно, въ настоящее время? Развѣ она не достойна названія учености, каковое названіе они привыкли прилагать къ своимъ любимымъ наукамъ всевозможнаго рода? Развѣ она не достойна того, чтобы ее признавали и, насколько возможно и удобно, прилагали къ своей собственной жизни люди, сотворенные по образу и подобию Божію? Или, можетъ быть, она простая выдумка, плодъ праздної фантазіи въ головахъ такихъ людей, какимъ былъ, на примѣръ, епископъ Теофанъ? Можетъ быть, этотъ послѣдній въ глазахъ свѣтскихъ людей представляется именно такою личностію, давно уже отжившею свой вѣкъ и за послѣднее время ставшею неспособною ни къ какому труду и работѣ, въ какой бы области это ни происходило? Что мы должны сказать здѣсь на всѣ эти вопросы?..

Прежде всего, скажемъ, что покойный епископъ Теофанъ, хотя и пребывалъ долгое время на покоѣ въ Вышинской пустыни и жилъ тамъ, по-истинѣ, затворническою жизнью, — доступъ къ нему для постороннихъ людей былъ чрезвычайно труденъ, если только не невозможенъ, — однако нельзя сказать, чтобы онъ сложилъ съ себя бремя всякихъ пастырскихъ трудовъ и заботъ и жилъ въ одного только самого себя; нельзя сказать, что онъ въ послѣднее время напрасно бременилъ собою землю, будучи въ отягощеніе другимъ. Нѣтъ! Удалившись отъ дѣлъ служенія и управленія церковію въ качествѣ самостоятельнаго епископа, онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ трудиться, насколько было у него силъ духовныхъ и физическихъ, для той же церкви и отечества. Наоборотъ, все его вниманіе преимущественно было обращено тогда на

эти послѣднія. И онъ, живя въ монастырской тиши и уединеніи, служа Богу молитвою, постомъ и бдѣніемъ, въ то же самое время непрерывно и неустанно служилъ на пользу и благо ближнихъ, какъ бывшей своей паствы, такъ равно и для всѣхъ православныхъ сыновъ русскаго государства. Чѣмъ и какъ служилъ? Онъ служилъ во все это время не устнымъ своимъ словомъ, какъ раньше, а преимущественно письменнымъ. Хотя уста его за все это время молчали и были какъ-бы запечатаны: не слышно было его изустнаго слова, живого, яснаго и убѣдительнаго, съ которымъ, какъ бывало прежде, выходилъ онъ для проповѣди слова Божія на церковную или ученую кафедру; но за то, съ другой стороны, голова его продолжала работать почти до самой смерти все въ томъ же духѣ и направленіи. Изъ подъ пера его продолжали выходить одинъ за другимъ ученые труды его, снискавшіе ему такую всеобщую славу и пріобрѣтшіе такую громкую извѣстность въ духовномъ мірѣ. Мы имѣемъ въ виду здѣсь главнымъ образомъ его многочисленныя „Толкованія посланій св. Апостола Павла“, — трудъ, за который онъ недавно, безъ всякихъ съ своей стороны какихъ-либо исканій и домогательствъ, получилъ высшую ученую степень доктора богословія, присужденную ему Петербургскою Духовною Академіею по ходатайству Св. Синода. Кромѣ этихъ толкованій, мы имѣемъ отъ него еще цѣлый рядъ глубокого-назидательныхъ по своимъ мыслямъ и чувствамъ „Писемъ о духовной жизни“, къ которымъ, по своему содержанію, близко подходятъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Путь ко спасенію“ и „Начертаніе христіанскаго нравоученія“. Наконецъ, покойный архипастырь трудился въ излюбленной имъ области духовной письменности на общее благо и пользу народную почти до самой своей смерти. Намъ извѣстно, что, кромѣ уже вышедшихъ въ печати и такимъ образомъ обнародованныхъ въ свѣтѣ многочисленныхъ ученыхъ толкованій и другихъ многочисленныхъ религіозно-нравственнаго содержанія произведеній покойнаго, еще много задумано имъ было въ головѣ и, можетъ быть, хранилось уже въ кабинетѣ готовымъ къ печати. А что сказать объ его перепискѣ? Ея онъ не оставлялъ никогда въ своей жизни, не смотря на болѣзни и немощи старости, особенно усилив-

шіяся въ послѣднее время. Эту переписку онъ велъ до конца своей жизни съ многочисленными и разнообразными по своему званію и состоянію лицами. Сколько еще не обнаружено такихъ писемъ, распространенныхъ имъ во всѣхъ предѣлахъ нашего отечества! Сколько сокрыто въ нихъ живыхъ, глубоко поучительныхъ и назидательныхъ мыслей все о томъ же предметѣ, т. е., объ устроеніи истинно-христіанской, на основаніи слова Божія и святоотеческихъ твореній, жизни! Да, глубокой и неизсякаемый кладъ мудрости духовной представляетъ собою покойный епископъ Теофанъ, — кладъ, изъ котораго черпали до сихъ поръ и, вѣроятно, долго еще будутъ черпать люди, жаждущіе религіозно-нравственнаго образованія и просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви!..

Намъ слѣдуетъ отвѣтить теперь на тотъ вопросъ: почему же не всѣ шли къ нему—этому духовному кладу, содержащему въ себѣ живую воду утоленія отъ жажды? Почему нѣкоторые не чувствовали и не чувствуютъ въ себѣ самой этой жажды, заявляющей о себѣ такъ или иначе въ жизни? Почему это? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить духовно-нравственное состояніе всѣхъ такихъ людей, къ сожалѣнію, не многочисленныхъ въ нашемъ отечествѣ,—духовно-нравственное состояніе, которое Апостоль Павелъ изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *востани спяи и воскресни отъ мертвыхъ, и осветитъ тя Христосъ* (Ефес. V, 14). Короче, это состояніе можно назвать *духовнымъ сномъ или смертію*. Какъ спящій во время сна уподобляется мертвецу, который ничего не слышитъ и ничего не видитъ, что дѣлается вокругъ него: такъ точно въ такомъ же состояніи находятся и люди, которые не живутъ духовною жизнью, которые не ищутъ и не стремятся къ ней въ продолженіе земного своего странствованія, которые не любятъ разговаривать о ней съ другими и размышлять о ней наединѣ съ самими собою. Это—*духовные мертвецы*, оставленные, по слову Христа Спасителя, для погребенія другъ друга (Лук. IX, 60). Кто можетъ вразумить ихъ и просвѣтить? Кто можетъ ихъ обратить съ ихъ ложнаго и погибельнаго пути, на которомъ они блуждаютъ теперь, и наставить на путь истины и спасенія? Одинъ только Христосъ Своєю Божественною благодатію: *и осветитъ тя Христосъ*. Да, только тотъ

можетъ почувствовать въ себѣ, такъ сказать, трепетаніе духовной жизни, кого коснется эта благодать Божія, вразумляющая, просвѣщающая и спасающая! Только внутренній духовный опытъ можетъ заставить полюбить такого рода жизнь и находить въ ней уладу и утѣшеніе. *Приди и виждь* (Іоан. I, 46)—эти слова вполне приложимы ко многимъ изъ насъ относительно уясненія себѣ смысла и значенія сочиненій покойнаго епископа Теофана. Вотъ о чемъ намъ слѣдуетъ горячо помолиться нынѣ вмѣстѣ съ молитвами объ упокоеніи души новопреставленнаго епископа Теофана, много потрудившагося въ своей жизни для духовнаго просвѣщенія нашего отечества! Намъ слѣдуетъ помолиться именно о томъ, чтобы наше свѣтское общество воспріянуло отъ глубокаго сна своего и пришло въ бодрственное и трезвенное состояніе духовное. Тогда и только тогда мы можемъ надѣяться на то, что среди него пробудится живой интересъ и охота къ чтенію подобнаго рода сочиненій, каковыми были, напр., творенія Теофана,—этого современнаго, если можно такъ выразиться, отца Церкви Православной. Что же касается этихъ твореній, то они долго еще будутъ служить путеводною звѣздою для всѣхъ плавающихъ по этому житейскому бурному морю, къ нимъ долго еще будетъ прислушиваться русскій православный народъ и сообразовать по нимъ свою жизнь согласно съ идеаломъ христіанства, изложеннымъ въ нихъ такъ ясно, просто и удобовразумительно для всѣхъ. Аминь.

С Л О В О

въ недѣлю торжества православія и въ день празднованія восшествія на Всероссійскій Престоль Благочестивѣйшаго Государа Императора Александра Александровича, 6-го марта 1894 года.

О трехъ главнѣйшихъ началахъ нашей жизни: православіи, самодержавіи и народности.

Нынѣ Православная Церковь воспоминаетъ два событія: одно—торжество православія, учрежденное въ 842 г. по Р. Х. благовѣрною греческою царицею Теодорою въ память возстановленія на Востоку иконопочитанія послѣ сильнаго и продолжительнаго гоненія, воздвигнутаго тамъ врагами православія. Другое событіе, которое воспоминаетъ сегодня Церковь — это торжество восшествія на всероссійскій Престоль Благочестивѣйшаго Государа Императора Александра Александровича, происшедшее у насъ тринадцать лѣтъ тому назадъ. Эти два, упомянутыя нами, событія, не смотря на то, что первое изъ нихъ носитъ преимущественно церковный характеръ, а второе — гражданскій, имѣютъ всегда близкую и тѣсную связь между собою; но особенно представляются они намъ въ такомъ видѣ въ нынѣшній день, когда чрезъ взаимное сочетаніе другъ съ другомъ получаютъ высшее освѣщеніе и значеніе въ глазахъ тѣхъ, кто имѣетъ къ нимъ такое или иное отношеніе. А кто-же имѣетъ въ настоящее время болѣе живое и близкое отношеніе къ нимъ, какъ не мы, братіе — христіане, собравшіеся въ этотъ святой храмъ для принесенія благодарственныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просительныхъ Господу Богу молитвъ? Какой, скажите, первый и главный отличительный признакъ нашей святой вѣры, которую мы, какъ христіане, по Символу ея исповѣдуемъ или открыто содержимъ предъ всѣми другими людьми на свѣтѣ? Это именно — *православіе*. Этою единственною чертою наша святая вѣра отличается отъ всѣхъ другихъ вѣръ. А какой, скажите теперь, главный принципъ или основаніе нашей гражданской жизни, сложившейся у насъ съ самаго начала

въ государствѣ русскомъ? Это, какъ извѣстно, *самодержавіе*. Остановимся же на этихъ двухъ началахъ церковно-государственной жизни нашей и прослѣдимъ, что значать они прежде всего сами по себѣ, а затѣмъ въ приложеніи къ намъ лично.

Что-такое православіе? Понятіе этого слова, какъ показываетъ самое высшее выраженіе его, складывается изъ двухъ понятій: *право* и *славить*. Этимъ обозначается то, что люди вѣрующіе во Христа Спасителя должны не только, по словамъ Апостола Павла, *сердцемъ впровать въ правду*, т.-е. точно, неуклонно и неизмѣнно содержать въ своемъ сердцѣ, стараясь по возможности соблюдать также и въ своей жизни, все то, что заповѣдала намъ относительно вѣры наша св. Церковь, но и, по словамъ того же Апостола, *устами своими исповѣдывать во спасеніе* (Рим. X, 9--10), съ тщательною заботою и предостереженіемъ, что если „кто постыдится Христа и словъ Его въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, того постыдится и Сынъ человѣчскій, когда придетъ въ славу Отца своего со святыми Ангелами“ (Марк. VIII, 38). Это и значитъ собственно славить Бога, какъ приглашаетъ насъ къ этому нерѣдко Самъ Христосъ въ Своемъ Божественномъ Евангеліи. Въ этомъ и заключается суть православія, которымъ, какъ нѣкимъ безцѣннымъ сокровищемъ, обладаетъ та Церковь, къ которой мы имѣемъ счастье принадлежать въ настоящее время и состоять ея членами. Въ этомъ же смыслѣ послѣдняя называется, по слову Апостола, *столпомъ и утвержденіемъ истины*. На обрядѣ торжества православія, совершаемомъ обыкновенно въ нынѣшній день въ соборныхъ церквахъ, послѣ чтенія Символа или краткаго образца нашей вѣры, эта истина, содержимая и исповѣдуемая св. Церковію, скрѣпляется, такъ сказать, слѣдующею печатію: „сія вѣра Апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди“¹⁾. Нужно ли распространяться здѣсь о томъ, какъ мы должны цѣнить и беречь его въ своей жизни, для того, чтобы не на словахъ только, а и на самомъ дѣлѣ быть намъ православ-

1) Послѣдованіе въ недѣлю православія.

ными и правовѣрующими христіанами? Присутствіе ваше въ многочисленномъ количествѣ въ семь святомъ храмѣ ясно указываетъ намъ на ваше расположеніе и любовь къ Матери нашей святой Церкви Православной, истинной хранительницѣ апостольскихъ и отеческихъ преданій. Но, братіе, этого внѣшняго отношенія нашего къ православію, состоящаго въ исполненіи многообразныхъ религиозныхъ обрядностей, какъ-то: въ постѣ и говѣніи, молитвѣ, колѣнопреклоненіи, крестномъ знаменіи и т. п., мы должны еще имѣть нѣкотораго рода внутреннее возрастаніе въ немъ, такъ чтобы православіе, твердо и неизмѣнно хранимое въ ученіи св. Церкви нашей, воплотилось прежде всего въ насъ самихъ, а чрезъ насъ перелилось бы потомъ и на другихъ людей. Для этого мы должны заботиться главнымъ образомъ о развитіи и преуспѣяніи его въ своей личной жизни. *Вы есте свѣтъ міра., вы есте соль земли* (Мат. V, 13. 14) — вѣдь эти слова Христовы приложимы не къ однимъ только пастырямъ Христовой Церкви, „право правящимъ слово истины“ Его, но они приложимы въ нѣкоторой степени и ко всѣмъ намъ христіанамъ, вѣрующимъ сердцемъ и исповѣдующимъ устами святую православную вѣру Христову. Поэтому, свѣтъ вѣры Христовой, свѣтъ православія долженъ постоянно свѣтиться въ жизни христіанъ и руководить собою другихъ людей — не христіанъ на пути къ ихъ вѣчному спасенію, по словамъ Христа Спасителя нашего: *такъ да просвѣтитесь свѣтъ вашъ предъ людьми, яко да видятъ ваши добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесахъ* (Мат. V, 16). Вотъ, братіе, чего требуетъ отъ насъ званіе христіанъ православныхъ, какое мы носимъ на себѣ со дня крещенія нашего христіанскою вѣрою! Слѣдуетъ подумать объ этомъ тщательно всѣмъ намъ...

Другое начало, о которомъ мы упомянули, начало государственной жизни нашей, это — *самодержавіе*. Понятно намъ, братіе, въ чемъ заключается это начало. Православные государи русской земли, восходя на престолъ, получаютъ власть къ управленію врученнаго имъ народа не собственною силою или произволеніемъ, но силою и произволеніемъ Божиимъ. *Мнози царіе царствуютъ* — говоритъ Господь, —

и сильнии тишутъ правду (Притч. VIII, 15). *Сердце царево отъ руцъ Божіей и амосе восхоцетъ уклонитъ е* (Притч. XXI, 1). *Господь поставляетъ цари и преставляетъ* (Дан. II, 21). Такая тѣсная связь существуетъ между правленіемъ Божиимъ и Государевымъ. Эта связь весьма ясно и ощутительно замѣчается, какъ извѣстно, и въ нынѣшнемъ торжествѣ православія. Святая Церковь, провозглашая сегодня людямъ невѣрующимъ, отвергающимъ бытіе Божіе и вообще ученіе св. Православной Вѣры нашей, свою грозную анафему, провозглашаетъ ее, между прочимъ, и всѣмъ, „помышляющимъ, яко православные государи возводятся на престолы не по особливому о нихъ Божію благоволенію, и при помазаніи дарованія Святаго Духа къ прохожденію великаго сего званія въ нихъ не изливаются: и тако держающимъ противъ ихъ на бунтъ и измѣну“¹⁾. Изъ представленнаго нами понятія о самодержавіи православныхъ государей видно, что это самодержавіе не есть нѣчто безотносительное само по себѣ. Нѣтъ, оно, какъ извѣстно, находится въ тѣсной зависимости отъ православія. Въ силу этой зависимости его отъ послѣдняго можно сказать, что у насъ до сихъ поръ не прекратилось, такъ называемое, теократическое правленіе, какое чрезъ длинный рядъ вѣковъ существовало въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда Самъ Богъ управлялъ народомъ израильскимъ и считался его оплотомъ и защитою во всѣхъ внутреннихъ отправленияхъ его религиозно-политической жизни, равно какъ и во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ его съ чужеземными народами. Этотъ Богъ ветхозавѣтнаго избраннаго народа или, какъ Онъ назывался тогда особенно, Богъ воинствъ, былъ, по истинѣ, „помощникомъ и покровителемъ ему во спасеніе“. Правда, со временемъ этотъ порядокъ богоуправленія въ народѣ избранномъ нѣсколько измѣнился съ внѣшней стороны; но по существу своему онъ остался одинъ и тотъ же. Въ сто патріарховъ Авраама, Исаака и Иакова, о которыхъ засвидѣтельствовано въ книгахъ Священнаго Писанія, что у нихъ былъ одинъ и тотъ же Богъ Всемогущій (Исх. III, 6; Матѳ. XXII, 32 и др.), служившій для нихъ какъ-бы *тѣсту-*

¹⁾ Послѣд. въ нед. прав.

номъ или руководителемъ въ ихъ жизни, стали управлять народомъ вожди его Моисей и Иисусъ Навинъ, которые точно также дѣйствовали подъ непосредственнымъ водительствомъ Божіимъ и привели наконецъ народъ въ обѣтованную землю. Впослѣдствіи мѣсто вождей заняли, такъ называемые, судьи Израилевы. Вотъ въ это-то время и случился переходъ отъ управленія народомъ Божіимъ подъ руководствомъ судей къ управленію имъ подъ руководствомъ царей, какъ людей поставляемыхъ на то чрезъ особый внѣшній обрядъ, состоящій въ изліяніи на нихъ даровъ Св. Духа, необходимыхъ къ достойному происхожденію ихъ великаго служенія людямъ. Первымъ царемъ народа израильскаго былъ, какъ извѣстно, Саулъ, поставленный по повелѣнію Божію пророкомъ Самуиломъ чрезъ видимое помазаніе на царство. Затѣмъ, послѣ того какъ этотъ царь оказался недостойнымъ управлять народомъ Божіимъ, тотъ же пророкъ Самуилъ помазалъ въ цари ему Давида, „и почивалъ Духъ Господень на Давидѣ, — какъ говорится объ этомъ помазаніи въ первой книгѣ Царствъ, — съ того дня и послѣ“ (1 Цар. XVI, 13). Съ тѣхъ поръ цари въ народѣ израильскомъ преемственно стали восходить на престолъ царскій и мы знаемъ, что благочестивый родъ Давида царя, какъ помазанника Божія, не пресѣлся всецѣло въ корнѣ своемъ, какъ это случилось съ нѣкоторыми нечестивыми царями того же ветхозавѣтнаго періода. Иисусъ Христосъ — этотъ духовный царь мира и любви — происходилъ изъ того же рода Давидова (Матѣ. XXII, 42 — 45). Въ Новомъ Завѣтѣ возведеніе на престолъ царскій православныхъ государей и пріятіе ими даровъ Святаго Духа чрезъ муропомазаніе отъ руки іерарховъ св. Церкви имѣеть, конечно, еще высшее значеніе сравнительно съ ветхозавѣтными обрядами поставленія царей на царство. Наши православные государи подъ скипетромъ самодержавія знаменуютъ собою истинныхъ „слугъ Божіихъ“ (Римл. XIII, 4. 6), посредствомъ которыхъ управляетъ невидимымъ образомъ Самъ Господь Богъ, и являются въ своемъ царскомъ величіи „христіанскаго благочестія ревнителями, защитниками и покровителями“ самой „Христовой Церкви“, какъ это прекрасно выражено въ томъ же послѣдованіи въ недѣлю правосла-

вія. Самодержавіе православныхъ государей, не составляя ничто безотносительнаго само по себѣ, а находясь, какъ мы видѣли, въ тѣсной зависимости отъ православія, является въ то же время безусловно необходимымъ для всѣхъ, какъ вѣрно-подданныхъ слугъ царевыхъ. И что бы ни говорили въ этомъ случаѣ относительно самодержавія нашихъ государей враги его, какія бы мнѣнія и доводы ни представляли они намъ въ опроверженіе его и въ защиту своего иного образа правленія народомъ, всѣ эти мнѣнія и доводы будутъ разбиваться о вѣрныя и несомнѣнныя свидѣтельства исторіи, на страницахъ которой содержится много доказательствъ въ защиту благодѣтельности этого гражданскаго начала и цѣлесообразности его съ историческимъ теченіемъ нашей жизни. Когда, скажите, Россія наслаждалась миромъ, счастьемъ и благоденствіемъ — общественнымъ и всенароднымъ? Тогда-ли, когда она была разрознена на отдѣльныя части съ князьями во во главѣ управленія ихъ, когда эти послѣдніе часто спорили между собою изъ-за наслѣдства и первенства въ управленіи и проливали вслѣдствіе этого кровь своихъ и чужихъ народовъ, какъ, на примѣръ, это было въ печальную эпоху удѣловъ на Руси, или же тогда, когда она была объединена подъ единоличнымъ и самодержавнымъ управленіемъ одного изъ нихъ въ качествѣ верховнаго, самостоятельнаго и неограниченнаго государя? Давно уже прошли эти и другія, подобныя имъ, времена, которыя исторія вспоминаетъ теперь, какъ поучительный урокъ для всѣхъ грядущихъ поколѣній. И нужно вѣрить и надѣяться, что они никогда болѣе не возвратятся къ намъ, какъ отжившія уже совсѣмъ и отшедшія въ область глубокаго преданія формы неудачнаго народнаго правленія. Нынѣ Россія, подъ державою благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго Государя нашего Императора Александра Александровича твердо стоитъ на пути внѣшняго и внутренняго благоденствія народнаго, охраняемаго и защищаемаго Имъ всѣми мѣрами и средствами.

Пора, наконецъ, спросить и о томъ, каковы же должны быть наши обязанности къ самодержавной власти Государя? Въ общемъ они состоятъ въ непрекословномъ подчиненіи и повинненіи ей, по словамъ Апостола Павла, „не только изъ

страха наказанія, но и по совѣсти“ (Рим. XIII, 5). „Всякая душа,—говоритъ онъ,—да будетъ покорна высшимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на на себя осужденіе“ (ст. 1 - 2). „Будьте покорны, — говоритъ другой Апостоль Христовъ—Петръ,—всякому человѣческому начальству, для Господа: царю-ли, какъ верховной власти, правителямъ-ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“ (1 Петр. II, 13—14). Итакъ, братіе, православіе и самодержавіе, — это, по-истинѣ, два главнѣйшія начала или, иначе сказать, „двѣ существеннѣйшія стихіи народной жизни, на охрану и защиту которыхъ должны соединиться всѣ, кому дорого отечество“¹⁾. *Бога бойтесь, царя чтите* (1 Петр. II, 17); *воздадите Кесарева Кесареви и Божія Богови* (Матѳ. XXI, 21)—вотъ краткая, такъ сказать, программа нашихъ отношеній къ православію и самодержавію!..

Уже изъ сказаннаго нами съ достаточною ясностію, кажется, вытекаетъ все значеніе этихъ двухъ главнѣйшихъ началъ нашей личной и общественной жизни. Мы видѣли, что такое православіе и чего требуетъ оно отъ насъ съ своей стороны. Знаемъ мы также и о томъ, чѣмъ мы обязаны самодержавію и каково должно быть наше отношеніе къ нему. Какую-же, спросимъ теперь, роль играемъ мы сами въ этомъ взаимодействіи православія и самодержавія? Что представляемъ мы собою, получая несомнѣнное развитіе и воспитаніе изъ этихъ двухъ началъ церковно-государственной жизни нашей? Отсюда открывается, братіе, третье главнѣйшее жизненное начало, которое, какъ извѣстно, носитъ названіе *народности*. Терминъ: народность извѣстенъ, вѣроятно, каждому изъ насъ. Онъ теперь въ большемъ ходу у насъ. Но многіе-ли понимаютъ, что подъ нимъ скрывается и что онъ долженъ обозначать собою въ приложеніи къ нашему народу вообще и къ каждому изъ насъ въ частности? Нельзя не за-

¹⁾ Изъ вступительной рѣчи Макарія, митроп. Московск., на кафедре Московской митрополіи.

мѣтить здѣсь, что многіе весьма сильно злоупотребляютъ имъ въ своей жизни, особенно тѣ, которые хотятъ намъ навязать это начало помимо указанныхъ нами началъ: православія и самодержавія. Прежде всего, спросимъ: что — такое народность,—народность, конечно, истинная, такая, какаю должна быть у насъ, какъ народа православно-христіанскаго, а не ложная, какую желаютъ намъ мнимые радѣтели народнаго блага? Терминъ: народность близко подходитъ по своему понятію, какъ извѣстно, къ термину: національность, такъ что многіе отождествляютъ его съ этимъ послѣднимъ. Но, составляя нѣчто единое и общее съ нимъ, онъ — этотъ терминъ отличается отъ другого, употребляемаго нами, термина: народъ или нація. Тогда какъ послѣднія понятія — реальныя, прилагаемыя къ дѣйствительному бытію и состоянію людей, существующему въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ; народность—понятіе идеальное, показывающее, чѣмъ долженъ быть тотъ или другой народъ въ будущемъ. Намъ извѣстны въ исторіи различные народы или націи, какъ, на примѣръ, еврейская, греческая, римская и др. Но народность или, что тоже, національность есть или, по крайней мѣрѣ, должна быть у всѣхъ перечисленныхъ нами людей одна и таже. Именно: каждый народъ или каждая нація должны стремиться быть тѣмъ, чѣмъ имъ заповѣдано быть съ самаго начала историческимъ теченіемъ обстоятельствъ; должны стараться по возможности осуществлять тѣ задачи и цѣли, которыя указаны имъ при самомъ внѣшнемъ ихъ образованіи и положеніи здѣсь—на землѣ и которыя состоятъ, по изображенію Апостола Павла, въ томъ, что „Богъ отъ одной крови произвелъ весь родъ человѣчскій, для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанію, дабы они искали Бога, не ощутятъ-ли Его и не найдутъ-ли“... (Дѣян. XVII, 26. 27). Въ этомъ, какъ извѣстно, и заключается отличіе понятія народности или національности отъ понятія народа или націи. Изъ указанныхъ нами народовъ древности многіе-ли, спросимъ, имѣли и имѣютъ эту истинную народность? Многіе-ли сохранили ее до конца жизни? Возьмемъ, напр., еврейскій народъ: сохранилъ-ли онъ свою народность въ томъ видѣ, въ какомъ она предпола-

лась быть у него, какъ народа Божія, избраннаго и превознесеннаго среди прочихъ современныхъ ему народовъ? Печальный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнный фактъ постепеннаго вырожденія этого народа вслѣдствіе разсѣянія его по разнымъ странамъ показываетъ намъ, что онъ не сохранилъ въ цѣлости той печати народности, которая лежала на немъ, будучи утверждена нѣкогда Самимъ Господомъ. Точно также, можно сказать, и другіе древніе народы не сохранили до сихъ поръ своей народности въ томъ первобытномъ, чистомъ и незапятнанномъ видѣ, въ какомъ она изображается въ вышеприведенныхъ словахъ Апостола. Теперь, что касается нашего, русскаго, народа, то мы должны замѣтить здѣсь, что онъ имѣетъ въ этомъ отношеніи великое преимущество предъ всѣми прочими народами, какъ древними, такъ и новыми, — преимущество въ томъ именно смыслѣ, что является въ рукахъ Промысла Божія орудіемъ для высшихъ цѣлей, предназначенныхъ ему съ самаго историческаго существованія своего. Какой-же отличительный признакъ народности у нашего народа? Въ чемъ состоитъ эта народность, возвышающая его среди всѣхъ прочихъ народовъ? Не ошибемся, если скажемъ, что она состоитъ въ тѣсной связи съ православіемъ и самодержавіемъ. Въ настоящее время, когда такъ много говорятъ и пишутъ о нашей народности, слышны голоса и рѣчи о томъ: нельзя-ли какъ-нибудь построить эту народность безъ основъ православія и самодержавія. При этомъ ссылаются на многіе современные народы, напр., Францію, изъ которой въ одно время изгнано было не только православіе и самодержавіе, но и всякая вообще вѣра въ Бога и всякій гражданскій порядокъ и управление. Можетъ-ли быть какой-нибудь успѣхъ при такомъ именно способѣ созиданія народности, какой рекомендуютъ намъ нѣкоторые люди? Нѣтъ! Всякая попытка ихъ оторвать нашу народность отъ православія и самодержавія кончается всегда неудачей, постигающей ихъ еще при самомъ замыслѣ ихъ недобрыхъ намѣреній. Нашъ народъ, благодареніе Богу, возросъ въ великій, славный и могучій народъ. Ему, какъ и древнему еврейскому народу, которому нѣкогда *вспрена быша словеса Божія*, много дано отъ Бога. А кому много дано, по слову Его, съ того

много и взыщется (Лук. XII, 48). Поэтому нашъ народъ всегда долженъ сознавать, кому онъ обязанъ своимъ могущественнымъ ростомъ, до котораго онъ достигъ въ настоящее время. Всѣмъ тѣмъ, что онъ имѣетъ у себя добраго и хорошаго, онъ обязанъ именно православію и самодержавію, этимъ двумъ главнѣйшимъ началамъ нашей церковно-государственной жизни. Православію онъ учится еще съ малолѣтства въ Церкви Божіей. Самодержавіе же, которое питается и поддерживается въ свою очередь православіемъ, даетъ ему всевозможныя средства для „тихаго и безмолвнаго житія во всякомъ благочестіи и чистотѣ“ въ той странѣ, гдѣ ему суждено свыше жить, расти и развивать свои силы и способности ко благу личному и общественному. Но, имѣя такое преимущество въ ряду прочихъ народовъ, онъ никогда, конечно, не долженъ гордиться имъ предъ кѣмъ бы то ни было. Онъ долженъ всегда помнить и никогда не забывать ту святую истину, что если онъ по какой-либо причинѣ окажется недостойнымъ тѣхъ милостей и благодѣяній, которыя такъ щедро излиты на него рукою Божіею, то лишится ихъ такъ же скоро, какъ и получилъ ихъ, по словамъ Самого Господа: „сказываю вамъ, что отнимется отъ васъ царство Божіе, и дано будетъ народу, приносящему плоды его“ (Мате. XXI, 43). Поэтому всякій прогрессъ въ нашемъ народѣ, какъ умственный, такъ и нравственный и матеріальный, можетъ имѣть значеніе лишь тогда и постольку, когда и поскольку онъ будетъ имѣть въ виду то *единое на потребу*, о которомъ возвѣщаетъ намъ Евангеліе. Да, нашъ народъ тогда только крѣпокъ и силенъ, когда живетъ въ союзѣ съ Церковію, руководимый православіемъ и самодержавіемъ. Нѣтъ и не можетъ быть у него никакой другой народности помимо этихъ, указанныхъ нами, началъ!..

Скажемъ, наконецъ, о томъ, что-такое мы, какъ народъ православно-христіанскій, въ настоящее время и каковы мы должны быть въ будущемъ; въ чемъ состоитъ нашъ народный идеалъ; куда должны направляться наши желанія и стремленія... „Вы родъ избранный, царственное священство, народъ святой, люди взятые въ удѣлъ, дабы возвѣщать совершенство призваннаго васъ изъ тьмы въ чудный свой свѣтъ; нѣкогда не на-

родъ, а нынѣ народъ Божій; нѣкогда не помилованные, а нынѣ помилованы“ (Ос. IV, 23; 1 Петр. II, 9—10):— такъ писалъ однажды въ первомъ соборномъ посланіи своемъ св. Апостолъ Петръ къ христіанамъ изъ іудеевъ. Какъ эти слова близко подходятъ къ нашему народу, къ современному его состоянию и къ той миссіи, которая ожидаетъ его въ будущемъ! Вотъ, братіе, наша истинная народность, о которой мы должны всегда помышлять и всячески заботиться въ своей жизни! Если нашъ народъ не достигъ еще теперь до такого состоянія, то онъ долженъ желать этого и стремиться къ этому всѣми своими силами и средствами, находящимися у него въ рукахъ,—желать и стремиться именно къ тому, чтобы быть ему со временемъ „народомъ святымъ“. Но при какомъ условіи, скажите, онъ можетъ достигнуть такого состоянія? Только при томъ единственномъ условіи, если онъ будетъ находиться въ живой и неразрывной связи съ православіемъ и самодержавіемъ. Если говорить образно, то нашъ народъ представляетъ собою большое, крѣпкое и многовѣтвистое дерево. Корни этого дерева, глубоко сидящіе въ почвѣ, это именно—православіе и самодержавіе. Вотъ когда это дерево, подъ которымъ изображается нашъ русскій народъ, будетъ питаться соками своихъ корней, вотъ тогда-то расцвѣтетъ оно пышнымъ цвѣтомъ и принесетъ прекрасные плоды, что и будетъ составлять нашу истинную народность. Дай же Богъ, чтобы случилось такъ непременно съ нашимъ русскимъ православнымъ народомъ,—народомъ, какъ извѣстно, отличающимся особенными духовными, какъ умственными, такъ и нравственными, способностями, народомъ простымъ, добрымъ, умнымъ, сообразительнымъ, честнымъ и правдивымъ! Дай Богъ, чтобы случилось это не только съ нашимъ народомъ, но и со всякимъ другимъ народомъ, какъ христіанскимъ, знающимъ и почитающимъ истиннаго Бога, такъ и языческимъ, еще невѣдущимъ Его! Дай Богъ, чтобы очи наши увидѣли когда-нибудь „спасеніе Божіе, которое Онъ уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ народовъ, свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ, и славу народа Его“, народа русскаго, православно-христіанскаго, какъ новаго „Израиля“ (Лук. II, 30—32)!.. Аминь.

С Л О В О

во святую и великую субботу, 16 апрѣля 1894 года.

Приидите, обидуйте (Іоан. XXI, 12).

Всѣ мы нынѣ повержены въ глубокую печаль по случаю общаго для всѣхъ насъ покойника: мы схоронили нынѣ дражайшаго Спасителя, умершаго за насъ и ради нашего спасенія. Что-же въ этомъ случаѣ дѣлаетъ для насъ, какъ христіанъ, общая всѣмъ намъ мать наша св. Православная Церковь? Для утѣшенія нашего и облегченія скорби нашей она предлагаетъ намъ сегодня, послѣ похоронъ своего Основателя и Главы (Мате. XVI, 18; Ефес. V, 23), богатую поминальную трапезу съ нѣкоторыми ея особенностями и отличіями отъ всѣхъ другихъ трапезъ, которыя ежедневно предлагаетъ она намъ съ истинно материнскою любовію. Какая-же это трапеза? Эта трапеза есть именно нынѣшнее литургійное богослуженіе, за которымъ мы присутствуемъ въ настоящія минуты. Покажемъ здѣсь соотвѣтствіе и сходство этой трапезы, ежегодно положенной св. Церковію въ память умершаго Спасителя, съ обыкновенными поминальными трапезами, устраиваемыми въ память умершихъ людей послѣ ихъ погребенія.

Какъ эти послѣднія бываютъ замѣчательны чрезвычайнымъ обиліемъ яствъ и питій, съ особенною любовію предлагаемыхъ ихъ устроителями, такъ точно тѣмъ же замѣчательна и наша настоящая поминальная трапеза, предлагаемая намъ св. Православною Церковію. Разница только въ томъ, что тамъ яства и питія бываютъ тѣлесныя, временныя и тлѣныя, а здѣсь духовныя, вѣчныя и безсмертныя.

Замѣчательна также нынѣшняя наша трапеза по роду и качеству своихъ блюдъ, въ которыхъ мы видимъ большое сходство съ блюдами обыкновенныхъ поминальныхъ трапезъ. Какъ на послѣднихъ, кромѣ блюдъ извѣстныхъ, бываемыхъ ежедневно за столомъ у русскаго челоуѣка, есть еще свои, исключительно употребляющіяся только въ этомъ случаѣ,

такъ то-же самое находимъ мы и на нашей поминальной духовной трапезѣ. Какого-же рода особенности представляетъ намъ эта духовная трапеза, т. е., литургійное богослуженіе въ великую субботу отъ прочихъ литургійныхъ богослуженій, совершаемыхъ каждый день нашею Православною Церковію? Особенности эти мы видимъ главнымъ образомъ въ большемъ количествѣ церковныхъ пѣснопѣній, чтеній и молитвъ, бываемыхъ въ этотъ день за этимъ богослуженіемъ.

Извѣстно, что литургія въ великую субботу совершается по чину св. Василія Великаго и соединяется вмѣстѣ съ вечернею, почему и установлено начинать ее въ полдень. Въ стихирахъ на „Господи воззвахъ“ мы слышимъ приглашеніе св. Церкви къ прославленію умершаго и затѣмъ воскресшаго Господа Спасителя. Св. Церковь взываетъ въ нихъ: *объимите Сіонъ и дадите славу въ немъ Воскресшему изъ мертвыхъ; прійдите, воспоимъ, и поклонимся Христу, славяще Его изъ мертвыхъ воскресеніе.* За что? За то, что *Онъ есть Богъ нашъ, избавившій насъ отъ беззаконій нашихъ и міръ отъ лести вражія.* Относительно значенія дня великой субботы мы находимъ такое объясненіе въ церковной пѣсни, поемой въ этотъ день на „Господи воззвахъ“: *днешній день тайно, великій Моисей прообразоваше, глаголя: и благослови Богъ день седмый. Сія бо есть благословенная суббота, сей есть упокоенія день, въ онъже почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ едиnorodный Сынъ Божій, смотреніемъ еже на смерть, плотію субботаствовавъ: и во еже бѣ, пакы возвраща въ воскресеніемъ, дарова намъ животъ вѣчный, яко единъ благъ и человекълюбецъ.*

Послѣ малаго входа бываетъ продолжительное чтеніе 15 паремій, въ которыхъ собраны всѣ важнѣйшія пророчества и прообразованія касательно искупленія рода человѣческаго смертію Сына Божія. Среди и послѣ этихъ чтеній Церковь торжественно и радостно восхваляетъ распятаго за насъ, страдавшаго и погребеннаго Господа въ слѣдующихъ словахъ: *славно бо прославися и: Господа пойте, и превозносите Его во вѣки.*

Изъ другихъ особенностей, какія существуютъ на литургіи во святую и великую субботу, мы должны указать на пѣніе вмѣсто трисвятаго стиха: *елицы во Христа крестистесея, во*

Христа облекостесея—пѣніе, которое напоминаетъ намъ о томъ, что въ этотъ день въ древней христіанской церкви обыкновенно происходило крещеніе, такъ называемыхъ, оглашенныхъ.

Апостольскія и евангельскія чтенія, бываемыя въ этотъ день, составлены примѣнительно къ воспоминаемому печальному событію.

Въ апостольскомъ чтеніи изъ посланія св. Апостола Павла къ Римлянамъ говорится о смерти Иисуса Христа, какъ прообразъ нашего крещенія: *елицы во Христа Иисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся; спогребохомся збо Ему крещеніемъ въ смерть* (Римъ. VI, 3—4)—и о надеждѣ на наше будущее воскресеніе изъ мертвыхъ: *аще бо сообразни быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенія будемъ... Аще же умрохомъ со Христомъ, втруемъ, яко и живи будемъ съ Нимъ.* (ст. 5—6).

Между апостольскимъ и евангельскимъ чтеніемъ есть еще одна особенность, которой не бываетъ на обыкновенныхъ литургіяхъ, именно: предъ плащаницею поется трогательный стихъ, какъ-бы возбуждающій божественнаго Мертвеца, лежащаго во гробѣ: *воскресни Боже, суди земли: яко Ты насъ смдиши во всѣхъ языцехъ* (Пс. 81, 8).

Въ евангельскомъ чтеніи отъ Матѳея изображается радостная вѣсть о воскресеніи Христовомъ и о явленіи Его одиннадцати ученикамъ на горѣ въ Галилеѣ (Матѳ. XXVIII, 1—20).

Далѣе, вмѣсто херувимской пѣсни поется слѣдующій тропарь 8-го гласа: *да молчитъ всякая плоть человѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ: царь бо царствующицхъ, и Господь господствующицхъ, приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ. Предходятъ же сему млицы ангельстии со всякимъ началомъ и властію, многоочитии херувими и шестокрылатии серафими, млица закрывающе, и вопіюще тѣснь: аллилуія, аллилуія, аллилуія.* Вмѣсто же извѣстной пѣсни: *дастойно есть* поется 9-й ирмосъ канона великой субботы: *не рыдай мене Мати, зрящи во гробъ, еюже во чревь безъ сѣмене зачала еси Сына: востану бо и прославлюся, и вознесу со славою непрестанно яко Богъ, впрюу и любовію Тя величающія.* Такъ называемый при-

частный стих изображается въ слѣдующихъ глубокихъ и знаменательныхъ словахъ: *воста яко спя Господь: и воскресъ спасаей насъ.*

Такова духовная пища, въ изобиліи подаваемая намъ св. Церковію на этой, преимущественно, духовной трапезѣ, устрояемой въ память умершаго Спасителя. Я сказалъ: преимущественно духовной трапезѣ, потому что на ней бываютъ также и вещественныя яства и питія. Извѣстно, что въ концѣ литургіи въ великую субботу бываетъ благословеніе хлѣба и вина, которыя въ древности обыкновенно употреблялись вѣрующими христіанами на, такъ называемыхъ, вечерахъ любви, устрояемыхъ св. Церковію сряду по окончаніи каждой литургіи. Объ этихъ вечерахъ любви, въ ихъ примѣненіи ко дню великой субботы, мы читаемъ въ постной тріодѣ такое правило, приспособленное теперь собственно къ монастырскому уставу и выполняемое въ монастырской жизни: „послѣ отпуска (литургіи) мы не исходимъ изъ церкви, но остаемся на своихъ мѣстахъ: и входитъ келарь, и даетъ братіи по одному куску хлѣба и по шести смогвъ или финиковъ, и по одной чаркѣ вина. Во время того, какъ мы сидимъ за столомъ, бываетъ продолжительное чтеніе дѣяній святыхъ апостоловъ“... Вотъ другая—вишняя сторона поминальной трапезы, бываемой во святую и великую субботу!...

Распространяться ли мнѣ о томъ, чѣмъ бываетъ еще замѣчательна эта трапеза и что она знаменуетъ собой? Я думаю, что для этого нѣтъ никакой особенной надобности. Всѣмъ присутствующимъ на ней нельзя не замѣтить того рѣдкого единодушія и тѣхъ живѣйшихъ, искреннихъ чувствъ, которыя выражаются здѣсь очень ясно и опредѣленно. Вѣдь вспомнимъ только: кого мы схоронили сегодня? Господа Бога, нашего Творца и Промыслителя, Бога—нашего Искупителя и Спасителя, Бога—нашего Освятителя и Судію. Какъ-же поэтому намъ не быть единодушно настроенными въ этотъ святой и великій день и какъ намъ не печалиться о своихъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, доведшихъ Единороднаго Сына Божія до смерти на крестѣ? Эта печаль необходима и весьма спасительна для насъ: ибо она, по увѣренію Апостола, *покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣлываетъ* (2 Кор. VII, 10).

Нѣтъ также надобности говорить мнѣ много о томъ, что знаменуетъ собою эта трапеза. Ясно, что она знаменуетъ живѣйшую и непрерывную связь Христа Спасителя съ Его послѣдователями, т. е., христіанами. Вспомнимъ Его неложныя и твердыя болѣе, чѣмъ самый міръ, слова: *Азъ емь съ вами во вся дни до скончанія вѣка* (Матѣ. XXVIII, 20); *ядый Мою плоть, и пійи Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. VI, 56).

Послѣ всякой поминальной чувственной трапезы люди обыкновенно уходятъ въ насыщеніи и довольствѣ тѣми яствами и питіями, которыя тамъ предлагаются въ обильномъ количествѣ; уходятъ удовлетворенные не только тѣломъ, но и духомъ, получая утѣшеніе и успокоеніе своему прискорбному сердцу. Что мы можемъ сказать по этому поводу о нашей настоящей, также поминальной, но преимущественно духовной трапезѣ? Правда-ли будетъ то, если мы скажемъ, что уходимъ отсюда голодные духомъ, не насытившись и не получивши никакого духовнаго утѣшенія? Нѣтъ, не правда! Слишкомъ богата и обильна нынѣшняя наша трапеза, чтобы кто-нибудь не могъ насытиться ею вдоволь; слишкомъ много содержитъ она въ себѣ духовныхъ радостей и утѣшеній, чтобы не могло не воспріять ихъ наше сердце. На обыкновенныхъ поминальныхъ трапезахъ мы получаемъ твердое удостовѣреніе въ своемъ личномъ безсмертіи и въ безсмертіи покойника. Здѣсь же Самъ Божественный Мертвецъ своими устами говоритъ намъ о Себѣ: *якоже бы Іона во чревь китовъ три дни и три ноци: тако будетъ и Сынъ человѣскій въ сердцы земли три дни и три ноци* (Матѣ. XII, 40); *преданъ имать быти Сынъ человѣскій въ руки челоовкомъ, и убиютъ Его, и въ третій день востанетъ* (Матѣ. XVII, 22, 23). Мы присутствуемъ сегодня на поминальной трапезѣ въ честь умершаго Господа, въ той радостной надеждѣ, что завтра будемъ слышать торжественный гласъ св. Церкви: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.*

Братіе христіане! Если кто-либо изъ васъ по какой-нибудь причинѣ опоздалъ на эту трапезу и не могъ присутствовать за ней съ самаго начала и вслѣдствіе этого лишилъ себя

возможности вполне насытиться духовною пищею, предлагаемою намъ съ такою любовію св. Церковію, то есть еще время для пополненія этого недостатка. Наша духовная трапеза еще не кончилась совсѣмъ. Итакъ: *приидите, обѣдуйте*; пусть никто изъ васъ не уйдетъ отсюда голоднымъ и недовольнымъ. Сейчасъ будетъ происходить благословеніе хлѣба и вина, напоминающее намъ чудесное насыщеніе пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами во время земной жизни Спасителя. Затѣмъ, въ древности, какъ я уже показалъ вамъ, по окончаніи литургіи вѣрующіе не выходили изъ церкви, а слушали чтеніе Дѣяній Апостольскихъ, которое продолжалось до самаго наступленія величайшаго праздника Воскресенія Христова. Такъ и мы, по примѣру древнихъ христіанъ, можемъ провести остающееся небольшое время, если не въ церкви, то хотя у себя дома, за этимъ весьма полезнымъ и душеспасительнымъ занятіемъ. Дай же Богъ всѣмъ намъ воспользоваться настоящею обильною трапезою для нашего собственнаго блага, какъ духовнаго, такъ и тѣлеснаго! Аминь.

Р Ѣ Ч Ъ

предъ сборомъ пожертвованій въ пользу жителей греческаго Королевства, пострадавшихъ отъ землетрясенія, 26-го мая 1894 года.

О томъ, съ какими чувствами и расположеніями мы должны относиться къ греческой Церкви и о тѣхъ способахъ и мѣрахъ, какіе должны принять по отношенію къ ея состоянію въ настоящее время.

Всѣмъ вамъ, братіе, вѣроятно, извѣстно уже изъ газетъ о „тяжкомъ бѣдствіи, постигшемъ единовѣрное намъ греческое Королевство, въ которомъ страшное землетрясеніе совершенно разрушило города Лемносъ и Ксирохори, на островѣ Евбей, и Аталантъ и Фивы на материкѣ, а также 30 деревень, вслѣдствіе какового несчастія 400 человѣкъ оказались убитыми и

отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ остались безъ крова“ ¹⁾. Государю Императору, какъ Отцу великаго семейства русскаго, состоящему въ родственныхъ отношеніяхъ съ греческимъ народомъ, благоудно было учредить по этому случаю подписку повсемѣстно во всей имперіи. Святѣйшій Синодъ, движимый чувствомъ любви и признательности къ единовѣрному намъ народу, съ своей стороны сдѣлалъ распоряженіе о производствѣ во всѣхъ церквахъ Россіи въ пользу пострадавшихъ сбора пожертвованій. И нужно надѣяться, конечно, на то, что всѣ мы съ живѣйшимъ чувствомъ и съ теплою готовностію откликнемся на этотъ призывъ Государя Императора и Святѣйшаго Синода къ оказанію денежнаго пособія въ пользу жителей греческаго Королевства, пострадавшихъ отъ землетрясенія,—откликнемся и подѣлимся, кто что имѣетъ у себя лишняго и ненужнаго, съ неимущими братіями, лишившимися всего вслѣдствіе землетрясенія. Да, братіе, великое бѣдствіе постигло по волѣ Божіей Грецію! Объ этомъ бѣдствіи мы, живущіе и пользующіеся теперь всѣми удобствами жизни, конечно, и представить себѣ не можемъ. Землетрясеніе,—это такое бѣдствіе, когда человѣкъ каждую минуту ждетъ себѣ смерти, что вотъ-вотъ разверзется земля и поглотитъ его въ свои нѣдра, такъ что онъ не можетъ вполне поручиться за спокойствіе и безопасность своей жизни. Вотъ что пишетъ, на примѣръ, одинъ изъ очевидцевъ землетрясенія въ Греціи, о. Архимандритъ Михаилъ, настоятель посольской Церкви въ Афинахъ: „землетрясенія непрерывно почти каждый день по нѣскольгу разъ колеблуть почву и расшатываютъ зданія. Въ Великую пятницу землетрясеніе случилось въ то время, когда мы послѣ погребенія вернулись въ храмъ и читали паремію. Очень величественно было! Стѣны и своды храма наклонялись, тряслись и трещали, люстры качались и звенѣли, полъ былъ подобенъ морской волнѣ. И все это предъ гробомъ Спасителя. Никогда нельзя забыть такого впечатлѣнія... Въ Афинахъ несчастій очень мало, но въ Аталантъ и въ Фивахъ и кругомъ ихъ страшное опустошеніе и очень много человѣческихъ жертвъ. Боятся, что будутъ еще несча-

¹⁾ Церкви. Вѣдом., издав. при Св. Синодѣ. 1894 года, № 20. Стр. 223.

стія, такъ какъ почва во многихъ мѣстахъ понижается, образуются новые ключи, озера; горы даютъ громадныя трещины. Теперь жители всѣ бѣгутъ со своихъ мѣстъ и имъ посылаютъ лѣса и полотна для временныхъ бараковъ въ мѣстахъ болѣе безопасныхъ. А колебанія почвы, и довольно внушительныя, все продолжаютъ. Нервные люди, просыпаясь отъ нихъ ночью, уже не могутъ заснуть и вообще состояніе духа отъ нихъ очень у всѣхъ напряженное. Посылаетъ Богъ на Грецію испытанія одно за другимъ“¹⁾. Таковы послѣдствія отъ землетрясенія, по словамъ очевидца. Братіе! Въ силу уже одного чувства милосердія и состраданія къ ближнимъ нашимъ мы не можемъ не принять участія въ пожертвованіяхъ для облегченія ихъ несчастной судьбы. Но этого мало. Съ греческимъ народомъ мы связаны болѣе близкими и тѣсными узами, нежели съ какимъ-либо изъ прочихъ народовъ. Вотъ на выясненіе-то этой внутренней духовной связи, существующей между нами и греками, я и хочу обратить ваше вниманіе въ настоящей разъ, для чего благосклонно прошу у васъ удѣлить нѣсколько минутъ. Именно, я хочу сейчасъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ чувствахъ и расположеніяхъ, съ какими мы, — члены русской Церкви, — должны относиться къ греческой Церкви, какъ своей матери и благодѣтельницѣ, и о тѣхъ способахъ и мѣрахъ, какіе должны принять по отношенію къ ея состоянію въ настоящее время. Для этого перенесемъ свою мыслію за тысячу лѣтъ тому назадъ, къ началу нашей исторіи. Что-же мы увидимъ тамъ? Мы увидимъ, что русскій народъ обязанъ своимъ существованіемъ въ духовномъ отношеніи не кому иному, какъ именно грекамъ, которые имѣли на него весьма сильное вліяніе. Извѣстно, что когда князь Владиміръ рѣшилъ креститься самъ и крестить народъ русскій въ христіанской вѣрѣ, то эта послѣдняя была греческаго происхожденія. вмѣстѣ съ принятіемъ вѣры изъ Греціи, мы приняли также и перваго митрополита грека, по имени Михаила. Этотъ митрополитъ былъ долгое время у насъ Кіевскимъ митрополитомъ, ревностно заботящимся о насажденіи, развитіи и укрѣпленіи въ русской землѣ христіанства. Впослѣд-

ствіи въ ряду митрополитовъ русскихъ на одной только Кіевской кафедрѣ было цѣлыхъ двадцать пять митрополитовъ грековъ, изъ числа которыхъ многіе прославились духовными подвигами и святостію своей жизни. Таковы, напр., свв. Θεογνωсть и Фотій, мощи которыхъ подъ спудомъ почиваютъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Нельзя не вспомнить здѣсь также и про другое лицо греческаго происхожденія, хотя не бывшее на кафедрѣ русскихъ митрополитовъ, но весьма много способствовавшее просвѣщенію русскаго народа свѣтомъ христіанской вѣры. Это именно — Максимъ Грекъ, мужъ отлично образованный и истинно благочестивый, который принималъ живое участіе въ переводѣ и исправленіи богослужебныхъ книгъ во время патріарха Никона и который за свои труды много перенесъ горя и бѣдствія, былъ сосланъ и заточенъ въ монастырь. Мощи его подъ спудомъ почиваютъ въ св. Троицкой Сергіевой Лаврѣ, гдѣ подъ конецъ жизни онъ нашель себѣ пріютъ и успокоеніе. Всѣми этими лицами вѣра христіанская, особенно на первыхъ порахъ распространенія ея у насъ, возросла, укрѣпилась и утвердилась въ землѣ русской. Самый языкъ, на которомъ говорили они и на которомъ написаны были первоначально книги Священнаго Писанія Новаго Завѣта, вошелъ въ русскую Церковь и сталъ употребляться здѣсь при нѣкоторыхъ богослуженіяхъ. Вотъ, братіе, то благодѣяніе, великое и безцѣнное благодѣяніе, которое нѣкогда оказала намъ греческая Церковь! За такое-ли благодѣяніе мы когда-нибудь забудемъ ее, какъ чужую для насъ и неизвѣстную? Нѣтъ! Если забудемъ тебя, родная мать наша по духу греческая Церковь, то пусть забвена будетъ десница наша! Мы должны твердо помнить, что русская Церковь получила начало своего существованія отъ Церкви греческой, которая въ этомъ случаѣ должна быть для насъ, по-истинѣ, матерью: ибо она насъ, можно сказать, произвела на свѣтъ, воспитала и взлелѣяла, какъ близкое и дорогое дитя, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возвысила и поставила на недостижимую высоту, на какой мы стоимъ доселѣ. Многіе и притомъ, къ сожалѣнію, изъ образованныхъ не признаютъ за Церковію греческою этого ея достоинства, такъ ясно выразившагося по отношенію къ намъ; многіе готовы только смѣяться и поносить ее, а не чувство-

¹⁾ Тамъ же. Стран. 667—668.

вать съ живѣйшею благодарностію свое зависимое, въ духовномъ смыслѣ, положеніе отъ нея. Что-же? Это ихъ добрая воля, которую трудно въ этомъ случаѣ заставить переимѣнить свое направленіе. Убѣжденіе людей, какъ извѣстно, складывается годами и составляетъ признакъ твердости ихъ характера. Но въ томъ-то и дѣло, что многіе руководятся въ жизни не убѣжденіемъ, а легкомысленнымъ мнѣніемъ другихъ людей. Мало того, что они сами такого мнѣнія объ извѣстномъ предметѣ, они хотятъ, чтобы и другіе шли по ихъ ложнымъ стопамъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду слова одного автора — паломника, который въ своемъ небольшомъ очеркѣ путешествія, помѣщенномъ въ журналѣ „Русскій Паломникъ“ и вышедшемъ недавно особой книгой, выразился про греческую Церковь слѣдующимъ образомъ: „всѣмъ время и время всякой вещи подъ небесами“ — сказалъ Премудрый. *Русской Церкви суждено еще расти и расти, а греческой малитися*“¹⁾. Какое горделивое самопревозношеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая злая иронія и насмѣшка сквозитъ въ этихъ послѣднихъ словахъ! Да еслибы греческой Церкви, по-истинѣ, суждено было за грѣхи народныя умаляться и падать, а русской Церкви расти и укрѣпляться: то кто долженъ въ этомъ случаѣ поддержать первую? Кто долженъ придти къ ней и подать ей руку помощи? — Русская Церковь, какъ ближайшая къ ней по своему духовному родству съ нею. Вѣдь и въ тѣлесномъ родствѣ мы встрѣчаемъ подобное явленіе. Въ случаѣ старости и болѣзни матери: кто долженъ питать и грѣть ее, вообще, кто долженъ заботиться о ней? Должны заботиться ея дѣти, которыя ближе всего къ ней. Это въ естественномъ порядкѣ вещей. Точно также должно быть и въ разсматриваемомъ нами случаѣ по отношенію къ греческой Церкви. Послѣдняя пришла, если такъ можно выразиться, въ дряхлость отъ старости; она къ тому же больна и страдаетъ различными недугами, требующими уврачеванія. Кто-же, спрашивается, долженъ помочь ей, кто долженъ уврачевать ея раны, открывшіяся въ ея тѣлѣ? Кто, какъ не духовная ея дочь — русская Церковь, уже пришедшая въ совершенный возрастъ, окрѣпшая и возвысив-

¹⁾ „Русск. Палом.“ 1889 г. № 24.

шаяся среди многихъ другихъ духовныхъ дѣтей ея? Это ея долгъ и обязанность. Объ этомъ она непремѣнно должна подумать и крѣпко подумать въ настоящее время. Какъ именно подумать, т. е., что сдѣлать, какія мѣры принять — вотъ объ этомъ-то мы и хотимъ сказать сейчасъ нѣсколько словъ.

Что русская Церковь всегда имѣла въ виду греческую Церковь, какъ свою мать, наставницу и руководительницу въ жизни, и что она постоянно о ней заботилась, во все время своего продолжительнаго существованія, — это ясно и очевидно и не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ сама исторія. „Со стороны русской Церкви, получившей отъ греческой свое начало, была видна самая искренняя, горячая преданность и любовь къ своей матери... Церковь русская постоянно имѣла и имѣетъ въ виду заботу о счастіи и благоденствіи своей матери — Церкви греческой. Извѣстно, что много бѣдъ и скорбей перенесла послѣдняя, находясь въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ тяжкимъ и невыносимымъ игомъ агарянскимъ. Поэтому она постоянно обращала свои взоры съ мольбою о помощи къ своей духовной дочери, какъ болѣе окрѣпшей и возвысившейся. И Церковь русская никогда не отказывалась помочь въ трудныхъ обстоятельствахъ своей матери, такъ сильно ею любимой. Начиная съ Екатерины, наши блестящія побѣды надъ турками прославляли непобѣдимое русское оружіе въ дѣлахъ освобожденія христіанъ изъ-подъ ига невѣрныхъ. Затѣмъ, тѣ же славныя побѣды были, какъ извѣстно, достояніемъ царствованія Николая I. и Александра II. И если, при всемъ томъ, еще и доселѣ не истреблено и продолжаетъ существовать это „агарянское нечестіе“¹⁾, до сихъ поръ держащее какъ-бы въ оковахъ и цѣпяхъ греческую Церковь: то, видно, такъ Богу угодно, чтобы до нѣкотораго времени отложено было его окончательное истребленіе“²⁾. Говоря это, нужно замѣтить, что мы имѣемъ въ виду здѣсь преимущественно Константинопольскую Церковь. Состояніе Аѣинской Церкви, какъ свободной и независимой отъ турецкаго вла-

¹⁾ т. е. Турція.

²⁾ См. наше слово на день празднованія 900-тія крещенія Руси. Московск. Церкви. Вѣдом., 1883. г № 28.

дычества и, притомъ, находящейся подъ высшимъ покровительствомъ короля, въ настоящее время сравнительно довольно сносно и терпимо.

Но въ этой заботѣ русской Церкви нельзя не обратить вниманія на слѣдующее одно, въ высшей степени, прискорбное обстоятельство. Говоря о русской Церкви, объ ея, поистинѣ, сыновнихъ чувствахъ и участливомъ отношеніи къ своей матери—Церкви греческой, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, (что и на самомъ дѣлѣ такъ), высшую церковную іерархію ея, т. е., Святѣйшій Правительствующій Синодъ, который имѣетъ сношеніе съ другими церквами, а отчасти, пожалуй, и русское духовенство, относящееся съ такими же чувствами и расположеніями къ греческой Церкви, съ какими относится глава его—Св. Синодъ. Но можно-ли сказать то же самое про всѣхъ русскихъ людей, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ, входящихъ тоже, конечно, въ составъ православной Церкви: ибо послѣдняя состоитъ, какъ извѣстно, не изъ одного только духовенства, какъ на Западѣ, но и изъ мірянъ? Къ сожалѣнію, этого сказать не приходится въ настоящее время; потому что большинство изъ русскихъ людей (разумѣемъ, конечно, въ этомъ случаѣ мірянъ) не только не знакомы съ Церковію греческою, съ устройствомъ и положеніемъ ея іерархіи, богослуженія, образованія и т. п., но и вообще имѣютъ смутныя понятія о нашемъ духовномъ родствѣ съ нею, выразившемся такъ ясно и живо при крещеніи Руси, въ 988 году, св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ. „Современная жизнь восточнаго православія, — по словамъ одного изслѣдователя, — къ сожалѣнію, слишкомъ мало намъ извѣстна. Это справедливо и въ отношеніи къ той Церкви, съ которою мы соединены особою связью—преемствомъ вѣры и іерархіи въ началѣ нашей исторіи, неоднократно плодотворнымъ единеніемъ въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ и сокровищами древнихъ отеческихъ ея твореній, которыя всегда останутся живымъ источникомъ церковной жизни. Непосредственное знакомство и съ послѣднимъ, какъ усмотрить къ удивленію своему будущій историкъ,—съ усиленіемъ нашего просвѣщенія не только не расширяется, а напротивъ ослабѣваетъ и падаетъ: что-же удивительнаго, если позднѣй-

шая и современная церковная письменность Грековъ намъ совсѣмъ неизвѣстна?“...¹⁾

Слава Богу, всероссийское торжественное празднованіе 900-я крещенія Руси въ 1888 году нѣсколько освѣтило и сблизило взаимныя отношенія этихъ двухъ родственныхъ между собою церквей! Но какъ и насколько освѣтило — вотъ вопросъ, не лишенный интереса и требующій въ настоящее время, послѣ празднованія этого событія, при ежегодномъ, такъ сказать, отчетѣ съ нашей стороны, справедливаго и безпристрастнаго рѣшенія! Правда, напоминаніемъ о томъ, что наша православная вѣра, 900 лѣтъ хранимая нами, яко зеница ока, и сохранныя до послѣднихъ дней цѣлою и несокрушимою, есть великое для насъ благо—оно прямо указало на источникъ ея происхожденія—на Церковь греческую, въ которой она прежде хранилась и твердо соблюдалась, какъ драгоценное сокровище, для передачи его по наслѣдству своей духовной дочери—Церкви русской; но, кромѣ этого, чисто случайнаго, и, притомъ, внѣшняго и необходимаго напоминанія, много-ли она оказала въ упомянутомъ году для своей матери, — не говоримъ уже добра, — а просто сочувствія, искренняго расположенія, хотя бы на словахъ только, а не на дѣлѣ? Что-то не видать было съ ея стороны выраженія этихъ и подобныхъ имъ чувствъ! Сколько намъ помнится, въ томъ году не было напечатано даже ни одного изслѣдованія по этому вопросу, не было сказано ни одной рѣчи, ни съ церковной, ни съ учебной кафедры, кромѣ развѣ рѣчи г. Оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева, произнесенной на торжественной трапезѣ въ Кіевскомъ общественномъ собраніи въ память этого событія. Какъ-будто не стоило вниманія упоминать объ этомъ или какъ-будто это было слишкомъ уже извѣстно всѣмъ! Обо многомъ говорилось и писалось въ періодическихъ журналахъ и газетахъ за тотъ годъ, по поводу празднованія 900-я крещенія Руси,—объ одномъ только умалчивалось или уже упоминалось вскользь, именно: о нашей православной вѣрѣ греческаго происхожденія и о нашихъ обязанностяхъ по отношенію къ греческой Церкви, вытекающихъ единственно изъ побужденія благодарныхъ чувствъ къ ней вслѣдствіе того, что она сохра-

¹⁾ Московск. Церковн. Вѣдом. 1889 г. № 45. Библиографія.
Слова и рѣчи.

нила для насъ и завѣщала намъ это драгоценное сокровище. Этотъ вопросъ, какъ намъ кажется, первостепенной важности, остался и прошелъ, повторяемъ, незамѣченнымъ тогда. Греческая Церковь справедливо нынѣ можетъ обратиться къ намъ съ словами, выражающими горькій упрекъ за такія наши отношенія къ ней, какъ своей матери: *сыны родихъ и возвысихъ, ти же отвергшася мене* (Ис. I, 2). Но гдѣ-же, спросимъ, въ чемъ заключается причина этого печальнаго и, можно сказать, неестественнаго явленія? Не ошибемся, если скажемъ: въ нашей гордости, обуявшей насъ съ ногъ до головы, — гордости, которой проникнуты насквозь всѣ наши не только дѣла, но даже слова и мысли. Намъ нужно поэтому поскорѣе выйти изъ этого неестественнаго положенія и постараться возстановить въ себѣ утраченныя чувства любви и расположенія къ своей матери, чтобы вполне заслужить ея довѣрiе къ намъ.

Для того чтобы всѣ члены русской Церкви имѣли не смутныя, сбивчивыя и неопредѣленныя понятія о греческой Церкви, какія замѣчаются въ нихъ въ настоящее время, а, наоборотъ, твердыя, ясныя и опредѣленныя, для этого нужно прежде всего, по нашему мнѣнiю, установить взаимную связь и сообщенiе между членами этихъ церквей. Какъ хорошо было бы для этой цѣли учредить въ Россiи, въ одной изъ ея столицъ, *греческо-русское литературное общество*, которое имѣло бы своею задачею сближать между собою эти двѣ націи указанiемъ и удовлетворенiемъ духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ въ той и другой! Правда, вопросъ о такомъ обществѣ у насъ поднимался уже болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ (еще въ 1858 году); но онъ, какъ извѣстно, не вполне осуществился тогда ¹⁾.

Затѣмъ, что касается интересовъ матеріальныхъ, т. е., матеріальнаго состоянiя и обезпеченiя Церкви греческой, то ихъ, по нашему мнѣнiю, въ настоящее время игнорировать нельзя. Въ собранiи мнѣнiй и отзывовъ митрополита Филарета по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ много находится по этому поводу проектовъ и различныхъ замѣчанiй. Митрополитъ Филаретъ очень часто входилъ въ

¹⁾ См. „Собранiе мнѣнiй и отзывовъ митрополита Филарета по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ“. Томъ IV-й, стр. 350.

сношенiя съ восточными церквями по этому вопросу. Такъ, напримѣръ, онъ разрѣшалъ вопросъ объ учрежденiи у насъ на Руси патриаршихъ подворiй и управленiи ими ¹⁾. Поднимался также, въ его время, вопросъ объ устроенiи часовень, въ пользу бѣдствующихъ восточныхъ церквей ²⁾, и объ организаціи духовныхъ миссiй съ тою же цѣлюю, напр. миссiи Иерусалимской, о которой такъ заботился митрополитъ Филаретъ ³⁾. Конечно, все это похвально, и, кромѣ благодарности, мы ничего не можемъ возразить въ принципѣ противъ всѣхъ этихъ мѣръ, вполне осуществившихся, какъ извѣстно, въ настоящее время и направленныхъ ко благу и счастiю греческой Церкви; но опять таки мы должны сказать здѣсь то же самое, что и раньше говорили по поводу взаимныхъ отношенiй нашихъ къ греческой Церкви вслѣдствiе духовной связи ея съ нами, именно: чтобы всѣ эти мѣры приносили существенную пользу греческой Церкви, надобно стараться о томъ, чтобы распространить ихъ какъ можно шире въ простомъ народѣ русскомъ, чтобы онъ зналъ, для какой цѣли учреждены, напр., наши духовныя миссiи, существуютъ различныя подворья въ Россiи, устроены нѣкоторыя часовни и т. п. Все это, говоримъ, нужно знать нашему простому народу, для того, чтобы онъ, во—1-хъ, былъ отзывчивѣе и вообще щедрѣе на пожертвованiя въ пользу родственной намъ греческой Церкви и бѣдствующихъ единовѣрцевъ нашихъ на востокѣ; во—2-хъ, для того, чтобы онъ не былъ вводимъ въ заблужденiе нѣкоторыми неблагонамѣренными лицами, которыхъ распространилось въ настоящее время очень много и которыхъ готовы иногда поживиться на счетъ другихъ людей, не преискусная въ этомъ случаѣ никакими средствами для достиженiя своихъ цѣлей.

Затѣмъ мы должны внушить нашему народу, что онъ, подавая вещественную помощь греческой Церкви, бѣдствующей нынѣ отъ землетрясенiя (Аѳинская церковь) и находящейся

¹⁾ Тамъ же. Т. V. Часть 1-я. Стр. 259—261; Т. V, Ч. 2-я. Стр. 629—631; 894—896; 931.

²⁾ Тамъ же. Т. IV-й. Стр. 288—290.

³⁾ Отдѣльный томъ по дѣламъ Православной Церкви на востокѣ. Стр. 77 - 467; Т. IV-й. Стр. 285—287; 288—290. Т. V. Ч. 1. Стр. 239—242.

подъ игомъ невѣрныхъ (Константинопольская), оплачиваетъ этимъ только свой прежній долгъ, какой лежитъ на немъ давно по отношенію къ грекамъ. Съ такими мыслями и чувствами онъ долженъ дѣлать матеріальныя пожертвованія послѣднимъ въ силу апостольскихъ словъ, находящихся въ первомъ посланіи апостола Павла къ Коринѳянамъ: „если мы посѣяли въ васъ духовное, велико-ли то, если пожнемъ у васъ тѣлесное“ (1 Кор. IX, 11)? Да, мы должны твердо помнить, что слишкомъ великое благодѣяніе для насъ оказано нѣкогда греческою Церковію! Поэтому мы съ радостію и любовію должны отозваться и подвигнуться на нѣкоторыя матеріальныя пожертвованія въ пользу ея.

Но, помня объ этомъ, мы, въ то же время, никогда не должны забывать и о другомъ, именно: о внѣшнемъ положеніи въ настоящее время обѣихъ Церквей: греческой и русской. Первая изъ нихъ, во всю свою исторію, имѣла самое невыгодное и неблагоприятное положеніе, находясь большею частію подъ игомъ невѣрныхъ и претерпѣвая разныя унижительныя для себя пытки. Но какъ бы то ни было, она, не смотря на свое, по-истинѣ, тяжелое внѣшнее положеніе, въ какомъ по волю Божіей находится даже до сихъ поръ, ни на одну іоту не отступила отъ древняго православія, завѣщаннаго ей ея предками, и какъ намъ нѣкогда передала его во всей чистотѣ и неповрежденности, такъ и въ настоящее время сохраняетъ его твердо и непоколебимо. Были, конечно, и мы съ своей стороны этого не отрицаемъ, нѣкоторые промахи, нѣкоторыя какъ-бы послабленія и недостатки во внѣшнемъ, напр., чинѣ богослуженія, въ нѣкоторыхъ уставахъ, касающихся образованія и т. п.; но что касается догматовъ или истинъ православія, то они, повторяемъ, были сохранены и сохраняются ею до нашихъ дней во всей чистотѣ и неповрежденности, твердо и непоколебимо. Это, конечно, со стороны греческой Церкви величайшая заслуга для всего православнаго міра, которая поэтому никогда не должна быть забыта всѣми истинно-русскими православными людьми!... Прекрасно разсуждаетъ объ этомъ митрополитъ Филаретъ: „какой это православно-каеолическій міръ безъ грековъ, то есть, безъ четырехъ православныхъ патріарховъ? Какъ могутъ быть въ

общеніи съ православнымъ каеолическимъ міромъ люди, которые не терпятъ православно-каеолическихъ патріарховъ?“¹⁾

Сравнивая теперь это внѣшнее положеніе греческой Церкви съ тѣмъ же положеніемъ Церкви русской, мы не можемъ не замѣтить, что послѣдняя находилась все время въ гораздо болѣе лучшихъ условіяхъ, чѣмъ первая. И кто знаетъ—одному только Богу извѣстно это—сохранила-ли бы она такъ же твердо и непоколебимо православную вѣру, еслибы находилась въ подобныхъ обстоятельствахъ? Мы нисколько въ этомъ случаѣ не преувеличиваемъ заслуги греческой Церкви и не умаляемъ достоинства нашей отечественной—русской Церкви, накликая на нее какую-либо бѣду или несчастіе. Напротивъ, мы желаемъ ей расти, крѣпнуть и возвеличиваться во всѣхъ отношеніяхъ, но только такъ, чтобы она въ то же время всегда помнила, кому она обязана съ самаго своего существованія, и обращала вниманіе въ ту сторону, которая преимущественно нуждается въ ея помощи и содѣйствіи.

Заклучимъ нашу бесѣду словами великаго и незабвеннаго митрополита Филарета, сказанными имъ нѣкогда въ письмѣ къ греческому посланнику въ Петербургъ: „*Господи, спаси греческаго царя, греческую православную церковь и греческій народъ!*“²⁾. Даруй, — прибавимъ мы еще отъ себя, — чтобы родная намъ по духу греческая Церковь никогда не умалялась, какъ, къ сожалѣнію, видимъ это въ настоящее время, а всегда пребывала на той степени высоты и славы, на какой она стояла въ прежнее цвѣтущее время! Если отдѣльные люди не могутъ умирать предъ лицемъ Господа, какъ имѣющіе живую и безсмертную душу, то отдѣльные народы, т. е., совокупность нѣсколькихъ людей одного племени и вѣры, могутъ совсѣмъ изгладиться изъ исторіи человѣческой и прекратить свое земное существованіе. Не допусти же, Господи, до подобнаго состоянія греческій народъ! Услыши молитвы насъ—недостойныхъ членовъ русской православной Церкви, возносимыя Тебѣ и о матери нашей—Церкви греческой въ общемъ прошеніи „о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей!“ По-

1) Тамъ же. Томъ Дополнительный. Стр. 561.

2) Тамъ же. Томъ V. Часть 1. Стр. 142.

даждь ей, по молитвамъ нашимъ, „благоденственное и мирное житіе, здравіе-же и спасеніе и во всемъ благое поспѣшеніе, на враги же побѣду и одолѣніе“, и сохрани ее на многія лѣта! Κύριε ἐλέησον!...

ТРИ БЕСѢДЫ.

(виѣбогослужебныя).

О цѣли человѣческой жизни.

I.

Гдѣ находится истинная цѣль человѣческой жизни.

Житіе наше на небесахъ есть (Филл. III. 20).

Вопросъ о цѣли человѣческой жизни есть по справедливости одинъ изъ самыхъ существенныхъ и важныхъ вопросовъ во всемъ человѣческомъ родѣ, представляющій вмѣстѣ съ тѣмъ большія трудности въ своемъ рѣшеніи. Въ самомъ дѣлѣ: знать, для чего мы живемъ, въ чемъ заключается главная цѣль нашей жизни, развѣ это не существенный и не важный для всѣхъ вопросъ? Только люди, потерявшіе совсѣмъ способность мыслить и жить по своему уму, могутъ не думать и отодвигать на задній планъ этотъ вопросъ, какъ не представляющій для нихъ ничего новаго и особеннаго. Всѣ же прочіе, какъ мы видимъ, постоянно имѣютъ въ мысляхъ и старательно ищутъ цѣли жизни, стремясь къ ней всѣми силами, чтобы какъ-нибудь достигнуть ея. Какаѣ-же это цѣль? Вотъ здѣсь-то и представляетъ предложенный нами вопросъ такія трудности, какихъ мы не встрѣчаемъ при рѣшеніи многихъ другихъ вопросовъ. Трудности эти главнымъ образомъ заключаются въ томъ множествѣ и разнообразіи противорѣчивыхъ мнѣній и сужденій о цѣли человѣческой жизни, какое мы находимъ у людей, занимающихся разрѣшеніемъ

этого вопроса. Вмѣсто единой и единственно-вѣчной цѣли человѣческой жизни, какая должна быть у всѣхъ людей, какъ равныхъ по природѣ и предназначенныхъ къ одной и той-же участи, мы видимъ въ настоящее время нѣсколько и притомъ весьма разнообразныхъ цѣлей. Укажемъ и разберемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Начнемъ прежде всего съ болѣе низшихъ цѣлей жизни, какія поставляютъ себѣ современные люди. Мы знаемъ, что человѣческая жизнь, по ученію слова Божія, состоитъ изъ трехъ жизней: *плотской*, *душевной* и *духовной* (1 Кор. II, 14—15; III, 1—3). Поэтому и скажемъ прежде всего о первой изъ этихъ трехъ жизней, самой низшей, именно *плотской*. Какую-же цѣль жизни поставляютъ себѣ люди, живущіе по-преимуществу плотскою жизнью? Это—всѣ разнообразныя плотскія удовольствія и наслажденія. Цѣль жизни, по ихъ мнѣнію, это—именно удовольствія и наслажденія; путь же, ведущій къ ней, это—богатство или вообще достатокъ средствъ, при которомъ только и можетъ быть достигнута эта цѣль. Но нужно-ли здѣсь говорить, что достиженіе этой цѣли не для всѣхъ возможно? Спросимъ прежде всего: возможно-ли для всѣхъ людей обладаніе богатствомъ, при которомъ только и можетъ быть вполне достигнута эта цѣль? Нѣтъ! Всегда при изобиліи и достаткѣ однихъ будетъ бѣдность и нищета другихъ. Истинно слово Божіе и непреложно: *всегда нищія имате съ собою* (Мар. XIV, 7). Значитъ бѣдность всегда будетъ существовать на землѣ. Она можетъ быть только нѣкоторымъ образомъ ослабляема и уменьшаема, но никогда не можетъ быть совсѣмъ уничтожена. Только въ послѣднее время явились люди, такъ называемые коммунисты, представляющіе свои неосуществимыя на дѣлѣ теории всеобщаго равенства капиталовъ; но взглядъ такихъ людей, какъ не основывающійся на ученіи слова Божія, для насъ не можетъ быть авторитетомъ и потому не долженъ заслуживать особеннаго вниманія. Слово Божіе прямо и рѣшительно говоритъ намъ, что бѣдность и нищета всегда будутъ существовать на землѣ. А если будетъ бѣдность, то значитъ богатство не для всѣхъ будетъ доступно, какъ-бы ни старались и ни хлопотали о томъ наши коммунисты. Отсюда мы можемъ вы-

вести прямое и вѣрное заключеніе, что цѣль жизни, какую поставляютъ себѣ люди, живущіе плотскою жизнью, въ разнообразныхъ плотскихъ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ, средствомъ которыхъ служить богатство,—не истинная цѣль человеческой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, какая-же это будетъ цѣль жизни, проповѣдуемая современными людьми, если она не для всѣхъ будетъ достижима? Если разумѣется цѣль жизни, то она должна быть для всѣхъ людей безъ исключенія, а не принадлежать только нѣкоторымъ, какъ какая-либо привилегія. А затѣмъ, нужно-ли говорить, какъ непрочно и ненадежно, по достиженіи этой цѣли, обладаніе ею? Кто изъ насъ не знаетъ, что богатство, служащее однимъ изъ главныхъ средствъ для этой цѣли, самое непрочное и ненадежное благо? Св. Іоаннъ Златоустъ такъ говоритъ о богатствѣ: „нѣтъ ничего столь ненадежнаго, какъ богатство; это бѣглець неблагодарный, рабъ невѣрный; наложи на него тысячу цѣпей, онъ уйдетъ и съ цѣпами. Владѣльцы часто запирали его замками, затворяли дверями и приставляли къ нему стражами рабовъ; но оно, обольстивъ самихъ рабовъ, убѣгало вмѣстѣ съ своими стражами, увлекая ихъ съ собою, какъ цѣпь, и такимъ образомъ самая стража ни къ чему не служила. Что-же можетъ быть ненадежнѣе богатства?.. Часто оно улетаетъ изъ дома въ одинъ часъ и въ краткое мгновеніе времени, подобно какъ легкій прахъ поднимается вверхъ отъ дуновѣнья... Сегодня богатый, завтра бѣденъ“¹⁾. И развѣ мы не видимъ подтвержденія этому въ жизни самихъ современныхъ людей? Всѣ мы знаемъ также, что разнообразныя плотскія удовольствія и наслажденія, которымъ съ такимъ жаромъ предаются современные люди, производятъ не стремленіе къ жизни, не желаніе продолжать ее безъ конца, а отвращеніе къ ней и насильственное прекращеніе ея. Одинъ изъ современныхъ духовныхъ ораторовъ вполне вѣрное вывелъ отсюда заключеніе: „наслаждайся чаще, наслаждайся больше, если хочешь, чтобы жизнь тебѣ опротивѣла“²⁾. Это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ въ примѣрахъ все болѣе и болѣе увеличи-

вающихъ самоубійствъ и вообще легкихъ разставаній съ жизнью вслѣдствіе неудовлетворенности ею. И такъ, какая-же эта цѣль, которая ведетъ не къ жизни, а къ смерти? Это не цѣль, а призракъ цѣли, обманчивый и ложный, вводящій въ заблужденіе людей неопытныхъ и несвѣдующихъ, ограничивающихъ свое существованіе только здѣшней земною жизнью.

Перейдемъ теперь ко второй жизни — *душевной* и рассмотримъ, какую цѣль поставляютъ себѣ люди, живущіе по преимуществу этою жизнью. Здѣсь мы находимъ нѣсколько цѣлей, изъ которыхъ укажемъ и разберемъ только одну. Такъ педагоги или воспитатели рода человеческого поставляютъ главную цѣль человеческой жизни въ образованіи и воспитаніи. Образованіе, говорятъ они, есть свѣтъ, а лишеніе его есть тьма. Поэтому какъ безъ свѣта естественнаго не можетъ продолжаться жизнь родъ человеческій, такъ безъ образованія — этого духовнаго свѣта — не можетъ быть полной настоящей жизни. Посмотримъ теперь на самыя задачи образованія и воспитанія, въ чемъ онѣ состоятъ и какъ, по большей части, выполняются людьми въ жизни. Здѣсь обратимъ вниманіе главнымъ образомъ на наше современное образованіе и воспитаніе. И такъ вопросъ сводится къ тому: въ чемъ-же состоитъ у насъ образованіе и воспитаніе?... Вся задача современнаго образованія состоитъ единственно въ развитіи ума и обогащеніи его разнородными познаніями. Здѣсь имѣется въ виду одна только сторона душевной жизни человѣка, именно умственная, и забывается другая, — противоположная ей — сердечная. Но вѣдь ясно и несомнѣнно, что человеческая душа состоитъ не изъ одной только умственной силы или способности, а также и изъ другихъ. Поэтому не странно-ли заботиться о развитіи и образованіи въ человѣкѣ одной только умственной стороны, забывая совѣмъ и пренебрегая другія? Здѣсь — великая ошибка нашихъ просвѣщенныхъ педагоговъ. Если-бы они знали и помнили всегда, что въ насъ, кромѣ ума, есть еще сердце, средоточіе преимущественно душевной жизни человѣка (Мат. XV, 19; Лук. VI, 45), то они не стали бы ограничивать все свое образованіе и воспитаніе одною только умственною стороною. Они

¹⁾ Бесѣда 2-я св. Іоанна Златоустаго, произнесенная въ Антиохіи.

²⁾ Слова и рѣчи Амвросія, архіепископа Харьковскаго.

заботились бы тогда о развитіи и усовершенствованіи въ себѣ и другихъ этой внутренней, сердечной жизни, точно также какъ они теперь заботятся о развитіи преимущественно умственной. Но что мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Очевидно, что нашимъ воспитателямъ и всѣмъ, кто стоитъ во главѣ воспитанія, никогда и въ голову не приходило спросить себя: такъ-ли должно быть воспитаніе, какъ происходитъ оно у насъ въ настоящее время, или иначе? Они считаютъ свое дѣло воспитанія истиннымъ и думаютъ, что такъ и быть должно. И пойдетъ это мнимо-истинное, на самомъ же дѣлѣ ложное и пагубное воспитаніе все дальше и дальше въ народъ русскій и до чего только дойдетъ оно? Страшно сказать — до полнаго забвенія и искаженія въ насъ образа Божія, по которому мы сотворены Богомъ. Такихъ плодовъ намъ непремѣнно нужно ожидать въ будущемъ отъ современнаго образованія и воспитанія молодыхъ поколѣній. Да иначе и быть не можетъ. По пословицѣ: „что посеешь, то и пожнешь“ мы должны получать такіе, а не иные плоды. Съедемъ мы въ настоящее время въ души молодыхъ людей съмена вещественныя, т.-е. стараемся о развитіи въ нихъ только умственно-тѣлесной жизни, совершенно забывая о духовно-нравственной, — что-же удивительнаго, если получаемъ и плоды отъ своего посѣва вещественныя, а не духовныя? И такъ мы сами виноваты въ томъ, что у насъ воспитаніе приняло такое странное, можно сказать, неестественное положеніе. Отъ насъ зависитъ также и исправленіе этого важнаго и великаго дѣла. Въ нашихъ рукахъ воспитаніе собственныхъ нашихъ дѣтей; и мы должны своимъ словомъ и примѣромъ вразумить и убѣдить людей, стоящихъ на почвѣ ложнаго воспитанія. Поэтому мы обращаемся ко всѣмъ нашимъ родителямъ и воспитателямъ съ словами убѣжденія и мольбы: „ваше дѣло, предпринятое съ цѣлью воспитанія русскаго юношества и состоящее въ одномъ только развитіи ихъ умственно-тѣлесной жизни съ совершеннымъ пренебреженіемъ духовно-нравственной, — непрочное и ненадежное дѣло. Оно противорѣчитъ самой природѣ человѣка, состоящаго не изъ тѣла только, а вмѣстѣ и изъ души. Добрыхъ плодовъ отъ теперешней вашей системы воспитанія и не ждите: ихъ никогда не будетъ.

Если вы желаете истиннаго блага русскому народу, то вы должны стараться о равномерномъ развитіи и образованіи въ человѣкѣ всѣхъ по возможности силъ и способностей его души. Зачѣмъ вы на одно обращаете слишкомъ большое вниманіе, а другое оставляете совершенно въ сторонѣ? Развѣ такъ должно быть на самомъ дѣлѣ?..“ По-истинѣ, нельзя не замѣтить, что образованіе приняло у насъ въ настоящее время ложное направленіе, но мы по своей испорченности не обращаемъ на это никакого вниманія и думаемъ, что такъ и быть должно. Мы смотримъ на все легко и поверхностно и потому считаемъ современное образованіе и воспитаніе молодыхъ поколѣній какъ нельзя болѣе лучшимъ и пригоднымъ дѣломъ и постоянно удовлетворяемся имъ въ своей жизни. А между тѣмъ мы жестоко ошибаемся въ задачахъ современнаго образованія. И выходитъ у насъ на дѣлѣ не истинное, а ложное образованіе, не полное, а только нѣкоторое частное. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не ложь образованія, когда современная наука и ея представители стараются о развитіи въ отданныхъ на ихъ образованіе людяхъ только умственно-тѣлесной жизни съ совершеннымъ оставленіемъ и пренебреженіемъ духовно-нравственной? Эта ложь или фальшь образованія всюду просвѣчиваетъ въ жизни какъ самихъ воспитателей, такъ и ихъ питомцевъ. Современные опыты жизни вполне подтверждаютъ сказанное нами о ложномъ направленіи нынѣшняго образованія; ибо къ чему сводится оно въ настоящее время? — Единственно, какъ мы сказали, къ развитію ума и обогащенію его разнородными познаніями, въ которыхъ наши воспитатели думаютъ найти истинную цѣль жизни, слѣдовательно, и счастье для человѣка. Но на дѣлѣ выходитъ не совсѣмъ такъ. Въ жизни мы часто видимъ людей съ умомъ, повидимому, вполне развитымъ и обогащеннымъ всякими свѣдѣніями, какъ умственными, такъ и нравственными, — но не знающихъ истинной цѣли и не испытывающихъ счастья. Современные воспитатели, полагая въ основу воспитанія многознаніе, продолжаютъ усиленно гнать по этой дорогѣ нашихъ юношей и дѣвицъ и набивать ихъ головы всякимъ нужнымъ и ненужнымъ запасомъ свѣдѣній. И до чего только доходить бѣдный умъ человѣческій! До многосторонняго

знанія вокругъ себя и до полного незнанія самого себя. Онъ много знаетъ, но не знаетъ только того, для чего самъ существуетъ. Но, не смотря на всю несообразность такого знанія ума человѣческаго съ высшимъ назначеніемъ его, этотъ ложный взглядъ на цѣль жизни человѣческой легко принимается и усваивается нашими юношами и дѣвицами. Въ настоящее время именно сложилось такое всеобщее убѣжденіе, что цѣль человѣческой жизни состоитъ въ приобрѣтеніи различныхъ познаній путемъ прохожденія высшей школы наукъ. И людей, которые прошли этимъ путемъ, считаютъ вполне достигшими своей цѣли, какъ они и сами себя называютъ. Не рѣдкость слышать такія слова отъ образованныхъ людей нынѣшняго времени: „я кончилъ курсъ въ такой-то высшей школѣ наукъ и потому вполне достигъ цѣли своей жизни“. Что выражается этими словами, какъ не то, что высказывающіе ихъ полагаютъ главную цѣль жизни въ образованіи и потому не находятъ нужнымъ ни къ чему болѣе стремиться въ своей жизни? Но, ахъ, какъ сильно они ошибаются въ такомъ случаѣ! Думая, что прошли жизненный путь и достигли уже своей цѣли, они на самомъ дѣлѣ еще только на пути къ ней, и нельзя сказать, что они достигнутъ ея непременно въ своей жизни. Въ чемъ-же заключается ошибка? — Въ томъ, что одинъ изъ путей, ведущихъ къ цѣли жизни, они приняли и отождествили съ самою цѣлью. Въ этомъ-то вся и ошибка наша. Мы смѣшиваемъ въ этомъ случаѣ, какъ по большей части и въ другихъ, цѣль жизни и различные пути ведущіе къ ней. Итакъ, приобрѣтеніе различныхъ познаній чрезъ умственное образованіе, это—еще не настоящая цѣль человѣческой жизни, а одинъ только изъ многихъ путей, ведущихъ къ ней.

Намъ могутъ возразить, что истинная цѣль человѣческой жизни можетъ быть заключается въ полномъ развитіи и совокупномъ дѣйствованіи всѣхъ душевныхъ силъ и способностей человѣка: ума, сердца, воли. Но вопросъ теперь въ томъ: можетъ-ли совершиться и вообще быть это полное развитіе душевныхъ силъ человѣка во время кратковременнаго пребыванія его на землѣ? Спросимъ прежде всего умъ нашъ, эту первую и высшую способность души человѣческой: мо-

жетъ-ли онъ дойти до полного познанія всего существующаго не только въ мірѣ видимомъ, но и невидимомъ? Нѣтъ, это выше силъ его и природы! Всякій человѣческій умъ, какъ-бы ни былъ онъ развитъ и усовершенъ здѣсь, на землѣ, по необходимости долженъ сознаться въ своемъ бессиліи обнять и постичь все существующее въ мірѣ и сказать, „что онъ знаетъ только то, что ничего не знаетъ“, какъ заявилъ о себѣ одинъ древній греческій мудрецъ. Къ такому сознанию мы по необходимости должны будемъ придти, если обратимъ вниманіе на умъ человѣческій въ его стремленіи къ познанію міра видимаго и невидимаго. Остановимся прежде всего на познаніи умомъ человѣческимъ міра видимаго и посмотримъ, можетъ-ли онъ получить здѣсь—на землѣ такое полное и совершенное развитіе для того, чтобы обнять и постичь все въ немъ существующее? Очевидно, что нѣтъ. Были, правда, во всѣ времена и теперь существуютъ великіе и гениальные умы, которые стояли, повидимому, на послѣдней степени развитія и усовершенствованія; но то были умы по извѣстнымъ специальностямъ или отдѣленіямъ наукъ, напримѣръ: великіе мыслители и философы, великіе естествоиспытатели, великіе дипломаты и полководцы и т. п. Да и для этихъ умовъ во всей ихъ специальности много оставалось непонятнаго и непостижимаго, при всемъ ихъ желаніи обнять и постичь это непонятное. Но мы прямо и рѣшительно утверждаемъ, что не было, нѣтъ и никогда не будетъ на землѣ такого гениальнаго ума, который бы могъ постичь все существующее въ видимомъ мірѣ по всѣмъ извѣстнымъ намъ специальностямъ человѣческихъ наукъ. Этого даже нельзя сказать про всю совокупность великихъ и гениальныхъ умовъ, а не то что про одинъ слабый и весьма ограниченный умъ человѣческій. Но вѣдь за предѣлами этого видимаго міра существуетъ еще другой, невидимый нами міръ. Каковы же успѣхи ума человѣческаго по отношенію къ познанію этого міра? Ужъ если здѣсь, въ этомъ видимомъ и осязаемомъ нами мірѣ, умъ не можетъ постигнуть всего въ немъ существующаго, то что-же сказать про тотъ невидимый, далекій и, слѣдовательно, мало доступный нашему познанію міръ? Одно можемъ сказать, что какъ бы ни выбивался изъ силъ умъ человѣческій, стремясь

достигнуть этот мир, он все таки останется при полном своем незнании. Какой главный предмет познания этого невидимого мира? Конечно, Бог — существо невидимое и вѣчное. Что же, спросимъ, умъ человѣческой воли можетъ достигнуть здѣсь на землѣ это существо? Нѣтъ! Слово Божіе ясно говоритъ намъ, что никто изъ земныхъ сотворенныхъ существъ воли не достигнетъ Бога, въ продолженіе здѣшней земной жизни, не можетъ. Здѣсь, говоритъ оно, мы можемъ познавать Бога только „отчасти, какъ-бы сквозь тусклое стекло“ (1 Кор. XIII, 12). Точно такое же познание, неполное и отрывочное, приписываетъ оно уму человѣческому въ его стремленіи достигнуть весь вообще порядокъ и строй этого невидимого мира. Итакъ, если человѣкъ не можетъ достигнуть своимъ умомъ всего мира, какъ видимого, такъ и невидимого, во время кратковременнаго пребыванія своего на землѣ, то стало быть цѣль жизни, какою полагаютъ нѣкоторые въ полномъ развитіи ума и обогащеніи его разнородными познаниями, — не истинная цѣль, и ее не слѣдуетъ ограничивать здѣшней, земною жизнью. Очевидно, что есть и будетъ другая жизнь, въ которой умъ человѣческой получитъ полное просвѣщеніе и познание своего бытія. И гдѣ же будетъ находиться эта жизнь, какъ не на небѣ? *Житіе наше на небесахъ есть* (Филип. III, 20). Эти слова апостола могутъ утѣшить и успокоить всякій волнующійся умъ человѣческой и изо всѣхъ силъ стремящійся къ познанию окружающаго мира. Да, они громко говорятъ нашему уму: напрасно ты трудишься и выбиваешься изъ силъ, стремясь къ полному познанию бытія всего видимого и невидимого! Этого ты никогда не достигнешь здѣсь на землѣ при своемъ слабомъ, ограниченномъ состояніи. Это будетъ доступно только тамъ за предѣлами этой земли, когда ты отрѣшишься отъ теперешняго своего бреннаго тѣла. Только тогда ты получишь полное и отчетливое познание Бога и всего невидимого мира. Только тамъ въ будущей, вѣчной и нескончаемой жизни, въ истинномъ лицезрѣніи Бога и въ сообществѣ ангеловъ и святыхъ Божіихъ, ты найдешь полное удовлетвореніе своей, врожденной отъ природы, жажды познания. Здѣсь же, пока ты находишься еще на этой землѣ, ты долженъ смирить свою гордость и придти въ полное по-

слушаніе вѣрѣ Христовой относительно всего вышеопытнаго, таинственнаго и не постижимаго въ мирѣ.

Затѣмъ, что касается сердца человѣческаго съ различными чувствами, въ немъ обитающими, то можетъ ли оно быть такъ развито въ человѣкѣ, чтобы способно было воли предаться всякимъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, какъ низшимъ, такъ и высшимъ, и воли насытиться ими здѣсь на землѣ? Нѣтъ, этого тоже никакъ нельзя сказать про сердце и чувства человѣческія. Какимъ бы человѣкъ ни предавался удовольствіямъ и наслажденіямъ и сколько бы ихъ ни пережилъ здѣсь на землѣ, онъ никогда не насытится ими воли и всегда будетъ чувствовать въ себѣ недостатокъ удовлетворенія ихъ. Этотъ недостатокъ будетъ чувствоваться въ человѣкѣ всегда и вездѣ, сколько бы онъ ни прожилъ на землѣ и гдѣ бы онъ ни находился. Сердце человѣческое обманываетъ само себя и заблуждается, когда говоритъ, что можно найти полное удовлетвореніе своимъ чувствамъ здѣсь — на землѣ. Нѣтъ, оно никогда не найдетъ этого полного удовлетворенія на землѣ! Гдѣ же оно найдетъ его? Здѣсь опять невольно просится на уста эта вѣчно-святая истина: *житіе наше на небесахъ есть*. Да, есть другая жизнь, небесная, духовная, въ которой сердце человѣческое получитъ полное и окончательное развитіе всѣхъ своихъ высшихъ чувствъ и вѣчное насыщеніе всѣми благами, небесными и духовными! Оно насытится, по ученію слова Божія, *всегда явится ему слава Божіей* (Псал. XVI, 15), т. е., въ вѣчной жизни. До тѣхъ же поръ, сколько бы оно ни перепробовало средствъ насыщенія благами мира, оно всегда будетъ жаждать все большаго и большаго насыщенія, не смотря на то, что эти блага будутъ высшія и чисто-духовныя.

Наконецъ, что касается воли человѣка, то можно ли про нее сказать, что она въ состояніи получить здѣсь на землѣ полное развитіе и усовершенствованіе? Этого тоже никакъ нельзя сказать и про волю человѣческую. Правда, она можетъ доходить до высокой степени развитія и совершенства духовнаго, какъ это видимъ мы въ многочисленныхъ примѣрахъ святыхъ Божіихъ; но можно ли сказать, чтобы она получила развитіе и совершенство въ такой высокой сте-

пени, дальше которой не шла бы? Тѣ же примѣры святыхъ Божіихъ даютъ намъ на это отвѣтъ отрицательный. Не было и нѣтъ ни одного святаго въ мірѣ, воля котораго могла-бы получить полное и окончательное развитіе здѣсь на землѣ, — духовно-нравственное состояніе котораго было бы идеаломъ высочайшей святости и совершенства. Апостолъ Павелъ, мужъ высшаго разума и святости, имѣвшій въ себѣ, по собственному признанію, Духа Святаго, такъ говоритъ объ удобопреклонности воли человѣка ко злу, поврежденной вначалѣ грѣхомъ прародительскимъ: „добра, котораго хочу, не дѣлаю; а зло, котораго не хочу, дѣлаю“ (Римл. VII, 19). Почему-же такъ? Потому, отвѣчаетъ онъ, что „живетъ во мнѣ грѣхъ“, что „вижу въ членахъ моихъ иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ“ (ст. 20, 23). Но неужели наша воля, по самой природѣ своей алчущая добра и блаженства, никогда не можетъ насытиться? Нѣтъ, она насытится, но только не здѣсь, а по ту сторону гроба! Мы забываемъ, что есть другая жизнь, небесная, святая, въ которой воля человѣка можетъ безъ конца развиваться и приходить къ совершенству. Эта жизнь по ту сторону гроба, которая будетъ удѣломъ праведниковъ и вообще людей, стремившихся въ продолженіе земной жизни къ нравственному совершенству и счастью. Тамъ, въ будущей небесной жизни, воля человѣка такъ усовершится и окрѣпнетъ въ добрѣ, что совершеніе зла станетъ для нея нравственно невозможнымъ. И только тогда человѣкъ будетъ въ состояніи вполне достигнуть той высочайшей святости и совершенства, какія ему предназначены, какъ существу духовному и бессмертному. Только тогда онъ будетъ въ состояніи окончательно выполнить эти, по-истинѣ, высокія заповѣди слова Божія: *святѣ будите, яко азъ святъ (есмы) Господь Богъ вашъ* (Лев. XIX, 2); *будите вы совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мат. V, 48). И такъ мы показали, что полного и окончательнаго развитія всѣхъ душевныхъ силъ и способностей человѣка не можетъ быть здѣсь, на землѣ. Оно произойдетъ тамъ, за предѣлами гроба, въ будущей небесной жизни, бытіе которой несомнѣнно для вся-

каго истинно-вѣрующаго и непредубѣжденнаго человѣка. Поэтому цѣль жизни, какую поставляютъ себѣ люди, живущіе по преимуществу душевною жизнью, не истинная, а ложная цѣль. Какая-же истинная цѣль человѣческой жизни?..

Мы сказали выше, что человѣческая жизнь состоитъ изъ трехъ жизней: *плотской, душевной и духовной*. Но мы показали уже несостоятельность и непрочность двухъ первыхъ въ отысканіи и опредѣленіи главнѣйшей жизненной цѣли. Остается еще одна жизнь — именно *духовная*. Посмотримъ не въ ней-ли заключается истинная цѣль человѣческой жизни и о чемъ-же говорить намъ эта жизнь? Она говоритъ намъ, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, изъ которыхъ одно смертно и уничтожится, а другая бессмертна и никогда не уничтожится, и что, слѣдовательно, онъ будетъ жить душою послѣ смерти своего тѣла (Мат. X, 28). Изъ этого ясно, что цѣль человѣческой жизни не слѣдуетъ ограничивать здѣшней, земною жизнью: напрасно мы стали бы ея искать здѣсь на землѣ и полагать въ чемъ-либо земномъ, вещественномъ и скоропреходящемъ. Все земное непрочно и ненадежно, потому что умираетъ и разрушается. Нѣтъ, не здѣсь, на землѣ, намъ нужно искать цѣли своей жизни, а тамъ, на небѣ, куда мы со временемъ всѣ перейдемъ изъ этого міра. *Житіе наше на небесахъ есть* (Филиппъ III, 20). *Не имамы здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. XIII, 14). Вотъ истинная цѣль человѣческой жизни! Мы, живущіе здѣсь на землѣ, не вѣчные жильцы на ней, а только странники и пришельцы: рано или поздно каждый изъ насъ долженъ умереть и разстаться съ этою земною жизнью. Эту истину каждый изъ насъ долженъ твердо помнить въ своемъ умѣ и постоянно носить въ своемъ сердцѣ. Прекрасно рассуждаетъ объ этомъ нашъ отечественный богословъ, митрополитъ Московскій Филаретъ, словъ котораго мы не можемъ не привести въ настоящемъ мѣстѣ: „еслибы, говоритъ онъ, городского жителя, во время путешествія, въ полѣ или въ деревнѣ, спросили, гдѣ онъ живетъ, безъ сомнѣнія, онъ не сказалъ бы: вотъ здѣсь, на дорогѣ, или вотъ здѣсь, въ сельской гостиницѣ; но сказалъ бы, что живетъ въ городѣ, гдѣ у него домъ и семейство, хотя бы во время вопрошенія и далеко былъ

отъ города. И справедливо, ибо мы живемъ не тамъ, гдѣ случайно странствуемъ, гдѣ ночуемъ въ постояломъ домѣ, но гдѣ имѣемъ постоянное пребываніе¹⁾. Поэтому для насъ, какъ предназначенныхъ къ небесной жизни и въ ней имѣющихъ найти постоянное пребываніе (Филип. III, 20; Евр. XIII, 14), здѣшняя земная жизнь должна быть не болѣе, какъ только странствованіе, а земля—не болѣе, какъ постоянный домъ. И какъ мысль странника упреждаетъ его и находится уже въ домѣ, когда онъ еще на пути, такъ и сердце наше во время земнаго странствованія должно быть тамъ, „идѣже есть сокровище его, гдѣ Богъ живетъ во свѣтѣ, гдѣ Христосъ царствуетъ во славу, гдѣ обители святыхъ и жизнь ихъ истинная и вѣчная“.²⁾ Однимъ словомъ, мы, живя на землѣ, такъ должны располагать всѣми своими мыслями и чувствованіями, чтобы вполне справедливо можно было сказать о насъ, что *житіе наше на небесахъ есть*. Итакъ, земная жизнь человѣка, это—только время стремленія и приближенія къ истинной цѣли жизни, а не время достиженія и осуществленія ея. Вполнѣ достигнуть цѣли своей жизни мы будемъ въ состояніи только по окончаніи здѣшней жизни, послѣ того какъ разлучимся съ нашимъ тѣломъ, т. е., послѣ смерти нашей.

Обратимся теперь къ людямъ нынѣшняго времени и спросимъ: руководятся-ли они такимъ взглядомъ на цѣль жизни человѣческой? Иначе сказать: развили-ли и дѣйствуетъ-ли въ нихъ эта духовная жизнь, въ которой одной только и заключается истинная цѣль жизни? О, совсѣмъ нѣтъ! Въ настоящее время мы видимъ въ людяхъ только двѣ жизни: плотскую и душевную, съ преобладаніемъ первой надъ послѣдней. Люди, живущіе только этими двумя жизнями, совсѣмъ не чувствуютъ въ себѣ потребности еще болѣе высшей жизни, именно духовной, которая не ограничивается одною землею, а продолжается и по ту сторону гроба. Въ нихъ эта жизнь совсѣмъ погасла и умерла, да и не только самая жизнь, но и понятіе и представленіе о ней совсѣмъ затерялось въ ихъ

умахъ и исказилось. Иначе чѣмъ-же объяснить это нежеланіе стремленія къ высшей цѣли жизни человѣческой? Чѣмъ объяснить это упорство и самоувѣренность въ томъ, что цѣль жизни существуетъ и можетъ быть достижима только здѣсь, на землѣ, а тамъ—за гробомъ не существуетъ никакой цѣли? Все это, повторяемъ, можно объяснить только тѣмъ, что въ такихъ людяхъ совсѣмъ погасла и утратилась духовная жизнь. А безъ этой жизни, какъ мы уже замѣтили, человѣческая жизнь будетъ не полною и не настоящею жизнію. Вѣдь чело-вѣкъ состоитъ не изъ одного только видимаго и тѣннаго тѣла, а также и изъ души, существа невидимаго и бессмертнаго. Поэтому нужно намѣренно затемнить и исказить въ себѣ образъ Божій, чтобы совсѣмъ лишиться не только присутствія въ себѣ, но даже понятія о духовной жизни. И странное дѣло: мы все еще называемъ себя христианами и, притомъ, православными, все еще выражаемъ, хотя на словахъ и внѣшнимъ образомъ, свою принадлежность къ матери святой православной Церкви. Какія-же мы послѣ этого чада ея? Самыя непокорныя и непослушныя, которыхъ она не признаетъ за своихъ и справедливо отвергаетъ отъ себя, какъ недостойныхъ своего вниманія и любви. Намъ нужно поэтому непременно придти въ себя и раскаяться, чтобы не лишиться совсѣмъ благоволенія нашей матери, св. православной Церкви. Затѣмъ, намъ нужно возстановить въ себѣ вѣрный и истинный взглядъ на здѣшнюю земную жизнь и на наши отношенія къ Богу, ближнимъ и самимъ себѣ, сильно поврежденные и искаженные ложнымъ представленіемъ о цѣли человѣческой жизни. И вотъ здѣсь, въ заключеніе, мы хотимъ сказать о томъ, что даетъ чело-вѣку для возстановленія этого взгляда и для правильнаго уразумѣнія этихъ отношеній понятіе объ истинной цѣли человѣческой жизни.

Прежде всего оно устанавливаетъ правильный и вѣрный взглядъ на тѣлесную смерть нашу. Что такое тѣлесная смерть по ученію слова Божія? Это — разлученіе души съ тѣломъ. Тѣло, это—храмина души, на время разрушающаяся и погибающая, для того чтобы нѣкогда вновь соединиться съ нею въ обновленномъ и лучшемъ видѣ. Говоря образно, смерть, это—*мостъ*, чрезъ который люди переходятъ изъ здѣшней

¹⁾ Слова и рѣчи м. Филарета, т. III. Стр. 243.

²⁾ Тамъ же.

земной жизни въ будущую небесную. Смерть, это — *коконъ* или *куколка*, въ которую облачается червячекъ для того, чтобы чрезъ нѣсколько времени выйти изъ нея бабочкой. Жизнь червячка въ куколкѣ повидимому умерла и совсѣмъ прекратилась, но это только повидимому. Спусти нѣкоторое время онъ снова оживаетъ и изъ него выходитъ прекрасная и живая бабочка. Такъ и тѣла наши чрезъ смерть измѣнятся и преобразятся въ болѣе лучшей и совершенный видъ, пригодный для будущей жизни,—радостной для однихъ и мучительной для другихъ. Если же такъ, то что-же, спрашивается, страшнаго и неестественнаго въ смерти человѣка, какъ представляютъ ее себѣ современные люди, руководящіеся ложными цѣлями человѣческой жизни? Вѣдь только съ тѣлесною смертію человѣка становится возможнымъ осуществленіе истинной цѣли человѣческой жизни. Стало быть, намъ нужно не только не затемнять въ своей памяти и отодвигать на задній планъ мысль о смерти, но и желать скорѣйшаго приближенія ея къ себѣ, какъ перехода изъ здѣшней земной жизни въ будущую небесную, подобно Апостолу Павлу, который говорилъ о себѣ: „для меня жизнь Христосъ, и смерть приобрѣтеніе, имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ“... (Филип. I, 21, 23). Но что мы видимъ въ настоящее время? Такимъ-ли взглядомъ на смерть руководствуются въ своей жизни даже истинно вѣрующіе христіане? О, какъ часто далеко бываетъ отъ нихъ этотъ взглядъ! У нихъ мы видимъ, кромѣ боязни смерти и нежеланія ея, еще какое-то недовольство и презрѣніе къ ней, какъ будто къ неестественному порядку вещей; между тѣмъ какъ только при ней и можетъ быть достигнута вполне истинная цѣль человѣческой жизни, состоящая въ нашемъ назначеніи на небѣ.

Установивши истинный и вѣрный взглядъ на смерть, мы можемъ установить такой-же взглядъ и на наши земныя отношенія къ Богу, ближнимъ и самимъ себѣ. Относительно Бога истинная цѣль человѣческой жизни внушаетъ намъ, чтобы мы, въ продолженіе всей земной жизни, постоянно стремились всѣмъ существомъ своимъ къ Нему, источнику всякаго блаженства и счастья, такъ какъ только въ Немъ мы можемъ найти полное удовлетвореніе всѣмъ своимъ духовнымъ потребностямъ.

На всѣхъ ближнихъ нашихъ истинная цѣль человѣческой жизни заставляетъ смотрѣть, какъ на духовныхъ братьевъ нашихъ, равныхъ по природѣ и призванныхъ къ одной и той-же цѣли. Поэтому мы должны всѣми силами содѣйствовать ближнимъ нашимъ относительно возможности приближенія къ нимъ этой цѣли здѣсь—на землѣ и осуществленія ея тамъ—на небѣ. Наконецъ, на самихъ себя истинная цѣль человѣческой жизни учитъ смотрѣть, какъ на странниковъ и пришельцевъ, въ полномъ смыслѣ этихъ словъ, какъ на людей, *не имѣющихъ здѣсь пребывающаго града, но грядущаго възыскающихъ*. Поэтому намъ, въ здѣшней земной жизни, не слѣдуетъ заботиться о многомъ земномъ и запасать себѣ многое изъ вещественнаго и скоропреходящаго. „Нелѣпо было бы страннику останавливаться на дорогѣ и строить себѣ великолѣпный домъ для ночлега“. ¹⁾ Также нелѣпо было бы отягчать ношу страннику и тѣмъ задерживать себя на пути къ своему отечеству. Чѣмъ меньше онъ будетъ озабоченъ постороннимъ на своемъ пути и чѣмъ легче будетъ его ноша, тѣмъ скорѣе онъ достигнетъ своего отечества и тѣмъ, слѣдовательно, лучше и полнѣе осуществитъ истинную цѣль человѣческой жизни, которая выражается апостольскими словами: *житіе наше на небесахъ есть*. Аминь.

II.

Въ чемъ заключается истинная цѣль человѣческой жизни.

Не у явися, что будема (1 Иоан. III, 2).

Въ первой бесѣдѣ нашей о цѣли человѣческой жизни мы показали, *гдѣ находится* истинная цѣль и гдѣ намъ нужно ея искать. Изъ разбора представленныхъ нами нѣкоторыхъ ложныхъ цѣлей человѣческой жизни мы вывели заключеніе,

¹⁾ Тамъ же.

что истинная цѣль находится не здѣсь — на землѣ, а тамъ — на небѣ, куда мы со временемъ всѣ перейдемъ изъ этого міра, и что, слѣдовательно, тамъ мы и должны ея искать. Итакъ, *жизнь на небѣ*, которая въ нѣкоторой степени начнется для насъ послѣ смерти нашего тѣла и особенно въ полной и окончательной степени послѣ всеобщаго воскресенія мертвыхъ и страшнаго суда Христова, — вотъ истинная цѣль человѣческой жизни! По словамъ Символа нашей вѣры мы *чаемъ* или ожидаемъ *жизни будущаго вѣка* (12 чл.), которая наступитъ и будетъ составлять принадлежность членовъ славнаго царства Христова на небѣ послѣ благодатнаго царства Его на землѣ. Но здѣсь мы переходимъ ко второй части нашего изложенія о цѣли человѣческой жизни, именно къ вопросу о томъ, *въ чемъ же будетъ заключаться* эта жизнь на небѣ, какова она будетъ по своему существу. Прежде чѣмъ подробно и обстоятельно отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны замѣтить, что есть и будетъ два рода жизни на небѣ: жизнь людей праведныхъ и жизнь людей грѣшныхъ. Не трудно, конечно, догадаться, къ какому роду жизни людей, предназначенныхъ къ небесному блаженству, относится истинная цѣль человѣческой жизни. Ставя вопросъ, въ чемъ заключается истинная цѣль человѣческой жизни, мы имѣемъ въ виду говорить о блаженной жизни праведниковъ. Итакъ, вопросъ сводится къ тому, въ чемъ же будетъ состоять эта блаженная жизнь праведниковъ.

Блаженство праведниковъ вообще называется *жизнію* (Матѣ. XXV, 46) въ противоположность мученіямъ грѣшниковъ, которые слово Божіе называетъ *смертію* (Апок. XXI, 8). „Это будетъ жизнь въ истинномъ и полномъ значеніи этого слова, безъ всякихъ стѣсненій и ограниченій, какимъ подвергается она теперь послѣ грѣхопаденія, въ наказаніе за грѣхи и за исправленія въ нихъ. Тогда только откроются во всей силѣ тѣ блага, которыя для человѣческой жизни предопредѣлены благодію и премудростію Творца, и дано будетъ удовлетвореніе всѣмъ ея чистымъ и высокимъ стремленіямъ, и ощущеніе полноты и совершенствъ этой жизни будетъ для праведниковъ источникомъ вѣчной радости и нескончаемаго бла-

женства“. 1) Въ настоящее время мы, по слабости и ограниченности нашего пониманія, не можемъ вполне ясно и отчетливо представить себѣ въ своемъ умѣ всего того, въ чемъ будетъ заключаться блаженство праведниковъ въ будущей жизни. „Еще не открылось, что будетъ“, говоритъ св. Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. III, 2). „Знаю человѣка во Христѣ“, говоритъ св. Апостолъ Павелъ, который былъ восхищенъ въ рай и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать“ (2 Коринѣ. XII, 2, 4). Тотъ же Апостолъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его“ (Ис. 64, 4; 1 Кор. II, 9). Однако, при всей недоступности въ настоящее время для ума человѣческаго полного откровенія о блаженной жизни праведниковъ въ раю, есть люди, которые удостоивались въ нѣкоторой степени этого откровенія. Такъ, напр., существовать сказаніе о томъ, что однажды видѣлъ и слышалъ въ своемъ восхищеніи въ рай блаженный Андрей, — тотъ самый Андрей, который нѣкогда видѣлъ за всенощной въ Константинопольскомъ Влахернскомъ храмѣ „Погровъ Божіей Матери“, празднуемый всею вселенскою Церковію 1-го октября. „Что со мною было, — говоритъ этотъ святой мужъ, — не понимаю. По волѣ Божіей, я пребывалъ въ сладкомъ видѣніи двѣ недѣли также, какъ бы кто всю ночь спалъ сладко, а утромъ всталъ. Я видѣлъ себя въ раю весьма красивомъ и дивномъ и, восхищаясь духомъ, размышлялъ: что это значитъ? Мнѣ извѣстно, что мое обиталище въ Константинополѣ; но какою силою перенесенъ сюда, не знаю, да и не понималъ себя, съ тѣломъ ли былъ я, или внѣ тѣла! Богу это извѣстно. Но видѣлъ себя облеченнымъ въ пресвѣтлую одежду, вытканную какъ бы изъ молніи, опоясанъ былъ царскимъ поясомъ, и вѣнецъ, еплетенный изъ чудно-прекраснаго и величественнаго свѣта, былъ сверху главы моей. Чрезмѣрно удивляясь неизглаголанной этой красотѣ, я восхищался умомъ и сердцемъ отъ невыразимой красоты Божьяго рая и, пре-

1) Изложеніе христіанской православной вѣры, выпускъ I. Прот. П. Смирнова. М. 1882 г. Стр. 117.

бывая въ немъ, исполнялся веселія.“¹⁾ Кромѣ блаженнаго Андрея, о чудесномъ видѣніи котораго въ раю мы привели здѣсь нѣсколько строковъ, того же самаго видѣнія, хотя, можетъ быть, не въ такой степени, удостоивались, какъ извѣстно, и многіе другіе святые мужи, подвижники благочестія. Такое видѣніе, напр., было святителю Тихону Задонскому²⁾. Подобное же изображеніе райскаго жилища мы находимъ въ жизнеописаніи преподобныхъ отцевъ Варлаама и Иосафа³⁾, память которыхъ св. Церковь празднуетъ 19-го ноября.

Затѣмъ, что касается *мѣста*, гдѣ будутъ блаженствовать праведники въ небесной жизни, то нужно замѣтить здѣсь, что точныхъ и ясныхъ указаній на него въ Священномъ Писаніи нѣтъ, а есть только *образы* и *подобія*, которыми мы и должны ограничиться при рѣшеніи этого вопроса. Какъ называется въ словѣ Божіемъ мѣсто обитанія праведниковъ, въ которомъ они будутъ блаженствовать въ небесной жизни? Такихъ названій въ немъ можно указать нѣсколько. Во-1-хъ, мѣсто обитанія праведниковъ называется *царствомъ Божіимъ, царствомъ небеснымъ, царствомъ уготованнымъ отъ сложенія міра*. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ Иисуса Христа, сказанныхъ тайному Своему ученику Никодиму: „истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится свыше, — отъ воды и Духа, то не можетъ увидѣть *царствія Божія*“ (Іоан. III, 3, 5.). „Не всякій, говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ *царство небесное*, но исполняющій волю Отца Моего небеснаго“ (Матѹ. VII, 21), сказалъ Тотъ же Христосъ въ нагорной бесѣдѣ Своей. „Тогда (т.-е., на послѣднемъ страшномъ судѣ Христовѣ) скажетъ Царь тѣмъ, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте *царство, уготованное вамъ отъ созданія міра*“ (Матѹ. XXV, 34). Всѣ эти, приведенныя нами, выраженія Священнаго Писанія относительно мѣста

¹⁾ Уроки и примѣры христіанской вѣры. Опытъ катихизической хрестоматіи. Свѣщ. Г. Дьяченко. М. 1892 г. Стр. 667.

²⁾ Тамъ же. Стр. 669.

³⁾ Тамъ же. Стр. 666.

обитанія праведниковъ образныя: они взяты съ примѣра земного, человѣческаго царства. Во-2-хъ, мѣсто обитанія праведниковъ въ будущей небесной жизни называется въ словѣ Божіемъ *домомъ Отца Небеснаго со многими обителями въ немъ*. На это указываютъ слѣдующія слова Иисуса Христа: „въ домъ Отца Моего обителей много. А если бы не такъ; Я сказалъ бы вамъ: Я иду приготовить мѣсто вамъ“ (Іоан. XIV, 2). Это выраженіе точно также образное и взято съ примѣра земного, царскаго дворца или чертога, который раздѣляется внутри на множество различныхъ большихъ и малыхъ комнатъ. Въ-3-хъ, мѣсто обитанія праведниковъ въ словѣ Божіемъ называется *лономъ патриарха Авраама*. Это ясно видно изъ притчи Иисуса Христа о богатомъ и Лазарѣ, который по смерти своей „отнесенъ былъ на *лоно Авраамово*“ (Лук. XVI, 22) и наслаждался тамъ всѣми неизреченными благами небесными. Въ-4-хъ, мѣсто обитанія праведниковъ уподобляется въ словѣ Божіемъ *сокровищамъ собраннымъ на небѣ*, на что указываютъ слѣдующія слова Иисуса Христа: „не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ; но собирайте себѣ *сокровища на небѣ*, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляетъ, и гдѣ воры не подкапываютъ, и не крадутъ. Ибо гдѣ сокровища ваше; тамъ будетъ и сердце ваше“ (Матѹ. VI, 19—21). Это названіе также образное и понятіе, имъ обозначаемое, представляетъ подобіе земныхъ сокровищъ, т.-е. собранія различныхъ вещей и предметовъ, изящныхъ по своему устройству и дорогихъ по своей цѣнѣ. Въ-5-хъ, мѣсто обитанія праведниковъ въ словѣ Божіемъ уподобляется *наслѣдству на землѣ или имѣнію на небѣ*. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ Иисуса Христа: „блаженны кроткіе; ибо они *наслѣдуютъ землю*“ (Матѹ. V, 5). „Значеніе этого обѣтованія“ Христова „въ отношеніи къ христіанамъ вообще и порознь есть то, что они получаютъ наслѣдіе, по выраженію Псалмопѣвца, *на землѣ живыхъ*, тамъ, гдѣ живутъ и не умираютъ, то-есть получаютъ вѣчное блаженство (см. Псал. XXVI, 13)“¹⁾ на небѣ. Св. Апостолъ Петръ въ первомъ

¹⁾ Простран. христіанск. катихизисъ.

своемъ соборномъ посланіи пишетъ: „благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, по великой своей милости, возродившій насъ воскресеніемъ Иисуса Христа изъ мертвыхъ къ упованію живому, къ *наслѣдству* нетлѣнному, непорочному, неувядаемому, *хранящемуся на небесахъ*...“ (1 Петр. I, 4). А св. Апостоль Павелъ въ посланіи къ Евреямъ пишетъ: „вы и моимъ узамъ сострадали, и расхищеніе имѣнія вашего приняли съ радостію, зная, что есть у васъ *на небесахъ имущество лучшее и непреходящее*“ (Евр. X, 34). Всѣ эти выраженія точно также образныя и взяты съ примѣра земного, человѣческаго наслѣдства. Какъ здѣсь, на землѣ, мы получаемъ наслѣдство отъ другихъ людей незаслуженно, а по желанію и воли завѣщающихъ намъ его: такъ и тамъ, на небѣ, блаженная жизнь даруется намъ туне, единственно ради крестной за насъ жертвы Сына Божія. Съ нашей стороны, для этого требуется только вѣра, истинная и искренняя, во Христа Спасителя; вѣра, по слову Апостола Павла, *дѣйствующая любовью* (Гал. V, 6) или, иначе говоря, вѣра въ соединеніи съ добрыми дѣлами; короче, истинно—благочестивая христіанская жизнь. Въ-6-хъ, мѣсто обитанія праведниковъ и блаженная жизнь ихъ изображаются въ словѣ Божіемъ подъ видомъ *брачнаго пира*, который сдѣлалъ царь для сына своего въ своемъ царскомъ дворцѣ (Матѣ. XXII, 1—14) и *велией вечера* или большого ужина, который устроилъ въ своемъ домѣ одинъ богатый хозяинъ (Лук. XIV, 16—24). Эти названія также образныя и взяты съ примѣра земного брачнаго пира и вечера. Какъ на земномъ брачномъ пирѣ или вечерѣ составляетъ главное отличіе радость и веселіе; на нихъ обыкновенно совсѣмъ бываетъ удалена тоска и скука: такъ и въ мѣстѣ обитанія праведниковъ будутъ однѣ только нескончаемыя радости и вѣчное блаженство. Въ-7-хъ, мѣсто обитанія праведниковъ въ будущей жизни называется въ словѣ Божіемъ *вышнимъ или небеснымъ Иерусалимомъ*. Это видно, напримѣръ, изъ словъ св. Апостола Павла: „*вышній Иерусалимъ*,—пишетъ онъ въ посланіи къ Галатамъ—свободенъ; онъ мать всѣмъ намъ“ (Гал. IV, 26). Особенно же ясно видно изъ словъ св. Апостола Іоанна Богослова въ Его откровеніи, въ XXI главѣ, въ которой, между прочимъ, чи-

тается: „И я, Іоаннъ, увидѣлъ святой городъ *Иерусалимъ* новый, сходящій отъ Бога *съ неба*, приготовленный какъ невѣста, украшенная для мужа своего... И вознесъ меня (ангелъ) въ духѣ на великую и высокую гору, и показалъ мнѣ великій городъ, святой *Иерусалимъ*, который нисходитъ *съ неба* отъ Бога“... (ст. 2, 10 и слѣд.) Названіе мѣста обитанія праведниковъ *вышнимъ или небеснымъ Иерусалимомъ* и подробное описаніе послѣдняго, заключающееся въ 21 главѣ Откровенія св. Іоанна Богослова, мы не должны, конечно, стараться понимать буквально и истолговывать слово въ слово. Все это только образы и подобія, представленные намъ въ виду нашего слабого, ограниченнаго пониманія. Въ-8-хъ, мѣсто обитанія праведниковъ изображается въ словѣ Божіемъ подъ видомъ *трехъ небесъ*. Это ясно видно изъ слѣдующихъ словъ св. Апостола Павла: „знаю человѣка во Христѣ, который назадъ тому четырнадцать лѣтъ (въ тѣлѣ ли, не знаю, внѣ ли тѣла, не знаю, Богъ знаетъ), восхищенъ былъ *до третьяго неба*... въ рай, и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку нельзя пересказать“ (2 Кор. XII, 2—4). Прекрасной иллюстраціей къ этимъ словамъ Апостола можетъ служить вышеприведенный рассказъ блаженнаго Андрея о томъ, что видѣлъ и слышалъ онъ въ своемъ восхищеніи въ рай. Въ этомъ восхищеніи своемъ онъ прошелъ, какъ извѣстно, всѣ эти *три неба* и удостоился видѣть и слышать на нихъ все то, что и передалъ потомъ во всеобщую извѣстность людямъ. Таково въ общихъ чертахъ блаженство праведниковъ, какъ оно изображается въ словѣ Божіемъ и писаніяхъ отеческихъ. Теперь, что касается частныхъ чертъ, то оно будетъ состоять въ слѣдующемъ.

1) Блаженство праведниковъ будетъ состоять *въ самомъ тѣсномъ и преискреннемъ общеніи ихъ съ Господомъ Иисусомъ Христомъ и чрезъ Него съ Богомъ Отцемъ и Богомъ Духомъ Святымъ и въ созерцаніи славы Трѣхълостнаго Божества*. „По изображенію откровенія, праведники такъ будутъ близки къ Богу Отцу (Мат. XIII, 43), какъ близки бывають дѣти къ своему родному отцу, живя въ его домѣ (Іоан. XIV, 2). Въ отношеніи же къ Иисусу Христу Сыну Божію сподобятся еще болѣе близкаго и непосредственнаго съ Нимъ общенія:

такъ какъ они всегда неразлучно будутъ пребывать съ Нимъ (1 Солун. IV, 17) тамъ, гдѣ Онъ Самъ будетъ (Іоан. XIV, 3), составляя собою такимъ образомъ едино съ Нимъ, а чрезъ Него и едино съ Отцемъ, о чемъ самъ Сынъ Божій такъ молился Своему отцу: *да вси едино будутъ: якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ насъ едино будутъ... Отче, ижеже далъ еси Мнѣ, хочу, да ижеже есмь Азъ, и тѣи будутъ со Мною* (Іоан. XVII, 21, 24). А ставши такимъ образомъ, по слову Апостола, причастниками Божескаго естества (2 Петр. I, 4), праведники, понятно, совмѣстно съ симъ станутъ въ той или иной мѣрѣ участниками и въ той совершеннѣйшей и блаженнѣйшей жизни, которой источникъ въ одномъ Богѣ (Пс. XXXV, 10). Въ частности же будущіе члены царства Божія сподобятся, подобно ангеламъ (Мат. XVIII, 10), зрѣть Бога (Мат. V, 8), зрѣть не какъ нынѣ, какъ сквозь тусклое стекло, гадательно, а лицомъ къ лицу (1 Кор. XIII, 12), какъ Онъ есть (1 Іоан. III, 2), вмѣстѣ же съ симъ они тогда будутъ познавать Его не какъ нынѣ, зная Его только отчасти, а всецѣло или подобно тому, какъ сами Имъ познаны (1 Кор. XIII, 12). Видя же и познавая такимъ образомъ Бога, они также будутъ созерцать и Его славу (Іоан. XVII, 24), и не только созерцать, но и сами участвовать въ ней, возсіявая, какъ солнце, въ царствѣ Отца Своего (Мат. XIII, 43), а также воссѣдая со Христомъ на престолѣ (Апок. III, 21; снес. Мат. XIX, 27—29), и раздѣляя съ Нимъ Его царское величіе (2 Тим. II, 11, 12) ¹⁾. Кратко говоря, тогда, т. е. въ будущемъ царствѣ славы *будетъ Богъ вслѣдствіе во всѣхъ* (1 Коринт. XV, 28). Такъ учить Божественное откровеніе о блаженствѣ праведниковъ, какое произойдетъ отъ непосредственнаго общенія ихъ съ Господомъ. Таково же, какъ извѣстно, ученіе и древнихъ отцевъ и учителей Церкви. „По ихъ, равно какъ и по откровенному, ученію главнѣйшими и первѣйшими условіями ихъ блаженства и самимъ блаженствомъ будетъ служить ихъ ближайшее и непосредственное общеніе съ Богомъ, какъ источникомъ блаженной жизни, а вмѣстѣ съ симъ и участіе

¹⁾ Опытъ православнаго догматическаго богословія. Епископа Сильвестра. Томъ V стр. 428—429.

ихъ въ сей блаженной жизни“ ¹⁾. Этому учать, напримѣръ: св. Іустинъ мученикъ, Аѳинагоръ, св. Теофилъ Антиохійскій, св. Киприанъ и св. Иринея. Остановимся здѣсь на ученіи послѣдняго изъ нихъ: „въ царствіи небесномъ,— такъ рассуждаетъ онъ объ этомъ предметѣ, — будетъ видимъ Самъ Богъ Отецъ (прежде являвшійся только черезъ Духа и Сына): такъ какъ Отецъ даруетъ (людямъ) нетлѣніе въ жизнь вѣчную, которая для всякаго происходитъ отъ видѣнія Отца. Ибо какъ видящіе свѣтъ находятся внутри свѣта и причастны бывають его сіянію, такъ видящіе Бога будутъ находиться въ Богѣ и будутъ причастны Его сіянію... Невозможно жить безъ жизни, бытіе же жизни происходитъ отъ общенія съ Богомъ, а общеніе съ Богомъ состоитъ въ познаніи Бога и въ наслажденіи Его благодію“ ²⁾. И дѣйствительно, если еще здѣсь—на землѣ мы удостоиваемся испытывать сладостное ощущеніе отъ присутствія въ насъ Божія чрезъ усердную молитву, чрезъ внимательное чтеніе и изученіе слова Божія и, особенно, чрезъ достойное причащеніе св. Христовыхъ Таинъ: то что же сказать теперь о томъ чувствѣ, которое охватитъ насъ со всѣхъ сторонъ при видѣ Господа *лицемъ къ лицу?* О, по-истинѣ, *неизреченна сладость зрящихъ Божія лица доброту неизреченную!* ³⁾ „Что соединеніе наше съ Богомъ,—говоритъ о. Іоаннъ Кронштадскій,— въ будущемъ вѣкѣ послѣдуетъ и что оно будетъ для насъ источникомъ свѣта, міра, радости, блаженства—это мы отчасти познаемъ опытно и въ нынѣшней жизни. По молитвѣ, когда душа наша всецѣло бываетъ обращена къ Богу и соединяется съ Нимъ, мы чувствуемъ себя прекрасно, покойно, легко, радостно, какъ дѣти, упокоиваемыя у груди матерней, или, лучше сказать, какъ-то невыразимо хорошо: *добро есть намъ здѣ быти* (Лук. IX, 33)“ ⁴⁾. Но, „это только начатки земные, несовершенные, видимые только отчасти, какъ бы въ зеркалѣ и гаданіи (1 Коринт. XIII, 12); каково же будетъ намъ, когда

¹⁾ Тамъ же, стр. 431.

²⁾ Тамъ же. Стр. 432—433.

³⁾ Мол. утрен. (5-ая).

⁴⁾ Моя жизнь во Христѣ. Извлеченіе изъ дневника прот. І. П. Сергіева. Томъ I-ый. Стр. 186—187.

мы самымъ дѣломъ преискренне соединимся съ Богомъ, когда образы и тѣни пройдутъ и настанетъ царство Истины и видѣнія? — „Вы видите, — продолжаетъ онъ, — какъ свѣтлы солнце и звѣзды: праведники никогда будутъ сіять такъ же, какъ солнце (Мат. XIII, 48) отъ внутренняго, невественнаго свѣта Божія“ 1).

2) Блаженство праведниковъ будетъ состоять въ живой связи и тѣсномъ общеніи ихъ какъ съ Ангелами Божиими, такъ и со всеми святыми, живущими на небесахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если праведники будутъ наслаждаться общеніемъ съ Самимъ Богомъ, Источникомъ вѣчнаго блаженства, то, понятно, они будутъ наслаждаться и общеніемъ съ Ангелами и святыми, какъ ближайшими Его слугами, потому что, какъ извѣстно, *идже естъ Христосъ Господь, ту и слуга Его будетъ* (Іоан. XII, 26). Извѣстно также и то, что Господу всегда „предстоятъ тысящи архангеловъ и тмы ангеловъ, херувими и серафими шестокрылати, многочитіи возвышающіися пернатіи“ 2) и всегда „предходятъ Ему лица ангельстіи со всякимъ началомъ и властію, мночитіи херувими и шестокрылати серафими, лица закрывающе и вопіюще пѣснь: аллилуія“ 3). „Я видѣлъ, — пишетъ въ откровеніи св. Іоаннъ Богословъ, — и слышалъ голосъ многихъ Ангеловъ вокругъ престола и животныхъ и старцевъ; и число ихъ было тмы темъ, и тысячи тысячъ, которые говорили громкимъ голосомъ: достоинъ Агнецъ закланный принять силу, и богатство, и премудрость, и крѣпость, и честь, и славу, и благословеніе“ (Апок. V, 11—12)... „И взглянулъ я, — продолжаетъ онъ, — и вотъ Агнецъ стоитъ на горѣ Сіонѣ, и съ нимъ сто сорокъ четыре тысячи, у которыхъ имя Отца Его написано на челахъ. И услышалъ я голосъ съ неба, какъ шумъ отъ множества водъ и какъ звукъ сильнаго грома; и услышалъ голосъ какъ бы гуслистовъ, играющихъ на гусяхъ своихъ. Они поютъ какъ бы новую пѣснь предъ престоломъ и предъ четырьмя животными и старцами; и никто не могъ научиться

сей пѣсни кромѣ сихъ ста сорока четырехъ тысячъ, искупленныхъ отъ земли. Это суть тѣ, которые не осквернились съ женами: ибо они дѣвственники; это суть тѣ, которые слѣдуютъ за Агнемъ, куда бы Онъ ни пошелъ. Они искуплены изъ людей, какъ первенцы Богу и Агнцу. И въ устахъ ихъ нѣтъ лукавства; они непорочны предъ престоломъ Божиимъ“ (XIV, 1—5).

На то, что праведники будутъ имѣть общеніе съ Ангелами и всеми святыми, указываютъ намъ косвенно еще слѣдующія слова Іисуса Христа: *яголю вамъ, радость бываетъ предъ Ангелы Божиими о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. XV, 10). Если радость бываетъ на небѣ между Ангелами даже только объ одномъ грѣшникѣ кающемся; то, безъ сомнѣнія, она является въ нѣсколько разъ болѣе при видѣ праведниковъ, удостоившихся ангельскаго лика, людей ангелоподобныхъ по своей жизни и дѣяніямъ. Затѣмъ, на то же самое общеніе указываетъ и обычай Православной Церкви, къ которому она обращается ко всемъ святымъ, какъ „скорымъ помощникомъ и молитвенникамъ“ о душахъ грѣшныхъ людей предъ Престоломъ Всевышняго. Безъ сомнѣнія, эта живая и сильная вѣра св. Церкви въ заступничество святыхъ, — вѣра, обнаруживающая, между прочимъ, тѣсный союзъ ея съ небесною Церковію, оправдывается на самомъ дѣлѣ. Она оправдывается, конечно, и въ будущей жизни въ томъ смыслѣ, что всѣ святые не прекратятъ этого живого и тѣснаго общенія съ братьями своими, которыхъ ходатаями и заступниками предъ Богомъ они были во время жизни послѣднихъ на землѣ.

Это общеніе людей праведныхъ съ Ангелами и святыми будетъ доставлять имъ великія радости и утѣшенія въ ихъ небесной жизни. „Какая будетъ тогда радость, — говоритъ св. Кипріанъ, — вмѣстѣ съ созерцаніемъ Бога, привѣтствовать Авраама, Исаака, Іакова, всѣхъ патріарховъ, пророковъ, апостоловъ и мучениковъ, радоваться вмѣстѣ съ праведными и друзьями Божиими въ царствіи небесномъ радостію дарованнаго безсмертія!“ 1) Ефремъ же Сиринъ это самое выра-

1) Тамъ же.

2) Служебн. Молитва за литургіей.

3) Херувимск. пѣснь въ великую субботу.

1) Письмо 48 къ Фиваритянамъ. Тв. св. Кипр. кн. 1 стр. 227. Кіевъ 1879 г.; — Опытъ православнаго догматическаго богословія. Епископа Сильвестра. Т. V-ый. Стр. 434.

жаеть въ слѣдующемъ своемъ изъясненіи обѣтованія Христова объ упокоеніи труждающихся и обремененныхъ (Матѳ. XI, 28). По Ефрему, какъ-бы такъ говоритъ Христосъ: „*приидите ко Мнѣ вси труждающіиися и обремененніи, и Азъ упокою вы—* въ горнемъ градѣ, гдѣ всѣ святые Мои упокоеваются въ великой радости... приступите туда, гдѣ лики и чины праведниковъ. Тамъ Авраамово лоно пріемлетъ претерпѣвшихъ скорби, какъ пріяло нѣкогда нищаго Лазаря; тамъ отверзаются сокровища вѣчныхъ благъ Моихъ; тамъ горній Іерусалимъ — мать первородныхъ; тамъ блаженная земля кроткихъ... тамъ тѣмы ангеловъ, торжество первородныхъ, престолы апостоловъ, первосѣдалища пророковъ, скипетры патриарховъ, вѣнцы мучениковъ, похвалы праведныхъ“¹⁾. По Златоусту, также то, что будетъ составлять самаго важнаго по отношенію къ блаженству въ царствіи небесномъ праведниковъ— „это непрерывное ближайшее общеніе со Христомъ и съ чинами ангельскими“²⁾...

3) Блаженство праведниковъ будетъ состоять *въ живой связи и тѣсномъ общеніи ихъ и между собою*. „Этотъ союзъ праведныхъ душъ будетъ основанъ на самой чистой и святой любви. Есть основанія думать, что тамъ сохранятся и получать еще большее утвержденіе тѣ высокія нравственныя связи, какія здѣсь на землѣ соединяють людей и служатъ источникомъ ихъ счастья, напр., связь дружеская, родственная“³⁾ и и т. п. Только нужно замѣтить здѣсь, что эти связи и общенія будутъ выражаться не такъ, какъ онѣ выражаются у насъ въ настоящее время на землѣ. Тогда, какъ сами праведные люди будутъ болѣе обновлены и одухотворены по природѣ своей, и ихъ взаимныя отношенія между собой примутъ болѣе лучшей и совершенный видъ. Въ основѣ этого единенія усовершеннаго человѣчества между собою лежитъ единеніе его со своимъ Главою Христомъ. Этимъ именно объясняется та неразрывная связь людей праведныхъ съ своими родственни-

1) Слово 36 на втор. пришеств. Христ. Тв. Ефр. ч. II. Стр. 347 — 49. М. 1881 г.;— Тамъ же. Стр. 434—435.

2) Слово I къ Θεодору папшму. Хр. Чт. 1844 г. ч. I, стр. 371. Тамъ же.

3) Изложеніе христіанск. православи. вѣры. Выпускъ I-ый. Прот. П. Смирнова. Стр. 118.

ками и вообще ближними, носящими богоподобный образъ и удостоившимися одинаковой съ ними вѣчной участи, въ какой они будутъ пребывать въ будущей небесной жизни.

4) Блаженство праведниковъ будетъ состоять *въ превосходнѣйшемъ состояніи ихъ природы: А) какъ духовной, Б) такъ и тѣлесной*. Или, иначе говоря, оно будетъ состоять въ томъ, что праведники будутъ наслаждаться блаженствомъ въ двухъ отношеніяхъ: блаженствомъ внутреннимъ или по душѣ и блаженствомъ внѣшнимъ или по тѣлу. Остановимся и разберемъ прежде всего, на основаніи слова Божія и святоотеческихъ писаній, въ чемъ будетъ состоять по ту сторону гроба блаженство праведниковъ внутреннее или по душѣ.

А) Это блаженство праведниковъ будетъ состоять *въ полномъ развитіи и дѣйствованіи всѣхъ ихъ душевныхъ силъ и способностей: ума, сердца и воли*.

а) Нынѣ умъ человѣческой, какъ мы замѣтили въ первой части своего изложенія о цѣли человѣческой жизни, можетъ познавать Бога только отчасти, какъ бы сквозь тусклое стекло и гадательно, а тогда будетъ полное и всестороннее познаніе Бога и Его свойствъ: премудрости, благодати, правосудія и др. Св. Апостолъ Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ пишетъ: „мы отчасти знаемъ и отчасти пророчествуемъ (т. е. нынѣ), когда же настанетъ совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится... Теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же *лицемъ къ лицу*; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я познаю“ (1 Кор. XIII, 9, 10, 12). По словамъ св. Василия Великаго, „мы, сподобившись въ царствѣ небесномъ зрѣть Господа, вмѣстѣ съ этимъ увидимъ самые первообразы всѣхъ вещей, тогда какъ теперь только какъ-бы въ зеркалѣ видимъ, и видимъ однѣ тѣни ихъ“¹⁾. А по словамъ св. Григорія Богослова, „царство небесное не что иное есть, какъ достиженіе чистѣйшаго и совершеннѣйшаго; совершеннѣйшее же изъ всего существующаго есть вѣдѣніе Бога, почему всецѣлое познаніе св. Троицы и будетъ составлять

1) Письмо 8 къ кесар. монах. Тв. Васил. В. ч. VI. стр. 42. М. 1859 г.;— Опытъ православи. догматич. богосл. Еп. Сильвестра. Т. V-ый. Стр. 433.

высшую награду въ будущей жизни“¹⁾. Третій изъ великихъ вселенскихъ учителей, св. Іоаннъ Златоустъ, говоритъ объ этомъ такъ: „подобно тому, какъ Богъ самъ снизошелъ къ намъ нынѣ, такъ и мы достигнемъ до Него тогда, и узнаемъ многое такое, что нынѣ сокровенно, сподобившись блаженнѣйшей съ Нимъ бесѣды и премудрости“²⁾. Кратко говоря, тогда умъ человѣческій познаетъ, какъ Бога, такъ и все Его твореніе, совершеннѣйшимъ образомъ. И это познаніе, полное и всецѣлое, будетъ достойно того имени, какое мы придаемъ ему въ настоящее время, когда учимся и просвѣщаемъ свой умъ съ этою цѣлію, т. е., имени богословія. Только это богословіе, нужно замѣтить, мы будемъ изучать не по книгамъ, какъ здѣсь—на землѣ, а непосредственно отъ лицезрѣнія Божія...

б) Но въ будущей небесной жизни мы будемъ жить не столько умомъ, сколько *сердцемъ*. Тогда вѣра и надежда, принадлежность собственно ума, упразднятся или прекратятся (1 Кор. XIII, 10), потому что предметъ ихъ—Богъ, къ которому люди стремились въ продолженіе вѣковъ, будетъ познанъ ими вполне, когда они узрятъ Его *лицемъ къ лицу* (ст. 12). Тогда будетъ пребывать одна только любовь, относящаяся преимущественно къ области сердечной жизни,—любовь, которая и будетъ вѣчнымъ удѣломъ всѣхъ праведниковъ. „Теперь, какъ говоритъ св. Апостолъ Павелъ,—пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше... Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится“ (1 Кор. XIII, 13. 8). Въ чемъ-же будетъ состоять эта любовь? Она будетъ состоять въ неустанномъ служеніи людей праведныхъ, вмѣстѣ съ Ангелами и святыми, Господу Богу и прославленіи Его дивныхъ совершенствъ въ дѣлѣ творенія міра и искупленія человѣка. Праведники будутъ воспѣвать побѣдную пѣснь Господу Богу день и ночь и отъ этого пѣнія, конечно, никогда не утомятся, никогда имъ не пресытятся, потому что оно будетъ составлять для нихъ возможность самой жизни на

1) Рѣчь 20.—Тамъ же.

2) Бесѣда 34.—Тамъ же.

небѣ и потребность ихъ духовно-тѣлесной природы. „Лицезря безъ конца Бога, они будутъ Его любить безъ пресыщенія и хвалить безъ утомленія, такъ что вся ихъ жизнь будетъ непрекращающимся пѣснопѣніемъ, непрестаннымъ благодареніемъ, непрерывнымъ богословіемъ, а вмѣстѣ съ симъ несравненною радостію и неизмѣннымъ веселіемъ“¹⁾. „Черезъ самую любовь свою праведники удостоятся ближайшаго общенія и единенія съ Богомъ, источникомъ блаженства, по слову Апостола и Евангелиста Іоанна: *Богъ любви есть, и пребывающій въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ* (1 Іоан. IV, 16)“²⁾. Полная и всецѣлая любовь будетъ обнаруживаться среди праведниковъ и въ отношеніяхъ ихъ къ Ангеламъ и святымъ, равно какъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Эта любовь, по-истинѣ, будетъ тогда *крепка, яко смерть* (Пѣсн. VIII, 6), т. е., будетъ продолжаться всегда или вѣчно. Ее не возмогутъ разорвать никакія препятствія или преграды, которыя часто возникаютъ у людей при осуществленіи ея въ практической жизни здѣсь на землѣ, потому что совѣсть ихъ будетъ совершенно мирна и чиста. Однимъ словомъ, внутренняя сердечная жизнь будетъ развита тогда въ полной и окончательной степени.

в) Вмѣстѣ съ наступленіемъ ничѣмъ не возмущающаго царства любви для праведниковъ откроется также въ будущей жизни широкое поприще для упражненія ихъ *воли* въ добрѣ и вообще въ дѣятельности, соответствующей ихъ тогдашнему состоянію. Въ настоящее время, какъ извѣстно, воля человѣческая при господствѣ зла и вражды въ мірѣ, при всякаго рода беспорядкахъ и нестроеніяхъ въ немъ, оказывается болѣе удобопреклонной къ злу или грѣху, а не къ добру или святости, какъ слѣдовало бы по ея высшему назначенію. Мы уже показали всю ея, такъ сказать, несостоятельность въ этомъ отношеніи, когда говорили въ первой части своего изслѣдованія о томъ, можетъ ли человѣческая воля достигнуть въ этой жизни въ высшей степени совер-

1) Опытъ православно-догматич. богосл. Еп. Сильвестра. Т. V-ый. Стр. 443.

2) Правосл. догматическое богословіе. Макарія Архіепископа Харьковскаго (впосл. митроп. Московск.). Т. II. Стр. 669-ая.

шенства и святости. Мы пришли тогда къ тому заключенію, что воля человѣческая, какъ бы она сильно ни была развита здѣсь—на землѣ, можетъ окончательно развиться, въ смыслѣ направленія ея къ добру и жизни этимъ послѣднимъ, только тамъ—на небѣ въ сообществѣ Бога, Ангеловъ и всѣхъ святыхъ. *Блаженнѣ алчущимъ и жаждущимъ правды, яко тѣмъ насытятся* (Мат. V, 6), сказалъ Христосъ Спаситель; насытятся, конечно, не въ этой, а въ будущей жизни. Вообще же говоря, въ будущей жизни праведные люди, при окончательномъ развитіи и гармоническомъ дѣйствованіи всѣхъ ихъ душевныхъ силъ и способностей, достигнуть полного возстановленія въ себѣ образа и подобія Божія, утраченнаго ими вслѣдствіе грѣхопаденія прародителей. „Тогда обнаружится чистота и святость нашей нравственности и полнота нашей любви. Если при настоящей земной жизни мы должны постоянно испытывать борьбу въ нашей нравственной жизни, предостерегать себя отъ неизбежныхъ погрѣшностей, искушеній и соблазновъ, то въ будущей, по уничтоженіи всѣхъ слѣдствій первороднаго грѣха, наша добрая воля будетъ безпрепятственно располагать своей нравственной свободой. Никакихъ мрачныхъ мыслей, граничащихъ съ понятіями дикаго произвола и насилія, не будетъ. Тогда, естественно, и любовь нашего вѣрующаго сердца, начало которой еще въ здѣшней земной жизни, первообразъ же въ любви Сына Божія къ Богу Отцу (Іоан. XVII, 21), достигнетъ высшей своей степени, на которой будетъ въ состояніи разумѣть все богатство любви Божественной, постигать, что есть, по выраженію Апостола, *широта и днота, и глубина и высота ея* (Еф. III, 18). При такой степени нашей любви, совершенствѣ нашей вѣры и познанія, святости нашей воли, мы, какъ истинно вѣрующіе во Христа, составляющіе Христову Церковь, *достигнемъ вси*, по выраженію Апостола Павла, *въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. IV, 13), т. е., послѣ предстоящаго испытанія дойдемъ до прославленія, соотвѣтствующаго прославленію Христа по воскресенію; тогда каждый изъ насъ будетъ имѣть дерзновеніе ска-

зать съ Апостоломъ: *живу не азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II, 20)...¹⁾

Б) Мы сказали, что блаженство праведниковъ будетъ состоять въ превосходнѣйшемъ состояніи ихъ природы не только духовной, но и *тѣлесной*. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи блаженство ихъ будетъ заключаться въ слѣдующемъ. „Тѣло ихъ скинетъ настоящую дебелость и грубость и будетъ свѣтлою, чистою и прекрасною храминою, гдѣ духъ легко будетъ дѣйствовать и предаваться своимъ стремленіямъ“²⁾. Въ частности, что касается блаженства праведниковъ, то объ этомъ такъ говоритъ св. Апостолъ Павелъ: „сѣется (тѣло) въ тлѣніи, возстаетъ *въ нетлѣніи*; сѣется въ униженіи, возстаетъ *въ славіи*; сѣется въ немощи, возстаетъ *въ силѣ*; сѣется тѣло душевное, возстаетъ *тѣло духовное*“ (1 Кор. XV, 42—44). Значитъ, при воскресеніи мертвыхъ, теперешнія наши тѣла *тлѣнныя, уничиженныя, немощныя, душевныя* измѣнятся и преобразятся *въ нетлѣнныя, славыя, сильныя, духовныя*. Кратко говоря, тогда наши тѣла Господь Иисусъ Христосъ, по словамъ того же Апостола, „преобразитъ такъ, что они будутъ сообразны славному тѣлу Его, силою, *которою Онъ дѣйствуетъ и покоряетъ Себѣ все*“ (Фил. III, 21). Тогда же эти тѣла не будутъ испытывать ничего такого, что они испытываютъ и переносятъ теперь на землѣ. Св. Іоаннъ Богословъ говоритъ въ своемъ откровеніи: „они (т. е., праведники) пребываютъ *нынѣ* предъ престоломъ Бога, и служатъ Ему день и ночь въ храмѣ Его, и сидящій на престолѣ будетъ обитать въ нихъ. Они не будутъ уже ни алкать, ни жаждать, и не будетъ палить ихъ солнце и никакая зной. Ибо Агнецъ, который среди престола, будетъ пасти ихъ и водить ихъ на живые источники водъ; и отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ“ (Апок. VII, 15—17). И далѣе, въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „и услышалъ я громкій голосъ съ неба, говорящій: се, скинія Бога съ человѣками, и Онъ будетъ обитать съ ними, они будутъ Его народомъ, и Самъ Богъ съ ними бу-

¹⁾ О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка. Н. Виноградова. М. 1887 г. Стр. 300—301.

²⁾ Изложеніе христіанск. правосл. вѣры. Прот. П. Смирнова. Стр. 117.

детъ Богомъ ихъ. И отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ; ибо прежнее прошло“ (XXI, 3—4). Такъ же учили объ этомъ предметѣ и древніе отцы и учителя Церкви¹⁾. По ихъ ученію, „блаженному состоянію праведниковъ не только не будетъ не мѣшать, но напротивъ вполнѣ будетъ соответствовать и всячески благопріятствовать собственная тѣлесная ихъ природа. Тѣла ихъ, бывъ совлечены тлѣнія и облечены въ нетлѣніе и безсмертіе, стануть безстрастными и духоподобными, почему будутъ всецѣло послушными духу и самыми совершенными органами и выразителями всѣхъ его внутреннихъ помышлений, пожеланій и стремленій. Кромѣ того, тѣла ихъ, ставъ по своимъ внутреннимъ качествамъ какъ бы небесными, не будутъ представлять собою никакого для нихъ препятствія къ общенію ихъ съ ангелами. Важнѣе же всего то, что тѣла ихъ, будучи свободны отъ всякой грѣховной склонности и всецѣло служа существеннѣйшимъ стремленіямъ духа, обращеннымъ къ Богу, не только не будутъ препятствовать имъ зрѣть Бога, но, напротивъ, многимъ будутъ содѣйствовать этому, представляя собою возможность ихъ духу, при особеннѣйшей чуткости своихъ чувствъ и остротѣ своего зрѣнія, несравненно явственнѣе, чѣмъ теперь, созерцать премудрость и промыслительную силу Божию, являющуюся какъ въ другихъ подобныхъ имъ тѣлахъ, такъ и во всѣхъ видимыхъ тваряхъ“²⁾...

5) Блаженство праведниковъ будетъ состоять въ самомъ благопріятномъ внѣшнемъ ихъ положеніи. Болѣе или менѣе подробное описаніе рая или мѣста блаженства праведниковъ съ внѣшней его стороны мы имѣемъ отъ того же самаго блаженнаго Андрея, слова котораго мы привели уже здѣсь. Въ откровеніи, бывшемъ ему отъ Бога относительно райскаго жилища, онъ „видѣлъ тамъ много садовъ съ высокими деревьями, которыя, колеблясь своими вѣтвями, чрезвычайно

1) Напримѣръ: св. Аеннагоръ мученикъ, блаж. Августинъ, Кириллъ Іерусалимскій, Теофиль Антиохійскій, Василій Великій и другіе.

2) Опытъ православно-догматич. богосл. Еп. Сильвестра. Т. V. Стр. 435—436.

усплаждали зрѣніе, и великое благоуханіе разливалось отъ ихъ вѣтвей. Одни изъ деревьевъ непрестанно цвѣли, а другія были украшены златовидными листьями; инныя были обременены различными плодами неизреченной красоты. Нельзя уподобить деревъ райскихъ ни одному дереву земному, самому красивому; ибо Божія рука насадила ихъ, а не человѣческая. Въ этихъ садахъ было безчисленное множество птицъ; однѣ изъ нихъ имѣли крылья золотыя; другія подобно снѣгу—бѣлыя; инныя были испещрены различными цвѣтами. Сидя на вѣтвяхъ райскихъ деревьевъ, эти птицы пѣли такъ прекрасно и усладительно, что отъ пріятнаго пѣнія ихъ онъ доходилъ до самозабвенія, и ему казалось, что голосъ пѣнія ихъ былъ слышенъ на самой небесной высотѣ... А тѣ прекрасныя сады стояли въ удивительномъ порядкѣ, подобно полку, стоявшему противъ полка. Когда же съ веселіемъ сердца ходилъ онъ въ этихъ райскихъ садахъ, то увидѣлъ тамъ великую рѣку, протекавшую среди садовъ и орошавшую ихъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки росли виноградныя лозы, которыя украшены были золотыми листьями и златовидными плодами. Съ четырехъ сторонъ дулъ тихій и благоухающій вѣтеръ, дуновеніемъ коего колебались сады, а сотрясеніемъ листьевъ они производили дивный шелестъ“...¹⁾ Такому внѣшнему положенію рая и такому блаженному состоянію въ немъ праведниковъ, „зависящему“, впрочемъ, „единственно отъ внутренняго общенія ихъ съ Богомъ, будетъ вполнѣ отвѣчать и отчасти собою его пополнять и та тварная среда, въ которой они будутъ обращаться и жить“²⁾. Мы уже упомянули въ своемъ мѣстѣ объ отношеніи праведниковъ къ ангеламъ и святымъ, „съ которыми они будутъ находиться въ ближайшемъ соотношеніи“ и „съ которыми будутъ внутренне соединены, какъ члены одной и той же небесной Церкви (Евр. XII, 22—23; Матѣ. VIII, 11; Іоан. XVII, 21)“³⁾. Упомянемъ здѣсь о томъ, что и „всѣ земныя твари, послѣ освобожденія своего отъ рабства тлѣнія“, будутъ также „участ-

1) Уроки и примѣры христіанск. вѣры. Свящ. г. Дьяченко. Стр. 667.

2) Опытъ православнаго догматическаго богословія. Еп. Сильвестра. Т. V. Стр. 429.

3) Тамъ же.

ливо относиться къ ихъ славѣ, какъ славѣ чадъ Божіихъ (Римл. VIII, 21)¹⁾... „Вся видимая тварь съ своей стороны опять не только не будетъ чѣмъ-либо мѣшать“ блаженному состоянію праведниковъ, „но напротивъ вполне будетъ благопріятствовать, потому что она, бывъ преобразована, станетъ прекраснѣе и свѣтлѣе, такъ что, по словамъ св. Іоанна Златоуста, „насколько золото блестяще олова, настолько тогдашнее (ея) устройство будетъ лучше настоящего, какъ бл. Павелъ говоритъ: *яко и сама тварь свободится отъ работъ истлѣнія* (Рим. VIII, 21). Нынѣ она, какъ причастная тлѣнію, терпитъ многое, что свойственно терпѣть такимъ тлѣямъ; но тогда, сошедши всего этого, представитъ намъ нетлѣнное благолѣпіе“²⁾. А такое состояніе обновленной твари сколько будетъ представлять собою поводовъ и предметовъ для благоговѣйнаго, а вмѣстѣ съ симъ и блаженнаго созерцанія величественныхъ дѣлъ премудрости и благодати Божіей въ новомъ видимомъ мірѣ! Будущая жизнь, поэтому, праведныхъ, какъ представляли ее древніе отцы церкви, будетъ полнотою всякаго довольства, при полномъ удовлетвореніи всѣхъ ихъ потребностей, и при совершенномъ отсутствіи чего-либо для нихъ непріятнаго или способнаго причинить скорбь.—Св. Ефремъ Сиринъ, напр., такъ изображаетъ будущую блаженную участь праведниковъ, влагая въ уста Спасителя, призывающаго къ упокоенію труждающихся и обремененныхъ (Мат. XI, 28), между прочимъ, слѣдующія слова: „*Азъ упокою вы—упокою тамъ, гдѣ все тихо и безмятежно, гдѣ все свѣтло и пріятно для зрѣнія, гдѣ нѣтъ ни обидящаго, ни притѣсненнаго, — гдѣ нѣтъ уже ни грѣха, ни покаянія, гдѣ свѣтъ непреступный и радость неизглаголанная*“³⁾. А св. Іоаннъ Златоустъ ту же картину блаженной участи праведныхъ изображаетъ въ слѣдующихъ еще болѣе подробныхъ и живыхъ чертахъ: „представь себѣ, говоритъ онъ, состояніе той жизни, насколько это возможно представить, ибо къ надлежащему изображенію ея не достанетъ никакого

1) Тамъ же.

2) *Златоустъ*. Слов. I къ Θεодору папшему. Хр. Чт. 1844 г. Ч. 1. Стр. 372.

3) Слов. на второе пришествіе Христ. Тв. Ефрем. Ч. II. Стр. 348. Москва, 1881 года.

слова, а только изъ того, что слышимъ, какъ бы изъ какихъ либо загадокъ, мы можемъ получить нѣкоторое неясное представленіе о ней. *Отбѣже*, сказано, *болѣзнь, и печаль, и воздыханіе* (Ис. 35, 10). Что же можетъ быть блаженнѣе этой жизни? Не нужно тамъ бояться бѣдности и болѣзни; не увидишь ни обижающаго, ни обижаемаго,—ни раздражающаго, ни раздражаемаго, ни гнѣвающегося, ни завидующаго, ни распяляемаго гнусною похотію, ни мучимаго заботою о снисканіи потребнаго къ жизни, ни скорбящаго о начальствѣ и власти. Ибо вся буря нашихъ страстей, тогда затихнувши, (навсегда) прекратится, — и все будетъ въ мирѣ, веселіи и радости,—все (будетъ) тихо и спокойно, все—день и свѣтъ,—свѣтъ не этотъ нынѣшній, но другой во столько кратъ свѣтлѣе этого, во-сколько этотъ свѣтъ солнечный ярче свѣта отъ свѣчи. Тамъ свѣтъ не помрачается ни ночью, ни набѣгомъ облаковъ, ни жжетъ и не палитъ тлѣль; потому что нѣтъ тамъ ни ночи, ни вечера, ни холода, ни жары, ни другой какой перемѣны времени, но нѣкое совершенно иное состояніе, которое узнаютъ одни его удостоившіеся. Нѣтъ тамъ ни старости, ни спутниковъ старости, все тлѣнное (отсюда) изгнано; потому что повсюду господствуетъ нетлѣнная слава. А что всего важнѣе,—это непрерывное наслажденіе общеніемъ со Христомъ, вмѣстѣ съ ангелами, съ архангелами и горными силами“...¹⁾

6) Хотя блаженство праведниковъ будетъ состоять въ величайшихъ и неизреченныхъ благахъ, которыя отцы и учителя представляли „насколько по своему существу отличными и превосходнѣйшими сравнительно съ земными благами, насколько отличается душа отъ тѣла и превосходить его собою“, однако это блаженство будетъ не для всѣхъ ихъ одинаково, будутъ *различныя степени блаженства, внутренняго и внѣшняго*. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ слѣдующія мѣста Священнаго Писанія. Во-1-хъ, слова Іисуса Христа: „въ домѣ Отца Моего *обителѣй много*“ (Іоан. XIV, 2);—„ибо прійдетъ Сынъ человѣчскій во славѣ Отца своего съ Анге-

1) Слов. I къ Θεодору папш. Хр. Чт. 1844 г. Ч. 1. Стр. 370. 371.—Оп. прав. догм. бог. Еп. Сильвестра. Т. V. Стр. 436--438.

лами своими; и тогда воздастъ каждому по дѣламъ его“ (Мат. XVI, 27); „кто принимаетъ пророка, во имя пророка, получитъ награду пророка; и кто принимаетъ праведника, во имя праведника, получитъ награду праведника. И кто напоить одного изъ малыхъ сихъ только чашею холодной воды, во имя ученика; истинно говорю вамъ, не потеряетъ награды своей“ (Мат. X, 41—42). Во-2-хъ, слова Апостола Павла: „каждый получить свою награду по своему труду“ (1 Кор. III, 8); „кто сѣетъ скупо, тотъ скупо и пожнетъ; а кто сѣетъ щедро, тотъ щедро и пожнетъ“ (2 Кор. IX, 6); „иная слава солнцу, иная слава луны, иная звѣздъ; и звѣзда отъ звѣзды разнится въ славѣ. Такъ и при воскресеніи мертвыхъ“. (1 Кор. XV, 41—42). Согласно съ ученіемъ Священнаго Писанія о различіи степеней въ блаженствѣ праведниковъ соотвѣтственно нравственному достоинству каждаго изъ нихъ, а также по мѣрѣ собственныхъ способностей къ наслажденію этимъ самымъ блаженствомъ, всѣ отцы и учителя Церкви допускали „самые разнообразныя виды и степени, поясняя при этомъ, что такое разнообразіе и разностепенность въ будущиxъ наградахъ нисколько не будутъ мѣшать полнотѣ довольства какъ болѣе, такъ и менѣе вознагражденныхъ при сознаніи въ семъ случаѣ полнѣйшей справедливости со стороны Бога, и при отсутствіи здѣсь всякой завистливости“¹⁾. Изъ множества свидѣтельствъ этого рода,²⁾ приведемъ здѣсь свидѣтельство св. Ефрема Сирина. „Многія обители,—говоритъ онъ,—Господь поименовалъ не по разности мѣстъ, но по степени дарованія. Какъ лучами солнца чувственнаго наслаждается всякій, по мѣрѣ чистоты зрительной силы и впечатлѣнія, и какъ отъ одного свѣтильника, освѣщающаго одинъ домъ, каждый лучъ бываетъ различенъ, между тѣмъ какъ свѣтъ не дѣлится на многіе свѣтильники; такъ въ будущій вѣкъ всѣ праведные водворятся не раздѣльно въ единой радости, но каждый въ своей мѣрѣ будетъ озаряться единымъ мысленнымъ солнцемъ, и по степени достоинства

¹⁾ Тамъ же. (Стр. 438.

²⁾ Объ этомъ учать: св. Иринея, Теоф. Антиох., Климентъ Александр. и др. Правосл.—догмат. богослов. Макарія. Стр. 674.

почерпать радость и веселіе, какъ бы въ одномъ воздухѣ и мѣстѣ, и никто не увидитъ мѣры и высшаго и низшаго, чтобы, смотря на превосходящую благодать другого и на свое лишеніе, не имѣть въ этомъ для себя причины къ скорби и безпокойству. Да не будетъ сего тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія; но всякій по должной ему благодати въ своей мѣрѣ будетъ веселиться внутренно, а по виѣшности у всѣхъ (будетъ) одно созерцаніе и одна радость“...¹⁾

7) Блаженство праведниковъ, наконецъ, будетъ *продолжаться вѣчно*. Всѣ тѣ, многочисленныя и многообразныя награды, которыя будутъ уготованы праведникамъ по мѣрѣ ихъ заслугъ, по ученію откровенія, въ то же время будутъ одинаково нескончаемы или вѣчны. „Самъ Иисусъ Христосъ, для обозначенія обѣщанныхъ Имъ вѣрующимъ будущиxъ благъ, употребляя общее наименованіе жизни, эту жизнь прямо называлъ *вѣчною* (Іоан. III, 16; X, 28), и изображая послѣдствія для праведниковъ своего всеобщаго суда, такъ выразился о семъ: *праведницы же (идутъ) въ животъ вѣчный* (Матѣ. XXV, 46). Эту же мысль образно выразилъ Христосъ, назвавъ тѣ влагалища, которыя должны готовить себѣ на небесахъ Его ученики для сбереженія своихъ духовныхъ сокровищъ, неветшающими, а самыя сокровища ихъ неоскудѣвающимъ и неподвергающимся опасности ни расхищенія отъ воровъ, ни снѣденія отъ моли (Лук. XII, 33, снес. Мат. VI, 20). Тому же учили и апостолы, когда царство Христова, въ которомъ будутъ находиться праведники, *всегда пребывавъ съ Господомъ* (1 Сол. IV, 17), называли *вѣчнымъ* (2 Петр. I, 11), а то, что они получаютъ по заслугамъ своимъ и чѣмъ будутъ наслаждаться, называли *животомъ вѣчнымъ* (1 Иоан. II, 25; снес. Петр. I, 2),—*вѣчною слагою* (1 Петр. V, 10; 2 Кор. IV, 17—18),—*насмѣдіемъ нетлѣннымъ и неувядаемымъ* (1 Петр. I, 4),—*имѣніемъ, на небесахъ пребывающимъ* (непреходящимъ) (Евр. X, 34), а также *неувядаемымъ вѣнцемъ славы* (1 Петр. V, 4)²⁾. Согласно съ откровеніемъ,

¹⁾ О блаж. обит. Тв. св. Ефрема. Ч. III, стр. 29—30. Москва, 1882 г.—Оп. Прав. Догм. Бол. Еп. Сильв. Стр. 439.

²⁾ Тамъ же. Стр. 430—431.

всѣ отцы и учителя Церкви¹⁾ учили, что „блаженство праведныхъ, какъ ни будутъ разнообразны его виды и степени, будетъ по своему существу нескончаемымъ или вѣчнымъ. Свою же несомнѣнную вѣру въ вѣчность будущаго блаженства праведныхъ ясно засвидѣтельствовали тѣмъ, что все то, чего имѣють сподобиться въ будущей жизни по заслугамъ своимъ праведники, обыкновенно обозначали наименованіемъ то вѣчной, никогда нескончаемой жизни, то вѣчнаго не имѣющаго никакого конца небеснаго воздаянія. Въ частности же они и то блаженное мѣсто жительства, которое имѣють наследовать праведники, признавали также вѣчнымъ, обыкновенно называя его вѣчнымъ, всегдашнимъ и нескончаемымъ царствомъ, равно какъ и всѣ тѣ блага, какими имѣють наслаждаться здѣсь праведники, признавали благами неизмѣнными и вѣчными, не имѣющими ничего общаго съ бренными земными благами. И, что всего важнѣе, по ясному ихъ ученію, и то величайшее благо, которое служить виною и источникомъ всякихъ благъ, т. е., непосредственное общеніе съ Богомъ, будетъ неотъемлемымъ и всегдашнимъ достояніемъ праведниковъ, вслѣдствіе чего послѣдніе непрерывно будутъ почерпать изъ вѣчнаго источника никогда неветшающей, блаженной жизни такую же неветшающую жизнь и для себя самихъ“²⁾...

Говоря о вѣчности блаженства праведниковъ, слѣдуетъ отмѣтить одно любопытное явленіе, которое состоитъ въ слѣдующемъ. Люди невѣрующіе и отвергающіе вѣчность мученій грѣшниковъ признаютъ однако вѣчно-блаженную жизнь праведниковъ. Что это значитъ? Это значитъ, что во всѣхъ людяхъ вложенъ отъ природы инстинктъ или стремленіе къ продолженію своего бытія за гробомъ, къ безсмертію. Проявленіе этого чувства замѣчается въ упомянутыхъ людяхъ всегда съ особенною силою при томъ исканіи счастья и удовольствія на землѣ, какое мы позволяемъ себѣ и считаемъ необходимымъ въ своей жизни. Иногда же оно обнаруживается

¹⁾ Напримѣръ: Іустинъ мученикъ, Теофилъ Антиохійскій, Приней, Василій Великій, блаж. Феодоритъ, Ефремъ Сиринъ, Григорій Нисскій, Кириллъ Іерусалимскій и др.

²⁾ Тамъ же. Стр. 442—443.

въ нихъ въ видѣ стремленія къ прогрессу и усовершенствованія всеобщей жизни человѣчества путемъ различныхъ преобразованій и измѣненій этого послѣдняго. Какъ бы то ни было, но отмѣченное нами явленіе громко говоритъ о томъ, что всѣ люди жаждутъ счастья и блаженства еще здѣсь — на землѣ и желаютъ, чтобы оно продолжалось непрерывно и безостановочно, словомъ, вѣчно.

Въ концѣ нашей бесѣды о цѣли человѣческой жизни, содержащей изслѣдованіе вопроса, въ чемъ заключается эта цѣль, мы должны повторить лишь то, что сказано было нами въ началѣ ея, именно: что нынѣ, при современномъ нашемъ понятіи и языкѣ, мы не можемъ даже точно представить и ясно выразить всего того, въ чемъ будетъ состоять эта цѣль, какимъ блаженствомъ въ будущей жизни будутъ наслаждаться праведники. *Возмобленнїи*, — такъ писалъ въ своемъ соборномъ посланіи св. Апостоль и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, — *нынѣ чада Божїя есмь, и не уявися, что будемъ: вѣлы же, яко егда явится, подобни ему будемъ: ибо узримъ его, якоже есть* (1 Іоан. III, 2—3). „Только опытъ благодатной жизни можетъ дать человѣку на землѣ нѣкоторое предчувствіе блаженства вѣчнаго“ (Римл. VIII, 16; XIV, 17)¹⁾. Аминь.

III.

Какимъ путемъ или средствами мы можемъ легче всего достигнуть истинной цѣли человѣческой жизни.

Благочестіе на все полезно есть, обитваніе имлюще живота нынѣшняго и грядущаго (1 Тим. IV, 8).

Въ предъидущихъ двухъ бесѣдахъ мы показали, *гдѣ находится и въ чемъ заключается истинная цѣль* человѣческой жизни. Теперь остается намъ показать, *какимъ путемъ или средствами* мы можемъ легче всего достигнуть этой цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ извѣстно, гдѣ нахо-

¹⁾ Изложеніе христ. прав. вѣры. Прот. П. Смирнова. Стр. 118.

дится и въ чемъ заключается цѣль жизни, то должно быть извѣстно также и то, какой существуетъ тотъ путь или тѣ средства, которыя могутъ привести насъ къ ней въ продолженіе земной нашей жизни. Этотъ путь и эти средства въ общихъ чертахъ указалъ еще св. Апостоль Павелъ въ первомъ посланіи своемъ къ Тимоѳею, когда писалъ къ нему: „благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей“ (1 Тим. IV, 8). Итакъ, въ настоящей бесѣдѣ, составляющей третью часть нашего изложенія о цѣли человѣческой жизни, намъ слѣдуетъ прежде всего разсмотрѣть сущность *благочестія*, какъ одного изъ средствъ, ведущихъ къ достиженію ея еще здѣсь — на землѣ. Это средство является первѣйшимъ и главнѣйшимъ въ ряду другихъ средствъ, существующихъ для достиженія той же самой цѣли, содержащимъ и обнимающимъ собою всѣ остальные въ совокупности. На него мы и обратимъ свое вниманіе сначала.

Что-же такое благочестіе по самому словопроизводству своему? Благочестіе, какъ показываетъ это послѣднее, происходитъ отъ двухъ словъ: *благой* и *честь* и означаетъ *благую честь* въ отношеніи къ тѣмъ, къ которымъ оно примѣняется. Изъ этого понятія благочестія, выводимаго нами изъ внѣшняго слововыраженія его, видно, что, кромѣ *благой чести* или, однимъ словомъ, *благочестія*, можетъ быть и дѣйствительно бываетъ, въ противоположность ей, *злая честь* или *злочестіе*. Изъ того же самаго понятія видно, что подъ именемъ благочестія нужно разумѣть тѣ или иныя отношенія, въ которыхъ люди находятся, какъ съ Господомъ Богомъ, такъ и съ ближними своими, со всѣми людьми въ мірѣ; потому что, какъ говоритъ св. Апостоль Павелъ, „никто не можетъ назвать Иисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ“ (1 Кор. XII, 3), т. е., если не будетъ это дано ему свыше, тѣмъ болѣе, конечно, сдѣлаться благочестивымъ человѣкомъ безъ Его помощи и содѣйствія. Съ другой стороны, никто не можетъ приписать самъ себѣ честь, каковую бы то ни было — *благую* или *злую*, каковую онъ имѣетъ въ данное время въ глазахъ другихъ людей. Нѣтъ, эту честь всегда воздаетъ сначала онъ самъ людямъ, въ знакъ своего сочувствія и расположенія къ послѣднимъ, а потомъ уже обыкновенно принимаетъ отъ нихъ, въ

знакъ своей солидарности съ ними. Это ясно видно, напр., изъ притчи Иисуса Христа о званыхъ на вечерю: „когда званъ будешь; пришедши, садись на послѣднее мѣсто, чтобы звавшій тебя, подошедши, сказалъ: другъ! пересядь выше; тогда будетъ тебѣ честь (въ данномъ случаѣ *благая честь* или, что то же, *похвала*) предъ сидящими съ тобою“ (Лук. XIV, 10). Все это ясно показываетъ намъ, что среди людей постоянно существуютъ, какъ взаимныя отношенія ихъ между собою, такъ и отношенія ихъ между Господомъ Богомъ.

Намъ извѣстны эти отношенія между Богомъ и людьми; ихъ кратко можно охарактеризовать тремя словами: *вѣра*, *надежда*, *любовь*. Вотъ изъ этихъ-то преимущественно трехъ добродѣтелей христіанскихъ и слагаются тѣ отношенія, которыя извѣстны подъ именемъ *благочестія*. Въ чемъ состоитъ *вѣра*, это ясно выражено въ символическомъ ученіи нашей св. Православной Церкви. Надежда составляетъ предметъ молитвы Господней, преподанной Имъ Самимъ въ лицѣ учениковъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него. Наконецъ, что касается *любви*, то она въ свою очередь составляетъ сущность всего *десятословія* или *десяти заповѣдей* закона Божія, которыя служатъ основаніемъ, какъ *Вѣхаго*, такъ и *Новаго Завѣта*. Теперь вопросъ: кто-же можетъ быть *благочестивымъ* здѣсь на землѣ? Можетъ ли быть имъ *человѣкъ*, не знающій *единого истиннаго Бога*, и *егоже послалъ естъ Иисуса Христа* (Іоан. XVII, 3), *человѣкъ* не почитающій Его и не исполняющій Его воли, словомъ, *человѣкъ язычникъ*? Да, можетъ быть; но только, конечно, *благочестивымъ* въ отношеніи къ людямъ, а не къ Богу. На *благочестіе* въ отношеніи къ людямъ Христосъ Спаситель указываетъ въ слѣдующихъ словахъ, содержащихся въ Его *нагорной бесѣдѣ*: „какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними“ (Лук. VI, 31). А св. Апостоль Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ, что *язычники* будутъ судимы на страшномъ судѣ Христовѣ не по закону, котораго они не знали, а по своей совѣсти: „когда *язычники*, не имѣющіе закона“, т. е., *богодарованнаго*, составляющаго сущность христіанства, „по природѣ законное дѣлаютъ, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ; они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ;

о чемъ свидѣтельствуесть совѣсть ихъ, и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую“ (Рим. II, 14—15). Въ Священномъ Писаніи мы имѣемъ прекрасный примѣръ такого двойкаго рода благочестія въ лицѣ Корнилія, „сотника изъ полка, называемаго Италійскимъ“, — Корнилія, который жилъ въ Кесаріи во время Апостоловъ при первоначальномъ распространеніи христіанства. Онъ, какъ извѣстно, былъ сначала язычникъ, т. е., не просвѣщенный благодатію Святаго Духа въ таинствахъ св. крещенія и миропомазанія (или рукоположенія, какъ оно называлось тогда); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ человѣкъ „благочестивый и боящійся Бога со всѣмъ домомъ своимъ, творившій много милостыни народу и всегда молившійся Богу“ (Дѣян. X, 1—2). Другой характеристическій примѣръ человѣка благочестиваго въ отношеніи къ Богу и людямъ мы имѣемъ въ Евангеліи въ лицѣ св. Симеона Богопріимца, который, какъ повѣствуетъ Евангелистъ Лука, „былъ мужъ праведный и благочестивый, чающій утѣшенія Израилева; и Духъ Святой былъ на немъ“ (Лук. II, 25). Такихъ благочестивыхъ людей можно указать еще нѣсколько, не только въ Новомъ, но и въ Ветхомъ Заветѣ. Съ другой стороны, и въ самомъ христіанствѣ мы встрѣчаемъ много примѣровъ, когда люди, при всѣхъ средствахъ Божественнаго Откровенія, какъ естественнаго, такъ и сверхъестественнаго, заражаются злочестіемъ. Мало того, сами впадая въ бездну этого порока, они часто и другихъ увлекаютъ за собою туда же. Примѣръ злочестія на первыхъ страницахъ христіанской исторіи мы имѣемъ въ лицѣ евангельскаго Иуды, одного изъ двѣнадцати Апостоловъ Христовыхъ, отпавшаго отъ этого лика вслѣдствіе сребролюбія и преданія Своего Господа и Учителя: „Иуда злочестивый, — какъ поется въ одной церковной пѣсни, — сребролюбіемъ недуговавъ омрачашеся и беззаконнымъ судіямъ Тебе праведнаго Судію предаеть...“¹⁾

Изъ всего, сказаннаго нами, мы по справедливости можемъ вывести то заключеніе, что благочестіе возможно, какъ въ христіанствѣ, такъ и внѣ его. Истинное же благочестіе, т. е., благочестіе въ отношеніи къ Богу и людямъ, какъ оно выра-

¹⁾ Тропарь въ великій четвертокъ.

жается Апостоломъ въ вышеприведенныхъ нами словахъ его, возможно только въ христіанствѣ. Путь для этого благочестія, путь прямой и единственный, это именно — св. Православная Церковь со всѣми ея богоучрежденными таинствами и обрядами, со всѣми ея молитвами и чиноположеніями, которыя она приняла, хотя отъ людей простыхъ и безвѣстныхъ, но людей облагодатствованныхъ и просвѣщенныхъ Духомъ Святымъ. Помимо этого, указаннаго нами, пути нельзя, конечно, быть истинно благочестивымъ человѣкомъ; потому что для того, чтобы быть такимъ, нужно прежде всего имѣть вѣрное и полное понятіе о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра, о Богѣ, Спасителѣ и Испустителѣ грѣшныхъ людей; наконецъ, о Богѣ — Судіи и Мздовоздаятелѣ въ будущей жизни. Гдѣ-же, спросимъ, всему этому можетъ научиться человѣкъ, какъ не въ св. Православной Церкви, — этомъ „столпѣ и утвержденіи истины“ (1 Тим. III, 15), по выраженію Апостольскому? Гдѣ онъ можетъ научиться вѣрѣ, надеждѣ и любви христіанской, при помощи которыхъ только и можетъ свято выполнить свое назначеніе? Да, въ Церковь, по словамъ св. Иринея, „какъ-бы въ богатую сокровищницу, Апостолы въ полномъ положили все, что принадлежитъ истинѣ, такъ что каждый желающій можетъ принимать отъ нея питіе жизни. Она есть дверь жизни“¹⁾. Въ ней сохраняется все, что нужно для нашего спасенія, спасенія какъ временнаго, такъ и вѣчнаго. „Благочестіе на все полезно есть, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей“. Эти слова Апостола вполне оправдались уже на многихъ подвижникахъ благочестія, „стремившихся“, подобно Ап. Павлу, къ истинной „цѣли, къ почести вышняго званія Божія во Христѣ Исусѣ“ (Филип. III, 14). Они должны служить, такъ сказать, путеводною звѣздой и для всѣхъ насъ — христіанъ, еще пребывающихъ здѣсь — на землѣ въ достиженіи вышеуказанной цѣли. Тѣ же Апостольскія слова показываютъ намъ и то, что это средство, первое и главное, рекомендуемое Апостоломъ для болѣе лучшаго и скораго достиженія цѣли, можетъ быть пригодно для всѣхъ людей на свѣтѣ, кто бы они ни были и чѣмъ бы ни занимались

¹⁾ Прот. ерес. кн. III, гл. 4.

въ этой жизни. Здѣсь мы подошли къ вопросу о званіяхъ человѣческихъ, — вопросу столь щекотливому и столь смутному и неопредѣленному въ отношеніи къ разсматриваемому предмету. Кто не знаетъ, что нынѣ этотъ вопросъ выдвинулся на первый планъ и рѣшается многими различно и, притомъ, далеко не всегда вѣрно и безпристрастно? Такъ, напр., есть люди, которые въ дѣлѣ достиженія жизненной цѣли, какъ она изображается въ настоящемъ своемъ видѣ, признають въ этомъ случаѣ удобнымъ одно только званіе, именно духовное. И это послѣднее они суживаютъ до неузнаваемости. Нѣкоторые полагають, что достигнуть цѣли жизни въ истинномъ значеніи этого слова возможно только для лицъ, носящихъ духовный санъ и, притомъ, отрѣкшихся отъ міра сего, злаго и развращеннаго, т. е., лицъ, принадлежащихъ къ такъ называемому черному духовенству, однимъ словомъ, монаховъ, которые, при вступленіи своемъ въ званіе иноческое, даютъ въ числѣ прочихъ обѣтовъ еще обѣтъ „не любви къ міру, ни къ тому, что въ мірѣ“, по заповѣди св. Апостола Іоанна Богослова (1 Іоан. II, 15). Только, говорятъ, при полномъ отрѣшеніи и внѣшней разобщенности съ міромъ возможно быть благочестивымъ человѣкомъ и, слѣдовательно, достигнуть цѣли жизни. Живя же въ мірѣ, этого невозможно будто бы получить. Куда уже намъ, грѣшнымъ, равняться въ этомъ случаѣ съ праведными людьми, достигшими совершенства? Такъ разсуждаютъ многіе современные люди. Но какъ оказывается недалеко и шатокъ взглядъ такихъ людей, къ сожалѣнію, воспитанныхъ въ христіанствѣ и руководящихся отчасти христіанскими добродѣтелями, заповѣданными Христомъ Спасителемъ нашимъ для исполненія въ жизни! Сознають ли они, что заповѣдь о нелюбви къ міру обязательна не только для монаховъ, отрѣкшихся отъ міра, но и для людей, еще живущихъ въ немъ? Повидимому, нѣтъ. Отрѣшеніе отъ міра и разобщенность съ нимъ они понимаютъ слишкомъ узко и односторонне, только съ внѣшней стороны, т. е., въ смыслѣ удаленія тѣломъ своимъ въ ограду монастырскую, а не съ внутренней или въ смыслѣ дѣйствительнаго не приобщенія душой своей къ благамъ міра. Правда, въ мірѣ семъ иногда бываетъ гораздо труднѣе достигнуть спасенія вѣчнаго, чѣмъ внѣ

его; но вѣдь это не для всѣхъ людей бываетъ такъ. Для однихъ труднѣе, а для другихъ легче. Это зависитъ, конечно, отъ многихъ причинъ и отъ многихъ условій жизни. Затѣмъ, что касается того, что мы не можемъ уподобиться сейчасъ въ своей жизни великимъ праведникамъ и подвижникамъ благочестія, то эта самая невозможность не должна, конечно, отталкивать насъ отъ нея все далѣе и далѣе, не должна располагать насъ къ тому, чтобы мы не пытались сдѣлать ни одного шага по этому пути. Нѣтъ! Слово Божіе говоритъ намъ въ этомъ случаѣ какъ разъ наоборотъ тому, что мы слышимъ изъ устъ современныхъ людей. Самъ Христосъ высказалъ, какъ извѣстно, слѣдующія слова: *будите вы совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѣ. V, 48), хотя никто изъ насъ, ни прежде, ни послѣ не достигъ и не достигнетъ этого совершенства въ полной мѣрѣ и степени. А св. Апостолъ Павелъ высказалъ однажды такую просьбу Коринѣскимъ христіанамъ: *подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу*“ (1 Кор. IV, 16). И такъ, что бы ни говорили люди по поводу трудности и даже невозможности достигнуть цѣли жизни во всѣхъ званіяхъ человѣческихъ, всѣ эти разсужденія ихъ будутъ означать не что иное, какъ только собственную неохоту и нежеланіе идти этимъ, указаннымъ Апостоломъ для всѣхъ людей, единственнымъ и прямымъ путемъ благочестія, которое, по его словамъ, „на все полезно есть и имѣетъ обѣтованіе жизни настоящей и будущей“. А если такъ, то значить сюда должны быть включены не только званіе духовное, къ которому должны быть отнесены лица чернаго и бѣлаго духовенства, но и всѣ остальные званія свѣтскія, существующія у людей на землѣ, какъ-то: званіе военное, званіе гражданское, званіе купеческое, званіе крестьянское и т. п. Нужно-ли говорить здѣсь о томъ, что изъ всѣхъ этихъ званій есть люди, благополучно достигшіе вышеуказанной цѣли жизни? Многочисленный сонмъ святыхъ, празднуемыхъ нашею Православною Церковію, — святыхъ, которые принадлежали къ разнымъ званіямъ и состояніямъ въ обществѣ, когда жили здѣсь — на землѣ, довольно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ упомянутомъ фактѣ...

Изъ сказаннаго нами видно, что благочестіе является однимъ изъ первыхъ и главныхъ средствъ къ достиженію истинной цѣли человѣческой жизни. Но это средство есть также общее и сложное средство: оно, какъ мы замѣтили въ началѣ бесѣды, состоитъ изъ трехъ частей: вѣры, надежды и любви. Теперь нужно намъ показать, когда, гдѣ и какъ именно должны примѣнять мы указанные частныя и единичныя средства, входящія въ составъ этого общаго и сложнаго, именнаго благочестіемъ. Во второмъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія о цѣли человѣческой жизни мы, между прочимъ, указали, что эта послѣдняя будетъ состоять въ самомъ тѣсномъ и пренскреннемъ, какое только возможно представить себѣ сейчасъ, общеніи праведниковъ съ Господомъ. Но какъ возможно достигнуть этого блаженнаго состоянія людямъ въ будущей жизни? Не иначе, какъ только стараясь мало по малу расположить свою жизнь въ здѣшней жизни такимъ образомъ, чтобы она соединяла, а не разъединяла ихъ съ Господомъ. Какія же, спросимъ, средства существуютъ у насъ теперь для того, чтобы мы могли имѣть болѣе или менѣе подобное состояніе? Средства эти, вѣроятно, всѣмъ извѣстны; ихъ знаетъ каждый изъ насъ еще съ малолѣтства. Они состоятъ въ моливіѣ, чтеніи слова Божія и причащеніи Св. Таинъ. Въ нихъ-то обыкновенно мы и видимъ проявленіе вышеуказанныхъ трехъ добродѣтелей христіанскихъ: вѣры, надежды и любви. Вотъ чрезъ что главнымъ образомъ мы удостоиваемся еще въ этой земной жизни внутренняго, сердечнаго общенія съ Богомъ! Такимъ-же именно путемъ, т. е., если будемъ всегда разумно и достойно пользоваться этими, дарованными намъ Самимъ Богомъ и содержащимися въ Его св. Церкви, средствами, мы можемъ незамѣтно приготовить себя и къ будущему блаженному состоянію нашему на небесахъ, обѣщанному всѣмъ праведникамъ въ словѣ Божіемъ. Не останавливаясь здѣсь подробно на этихъ средствахъ, замѣтимъ только то, что всѣ они могутъ привести къ достиженію указанной цѣли при одномъ условіи, именно: если мы будемъ находиться всегда въ союзѣ съ нашею Матерію — святою Православною Церковію.

Далѣе, цѣль человѣческой жизни, какъ мы сказали ранѣе, будетъ состоять въ блаженствѣ праведниковъ, какое произойдетъ по случаю общенія ихъ съ Ангелами, живущими на небесахъ. Намъ извѣстно, кто такое Ангелы Божіи по природѣ своей. Это — безплотные духи, окружающіе престолъ Божій и созерцающіе славу Его день и ночь. Поэтому и намъ земнороднымъ, одареннымъ тѣмъ же безсмертнымъ духомъ и „не много униженнымъ, — по словамъ Апостола, — предъ Ангелами“ (Евр. II, 7), но пребывающимъ въ настоящее время въ тѣлѣ, для того, чтобы имѣть общеніе съ ними въ этой еще жизни, общеніе сначала неполное и частное, потомъ же, послѣ смерти своей, сподобиться общенія полнаго и всецѣлаго, нужно какъ можно чаще отрѣшаться отъ своего, растлѣннаго грѣхами, тѣла, мѣшающаго намъ возноситься горѣ и пребывать духомъ своимъ на небѣ въ царствѣ безплотныхъ силъ Божіихъ, а также затемняющаго въ насъ образъ Божій, по которому мы сотворены для вѣчной жизни на небѣ. *Горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. III, 2): — такъ совѣтуетъ въ этомъ случаѣ намъ, странникамъ земли, св. Апостолъ Павелъ! Но какъ мы будемъ „помышлять о горнемъ“, какъ мы будемъ постоянно возноситься умомъ и сердцемъ своимъ къ Богу и святымъ Его Ангеламъ, когда наши тѣла, какъ все равно какія-нибудь желѣзныя путы, притягиваютъ насъ къ землѣ и препятствуютъ исполненію нашего желанія? Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ другую заповѣдь того же Апостола: „умертвите земные члены ваши: блудъ, нечистоту, страсть, злую похоть и любостыжаніе, которое есть идолопоклонство“ (Кол. III, 5); „плоть распните со страстями и похотями“ (Гал. V, 24); вообще, въ заботѣ о „вашемъ смертномъ тѣлѣ“ не доходите до того „чтобы вамъ повиноваться ему въ похотяхъ его“ (Римл. VI, 12). Тогда вашъ духъ, не стѣсняемый никакими узами, легко освободится отъ всѣхъ пристрастій земныхъ, нечистыхъ и грѣховныхъ, тогда онъ, подобно орлу могучему, быстро воспаритъ къ небесамъ и тамъ, на своей родинѣ, будетъ пребывать и отдыхать въ сообществѣ Ангеловъ и всѣхъ святыхъ. Смотри на Ангеловъ, какъ на духовъ безплотныхъ и почитая ихъ, какъ „существа совершеннѣйшія насъ и по природѣ и по нрав-

ственнымъ совершенствамъ, какъ вѣрныхъ слугъ Вседержителя, поставленныхъ къ Нему въ особенной близости“, мы должны въ то же время „призывать ихъ въ своихъ молитвахъ, какъ нашихъ хранителей и благодѣтелей, какъ нашихъ предстателей предъ Богомъ и благодарить за всѣ ихъ попеченія о насъ“. Мы должны также „подражать ангеламъ въ святости, какъ нашимъ старшимъ братьямъ, и заботиться о томъ, чтобы и на землѣ исполнялась воля Отца нашего небеснаго, какъ она исполняется на небеси... Такое отношеніе наше къ духамъ безплотнымъ, безъ сомнѣнія, будетъ угодно и имъ самимъ, и общему нашему Владыкѣ и Отцу“¹⁾. Такое же отношеніе приведетъ насъ и къ взаимному общенію съ ними на небесахъ въ будущей жизни.

Цѣль человѣческой жизни, состоя въ блаженномъ общеніи праведниковъ съ Богомъ и Ангелами, будетъ состоять также, какъ извѣстно, въ тѣсномъ общеніи ихъ и между собою. Какое-же средство существуетъ для этого общенія еще здѣсь — на землѣ? Одно, именно: *любовь*. „Заповѣдь новую дамъ вамъ, — сказалъ Христосъ Спаситель Своимъ ученикамъ, а въ лицѣ ихъ, конечно, и всѣмъ намъ — христіанамъ, — да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга“ (Іоан. XIII, 34). Эта, заповѣданная Христомъ, любовь къ ближнему составляетъ сущность собственно не одной заповѣди Его, а цѣлыхъ шести заповѣдей Божіихъ, существовавшихъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ. Въ Новомъ же Завѣтѣ она нѣсколько болѣе расширена и увеличена въ своемъ объемѣ. Такъ, напр., въ составъ ея входитъ какъ извѣстно, не только любовь къ людямъ, близкимъ къ намъ по какому-либо естественному сродству или чувству сердечнаго расположенія, но и ко всѣмъ людямъ вообще, не ограничиваясь ихъ вѣроисповѣданіемъ, званіемъ или состояніемъ въ обществѣ, къ людямъ даже враждебно относящимся къ намъ и строящимъ противъ насъ какія-либо козни или злыя намѣренія. Христосъ Спаситель заповѣдалъ намъ не

только любить любящихъ и расположенныхъ къ намъ такъ или иначе, но и любить враговъ нашихъ и добро творить ненавидящимъ насъ (Матѣ. V, 44). Въ этомъ заключается высота христіанской любви и превосходство ея предъ всѣми другими видами любви, существующей или когда-либо существовавшей въ мірѣ. Ближній нашъ, по христіанскому понятію, это — всякій человѣкъ кто бы онъ ни былъ (Лук. X, 30—37). И вотъ, если всѣхъ безъ исключенія людей на свѣтѣ мы будемъ любить именно христіанскою любовію, выражающеюся не на словахъ только, а и на дѣлѣ (1 Іоан. III, 18), т. е., если будемъ не только „никому не воздавать зломъ за зло“, а, наоборотъ, „печься о добромъ предъ всѣми человѣками“ (Римл. XII, 17); если „будемъ другъ ко другу добры, сострадательны“ (Ефес. IV, 32), „снисходя другъ другу и прощая взаимно, если кто на кого имѣетъ жалобу“ (Кол. III, 13): тогда мы этимъ самымъ поведеніемъ своимъ незамѣтно будемъ готовить себѣ возможность вѣчнаго свиданія съ ними въ будущей жизни. По словамъ св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, только тотъ позналъ Бога и, слѣдовательно, достоинъ общенія съ Нимъ, кто любитъ ближняго своего. А кто не любитъ брата своего, тотъ и не позналъ Бога (1 Іоан. IV, 7—8). Съ другой стороны, не любящій брата своего истинно-христіанскою любовію, заповѣданною Христомъ Спасителемъ нашимъ (1 Іоан. III, 11), пребываетъ виѣ Бога (1 Іоан. III, 10), пребываетъ во тьмѣ (1 Іоан. II, 11), въ смерти (1 Іоан. III, 14). Такой человѣкъ, т. е., не любящій, а ненавидящій брата своего есть, по словамъ того же Апостола, *человѣкоубійца*, слѣдовательно, не имѣющій наследовать жизнь вѣчную, въ немъ пребывающую (1 Іоан. III, 15), тѣмъ болѣе, конечно, надежду когда-либо увидѣться съ этимъ человѣкомъ; потому что, скажемъ словами другого Апостола — Павла, „какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? Что общаго у свѣта со тьмою“ (2 Кор. VI, 14)? Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, любовь къ ближнему служитъ связующимъ звеномъ между людьми еще здѣсь — на землѣ. Черезъ эту любовь именно становятся близки и дороги всѣ люди, какъ бы далеко они ни различались между собою въ какомъ-либо отношеніи. Она же, эта любовь,

¹⁾ Собраніе словъ и рѣчей Макарія, архіепископа Литовскаго и Виленскаго (впоследствии митрополита Московскаго). С-Петербургъ. 1869 г. Стр. 280—281.

безъ сомнѣнія, приведетъ ихъ въ тѣсное общеніе между собою и въ царствѣ славы Божіей на небѣ. И, наоборотъ, какъ здѣсь еще на землѣ ненависть и всякаго рода нерасположеніе къ ближнимъ нашимъ нерѣдко разъединяетъ насъ внутренне и внѣшне на слишкомъ далекое пространство и не представляеть иногда ничего общаго между нами: такъ точно и въ будущей жизни, вслѣдствіе того же чувства нерасположенія, вражды и ненависти къ людямъ, мы будемъ далеки отъ нихъ, хотя бы съ нѣкоторыми изъ нихъ и соединяли насъ тѣсныя узы естественнаго родства или дружбы. Вслѣдствіе непріязненнаго чувства люди становятся словно чужіе, а не братья другъ другу. Хуже того, они становятся тогда дикими звѣрями, нападающими и рвущими другъ у друга добычу. Св. Апостолъ Павелъ, заповѣдуя галатамъ „любовію служить другъ другу“, предостерегаетъ ихъ далѣе въ слѣдующихъ словахъ: „если же другъ друга угрызаете и съѣдаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены другъ другомъ“ (Гал. V, 13, 15). Какъ-же въ такомъ случаѣ всѣ такіе люди могутъ надѣяться на взаимное общеніе въ будущей жизни, изъ которой, какъ извѣстно, будетъ изгнано всякое чувство злобы и ненависти?..

Въ блаженствѣ праведниковъ на небѣ будетъ принимать, какъ мы сказали, видное и дѣятельное участіе духовная сторуна ихъ природы, т. е., три главныя способности или силы нашей души: умъ, сердце и воля. Что-же, спросимъ здѣсь, нужно для того, чтобы всѣ эти способности получили тамъ надлежащее развитіе? Что нужно, прежде всего, для того, чтобы умъ нашъ зрѣлъ Бога въ будущей жизни и познавалъ Его въ совершеннѣйшей степени? Для этого нужно, чтобы онъ еще здѣсь—на землѣ мало-по-малу привыкалъ къ этому рода дѣятельности на небѣ, чтобъ онъ всегда стремился и былъ расположенъ какъ можно чаще углубляться и сосредоточиваться въ самого себя и подробно разсматривать, съ какою цѣлію онъ созданъ и что ожидаетъ его въ будущемъ. Какъ сотворенный Богомъ, онъ никогда не долженъ забывать своего прототипа для того, чтобы, приближаясь къ нему все болѣе и болѣе въ этой жизни, уподобиться нѣкогда Первому, несотворенному и пребывающему во вѣки. Въ такомъ

направленіи онъ долженъ постоянно развивать себя и усовершенствовать при всѣхъ, дарованныхъ ему свыше, средствахъ, какъ естественныхъ, такъ и сверхестественныхъ. Какія-же это средства, при помощи которыхъ мы просвѣщаемъ свой умъ съ этою именно цѣлію? Ихъ отчасти я коснулся уже во второй части своего изложенія о цѣли человѣческой жизни, когда говорилъ, что мы принуждены изучать теперь богословіе по многимъ и различнымъ книгамъ, не такъ, какъ въ будущей жизни, въ которой мы будемъ постигать Бога непосредственно отъ ближайшаго созерцанія Его лицомъ къ лицу и внутренняго соприкосновенія съ Нимъ духомъ. „Будущая жизнь,— по словамъ о. Іоанна Кронштадскаго,— совершенная чистота постепенно очищаемаго нынѣ сердца, которое чаще всего закрыто, омрачено грѣхомъ и дьявольскимъ дыханіемъ, а иногда—по дѣйствию благодати Божіей— проясняется и зрѣтъ Бога, соединяясь съ Нимъ преискренне, въ молитвѣ и таинствѣ Причащенія“¹⁾. Итакъ мы видимъ, что жизнь и дѣятельность ума человѣческаго въ указанномъ направленіи развитія и усовершенствованія его вообще и въ богословіи, т. е., въ высшемъ, теоретическомъ и практическомъ, усвоеніи истинъ православной вѣры въ частности, должны идти постоянно вмѣстѣ и, такъ сказать, рука объ руку съ сердцемъ, — этою второю главнѣйшею способностію нашей души.

Съ своей стороны сердце должно быть все время настроено такъ, чтобы оно держалось горѣ, а не низу; чтобы оно находило удовольствіе не въ здѣшнихъ благахъ земли, скоропреходящихъ и гибнущихъ, а въ тамошнихъ, неизмѣняемыхъ и вѣчныхъ, благахъ неба; словомъ, чтобъ оно всецѣло вмѣщало въ себя и любило болѣе всего Бога: ибо, по слову Писанія, „гдѣ сокровище наше, тамъ и сердце наше будетъ“ (Матѣ. VI, 21). Ясно, что для такого образа мыслей и чувствъ нуженъ навыкъ, постоянство, твердость характера. А все это пріобрѣтается, какъ извѣстно, чрезъ третью способность души человѣческой—волю, которая справедливо является въ

¹⁾ „Моя жизнь во Христѣ“. Извлеченіе изъ дневника о. Іоанна И. Сергіева. Т. I. Изд. 3-ье. М. 1892 г., стр. 69.

этомъ случаѣ рычагомъ или силой, приводящей въ движеніе остальные двѣ. Закалить въ чемъ-нибудь волю, это считается добродѣтелью и у современныхъ людей, повидимому, руководящихся въ жизни своей христіанскимъ началомъ свободы и непринужденности относительно исполненія закона Божія, на самомъ же дѣлѣ языческимъ началомъ своеволія, распушенности и попранія этого закона. Все различіе происходитъ здѣсь именно въ выборѣ предмета къ стремленію и достиженію его нашей волею. Если эта послѣдняя будетъ направляться нами туда, куда ей повелѣваютъ здравый умъ и чистое сердце, а не въ обратную сторону, т. е., если мы будемъ постигать, что есть воля Божія, а не воля человѣческая или дѣвольская, то мы незамѣтно можемъ приготовить себя къ будущему вѣчно-блаженному состоянію на небѣ. Намъ извѣстно, въ чемъ состоитъ воля Божія, благая и совершенная. Она состоитъ вообще въ исполненіи Его заповѣдей, которыя, по словамъ св. Іоанна Богослова, для любящихъ Бога и старающихся жить похристіански, не тяжки (1 Іоан. V, 3). Болѣе подробное и точное изображеніе этой воли мы имѣемъ въ евангельскихъ блаженствахъ, изреченныхъ Самимъ Христомъ Спасителемъ нашимъ въ нагорной бесѣдѣ съ учениками и народомъ, — евангельскихъ блаженствъ, которыя въ разбираемомъ нами случаѣ служатъ дѣйствительными и вѣрными средствами на пути къ вѣчному блаженству. Тамъ Христосъ говорилъ, между прочимъ, что „блаженны“ въ Его очахъ „нищіе духомъ; ибо ихъ есть царство небесное. Блаженны плачущіе; ибо они утѣшатся. Блаженны кроткіе; ибо они наслѣдуютъ землю. Блаженны алчущіе и жаждущіе правды; ибо они насытятся. Блаженны милостивые; ибо они помилованы будутъ. Блаженны чистые сердцемъ; ибо они Бога узрятъ. Блаженны миротворцы; ибо они будутъ наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду; ибо ихъ есть царство небесное. Блаженны всѣ, которые будутъ поносимы и гонимы, и всячески неправедно злословимы за имя Божіе“ (Матѣ. V, 3 — 11). Вотъ первые и послѣдніе шаги дѣятельности для нашего ума и сердца и воли! Вотъ путь единственно прямой и вѣрный, который можетъ привести всѣхъ, идущихъ по нему, къ желанной цѣли!

Другого, кромѣ этого, указаннаго нами, пути нѣтъ и не можетъ быть въ христіанствѣ. Хотя этотъ путь, по истинѣ, тѣсный и скорбный, но, съ другой стороны, онъ представляется для насъ слишкомъ вождѣльнымъ и спасительнымъ по тому призыву, который мы слышимъ изъ устъ Божественнаго нашего Учителя: „пріидите ко Мнѣ,—такъ вѣщаетъ Онъ въ своемъ святомъ Евангеліи, — всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго мое благо, и бремя Мое легко“ (Матѣ. XI, 28—30).

Послѣ указанія на три способности нашей души, какъ средства на пути къ достиженію истинной цѣли человѣческой жизни, намъ нужно обратить вниманіе на другую сторону нашей природы, именно: *тѣлесную*, которая, какъ мы сказали въ своемъ мѣстѣ, будетъ принимать участіе наравнѣ съ духовной. Если наше тѣло, которое въ настоящее время служитъ внѣшней оболочкой души, погибнетъ послѣ смерти своей не на всегда, а только на болѣе или менѣе продолжительное время; если оно будетъ въ свое время преобразовано сообразно славному тѣлу Христову и опять соединится съ той душой, которую носило нѣкогда на землѣ; то ясно, каково должно быть отношеніе наше къ нему въ настоящей жизни и какъ мы должны смотрѣть на него. Мы должны смотрѣть на него именно какъ на послушное орудіе въ рукахъ духа,—этого могущественнаго и сильнаго фактора всей человѣческой жизни и дѣятельности, — духа живаго, личнаго и безсмертнаго, какимъ онъ представляется по изображенію слова Божія. Въ послѣднемъ мы находимъ также изреченія и правила относительно того превосходства или преимущества духа предъ плотію, которое должно служить отличительнымъ признакамъ всякаго христіанина. „Духъ животворитъ; плоть не пользуется нимало“ (Іоан. VI, 63), — сказалъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ бесѣдѣ съ учениками Своими. А св. Апостолъ Павелъ такъ писалъ въ посланіи къ галатійскимъ христіанамъ: „если мы живемъ по духу, то по духу и поступать должны... Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вождѣлнй плоти. Ибо плоть желаетъ про-

тивнаго духу, а духъ противнаго плоти. Они другъ другу противятся, такъ что вы не то дѣлаете, что хотѣли бы“ (Гал. V, 25, 16—17). Довольно и этихъ изреченій, находимыхъ нами въ словѣ Божиемъ, для того, чтобы установить правильныя и вѣрныя отношенія христіанъ между этими двумя сторонами ихъ природы, въ какой предназначилъ ихъ Творецъ жить на землѣ. Понятно, что, живя здѣсь въ тѣлѣ, мы не должны ни въ какомъ случаѣ пренебрегать настоящимъ его положеніемъ, а должны всячески стараться о томъ, чтобы и оно удостоилось нѣкогда той славы, которая обѣщана ему Христомъ Спасителемъ въ будущей жизни по воскресеніи мертвыхъ и обновленіи всей видимой природы. А для этого нужно, чтобы тѣло наше неуклонно стремилось къ выполненію возложенной на него зачачи — служить послушнымъ орудіемъ духа; чтобы оно содѣйствовало его благосостоянію въ этой жизни, а не разрушало его всѣми мѣрами и способами, находящимися въ его власти...

Наконецъ, при рѣшеніи вопроса о средствахъ на пути къ достиженію цѣли жизни, намъ нужно остановиться еще на мысли о *вѣчности* будущаго блаженства праведниковъ. Эта мысль должна служить, по нашему мнѣнію, сильнѣйшимъ побужденіемъ къ тому, чтобы христіане, при достиженіи вышеуказанной цѣли, не останавливались на полпути, прельщаясь разными соблазнительными картинами, которыя выставляетъ имъ на видъ здѣшній міръ, по словамъ Апостола, „весь во злѣ лежащій“ (1 Иоан. V, 19). Какъ бы ни были заманчивы и привлекательны всѣ эти картины для тѣлеснаго взора христіанина, онъ долженъ всегда помнить и никогда не упускать изъ виду того обстоятельства, что все это временно, скоропреходяще; что всѣ блага земныя тлѣнны, непрочны и ненадежны даже при полномъ обладаніи ими человекомъ, не говоря уже о томъ, что не каждый изъ насъ можетъ пользоваться ими въ настоящей жизни; что самъ человекъ не постоянный и вѣчный жилецъ на этомъ свѣтѣ. „Дни человека, — по прекрасному изображенію слова Божія, — какъ трава; какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ цвѣтеть. Пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и нѣтъ его, и мѣсто его уже не узнаетъ его“ (Пс. СІІ, 15—16). Одна только „милость Гос-

подня пребываетъ во вѣки“ (ст. 17), милость какъ по отношенію ко всѣмъ тварямъ земнымъ, такъ въ особенности по отношенію къ человѣку, предназначивъ ему вѣчное отечество на небѣ, „гдѣ Христосъ сидитъ одесную Бога“ (Кол. III, 1). Какъ это должно сильно располагать каждаго человека — христіанина къ тому, чтобы онъ ревностно изо всѣхъ силъ стремился все ближе и ближе къ указанной нами цѣли, „задняя забывая — по слову Апостола Павла, — и простираясь вперед“ (Фил. III, 13): „ибо, по словамъ того же Апостола, — кратковременное легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу, когда мы смотримъ не на видимое, но на невидимое; ибо невидимое временно, а невидимое вѣчно“ (2 Кор. IV, 17—18)! „Сладости земныя, — замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ о. Іоаннъ Кронштадскій, — всѣ преходящи и сами по себѣ и по превратности жизни человѣческой. А сладость небеснаго блаженства не будетъ имѣть конца, безконечна. Не стоитъ-ли презрѣть всѣ сладости этого временнаго міра и еще болѣе скоропреходящей жизни, чтобы всѣмъ сердцемъ возлюбить сладости духовныя, непремѣнныя?...“¹⁾

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, „христіанство съ цѣлю усилить стремленіе къ благочестію“, которое по словамъ Апостола, *на все полезно есть, имѣя обитованіе жизни настоящей и будущей*, „приняло во вниманіе всѣ принципы, которые дѣйствуютъ могущественно на человѣческую природу. Такъ оно ссылается на любовь къ Богу, ко Христу, на принципъ милосердія въ человекѣ, на его любовь къ себѣ, на чувство нравственной красоты, чувство истины, любовь къ справедливости, способность цѣнить честное, его чувство самоуваженія, заботу о своемъ добромъ имени и проч. Апостолъ Павелъ такъ указываетъ на семь принциповъ, побуждающихъ человека къ благочестію: „наконецъ, братія мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала, о томъ помышляйте“ (Фил. IV, 8). Всѣ эти принципы глубоко коренятся въ человѣческой природѣ; вмѣсто от-

¹⁾ „Моя жизнь во Христѣ“. Т. I. Стр. 232.

рицанія ихъ, какъ дурныхъ или безславныхъ, христіанство указываетъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ свое законное мѣсто въ нравственной природѣ человѣка¹⁾. Вотъ, если всѣ эти, вышеуказанные нами, принципы, содержащіе въ себѣ религиозно-христіанскія обязанности наши къ Богу, Ангеламъ, ближнимъ, живущимъ на землѣ, и наконецъ, къ самому себѣ человѣкъ ревностно и постоянно будетъ выполнять въ своей жизни: тогда онъ будетъ, по-истинѣ, *благочестивымъ* во всѣхъ отношеніяхъ. Тогда его благочестіе, — по словамъ Апостола Іакова, — будетъ не „пустое“ или тщеславное предъ людьми, а „чистое и непорочное предъ Богомъ и Отцемъ“ (Іак. I, 26—27). Противъ этого намъ могутъ, пожалуй, выставить слѣдующее мнѣніе: „будто христіанство такъ много обращаетъ вниманіе на будущій міръ, что заставляетъ насъ забывать о настоящемъ“. Но „такое мнѣніе есть очевидное извращеніе христіанства. Совершенно вѣрно, что, по ученію христіанства, интересы нашего здѣшняго земнаго міра не важны въ сравненіи съ будущими. Но оно утверждаетъ также, что достиженіе будущаго блаженства возможно только вслѣдствіе добросовѣстнаго исполненія всѣхъ обязанностей въ нашей настоящей жизни. Такимъ образомъ христіанство не только не оставляетъ безъ вниманія нашихъ настоящихъ обязанностей, но и въ высокой степени освящаетъ добросовѣстное исполненіе ихъ. Настоящій міръ есть Божій міръ; христіанинъ съ любовью долженъ исполнять возложенныя на него обязанности ради Господа, а не ради человѣка, ибо всѣ должны прославлять Бога въ тѣлахъ своихъ и душахъ, которыя суть Божіи“...²⁾. Аминь

¹⁾ Очевидныя истины христіанства въ ихъ отношеніи къ современной мысли. Аполлетическія лекціи Роу, читанныя въ Оксфордскомъ Университетѣ. Переводъ съ англійскаго, священника М. Ойвейскаго. М. 1892 г., стр. 69.

²⁾ Тамъ же Стр. 79.

ТРИ БЕСѢДЫ

(виѣбогослужебныя).

О христіанскомъ взглядѣ на природу и на самихъ себя въ дѣлѣ веденія нами сельскаго хозяйства.

I.

Предметомъ нашихъ бесѣдъ, благочестивые слушатели, будетъ ученіе Христа Спасителя о христіанскомъ взглядѣ на природу и на самихъ себя въ дѣлѣ веденія нами сельскаго хозяйства. Ученикамъ Своимъ, святымъ Апостоламъ, Христосъ Спаситель говорилъ: *вамъ есть дано вѣдати тайны царствія Божія: онѣмъ же вѣдѣнимъ въ притчахъ вся бывають* (Марк. IV, 11). Подъ этими *вѣдѣнимъ* нужно разумѣть именно тѣхъ, которые „стояли внѣ небольшого круга ближайшихъ учениковъ Христовыхъ, т. е., весь простой народъ, непосвященный въ тайны царствія Божія“¹⁾. Вотъ имъ-то и не дано было знать тайны царствія Божія такъ же, какъ Апостоламъ, которымъ Христосъ Спаситель *наединѣ изъяснялъ все*, относящееся къ этому царствію (Марк. IV, 34), а только *въ притчахъ*, т. е., прикровеннымъ образомъ. Почему же, спросимъ? Потому, что „они были не способны еще понимать ученіе о тайнахъ царствія въ его чистомъ, болѣе возвышенномъ и духовномъ видѣ, безъ покрова доступнаго имъ вѣшняго образа“. Ученикамъ же говорилъ Онъ прямо потому, что „они, обращаясь постоянно съ Учителемъ, были уже способнѣе понимать тайны царствія Божія, чѣмъ простой народъ; имъ уже дано было знать тайны этого царствія. Съ другой стороны, ученики скоро должны были сами сдѣлаться учителями вселенной, и ихъ нужно было особенно приготовить къ этому особенному служенію; и Господь приготовлялъ

¹⁾ Толковое Евангеліе отъ Марка и Луки, архимандрита (впослѣдствіи епископа) Миханла. Москва 1871 г., стр. 48.

ихъ къ тому, объясняя имъ наединѣ болѣе, чѣмъ что говорилъ народу, разоблачая изъ-подъ внѣшняго покрыва притчи духовный смыслъ тайнъ царствія Божія¹⁾. Нѣкоторые изъ насъ, можетъ быть, при этомъ скажутъ: неужели и мы поддаемъ въ этомъ отношеніи, т. е., въ отношеніи пониманія умомъ и усвоенія сердцемъ царствія Божія, подъ категорію тѣхъ простыхъ лицъ, которымъ Христосъ Спаситель предлагалъ Свое ученіе подъ видомъ притчи? Да, если мы еще не настолькоъ возвысились въ этомъ пониманіи и усвоеніи, чтобы можно было намъ обойтись безъ указаннаго способа! Правда, и изъ числа остальныхъ людей, кромѣ упомянутаго нами тѣснаго кружка учениковъ Христовыхъ, находились лица, которыя достойны и способны были *видать тайны царствія Божія прямо*, безъ всякаго внѣшняго или видимаго образа; но много ли было и есть такихъ людей въ сравненіи съ количествомъ всѣхъ людей на свѣтѣ? Не больше ли именно такихъ, которые „своими глазами смотрять, и не видять, своими ушами слышать, и не разумѣють“ (Марк. IV, 12)? Итакъ, въ смиренномъ сознаніи своего недостойнства, пусть каждый изъ насъ, кто бы онъ ни былъ, не отказывается отъ предлагаемаго ему способа постиженія царствія Божія. „Господь, — по словамъ св. Іоанна Златоуста, — говоритъ притчами для того, чтобы сдѣлать слово свое болѣе выразительнымъ, глубже напечатлѣть его въ памяти и самыя дѣла представить глазамъ“. Въ этомъ отношеніи притчи Господа отличаются необыкновенною простотою, ясностію и удобопонятностію. Сохраненіе ихъ, заимствованное отъ предметовъ, занятій и обстоятельствъ обыденной жизни, дѣлаетъ ихъ понятными для всего міра. Изложеніе же ихъ, необыкновенно простое и наглядное, дѣлаетъ ихъ доступными и понятными даже для дѣтей и привлекательными для людей всякаго возраста, званія и состоянія. „Сущность притчи, — говоритъ Дидонъ въ своей книгѣ: „Иисусъ Христосъ“, — заключается именно въ сравненіи, имѣющемъ цѣлю облегчить пониманіе предметовъ невидимыхъ, невещественныхъ, такихъ, которые неудобно высказать или трудно понять, — сравнивая ихъ съ предметами чув-

1) Тамъ же, стр. 56.

ственными, вещественными, легко ощущаемыми...“¹⁾. „Большая часть притчей Христа Спасителя, — по словамъ того же автора, — вѣзалась въ память народа; онѣ осуществляютъ собою прекрасное во всей его полнотѣ, чедовѣчество ихъ знаетъ и наслаждается ими; ребенокъ ихъ разбираетъ по складамъ, взрослый въ нихъ вдумывается; невѣжда понимаетъ ихъ, глубокомыслящій чедовѣкъ находитъ въ нихъ безконечный свѣтъ. Избирая форму притчъ — этотъ родъ народнаго ученія, Иисусъ придавалъ ему простоту, истинность, умѣренность и прелесть, какихъ до Него не знали, и поступилъ соответственно закону чедовѣческаго разума, всего болѣе соответствующему, какъ природѣ Учителя, такъ и учениковъ Его. Вотъ одна изъ причинъ вѣчной свѣжести евангельскихъ притчъ!..“²⁾ Кромѣ притчей, Христосъ любилъ употреблять въ бесѣдахъ съ Своими слушателями разныя другія изреченія изъ той же преимущественно области видимой природы, окружающей Его на каждомъ шагѣ. Остановимся же нѣсколько на этихъ притчахъ и изреченіяхъ и покажемъ здѣсь прежде всего истинный взглядъ нашъ на природу, а затѣмъ и на самихъ себя въ дѣлѣ веденія нами сельскаго хозяйства.

Изъ всѣхъ видовъ сельскаго хозяйства *земледѣліе*, безъ сомнѣнія, считается однимъ изъ самыхъ первыхъ и важныхъ. „Земледѣліе, — говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, — есть самое необходимое искусство; ему научилъ чедовѣка Самъ Богъ, когда создалъ его“. Съ него мы и начнемъ свою рѣчь.

Прежде всего, какъ извѣстно, избираютъ для земледѣлія удобное мѣсто, гдѣ бы можно было потомъ съ успѣхомъ приложить чедовѣку свои труды. Мѣсто это, гдѣ происходитъ земледѣліе, носить въ житейскомъ быту названіе *поля*, которое очень часто упоминается въ Евангеліи. Въ этомъ послѣднемъ подъ нимъ разумѣется въ обыкновенномъ смыслѣ то мѣсто, на которомъ растутъ разныя сѣмена, какъ хорошія, такъ и худыя (Матѣ. XIII, 24, 27, 30, 31 и др.). Въ иносказательномъ же смыслѣ, какъ это видно, напримѣръ, изъ притчи о пшеницѣ и плевелахъ, Христосъ Спаситель разумѣлъ подъ полемъ весь

1) „Иисусъ Христосъ“, сочин. Дидона, перев. съ француз. т. II, стр. 129.

2) Тамъ же, стр. 129—130.

міръ, населенный людьми (Матѣ. XIII, 38), а также въ отдѣльности и душу каждаго человѣка — этотъ своего рода малый міръ, живущій одинокою или общественною жизнію. Сравненіе всѣхъ людей вообще и каждаго человѣка въ отдѣльности съ полемъ, на которомъ обыкновенно происходитъ земледѣліе, какъ нельзя болѣе идетъ въ данномъ случаѣ: потому что, какъ естественное поле должно давать тѣ или другіе плоды, смотря, конечно, по роду сѣмянъ, засѣваемыхъ на немъ, такъ и благодатное поле, т. е., души всѣхъ людей, должно приносить подобные же плоды, соотвѣтственно избранной имъ дѣятельности, ведущей къ единой и главной цѣли — царствію Божію. По крайней мѣрѣ, оно должно всегда напоминать имъ объ этомъ и должно быть для нихъ такъ же дорого, какъ то приточное поле, на которомъ одинъ человѣкъ скрылъ свое сокровище, уподобленное Христомъ Спасителемъ царствію небесному, „которое (сокровище), найдя, человѣкъ утаилъ и отъ радости о немъ идетъ, и продаетъ все, что имѣетъ, и покупаетъ поле то“ (Матѣ. XIII, 44). „Дабы обладать Богомъ, — говоритъ Дидонъ, — человѣкъ долженъ отречься отъ всего. Только полнымъ самоотверженіемъ можно пріобрѣсти то поле, въ которомъ скрывается это сокровище. Люди робкіе и себялюбивые отступаютъ предъ подобною жертвою, не умѣя содѣлаться бѣдными, дабы пріобрѣсти сокровище царствія Божія“¹⁾.

Послѣ того какъ избрано бываетъ мѣсто, удобное и выгодное во всѣхъ отношеніяхъ для земледѣлія, начинаютъ тщательнo воздѣлывать его, разрыхлять и удобривать почву при помощи различныхъ инструментовъ, безъ чего, конечно, нечего и ожидать земледѣльцу хорошихъ плодовъ отъ какихъ-либо сѣмянъ на своемъ полѣ, если бы онъ вздумалъ посѣять ихъ тамъ. Къ числу такихъ инструментовъ принадлежитъ всѣмъ извѣстный намъ *плугъ*, употреблявшійся въ этомъ дѣлѣ еще съ древнихъ временъ и замѣненный теперь *сохой* и *бороной* — инструментами, которыми сперва пашутъ и боронятъ землю, прежде чѣмъ начнутъ производить на ней сѣяніе тѣхъ или другихъ сѣмянъ. Въ Евангеліи мы находимъ относительно

перваго изъ упомянутыхъ нами инструментовъ — плуга слѣдующее прекрасное изреченіе, которое слѣдуетъ твердо помнить всѣмъ земледѣльцамъ, воздѣлывающимъ землю, для того, чтобы они имѣли успѣхъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи: „никто, возложившій руку свою на плугъ, и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царствія Божія“, — сказалъ однажды Христосъ Спаситель (Лук. IX, 62). Положить руку на плугъ — присловіе народное, означающее то, что человѣкъ предпринимаетъ какое-либо дѣло, дѣло столько же не легкое, сколько не легко воздѣлывать землю. Какое же значеніе имѣетъ это изреченіе въ рассматриваемомъ нами отношеніи? „Чтобы хорошо вспахать, — говоритъ одинъ толкователь — богословъ, — и чтобы работа сія была успѣшна, пахарь зорко смотритъ впередъ, а не оглядывается постоянно назадъ, иначе работа его не будетъ успѣшна и хороша. Точно также и въ дѣлѣ послѣдованія Христу: кто, рѣшившись на сіе, оглядывается назадъ, на міръ и блага его, того они могутъ отвлечь отъ послѣдованія; таковой не всецѣло, не всѣмъ сердцемъ привязанъ ко Христу, а потому и неблагонадеженъ для царствія Божія, ибо можетъ быть отвлеченъ отъ него“¹⁾. Отсюда видно, что разумное и цѣлесообразное употребленіе плуга или же сохи и бороны въ житейскомъ быту прямо ведетъ человѣка къ благотѣльнымъ послѣдствіямъ для него въ жизни: оно какъ благоустроляетъ его внѣшнюю, тѣлесную жизнь, такъ точно должно благоустроить, — по иносказательному смыслу словъ Христовыхъ, — и его внутреннюю, духовную, постоянно напоминая ему объ этой послѣдней. Въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, состоитъ преимущество земледѣльцевъ предъ всѣми прочими людьми, ибо они, находясь близко къ природѣ, научаются отъ нея таинственному и высшему смыслу жизни. И мы знаемъ изъ Священнаго Писанія, что Господь нерѣдко призывалъ людей прямо отъ земледѣльческихъ занятій къ высокому роду земного служенія и почетному мѣсту въ общественномъ положеніи. Такъ, напр., Го-

¹⁾ Толкованіе Евангеліе отъ Луки, архимандрита Михаила, М. 1871 г., стр. 377—378.

¹⁾ Тамъ же, стр. 127.

сподь позвалъ Гедеона къ управленію народомъ Израильскимъ въ то время, когда онъ „выколачивалъ пшеницу въ точиль“ на полѣ своемъ (Суд. VI, 11); такъ, св. пророкъ Ілія, по внушенію Господню, взялъ Елисея отъ плуга, т. е., когда онъ пахалъ землю, и помазалъ его въ пророка Божія (3 Цар. XIX, 19—21); такъ, — читаемъ мы въ древнихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ, — отъ земледѣлія брали нѣкоторыхъ достойныхъ мужей даже на царскіе престолы, и они благоуспѣшно и со славою проходили это служеніе, наученные ему достаточно предшествующимъ образомъ жизни. Все это должно наводить насъ на ту мысль, чтобы мы, если бы кому-либо изъ насъ пришлось вести эту отрасль сельскаго хозяйства, не стыдились предъ другими людьми простого званія своего — земледѣльцевъ и чтобы никто не упрекалъ насъ въ незнатности происхожденія его: ибо изъ земледѣльцевъ, какъ видимъ, выходили великіе люди...

Что касается теперь самаго процесса сѣянія сѣмянъ на полѣ, бываемаго послѣ того, какъ это послѣднее тщательно воздѣлывается и удобряется со стороны сельскихъ хозяевъ, владѣющихъ имъ, то въ этомъ отношеніи мы имѣемъ одну прекрасную и несравненную притчу Христа Спасителя, которая служить и будетъ служить живымъ поученіемъ на всѣ времена и для всѣхъ поколѣній. Притча эта слѣдующая: „вотъ, — говорилъ Христосъ Спаситель, когда собралось къ Нему множество народа, такъ что Онъ вошелъ въ лодку и сѣлъ, а весь народъ стоялъ на берегу, — вотъ, вышелъ сѣятель сѣять. И когда онъ сѣялъ, иное упало при дорогѣ; и налетѣли птицы, и поклевали то. Иное упало на мѣста каменистыя, гдѣ немного было земли; и скоро взошло, потому что земля была не глубока. Когда же взошло солнце; увяло, и, какъ не имѣло корня, засохло. Иное упало въ терніе, и выросло терніе, и заглушило его. Иное упало на добрую землю, и принесло плодъ: одно во сто кратъ, а другое въ шестьдесятъ, иное же въ тридцать“ (Матѣ. XIII, 2—8). Какъ живо и вполне естественно и правдоподобно изображено здѣсь въ немногихъ словахъ то, что на самомъ дѣлѣ обыкновенно происходитъ у земледѣльцевъ при сѣянніи ими разныхъ сѣмянъ на своихъ поляхъ! Самъ Христосъ объяснилъ

намъ значеніе этой притчи слѣдующимъ образомъ: „ко всякому, — сказалъ Онъ, — слушающему слово о царствіи и не разумѣющему, приходитъ лукавый и похищаетъ посѣянное въ сердцѣ его: вотъ, кого означаетъ посѣянное при дорогѣ. А посѣянное на каменистыхъ мѣстахъ означаетъ того, кто слышитъ слово, и тотчасъ съ радостію принимаетъ его; но не имѣетъ въ себѣ корня и непостояненъ: когда настанетъ скорбь или гоненіе за слово, тотчасъ соблазняется. А посѣянное въ терніи означаетъ того, кто слышитъ слово, но забота вѣка сего и обольщеніе богатства заглушаетъ слово, и оно бываетъ бесплодно. Посѣянное же на доброй землѣ означаетъ слышащаго слово и разумѣющаго, который и бываетъ плодоносенъ, такъ что иной приноситъ плодъ во сто кратъ, иной въ шестьдесятъ, а иной въ тридцать“ (Матѣ. XIII, 19—23). Нужно-ли распространяться здѣсь о томъ, на что преимущественно должны обращать вниманіе и о чемъ должны постоянно заботиться сельскіе хозяева — земледѣльцы для того, чтобы успѣхъ ихъ трудовъ былъ очевидный и чтобы эти послѣдніе не пропали понапрасну? Это, я думаю, понятно для всѣхъ изъ сказаннаго нами, и каждый изъ насъ уже догадывается, что онъ долженъ дѣлать въ этомъ случаѣ.

Болѣе подробное въ этомъ отношеніи объясненіе даетъ намъ святитель Тихонъ Задонскій въ своемъ сочиненіи: „Сокровище духовное отъ міра собираемое“, изъ котораго приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ. „Видимъ въ мірѣ семь, — говоритъ онъ тамъ, — что каково сѣмя сѣется, такой и плодъ отъ него родится, какъ-то: отъ пшеницы пшеница, отъ ржи рожь, отъ овса овесъ и прочія. Рожненное отъ плоти плоть есть. Такъ Божіе слово, какъ сѣмя на землѣ сердцеъ человеческихъ сѣемое, подобный себѣ плодъ рождаетъ. Божіе слово есть сѣмя духовное, доброе, небесное, святое, животворящее. Посѣянное на сердцѣ человеческомъ, оно рождаетъ человека подобнымъ себѣ, то есть, дѣлаетъ его духовнымъ, добрымъ, небеснымъ, святымъ, живымъ. И такъ, разсуждай, человекъ, какъ слышишь ты слово Божіе, чувствуешь-ли отъ слышанія силу и дѣйствіе, подобное слову Божію, чувствуешь-ли въ душѣ твоей мысли и желанія духовныя,

добрыя, небесныя. Если не чувствуешь, то это признакъ того, что сѣмя слова Божія погибаетъ въ тебѣ“... 1).

„Хотя и добрая земля будетъ, на которой сѣмя посѣяно,— разсуждаетъ тотъ же святитель,—однакоже плодъ не можетъ сотворить, если теплотою солнечною не будетъ согрѣваться и дождемъ орошаться. Такъ, хотя и на доброе сердце падетъ сѣмя слова Божія, однакожь никакого плода не принесетъ, если теплотою благодати Божіей не будетъ согрѣваться и росю свыше орошаться. Поэтому, какъ посѣянными сѣменами сіяніе солнечное и дождь къ плодотворенію бываетъ нуженъ, такъ слышанному слову Божію для того, чтобы не безъ плода оно было въ насъ, нужна бываетъ Божія благодать, согрѣвающая и орошающая его. Потому-то и св. Давидъ говорить: *путь заповѣдей твоихъ текохъ, егда разширилъ еси сердце мое* (Пс. 118, 32). Поэтому всегда должно ко Господу воздыхать, чтобы Онъ благодатию Своею согрѣвалъ и орошалъ наши сердца. На всякій часъ и минуту требуется Божія благодать: ибо безъ нея мы, какъ младенцы, еще не умѣющіе ходить, падемъ и будемъ лежать“ 2).

По словамъ того же святителя, тѣ „земледѣльцы, которые болѣе сѣмянъ сѣютъ, болѣе и собираютъ во время жатвы; а которые менѣе сѣютъ, тѣ менѣе и пожинаятъ. Такъ и христіане, которые болѣе духовныхъ сѣмянъ въ настоящей жизни сѣютъ, тѣ въ послѣдній день, въ день суда Христова, въ который явятся всѣ дѣла всякаго, болѣе плодовъ пожинаятъ; а которые скудно сѣютъ, скудно и пожнутъ, какъ и Апостоль говоритъ: *сѣи скудостію, скудостію и пожнетъ*“... 3).

„Когда земледѣлецъ сѣетъ и разбрасываетъ сѣмена свои въ землю, тогда глупый человѣкъ, который, не зная плода, происходящаго отъ сѣмени, смѣется тому, думая, что земледѣлецъ напрасно губитъ сѣмена свои, бросая ихъ въ землю: но земледѣлецъ, имѣя надежду, что сѣмя его, бросаемое въ землю, множайшій плодъ принесетъ ему, нежели сѣется, не перестаетъ сѣять... Христіанинъ! Подражай земледѣльцу, въ

приличное время сѣющему съ надеждою плода. Сѣи и ты сѣмена свои въ нынѣшнее время, для того, чтобы во время жатвы ты съ радостію могъ пожать. Ибо если что посѣетъ человѣкъ, тоже и пожнетъ. *Яко сѣи въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а сѣи въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. VI)... 4 1). Далѣе, изъ опыта земледѣльцевъ извѣстно, что „они не просто бросаютъ сѣмена свои въ землю, но прежде въ умъ своемъ полагаютъ жатву, и смотрятъ на плоды, рождаемые отъ посѣянныхъ сѣмянъ, и тѣхъ съ усердіемъ желаютъ и, такимъ образомъ, взирая на будущіе прибитки, трудятся и сѣютъ. Такъ и всякій въ мірѣ семь трудится не просто, но прежде взираетъ на конецъ, ради котораго предпринимаетъ трудъ, и отъ труда послѣдующій плодъ, и такимъ образомъ начинаетъ трудиться. Ибо никто ничего не начинаетъ и не дѣлаетъ безъ предложенія и намѣренія... Подражай и ты, христіанинъ, такимъ трудолюбцамъ, которые трудятся ради временныхъ благъ. Они трудятся, взирая на добро тлѣнное и скоропреходящее: ты воззри на вѣчная благая окомъ вѣры, благая, *ихъ же око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце человеку не въздоша, яже уготована Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II гл.). И трудись и сѣи съ надеждою полученія тѣхъ благъ. Воззри на жатву ту, которая будетъ въ послѣдній день, жатву, въ которой не земныя, но небесныя, не тлѣнныя, но нетлѣнныя, не временныя, но вѣчныя, собираются плоды, и такимъ образомъ теперь на землѣ, пока имѣешь время, пока есть сѣяніе и приличное время къ сѣянію не прошло, сѣи сѣмена твои, чтобы во время той жатвы пожать плоды. Земледѣльцы и прочіе люди, трудящіеся ради земныхъ благъ, часто и обманываются въ надеждѣ своей. Ибо не всегда доброплодіе бываетъ, и не всегда получаютъ люди, чего желаютъ и ради чего трудятся. Но кто съ вѣрою и надеждою и усердіемъ ищетъ вѣчныхъ благъ, тотъ не обманывается, но получаетъ ихъ. Ибо вѣренъ обѣщавшій. Итакъ, трудись и ты, и сѣи нынѣ, сѣи съ вѣрою и надеждою. Не бойся; сѣмя не погибнетъ...“ 2) Наконецъ, есть и такіе „зе-

1) Часть первая. Стр. 154-я. Изд. 1796 г. С.-Петербургъ.

2) Тамъ же. Стр. 158—159.

3) Тамъ же. Стр. 161—162.

1) Тамъ же. Стр. 163; 166—167.

2) Тамъ же. Стр. 167—169.

мледѣльцы убогіе, которые“, хотя и „мало собранныхъ плодовъ имѣютъ, хотя и нужду терпятъ“ отъ этого, „однакожь берегутъ ихъ, чтобы было, что сѣять, и такимъ образомъ плоды собрать... Твори и ты, христіанинъ, точно также, какъ тѣ убогіе и разумные трудолюбцы творять. Убогое имѣніе у себя имѣешь, но не все расточай на домашніе твои расходы: береги, чтобы было что посѣять и во время жатвы плоды собрать...“¹⁾

То, что мы сказали сейчасъ, относится главнымъ образомъ къ процессу сѣянія. Послѣ него начинается, какъ извѣстно, всходъ сѣмянъ и произрастеніе ихъ въ тотъ или другой плодъ, требующей жатвы. Въ этомъ отношеніи намъ извѣстны слѣдующія притчи Христа Спасителя: „царствіе Божіе, — говоритъ Онъ, — подобно тому, какъ если человекъ броситъ сѣмя въ землю; и спитъ, и встаетъ ночью и днемъ, и какъ сѣмя всходить и расти, не знаетъ онъ. Ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ. Когда же созрѣетъ плодъ, немедленно посылаетъ серпъ, потому что настала жатва“ (Марк. IV, 26—29). Какъ происходитъ съ злчнымъ сѣменемъ на полѣ: такъ точно, по словамъ Христа, должно происходить и съ благодатнымъ словомъ Его о царствіи въ душахъ всѣхъ вѣрующихъ, — царствіи, которое „не приходитъ примѣтнымъ образомъ, ибо оно внутри насъ“ (Лук. XVII, 20—21) находится. Гдѣ же лучше и, такъ сказать, нагляднѣе научиться этому невидимому и, по-истинѣ, чудесному произращенію въ насъ царствія Божія, какъ не на полѣ, на которомъ растутъ разныя сѣмена? Если Христосъ, высказывая Свое Божественное ученіе въ притчахъ, говорилъ своимъ многочисленнымъ и разнообразнымъ слушателямъ: *имѣй уши слышати, да слышитъ* (Матѣ. XIII, 43); то мы, указывая нашимъ сельскимъ хозяевамъ-земледѣльцамъ на ихъ положеніе въ дѣлѣ веденія своего сельскаго хозяйства, можемъ сказать имъ: *имѣй очи видѣти, да видитъ!*..

Другая притча въ томъ же родѣ, это именно — *притча о пшеницѣ и плевелахъ*. „Царствіе небесное, — говорилъ Хри-

стосъ, — подобно человекъ, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ. Когда же люди спали; пришелъ врагъ его, и посѣялъ между пшеницею плевелы, и ушелъ. Когда взошла зелень, и показался плодъ; тогда явились и плевелы. Пришедши же, рабы домовладыки сказали ему: господинъ! не доброе-ли сѣмя сѣялъ ты на полѣ своемъ? Откуда же на немъ плевелы? Онъ же сказалъ имъ: врагъ человекъ сдѣлалъ это. А рабы сказали ему: хочешь-ли, мы пойдемъ, выберемъ ихъ? Но онъ сказалъ: нѣтъ; чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вмѣстѣ съ ними пшеницы. Оставьте расти вмѣстѣ то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецамъ: соберите прежде плевелы, и свяжите ихъ въ связки, чтобы сжечь ихъ; а пшеницу уберите въ житницу мою“ (Матѣ. XIII, 24—30). Не правдоподобная-ли опять картина изъ земледѣльческаго быта, доходящая въ деталяхъ своихъ до естественной простоты и живости? Прекрасное и въ высшей степени назидательное объясненіе этой притчи, равно какъ и вышеприведенной притчи о сѣятелѣ, мы слышимъ изъ устъ Самого Христа Спасителя. „Сѣющій доброе сѣмя, — говорилъ Онъ ученикамъ Своимъ, когда тѣ просили объяснить имъ значеніе притчи о плевелахъ на полѣ, — есть Сынъ человеческій. Поле есть міръ; доброе сѣмя, это сыны царствія; а плевелы, сыны лукаваго. Врагъ, посѣявшій ихъ, есть дьяволъ; жатва есть кончина вѣка, а жнецы суть Ангелы. Посему, какъ собираютъ плевелы, и огнемъ сжигаютъ: такъ будетъ при кончинѣ вѣка сего. Пошлетъ Сынъ человеческій Ангеловъ своихъ, и соберутъ изъ царства Его всѣ соблазны и дѣлающихъ беззаконіе. И свергнутъ ихъ въ печь огненную; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Тогда праведники возсіяютъ, какъ солнце, въ царствѣ Отца ихъ“ (Матѣ. XIII, 37—43). Въ такомъ же именно смыслѣ говорилъ, какъ извѣстно, Іоаннъ Креститель приходившимъ къ нему креститься фарисеямъ и саддукеямъ: „лопата“, которою вѣютъ хлѣбъ, „въ рукѣ Его“, т. е. Христа Спасителя, „и Онъ очиститъ гумно свое, и соберетъ пшеницу свою въ житницу, а соломѣ сожжетъ огнемъ неугасимымъ“ (Матѣ. III, 12). Какія богатыя мысли содержатся въ этихъ словахъ для всѣхъ насъ, при размышленіи о царствіи Божіемъ, въ особенности

¹⁾ Тамъ же. Стр. 171.

же для земледѣльцевъ, стоящихъ столь близко къ природѣ и живущихъ ея жизнью...

Прекрасно разсуждаетъ объ этомъ св. Тихонъ Задонскій въ вышеупомянутомъ нами сочиненіи своемъ: „что пшеница и плевелы, — говоритъ онъ, — то благочестивые и нечестивые. Плевелы растутъ между пшеницею: такъ нечестивые имѣются и обращаются между благочестивыми. Плевелы сначала не распознаются отъ пшеницы, но потомъ, когда пшеница начнетъ созрѣвать и плодъ творить, оказывается, что они не пшеница, но плевелы: такъ нечестивые не скоро познаются нечестивыми, но потомъ мало-по-малу оказывается ихъ нечестіе и злонаравіе. *Отъ плодъ ихъ познаете ихъ*, говоритъ Господь. Между плевелами и пшеницею существуетъ великая разница: такая же разница бываетъ между нечестивыми и благочестивыми. Плевелы, какъ видимъ, ни къ чему не годны; пшеница для всего полезна: такъ точно нечестивые ни къ какому дѣлу не годятся; благочестивые же на все полезны. Плевелы, какъ негодные, во время жатвы собираются въ снопы и сожигаются; но пшеница собирается въ житницу: такъ нечестивые, какъ бесплодные, при кончинѣ вѣка соберутся и свяжутся въ снопы, и предадутся вѣчному огню. Блудники и прелюбодѣи, сквернители и студоложники составятъ свой снопъ. Воры, хищники и грабители, похищающіе чужое добро, составятъ свой снопъ. Лживые, хитрецы и лукавые составятъ свой снопъ. Клеветники, злорѣчивые и ругатели составятъ свой снопъ. Лицемеры, которые показываютъ себя съ внѣшней стороны святыми, но внутри суть злы, составятъ свой снопъ. Эти и прочіе беззаконники, какъ бесплодные своему Господу, ввергнутся въ вѣчный огонь на сожженіе. Но благочестивые, праведные, святые, добрые, какъ плодъ слова Божія въ терпѣніи творящіе, одинъ во сто, другой въ шестьдесятъ, третій въ тридцать кратъ, соберутся въ небесное царствіе, какъ пшеница для жатвы... Грѣшники! покаемся, для того, чтобы не сгорѣть намъ, подобно плевеламъ, вѣчнымъ огнемъ, и сотворимъ плоды, достойные покаянія, чтобы быть намъ, по благодати Божіей, пшеницею, которая собирается въ небесную житницу...“¹⁾

¹⁾ Тамъ же, часть вторая, стр. 98—100.

Обращалъ также вниманіе Свое Господь нашъ Іисусъ Христосъ на поля, засѣянные сѣменами, и останавливался на нихъ Своимъ взоромъ и мыслию всякій разъ, когда случайно приходилось Ему проходить мимо нихъ. Таковъ, напримѣръ, эпизодъ, занесенный евангелистами въ свои повѣствованія о жизни и дѣяніяхъ Господа, о томъ, что однажды, „въ то время, когда Іисусъ проходилъ въ субботу засѣянными полями, ученики Его взалкали, и начали срывать колосья и ѣсть“ (Матѳ. XII, 1). Извѣстна Его рѣчь по этому поводу, направленная въ обличеніе фарисеевъ и въ уясненіе истиннаго смысла священнаго писанія, неправильно толкуемаго ими (ст. 2—8). Такова же Его рѣчь о жатвѣ и жателяхъ, произнесенная, безъ сомнѣнія, въ виду какого-либо галилейскаго поля, покрытаго спѣлою жатвой: „жатвы много, — сказалъ Онъ ученикамъ Своимъ, — а дѣлателей мало. Итакъ, молитесь Господина жатвы, чтобы Онъ выслалъ дѣлателей на жатву свою“ (Матѳ. IX, 37—38). „Смыслъ рѣчи безъ образа таковъ: велико число народа, ищущее царства Мессіи, стремящееся къ нему и готовое вступить въ него, но мало приготовленныхъ для этого учителей народа. Кромѣ Христа и Его Апостоловъ, таковыхъ не было“. И вотъ Христосъ заповѣдалъ Своимъ ученикамъ „молиться Богу, чтобы Онъ, по Своей благодати и всемогуществу, способствовалъ образованію новыхъ, не въ духѣ фарисейскомъ и іудейскомъ приготовленныхъ, дѣлателей для новаго дѣла — проповѣди народу о наступленіи царства Мессіи“¹⁾. Какъ эти слова Христовы близко касаются нашего времени, когда у насъ ощущается теперь сильный недостатокъ въ подобнаго рода дѣлателяхъ въ виду громаднаго количества людей невѣрующихъ!..

Въ другой разъ, когда Іисусъ проходилъ чрезъ Самарію близъ города Сихаря, гдѣ Онъ встрѣтился съ женою самарянской, то, обративъ вниманіе на лежащее предъ Его очами поле, сказалъ ученикамъ Своимъ: „не говорите ли вы, что еще четыре мѣсяца, и наступитъ жатва? А я говорю вамъ: возведите очи ваши, и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли, и поспѣли къ жатвѣ. Жнущій получаетъ награду, и собира-

¹⁾ Толкованіе Евангелія отъ Матѳея, архим. Михаила, стр. 182.

еть плодъ въ жизнь вѣчную, такъ что и сѣющей и жнущей вмѣстѣ радоваться будутъ. Ибо въ этомъ случаѣ справедливо изреченіе: одинъ сѣетъ, а другой жнетъ. Я послалъ васъ жать то, надъ чѣмъ вы не трудились: другіе трудились, а вы вошли въ трудъ ихъ“ (Іоан. IV, 35—38). И здѣсь образъ взять также съ поля, съ котораго Христосъ вывелъ соответственное своимъ слушателямъ назиданіе. Такой же образъ былъ взять Имъ, безъ сомнѣнія, и тогда, когда Онъ говорилъ въ известной Своей нагорной бесѣдѣ: „посмотрите на вороновъ и другихъ птицъ небесныхъ: онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Господь Богъ, Отецъ вашъ небесный, питаетъ ихъ“ (Лук. XII, 24; Матѣ. VI, 26). Въ уста же лукаваго и лѣниваго раба въ притчѣ о талантахъ Онъ влагаетъ слѣдующія слова: „господинъ! я зналъ тебя, что ты человекъ жестокой, жнешь, гдѣ не сѣялъ, и собираешь, гдѣ не разсыпалъ“ (Матѣ. XXV, 24, 26; Лук. XIX, 21—22). Что же значатъ всѣ эти образы? Къ какому заключенію они приводятъ насъ? Этими и, вѣроятно, многими другими образами, взятыми Христомъ Спасителемъ съ поля и производимаго на немъ земледѣлія, возлагается на всѣхъ насъ, особенно же на тѣхъ, которые занимаютъ указанною отраслю сельскаго хозяйства, прямая и неуклонная обязанность смотрѣть на свои занятія не съ житейской только, узко спеціальной точки зрѣнія, съ какой мы обыкновенно привыкли смотрѣть на нихъ, а и съ той христіанской, общечеловѣческой точки зрѣнія, каковую заповѣдалъ намъ въ Евангеліи Самъ Господь нашъ Исусъ Христосъ...

Заключимъ нашу бесѣду о христіанскомъ взглядѣ на природу и на самихъ себя въ дѣлѣ веденія нами земледѣлія словами известнаго уже намъ святителя Тихона: „у земледѣльцевъ, — говоритъ онъ, — есть сѣяніе и жатва: такъ и у христіанъ есть свои сѣяніе и жатва. У земледѣльцевъ есть сѣмена: такъ и у христіанъ есть свои сѣмена. У земледѣльцевъ сѣмена рождаются отъ сѣмянъ: такъ и у христіанъ отъ сѣмени слова Божія рождаются духовныя сѣмена. У земледѣльцевъ бывають сѣмена: рожь, овесъ, пшеница, ячмень и прочія; у христіанъ же сѣмена суть слѣдующія: покаяніе, печаль по Богъ, воздыханіе, слезы, молитва, благодареніе, пѣніе, дѣла

милости, терпѣніе и прочія. Эти духовныя сѣмена рождаются отъ сѣмени слова Божія, падшаго на сердцахъ человѣческихъ. У земледѣльцевъ есть приличное время для сѣянія и жатвы: такъ и у христіанъ есть такое же время. Земледѣльцы знаютъ время, въ которое надобно сѣять: такъ и у христіанъ есть приличное время, въ которое имъ должно сѣять свои сѣмена. Это время есть время настоящей жизни. *Се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія* (2 Кор. VI гл.) Земледѣльцы разумные и мудрые не пропускаютъ времени, въ которое должно сѣять, но тогда трудятся и сѣютъ: такъ разумные и мудрые христіане не пропускаютъ въ настоящей жизни времени, но трудятся и сѣютъ сѣмена свои, каются, творятъ дѣла покаянія, творятъ дѣла милости и прочее. Ибо нынѣшнее время есть только время для сѣянія: а въ будущемъ вѣкѣ того не будетъ. Нынѣ время благоприятное каяться, плакать о грѣхахъ, молиться, добро творить всѣмъ: но въ будущемъ вѣкѣ все это перестанетъ. Земледѣльцы трудятся и сѣютъ съ надеждою плода, имѣющаго родиться отъ сѣмени: такъ и христіане трудятся и сѣютъ съ надеждою духовнаго плода, милостиваго отъ Бога воздаянія. Земледѣльцы спѣлые плоды трудовъ своихъ пожинаютъ во время жатвы: такъ христіане плоды трудовъ и сѣмянъ своихъ пожнутъ при кончинѣ вѣка и воскресеніи изъ мертвыхъ. Земледѣльцы, собирая плоды трудовъ своихъ, радуются: такъ и христіане, видя и собирая плоды трудовъ своихъ, возрадуются. *Спокошии слезами, радостию пожнутъ. Ходящии хощедашу и плакахуся, меташе сѣмена своя: грядуще же приидутъ радостию, вземлюще рукояти своя* (пс. 125, 6). Земледѣльцы лѣнивые и нерадивые, которые въ приличное время не сѣютъ, и плодовъ во время жатвы не собираютъ: такъ и христіане несмысленные, нерадивые, небрежные, которые теперь духовныхъ сѣмянъ не сѣютъ, при кончинѣ вѣка и воскресеніи изъ мертвыхъ никакихъ плодовъ не пожнутъ, но безплодными явятся предъ Господомъ. Ибо какъ соберутъ тогда, когда теперь не расточали? Какъ пожнутъ тогда, когда теперь не сѣяли? Христіанинъ! Потрудимся и посѣемъ теперь сѣмена свои, чтобы тогда съ радостию пожать намъ плоды трудовъ своихъ“ 1). Аминь.

1) „Сокровище духовное“. Ч. I-ая. Стр. 159—161.

II.

Другой важный видъ сельскаго хозяйства, безъ чего оно не можетъ даже и существовать, это именно—*скотоводство*. Изъ этой области не мало можно также привести для нашего назиданія примѣровъ, содержащихся въ Евангеліи и указываемыхъ Христомъ Спасителемъ нашимъ всякій разъ, когда Онъ лично соприкасался съ ней или когда это нужно было для Него по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ Его рѣчи. Такъ, прежде всего, нужно сказать здѣсь о томъ, что въ Евангеліи нерѣдко упоминается о *полѣ* не въ смыслѣ только земли, на которой растутъ сѣмена, но и въ смыслѣ *луга*, на которомъ пасутся разныя животныя (Лук. II, 8; Лук. XVII, 7; Лук. XV, 15 и др.). Затѣмъ, для занимающихся этого рода сельскимъ хозяйствомъ важно знать и никогда, конечно, не забывать, а всегда содержать въ своей памяти и жизни то обстоятельство, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ ради нашего спасенія родился и возлегъ не гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, а именно въ вертепѣ и ясляхъ безсловесныхъ животныхъ. *Господи, въ Вифлемѣ приидеъ*, — поетъ св. Церковь въ день Рождества Христова, — *въ вертепѣ всемылся еси; небо престолъ имѣя, во яслехъ восклонился еси; Его же воинства окружаютъ Ангель, пастыремъ снишлеъ еси, да спасеши, яко благоутробенъ, родъ нашъ: слава Тебѣ!* (Стих. на Рожд. Хр.). Такъ, по-истинѣ, чудесно *приняли съ небесъ* воплотившагося Господа *вертепъ и ясли*, которые, какъ дары, принесли Ему *земля и пустыня*. Что же пастыри или пастухи, которые, въ то время, когда родился Господь, „содержали ночную стражу у стада своего“ (Лук. II, 8)? Они также принесли Ему дары, это именно—*чудо* или проповѣдь о чудѣ. *Пастырие чудо проповѣдуютъ*, — какъ поетъ та же св. Церковь въ одной изъ своихъ стихиръ. Когда пастухи, какъ повѣствуетъ о событіи Рождества Христова св. Евангелистъ Лука, „пришли, и нашли Марію, и Иосифа, и Младенца, лежащаго въ ясляхъ“, тогда они, „увидѣвъ, рассказали о томъ, что было возвѣщено имъ о Младенцѣ семъ“ отъ Ангела на полѣ. „И всѣ слышавшіе дивились тому, что рассказывали имъ пастухи“, которые, „возврати-

лись“ къ своимъ стадамъ, „слава и хвала Бога за все то, что слышали и видѣли, какъ имъ сказано было“ (Лук. II, 16, 17, 18, 20). И св. Церковь, созерцая величіе Рождества Христова, восклицаетъ: *Ангели съ пастырьми славословятъ* (конд. праздн.)! По-истинѣ, какъ блаженны тѣ Вифлеемскіе пастыри, которые первые услышали радостную вѣсть отъ Ангела о рожденіи Христа Спасителя на землѣ, которые первые удостоились счастья пріютить у себя новорожденного Царственного Младенца и поклониться Ему, какъ Богу. Вотъ прекрасный образъ, достойный кисти всякаго художника,—образъ, который должны твердо напечатлѣть въ своемъ умѣ и сердцѣ, какъ сами сельскіе хозяева, занимающіеся въ своей жизни скотоводствомъ и находящіе въ этомъ занятіи пропитаніе для себя и для своего семейства, такъ и ихъ работники, непосредственно соприкасающіеся съ указанною отраслью сельскаго хозяйства и входящіе въ ихъ жизнь и дѣятельность!

Всѣ эти лица, при всѣхъ житейскихъ занятіяхъ своихъ, должны непремѣнно обращать вниманіе на то *Вифлеемское поле*, на которомъ нѣкогда случилось чудесное событіе въ мірѣ, на тотъ *вертепъ и ясли*, откуда возсіяло для всѣхъ насъ вѣчное спасеніе. Ихъ духовный взоръ долженъ постоянно возводиться отъ земли, на которой родился Христосъ Спаситель, къ небу, гдѣ Онъ теперь пребываетъ, *одесную Бога Отца сядя* (Кол. III, 1). Ихъ мысль должна всегда поучаться крайнему и необычайному смиренію и уничиженію Христа, Господа нашего, не возгнушавшагося при рожденіи Своемъ яслей безсловесныхъ животныхъ. Стало быть, и ихъ занятіе, какъ бы оно, повидимому, скромно и унижительно для нихъ ни было, можетъ быть богоугодно и спасительно, если только они сумѣютъ воспользоваться имъ въ своей жизни, какъ слѣдуетъ...

Для занимающихся скотоводствомъ важно также знать еще и то обстоятельство изъ жизни Господа нашего Иисуса Христа, что Онъ во время торжественнаго шествія своего, какъ Царя, въ Иерусалимъ, воспользовался для этого услугами *ослицы и осленка*, принадлежащихъ однимъ сельскимъ хозяевамъ въ селеніи Вифагія близъ Иерусалима. „Ученики пошли, — какъ говоритъ св. евангелистъ Матѳей, — и привели ослицу и молодого осла, и положили на нихъ одежды свои, и Онъ сѣлъ по-

верхъ ихъ“ (Матѣ. XXI, 6—7). Такимъ образомъ два важныхъ событія изъ жизни Христа Спасителя, Его рожденіе и входъ въ Иерусалимъ, имѣли близкое отношеніе къ разсматриваемой нами области сельскаго хозяйства—*скотоводству*, благословляя и освящая его на будущее время въ глазахъ всѣхъ людей на свѣтѣ.

Но кромѣ этихъ, такъ сказать, догматически—историческихъ чертъ, на которыя указываетъ намъ скотоводство, послѣднее содержитъ въ себѣ также много уроковъ нравственно—практическаго свойства. Такъ, по словамъ святителя Тихона Задонскаго, „какое въ скотѣ и звѣрѣ примѣчается злонавіе, такое имѣется и въ человѣкѣ, благодатию Божіею неотрожденномъ и необновленномъ. Въ скотѣ видимъ самолюбіе, видимъ, какъ самъ одинъ пищу хочетъ пожирать, прочій скотъ не допускаетъ и отгоняетъ, и пр.: то же самое бываетъ и въ человѣкѣ. Самъ обиды не терпитъ, но прочихъ обижаетъ; самъ презрѣнія не терпитъ, но прочихъ презираетъ; самъ о себѣ клятвы слышать не хочетъ, но на другихъ клеветаетъ; не хочетъ, чтобы имѣніе его похищено было, но самъ чужое похищаетъ; хочетъ, чтобы кто въ нуждѣ ему помогъ, но самъ другимъ въ нуждѣ не помогаетъ; хочетъ, чтобы алчущій напиться былъ, нагой одѣтъ былъ, странный въ домъ введенъ былъ, и пр.: но самъ другимъ не дѣлаетъ того. Не хочетъ себѣ никакого зла, но желаетъ всякаго добра, а другимъ дѣлаетъ зло, и никакого не дѣлаетъ добра. Хочетъ у себя все имѣть, но о томъ, что ближній его ничего не имѣетъ, не радитъ. Словомъ: хочетъ самъ во всякомъ благополучіи быть, и злополучія избѣгаетъ, но о другихъ, подобныхъ себѣ людяхъ, небрежетъ. Все это есть скотское и премемерзкое самолюбіе!.. Въ скотѣ примѣчается гордость: то же самое замѣчается и въ человѣкѣ. Видимъ, какъ бѣдный человѣкъ другихъ уничижаетъ, себя возноситъ, другихъ презираетъ, себя прославляетъ, другихъ обвиняетъ, себя извиняетъ, другихъ осуждаетъ, себя оправдываетъ, другихъ злословитъ и хулитъ, себя хвалитъ. Видимъ, какъ вездѣ первенства ищетъ, другими владѣть, надъ другими господствовать, другимъ повелѣвать, отъ великаго почтеніе имѣть. Что значитъ измышленіе прекрасныхъ и златотканыхъ одѣяній, богатыхъ до-

мовъ, высокихъ каретъ и дорогихъ камней, богатыхъ трапезъ многообразными яствами и пиціемъ наполненныхъ, и прочія суеты и пышности, что, говорю, все это означаетъ, если не гордость, въ сердцѣ человѣческомъ кроющуюся, которая во всемъ и во всякой вещи ищетъ себѣ прославленія? Гордость вездѣ и во всемъ ищетъ себя показать: смиреніе же, Богу и человѣкамъ любезное, напротивъ, ищетъ сокрыться. Видишь, человѣкъ, гордость человѣческую, познай, что чѣмъ мерзостнѣйшій есть предъ Богомъ порокъ, тѣмъ сокровеннѣйшій есть, и мало отъ кого познается, но только отъ тѣхъ, которые со всякимъ прилежаніемъ себя разсматриваютъ, и въ различныхъ находятъ искушеніяхъ. Зачѣмъ земля и пепель, и сѣнь смертная гордишься?.. Видимъ въ скотѣ гнѣвъ и ярость: то же имѣется и въ человѣкѣ. Видимъ, какъ гнѣвается, какъ негодуетъ, ропщетъ, ярится, какъ себя терзаетъ, весь отъ гнѣва, какъ листъ отъ вѣтру, трясется, какъ себя заклиняетъ, какъ злословитъ, хулитъ, и часто страшныя хулы извергаетъ, какъ обидѣвшему грозитъ, какъ на него злобится и ищетъ всякимъ способомъ ему отмстить. Это есть дѣйствіе богомерзкаго и пагубнаго гнѣва, скрывающагося у человѣка въ сердцѣ!.. Видимъ, что скоты дерутся: тоже видимъ и въ людяхъ, видимъ сколько ссоръ и кровопролитій различныхъ между бѣдными людьми происходить... Въ скотѣ примѣчается хитрость и лукавство: то же пагубное зло имѣетъ и человѣкъ въ себѣ, видимъ, какъ притворяется, какъ хочетъ показать себя снаружи добрымъ, будучи внутри злымъ, какъ хитритъ, лукавствуетъ, льститъ, лжетъ, обманываетъ, лицемеритъ... Въ скотахъ примѣчается хищеніе: то же обнаруживается и въ человѣкѣ; и сколько явныхъ, тайныхъ, и лютыхъ хищенія способовъ вымышляетъ человѣкъ, невозможно даже исчислить, такъ что мало кто отъ того бываетъ свободенъ, а особенно купцы, мастеровые люди, приказные служители, господа помѣщики, которые крестьянъ имѣютъ, казначеи богатые, славные, и прочіе, мѣръ и богатство, славу и честь любящіе люди... Въ скотахъ примѣчается обжорство: то же бываетъ и въ человѣкѣ. Въ скотахъ видится нечистота: то же видимъ и въ человѣкѣ, видимъ, какъ бѣдный человѣкъ, какъ свинья въ грязи, въ сластолюбіи валяется... Въ скотахъ примѣчается

лѣность: видимъ то же и въ человѣгѣ, видимъ, какъ нерадить и небрежетъ о себѣ самомъ, о своемъ спасеніи, и пр. Но, что хуже того и болѣе умножаетъ бѣдность и окаянство человѣческое, такъ это то, что тѣ злые нравы, которые находятся въ различныхъ звѣряхъ и скотахъ, тѣ все въ одномъ человѣкѣ необновленномъ имѣются. Безсловесныя иныя горды, но иныя смиренны; иныя хитры и лукавы, но иныя просты; иныя сердиты и гнѣвливы, но иныя кротки; иныя лѣнивы, но иныя бодры, и пр. А въ грѣшникѣ бѣдномъ всякое злонаправіе скотское имѣется: гордъ, гнѣвливъ, хитръ, лукавъ, нечистъ и пр. О! какой смертоносный ядъ, какое великое и пагубное зло въ сердцѣ человѣческомъ кроется, какъ бѣденъ и окаянень человѣгъ! Внѣшнимъ видомъ своимъ, по созданію, онъ показываетъ, что человѣгъ есть, но внутри, по—истинѣ, скотъ и звѣрь есть, и даже гораздо хуже скота и звѣря. Ибо не одного какого — либо скота и звѣря, но всѣхъ скотовъ и звѣрей злонаправіе имѣетъ въ себѣ. О бѣдный человѣгъ! Въ какое ты состояніе пришелъ, согрѣшивши Господу и Создателю твоему, послушавши совѣта лукаваго врага твоего... Лишилъ себя Божественнаго образа и подобія, и изобразилъ скотское безобразіе, былъ сообразень и подобень Богу, но сдѣлался безобразень и подобень скотамъ. *И человекъ въ чести свой не разумъ, приложися скотомъ несмысленнымъ, и угодился имъ* (пс. 48.). Человѣче бѣдный, ты, который крестился во имя Святыя Троицы, и имя свое записалъ Иисусу Христу Сыну Божию! Смотри, какая мерзость въ сердцѣ человѣческомъ кроется! Какая тебѣ польза въ томъ, что ты имя Божіе исповѣдуешь, и часто взываешь: Господи, Господи, а такой злой и скотскій нравъ въ себѣ имѣешь? Какъ можетъ войти въ царствіе Божіе человѣгъ, имѣющій такую нечистоту, если онъ не обратится отъ всего сердца къ Богу и не обновится истиннымъ покаяніемъ, сокрушеніемъ сердца, теплыми слезами, и благодатію святаго Духа“?.. 1) Далѣе, по словамъ того же святителя Тихона, мы можемъ видѣть еще слѣдующее явленіе

1) „Сокровище духовное, отъ міра собираемое“. Часть вторая. Стр. 51—56.

изъ области скотоводства: „куда одна скотина пойдетъ, за нею и прочій скотъ идетъ, послѣдуя ей часто туда, откуда не польза, а вредъ ему бываетъ. Такъ точно многіе люди безразсудно дѣлають, и по чувствамъ, а не по разуму поступаютъ, и другъ другу по примѣру скотскому послѣдуютъ, не внимая: полезно-ли имъ то будетъ или вредно. Мы видимъ эту незаконную и пагубную въ мірѣ ревность. Такъ, напримѣръ, одинъ началъ частые банкеты строить, пить, гулять, и упиваться, и прочихъ спаивать: то же дѣлаеть и другой и пр. Одинъ началъ щеголять: послѣдуютъ ему и прочіе. Одинъ много собралъ богатства: и прочіе о томъ же заботятся. Одна безстыдница намазываетъ лице свое бѣлилами и красками: послѣдуютъ ей и прочія, и дѣлають со вредомъ для себя все, что и одна. Одинъ незаконный купецъ проситъ у торговца цѣны высшія, нежели товаръ стоитъ: и клятву къ тому придаетъ, и святое и страшное имя Божіе въ томъ незаконномъ дѣлѣ призываетъ: дѣлають то же и прочіе, подобные ему люди: такъ и бѣдные люди другъ другу подражаютъ на свой вредъ и погибель. Все это есть безразсудное дѣло! Все это есть скотское послѣдованіе!.. Скоты суть, а не люди, которые однимъ чувствамъ, а не разуму послѣдуютъ... Мы не только чувство, но и разумъ имѣемъ: мы можемъ разсудить, что добро и что зло, что полезно и что вредно. И такъ, когда видимъ, что люди дѣлають, то не чувствомъ, по примѣру скотовъ, но разуму послѣдовать должны“... 1) Такіе богатые и назидательные уроки мы можемъ извлекать изъ области сельскаго хозяйства, носящаго названіе: скотоводство,—уроки нравственно воспитывающіе насъ въ христіанской жизни.

Затѣмъ, что касается притчъ Христа Спасителя, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ разсматриваемой нами области сельскаго хозяйства, то изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ остановиться здѣсь на *притчѣ Его о добромъ пастырѣ*, сказанной Имъ въ присутствіи іудеевъ незадолго до Своего страданія и смерти. Притча эта, имѣющая особенное значеніе въ указанномъ отношеніи, по словамъ св. Евангелиста Іоанна,

1) Тамъ же. Стр. 75—78.

слѣдующая: „истинно, истинно говорю вамъ: кто не дверью входитъ во дворъ овчій, но перелазитъ индѣ, тотъ воръ и разбойникъ. А входящій дверью есть пастырь овцамъ. Ему придверникъ отворяетъ, и овцы слушаютъ голоса его, и онъ зоветъ своихъ овецъ по имени, и выводитъ ихъ. И когда выведетъ своихъ овецъ, идетъ предъ ними, а овцы за нимъ идутъ, потому что знаютъ голосъ его. За чужимъ же не идутъ, но бѣгутъ отъ него, потому что не знаютъ чужаго голоса“ (Иоан. X, 1—5). Когда слушатели Христовы не поняли смысла этой притчи, тогда Онъ объяснилъ имъ значеніе ея въ слѣдующихъ словахъ: „истинно, истинно говорю вамъ, что Я дверь овцамъ. Всѣ, сколько ихъ ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали ихъ. Я есмь дверь: кто войдетъ Мною; тотъ спасется, и войдетъ, и выйдетъ, и пажить найдетъ. Воръ приходитъ только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришелъ для того, чтобы имѣли жизнь, и имѣли съ избыткомъ. Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ. А наемникъ, не пастырь, которому овцы не свои, видитъ приходящаго волка, и оставляетъ овецъ, и бѣжитъ; и волкъ расхищаетъ овецъ, и разгоняетъ ихъ. А наемникъ бѣжитъ, потому что наемникъ, и не радить объ овцахъ. Я есмь пастырь добрый; и знаю Моихъ, и Мои знаютъ Меня. Какъ Отецъ знаетъ Меня, такъ и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за овецъ. Есть у Меня и другія овцы, которыя не сего двора: и тѣхъ надлежитъ Мнѣ привести: и онъ услышать голосъ Мой, и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь“ (Иоан. X, 7—16). Въ этой прекрасной и несравненной притчѣ Христовой, въ которой подъ образомъ пастыря, пасущаго и стерегущаго стадо, разумѣется Самъ Христосъ Спаситель, по Его собственнымъ словамъ; подъ образомъ овчаго двора, гдѣ питается и сохраняется стадо, разумѣется св. Православная Церковь; подъ образомъ воровъ и разбойниковъ, грабящихъ и похищающихъ овецъ изъ стада, — разумѣется діаволъ и его сподручники изъ того и изъ этого міра; подъ образомъ наемниковъ, нерадящихъ объ овцахъ, разумѣются пастыри, пренебрегающіе своими пастырскими обязанностями, подъ образомъ овецъ иного двора, — разумѣются люди, не

просвѣщенные свѣтомъ вѣры Христовой; — въ этой, говоримъ, притчѣ Христовой какъ живо и естественно представлены образы изъ знакомой всѣмъ и каждому изъ насъ области сельскаго хозяйства, носящей въ житейскомъ быту названіе скотоводства! Правда, приведенная нами притча имѣетъ приложеніе главнымъ образомъ къ церковной жизни: она знаменуетъ собою истинныхъ пастырей Христовой Православной Церкви, какъ поставленныхъ Самимъ Богомъ для руководствованія христіанъ по пути вѣчнаго спасенія, и ложныхъ пастырей другихъ церквей или обществъ, инославныхъ и нехристіанскихъ; но помимо этого значенія ея, изъ нея могутъ, по нашему мнѣнію, вывести для себя полезное назиданіе и всѣ остальные люди, особенно же тѣ, которые близко стоятъ къ вышеуказанной области сельскаго хозяйства. Это назиданіе должно касаться прежде и болѣе всего, конечно, внутренней, духовной стороны ихъ жизни, а также должно состоять въ урегулированіи отношеній, замѣчаемыхъ въ ихъ внѣшней или тѣлесной жизни. Какъ пастырь духовно-благодатнаго стада не можетъ быть названъ этимъ именемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, если онъ пасетъ только самого себя, а не стадо, къ которому представленъ свыше: такъ, наоборотъ, пастухъ естественно-животнаго стада не можетъ быть такимъ, если онъ не пользуется отъ своего стада чѣмъ-либо для себя въ земной жизни своей. Справедливо сказалъ св. Апостолъ Павелъ: „кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ стада“ (1 Кор. IX, 7)? — давая этимъ самымъ разумѣть, что всякій пастухъ имѣетъ право на прокормленіе себя отъ своихъ трудовъ, которые онъ несетъ въ своей пастушеской жизни. Но, съ другой стороны, въ высшей степени прискорбно было бы видѣть ту картину изъ пастушескаго быта, еслибы пастухи и, вообще, всѣ люди, такъ или иначе сопригающіеся съ этою отраслью сельскаго хозяйства, хорошо пасли свои стада различныхъ животныхъ, но плохо пасли самихъ себя относительно царствія Божія. Вотъ объ этомъ-то послѣднемъ и должна всегда напоминать имъ притча Христа Спасителя о добромъ пастырѣ...

Кромѣ этой притчи, Иисусъ Христосъ любилъ также весьма часто сравнивать Себя съ пастыремъ безсловесныхъ живот-

ныхъ, а своихъ слушателей, къ которымъ Онъ обращался съ рѣчью, по тѣмъ или другимъ поводамъ ихъ жизни и дѣятельности, съ овцами стада, порученнаго Ему Отцемъ небеснымъ. Такъ, напимѣръ, Онъ говорилъ тѣмъ же невѣрующимъ въ Него иудеямъ: „вы не вѣрите; ибо вы не отъ овецъ Моихъ, какъ Я сказалъ вамъ. Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю ихъ, и онѣ идутъ за Мною. И Я даю имъ жизнь вѣчную, и не погибнуть во вѣкъ; и никто не похититъ ихъ изъ руки Моей. Отецъ Мой, который далъ Мнѣ ихъ, больше всѣхъ; и никто не можетъ похитить ихъ изъ руки Отца Моего“ (Іоан. X, 26—29). Однажды, „видя толпы народа,—замѣчаетъ Евангелистъ Матѳеи,—Христосъ сжалился надъ ними, что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы, не имѣющія пастыря“ (Матѳ. IX, 36; ср. Мар. VI, 34). Въ другой разъ, именно въ ночь предъ страданіями Своими, Онъ говорилъ ученикамъ Своимъ: „всѣ вы соблазнитесь о Мнѣ въ эту ночь; ибо написано: поражу пастыря, и разсѣются овцы стада“ (Зах. XIII, 7; Матѳ. XXVI, 31). Иногда же Онъ говорилъ имъ: „не бойся малое стадо! Ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ царство“ (Лук. XII, 32). „Идите иначе къ погибшимъ овцамъ дома Израилева... Вотъ, Я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ“ (Матѳ. X, 6, 16). А св. Апостолу Петру въ частности онъ сказалъ однажды: „паси овецъ Моихъ“ (Іоан. XXI, 17).

Пользовался, какъ извѣстно, всякій разъ, какъ только представлялся къ тому удобный случай, Христосъ Спаситель образами изъ области скотоводства, когда желалъ научить своихъ слушателей той или другой истинѣ изъ ихъ житейскаго быта. Такъ, напр., фарисеямъ, которые готовы были поймать Его на каждомъ шагу и обвинить за то, что Онъ исцѣляетъ въ субботу, Христосъ говорилъ слѣдующее: „кто изъ васъ, имѣя одну овцу, если она въ субботу упадетъ въ яму, не возьметъ ея и не вытащитъ? Сколько же лучше человѣкъ овецъ“ (Матѳ. XII, 11—12)! Или же: „если у кого изъ васъ оселъ или волъ упадетъ въ колодезь; не тотчасъ-ли вытащитъ его и въ субботу“ (Лук. XIV, 5)? А также еще: „не отвязываетъ-ли каждый изъ васъ вола своего или осла отъ яслей въ субботу, и не ведетъ-ли поить“ (Лук. XIII, 15)? Далѣе, изъ

вѣстна въ этомъ отношеніи одна притча Христа, которую онъ высказалъ ученикамъ Своимъ, именно притча Его о работникѣ, воздѣлывающемъ поле или пасущемъ стада. „Кто изъ васъ,—говоритъ Христосъ,—имѣя раба пашущаго или пасущаго, по возвращеніи его съ поля, скажетъ ему: поиди скорѣе, садись за столъ? Напротивъ, не скажетъ-ли ему: приготовь мнѣ поужинать и, подпоясавшись, служи мнѣ, пока буду ѣсть и пить; и потомъ ѣшь и пей самъ? Станетъ-ли онъ благодарить раба сего за то, что онъ исполнилъ приказаніе? Не думаю. Такъ и вы, — заключаетъ Господь,—когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего не стоящіе; потому что сдѣлали, что должны были сдѣлать“ (Лук. XVII, 7—10). Нѣсколько иной смыслъ имѣетъ притча Христа, которую Онъ высказалъ фарисеямъ и книжникамъ въ отвѣтъ на ихъ ропотъ за то, что „Онъ принимаетъ грѣшниковъ и ѣсть съ ними“. Притча эта слѣдующая: „кто изъ васъ, — говоритъ Христосъ, — имѣя сто овецъ, и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяносто девяти въ пустынѣ, и не пойдетъ за пропавшею, пока не найдетъ ея? А нашедши, возьметъ ея на плечи свои съ радостію. И пришедши домой, созоветъ друзей и сосѣдей, и скажетъ имъ: порадуйтесь со мною; я нашелъ свою пропавшую овцу. Сказываю вамъ, — объясняетъ намъ Самъ Господь значеніе этой притчи, — что такъ на небесахъ болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяносто девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи“ (Лук. XV, 2—7).

Наконецъ, всѣ сельскіе хозяева, занимающіеся скотоводствомъ, должны твердо помнить и никогда не забывать слѣдующей истины, выраженной Христомъ Спасителемъ подъ такимъ прекраснымъ образомъ изъ той же самой области: „когда придетъ сынъ Человѣческой во славу Своей, и всѣ святые Ангелы съ Нимъ: тогда сядетъ на престолѣ славы Своей. И соберутся предъ Нимъ всѣ народы; и отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ. И поставитъ овецъ по правую свою сторону, а козловъ по лѣвую“ (Матѳ. XXV, 31—33). И мало того, чтобы только помнить и не забывать, но и стараться о томъ, чтобы удостоиться участи первыхъ и избѣгнуть участи послѣднихъ.

„И пойдутъ сіи“, — говоритъ Господь, — т.-е., козлы, подъ которыми разумѣются грѣшники, „въ муку вѣчную“, а тѣ-овцы, подъ которыми разумѣются праведники, „въ жизнь вѣчную“ (ст. 46). „Христіане въ святомъ писаніи овцами называются потому, — говоритъ св. Тихонъ Задонскій, — что между христіанами и овцами не малое сходство. Овцы никакому скоту не дѣлають обиды: такъ христіане никого не обижаютъ. Въ овцахъ примѣчается простота. Когда одну овцу волкъ рѣжетъ, не бѣгутъ прочь, но всѣ на нее смотрятъ: такъ христіане суть простосердечны, просты на зло, но мудры на добро (Рим. XVI, 19). Овцы великую пользу приносятъ хозяевамъ, т.-е. подаютъ имъ волну или шерсть, молоко, кожу, мясо: такъ христіане всѣмъ добры и полезны суть, и Богу и Господу своему приносятъ жертву хваленія и исповѣданія. Въ овцахъ примѣчается миръ и согласіе; ибо и въ малой хлѣвинѣ много ихъ помѣщается: такъ христіане мирны суть и согласны между собою. Въ овцахъ примѣчается кротость и терпѣніе; когда стригутъ ихъ, молчатъ, и когда бьютъ, молчатъ: такъ христіане суть смиренны, кротки и терпѣливы. Въ овцахъ не примѣчается зависти; ибо, когда ѣдятъ, не дерутся между собою: такъ и христіане не завистливы суть. Овцы весьма алчны; ибо много ѣдятъ: такъ христіане, хотя благочестивы суть, всегда алчутъ и жаждутъ благочестія. Овцы пастухамъ своимъ послушливы: такъ христіане Пастырю и Господу своему Иисусу Христу показываютъ послушаніе: *овцы моя гласа моего слушаютъ*, говоритъ Христосъ (Іоан. X). Видишь, христіанинъ, свойство овецъ Христовыхъ, истинныхъ христіанъ: рассуждай самъ съ собою, принадлежишь-ли ты къ этому благословенному стаду. Если хочешь въ оградѣ небесной быть, то надобно тебѣ быть непременно овцею Христовою...“¹⁾ Напротивъ, „козлицамъ злые люди уподобляются, — по словамъ того же святителя, — ибо не малое сходство между козлицами и злыми людьми. Козлица почти всякій скоть рогами своими бодають и обижаютъ: такъ злые люди всякому человѣку, доброму и злему, или дѣломъ или словомъ причиняють обиду Въ козлицахъ примѣчается гор-

¹⁾ Тамъ же. Часть первая. Стр. 90—91.

дость; ибо ходятъ въ особенности по высокимъ мѣстамъ, по стремнинамъ, а часто и на зданія взбираются: такъ злые люди гордятся, и высоко возносятся. Козлица всегда стараются въ стадѣ быть на переду: такъ злые люди всегда хотятъ надъ другими начальствовать, или первое имѣть мѣсто. Козлица, когда ихъ влекутъ куда-либо или бьютъ, не молчатъ, но кричатъ: такъ злые люди, когда наказываются, не терпятъ, но ропщутъ, а часто и хулятъ: какая-де моя вина? Въ чемъ я согрѣшилъ? и пр. Козлица особенный какой-то издають смрадъ: такъ злые люди смердятъ злонравіемъ и беззаконнымъ житіемъ. Примѣчай, христіанинъ, сходства козлицъ и злыхъ людей, и помни, что написано объ овцахъ и козлицахъ: *и соберутся предъ Нимъ (Христомъ Царемъ) вси языцы: и разлучитъ ихъ другъ отъ друга, якоже пастырь разлучаетъ овцы отъ козлицъ. И поставитъ овцы одесную себе, а козлица ошуюю* (Матѣ. XXV). Итакъ, исправляй себя покаяніемъ и молитвою, да будешь овца Христова, да не явишься тогда, какъ козлице, когда разлучатся добрые отъ злыхъ, какъ овцы отъ козлицъ“¹⁾. Этими словами святителя Тихона мы считаемъ всего лучше заключить нашу бесѣду о христіанскомъ взглядѣ на природу и на самихъ себя въ дѣлѣ веденія нами скотоводства...

III.

Третій видъ сельскаго хозяйства, достойный вниманія каждаго, занимающагося имъ въ своей жизни, это именно — *мсл-водство* и *садоводство*. Изъ этой области Евангеліе также богато примѣрами и сравненіями, которыя Христосъ Спаситель любилъ приводить въ бесѣдахъ съ Своими слушателями для вразумленія и наставленія ихъ той или другой истинѣ. Такъ, на примѣръ, Онъ однажды „уподобилъ царствіе Божіе зерну горчичному, которое, когда сѣется въ землю, есть меньше всѣхъ сѣмянъ на землѣ. А когда посѣяно, всходитъ, и становится больше всѣхъ злаковъ, и пускаетъ большія вѣтви, тагъ что подъ тѣнію его могутъ укрываться птицы небесныя“

¹⁾ Тамъ же.

(Марк. IV, 30—32). „Здѣсь виденъ, — какъ говорить Дидонъ, — символъ Церкви Христовой — горчичное зерно, содѣлавшееся громаднымъ деревомъ, вѣтви котораго распростерлись надъ всею землею и господствуютъ надъ всѣмъ. Самые великіе умы, — по его словамъ, — эти птицы небесныя съ могучими крыльями, уставая отъ своего полета и будучи утомлены своею мудростію, изъ вѣка въ вѣкъ отдыхали подъ сѣнію учения Иисусова, которое одно только успокоиваетъ, укрѣпляетъ и просвѣщаетъ“¹⁾. Но и каждый изъ насъ, кто бы онъ ни былъ, можетъ видѣть на самомъ себѣ изъ этого предложеннаго ему образа силу царствія Божія, сначала *непримѣтнымъ образомъ приходящаго* въ душу человѣка и только потомъ уже дающаго о себѣ знать по плодамъ его въ жизни. Тому же самому горчичному зерну, которое есть самое малое изъ всѣхъ сѣмянъ, но которое со временемъ вырастаетъ въ дерево и становится больше всѣхъ произрастеній земныхъ, Христосъ Спаситель уподоблялъ, какъ извѣстно, вѣру людей въ Него, какъ Всемогущаго Господа. Такъ, Онъ говорилъ однажды Своимъ ученикамъ: „если бы вы имѣли вѣру съ зерно горчичное, и сказали смоковницѣ сей: исторгнись, и пересадись въ море; то она послушалась бы васъ“ (Лук. XVII, 6). Въ другой разъ Онъ говорилъ имъ: „если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно, и скажете горѣ сей: перейди отсюда туда; и она перейдетъ; и ничего не будетъ невозможнаго для васъ“ (Матѣ. XVII, 20).

Разсматриваемая область сельскаго хозяйства послужила, какъ извѣстно, для Христа Спасителя прекраснымъ образомъ для Его притчи о двухъ сыновьяхъ, посланныхъ однимъ человѣкомъ для работы въ виноградникъ, — изъ которыхъ одинъ оказался сначала непослушнымъ волѣ своего отца, а потомъ чрезъ нѣкоторое время исполнившимъ ее въ точности; другой же, хотя послушнымъ на словахъ, но на дѣлѣ не исполнившимъ ея, какъ слѣдуетъ (Матѣ. XXI, 28—32), — и для притчи Его о злыхъ виноградаряхъ, убившихъ сначала слугъ, посланныхъ хозяиномъ виноградника, а затѣмъ и единственнаго его сына-наслѣдника (Матѣ. XXI, 33—41). Въ первой

изъ указанныхъ нами притчей подъ двумя сыновьями, посланными въ виноградникъ, разумѣются, съ одной стороны, мытари и блудницы, изображающіе собою непослушнаго сына; а, съ другой, книжники и фарисеи, изображающіе сына послушнаго. „Подъ работою же въ виноградникъ разумѣются труды благочестія въ церкви Божіей, исполненіе воли Божіей, заповѣдей, добродѣтелей, вообще, жизнь добрая, благочестивая“¹⁾. Во второй притчѣ, въ которой Христосъ для извѣстной Своей мысли воспользовался образомъ зажиточнаго сельскаго хозяина-садовода: „былъ нѣкоторый хозяинъ дома, — говоритъ Онъ, — который насадилъ виноградникъ, обнесъ его оградю, выкопалъ въ немъ точило, построилъ башню, и, отдавъ его виноградарямъ, отлучился. Когда же приблизилось время плодовъ, онъ послалъ своихъ слугъ къ виноградарямъ, взять свои плоды“ (Матѣ. XXI, 33—34), — въ этой притчѣ, подъ *виноградникомъ* разумѣется ветхозавѣтная Церковь Божія и вся она (притча) имѣетъ преимущественно историческое значеніе. Такъ, подъ *Хозяиномъ* виноградника разумѣется Богъ Отецъ; подъ *оградю* ветхозавѣтный законъ, „данный народу избранному, какъ бы нѣкую ограду, отдѣляющую его отъ иноплемennыхъ“²⁾; подъ *точиломъ и башней* — алтарь и храмъ (Злат.; ср. Θεοφил.); подъ *виноградарями* разумѣются „всѣ приставники или представители религіозной и политической жизни народа, обязанные въ особенности воздѣлывать виноградникъ церкви Божіей“³⁾; подъ *слугами хозяина* — пророки Божіи; наконецъ, *подъ сыномъ-наслѣдникомъ* — Сынъ Божій, Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Но, помимо этого историческаго значенія своего, упомянутая притча имѣетъ еще, какъ извѣстно, и другое, нравственное значеніе. Такое значеніе имѣетъ она какъ для всѣхъ людей вообще, такъ въ особенности для сельскихъ хозяевъ, занимающихся специальною отраслью садоводства, насажденіемъ и воздѣлываніемъ винограда, и тому подобнахъ произрастеній. Угроза, высказанная въ этой притчѣ устами Христа: „злodeвъ сихъ (т. е., виногра-

¹⁾ „Иисусъ Христосъ“. Соч. Дидона перев. съ франц. Т. II. стр. 124.

¹⁾ Толковое Евангеліе отъ Маттея, архим. Михайла, стр. 409.

²⁾ Тамъ же, стр. 411—412.

³⁾ Тамъ же.

дарей, убившихъ слугъ и сына хозяина) предасть злой смерти; а виноградникъ отдасть другимъ виноградарямъ, которые будутъ отдавать ему плоды во времена свои“ (Матѳ. XXI, 41), — эта угроза, говоримъ, можетъ относиться и ко всѣмъ намъ, нерадивымъ и безпечнымъ относительно пріобрѣтенія царствія Божія, христіанамъ. „Намъ всѣмъ ввѣренъ *духовный виноградникъ*, отъ котораго Господь Богъ ожидаетъ плодовъ; намъ всѣмъ Господь Богъ далъ способности, назначивъ и обязанности, которыя всякій долженъ исполнять въ томъ состояніи, въ которомъ Богъ поставилъ. Для наученія нашего намъ проповѣдано слово спасенія. Но если мы не будемъ исполнять заповѣдей Божіихъ, не будемъ приносить добрыхъ плодовъ спасительной вѣры, то и отъ насъ, по слову Христа Спасителя, *отнимется царствіе Божіе и дано будетъ народу, приносящему плоды его* (Матѳ. XXI, 43)“. „Собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы“ (Матѳ. VII, 16)? — замѣтилъ однажды тотъ же Христосъ. По-истинѣ: „не собираютъ смоквъ съ терновника, и не снимаютъ винограда съ кустарника“ (Лук. VI, 44).

Нѣсколько сходна по своему содержанию и смыслу съ указанными притчами Христовыми и притча Его о хозяинѣ, нанявшемъ работниковъ въ виноградникъ свой, и о расплатѣ, произведенной имъ на основаніи договора, заключеннаго съ ними при наймѣ: „царствіе небесное, — сказалъ Христосъ, — подобно хозяину дома, который рано поутру“ и въ другіе часы дня „вышелъ нанять работниковъ въ виноградникъ свой. И, договорившись съ работниками по динарію на день, послалъ ихъ въ виноградникъ свой“ на работу (Матѳ. XX, 1—16).

Сюда же, т. е., къ разсматриваемой области сельскаго хозяйства принадлежить и притча Христова о *безплодной смоковницѣ*, которой Онъ воспользовался для того, чтобы представить намъ образъ для покаянія. „Нѣкто имѣлъ, — говоритъ Христосъ, — въ виноградникѣ своемъ посаженную смоковницу, и пришелъ искать плода на ней, и не нашелъ. И сказалъ виноградарю: вотъ, я третій годъ прихожу искать плода на этой смоковницѣ, и не нахожу, сруби ее: на что она и земля занимаетъ? Но онъ сказалъ ему въ отвѣтъ: господинъ! оставь ее и на этотъ годъ, пока я окопаю ее и обложу навозомъ;

не принесетъ ли плода; если же нѣтъ, то въ слѣдующій годъ срубишь ее“ (Лук. XIII, 6—9). Въ этой притчѣ смоковница, не приносящая плода, означаетъ людей, живущихъ безъ вѣры въ Бога, безъ любви къ Нему и ближнему, безъ покаянія во грѣхахъ своихъ, — словомъ, тѣхъ людей, въ сердцахъ которыхъ сѣмя слова Божія остается пусто и безплодно. Но, съ другой стороны, эта притча изображаетъ намъ Господа долготерпѣливаго и многомилостиваго, не желающаго кому-либо изъ насъ вѣчной гибели, но *желающаго всѣмъ спастися и въ разумъ истины прийти*. Какъ это должно быть утѣшительно и отрадно для насъ!..

Такое же значеніе имѣеть, безъ сомнѣнія, и та „смоковница, покрытая листьями“, которую однажды Христосъ Спаситель, по словамъ евангелиста Матѳея, „увидѣлъ при дорогѣ (на пути изъ Виваніи въ Іерусалимъ), подошелъ къ ней, и, ничего не найдши на ней, кромѣ однихъ листьевъ; ибо, — прибавляетъ евангелистъ Маркъ, — еще не время было собиранія смоквъ, сказалъ ей: да не будетъ же впредь отъ тебя плода во вѣкъ. И смоковница тотчасъ засохла“. Когда на другой день, „поутру, ученики, проходя мимо“ того мѣста, „увидѣли, что смоковница засохла до корня, и, удивившись“ этому событію, „говорили: какъ это тотчасъ засохла смоковница“; тогда „Иисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ: если будете имѣть вѣру, и не усумнитесь, не только сдѣлаете то, что сдѣлано съ смоковницею, но если и горѣ сей скажете: поднимись, и свергнись въ море; будетъ“ (Матѳ. XXI, 19—21; Мар. XI, 13—14; 20—23). И св. Церковь, желая пробудить въ насъ подобныя чувствованія покаянія и вѣры, обращается ко всѣмъ намъ въ одной изъ своихъ стихиръ съ такого рода наставленіемъ: *иссохшия смоковницы за неплодіе прецненія убоавшеся, братіе, плоды достойны покаянія принесемъ Христу* (во св. и вел. пон. на веч. стих.).

Съ того же самаго дерева — *смоковницы* Христосъ Спаситель взялъ, какъ извѣстно, примѣръ или подобіе, когда говорилъ ученикамъ Своимъ о второмъ пришествіи Сына Человѣческаго на землю: „отъ смоковницы возьмите подобіе: когда вѣтви ея становятся уже мягки и пускаютъ листья, то знаете, что близко лѣто. Такъ, и когда вы увидите то (что

Я говорилъ вамъ относительно этого пришествія) сбывающимся, знайте, что близко царствіе Божіе“ (Матѣ. XXIV, 32 — 33; Лук. XXI, 29 — 31). Въ этомъ случаѣ какъ близко подходятъ къ этимъ словамъ Христовымъ другія слова Его, сказанныя Имъ въ отвѣтъ фарисеямъ и саддукеямъ, когда они, искушая Его, просили показать имъ знаменіе съ неба: „вечеромъ вы говорите: будетъ ведро, потому что небо красно. И поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицеѣры! различать лице неба вы умѣете; а знаменій времени не можете“ (Матѣ. XVI, 1—3)?

Обращалъ также вниманіе Господь и на всякое другое дерево и растеніе изъ области лѣсоводства и садоводства, которымъ пользовался всякій разъ, когда нужно было это сдѣлать въ цѣляхъ назиданія своихъ слушателей, для того, чтобы вывести имъ изъ природы живой и поучительный образъ, научающій ихъ той или другой истинѣ царствія Божія. Такъ, напр., Онъ говорилъ Своимъ слушателямъ въ нагорной бесѣдѣ Своей слѣдующее: „всякое дерево доброе приноситъ и плоды добрые; а худое дерево приноситъ и плоды худые. Не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево познается по плоду своему... Или признайте дерево хорошимъ и плодъ его хорошимъ; или признайте дерево худымъ и плодъ его худымъ; ибо дерево познается по плоду“ (Матѣ. VII, 17—19; XII, 33; Лук. VI, 43—44). Такой прекрасный образъ, взятый отъ видимой природы, Христосъ, какъ извѣстно, представилъ Своимъ слушателямъ, а въ лицѣ ихъ, конечно, и всѣмъ намъ — христіанамъ, въ предостереженіе отъ лжепророковъ и другихъ вредныхъ людей, которые, по Его словамъ, часто „приходятъ къ намъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные“. Вотъ по плодамъ-то или дѣламъ въ жизни и велитъ Господь распознавать ихъ (ст. 16, 20). Какъ же, поэтому, долженъ быть близокъ указанный образъ для всѣхъ насъ, особенно же для тѣхъ, которые, по условіямъ своей внѣшней жизни, поставлены самымъ положеніемъ своимъ въ болѣе или менѣе тѣсное отношеніе къ природѣ! Въ такомъ же именно духѣ проповѣдывалъ, какъ извѣстно, и св. Іоаннъ Креститель: „уже и сѣкира при корнѣхъ деревъ лежитъ“, — говорилъ Онъ фа-

рисеямъ и саддукеямъ, — „всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь“ (Матѣ. III, 10), — разумѣя въ этомъ случаѣ подъ сѣкирою, готовою посѣчь и уничтожить дерево, гнѣвъ Божій на людей упорныхъ и не раскаляющихся во грѣхахъ своихъ. Этотъ образъ долженъ быть также весьма близокъ сердцу каждаго изъ насъ, по сколько мы оказываемся въ жизни своей грѣшниками, противящимися волѣ Божіей. Прекрасно разсуждаетъ объ этомъ святитель Тихонъ Задонскій въ своемъ сочиненіи: „Сокровище духовное отъ міра собираемое“, выдержки изъ котораго мы приводили уже нѣсколько разъ: „видимъ, — говоритъ онъ, — что садовникъ, довольно ожидая отъ яблони или иного какого дерева плода, и усмотря, что не даетъ желаемаго ему плода, посѣкаетъ дерево то, какъ негодное и бесплодное, и въ огонь бросаетъ. Такъ судъ Божій постигаетъ и посѣкаетъ нераскаяннаго грѣшника. Богъ, какъ преблагій и челоуѣколюбивый, ожидаетъ отъ грѣшника покаянія, и долготерпитъ ему, но когда уже видитъ, что онъ въ нераскаяніи живетъ, какъ и жилъ, тогда праведнымъ Своимъ судомъ посѣкаетъ его, и въ вѣчный огонь вметаетъ... И хотя не всѣ беззаконники по недовѣдомымъ судьбамъ Божіимъ здѣсь казнятся, однако же всѣ смертію, какъ сѣкирою, посѣкаются, и въ огонь вѣчный ввергаются, и такимъ образомъ принимаютъ заслуженный свой жребій. И это то есть, что Предтеча святой сказалъ: *уже и сѣкира при корени древа лежитъ. Всяко убо дерево, еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываетъ, и во огонь вметаемо*“ (Мат. гл. 3)...“¹⁾ Такъ бываетъ съ худымъ деревомъ, которое изображаетъ собою нераскаяннаго грѣшника. Теперь, что касается хорошаго дерева, подъ которымъ нужно разумѣть добраго христіанина, то о немъ мы находимъ у того же святителя слѣдующее разсужденіе: „дерево хорошее отъ хорошаго сѣмени бываетъ. Добрый христіанинъ отъ Божія слова небеснаго и добраго сѣмени рождается, по писанію: *порождени не отъ сѣмене истлѣнна, но неистлѣнна, словомъ живаго Бога и пребывающа во вѣки* (1 Петр. 1 гл.). Дерево хорошее познается отъ хорошихъ его плодовъ: такъ добрый христіанинъ познается отъ добрыхъ дѣлъ.

¹⁾ Часть третья, стр. 157—161.

Отъ дерева хорошаго хорошіе плоды извнутри его рождаются: такъ добрый христіанинъ извнутри, отъ сердца и нелицемѣрно, добрыя творить дѣла. Дерево хорошее показывають хорошіе плоды, а не дѣлають хорошимъ: такъ христіанина добраго показывають добрыя дѣла, а не дѣлають добрымъ. Дереву надобно прежде хорошимъ быть, и тогда хорошіе плоды творить. Ибо дерево худое не можетъ хорошихъ плодовъ творить: такъ христіанину надобно прежде сдѣлаться добрымъ, и тогда добрыя дѣла творить. Дерево хорошее приноситъ плоды хозяину и прочимъ людямъ: такъ добрый христіанинъ творить добрыя дѣла для славы имени Божія и пользы ближнихъ своихъ. Хорошіе плоды хорошаго дерева, хотя и висятъ во очію всѣхъ на деревѣ, однакожь приписываются не дереву самому, но сѣмени хорошему, отъ котораго дерево произрасло: такъ и добрыя дѣла, хотя и творить ихъ добрый христіанинъ, должно приписывать благому и человѣколюбивому Богу, который доброе сѣмя на сердцѣ человѣческомъ посѣялъ и добрымъ его сдѣлалъ, помогаетъ ему и укрѣпляетъ его добро творить. Ибо безъ Бога и добрымъ быть, и добро творить невозможно, по слову Господню: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. XV). Дерево хорошее, чѣмъ болѣе обрубается и очищается отъ дѣлателя, тѣмъ болѣе плодъ приноситъ: такъ добрый христіанинъ, чѣмъ болѣе наказывается и исправляется отъ небснаго дѣлателя Бога, тѣмъ лучшій бываетъ, и болѣе добрыхъ дѣлъ творить. Дерево хорошее всѣмъ безъ разбору домашнимъ и чужимъ плоды свои даетъ: такъ добрый христіанинъ всѣмъ, друзьямъ и врагамъ, знаемымъ и незнаемымъ, добро творить, подражая въ томъ небесному Отцу, Который *солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Матѣ. V)¹⁾. Таковы нравственные уроки относительно хорошаго дерева, о которыхъ говорить намъ слово Божіе, — уроки, заимствованные нами у святителя Тихона. Кромѣ этого, у него мы находимъ нѣсколько уроковъ относительно деревьевъ вообще. Такъ, напр., онъ оставливается мыслію своею на высокомъ деревѣ среди малаго лѣса и выводитъ отсюда приличное назиданіе: „какъ дерево

¹⁾ Тамъ же, часть вторая, стр. 6—10.

высокое посреди низкаго лѣса, — говоритъ онъ, — такъ человекъ, на чести пребывающій, посреди подлыхъ людей. Дерево высокое всѣми издалека видно: такъ на чести сѣдящаго человека всѣ видятъ. Чѣмъ выше дерево, тѣмъ оно дальше и большими людьми видится: такъ, чѣмъ болѣе высокій властелинъ, тѣмъ болѣе многіе люди его знаютъ, и, что онъ дѣлаетъ или говоритъ, вѣдаютъ. Высокое дерево всякому вѣтру и бурѣ подлежатъ, и отъ всякой непогоды обуреваются: такъ высокій властелинъ всякому искушенію и бѣдствію подлежатъ, и чѣмъ выше властелинъ, тѣмъ болѣе подверженъ искушенію. На малое дерево не всякій находитъ вѣтеръ: а на высокое всякій и отовсюду вѣетъ, и колеблетъ его¹⁾... Далѣе. „когда высокое дерево, посреди малаго лѣса стоящее, падаетъ, то далеко бываетъ слышно паденіе его, и сокрушаетъ много малаго лѣса, близъ себя стоящаго. Такъ, когда въ великій грѣхъ падетъ пастырь, или иной какой властелинъ, то далеко паденіе его прослышится, и многихъ соблазнитъ. Ибо невозможно, по-истинѣ, невозможно паденіямъ пастырскимъ и властелинскимъ утаиться, какъ они ни скрываютъ это. Далекое послышится паденіе ихъ, какъ высокихъ деревъ падшихъ. То-то или то-то сдѣлалъ онъ. Кто? Епископъ или священникъ, губернаторъ или воевода, князь или царь, или иной какой властелинъ, или хозяинъ въ домѣ. Падетъ отецъ, и знаютъ дѣти его. Падетъ господинъ, и знаютъ рабы его. Падетъ пастырь, и знаютъ люди его. Падетъ судія, и знаютъ всѣ. Падетъ царь, и вездѣ слышится паденіе его. Такъ палъ Царь Израилевъ Давидъ, и всѣ узнали паденіе его. И хотя всякимъ образомъ старался скрыть паденіе свое, однако вездѣ пронеслось такъ, что весь свѣтъ узналъ. Видимъ то же самое и нынѣ. Падаютъ и нынѣ власти, и всѣ узнаютъ паденіе ихъ...“²⁾ Совсѣмъ иное явленіе представляетъ собою малое деревцо, по словамъ того же святителя Тихона. „Видимъ, — говоритъ онъ, — что малое деревцо ко всякой сторонѣ удобно преклоняется, куда бы только ни преклонилось. Ибо куда преклонится, туда и растетъ. Такъ имѣется юное и малое отроча.

¹⁾ Тамъ же, часть первая, стр. 226—227.

²⁾ Тамъ же, ч. 1-я, стр. 227—228.

Чему оно научается, къ тому и привыкаетъ: и къ чему привыкаетъ, то и въ прочее время творить будетъ. Научитесь-ли добру въ юности своей, добрымъ и во всю свою жизнь будете. Научитесь-ли злу, какъ въ юности, такимъ же и во всю жизнь будете, и изъ малаго отрока можетъ быть дьяволъ и ангелъ. Какое воспитаніе и наставленіе будетъ имѣть, таковъ будетъ и въ жизни. Ибо отъ воспитанія, какъ плоды отъ сѣмени, зависитъ все остальное время жизни...“¹⁾ „Малое деревцо, когда исторгается изъ земли, удобно исторгается: такъ всякая злая страсть, пока еще не вкоренилась въ сердце и не застарѣла, безъ труда отъ человѣка изымается. Великое дерево неудобно и съ великою трудностію исторгается изъ земли; такъ какъ глубоко корень свой въ землю утвердило. Такъ застарѣлая страсть, въ сердцѣ человѣческомъ глубоко вкоренившаяся, съ великою неудобностію и трудностію исторгается...“²⁾ Встрѣчаются еще въ области лѣсоводства и садоводства прямые и кривые деревья. Что-же обозначаютъ собою они въ этомъ случаѣ? По словамъ того же святителя, „что прямое и кривое дерево, то есть правое и неправое сердце. Какъ прямое и кривое дерево между другихъ деревъ встрѣчаются, такъ бываетъ правое и неправое сердце. Прямое съ кривымъ не ладится: такъ между правымъ и неправымъ сердцемъ нѣтъ никакого сходства и согласія... Прямое дерево ко всякому дѣлу годится, все изъ него можно дѣлать; но кривое дерево ни къ чему не годится: такъ правое сердце ко всякому чину и званію и общей пользѣ годится и нужно: но неправое сердце ни къ какому званію и чину не годится: оно, гдѣ ни будетъ, во всемъ воли своей, а не Божіей, будетъ послѣдовать: вездѣ скверной своей корысти, а не общей пользы будетъ искать...“³⁾

Кромѣ разнаго рода деревьевъ, Христосъ Спаситель, какъ мы сказали, обращалъ также вниманіе съ тою же самою цѣлю, т. е. съ цѣлю наученія своихъ слушателей какой-либо истинѣ царствія Божія, и на всякое другое растеніе. Такъ,

напр., Онъ однажды высказалъ Своимъ ученикамъ слѣдующія слова: „всякое растеніе, которое не Отецъ Мой небесный насадилъ, искоренится“ (Матѳ. XV, 13). „Съ растеніемъ“ здѣсь „сравнивается ученіе“, которое „насаждается въ духъ, чтобы, возрастая, въ продолженіе жизни, приносить плоды добродѣтелей, обнаруживающіеся въ поведеніи человѣка. Точно такъ же“, какъ мы видимъ, „и люди нерѣдко сравниваются съ растеніемъ или деревомъ, добрые—съ добрымъ, недобрые—съ дурнымъ“. Вслѣдствіе этого образная рѣчь Христа Спасителя будетъ значить то, что „всякое ученіе, не отъ Бога происшедшее и съ ученіемъ Божіимъ несогласное, а равно и люди, или измыслившіе такое ученіе, или поддерживающіе его, не устоятъ предъ истинною слова Божія, и рано или поздно разоблачатся ложь ихъ“. ¹⁾ Въ другой разъ, именно въ нагорной бесѣдѣ Своей, говоря противъ многопопечительности людей вообще и роскоши ихъ въ одеждѣ въ частности, Христосъ не преминулъ воспользоваться для этой цѣли полевыми цвѣтами—лиліями, которыя, можетъ быть, представились въ то время Его взору и которыя, вѣроятно, росли тутъ же, на равнинѣ, гдѣ стоялъ народъ и слушалъ Его рѣчь. „И объ одеждѣ что заботитесь? Посмотрите на полевые лиліи, какъ онѣ растутъ? Не трудятся, ни прядутъ. Но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ: кольми паче васъ, маловѣры!“ (Матѳ. VI, 28—30).

Наконецъ всѣ сельскіе, какъ хозяева, такъ и ихъ работники, занимающіеся лѣсоводствомъ и садоводствомъ, должны знать и твердо содержать въ своемъ умѣ и сердцѣ то обстоятельство изъ жизни Господа нашего Иисуса Христа, что Онъ однажды сравнилъ себя съ *зеленѣющимъ деревомъ*, а въ другой разъ—съ *виноградною лозою*. „Если,—сказалъ Онъ плачущимъ по Немъ дочерямъ Іерусалимскимъ въ то время, когда Его вели на крестную смерть—„если съ зеленѣющимъ деревомъ это дѣлаютъ, то съ сухимъ что будетъ?“ (Лук. XXIII, 31). „Я есмь истинная виноградная лоза,—говорилъ Онъ въ трогатель-

¹⁾ Тамъ же, ч. 1-я, стр. 159.

²⁾ Тамъ же, ч. 2-я, стр. 162—163.

³⁾ Тамъ же, ч. 2-я, стр. 143—144.

¹⁾ Толковое евангеліе отъ Матѳея, архим. Михаила. Стр. 295—296.

ной прощальной бесѣдѣ съ учениками Своими,—а Отецъ Мой виноградарь. Всякую у Меня вѣтвь, не приносящую плода, Онъ отсѣкаетъ, и всякую, приносящую плодъ, очищаетъ, чтобы болѣе принесла плода. Вы уже очищены чрезъ слово, которое Я проповѣдалъ вамъ. Пребудьте во Мнѣ, и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ: такъ и вы, если не будете во Мнѣ. Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего. Кто не пребудетъ во Мнѣ, извергнетъ вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ; а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь, и горять. Если пребудете во Мнѣ, и слова Мои въ васъ пребудутъ; то, чего ни пожелаете, просите, и будетъ вамъ. Тѣмъ прославится Отецъ Мой, если вы принесете много плода, и будете Моими учениками“ (Іоан. XV, 1—8). Кто изъ насъ, скажите, не испытывалъ при чтеніи или слышаніи этихъ словъ Христовыхъ всей прелести отъ естественной живости и простоты ихъ, словъ неизъяснимыхъ и понятныхъ самихъ по себѣ, безъ всякихъ, излишнихъ въ этомъ случаѣ, комментаріевъ къ нимъ? Но, для того чтобы эта прелесть, эта сила обаятельнаго вліянія ихъ на насъ имѣла еще большее значеніе,—для этого не лишне будетъ вспомнить, при какой именно обстановкѣ они были произнесены Христомъ Спасителемъ нашимъ. Они были произнесены, какъ извѣстно, ночью въ той горницѣ Іерусалимской, гдѣ была совершена Имъ тайная вечеря, въ виду сада, находящагося за потокомъ кедрскимъ,—сада, въ которомъ росли многочисленныя виноградныя лозы и въ который потомъ вошелъ Іисусъ съ учениками Своими (Іоан. XVIII, 1), при раскрытыхъ, можетъ быть, дверяхъ и окнахъ той горницы, гдѣ Онъ сидѣлъ за столомъ и куда отовсюду пахло богатой палестинской природой. Въ этой же самой горницѣ и за этой самой вечерей Христомъ были произнесены, какъ извѣстно, и слѣдующія, имѣющія значеніе по отношенію къ разсматриваемому вопросу изъ области сельскаго хозяйства, слова: „пейте изъ нея всѣ; ибо сіе есть кровь Моя новаго завѣта, за многихъ изливаемая, во оставленіе грѣховъ. Сказываю же вамъ, что отнынѣ не буду пить съ вами новое вино

въ царствѣ Отца Моего“ (Мат. XXVI, 27—29),—слова, которыя Онъ произнесъ послѣ того, какъ взялъ въ Свои руки чашу съ виномъ, разбавленнымъ по обычаю водою, вмѣстѣ съ благодареніемъ Богу и благословеніемъ. И съ тѣхъ поръ въ св. Церкви Христовой подъ образомъ *винограднаго вина*, не видимо и чудесно пресуществляемаго во время Божественной литургіи благодатію Св. Духа, вѣрующіе вкушаютъ и причащаются истинной крови Христовой... Въ заключеніе нашей бесѣды о христіанскомъ взглядѣ на природу и на самихъ себя въ дѣлѣ веденія нами лѣсоводства и садоводства приведемъ слова святителя Тихона (Задонскаго) о лозѣ и вѣтвяхъ, изображающихъ Христа и христіанъ между собою. „Вѣтви съ лозою соединены:—говоритъ онъ,—такъ христіане со Христомъ духовно соединены. Вѣтви отъ лозы сокъ принимаютъ, и плодъ творятъ: такъ христіане отъ Христа живительную силу добродѣтели и добродѣтелей принимаютъ, и плоды добрыхъ дѣлъ рожаютъ. На вѣтвяхъ, хотя и видится плодъ, но приписывается онъ лозѣ: такъ христіане, хотя и приносятъ плодъ добродѣтелей, однакожъ Христу Сыну Божію приписываются онѣ. Вѣтви сами по себѣ безъ лозы не могутъ плода творить, такъ христіане безъ Христа ничего не могутъ творить. Вѣтви обрубаются и очищаются садовникомъ, чтобы лучшій и болшій плодъ приносили, такъ христіане отъ небснаго Отца наказываются, съ тою цѣлію, чтобы множайшій и пріятнѣйшій плодъ добродѣтелей приносили. Вѣтви снаружи не красивы, но внутри хорошій и пріятный сокъ и плодъ содержатъ: такъ христіане снаружи не красивы, презрѣнны, но внутри добры, не краснорѣчиво говорятъ, но хорошо живутъ. Вѣтви, чѣмъ болѣе плодами обременяются, тѣмъ болѣе къ землѣ преклоняются и ниспускаются: такъ христіане, чѣмъ болѣе добрыхъ дѣлъ творятъ, тѣмъ болѣе смиряются. Вѣтви плодъ творятъ ради дѣлателя такъ христіане добрыя дѣла творятъ по слову небснаго Отца, отъ Котораго всякое добро происходитъ. Вѣтвь, не приносящая плода, отсѣкается отъ лозы: такъ христіанинъ, который не творитъ добраго плода, отторгается отъ Христа. Вѣтвь, отсѣченная отъ лозы, засыхаетъ: такъ христіанинъ, отторженный отъ Христа, всю духовную свою жизнь погубляетъ, и духовно засыхаетъ. Вѣтвь изсохшая ни къ чему

иному не годится, какъ только къ сожженію: такъ христіанинъ, отторгнувшійся отъ Христа и изсохшій, вѣчному предается огню. Отсюда видишь, христіанинъ: 1) сколь тѣсный союзъ и общеніе истинныхъ христіанъ со Христомъ. Этотъ есть лоза: тѣ же суть вѣтви. 2) Сколь великое и высокое достоинство есть. Ибо что преславнѣе есть, какъ не то чтобы со Христомъ Царемъ небеснымъ имѣть общеніе? Преславно съ царемъ земнымъ или княземъ имѣть общеніе, но несравненно славнѣе со Христомъ, Царемъ царствующихъ. 3) Сколь великое ихъ блаженство. Ибо если Христосъ съ христіанами, то кто противъ нихъ? Весь свѣтъ и весь адъ ничего не могутъ сдѣлать противъ христіанина. Ибо Христосъ его крѣпость и сила. 4) Безъ Христа быть добродѣтельными и добрыя дѣла творить мы не можемъ, такъ какъ вѣтви безъ лозы плодотворить не могутъ. 5) Отсюда слѣдуетъ то, что прежде всего должны во Христѣ насадиться, и такимъ образомъ плоды добрыхъ дѣлъ творить: надобно прежде всего сдѣлаться добрымъ, и тогда добро творить. 6) Сколь бѣдное состояніе тѣхъ христіанъ, которые беззаконною жизнію своею отторгнулись отъ Христа. Ибо они суть какъ вѣтви изсохшія. 7) Всякому, кто хочетъ спастись должно чистымъ сердцемъ обратиться къ Господу, и покаяніемъ и слезами омыть себя, и такимъ образомъ прицѣпиться Христу—этой истинной лозѣ. Ибо кромѣ Христа и внѣ Христа нѣтъ спасенія. Христосъ есть жизнь и свѣтъ. Итакъ, надобно быть тому въ смерти и во тьмѣ, кто отъ жизни и свѣта отлучился. Разсуждай объ этомъ, христіанинъ, и покаяніемъ и слезами омой грѣхи свои, для того, чтобы опять соединиться со Христомъ—жизнію твоею¹⁾.

Мы изложили ученіе Христа Спасителя о томъ, какъ намъ должно смотрѣть на природу и на самихъ себя въ дѣлѣ веденія нами сельскаго хозяйства. Мы привели изъ трехъ главныхъ видовъ или отдѣловъ этого хозяйства: земледѣлія, скотоводства и садоводства, входящихъ каждый въ его область и составляющихъ въ совокупности то, что мы собственно и называемъ сельскимъ хозяйствомъ,—нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ ученіе объ этомъ Христа и уясняющихъ высказанную нами ранѣе мысль. Что же мы должны замѣтить здѣсь

¹⁾ „Сокров. дух.“ Ч. 1. стр. 83—86.

еще, въ заключеніе всѣхъ вообще бесѣдъ нашихъ на избранную нами тему? То, что для того, чтобы быть намъ истинными христіанами не на словахъ только, а и на дѣлѣ, нужно постоянно проводить въ свою жизнь этотъ взглядъ на природу и на самихъ себя и руководствоваться имъ на всѣхъ путяхъ своей дѣятельности. Только тогда, дѣйствительно, мы и будемъ отличаться нѣсколько отъ язычниковъ, отъ людей не просвѣщенныхъ свѣтомъ вѣры Христовой. Теперь же пока, къ сожалѣнію нужно сказать, этого отличія между современными христіанами и древними язычниками нельзя замѣтить: язычники, какъ извѣстно, „славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ подобный тлѣнному челоуѣку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыгающимъ: потому и предалъ ихъ Богъ, въ похотяхъ сердецъ ихъ, нечистотѣ, такъ что они сквернили сами свои тѣла. Они замѣнили истину Божью ложью, и поклонялись и служили твари вмѣсто Творца, который благословенъ во вѣки“ (Рим. I, 23—25); точно также и среди христіанъ можно усмотрѣть идолопоклонство, — идолопоклонство если не грубое, то тонкое,—въ видѣ различныхъ пороковъ и страстей, которымъ они служатъ и поклоняются: любостыжанія, чревоугодія, гордости, лицемѣрія и т. п. Язычниковъ, „какъ не заботившихся имѣть Бога въ разумѣ, предалъ Богъ превратному уму, дѣлать непотребства, такъ что они,—по словамъ Апостола Павла,—исполнены „всѣкой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, исполнены зависти, убійства, распрей, обмана, злонравія,“ были „злорѣчивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобрѣтательны на зло, непослушны родителямъ, безразсудны, вѣроломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы“ (ст. 28—31): тѣ же самые пороки въ большей или меньшей степени встрѣчаются и среди христіанъ. Въ одномъ только развѣ можно замѣтить отличіе между древними язычниками и современными христіанами, это именно въ томъ, что древніе язычники почитали своихъ многихъ и ложныхъ боговъ, а современные христіане не почитаютъ своего единого и истиннаго Бога, Которому нѣкогда они дали обѣтъ служенія. Подумайте же объ этомъ всѣ вы, носящіе на себѣ имя христіанъ православныхъ!..

С Л О В О

въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича, 30-го августа 1894 года.

**О причинахъ упадка и оскудѣнія и о средствахъ под-
нятія и возвышенія сельскаго хозяйства въ русскомъ
народѣ съ религіозно-христіанской точки зрѣнія.**

Я не омрачу свѣтлости нынѣшняго нашего двоякаго тор-
жества по случаю дня памяти св. Благовѣрнаго Великаго
князя Александра Невскаго и по случаю дня тезоименитства
Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Алексан-
дровича, если коснусь съ церковной каеедры одного важнаго
вопроса, волнующаго умы многихъ изъ насъ въ настоящее
время, именно вопроса о причинахъ упадка и оскудѣнія и о
средствахъ поднятія и возвышенія сельскаго хозяйства въ
русскомъ народѣ. Побужденіе къ этому отчасти даетъ мнѣ и
нынѣшнее наше церковное празднованіе въ честь св. Благо-
вѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, къ которому
прибѣгаетъ св. Церковь съ молитвами, „прося принять ихъ“, —
какъ поется въ тропарѣ ему, — „умножая жита людямъ пло-
носіемъ земли“ російской (троп. 30-го августа); — отчасти
же и нынѣшнее наше гражданское торжество въ честь Госу-
даря Императора, заботливый взоръ Котораго, какъ Само-
державнаго Хозяина земли русской, не разъ былъ обраща-
емъ за все время его царствованія, среди прочихъ нуждъ на-
родныхъ, и на эту сторону его обширнаго государства, въ
эту область народнаго сельскаго хозяйства. Главное же по-
бужденіе къ этому я усматриваю въ томъ обстоятельстве,
что мы находимся сейчасъ въ стѣнахъ того храма, который
долженъ будетъ служить удовлетвореніямъ духовныхъ потре-
бностей обитателей одного изъ учебныхъ учреждений, имѣю-
щихъ ближайшее отношеніе къ сельскохозяйственнымъ ну-
ждамъ современнаго общества.

Вопросъ о сельскомъ хозяйствѣ сталъ въ послѣднее время,
особенно въ виду преобразования министерства земледѣлія и

государственныхъ имуществъ, въ рукахъ котораго находится
забота и попеченіе объ этомъ рода хозяйствѣ, животрепещу-
щимъ вопросомъ въ Россіи, привлечшимъ къ себѣ вниманіе,
можно сказать, всѣхъ образованныхъ сыновъ ея. Имъ за-
интересованы теперь не только спеціалисты по этой части
знанія, но и всѣ остальные граждане русской земли, такъ
или иначе соприкасающіеся съ указанною областію. Среди
многихъ ученыхъ людей, разрабатывающихъ общественно-
государственные проекты, а также среди разныхъ другихъ
лицъ свѣтскаго званія, подающихъ свои частныя мнѣнія отно-
сительно этого вопроса, что же можетъ и долженъ теперь
сказать о немъ служитель Церкви, не спеціалистъ въ этого
рода дѣлѣ, сказать, притомъ, тогда, когда обученіе сельско-
му хозяйству и веденіе его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ
напримѣръ здѣсь, происходитъ по усовершенствованнымъ за
послѣднее время научнымъ способамъ?..

Безъ сомнѣнія, наука многое уже сдѣлала и дѣлаетъ для
облегченія и упроченія нашего сельскаго хозяйства, которое
еще такъ недавно было у всѣхъ какъ-бы въ забросѣ и на
которое мало обращалось у насъ вниманія. Въ этомъ отно-
шеніи наукѣ нужно отдать великую честь. Ей должны быть
благодарны за это многіе русскіе люди, ставшіе при помощи
ея собственными сельскими хозяевами или же получившіе
мѣсто по этому хозяйству у кого-либо другихъ. Мы не бу-
демъ, конечно, входить здѣсь въ область науки, какъ не при-
надлежащіе къ ея культурѣ и не считающіе себя вполне ком-
петентными въ этомъ дѣлѣ. Мы хотимъ освѣтить вышеука-
занный вопросъ относительно сельскаго хозяйства въ нашемъ
отечествѣ съ другой стороны, именно со стороны нашей Вѣ-
ры Православной. Да, мы хотимъ сказать здѣсь нѣсколько
словъ объ этомъ вопросѣ съ религіозно-христіанской точки
зрѣнія! Пускай наука дѣлаетъ свое дѣло на пользу и благо
человѣчества; ей никто не мѣшаетъ, напротивъ, всѣ способ-
ствуютъ въ этомъ великомъ и благодѣтельномъ для всего
русскаго народа дѣлѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть и вѣра не
забываетъ своего предназначенія: пусть и она внесетъ свою
долю участія въ рѣшеніи этого важнаго современнаго воп-
роса, касающагося внѣшняго быта русскаго народа. Наука

и вѣра, какъ всегда, такъ въ частности и въ рѣшеніи упомянутого вопроса, должны идти вмѣстѣ, такъ сказать, рука объ руку, восполняя и усовершеншая другъ друга въ своей жизни. Тогда, и только тогда мы можемъ ожидать какихъ-либо благотворныхъ плодовъ отъ всѣхъ заботъ, какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ, о развитіи и широкомъ примѣненіи у насъ сельскаго хозяйства. Нынѣ же, какъ извѣстно, нельзя не замѣтить упадка и оскудѣнія этого послѣдняго въ нашей странѣ и въ нашемъ народѣ. Гдѣ-же, въ чемъ именно кроется причина этого упадка и оскудѣнія?..

Наука, какъ извѣстно, указываетъ на это много причинъ. Такъ, она видитъ, прежде всего, причину этого упадка въ *нежеланіи* русскаго народа заниматься сельскимъ хозяйствомъ и въ *пренебреженіи* имъ этого послѣдняго, которое годъ отъ году падаетъ у насъ все болѣе и болѣе; затѣмъ, въ *незнаніи* основныхъ теоретическихъ правилъ этого хозяйства и въ *отсутствіи*, за немногими развѣ исключеніями, машинъ и орудій, приспособленныхъ для болѣе удобнаго и успѣшнаго веденія его на практикѣ; наконецъ, въ *внѣшнихъ условіяхъ природы*, неблагоприятствующихъ воздѣлыванію почвы и препятствующихъ развитію на ней той или другой стороны сельскаго хозяйства. Всѣ эти, приведенныя нами, причины, на которыя указываетъ современная наука и въ которыхъ видитъ она оскудѣніе и упадокъ сельскаго хозяйства въ русскомъ народѣ, имѣютъ, конечно, свою долю истины и должны приниматься во вниманіе, когда рѣчь идетъ о средствахъ поднятія и возвышенія этого хозяйства въ нашемъ отечествѣ. Но, прежде чѣмъ говорить объ этихъ средствахъ, необходимо коснуться указанныхъ нами причинъ и постараться устранить ихъ, какъ весьма вредныя въ дѣлѣ народнаго сельскаго хозяйства, тормозящія его успѣхъ и неблагоприятствующія ему во всѣхъ отношеніяхъ. Остановимся же и разберемъ здѣсь эти причины.

Первая причина упадка и оскудѣнія у насъ сельскаго хозяйства состоитъ, какъ мы сказали, въ томъ, что русскій народъ самъ не желаетъ заниматься этимъ хозяйствомъ и пренебрегаетъ имъ въ своей, какъ частной, такъ и общественной жизни. Что русскій народъ имѣлъ до сихъ поръ

такое, а не иное отношеніе къ сельскому хозяйству, это, я думаю, всѣмъ извѣстно и ни для кого не составляетъ тайны въ настоящее время. Это нежеланіе и пренебреженіе со стороны его сельскимъ хозяйствомъ нѣкоторые объясняютъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ будто-бы выросъ изъ своего прежняго, закрѣпощеннаго состоянія вотчинника крестьянина или двороваго челоуѣка, и сталъ теперь, при новомъ возрастѣ свободнаго гражданина земли русской, стыдиться того ремесла, которымъ занимался прежде. Это, конечно, правда и противъ этого возражать никто не станетъ. Съ отмѣною крѣпостнаго права и съ полученіемъ гражданской свободы русскій народъ, какъ извѣстно, побросалъ свои земли и занятія на нихъ сельскимъ хозяйствомъ и направился главнымъ образомъ въ города для отысканія себѣ какихъ-либо другихъ занятій, подходящихъ къ его званію, помимо сельскихъ, которыми онъ, во имя ложно понятой свободы и правъ своихъ, пренебрегъ совершенно. Между тѣмъ какъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія вѣры православной, должно представляться намъ не такимъ простымъ и унижительнымъ дѣломъ, какимъ оно представляется поверхностному наблюдателю. Стоитъ только вспомнить о первыхъ ветхозавѣтныхъ людяхъ Адамѣ и Евѣ. Кѣмъ они были въ то время, когда жили въ раю? Они были тогда, въ полномъ смыслѣ слова, сельскими хозяевами. „И взялъ Господь Богъ челоуѣка, (котораго создалъ),—говоритъ писатель книги Бытія, — и поселилъ его въ саду Едемскомъ, чтобы воздѣлывать его, и хранить его“ (Быт. II, 15). Такое же занятіе имѣли и дѣти ихъ, Каинъ и Авель, о которыхъ говорится въ той же книгѣ, что одинъ изъ нихъ былъ земледѣлецъ, а другой пастырь овецъ (Быт. IV, 2). Не лишне при этомъ вспомнить и о первыхъ ученикахъ и послѣдователяхъ Господа, святыхъ Апостолахъ, распространителяхъ и послѣдователяхъ христіанства. Кто такие были они до обращенія своего ко Христу? Они были, какъ извѣстно, простыми и не учеными людьми, именно рыбаками Галилейскими, занимавшимися этимъ промысломъ и послѣ того, какъ обратились ко Христу и сдѣлались ловцами челоуѣковъ (Мар. I, 16—20; Іоан. XXI, 3 и др.). Многіе изъ нихъ проводили

жизнь свою на открытѣмъ воздухѣ, на лонѣ природы, изъ которой они постоянно черпали уроки житейской мудрости, слышанные ими изъ устъ Божественнаго Учителя. Если же Апостолы не пренебрегали въ своей жизни занятіемъ по сельскому хозяйству, то можно-ли намъ такъ пренебрежительно относиться къ этого рода занятію, — намъ, отстоящимъ отъ Апостоловъ весьма далеко въ духовно-нравственномъ отношеніи? Нѣтъ, истинный христіанинъ, кто бы онъ ни былъ, никогда не откажется отъ занятія сельскимъ хозяйствомъ, потому что это занятіе въ его глазахъ самое чистое и возвышенное, самое честное и благородное изъ всѣхъ другихъ занятій, существующихъ въ этомъ мірѣ. Правда, оно вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно трудное и утомительное; но по мѣрѣ трудностей вознаграждающее всегда человѣка, занимающагося имъ, соотвѣтственными радостями и утѣшеніями въ жизни. Это, я думаю, испыталъ на себѣ каждый добросовѣстный сельскій хозяинъ или рабочій. Итакъ, для того, чтобы устранить эту причину упадка и оскуднѣнія у насъ сельскаго хозяйства, надо сначала разсѣять въ умахъ русскаго народа предрасудокъ относительно пригодности и пользы его въ настоящее время, надо затѣмъ поселить въ сердцахъ нашего народа желаніе и охоту заниматься имъ въ своей жизни постоянно и ни за что не промѣнивать его на какое-либо другое предпріятіе, хотя бы оно было гораздо лучше и выгоднѣе въ матеріальномъ отношеніи; потому что при единственномъ условіи занятія сельскимъ хозяйствомъ и можетъ быть только въполнѣ обезпеченъ его внѣшній бытъ, и можетъ быть только достигнуто его земное благополучіе и благоденствіе.

Но здѣсь встрѣчается этому желанію со стороны нашего народа неодолимое препятствіе, во-первыхъ, въ томъ, что онъ не обученъ еще, какъ слѣдуетъ, грамотѣ, не знаетъ хорошо основныхъ теоретическихъ правилъ веденія сельскаго хозяйства, какія даются въ специально для этого устроенныхъ школахъ; во-вторыхъ, въ томъ, что онъ бѣденъ и не обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи, что ему не на что купить машинъ и орудій, необходимыхъ для практическаго осуществленія теоретическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству, предлагаемыхъ въ школѣ людьми учеными и опытными

въ этомъ дѣлѣ. Да, эта причина, какъ извѣстно, коренная и первостепенная причина въ разсматриваемомъ нами вопросѣ и съ нею непременно придется считаться всякому, желающему придти на помощь русскому народу въ этомъ отношеніи! И до тѣхъ поръ, пока эта причина не будетъ устранена совсѣмъ, пока нашъ народъ не будетъ обученъ, если уже не частнымъ, специально-техническимъ занятіямъ по сельскому хозяйству, то по крайней мѣрѣ общимъ и основнымъ правиламъ веденія его, пока внѣшній матеріальный его бытъ не получитъ болѣе лучшей и приглядной формы въ смыслѣ ли переселенія его на другія, болѣе благопріятныя въ отношеніи сельскаго хозяйства, мѣста или же въ смыслѣ надѣленія его извѣстными участками земли, — до тѣхъ поръ, конечно, намъ нечего ждать чего-либо видимо-осязательнаго въ дѣлѣ развитія и успѣха нашего сельскаго хозяйства. Какъ бы сильно ни желалъ русскій народъ заниматься этимъ послѣднимъ въ своей жизни, всѣ его желанія будутъ непременно разбиваться о твердый камень преткновенія, лежащій на пути къ ихъ осуществленію. Этимъ камнемъ является для него не что иное, какъ именно *невѣжество* и *бѣдность*. Устраните отъ нашего народа сперва ихъ, и тогда, конечно, окажется возможнымъ нѣсколько поднять и возвысить у насъ сельское хозяйство. Вѣрной иллюстраціей того, какъ много значитъ умственное просвѣщеніе и матеріальное благосостояніе народа въ дѣлѣ поднятія и возвышенія сельскаго хозяйства, служитъ бывший три года тому назадъ въ Россіи сильный голодъ отъ повсемѣстнаго неурожая хлѣба и травъ, — голодъ, однимъ изъ факторовъ котораго нужно признать, безъ сомнѣнія, неувѣжество и бѣдность низшихъ классовъ населенія, не могшихъ справиться своими собственными силами съ этимъ великимъ общественнымъ зломъ.

Третья причина, на которую мы указали выше и отъ которой зависитъ оскуднѣніе и упадокъ у насъ сельскаго хозяйства, это именно — *внѣшнія условія природы*, неблагопріятствующія развитію и усовершенствованію этого хозяйства, — условія природы, къ которымъ нужно отнести прежде всего нашъ суровый, не вездѣ одинаковый и не всегда постоянный, *климатъ*, а за тѣмъ и самую *почву*, въ большинствѣ

своемъ представляющую невыгодную сторону относительно главнѣйшихъ видовъ сельскаго хозяйства—земледѣлія и скотоводства. Правда, современная наука, благодаря изобрѣтеннымъ ею въ послѣднее время различнымъ орудіямъ въ области сельскаго хозяйства, и здѣсь сдѣлала весьма много на пользу человѣчества. То, что прежде считалось почти невозможнымъ или трудно одолимымъ въ этой области, теперь сдѣлалось доступнымъ и чрезвычайно легкимъ для многихъ изъ насъ. Но наука, насколько, во-первыхъ, она есть достояніе людей ученыхъ въ настоящее время и насколько, во-вторыхъ, отъ нея зависитъ вліяніе и успѣхъ въ этого рода дѣлѣ, имѣеть, конечно, сравнительно не особенно большое значеніе при рѣшеніи упомянутаго вопроса. Она можетъ только отчасти, но не всецѣло устранить разсматриваемую нами причину упадка и оскудѣнія у насъ сельскаго хозяйства и тѣмъ самымъ способствовать его поднятію и возвышенію. Она можетъ только на болѣе или менѣе продолжительное время удалить вредные элементы, препятствующіе развитію и усовершенствованію у насъ этого хозяйства, но совершенно уничтожить ихъ она не въ силахъ. Это не подлежитъ уже вѣдѣнію ея, какъ опытной науки, имѣющей дѣло только съ землей и со всѣмъ тѣмъ, что находится на ней, а простирается гораздо дальше ея, въ область сверхопытную и сверхчувственную. Здѣсь имѣеть значеніе, какъ извѣстно, не столько наука съ своими искусственными приспособленіями, облегчающими иногда тяжелое положеніе людей на землѣ, сколько Господь Богъ, Творецъ и Промыслитель всей вселенной, — Господь Богъ, отъ Котораго зависитъ равно жизнь и смерть всѣхъ, какъ одушевленныхъ, такъ и неодушевленныхъ существъ, Который по своей единственно Волѣ, „смиряетъ и выситъ, убожитъ и богатитъ“ (1 Цар. II, 7). Поэтому, какъ говоритъ св. Апостолъ Павелъ, „и насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возвращающій“ (1 Кор. III, 7). Не напрасно также и св. Церковь молится ежедневно въ своихъ молитвахъ, между прочимъ, и „о благораствореніи воздуховъ и о изобиліи плодовъ земныхъ“ (9-е прошеніе на великой эктениі). Этимъ самымъ она выражаетъ свою вѣру въ Господа Бога, отъ Котораго зависитъ „жизнь и ды-

ханіе и все“ (Дѣян. XVII, 25). Прекраснымъ примѣромъ этой зависимости нашей во всемъ отъ Господа можетъ служить тотъ же неурожай хлѣба и травъ, отъ котораго произошелъ упомянутый нами голодъ въ Россіи, когда естественныя, земныя и человѣческія средства, предлагаемыя наукою, оказались безсильными въ сравненіи съ Высочайшею Волею Творца, карающею насъ за наши грѣхи и беззаконія.

Устраненіемъ причинъ упадка и оскудѣнія у насъ сельскаго хозяйства, главную роль при чемъ играетъ тутъ, какъ мы видѣли, современная наука, добрая половина дѣла, можно сказать, уже сдѣлана относительно поднятія и возвышенія этого самаго хозяйства. Но нельзя сказать, чтобы этимъ все было сдѣлано въ указанномъ отношеніи. Нѣтъ! Мало того, чтобы устранить причины, тормозящія успѣхъ и благосостояніе нашего сельскаго хозяйства, надо еще имѣть правильный и истинный взглядъ на это послѣднее. Тогда только можетъ считаться вполне обеспеченнымъ и вѣрнымъ успѣхъ нашего дѣла, къ которому мы такъ стремимся теперь. И, прежде всего, намъ нужно отрѣшиться отъ нашего матеріальнаго взгляда на природу и на всѣ предметы въ ней, не исключая и самихъ себя. Нѣтъ нужды распространяться здѣсь о томъ, что въ нашемъ отечествѣ господствуетъ еще во всей силѣ повсемѣстный грубый матеріализмъ, подобно тому какъ въ языческой странѣ, не смотря на то, что нашъ народъ уже болѣе девятисотъ лѣтъ просвѣщенъ свѣтомъ христіанской вѣры. Всѣ заняты только внѣшнимъ и видимымъ, пребывающимъ здѣсь—на землѣ, не обращая при этомъ никакого вниманія на внутреннее и невидимое, сокрытое тамъ—на небѣ. Какого же успѣха намъ ждать при такомъ именно взглядѣ на всѣ вообще вещи въ мірѣ? Въ частности, что касается сельскаго хозяйства, то многіе изъ насъ жалуются на землю, на ея недостаточную разработанность и совершенную бесплодность, жалуются на великіе и упорные труды, сопряженные съ воздѣлываніемъ земли и устройствомъ на ней того или другого вида сельскаго хозяйства. Какъ будто земля виновата въ этомъ дѣлѣ, а не кто-либо другой! Нѣтъ, еслибы мы отрѣшились отъ своего предвзятаго взгляда на землю, взгляда, по-истинѣ, языческаго, а не христіанскаго, то, конечно, не стали бы такъ

легкомысленно рассуждать о ней. Изъ нашихъ устъ выходили бы тогда совсѣмъ другія рѣчи. Христіанскій взглядъ на землю и вообще на всю природу давно уже извѣстенъ людямъ. Онъ, — этотъ взглядъ, — изложенъ на первыхъ страницахъ нашей Библии и, притомъ, изложенъ такъ ясно и удобовразумительно для всѣхъ, что странно, повидимому, не замѣтить его и не обратить на него вниманія съ перваго же раза. Послѣ того какъ первый человѣкъ, Адамъ, согрѣшилъ противъ Бога, преступивъ Его святую заповѣдь, Богъ сказалъ ему: „проклята земля за тебя; со скорбію будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей. Терніе и волчцы произрастятъ она тебѣ; и будешь питаться полевою травою. Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ“ (Быт. III, 17—19). Вотъ истинно-христіанскій, вѣковѣчный и неизмѣнный взглядъ на нашу землю и на все, что въ ней находится! По этому взгляду оказывается, что причиною всѣхъ ненормальностей, усматриваемыхъ на землѣ, причиною всѣхъ бѣдъ и несчастій, случающихся на ней, служить не кто-либо иной, а самъ человѣкъ, согрѣшившій и павшій. Ядъ грѣха, проникшій въ перваго человѣка, извратилъ сначала собственную его природу, душевную и тѣлесную, а затѣмъ распространился и на всю видимую нами природу, на всѣ существа въ ней. Прежде, при сотвореніи міра, было все, по словамъ бытописателя, „весьма хорошо“ (Быт. I, 31). И только тогда, когда Господь изрекъ первому человѣку грозный приговоръ за его непослушаніе, только тогда все извратилось и измѣнилось къ худшему. Жалуемся мы также еще, какъ извѣстно, на всю природу за ея враждебное будто бы отношеніе къ намъ. Но кто опять виноватъ въ этомъ? Конечно, не природа, невинная сама по себѣ, а человѣкъ, который поставилъ ее въ такое положеніе своими дѣлами: „тварь, — по словамъ Ап. Павла, — покорилась суетѣ не добровольно, но по волѣ покорившаго ее, въ надеждѣ, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ. Ибо знаемъ, что вся тварь совокупно стенаетъ и мучится до нынѣ“ (Римл. VIII, 20—22). Да, природа такъ враждебно дѣйствуетъ на насъ именно потому, что мы сами себя поставили во враждебное, противоестествен-

ное къ ней отношеніе своими грѣхами, выступивъ изъ того чина, въ какомъ поставилъ насъ Творецъ! И еслибы мы почаще обращали вниманіе на эту первичную и коренную причину истощенія у насъ земли и, вообще, враждебнаго и противоестественнаго отношенія къ намъ природы, то, конечно, не стали бы такъ много хлопотать и изыскивать различные способы и мѣры для поправленія и возстановленія ея въ первобытномъ видѣ. То, что мы сказали относительно природы вообще, тоже самое должно сказать въ частности и относительно сельскаго хозяйства во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ. Весь политико-экономическій вопросъ относительно поднятія и возвышенія въ нашей странѣ сельскаго хозяйства, а также относительно его будущаго благосостоянія и упроченія, сводился бы тогда не на то, на что онъ сводится теперь, т. е., не на виѣшнее состояніе природы, не на разработку почвы и на приспособленіе къ ней того или другого вида сельскаго хозяйства: земледѣлія, скотоводства, лѣсоводства и т. п., а главнымъ образомъ на внутреннее состояніе самого человѣка—этого, по-истинѣ, царя природы,—на то, какъ бы постараться освободиться ему сначала отъ своихъ собственныхъ грѣховъ и придти затѣмъ въ болѣе или менѣе близкое состояніе къ тому времени, когда онъ находился въ раю и наслаждался всѣми благами земли.

Матеріальный взглядъ на природу и на всѣ предметы, существующіе въ ней, особенно ясно обнаруживается у насъ при веденіи сельскаго хозяйства и при разработкѣ той или другой отрасли его тогда, когда мы имѣемъ въ виду только собственное обезпеченіе самихъ себя и своего потомства безъ всякой мысли о Зогѣ и другихъ людяхъ. Поэтому въ цѣляхъ поднятія и возвышенія у насъ въ настоящее время сельскаго хозяйства, а также въ цѣляхъ благосостоянія и упроченія его на будущее время, намъ нужно еще непременно отрѣшиться отъ этого своекорыстнаго и эгоистическаго взгляда на природу. Послѣдняя, какъ дѣло рукъ Божіихъ, должна принадлежать всецѣло Господу. Мы же, если и становимся иногда сельскими хозяевами-собственниками, то не навсегда, а на болѣе или менѣе продолжительное время, послѣ котораго уступаемъ свое мѣсто другимъ людямъ. По-истинѣ, здѣшняя земля, на

которой мы живемъ, есть только временная станція или гостинница, въ которой мы пребываемъ нѣкоторое время для того, чтобы продолжать далѣе свое путешествіе въ вѣчность. „Землю не должно продавать навсегда,—сказалъ Господь еще въ Ветхомъ Завѣтѣ,—ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня“ (Лев. XXV, 23). И не часто-ли оправдывается надъ нами Его изреченіе, приведенное Имъ однажды въ Новомъ Завѣтѣ: „одинъ сѣетъ, а другой жнетъ“ (Іоан. IV, 37)? Какъ же, послѣ этого, не чувствовать намъ своей зависимости отъ Господа, нашего Творца и Промыслителя? Это чувство зависимости должно сказываться во всемъ, во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни. Между прочимъ, оно должно сказываться и въ дѣлѣ возвышенія и благосостоянія у насъ сельскаго хозяйства. Какимъ же именно образомъ? Фактичскій примѣръ этого указываетъ намъ также Библія, на первыхъ страницахъ своей исторіи, когда говоритъ про сыновей Адама и Евы слѣдующее: „спустя нѣсколько времени, Каинъ принесъ отъ плодовъ даръ Господу. И Авель также принесъ отъ первородныхъ стада своего и отъ тука ихъ“ (Быт. IV, 3—4). Вотъ прекрасный образецъ чувства зависимости отъ Господа, представленный намъ для подражанія словомъ Божіимъ,—чувства зависимости, которымъ руководились два родные брата въ дѣлѣ веденія каждымъ изъ нихъ своего собственного сельскаго хозяйства! А вотъ и плоды отъ этого чувства,—плоды, которые не замедлили обнаружиться вскорѣ же на одномъ изъ нихъ, хотя на другомъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, и не обнаружились. „И призрѣлъ Господь на Авеля и на даръ его“ (ст. 4),—говорится въ книгѣ Бытія,—призрѣлъ, т. е., благословилъ и сдѣлалъ его плодоноснымъ.

Далѣе, въ цѣляхъ воспитанія въ людяхъ чувства зависимости отъ Господа, отъ Котораго происходитъ благоденствіе и благосостояніе всего существующаго въ мірѣ, — въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ извѣстно, предписаны были особые законы, которые повелѣвали посвящать Господу Богу извѣстную часть изъ того, что имѣли и чѣмъ пользовались люди въ своей земной жизни. Въ ветхозавѣтныхъ книгахъ мы видимъ цѣлый рядъ этихъ законовъ и мѣропріятій, направленныхъ къ развитію упомянутаго нами чувства. Укажемъ здѣсь на нѣкото-

рые изъ нихъ. Такъ, напр., вотъ законъ о принесеніи начатковъ земледѣлія, скотоводства и садоводства въ жертву Господу,—законъ, содержащійся въ книгѣ Исходъ: „не медли приносить Миѣ, — такъ говорилъ Господь сынамъ израилевымъ чрезъ Моисея на горѣ Синаѣ,—начатки отъ гумна твоего и отъ точила твоего... То же дѣлай съ воломъ твоимъ и съ овцою твоею (и съ осломъ твоимъ). Семь дней пусть они будутъ при матери своей, а въ осмый день отдавай ихъ Миѣ... Начатки плодовъ земли твоей приноси въ домъ Господа, Бога твоего“ (Исх. XXII, 29—30; XXIII, 19). А вотъ какой законъ существовалъ тогда же относительно засѣванія земли въ продолженіе шести лѣтъ и покоя ея на седьмой годъ: „объяви сынамъ израилевымъ,—говорилъ Господь тому же Моисею на горѣ Синаѣ,—когда прійдете въ землю, которую Я даю вамъ; тогда земля должна покоиться въ субботу Господню. Шестъ лѣтъ засѣвай поле твое и шесть лѣтъ обрѣзывай виноградникъ твой, и собирай произведенія ихъ. А въ седьмой годъ да будетъ суббота покоя земли, суббота Господня; поля твоего не засѣвай и виноградника твоего не обрѣзывай. Что само выростетъ на жатвѣ твоей, не сжинай, и гроздовъ съ необрѣзанныхъ лозъ твоихъ не снимай; да будетъ это годъ покоя земли. И будетъ это въ продолженіе субботы земли *восьмъ* вамъ въ пищу, тебѣ и рабу твоему, и рабѣ твоей, и наемнику твоему, и поселенцу твоему, поселившемуся у тебя. И скоту твоему, и звѣрямъ, которые на землѣ твоей, да будутъ всѣ произведенія ея въ пищу“ (Лев. XXV, 1—7; Исх. XXIII, 10—11). Вообще, по ветхозавѣтнымъ законамъ, предписаннымъ Самимъ Богомъ для исполненія ихъ людьми, „всякая десятина на землѣ изъ сѣмянъ земли и изъ плодовъ дерева должна принадлежать Господу; это святыня Господня... И всякую десятину изъ крупнаго и мелкаго скота, изъ всего, что проходитъ подъ жезломъ десятое, должно посвящать Господу“ (Лев. XXVII, 30, 32; Втор. XII, 17; XIV, 22)...

Изъ представленныхъ нами законовъ ясно видно, что въ Ветхомъ Завѣтѣ всегда удѣлялась извѣстная часть Господу изъ всего того, что приобрѣтали люди трудами рукъ своихъ и чѣмъ пользовались они въ продолженіе жизни своей на землѣ. Такая же часть шла, какъ извѣстно, и въ пользу ближ-

нихъ, въ пользу всѣхъ остальныхъ людей на свѣтѣ. Такъ, напр., относительно жатвы въ той же книгѣ Левитъ содержится слѣдующее постановленіе Господа: „когда будете жать жатву на землѣ вашей, не дожинай до края поля твоего, когда жнешь, и оставшагося отъ жатвы не подбирай; бѣдному и пришельцу оставь это. Я Господь, Богъ вашъ“ (Лев. XXIII, 22). О томъ же самомъ и подобномъ этому мы читаемъ еще въ книгѣ Второзаконія слѣдующее: „когда будешь жать на полѣ твоёмъ, и забудешь снопы на полѣ; то не возвращайся взять его; пусть онъ остается пришельцу (нищему), сиротѣ и вдовѣ, чтобы Господь, Богъ твой, благословилъ тебя во всѣхъ дѣлахъ рукъ твоихъ. Когда будешь обивать маслину твою, то не пересматривай за собою вѣтвей; пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ... Когда будешь снимать плоды въ виноградникѣ твоёмъ, не обирай остатковъ за собою; пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ.“ (Втор. XXIV, 19—21). Для того, чтобы люди никогда не забывали этой обязанности своей по отношенію къ ближнему, Господь говорилъ имъ: „ибо нищіе всегда будутъ среди земли (твоей); потому Я и повелѣваю тебѣ: отверзай руку твою брату твоему, бѣдному твоему и нищему твоему на землѣ твоей... Снабди его отъ стада твоихъ, отъ гумна твоего и отъ точила твоего; дай ему, чѣмъ благословилъ тебя Господь, Богъ твой“ (Втор. XV, 11, 14). Таковы по содержанію своему ветхозавѣтные законы, излагающіе обязанности къ Богу и людямъ при веденіи этими послѣдними сельскаго хозяйства. И замѣчательно здѣсь то обстоятельство, что исполненіе этихъ заповѣдей, проведеніе ихъ въ жизнь, какъ частную, такъ и общественную, Господь ставилъ въ условіе благоденствія и благосостоянія народнаго сельскаго хозяйства, равно какъ и наоборотъ, неисполненіе этихъ заповѣдей или пренебреженіе ими въ жизни, Онъ ставилъ въ условіе разрушенія и гибели его „Если вы будете поступать по уставамъ Моимъ,—говорилъ Господь,—и заповѣди Мои будете хранить и исполнять ихъ: то Я дамъ вамъ дожди въ свое время, и земля дастъ произрастенія свои, и деревья полевые дадутъ плодъ свой. И молотба *хмѣли* будетъ достигать у васъ собирающаго винограда, собирающаго винограда будетъ достигать посѣва, и будете ѣсть хлѣбъ свой до сыта,

и будете жить на землѣ (вашей) безопасно“ (Лев. XXVI, 3—5; XXV, 18—19; Втор. XI, 13—15). „Если же не будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, и не будешь стараться исполнять всѣ заповѣди Его и постановленія Его, то придутъ на тебя всѣ проклятія и постигнутъ тебя... вмѣсто дождя Господь дастъ землѣ твоей пыль, и прахъ съ неба будетъ падать, падать на тебя, (доколѣ не погубить тебя и) доколѣ не будешь истребленъ... Сѣмянъ много вынесешь въ поле, а соберешь мало, потому что поѣсть ихъ саранча. Виноградники будешь садить и воздѣлывать, а вина не будешь пить, и не соберешь *плодовъ* (ихъ), потому что поѣсть ихъ червь. Маслины будутъ у тебя во всѣхъ предѣлахъ твоихъ, но елеешь не помажешься, потому что осыплется маслина твоя... Всѣ дерева твои и плоды земли твоей погубить ржавщина“... (Втор. XXVIII, 15, 24, 38—40, 42).

Что же сказать теперь про всѣ эти законы и постановленія нашего Господа, изреченные Имъ въ Ветхомъ Завѣтѣ? Освобождаемся ли отъ ихъ исполненія мы, какъ чада Новаго Завѣта, заключеннаго нѣкогда со всѣми людьми Иисусомъ Христомъ? Нѣтъ, конечно! „Не думайте,—сказалъ Онъ,— что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вамъ: доколѣ не преїдетъ небо и земля, ни одна іота или ни одна черта не преїдетъ изъ закона, пока не исполнится все“ (Матѣ. V, 17—18). И однакожь, не смотря на все это, какъ далеки мы отъ исполненія ихъ въ своей жизни! Грубый матеріализмъ, господствующій нынѣ повсюду, даетъ себя очень чувствительно знать съ этой именно стороны нашей общественной жизни. Нынѣ всѣ стараются и хлопочуть не о томъ, какъ бы удѣлить что-либо для Бога и людей, а какъ бы самимъ побольше взять для того, чтобы хватило для разныхъ удобствъ и наслажденій жизненныхъ. Весь избытокъ, какой мы получаемъ отъ веденія нами сельскаго хозяйства, употребляется нами преимущественно для удовлетворенія нашей жадной плоти и ея грубыхъ инстинктовъ, а не духа, про существованіе котораго мы иногда какъ бы совсѣмъ забываемъ и остаемся глухи къ его высшимъ потребностямъ и запросамъ. Между тѣмъ какъ, по слову Самого Господа, только „духъ животворитъ, плоть

не пользуется нисколько“ (Иоан. VI, 63). По-истинѣ, мы, какъ кроны, роемся только въ землѣ, не думая и не заботясь о высшемъ своемъ предназначеніи на небѣ въ загробной жизни. Неудивительно также и то, что у насъ сплошь да рядомъ не спорится дѣло и что мы не получаемъ здѣсь того, чего желали бы получить себѣ, а иногда неожиданно терлемъ то, что имѣемъ. Въ этомъ случаѣ мы весьма похожи бываемъ на того евангельскаго богача, который, послѣ того какъ случился у него однажды хорошій урожай въ полѣ, разсуждалъ по этому поводу самъ съ собою: „что мнѣ дѣлать? некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ. И сказалъ: вотъ, что сдѣлаю: сломаю житницы мои и построю большія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое. И скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы, покойся, ѣшь, пей, веселись“ (Лук. XII, 16—20),—и который лишился всего этого въ одну ночь послѣ внезапно постигнувшей его смерти. Къ намъ же преимущественно относятся также и слова св. Апостола Якова, обращенныя имъ къ богатымъ людямъ, которыхъ онъ призываетъ къ плачу и рыданію о бѣдствіяхъ ихъ: „богатство ваше,—говоритъ онъ,—сгнило, и одежды ваши изъѣдены молью. Золото ваше и серебро изоржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствомъ противъ васъ, и съѣсть плоть вашу, какъ огонь; вы собрали себѣ сокровище на послѣдніе дни. Вотъ, плата, удержанная вами у работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіеть; и вопли жнецовъ дошли до слуха Господа Саваоѳа. Вы роскошествовали на землѣ и наслаждались; напитали сердца ваши, какъ бы на день закланія“ (Як. V, 1—5)...

Итакъ, на основаніи всего сказаннаго нами, для насъ мало и недостаточно только отрѣшиться отъ матеріальнаго взгляда на природу въ дѣлѣ веденія нами сельскаго хозяйства. Нѣтъ, намъ нужно еще *имѣть и другой болѣе высшій и чисто христіанскій, взглядъ на самихъ себя* для того, чтобы пользоваться всегда успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ. Каковъ же, спрашивается, этотъ взглядъ? Въ чемъ заключается сущность его? Кратко говоря, онъ состоитъ въ томъ, что мы, какъ существа духовныя и безсмертныя, должны достигать цѣли человѣческой жизни не здѣсь — на землѣ, а тамъ — на небѣ. Правда, эта

цѣль отчасти достигается въ этой земной жизни, поскольку мы отрѣшаемся отъ своихъ личныхъ интересовъ: наживы, вражды, ненависти и т. п., и носимъ въ себѣ задатки иной высшей жизни; но въ полной и окончательной степени достигнуть своей жизненной цѣли мы можемъ не иначе, какъ только по ту сторону гроба. Здѣсь эта цѣль только начинается и продолжается, усиливаясь или ослабѣвая въ своемъ развитіи, смотря, конечно, по тому, предпринимаетъ ли человекъ съ своей стороны мѣры къ этому, или нѣтъ; между тѣмъ какъ тамъ, на небѣ, при благоприятныхъ условіяхъ будетъ полное и окончательное осуществленіе ея на дѣлѣ въ *царствѣ славы*, которое наступитъ по окончаніи здѣшняго земного *царства благодати*. Последнее, т. е., царство благодати состоитъ, по объясненію Апостола Павла, „въ правдѣ и мирѣ и радости о Дусѣ Святѣ“ (Римл. XIV, 17) и находится недалеко отъ каждаго изъ насъ: *се бо царствіе Божіе внутри васъ есть*,—сказалъ Христосъ Спаситель, когда Его спросили фарисеи, когда прійдетъ это царствіе (Лук. XVII, 20—21). Вотъ на развитіе въ себѣ этого то царства Божія и должно быть обращено все наше вниманіе въ настоящее время. Его то мы и должны стараться насаждать и распространять какъ можно больше въ окружающихъ насъ людяхъ. Въ этомъ, дѣйствительно, и состоитъ цѣль нашей земной жизни, что бы мы ни дѣлали и чѣмъ бы ни занимались въ этой послѣдней. Не исключается отсюда, конечно, и сельское хозяйство, на которое нынѣ обращено такое всеобщее вниманіе и объ успѣхахъ котораго нынѣ такъ много говорятъ и пишутъ;—не исключается, а, напротивъ, поставляется въ живую и тѣсную связь съ указаннымъ нами христіанскимъ взглядомъ на самихъ себя, потому что оно—сельское хозяйство,—какъ показываетъ опытъ, и можетъ имѣть значеніе и успѣхъ только при проведеніи нами въ жизнь этого взгляда и при постоянномъ руководствованіи имъ на всѣхъ путяхъ нашей дѣятельности. Какъ именно это должно происходить, не въ теоріи только, а и на практикѣ, объ этомъ учитъ насъ Самъ Христосъ Спаситель въ Своемъ Божественномъ Евангеліи, въ которомъ мы находимъ безчисленное множество уроковъ, преподанныхъ Имъ въ разное время Своей общественной жизни и дѣятельности для спа-

сенія людей, уроковъ относительно того, какъ мы должны смотрѣть на природу и на всѣ предметы въ ней, при веденіи нами сельскаго хозяйства, неизбѣжно соприкасающагося съ естественною жизнію природы, для того, чтобы сохранить въ чистотѣ и цѣлости истинно-человѣческой взглядъ на самихъ себя. Какъ Христосъ Спаситель имѣлъ не простой только, въ сравненіи съ прочими людьми, но весьма высокій и глубокопроникновенный взглядъ на природу: такъ точно и мы должны смотрѣть на нее. Послѣднею, т. е., природою мы должны пользоваться не для собственнаго угожденія и наслажденія, хотя бы и душевно-эстетическаго, но для болѣе высшихъ и разумныхъ цѣлей. Мы должны пользоваться ею для приобрѣтенія себѣ царствія Божія, начинающагося еще здѣсь — на землѣ. „Вещественная природа, — по словамъ французскаго писателя Дидона, автора жизни „Иисуса Христа“, — есть символъ міра духовнаго: небо возвѣщаетъ славу Божию, пространство—Его безконечность, вѣтеръ—Духа Божія, свѣтъ—красоту Его, время — эта вѣчно движущаяся сила—неподвижную вѣчность“¹⁾. Точно также мы должны смотрѣть и на самихъ себя. Именно: мы должны смотрѣть на себя, какъ на будущихъ гражданъ этого царствія; „ибо мы, — по словамъ св. Апостола Павла, — не имѣемъ здѣсь постоянного града, но ищемъ будущаго“ (Евр. XIII, 14)...

Намъ, вѣроятно, возразятъ на наши разсужденія: все это прекрасно и понятно само собою. Съ этимъ вполне мы соглашаемся. Но вотъ что непонятно для насъ: какимъ образомъ съ такимъ взглядомъ на природу и на самихъ себя соединяется вопросъ о средствахъ поднятія и возвышенія у насъ сельскаго хозяйства? Какимъ образомъ рѣшающее значеніе этого вопроса зависитъ отъ этого самаго взгляда, хотя бы и постоянно проводимаго въ жизнь? Знаемъ мы также напередъ и то, что за это самое разсужденіе на вышеозаглавленную тему мы получимъ отъ многихъ людей, какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ, названіе *мистиковъ* или даже *фанатиковъ* въ дѣлѣ религіи. Но мы не боимся ни одного изъ этихъ названій, не смотря на то, кѣмъ бы ни были высказаны они

по нашему адресу. Мы знаемъ и увѣрены въ томъ, что ведемъ бесѣду не съ людьми только образованными, но прежде и болѣе всего съ людьми христіанами. Потому то мы и озаглавили свою бесѣду „о причинахъ упадка и оскудѣнія и о средствахъ поднятія и возвышенія сельскаго хозяйства въ русскомъ народѣ“ не съ какой-либо иной, а именно: „съ религіозно-христіанской точки зрѣнія“. Это непременно должны знать наши слушатели и этого никогда не должны они упустить изъ виду. Если они нѣсколько побольше знаютъ наше христіанство, нежели сколько знаютъ его современные люди вообще, то, конечно, никогда не рѣшатся возразить намъ что либо подобное изъ сказаннаго сейчасъ нами. Тогда они должны будутъ согласиться съ нами въ томъ, что отношеніе къ сельскому хозяйству, какое мы видимъ въ настоящее время, было вовсе не такое, напр., въ IV вѣкѣ по Р. Хр., когда, по словамъ блаженнаго Иеронима, „куда ни обратишься, — пахарь, идя за плугомъ, поетъ: *аллилуія*, покрытый потомъ жнецъ развлекается псалмами, и виноградарь, обрѣзывающій кривыя лозы, поетъ что-нибудь Давидское. Это любимыя здѣсь пѣсни, говоритъ народъ; ихъ наигрываютъ пастухи, онѣ — орудія земледѣлія“¹⁾ Да, только съ точки зрѣнія истиннаго христіанства легко и вполне разрѣшается вышеупомянутый вопросъ о средствахъ поднятія и возвышенія у насъ сельскаго хозяйства! Какимъ образомъ? А вотъ какимъ. Для этого припомнимъ здѣсь слова Христа Спасителя, произнесенныя Имъ однажды (именно въ нагорной бесѣдѣ Своей) въ присутствіи ближайшихъ учениковъ и многочисленнаго народа: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся*, — т. е., все житейское и необходимое въ этой земной жизни, а слѣдовательно и въ области сельскаго хозяйства, какъ относящагося къ ней же, — *приложатся вамъ* (Матѣ. VI, 33); — слова, какъ извѣстно, болѣе твердыя и прочныя, нежели самый міръ и все, что въ немъ находится. Нѣкоторые изъ насъ, можетъ быть, усомнятся въ достовѣрности и благодатной силѣ этихъ словъ Христовыхъ, а на устахъ нѣкоторыхъ они, можетъ быть, произведутъ одну

¹⁾ Томъ II. Стран. 129.

¹⁾ Письмо 44-е къ Марцеллу изъ святой земли.

улыбку и удивленіе; но это будетъ показывать только то, какъ далеки эти люди отъ истиннаго христіанства, а слѣдовательно и отъ истиннаго смысла жизни, проповѣдуемаго имъ и находимаго только въ немъ одномъ. Конечно, мы должны замѣтить здѣсь, что при такомъ христіанскомъ взглядѣ на природу и на самихъ себя въ дѣлѣ веденія нами сельскаго хозяйства мы не освобождаемся совсѣмъ отъ заботъ объ этомъ послѣднемъ въ своей жизни. Нѣтъ! Приведенныя нами слова Христовы показываютъ лишь то, чтобы мы въ жизни своей искали царствія Божія прежде и болѣе всего, т. е., искали его предпочтительно предъ всѣмъ другимъ на землѣ; но они отнюдь не указываютъ намъ на то, что будто мы должны совсѣмъ забросить всѣ наши житейскія дѣла, всѣ заботы о нихъ и попеченія. Нѣтъ! Тотъ же Христосъ Спаситель высказалъ, какъ извѣстно, и слѣдующія слова: „довольно для *каждаго* дня своей заботы“ (Матѣ. VI, 34). Изъ этихъ словъ ясно, что въ христіанствѣ запрещается не забота вообще, какъ таковая сама по себѣ, а лишь тѣлесная многопопечительность, простирающаяся безъ конца до забвенія души. Если же такъ, то значить, на основаніи тѣхъ же самыхъ словъ Христовыхъ, не исключаются изъ области сельскаго хозяйства всѣ научныя способы и усовершенствованія, какіе введены и вводятся въ нее въ настоящее время нашими учеными людьми-спеціалистами въ этого рода дѣлѣ. И мы должны повторить здѣсь то, что раньше было высказано нами относительно этого предмета. Пускай наука дѣлаетъ свое дѣло на благо и пользу человѣчества, пускай она вводитъ различнаго рода преобразованія и усовершенствованія въ области сельскаго хозяйства для того, чтобы сократить трудъ человѣка и придать ему болѣе цѣлесообразный видъ. „Въ этомъ“, дѣйствительно, „заключается“, — по словамъ одного изъ лицъ, стоящихъ во главѣ сельскаго хозяйства, — „та задача, которая предстоитъ всѣмъ намъ“¹⁾; но пусть, — прибавимъ мы здѣсь отъ себя, — пусть на этой теоретическо-практической задачѣ или работѣ, не имѣющей значенія самой по себѣ, мы не останавливаемся въ

¹⁾ Изъ рѣчи г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермолова при представленіи чиновъ въвѣренному ему министерству. См. Московск. Вѣдом. 1893 г., апрѣль.

отысканіи себѣ жизненной цѣли. Здѣсь имѣетъ значеніе, какъ извѣстно, не столько наука человѣческая, сколько вѣра Христова. Пусть же эта вѣра займетъ у насъ, при всѣхъ нашихъ начинаніяхъ, какія мы предпринимаемъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, первое мѣсто, а наукѣ пусть отведено будетъ второе мѣсто. Только въ связи съ вѣрою наука можетъ сдѣлать что-либо для пользы людей. Иначе же, ея участіе въ этомъ дѣлѣ неминуемо отзовется не пользою, а вредомъ для нашего духовнаго существа. Тогда, конечно, будетъ рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ и вопросъ о средствахъ поднятія и вышенія въ русскомъ народѣ сельскаго хозяйства. Этими средствами будутъ у него прежде всего *вѣра*, а затѣмъ *наука*, которая, какъ мы видѣли, служила тѣмъ же самымъ въ дѣлѣ устраненія причинъ упадка и оскуднѣнія этого хозяйства...

Сыны Россіи! Молясь нынѣ о здравіи и благоденствіи своего Государя Императора, помолимся также и о томъ, чтобы доброе сердце Его, находящееся „въ руцѣ Божіей“ (Прит. XXI, 1), всегда согрѣвалось любовію къ народу своему, чтобы заботливый взоръ Его никогда не отклонялся отъ нуждъ народныхъ, чтобы Онъ былъ не только Самодержавнымъ Хозяиномъ земли русской, пекущимся объ ея благѣ, но и Любвеобильнымъ „Отцемъ“, о насъ — „чадѣхъ“ Своихъ „веселящимся“!.. Аминь.

Р Ѣ Ч Ь

на открытіе Московскаго Сельско-хозяйственнаго Института на мѣстѣ бывшей Петровской Сельско-хозяйственной Академіи въ Петровскомъ-Разумовскомъ, 26-го сентября 1894 г.

Помниужь дни древнія, поучилсѣ...
(Пс. 142, 5.).

Присутствуя на торжествѣ открытія Московскаго Сельско-хозяйственнаго Института, преобразованнаго, какъ извѣстно, изъ Петровской Сельско-хозяйственной Академіи, мы не можемъ не остановиться здѣсь на связи между тѣмъ и дру-

гою. Эта связь существует между ними, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя. Петровская Академія, какъ мы видимъ, оставила въ наслѣдство нашему Институту самыя внѣшнія зданія свои, которыя предназначены теперь для тѣхъ же цѣлей, для какихъ существовали они и раньше. Мало этого. Самый типъ или характеръ того и другого учрежденія, именно: *сельско-хозяйственный* остался одинъ и тотъ же, за исключеніемъ нѣкоторыхъ видоизмѣненій, происшедшихъ въ преобразованіи перваго изъ нихъ. Правда, духъ или направленіе открываемого нами нынѣ высшаго учебнаго заведенія долженъ быть совсѣмъ иной въ сравненіи съ прежнимъ, господствовавшимъ здѣсь. Въ настоящія минуты мы, по всей справедливости, должны сказать вмѣстѣ съ Апостоломъ Павломъ: „древнее прошло, теперь все новое“ (2 Кор. V, 17). Этотъ внутренній актъ обновленія долженъ сказываться какъ въ умахъ и сердцахъ, такъ равно и во всей жизнедѣятельности всѣхъ тѣхъ людей, которые такъ или иначе должны будутъ соприкасаться съ открываемымъ въ стѣнахъ Петровской Академіи новымъ учебнымъ учрежденіемъ. Но, не смотря на это, мы не должны, конечно, относиться къ прошедшимъ безвозвратно временамъ какъ-нибудь враждебно или пренебрежительно. Нѣтъ, по словамъ св. Псалмопѣвца, мы должны не только не забывать ихъ никогда въ своей жизни, но и вспоминать ихъ какъ можно чаще для того, чтобы представлять ихъ всегда какъ бы живыми предъ своими глазами, и не только вспоминать, но и поучаться, глядя на нихъ. *Помянухъ*, — говоритъ онъ, — *дни древнія, и поучихся*. Чему же, спросимъ, мы можемъ поучаться, воспроизводя себѣ на память времена бывшей Петровской Академіи, существовавшей нѣсколько лѣтъ на этомъ самомъ мѣстѣ? Мы можемъ поучаться не чему-либо иному, какъ именно печальной судьбѣ ея, постигшей въ послѣднее время, — судьбѣ, о которой мы всѣ, присутствующіе здѣсь, знаемъ, конечно, очень хорошо. Тѣмъ не менѣе эта судьба ея достойна того, чтобы остановиться на ней здѣсь нѣсколько. Во многомъ она напоминаетъ намъ притчу Христову о *безплодной смоковницѣ*.

Послѣдняя, какъ извѣстно, послужила Христу Спасителю образомъ для покаянія людей невѣрующихъ, не приносящихъ

плодовъ достойныхъ покаянія въ своей жизни. Три года приходилъ искать плодовъ на ней ея хозяинъ и не находилъ. Въ послѣдній разъ онъ велѣлъ виноградарю срубить ее для того, чтобы она не занимала понапрасну земли. Но виноградарь сказалъ хозяину: „господинъ! оставь ее и на этотъ годъ, пока я окопаю ее и обложу навозомъ; не принесетъ ли плода, если же нѣтъ, то въ слѣдующій годъ срубишь ее“ (Лук. XIII, 8—9). Не въ такомъ-ли именно положеніи находилась въ послѣднее время и Петровская Сельско-хозяйственная Академія, преобразованная нынѣ въ Московскій Сельско-хозяйственный Институтъ и въ такомъ видѣ начавшая новую и лучшую свою жизнь? Да, четыре года тому назадъ она обречена была на совершенную погибель! „Сруби ее, на что она и землю занимаетъ“, — какъ эти слова притчи Христовой о безплодной смоковницѣ походятъ на высочайшее повелѣніе Государя нашего—этого Самодержавнаго Хозяина русской земли, во власти Котораго находится управленіе народомъ русскимъ — о прекращеніи приема въ Петровскую Академію на четыре года. И этотъ грозный голосъ Царя земнаго былъ какъ бы голосомъ къ намъ Самого Царя небеснаго, потому что, какъ извѣстно, *сердце цареве въ руцѣ Божіей, и а може восхоцетъ обратити, тамо уклонитъ е* (Прит. XXI, 1). Кто зналъ тогда, что судьба Петровской Академіи рѣшится такъ, а не иначе? Напротивъ, всѣ почти были увѣрены въ томъ, что она, какъ предназначенная къ вѣчной погибели, никогда уже болѣе не возстанетъ, не только въ старомъ, но и въ новомъ, какомъ бы то ни было вообще, видѣ. Но мы ошиблись въ своихъ предположеніяхъ. Въ настоящее время мы видимъ, что Петровской Академіи снова дана жизнь по милости того же Великаго Отца и Государя нашего. Отчего-же, спросимъ, произошла такая перемена относительно судьбы ея? Во все это время, — время, по-истинѣ, тяжелое и критическое, въ которое переживала Петровская Академія, не смотря на грозный приговоръ, изреченный ей въ лицѣ Государя, мы слышали другой, смиренный и кроткій, голосъ, просящій о снисхожденіи къ ней и помилованіи ея предъ Тѣмъ, отъ власти Котораго зависила ея жизнь или смерть. Да, мы постоянно слышали этотъ голосъ со стороны лицъ, приставленныхъ къ

Академіи и имѣющихъ болѣе или менѣе близкій надзоръ и попеченіе о ней, голосъ о томъ, чтобы она была оставлена еще на нѣкоторое время съ тою цѣлю, „не принесетъ ли плода“, подобно приточной бесплодной смоковницѣ; если же нѣтъ, если и тогда она окажется въ такомъ же состояніи, въ какомъ была прежде, то можетъ быть срублена и уничтожена совсѣмъ!..

Братіе-христіане! Торжествуя нынѣ возстановленіе Петровской Сельско-хозяйственной Академіи въ новомъ, болѣе лучшемъ и совершенномъ, видѣ, нежели въ какомъ она находилась прежде, какой нравственно-назидательный урокъ мы вынесемъ съ этого торжества? За что, спросимъ здѣсь прежде всего, постигла ее такая страшная кара четыре года тому назадъ? Не ошибемся, если скажемъ: за оскуднѣніе въ ней вѣры въ Бога, вѣры истинной и православной. Да! Если Государю Императору благоугодно было закрыть ее на нѣкоторое время, прекративъ въ нее пріемъ новыхъ воспитанниковъ, то это значитъ, что въ ней было что-то не въ порядкѣ, что-то сильно нуждалось во внутреннемъ, коренномъ ея преобразованіи и измѣненіи. И это было не что иное, какъ именно вѣра православная, которая существовала здѣсь на низкой степени развитія, то въ видѣ грубаго и прямого отрицанія Бога и Его св. Церкви, то въ видѣ легкомысленнаго и небрежнаго отношенія къ ней самихъ вѣрующихъ. Если такова была здѣсь вѣра или, лучше сказать, если не было здѣсь вѣры истинной и православной: то не было, конечно, и никакого порядка среди здѣшнихъ обитателей, порядка какъ частнаго, обнаруживающагося въ ихъ нравственно-семейной жизни, такъ и общественнаго, обнаруживающагося въ ихъ гражданской дѣятельности. Вотъ за что преимущественно обрушился гнѣвъ Государя на Петровскую Академію, вотъ за что она предназначена была по волѣ Его быть стертой совсѣмъ съ лица земли! За что-же потомъ она помилована Имъ? За то, безъ сомнѣнія, за то, что она принесла въ это тяжелое для нея время плоды, достойные покаянія. Господь, какъ мы знаемъ, обѣщалъ Аврааму помиловать ветхозавѣтные города Содомъ и Гоморру, если окажется тамъ даже только десять праведниковъ. Онъ же не

привелъ въ исполненіе Своего гнѣва на Ниневію, высканнаго Имъ въ лицѣ пророка Іоны, потому что жители этого города успѣли покаяться въ своихъ грѣхахъ и „обратиться отъ злого пути своего“ въ продолженіе сорокодневнаго времени, даннаго имъ Господомъ для покаянія во грѣхахъ и обращенія на путь истины. Ту же самую волю Божию мы видѣли постоянно за послѣднее время и относительно Петровской Академіи въ лицѣ Верховнаго Покровителя ея, Государя Императора, Которому благоугодно было сперва закрыть ее на нѣкоторое время, а потомъ снова открыть для пріема въ нее воспитанниковъ. Значитъ, — такъ по справедливости мы можемъ заключить изъ этого мудраго распоряженія Поманника Божія, — значитъ и въ Петровской Академіи отыскалось извѣстное количество праведниковъ, послужившее условіемъ для помилованія и спасенія ея, обреченной уже было на гибель и раззореніе; значитъ, и въ ней замѣтны были, хотя можетъ быть и незримые для тѣлесныхъ очей человѣческихъ, но зримые для духовныхъ очей вездѣсущаго и все исполняющаго Бога, плоды, достойные покаянія, людей, имѣющихъ то или иное отношеніе къ ея жизни. Петровская Академія, подобно евангельскому разслабленному, лежавшему на одрѣ болѣзни цѣлыхъ тридцать восемь лѣтъ и получившему исцѣленіе отъ Иисуса Христа вслѣдствіе единого Его слова, получаетъ нынѣ облегченіе отъ своего тяжкаго недуга, въ которомъ она находилась въ продолженіе нѣкотораго времени. *Се здравъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. V, 14), — какъ эти слова Христовы, сказанныя въ то время исцѣленному разслабленному, близко подходятъ къ настоящему случаю! Да, они вполне могутъ быть приложимы теперь къ нашему Институту! И послѣдній никогда не долженъ забывать ихъ во всей послѣдующей своей жизни. Эти слова должны постоянно указывать на его прошлое, темное и печальное, и на будущее, свѣтлое и радостное. Какой же завѣтъ оставляетъ прошлое Петровской Академіи для всѣхъ насъ, такъ или иначе соприкасающихся съ ея жизнью и раздѣляющихъ ту или другую ея участь, для того чтобы будущее нашего Института было обеспечено на всѣ времена? А тотъ завѣтъ, что вѣра въ Бога, вѣра истинная и православ-

ная, соединенная вмѣстѣ съ благочестіемъ христіанскимъ, которое, по слову Апостола, „на все полезно есть и имѣетъ обѣтованіе не одного грядущаго, но и нынѣшняго живота“ (1 Тим. IV, 8),—вѣра и благочестіе, говоримъ, должны быть положены въ основаніе всего этого зданія, предназначеннаго для умственного образованія и нравственнаго воспитанія въ немъ молодаго поколѣнія. Они должны быть какъ бы лозунгомъ нашего Института, возвѣщающимъ его направленіе въ настоящее время...

Мужи знанія и науки! Къ вамъ обращаю свое пастырское слово. Внемлите же! Въ вашихъ рукахъ находится и отъ васъ вполне теперь зависитъ дальнѣйшая судьба этого вышшаго учебнаго учрежденія, получившаго нынѣ, по милости нашего Государя, новую жизнь и новое направленіе ея. Вы можете заставить сдѣлать эту судьбу или блестящей и славной, или же жалкой и ничтожной. Вы можете продлить эту жизнь надолго безъ конца, или же сократить ее такъ, что отъ основанія нашего Института не останется камня на камнѣ. Напишите въ вашихъ сердцахъ крупными буквами, что вы, прежде всего, христіане, а затѣмъ должны воспитать и образовать здѣсь христіанъ для будущей небесной жизни, такъ чтобы нашъ Институтъ носилъ на себѣ характеръ вполне *христіанскаго*, а не какого-либо иного учрежденія. Мы же не перестанемъ молить Господа *Исуса*, этого *Начальника и Совершителя* нашей *вѣры* (Евр. XII, 2.), о томъ, чтобы *Онъ совершилъ насъ въ ней, и утвердилъ, и укрѣтилъ, и содѣлалъ непоколебимыми* (I Петр. V, 10) во вѣки!.. Аминь.

С Л О В О

въ день шестой годовщины чудеснаго событія 17-го октября 1888 г.,
17-го октября 1894 г.

О взаимной связи чувствъ радости и трепета въ отношеніи къ Господу Богу.

Радуйтесь Господеву съ трепетомъ
(Пс. II, 11).

Такъ Псалмопѣвецъ призываетъ царей земныхъ къ радости предъ Господомъ и притомъ, какъ нужно замѣтить, призываетъ безотносительно къ какому-либо событію или времени, ибо эти слова его о радости находятся во второмъ псалмѣ его богодухновенной псалтири, не имѣющемъ на себѣ надписанія, по какому случаю онъ былъ составленъ имъ, какъ мы видимъ это на многихъ другихъ псалмахъ его. Но къ какому ли только царямъ относятся эти слова Псалмопѣвца? Нѣтъ, они столько же, если не болѣе относятся и къ вѣрнопопданымъ ихъ, ко всѣмъ вообще людямъ, живущимъ на землѣ! Разберемъ здѣсь, что значатъ эти слова и какъ намъ должно понимать ихъ.

Радуйтесь Господеву съ трепетомъ. Мы должны, по слову Псалмопѣвца, *радоваться* предъ Господомъ и, въ то же время, *трепетать* предъ Нимъ. Радость и трепеть вмѣстѣ—что это такое? Какъ, повидимому, эти два столь противоположныя между собою чувства могутъ находиться въ одно и то же время въ сердцѣ человѣка? Чувство радости или чувство благополучія, мира, довольства, легкости, и чувство трепета или чувство опасенія, безпокойства, недовольства, мучительности—какъ далеки и непохожи между собою эти два чувства! Что-нибудь одно изъ двухъ: или радость съ ея пріятными ощущеніями, или же трепеть съ его непріятными ощущеніями. Средины между этими обоими чувствованіями, повидимому, нѣтъ и не можетъ быть. Но это только повидимому. На самомъ же дѣлѣ они должны постоянно находиться вмѣстѣ. Псалмопѣвецъ

вполнѣ примиряетъ и соединяетъ между собою эти чувства, когда говоритъ: *радуйтесь Ему*, т. е., Господеви, *съ трепетомъ*. Мы вполнѣ поймемъ эти слова его, если обратимъ вниманіе сначала на Бога и на самихъ себя, а затѣмъ на взаимныя отношенія между Нимъ и нами.

Кто есть Богъ, по ученію святой нашей вѣры? Онъ есть Творецъ и Промыслитель міра, есть нашъ Спаситель и Освятитель, Судія и Мздовоздаватель. А кто суть мы, по изображенію того же ученія? Мы—существа, сотворенныя по волѣ Господа и во всемъ зависимыя отъ Него, существа слабыя и ограниченныя и, притомъ, падшія и грѣховныя. Какія же, спросимъ теперь, существуютъ взаимныя отношенія между Богомъ и нами? Эти взаимныя отношенія справедливо можно обозначить двумя словами, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Со стороны Бога существуютъ отношенія, которыя могутъ быть выражены словами: *благодать* и *любовь*, со стороны же человѣка должны существовать отношенія, которыя могутъ быть выражены словами: *радость* и *трепетъ*. Мы не будемъ говорить здѣсь о томъ, въ чемъ состоятъ и выражаются свойства благодати и любви Божіей и свойства радости и трепета человѣческаго, а укажемъ лишь на взаимную связь этихъ послѣднихъ чувствъ въ отношеніи ихъ къ Господу.

Богъ есть Творецъ и Промыслитель міра. По волѣ Его, вслѣдствіе Высочайшей благодати и любви, сотворенъ былъ сначала этотъ видимый нами прекрасный міръ, а потомъ все живущее въ немъ и, наконецъ, человѣкъ—существо духовное и тѣлесное, который сталъ господствовать въ немъ и наполнять его собою. Чему же мы, живущіе въ этомъ мірѣ, должны радоваться предъ Господомъ? Мы должны радоваться тому, что Онъ возвелъ насъ изъ небытія къ бытію и сотворилъ *по образу Своему и по подобію*, т. е., далъ намъ душу, которую украсилъ богоподобными свойствами: разумомъ, свободою и бессмертіемъ; должны также радоваться тому, что Онъ чудесно промышляетъ о всемъ Своемъ мірѣ и, главнымъ образомъ, о человѣкѣ, вѣнцѣ Своего творенія. Но, радуясь этому возведенію нашему Господомъ предъ всѣми другими сотворенными существами на землѣ, мы въ то же время должны постоянно трепетать предъ Нимъ за свою малость и ничтоже-

ство и за свою полнѣйшую зависимость отъ Него во всѣхъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое мы, т. е., всѣ люди живущіе на землѣ, въ сравненіи съ Нимъ, Творцемъ всей вселенной? Это,—если сравнивать съ нашей точки зрѣнія,—едва примѣтное насѣкомое, ползающее по землѣ, которое ежеминутно можетъ быть уничтожено и совсѣмъ стерто съ ея лица.

Богъ есть Спаситель и Освятитель людей. Для спасенія падшаго и грѣховнаго человѣчества Онъ не пожалѣлъ Своего Единороднаго Возлюбленнаго Сына, *но за насъ всѣхъ предалъ Его* (Рим VIII, 32), Который сошелъ для этого на землю, пострадалъ и умеръ на крестѣ—и, этимъ крестнымъ подвигомъ Своимъ вполнѣ загладивъ вину перваго человѣка, согрѣшившаго предъ Господомъ, а затѣмъ и всѣхъ другихъ людей, какъ причастныхъ тому же грѣху по своей падшей природѣ,—*примирилъ насъ съ Богомъ кровію креста Своего* (2 Кор. V, 18; Кол. I, 20). Мало того, Онъ основалъ на землѣ Свою святую Церковь, которая съ тѣхъ поръ непрерывно освящаетъ вѣрующихъ людей своими божественными таинствами, приводящими ихъ въ общеніе съ Господомъ. Чему же теперь мы должны радоваться предъ Богомъ? Мы должны радоваться тому, что искупительный подвигъ Богочеловѣка Иисуса Христа далъ намъ право опять называть Бога своимъ Отцемъ (Гал. IV, 6) и Покровителемъ, а насъ самихъ—Его дѣтьми и братьями (1 Иоан. III, 1—2; Гал. III, 26; IV, 6—7; Мар. III, 33—35; Евр. II, 13); должны радоваться тому, что небо, заключенное нѣкогда для всѣхъ земнородныхъ, опять стало отверсто для насъ, куда мы можемъ входить теперь свободно чрезъ дверь основанной на землѣ Церкви Христовой, подъ условіемъ постоянного пользованія ея благотворными и спасительными таинствами. Но, радуясь ото всей души нашей этому осуществленію первоначальнаго назначенія нашего на небѣ (Филип. III, 20), мы должны въ то же время трепетать предъ Господомъ, остерегаясь, какъ бы не оскорбить Его своими грѣхами, творить которые зависятъ отъ нашей свободной воли, и какъ бы *не распять Его во второй разъ*,—распять въ своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и поступкахъ; должны трепетать за то, какъ бы намъ не очутиться внѣ общенія

съ Церковію Христовою, а вслѣдствіе этого и внѣ общенія съ Самимъ Богомъ, какъ Учредителемъ и Главою этой Церкви (Матѣ. XVI, 18; Ефес. V, 23).

Богъ есть нашъ Судія и Мздовоздатель. По кончинѣ этого міра, предопредѣленной Богомъ и находящейся во власти Его Одного (Мар. XIII, 32; Дѣян. I, 7), Онъ во второй разъ придетъ на землю, въ качествѣ Судіи и Мздовоздателя, чтобы „праведно судить вселенную“ и „воздать каждому по дѣламъ его“ (Дѣян. XVII, 31; Римл. I, 32; Ис. 95, 13; Римл. II, 6). Тогда, по приговору Его, „праведники пойдутъ въ жизнь вѣчную, а грѣшники въ муку вѣчную“ (Матѣ. XXV, 46). Чему же мы должны радоваться, при воспоминаніи объ этомъ второмъ пришествіи Господа на землю? Мы должны радоваться справедливости и безпристрастности или *impartialitio* (Римл. II, 11) этого Высшаго Судіи, Которымъ не будутъ забыты тогда не только добрыя дѣла, какія кто-либо творилъ изъ насъ ближнимъ нашимъ, но даже добрыя намѣренія, какія кто имѣлъ въ своемъ сердцѣ, чтобы воздать за это каждому соотвѣтствующую наградою; должны радоваться тому, что благочестіе и добродѣтель, которыя не всегда достойнымъ образомъ оцѣниваются людьми въ здѣшней жизни, будутъ вполне оцѣнены и награждены Господомъ въ будущей вѣчной жизни такими благами, которыхъ „око не видѣ и ухо не слыша“ и которыя „на сердцѣ человѣку не взыдоша“ (Ис. 64, 4; 1 Кор. II, 9). Но, радуясь этому будущему пришествію Господа на всеобщій судъ людей, мы должны въ то же время постоянно трепетать предъ Нимъ, ибо тогда Онъ явится не въ уничтоженіи, какъ приходилъ въ первый разъ на землю пострадать за насъ, а *во славу Своей, и вси святіи Ангели съ Нимъ* (Матѣ. XXV, 31); должны трепетать потому, что этотъ всеобщій судъ, на который Онъ *придетъ*, будетъ не только *праведный*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *страшный*: тогда „совѣсть каждого человѣка откроется предъ всѣми, обнаружатся и будутъ осуждены не только всѣ дѣла, какія кто сдѣлалъ во всю свою жизнь на землѣ, но и всѣ сказанныя слова, тайныя желанія и помышленія“ (Матѣ. XII, 36; 1 Кор. IV, 5); должны трепетать за свою вѣчную участь, которая можетъ постигнуть насъ на этомъ страшномъ судѣ, — трепетать именно за то,

какъ бы намъ не подвергнуться одинаковой участи со всѣми грѣшниками, имѣющими быть осужденными Богомъ на вѣчную погибель и мученія; должны, наконецъ, трепетать потому, что этотъ судъ Божій будетъ послѣдній, т. е., что приговоръ на немъ будетъ для насъ окончательный и рѣшительный и что надежды на возвращеніе намъ болѣе лучшей участи, нежели какаѣ насъ постигнетъ тогда, не будетъ уже никакой.

Такъ мы видимъ, что радость и трепеть въ отношеніи къ Господу должны постоянно находиться вмѣстѣ и идти, такъ сказать, рука объ руку въ жизни христіанина. Эта же самая взаимная связь ихъ подтверждается и многими примѣрами изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, на нѣкоторые изъ которыхъ укажемъ въ настоящее время. Радость и трепеть замѣтны были на Синаѣ въ присутствовавшемъ тамъ народѣ еврейскомъ въ то время, когда ему данъ былъ Богомъ чрезъ вождя Моисея нравственный законъ и нѣкоторые другіе, церковныя и гражданскіе, законы. Въ книгѣ Исходъ повѣствуется, что „на третій день“, послѣ того какъ народъ пришелъ въ пустыню Синайскую, „при наступленіи утра, были громы, и молніи, и густое облако надъ горою (Синайскою) и трубный звукъ весьма сильный, и *вострепеталъ* весь народъ, бывший въ станѣ“ (Исх. XIX, 16). Это было именно тогда, когда Господь говорилъ Моисею десять заповѣдей закона Своего. Спустя нѣкоторое время послѣ этого событія, когда даны были еврейскому народу различныя церковныя и гражданскіе законы, „пришелъ Моисей, — какъ повѣствуется въ той же книгѣ Исходъ, — и пересказалъ народу всѣ слова Господни и всѣ законы, и отвѣчалъ весь народъ въ одинъ голосъ, и сказалъ: все, что сказалъ Господь, сдѣлаемъ (и будемъ послушны). И написалъ Моисей всѣ слова Господни, и, вставъ рано поутру, поставилъ подъ горою жертвенникъ и двѣнадцать камней, по числу двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ. И послалъ юношей изъ сыновъ Израилевыхъ, и принесли они всесожженія, и заклали тельцовъ въ мирную жертву Господу (Богу). Моисей, взявъ половину крови, влилъ въ чаши, а другою половиною окропилъ жертвенникъ. И взялъ книгу завѣта, и прочиталъ въ слухъ народу, и сказали они: все, что ска-

заль Господь, сдѣлаемъ, и будемъ послушны. И взялъ Моисей крови, и окропилъ народъ, говоря: вотъ кровь завета, который Господь заключилъ съ вами о всѣхъ словахъ сихъ“ (Исх. XXIV, 3—8). На что указываетъ въ этихъ словахъ, какъ не на радостное событіе заключенія завета Божія съ народомъ израильскимъ? Правда, писатель книги Исходъ не говоритъ здѣсь прямо о томъ, что народъ радовался и веселился по случаю этого событія; но эта радость сама собою подразумѣвается въ этихъ словахъ. Въ нихъ, кажется, ясно сказано: „заключили тельцовъ въ мирную жертву Господу“. А гдѣ миръ, тамъ, конечно, и радость или счастье, довольство, благополучіе...

Радость и трепетъ мы видимъ также на Оаворѣ въ присутствовавшихъ тамъ ученикахъ Господнихъ: Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, во время славнаго преображенія ихъ Учителя. Когда Іисусъ Христосъ, какъ повѣствуетъ намъ св. евангелистъ Матѳей, преобразился предъ учениками Своими, такъ что просіяло лице Его, какъ солнце, одежды же Его сдѣлались бѣлыми, какъ свѣтъ; и когда явились имъ Моисей и Ілія, съ Нимъ бесѣдующіе: тогда одинъ изъ учениковъ Его апостоль Петръ сказалъ Ему: *Господи, добро есть намъ здѣ быти: аще хочещи, сотворимъ здѣ три шани, тебѣ едину, и Моисеови едину, и едину Ілїи* (Матѳ. XVII, 2—5). Что выразилось въ этихъ словахъ ап. Петра? Въ нихъ выразилось именно радостное душевное состояніе учениковъ Господнихъ, объятыхъ чуднымъ видѣніемъ преображенія своего Учителя. Но смотрите далѣе, какая произошла съ ними внезапная перемена. Не успѣлъ еще окончить своихъ словъ ап. Петръ, какъ осѣнилъ ихъ свѣтлый облакъ и послышался голосъ изъ облака глаголющій: *сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ: того послушайте. И слышавше ученицы, — замѣчаетъ евангелистъ, — падоша ницы, и убояшася зго. Такъ быстро смѣнилось ихъ пріятное чувство радости въ отношеніи къ своему Учителю непріятнымъ чувствомъ трепета, продолжавшимся до тѣхъ поръ, пока Онъ Самъ не успокоилъ ихъ. И приступль Іисусъ, прикоснуся ихъ, и рече: востаните, и не бойтеся* (ст. 5—7).

Радость и трепетъ мы видимъ еще въ Маріи Магдалинѣ и другой Маріи, когда онѣ, по прошествіи субботы, на разсвѣтѣ перваго дня недѣли, пришли посмотрѣть во гробъ, гдѣ лежало тѣло умершаго Іисуса. Когда же онѣ не нашли тамъ того, чего искали, а встрѣтили Ангела, который сказалъ имъ, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, и просилъ ихъ — передать эту вѣсть ученикамъ Его: тогда онѣ, *изшедше скоро отъ гроба со страхомъ и радостію великою, текосте возвѣстити ученикомъ его* (Матѳ. XXVIII, 1—8). Или, какъ это же самое событіе описывается у Евангелиста Марка, онѣ — жены *изшедше, бѣжаша отъ гроба, — побѣжали, конечно, съ радостною вѣстію о воскресеніи Христовомъ, потому что Ангелъ говорилъ имъ: не ужасайтеся; — и мяше же ихъ трепетъ и ужасъ: и никому же ничто же рѣша: бояхубося* (Марк. XVI, 8) Изъ этихъ словъ ясно, что трепетъ и ужасъ объятъ ихъ снова уже на пути слѣдованія къ ученикамъ Христовымъ; до того же времени онѣ, подъ вліяніемъ словъ Ангела, были свободны отъ этого чувства. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ трудно уловить моментъ окончанія радости и наступленія трепета или, другими словами, трудно отдѣлать ихъ другъ отъ друга: такъ незамѣтно переплетаются и соединяются они между собою...

Радость и трепетъ, наконецъ, заповѣдуетъ намъ св. Церковь, когда, на примѣръ, въ одной изъ своихъ молитвъ, именно въ молитвѣ предъ причащеніемъ Св. Таинъ, заставляетъ обращаться христіанъ съ такими словами къ Господу Богу: *радуясь окупъ и трепеща, огневи причащаюся, трава сгнй* (Молитва 7-я)...

То же самое соединеніе этихъ обоихъ чувствъ вмѣстѣ, только не въ отношеніи ихъ къ Богу, а въ отношеніи къ другимъ людямъ, мы можемъ видѣть и въ обыкновенной жизни каждаго человѣка на землѣ. Ежедневный опытъ и наблюденіе даютъ намъ въ этомъ отношеніи много поучительныхъ примѣровъ. Не случается ли намъ, на примѣръ, испытывать эти чувства вмѣстѣ, почти въ одно и то же время, когда мы отправляемся въ далекое и опасное путешествіе? Воспоминаніе о цѣли нашего путешествія и мысленное достиженіе ея возбуждаетъ въ нашемъ сердцѣ радостное чувство; опасности

же, которыя намъ могутъ встрѣтиться во время этого путешествія и помѣшать его осуществленію, вызываютъ въ душѣ нашей страхъ и трепеть за свою участь и за участь другихъ людей, если путешествіе касается ихъ блага и интересовъ. Или: не приходится ли намъ видѣть самихъ себя въ подобномъ же радостномъ и трепетномъ состояніи, когда мы получаемъ какое-нибудь неожиданное извѣстіе, напр., письмо, телеграмму и т. п.? Не зная еще навѣрное объ этомъ извѣстїи: отъ кого оно и про что въ немъ говорится, мы тогда боимся и трепещемъ; когда же, читая, мы узнаемъ о содержаніи его, тогда мы быстро измѣняемся: страхъ и трепеть нашъ легко разрѣшается и переходитъ въ чувство радости и довольства.

Какую-же однако связь имѣетъ все сказанное нами относительно чувствъ страха и радости съ воспоминаемымъ нами нынѣ событіемъ?— Самую близкую и тѣсную! Мы торжественно воспоминаемъ нынѣ шестую годовщину великаго событія, случившагося въ Россїи,—чудснаго спасенія Богомъ нашего Государя Императора и Его Августейшаго Семейства отъ смертной опасности при крушеніи царскаго поѣзда близъ станціи Борки Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги. Какія-же, спросимъ, чувства должны пробуждаться у насъ въ настоящія минуты, при воспоминаніи этого событія? Чувства-ли радости, или же чувства страха и трепета? И тѣ и другія вмѣстѣ. Мы должны *радоваться Богу* о чудесномъ спасеніи нашего Царя и Его Семейства, по слову Псалмопѣвца, *съ трепетомъ*. Укажемъ здѣсь основанія, почему намъ должно нынѣ не только *радоваться*, но и *трепетать*.

Мы должны нынѣ радоваться предъ Господомъ тому, что Онъ чудеснымъ образомъ спасъ своего Помазанника, когда Ему не оставалось уже никакой надежды на спасеніе, спасъ не только Его Одного, но и все Его Семейство, которое вышло цѣлымъ и невредимымъ изъ величайшей опасности, какой оно подвергалось, — спасъ всю Россію, весь русскій народъ: ибо съ погибелью Царя и Его близкаго Семейства неразрывно была бы соединена гражданская погибель насъ самихъ и всего нашего отечества. Вотъ чему должны мы нынѣ радоваться, сугубо радоваться предъ Господомъ! А о чемъ должны мы нынѣ трепетать предъ Нимъ? Мы дол-

жны трепетать о томъ, что воспоминаемое нами нынѣ чудесное событіе было не одною только милостію Божіею къ намъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было также грознымъ явленіемъ Божества, сопровождавшимся нѣсколькими случаями смерти и раненія людей, должны трепетать о томъ, что мы находились тогда на краю страшной опасности и гибели, потому что это событіе было „праведнымъ гнѣвомъ Божіимъ, движимымъ на насъ“ за наши грѣхи и беззаконія, переполнившіе собою мѣру долготерпѣнія Божія къ намъ. А что этотъ гнѣвъ Божій хотѣлъ было обрушиться именно на нашего Царя и Его Семейство, примѣры этого мы можемъ видѣть изъ ветхозавѣтной исторїи, которая показываетъ намъ, что Господь иногда лишалъ народы, за ихъ грѣхи и беззаконія, благочестивыхъ и добродѣтельныхъ царей. Такъ, на примѣръ, народъ іудейскій лишенъ былъ своего благочестиваго царя Іосїа, который, выступивъ въ походъ противъ египетскаго фараона Нехао, въ первомъ сраженіи съ нимъ получилъ смертельную рану и умеръ еще въ цвѣтѣ лѣтъ (2 Парал. XXXV, 22—24). Случай-же съ іудейскимъ царемъ Езекией, которому пророкомъ Исаїей отъ имени Божія объявлено было, чтобы онъ готовился къ смерти, и который, послѣ усердной молитвы своей къ Богу о продленіи ему жизни на землѣ, прожилъ еще цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ, — этотъ случай, говоримъ, вполне подходитъ къ настоящему празднуемому нами, событію, если не съ виѣшной стороны своей, то по крайней мѣрѣ съ внутренней (Ис. XXXVIII, 1—5). Господь сохранилъ царя Езекию, какъ говорилъ ему пророкъ Исаїа, для *устроенія* его царства, еще не вполне умиротвореннаго и сильно расшатаннаго при прежнемъ нечестивомъ царѣ его Ахазѣ. Точно также Господь сохранилъ и далъ жизнь нашему благочестивому Царю, для того, чтобы Онъ могъ устроить свое царство, укрѣпить и возвеличить его во всѣхъ отношеніяхъ, въ политическомъ, церковномъ, религіозно-нравственномъ и др. Но съ какою бы цѣлію Господь ни сохранилъ Своего Помазанника, мы никогда не должны забывать, что въ этомъ чудесномъ событіи обнаружилось двоякое проявленіе Божества: грозное и милостивое. Въ немъ мы видѣли со стороны Бога подтвержденіе словъ Священнаго

Писанія, относящихся къ Его божественнымъ свойствамъ: *милость и истина срътосться, правда и миръ облобызастся* (Псал. 84, 11). „Богъ, — скажемъ словами Апостола Павла, — желая показать гнѣвъ и явить могущество Свое, съ великимъ долготерпѣніемъ пощадилъ сосуды гнѣва, готовые къ погибели, дабы вмѣстѣ явить богатство славы Своей надъ сосудами милосердія, которые Онъ приготовилъ къ славъ, надъ нами, которыхъ Онъ призвалъ не только изъ Іудеевъ, но и изъ язычниковъ“ (Рим. IX, 22—24). Поэтому и съ нашей стороны должно быть двоякое обнаруженіе чувствъ въ отношеніи къ Богу: радостное и трепетное.

Итакъ, „да возрадуемся“, сыны Россіи—этого новаго Сіона, „о Царѣ своемъ“ (Пс. 149, 2); да возрадуемся тому, что Господь не только спасъ Своего Помазанника, но вмѣстѣ съ тѣмъ возвеличилъ и прославилъ Его. И по-истинѣ, скажемъ словами св. Псалмопѣвца, „велика слава его во спасеніи Его“! (Пс. XX, 6). Но, радуясь этому возвеличенію Господомъ нашего Царя, въ то же время и да трепещемъ предъ Господомъ, „да трепещеть предъ лицемъ Его вся земля“ (Пс. 95, 9) русская именно о томъ, что она ежеминутно можетъ лишиться своего царя—этого второго Езекии по духу вѣры и благочестія, лишиться, подобно народу іудейскому, за свои грѣхи и беззаконія! *Господи, спаси Царя, и услыши ны, въ онъже еще день призовемъ Тя* (Пс. XIX, 10),—услыши насъ особенно въ настоящіе дни усиленнаго моленія нашего, по случаю постигшей Его тяжелой болѣзни, объ укрѣпленіи силъ Его душевныхъ и тѣлесныхъ и о восстановленіи драгоцѣннаго Его здоровья для благоденствія и славы Россіи! Вмѣстѣ съ сохраненіемъ жизни возлюбленнаго Государя Нашего, „спаси“ также „люди твоя“—весь русскій православный народъ „и благослови достояніе Твое“ (троп. воздвиж.)! Теплая и усердная молитва объ этомъ пусть никогда не сходитъ съ устъ нашихъ Аминь.

К О Н Е Ц Ъ .

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	Стр.
Предисловіе отъ автора	3
1. Рѣчь при вступленіи въ должность настоятеля Петропавловской домовой церкви, что при бывшей Петровской Сельско-хозяйственной Академіи, нынѣ Московскомъ Сельско-хозяйственномъ Институтѣ, въ Петровскомъ—Разумовскомъ, произнесенная передъ всенощной, послѣ прочтенія съ амвона ставленой священнической грамоты, въ субботу 6-го февраля 1893 года	5
2. Слово, произнесенное послѣ совершенія въ первый разъ Божествен- ной литургіи въ Петропавловской, что въ Петровскомъ—Разумов- скомъ, церкви, въ воскресенье 7-го февраля 1893 года. <i>О взаимныхъ обязанностяхъ пастырей и пасомыхъ</i>	15
3. Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государи Императора Александра Александровича, 26-го февраля 1893 года. <i>О религіозно— православномъ воспитаніи въ семьѣ и школѣ</i>	31
4. Слово въ третью недѣлю Великаго поста—крестопоклонную, 28-го февраля 1893 года. <i>Объ обязанностяхъ христіанина, какъ ученика и по- слѣдователя Господа</i>	35
5. Слово въ день восшествія на Престолъ Благочестивѣйшаго Госу- даря Императора Александра Александровича, 2-го марта 1893 года. <i>О главныхъ началахъ народной жизни, заглаженныхъ намъ нашей древней исторіей</i>	40
6. Слово въ четвертую недѣлю Великаго поста, 7-го марта 1893 года	43
7. Слово предъ совершеніемъ благодарственного Господу Богу молеб- ствія по случаю великой милости Благочестивѣйшаго Государи Им- ператора Александра Александровича, оказанной Имъ православно— россійскому духовенству, 14-го марта 1893 года. <i>О значеніи право- славно—россійскаго духовенства</i>	47

8. Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и въ Великій Четвертокъ, 25-го марта 1893 года 58
9. Слово предъ Плащаницею въ Великій Пяттокъ, 26-го марта 1893 года. *О томъ, чему научаетъ насъ гробъ Христова въ жизни христіанской* 60
10. Слово въ недѣлю Ангинаехи (о Оомѣ), 4-го апрѣля 1893 года. *На чемъ утверждалась опра Апостоловъ и на чемъ утверждается наша опра въ божественность Исуса Христа* 64
11. Рѣчь въ день отданія праздника Пасхи, 5-го мая 1893 года 67
12. Слово въ день Вознесенія Господня, 6-го мая 1893 года. *О томъ, какое благо даровано намъ въ событіи Вознесенія Господня на небо съ пречистою плотію Своею* 69
13. Беседа (виѣбогослужебная). *О театральныя зрѣлища и соискской литературѣ* 77
14. Слово въ день святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, 29-го іюня 1893 года. *Объ отношеніи современныхъ христіанъ къ пастырской проповѣди въ церкви* 87
15. Рѣчь при бракосочетаніи Г. А. Н—Б съ А. С. Б—ъ, 30-го іюня 1893 года 99
16. Слово въ день празднованія въ честь иконы Казанской Божіей Матери, 8-го іюля 1893 года. *О христіанскомъ послушеніи ближнихъ нашихъ* 104
17. Рѣчь, произнесенная по окончаніи божественной литургіи и молебна, исполненныхъ хоромъ слѣпыхъ дѣтей, находящихся въ составѣ подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Московскомъ учебно—воспитательномъ заведеніи, 20-го іюля 1893 года 110
18. Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, 15-го августа 1893 года. *О достойномъ приготовленіи къ христіанской кончинѣ* 116
19. Беседа въ день празднованія Нерукотворенному Образу Господа нашего Исуса Христа, 16-го августа 1893 года. *О божественномъ образѣ Господа нашего Исуса Христа* 119
20. Слово въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича, 30-го августа 1893 года. *О любви къ царю и отечеству земному, какъ средство, чрезъ которое мы научаемся любви къ Царю и Отечеству небесному* 128
21. Рѣчь послѣ молебна при началіи ученія въ церковно—приходской школѣ, что при Петропавловской въ Петровскомъ—Разумовскомъ церкви, 7-го сентября 1893 года 135

22. Слово при поминованіи усопшихъ, въ Дмитріевскую субботу, 23-го октября 1893 года. *О томъ, какъ мы должны смотреть и относиться къ кончинѣ нашихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ* 137
23. Слово въ день празднованія въ честь иконы Божіей Матери во имя „всѣхъ скорбящихъ Радость“, 24-го октября 1893 года. *Объ истинно—христіанской скорби и радости* 143
24. Беседа (виѣбогослужебная) въ двадцать шестую недѣлю по Пятидесятницѣ на Евангельское чтеніе отъ Луки (Гл. XII, ст. 16—21). *Объясненіе притчи Христа Спасителя о безумномъ богачѣ* 147
25. Слово въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы и въ день воспоминанія торжественнаго акта, происходившаго въ стѣнахъ Петровской Сельскохозійственной Академіи, 21-го ноября 1893 года. *О взаимной связи храма со школою въ дѣль христіанскаго духовнаго образованія* 163
26. Слово при отпѣваніи въ Бозѣ скончавшагося Космы Амилеевича Кречетова, 27-го ноября 1893 года 173
27. Слово въ день Рождества Христова, 25-го декабря 1893 года. *О томъ, какіе дары мы—земнородные можемъ приносить Христу Божечеловѣку* 183
28. Двѣ бесѣды (виѣбогослужебныя). *Объ истинномъ счастьи съ христіанской точки зрѣнія* (по поводу публичной лекціи г. Боборыкина: „что такое счастье“) 189
29. Слово при отпѣваніи потомственной почетной гражданки Анны Ивановны Локишъ, 21-го января 1894 года 233
30. Слово въ день Срѣтенія Господня, 2-го февраля 1894 года. *О томъ, гдѣ мы можемъ видѣть и срѣтать Господа въ жизни своей на землѣ* 240
31. Слово въ сороковой день по кончинѣ преосвященнѣйшаго Теофана, бывшаго епископа Тамбовскаго и Владимірскаго, 13-го февраля 1894 года 243
32. Слово въ недѣлю торжества православія и въ день празднованія вошествія на Всероссійскій Престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича, 6-го марта 1894 года. *О трехъ главнѣйшихъ началахъ нашей жизни: православіи, самодержавіи и народности* 250
33. Слово во святую и Великую Субботу, 16-го апрѣля 1894 года 261
34. Рѣчь предъ сборомъ пожертвованій въ пользу жителей греческаго королевства, пострадавшихъ отъ землетрясенія, 26-го мая 1894 года. *О томъ, съ какими чувствами и расположеніями мы должны относиться къ греческой Церкви и о тѣхъ способахъ и мѣрахъ, какіе должны принять по отношенію къ ея состоянію въ настоящее время* 266

35. Три бесѣды (внѣбогослужебныя). *О цѣли человѣческой жизни* . . . 278
36. Три бесѣды (внѣбогослужебныя). *О христіанскомъ взглядѣ на природу и на самихъ себя въ дѣль веденія нами сельскаго хозяйства* 335
37. Слово въ день тезоименитства Благодѣстивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича, 30-го августа 1894 года. *О причинахъ упадка и оскуднѣнія и о средствахъ поднятія и возвышенія сельскаго хозяйства въ русскомъ народѣ съ религіозно—христіанской точки зрѣнія* 376
38. Рѣчь на открытіе Московскаго Сельско-хозяйственнаго Института на мѣстѣ бывшей Петровской Сельско-хозяйственной Академіи въ Петровскомъ—Разумовскомъ, 26-го сентября 1894 года. 395
39. Слово въ день шестой годовщины чудеснаго событія „17-го октября 1888 года“, 17-го октября 1894 года. *О взаимной связи чувствъ радости и трепета въ отношеніи къ Господу Богу* 401

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
3	7 св.	другихъ	другихъ,
5	3 —	промысла	Промысла
6	8 —	первостепенныя	первостепенныя
11	1 —	ея въ	ея (въ
15	5 св.	пасомыхъ,	пасомыхъ.
—	12 —	другимъ	другими
17	4 —	Христомъ	Христомъ.
—	8 св.	для того	для того,
19	3 —	чтенія“ Прот.	чтенія“, прот.
22	3 —	чтенія“. прот.	чтенія“, прот.
27	11 св.	уподобились.	уподобилсь,
32	15 —	всегда	всегда.
39	11 св.	обязан‘	обязан—
105	3 св.	Елисаветы	Елисаветы,
106	16 св.	„И	„и
—	11 —	а	а,
—	1 —	Тамъ же	Тамъ же.
107	11 св.	достопримѣчательное.	достопримѣчательное,
108	16 —	овсѣмъ	совсѣмъ
120	1 —	изобрающія	изобрающія
130	8 —	себя	себя.
132	6 —	если	еси
—	12 —	понятно.	понятно,
134	8 св.	господствующаго,	господствующаго,
133	14 —	напр,	напр.,
146	2 —	также,	также,
163	10 —	Академіи	Академіи,
164	16 ветхозавѣтнаго	ветхозавѣтнаго	ветхозавѣтнаго
170	1 св.	вѣры‘	вѣры,
172	6 —	дѣль	дѣль
177	10 —	дѣла.	дѣла,

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
180	10 —	упорный.	упорный,
183	8 —	Христова	Христова,
—	18 —	подарковъ	подарковъ
109	15 —	(въ богослужбныхъ)	(въ богослужбныхъ)
190	17 —	счастье	счастье
197	7 сн.	мы,	мы
213	16 св.	I	I.
221	9 —	жизни	жизни.
237	9 сн.	ночи!..	ночи!..
246	11 св.	возм ожно,	возможно,
289	9 —	Посмот римъ	Посмотримъ,
—	10 —	жизн и	жизни.
326	11 сн.	входить	входить,
332	16 —	остонавливались	останавливались
334	5 —	Аминь	Аминь.
352	4 св.	разсматриваемой	разсматриваемой
353	10 —	есть.	есть,
—	16 —	вътру,	вътра,
357	15 —	хозяйства	хозяйства.
373	7 сн.	дѣлателя	дѣлателя,
374	18 —	спастись	спастись,
379	9 св.	прежде,	прежде.
396	3 —	Институту	Институту
—	10 —	открываемого	открываемого